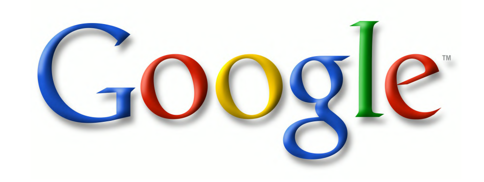
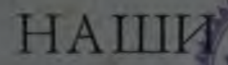


LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

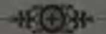
НАШИ



ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ

СОЧИНЕНІЕ

АВТОРА «СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ»



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1890

[redacted]

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

> На свѣтѣ гораздо труднѣе избѣгнуть критики, нежели заслужить рукоплесканія. Одинъ блестящій подвигъ за сто лѣтъ можетъ составить славу, но чтобы избѣгнуть критики, надобно, чтобы человѣкъ всю свою жизнь ничего не сказалъ и не сдѣлалъ дурного.
>
> *(Съ англійскаго).*

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

> На свѣтѣ гораздо труднѣе избѣгнуть критики, нежели заслужить рукоплесканія. Одинъ блестящій подвигъ за сто лѣтъ можетъ составить славу, но чтобы избѣгнуть критики, надобно, чтобы человѣкъ всю свою жизнь ничего не сказалъ и не сдѣлалъ дурного.
>
> *(Съ англійскаго).*

СОДЕРЖАНІЕ.

III. Мореплаватели:

IV. Финансовые дѣятели въ XIX столѣтіи:

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происхожденіе предлагаемой книги случайное. Авторъ вовсе не претендуетъ быть русскимъ Плутархомъ, даже полу-Плутархомъ, или четверть-Плутархомъ. Занимаясь долгіе годы публицистикою, ему приходилось (преимущественно въ „Новомъ Времени") дѣлать характеристики болѣе или менѣе крупныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей въ моментъ выступленія ихъ на сцену, при оставленіи должностей, иногда въ моментъ смерти, юбилея или постановки монумента. Нѣкоторыя изъ подобныхъ характеристикъ такъ были кратки, что утратили всякое значеніе, но набралось нѣсколько десятковъ и такихъ, которыя могутъ быть собраны въ отдѣльную книгу и въ общей связи представить хотя нѣкоторый интересъ.

Предъявлять строгія требованія къ подобнаго рода сборнику нельзя. Это не біографическій словарь и даже не характеристика всѣхъ важнѣйшихъ дѣятелей новѣйшаго времени въ Россіи. Вмѣсто таковой авторъ предпочелъ бы, во избѣжаніе повторенія, сдѣлать краткій очеркъ событій послѣднихъ тридцати лѣтъ; такого очерка, къ стыду нашему, до сихъ поръ нѣтъ на русскомъ языкѣ.

Задача автора облегчалась бы тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія не богата замѣчательными людьми. Свою жизнь и движеніе народъ проявляетъ въ своихъ представителяхъ, вотъ почему исторія по преимуществу имѣетъ дѣло съ лицами стоявшими во главѣ народа и вообще съ тѣми дѣя-

телями, посредствомъ которыхъ онъ проявляетъ себя въ разныхъ сферахъ общественнаго развитія. „Народная масса, справедливо говоритъ г. Иловайскій, есть не что иное—какъ этнографическая почва, которая выдѣляетъ изъ себя дѣйствующія лица". Эта почва у насъ скудна, какъ и вообще русская почва; быть можетъ она даетъ плохіе урожаи и по побочнымъ обстоятельствамъ, какъ не отличается урожаемъ русская почва и тамъ, гдѣ по составу, казалось бы, она не должна уступать никакой другой странѣ. По части государственнаго управленія, которое есть только искусство управлять людьми, Россія впрочемъ никому не уступитъ, какъ показываютъ результаты ея исторіи; но гораздо слабѣе въ ней дѣятельность общественная и въ области самоуправленія; совсѣмъ слаба она по части наукъ и искусствъ. Народъ нашъ добръ, за то еще очень мало культуренъ; въ этомъ не грѣхъ сознаваться.

Набросанныя наскоро для газетъ, предлагаемыя характеристики не могутъ претендовать на полноту и строгую систему въ изложеніи. Фактическія неточности исправлены, при помощи преимущественно нашихъ прекрасныхъ историческихъ журналовъ „Русскій Архивъ" г. Бартенева и „Русская Старина" г. Семевскаго. Прочіе источники, къ которымъ приходилось обращаться, указаны въ текстѣ книги.

Автора упрекнутъ и за полемическій, и за панегирическій въ нѣкоторыхъ очеркахъ тонъ. „Вѣдь можно бы было поговорить кое о чемъ, такъ себѣ кругленько и жиденько, пошевеливая перомъ безъ всякаго участія сердца, въ родѣ того, какъ пишутъ въ канцеляріяхъ"—иронически замѣчаетъ Кокоревъ въ своихъ „Экономическихъ провалахъ". Конечно можно было бы, но предлагаемые очерки явились на почвѣ состязательнаго обсужденія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ въ періодической печати—это единственный ихъ raison d'être; передѣлывать ихъ коренным образомъ не стоило; такая задача была бы равносильна желанію написать вновь всю книгу.

[redacted]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ ПРОШЛАГО ЦАРСТВОВАНІЯ

Государственные дѣятели прошлаго царствованія *).

Двадцатишестилѣтіе царствованія, полнаго великихъ событій на поприщахъ гражданскомъ, дипломатическомъ и военномъ, требовало, конечно, ближайшаго содѣйствія императору Александру II многихъ людей и выдвинуло впередъ не мало государственныхъ дѣятелей. Слѣдующій ниже очеркъ имѣетъ цѣлью, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, указать, кто были главными помощниками государя въ его великодушныхъ намѣреніяхъ и на комъ лежала тяжесть непосредственнаго исполненія монаршихъ предначертаній. При этомъ не надобно упускать изъ виду условій нашего государственнаго порядка: министры въ Россіи не являются самостоятельными представителями извѣстныхъ партій или фракцій, а по смыслу закона только суть непосредственные исполнители воли государя. Соотвѣтственно сему и личная инціатива ихъ сравнительно гораздо болѣе ограничена, нежели въ Западной Европѣ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ и простое даже исполненіе извѣстныхъ обязанностей можетъ быть дѣлаемо съ тысячами разнообразныхъ оттѣнковъ, смотря по темпераменту лица и его личнымъ убѣжденіямъ, то и наши государственные люди несомнѣнно вносили и вносятъ всегда долю своего собствен-

*) Очеркъ этотъ былъ помѣщенъ въ „Новомъ Времени" по случаю 25-лѣтія царствованія покойнаго государя. Мы его пополнили данными за послѣдній годъ царствованія.

наго самостоятельнаго участія въ дѣла внутренней и внѣш-
ней политики Россіи.

Вслѣдствіе этого, хотя у насъ нѣтъ никакихъ организ-ванныхъ партій, но сумма извѣстныхъ воззрѣній позволяет каждому, даже поверхностному наблюдателю, безъ особа труда различать: какого главнаго направленія, консерва-тивнаго или прогрессивнаго, держится извѣстный государ-ственный дѣятель, дѣйствуетъ ли онъ преимущественно в сферѣ личныхъ интересовъ или же всецѣло поглощенъ за-ботами объ общемъ благѣ и т. д.

Заслуживаетъ также вниманія, что общее число на-шихъ государственныхъ дѣятелей не велико, что зависит отъ продолжительности пребыванія каждаго у власти. Бы сосчитано, что въ Австріи за 25 лѣтъ, со времени падені Меттерниха, смѣнилось 210 министровъ. Какъ ни велик эта цифра, но она значительно менѣе числа министров перемѣнившихся въ такихъ государствахъ, какъ Испані или Греція, гдѣ рѣдкій министръ занимаетъ свой пост долѣе трехъ мѣсяцевъ. Мы сосчитали число министров управлявшихъ разными министерствами въ то же врем въ Россіи, и опредѣлили его въ 45, въ томъ числѣ но-выхъ министровъ было назначено у насъ только 34, - именно министровъ внутреннихъ дѣлъ и почтъ и мини-стровъ народнаго просвѣщенія по 5, министровъ путей со-общенія — 4, министровъ военныхъ, морскихъ, финансовъ государственныхъ имуществъ и государственныхъ контро-леровъ по 3, министровъ юстиціи и императорскаго двора— 2 и иностранныхъ дѣлъ—1. Такимъ образомъ средняя про-должительность каждаго министерскаго управленія соста-вляла слишкомъ пять съ половиною лѣтъ.

Отчего зависитъ такая продолжительность, сравнительн съ практикою, выработавшейся въ иностранныхъ государ-ствахъ? Составляетъ ли эта продолжительность нѣчто за-висимое отъ политическаго устройства нашего государств или она лежитъ исключительно въ случайныхъ обстоятель-ствахъ? Интересенъ также вопросъ, что выгоднѣе—частая

или рѣдкая перемѣны министровъ, и какое вліяніе оказываетъ эта перемѣна на теченіе дѣлъ въ высшемъ государственномъ управленіи?

Нѣтъ сомнѣнія, что безпрерывная перемѣна министерствъ и министровъ, замѣчаемая въ нѣкоторыхъ государствахъ, показываетъ только крайнюю незрѣлость послѣднихъ въ политическомъ отношеніи. Всѣ министерскія комбинаціи и перетасовки именъ въ Италіи, Испаніи, Греціи и Румыніи свидѣтельствуютъ, что въ государствахъ этихъ управленіе, устроенное по теоретическимъ соображеніямъ, лишено тѣхъ реальныхъ основъ, на которыхъ зиждется политическая жизнь народа.

Парламентарная система требуетъ для своего механизма существованія опредѣленныхъ политическихъ партій, но партій не въ смыслѣ политическихъ партій Франціи, готовыхъ во имя претендента, или отвлеченныхъ принциповъ, утопить другъ друга въ ложкѣ воды и понимающихъ побѣду лишь по толкованію американскаго президента Ванъ-Бурена, что „добыча должна принадлежать побѣдителямъ“. Партіи, если онѣ желаютъ быть не ничтожными фракціями, а принимать участіе въ государственномъ управленіи, должны не расходиться въ основныхъ взглядахъ на устройство государства, но разнствовать только относительно выбора средствъ къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, относительно медленности или скорости въ проведеніи извѣстныхъ преобразованій, и т. п. Образцомъ такихъ партій всегда будутъ служить англійскіе торіи и виги; хотя одинъ изъ нашихъ публицистовъ и назвалъ „вознею“ ихъ борьбу, но эта-то возня, вращающаяся, повидимому, на личностяхъ, и есть то здоровое отправленіе англійскаго государственнаго организма, которое составляетъ только отдаленный идеалъ для континентальныхъ государствъ.

Въ Италіи, наоборотъ, возможна самая ожесточенная парламентская борьба, потому что она ведется не только внѣ государственныхъ потребностей, но даже и внѣ интересовъ партій. Причина тому простая: партій въ Италіи

нѣтъ, а есть только котеріи, часто мѣняющія свои программы и предводителей, соединяющіяся, раздѣляющіяся и, въ концѣ концовъ, весьма смутно отдающія себѣ отчетъ въ своихъ стремленіяхъ и желаніяхъ. Это отсутствіе большихъ, прочно организованныхъ партій и составляетъ, по отзыву лучшихъ государственныхъ дѣятелей современной Италіи, ея величайшее зло.

Но если безпрерывная перемѣна министерствъ составляетъ безспорно признакъ патологическаго состоянія государства, то постоянное освѣженіе министерскаго состава имѣетъ также свои выгоды. Нельзя не считать его полезнымъ, въ виду нынѣшняго быстраго движенія идей, измѣненія взглядовъ и возникновенія новыхъ интересовъ. Въ этомъ случаѣ новое лицо, чуждое административной рутинѣ, будетъ очень кстати. Лучшимъ образцомъ такого министерскаго диллетантизма можетъ служить князь Бисмаркъ.

Съ другой стороны, опытность во всякаго рода дѣлѣ играетъ важную роль. Если въ ничтожномъ ремеслѣ только извѣстная практика позволяетъ человѣку освоиваться съ дѣломъ и придумывать необходимыя улучшенія, то тѣмъ болѣе труда требуетъ изученіе такого сложнаго дѣла, какъ государственное управленіе. Съ виду кажется, пожалуй, что при честномъ взглядѣ и хорошихъ докладчикахъ каждый умный человѣкъ можетъ взять въ руки какой угодно портфель; но подобное самообольщеніе быстро исчезаетъ, когда новый человѣкъ съ перваго раза запутывается въ тысячѣ спеціальныхъ тонкостей и растрачиваетъ свою энергію на мелочи, не заслуживающія вниманія опытнаго дѣльца. Фактъ этотъ замѣчался очень часто, и чаще всего, когда какой нибудь извѣстный теоретикъ дѣлался министромъ. Случалось, что злая судьба превращала его въ министра худшаго, нежели обыкновенные рутинеры.

Въ Англіи сложился годами особый правительственный классъ людей, который въ молодости готовится къ занятію высшихъ государственныхъ должностей, вращается по-

стоянно въ особой политической атмосферѣ и невольно пріобрѣтаетъ массу свѣдѣній и практическій взглядъ, вырабатывающійся у другихъ долгимъ опытомъ. При этой системѣ, существовавшей также въ древнемъ Римѣ и Венеціанской республикѣ, возможны величайшія несправедливости и особенно непотизмъ; но зато она не лишаетъ молодые таланты возможности быстро возвышаться; при немъ создается обширный питомникъ государственныхъ людей и самыя сложныя министерскія комбинаціи дѣлаются возможными. Въ Англіи не держатъ министровъ только потому, что замѣнить ихъ некому: это не то, что въ Турціи, гдѣ долгое время нельзя было даже вообразить себѣ министерства, въ которомъ не участвовали бы Фуадъ-паша или Аали-паша въ качествѣ первыхъ министровъ.

Въ другихъ странахъ соблюдается постепенность въ чинопроизводствѣ и повышеніе только за многолѣтнія заслуги; но, при такой системѣ, наблюдая строгую справедливость, министръ не долженъ быть моложе шестидесятипяти лѣтъ, что мы и видимъ въ Пруссіи, идеалѣ хорошей бюрократіи.

Въ Россіи исторія не выработала особаго правительственнаго класса. Создать изъ Александровскаго лицея питомникъ будущихъ государственныхъ людей также было попыткою далеко неудачною, такъ какъ лицеисты по окончаніи курса обращались въ обыкновенныхъ чиновниковъ, только съ большею протекціею. Наконецъ, для молодого и честолюбиваго государства невозможно, по прусскому образцу, считать несовершеннолѣтними государственныхъ людей моложе шести-или семидесяти лѣтъ; поэтому, пришлось избрать средній путь. Рѣдко встрѣчались министры которые проходили службу передъ тѣмъ въ своихъ же министерствахъ; остальные были призваны къ исполненію своихъ важныхъ обязанностей по особому довѣрію верховной власти, и прежде какихъ-либо преобразованій въ своихъ управленіяхъ, конечно, вынуждены были изучать механизмъ послѣднихъ и вникать въ его потребности. Въ

этомъ случаѣ извѣстная средняя продолжительность каждаго управленія и не могла быть въ Россіи менѣе той цифры, которую мы исчислили выше, а слѣдовательно, и періодъ этотъ опредѣлился самымъ складомъ нашей государственной жизни.

I.

Государственный Совѣтъ, представляющій главный центръ нашей законодательной дѣятельности, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ былъ получить особое значеніе въ эпоху преобразованій и роль руководителей этого учрежденія сдѣлалась тѣмъ болѣе трудной, что по своему составу это высшее государственное учрежденіе въ Россіи представляло собраніе дѣятелей, прошедшихъ и закончившихъ свою карьеру въ такое время, когда ни о какихъ преобразованіяхъ не было и рѣчи. Первымъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта въ прошлое царствованіе состоялъ князь **А. Ѳ. Орловъ**, одинъ изъ главныхъ дѣятелей царствованія Николая I, личный другъ и довѣреннѣйшій совѣтникъ этого государя по званію главноначальствующаго III отдѣленіемъ Собственной его императорскаго величества канцеляріи и представитель Россіи на Парижскомъ конгрессѣ. Князь былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ освобожденія крестьянъ въ Россіи, но, страдая душевной болѣзнью, несъ свои обязанности только номинально. Его замѣстилъ въ Совѣтѣ графъ **Д. Н. Блудовъ**, также одна изъ крупныхъ фигуръ предыдущаго царствованія. Въ свое время графъ Блудовъ имѣлъ репутацію человѣка высоко гуманнаго; это былъ также человѣкъ литературнаго таланта, гибкаго ума и учености. Карамзинъ, сочиняя свою исторію, прибѣгалъ къ сужденіямъ Блудова, какъ къ авторитету; 12 т. „Исторіи Государства Россійскаго“, вышедшій послѣ смерти Карамзина, редактированъ Блудовымъ; онъ же редактировалъ часто стихи Жуковскаго, котораго былъ другомъ. Блудовъ замѣчателенъ и какъ одинъ изъ первыхъ государственныхъ лю-

дей Россіи славянофильскаго оттѣнка, въ то еще время, когда идеи Меттерниха и европейскаго равновѣсія были всемогущими и въ теоріи, и въ практикѣ. Во время своего предсѣдательствованія въ Государственномъ Совѣтѣ, графъ Блудовъ хотя поддерживалъ и судебную, и крестьянскую реформы, но уже былъ такъ старъ, что особаго активнаго участія въ дѣлахъ принимать не могъ.

Послѣ смерти графа Блудова высокій постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, какъ извѣстно замѣщаемый ежегодно, по очереди занимали его императорское высочество великій князь Константинъ Николаевичъ, князь П. П. Гагаринъ и снова великій князь Константинъ Николаевичъ. Князь **П. П. Гагаринъ** оставилъ репутацію высокаго безкорыстія. Вообще же онъ былъ человѣкомъ строго-консервативнаго образа мыслей, почему во время трудовъ редакціонныхъ комиссій около него группировались тѣ, которые опасались слишкомъ быстраго исполненія крестьянской реформы; замѣчательно однако, что князь являлся потомъ горячимъ защитникомъ судебной реформы и отстаивалъ всегда ея неприкосновенность. **Великій князь Константинъ Николаевичъ,** по своему высокому положенію брата государя и блестящимъ способностямъ, призванъ былъ играть одну изъ важнѣйшихъ ролей въ прошлое царствованіе. Извѣстно, что изъ кружка приближенныхъ къ нему лицъ вышла цѣлая плеяда государственныхъ людей, изъ которыхъ большинство оставило по себѣ добрую память. Въ Государственномъ Совѣтѣ великій князь отличался искуснымъ умѣніемъ предсѣдательствовать и защитою крестьянской реформы въ Главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, учрежденномъ при Государственномъ Совѣтѣ. Равнымъ образомъ крестьянская реформа во многомъ обязана великому князю и во время горячихъ споровъ, сопровождавшихъ ея осуществленіе.

Осуществилась она, впрочемъ, при участіи очень многихъ государственныхъ дѣятелей; она служила даже, такъ сказать, первымъ пробнымъ камнемъ для дальнѣйшей груп-

пировки нашихъ государственныхъ людей на два оттѣнка. Преобладающая роль въ реформѣ, въ духѣ прогрессивномъ, принадлежала первому предсѣдателю редакціонныхъ комиссій, **графу І. И. Ростовцеву**, религіозное настроеніе котораго заставило видѣть въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ „святое“ дѣло. Реформа, по словамъ Ростовцева, „создавала народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ не существовало“, хотя болѣе всего Ростовцевъ боялся, какъ бы этотъ народъ отъ реформы не взбунтовался. Ростовцевъ до такой степени внимательно относился къ дѣлу, съ которымъ, впрочемъ, лично знакомъ былъ весьма поверхностно, что въ число матеріаловъ для трудовъ комиссій включилъ даже „Колоколъ“. Преемникъ Ростовцева, **графъ В. Н. Панинъ**, представлялъ исключительно помѣщичьи интересы и при томъ въ самомъ узкомъ смыслѣ, но дѣло уже было рѣшено волею государя безповоротно.

Говорить подробно о важнѣйшихъ дѣятеляхъ Государственнаго Совѣта, предсѣдателяхъ департаментовъ и членахъ, значитъ перечислить почти всѣхъ выдающихся государственныхъ людей царствованія. Это было бы повтореніемъ во многихъ случаяхъ того, что будетъ сказано далѣе о каждомъ изъ нихъ. Нельзя, однако, не упомянуть о дѣятельности предсѣдателя департамента государственной экономіи **К. В. Чевкина**. До 1862 года разсмотрѣніе государственной росписи въ Государственномъ Совѣтѣ было почти одною формальностью; замѣчанія Совѣта въ весьма общихъ выраженіяхъ умѣщались на нѣсколькихъ страницахъ; совсѣмъ другое положеніе занялъ Совѣтъ послѣ преобразованія нашей смѣтной системы. Тогда на департаментъ государственной экономіи выпала громадная задача детальнаго разбора и сокращенія (въ итогѣ иногда на десятки милліоновъ рублей) смѣтъ всѣхъ вѣдомствъ. Эту обязанность впервые исполнилъ Чевкинъ, безкорыстіе, преданность дѣлу и усидчивое трудолюбіе котораго по-истинѣ были замѣчательны. Довольно популярною личностью въ Совѣтѣ, хотя уже совсѣмъ на другомъ поприщѣ, былъ

государственный секретарь **В. П. Бутковъ.** Разсказы о немъ, по большей части апокрифическіе, какъ въ былое время о графѣ Вронченкѣ, могли бы составить цѣлый томъ. Бутковъ обладалъ замѣчательною легкостью въ канцелярской работѣ и принималъ дѣятельное участіе въ судебной реформѣ, хотя юристомъ никогда не былъ, почему состоявшему подъ его начальствомъ **С. И. Зарудному** и удалось передѣлать кореннымъ образомъ первоначальный проектъ судебныхъ уставовъ, выработанный во II отдѣленіи Собственной е. и. в. канцеляріи подъ руководствомъ гр. Блудова.

Комитетъ Министровъ не имѣетъ у насъ значенія кабинета. Параллельно съ нимъ собирается иногда по особенно важнымъ дѣламъ Совѣтъ Министровъ подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ государя императора. Помимо, однако, общихъ текущихъ дѣлъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ желѣзнодорожныя, число крупныхъ дѣлъ, вносимыхъ въ Комитетъ Министровъ по особому Высочайшему повелѣнію, постоянно увеличивается, а въ самое послѣднее время это учрежденіе призвано было играть еще болѣе видную роль въ нашей внутренней политикѣ. О предсѣдателяхъ комитета министровъ, князѣ А. Ѳ. Орловѣ, графѣ Д. Н. Блудовѣ, князѣ П. П. Гагаринѣ, мы говорили выше. Послѣ князя Гагарина предсѣдателемъ былъ назначенъ **графъ П. Н. Игнатьевъ,** преданный слуга государя и заслуженный дѣятель весьма консервативнаго направленія, но не съ тѣмъ вліяніемъ и не съ тѣми дарованіями, чтобы выдвинуться на такомъ важномъ постѣ. Въ началѣ 1880 года этотъ постъ занялъ **графъ П. А. Валуевъ;** ходили слухи, что съ этимъ назначеніемъ графъ Валуевъ займетъ выдающееся положеніе, какъ первый министръ, какъ человѣкъ, направляющій внутреннюю политику; говорили, что графъ Валуевъ будетъ присутствовать при всѣхъ докладахъ министровъ, но все это оказалось несправедливымъ. Какъ предсѣдатель Комитета Министровъ, графъ Валуевъ способствовалъ образованію офиціознаго „Берега“ — г. Цитовича, который, вмѣсто под-

держки правительства, помѣщалъ рѣзкія статьи о дѣятельности министра народнаго просвѣщенія графа Толстого и о русской администраціи вообще. Затѣмъ графъ основалъ собственный органъ „Отголоски", въ которомъ началъ печатать свои повѣсти изъ быта бѣдныхъ провинціальныхъ чиновниковъ и мѣщанства.

II.

Всѣ иностранные публицисты признаютъ необыкновенную устойчивость русской иностранной политики. Дѣлая, какъ оно и естественно, ошибки въ частностяхъ, въ общемъ русская политика отличается осторожностью и замѣчательною послѣдовательностью, особенно по сравненію съ авантюристскою политикою нѣкоторыхъ европейскихъ державъ. Такою устойчивостью наша политика во многомъ обязана тому обстоятельству, что ею руководили одни и тѣ же лица очень продолжительное время. Дѣйствительно, почти съ Вѣнскаго конгресса до нашего времени, только два человѣка являлись выразителями русской политики и двухъ ея главныхъ и отчасти противоположныхъ системъ. Сначала графъ **К. В. Нессельроде**, другъ Меттерниха и Австріи, защищалъ повсюду легитимный принципъ и союзы со всѣми реакціонными началами, даже въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Это былъ послушный и малоспособный чиновникъ, не умѣвшій даже говорить по-русски, о которомъ справедливо было сказано, что онъ „представлялъ изъ себя разительный примѣръ притягательной силы, существующей между ничтожествомъ и фортуной". Далѣе, почти съ самаго начала царствованія, нашими дипломатическими дѣлами вѣдалъ свѣтлѣйшій **князь А. М. Горчаковъ**—противникъ Австріи и сторонникъ союза съ Франціей, а послѣ коварнаго поведенія послѣдней въ 1863 году—защитникъ добрыхъ отношеній къ Пруссіи, пока австро-прусскій союзъ 1879 г. не указалъ всю опасность подобной политики.

Князь Горчаковъ—одна изъ крупнѣйшихъ политическихъ личностей прошлаго царствованія, мало того, одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей новѣйшаго времени въ Европѣ. Человѣкъ твердаго характера, искусный редакторъ, замѣчательный собесѣдникъ, князь стяжалъ себѣ репутацію первокласснаго дипломата. Онъ заслуживаетъ также всякихъ похвалъ за сочувственное отношеніе къ свободѣ печати. Затѣмъ отличительною чертою князя была крайняя бережливость, къ счастью, распространявшаяся и на казенные расходы. Главнѣйшими фактами дипломатической карьеры князя Горчакова останутся: твердое положеніе въ вопросахъ амурскомъ и средне-азіатскомъ, блистательное поведеніе, въ виду угрозъ всей Европы, въ польское возстаніе 1863 года и посылка тогда русскаго флота въ Америку, наказаніе Австріи за ея вѣроломство въ Крымскую войну положеніемъ, принятымъ Россіей въ Итальянскую и Прусско-австрійскую войны, спасеніе Франціи отъ угрожавшей ей въ 1875 г. новой войны съ Германіей, достойное положеніе Россіи въ Сербскую войну 1876 года.

Правою рукою князя Горчакова собственно въ европейской политикѣ былъ сынъ извѣстнаго военнаго историка, **А. Г. Жомини.** Это былъ талантливый редакторъ депешъ, изъ которыхъ нѣкоторыя произвели эффектъ во всей Европѣ. Жомини былъ человѣкъ честный и безкорыстный.

Надобно имѣть въ виду, что дипломатическій персоналъ нашъ, воспитанный въ старой школѣ Каподистріи и Нессельроде и состоявшій по большей части изъ иностранцевъ или мало обрусѣлыхъ инородцевъ, далеко не соотвѣтствовалъ потребностямъ русской дипломатіи. Подчасъ наши заграничные представители даже прямо противорѣчили инструкціямъ, полученнымъ изъ Петербурга. Для многихъ изъ дипломатовъ, воспитавшихся въ колѣнопреклоненіи передъ идеальною „Европою", роль Россіи, какъ славянской державы, была даже просто непонятна. Школа нашихъ молодыхъ дипломатовъ, которая должна возстановить великія традиціи дипломатіи временъ Екатерины II, еще создается. Изъ

дипломатовъ своею самостоятельною и талантливою политикою прославился графъ **Н. П. Игнатьевъ**, творецъ славнаго Санъ-Стефанскаго договора, разрушеннаго Берлинскимъ трактатомъ. То положеніе дѣлъ, которое создано этимъ конгрессомъ, болѣе и болѣе указываетъ на ту важность, которую имѣлъ-бы Санъ-Стефанскій договоръ для Россіи и балканскихъ народовъ, еслибъ онъ былъ сохраненъ; всѣ невыгоды для Россіи Берлинскаго конгресса обнаружились ярко и имѣли даже значеніе для нашей внутренней политики, увеличивъ оппозицію въ обществѣ въ послѣдніе годы жизни покойнаго государя. Графъ Игнатьевъ, человѣкъ вполнѣ русскаго закала, постоянно оставался вѣренъ тому направленію въ политикѣ, которое прежде всего имѣетъ въ виду русскіе интересы, а не интересы Европы, не пресловутый „европейскій концертъ", который такъ много повредилъ Россіи. Оттого въ Европѣ его не любили тѣмъ болѣе, чѣмъ необходимѣе было признать его умъ, проницательность и ловкость. Вопреки преданіямъ дипломатовъ, Н. П. Игнатьевъ былъ всегда очень разговорчивъ, повидимому ничего не таилъ, не закрывался въ непроницаемую тайну „искуснаго дипломата", и тѣмъ много выигрывалъ, вызывая откровенность тамъ, гдѣ она иначе не обнаружилась бы и не открыла бы слабыхъ сторонъ противника. Н. П. Игнатьевъ оказалъ Россіи важныя услуги въ Средней Азіи, въ Китаѣ, гдѣ благодаря ему Россія получила громадныя преимущества, и въ Турціи. Пробывъ долгое время нашимъ посломъ въ Константинополѣ, онъ снискалъ расположеніе славянскихъ народовъ, искусною рукою подготовляя ихъ освобожденіе изъ-подъ турецкаго ига.

III.

Если лица, стоящія во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, служатъ отраженіемъ внѣшней политики государства, то, конечно, внутренняя политика его лучше всего можетъ быть наблюдаема на персоналѣ Министер-

ства Внутреннихъ Дѣлъ. Первымъ изъ министровъ этого вѣдомства, уволенный немедленно по вступленіи на престолъ почившаго государя, былъ **Д. Г. Бибиковъ**, извѣстный своею черезчуръ неразборчивою въ средствахъ, дѣятельностью въ Юго-Западномъ краѣ. Преемникъ Бибикова, **графъ С. С. Ланской**, не имѣлъ ничего общаго съ диктаторскими замашками своего предшественника. Это былъ аристократъ доброжелательный, благовоспитанный и вмѣстѣ съ тѣмъ съ достаточнымъ запасомъ силъ для осуществленія своихъ намѣреній. Задача, выпавшая на долю Ланского, была громадна. Положительная воля государя императора не откладывать болѣе крестьянской реформы вызвала глухое противодѣйствіе во вліятельныхъ сферахъ, побѣдить которое Ланскому было не легко. Помощниками его были товарищи министра,—сначала **А. И. Левшинъ**, извѣстный ученый, подъ вліяніемъ котораго была улучшена часть статистическая и который составилъ первыя предположенія объ освобожденіи крестьянъ, по, какъ тогда казалось, слишкомъ въ помѣщичьемъ духѣ. Поэтому онъ былъ замѣненъ **Н. А. Милютинымъ**, ставшимъ вмѣстѣ съ **Я. А. Соловьевымъ** душою почти всѣхъ дальнѣйшихъ преобразованій, совершенныхъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. При началѣ крестьянской реформы Милютинъ былъ директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ и сосредоточивались подготовительныя работы по этому предмету.

Тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ графу Ланскому трудно было найти болѣе энергическаго, подходящаго къ данному времени человѣка, чѣмъ Н. А. Милютинъ, который потомъ и получилъ назначеніе на постъ товарища министра. Еще раньше къ Милютину обращалась за совѣтомъ великая княгиня Елена Павловна, при освобожденіи крестьянъ въ собственномъ ея имѣніи Карловкѣ. Записка Милютина по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, представленная покойному государю, получила извѣстность какъ предварительный проектъ реформы. Обладая даромъ

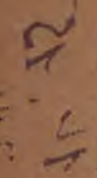
слова, Милютинъ принималъ самое дѣятельное участіе въ редакціонныхъ комиссіяхъ, какъ финансовой и административной, такъ въ особенности въ комиссіи по составленію мѣстныхъ положеній. Направленіе его дѣятельности всего лучше характеризуется положеніемъ, какое онъ занялъ въ этихъ комиссіяхъ. Онъ всѣми силами боролся противъ тенденцій тѣхъ губернскихъ комитетовъ, которые были враждебны освобожденію съ землей; онъ хлопоталъ объ ограниченіи вліянія депутатовъ губернскихъ комитетовъ, увѣряя что послѣдствіемъ инкорпораціи ихъ въ редакціонныхъ комитетахъ будетъ крушеніе всего дѣла. Благодаря Милютину, окончательная редакція положеній о крестьянахъ осталась свободною отъ вліянія помѣщиковъ, хотя далеко не всѣ идеи Милютина получили осуществленіе. Но ему не пришлось участвовать въ осуществленіи положенія о крестьянахъ и на практикѣ почувствовать его недостатки. При сильномъ возбужденіи общественнаго мнѣнія крестьянской реформой и вызванной ею борьбѣ направленій, неудивительно, что Н. А. составилъ себѣ репутацію радикала, и даже человѣка, дѣйствующаго будто бы во вредъ интересамъ высшихъ классовъ, тогда какъ онъ, въ сущности, отстаивалъ равенство всѣхъ предъ закономъ и далекъ былъ отъ мысли, чтобъ народомъ можно было управлять безъ содѣйствія просвѣщенныхъ классовъ общества. Широкое развитіе самоуправленія онъ ставилъ впереди всѣхъ политическихъ реформъ и путемъ мѣстнаго самоуправленія хотѣлъ укоренить въ населеніи навыкъ къ правильному контролю за общественными дѣлами. Милютина считали естественнымъ преемникомъ Ланского, но, по оставленіи послѣднимъ своего поста, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ, по совѣту графа А. П. Шувалова, бывшаго оберъ-гофмаршала, одного изъ корифеевъ дворянской партіи, управлявшій дѣлами Комитета Министровъ **П. А. Валуевъ.**

Отличное воспитаніе, разговоръ на семи языкахъ, принадлежность къ извѣстному „кружку шестнадцати" (къ которому принадлежала либеральная аристократическая

молодежь въ 40-хъ годахъ), статьи въ журналахъ объ уничтоженіи откуповъ и благопріятные антецеденты по службѣ въ Прибалтійскомъ краѣ (хотя тамъ онъ являлся приверженцемъ феодальной партіи) и Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ составили въ публикѣ убѣжденіе, что новый министръ внутреннихъ дѣлъ поведетъ дѣло еще въ болѣе прогрессивномъ направленіи, сравнительно съ своимъ предшественникомъ. Надежды эти, понятно, не оправдались. Польскія дѣла вынудили принять крутыя мѣры въ Западномъ краѣ, которымъ, впрочемъ, Валуевъ никогда не сочувствовалъ, какъ не сочувствовалъ и радикальнымъ мѣрамъ по крестьянской реформѣ въ этомъ краѣ, а затѣмъ мало-по-малу обратное движеніе почувствовалось и въ другихъ отношеніяхъ. Хотя земская реформа и смягченіе цензуры не были остановлены, но примѣненіе первой, считавшейся въ публикѣ лишь опытомъ и началомъ дальнѣйшихъ преобразованій, было ограничено и постоянно ограничивалось на практикѣ, а для печати заимствованы цѣликомъ учрежденія, возникшія во Франціи въ началѣ Второй имперіи при совершенно спеціальныхъ условіяхъ; заимствованы были даже малѣйшія формальности и перенесены къ намъ въ подстрочномъ переводѣ. Первыя примѣненія новаго закона, замѣнившаго существовавшія до того двадцать двѣ цензуры разныхъ вѣдомствъ, дѣлались, впрочемъ, съ осторожностью, но въ томъ направленіи, что администрація и въ особенности администраторы, какъ отдѣльныя личности, почти непогрѣшимы, и что сужденія о ней и въ особенности о нихъ почти недозволительны; печать стала искать выхода въ экивокахъ и въ огульной сатирѣ всего существующаго. Только „Московскія Вѣдомости“ и затѣмъ „Москва“ и „Москвичъ“ Аксакова пробовали быть прямыми въ критикѣ администраціи и администраторовъ и за то подверглись многочисленнымъ карамъ, въ особенности органы славянофильскіе. Крестьянское дѣло сильно тормозилось помощью цѣлаго ряда отдѣльныхъ распоряженій и циркуля-

ровъ. Впрочемъ, общество всегда одобряло въ Валуевѣ доступность и деликатность формъ, умѣнье привязывать къ себѣ служащихъ; порицатели его указывали на космополитичность симпатій въ аристократическомъ смыслѣ, пристрастіе къ красотѣ фразы и на выборъ лицъ въ губернской администраціи, ничѣмъ не оправдавшихъ такого высокаго довѣрія. Министръ почувствовалъ послѣднее на себѣ, не имѣвъ возможности предусмотрѣть и принять энергическія мѣры во время голода въ 1867 году, почему и былъ вынужденъ оставить министерство. Вѣря только агентамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, онъ въ самый разгаръ голода, даже въ то время, когда былъ уже Высочайшею волею наряженъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, для помощи голодающимъ, печаталъ въ правительственномъ органѣ, „Сѣверной Почтѣ", сообщенія, отвергавшія всякій голодъ.

Преемникъ П. А. Валуева **А. Е. Тимашевъ** управлялъ передъ тѣмъ III отдѣленіемъ и только-что былъ назначенъ, послѣ годичнаго отпуска, министромъ почтъ и телеграфовъ. Публика считала Тимашева представителемъ реакціи, на дѣлѣ онъ и былъ консерваторомъ не только по свойству характера, мало склоннаго къ канцелярскому труду, но и по принципу. Такъ какъ мы стараемся въ каждомъ бывшемъ



государственномъ дѣятелѣ указать прежде всего, что сдѣлано имъ полезнаго, то напомнимъ, что при Тимашевѣ была введена городская реформа, значительно улучшена почтовая часть и упразднены нѣкоторыя ненужныя генералъ-губернаторства. Тимашевъ держался съ достаточной твердостью противъ происковъ нѣмецкой и польской партій. Наоборотъ, печати съ начальникомъ ея, **М. Н. Лонгиновымъ**, ставшемъ отъ освобожденія крестьянъ изъ ярыхъ либераловъ столь же ярымъ ретроградомъ, никогда не было такъ тяжело, какъ при Тимашевѣ, хотя онъ лично пользовался въ высшихъ сферахъ репутаціей смѣлаго языка и каррикатуриста; при немъ къ предостереженіямъ прибавились запрещенія розничной продажи, пріостановка изданій мини-

стромъ, исключеніе изъ предметовъ обсужденія печатью нѣкоторыхъ вопросовъ и проч. Земство было стѣснено, ходатайствамъ его не давалось хода, и земскія учрежденія, недавно превозносимыя, какъ бы только терпѣлись. Даже центральный статистическій комитетъ не могъ сноситься съ земствами, какъ учрежденіе официальное, для собранія статистическихъ данныхъ: это считалось какъ бы унизительнымъ для власти. Правда, и земства вообразили было себя маленькими парламентами. Циркуляры и такъ называемыя „разъясненія“ къ реформамъ были въ большомъ ходу и продолжали видоизмѣнять существо реформъ въ то время, когда печать и отуманенная фразами публика продолжала мечтать объ „увѣнчаніи зданія“. Впрочемъ, направленіе внутренней политикѣ въ значительной степени давалось тогда III отдѣленіемъ. Въ частной жизни Тимашевъ извѣстенъ какъ любитель скульптуры.

Убійство генерала Мезенцева, вызвавшее рядъ экстраординарныхъ мѣръ, заставило Тимашева удалиться отъ дѣлъ, такъ какъ послѣ одиннадцатилѣтняго управленія министерствомъ онъ не находилъ въ себѣ достаточно силъ въ такую трудную минуту. Мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ занялъ бывшій правитель канцеляріи Тимашева **Л. С. Маковъ.** Это назначеніе было встрѣчено обществомъ безъ неудовольствія, какъ повышеніе человѣка, достигшаго высокаго поста только своими трудами. При Маковѣ введена тюремная реформа, принято по отношенію къ печати направленіе, нѣсколько отличное отъ прежняго, и введенъ институтъ урядниковъ, вызвавшій сильную оппозицію. Не надобно забывать, что рѣдко, когда министру внутреннихъ дѣлъ приходилось переживать болѣе тяжелыя обстоятельства: чума, злодѣйскія покушенія на жизнь государя императора, рядъ проявленій самой преступной агитаціи—все это ставило дѣятельность министерства въ совершенно исключительныя условія: усердный и трудолюбивый исполнитель, Маковъ не оказался на высотѣ государственныхъ задачъ и широкой инициативы для нихъ не-

обходимой. Не имѣя твердыхъ убѣжденій, онъ въ послѣдніе мѣсяцы своего управленія, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, вдругъ благосклонно сталъ относиться къ земству и къ печати и даже ходатайствовалъ объ отмѣнѣ тѣхъ самыхъ стѣснительныхъ узаконеній, которыя самъ же онъ провелъ.

Взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ указалъ, что продолженіе прежней системы, смѣшивавшей въ одну общую массу всю оппозицію, начиная съ нигилистовъ, готовыхъ на гнусныя убійства, и кончая скромными земцами, недовольными неразрѣшеніемъ какой либо акушерской школы—невозможно. По общему мнѣнію, требовалась борьба съ крамолою, основанная на поддержкѣ общества, а для этого былъ необходимъ человѣкъ, пользовавшійся въ обществѣ популярностью. Графы Милютинъ и Адлербергъ рекомендовали **графа М. Т. Лорисъ-Меликова**, пріобрѣтшаго громкую извѣстность и на военномъ, и на гражданскомъ поприщѣ. Подъ именемъ предсѣдателя Верховной распорядительной комиссіи, графъ Лорисъ-Меликовъ получилъ въ руки почти диктатуру, которая была удачно прозвана „диктатурою сердца“, потому что направлена была главнымъ образомъ на воздѣйствіе помощью воззваній, личныхъ объясненій и обѣщаній.

Русское общество пріободрилось; печать ожила; явилось довѣріе—словомъ, началась эпоха „новыхъ вѣяній“. Мысль о диктатурѣ, принятая съ неудовольствіемъ нѣкоторою частью общества, когда была предложена впервые въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, сдѣлалась почти популярною. Графъ Лорисъ-Меликовъ былъ, однако, первымъ противникомъ диктатуры и поспѣшилъ сложить свои чрезвычайныя полномочія при нѣкоторыхъ признакахъ успокоенія. Онъ стоялъ только за единство правительства и за необходимость соединенія всѣхъ министерствъ въ одинъ кабинетъ, дабы верховная власть не несла отвѣтственность за промахи отдѣльныхъ министровъ. De facto въ концѣ царствованія Александра II графъ Лорисъ-Меликовъ и игралъ роль первенствующаго министра. По его настояніямъ, непопулярные министры народнаго просвѣщенія и финан-

совъ были уволены, III отдѣленіе Собственной е. и. величества канцеляріи упразднено, соляной налогъ уничтоженъ, множество административныхъ ссыльныхъ возвращено или ихъ участь облегчена, земствамъ и городамъ возвращено ихъ самоуправленіе, стѣсненная, въ силу административной практики, печать также пользовалась значительною, сравнительно съ прежнимъ, свободою, и начались работы по пересмотру законовъ о печати. Съ упраздненіемъ III отдѣленія, дѣла государственной полиціи перешли въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ; тогда же графъ Лорисъ-Меликовъ замѣстилъ, въ званіи министра, Л. С. Макова. На новомъ посту графъ попрежнему продолжалъ пользоваться довѣріемъ и государя, и общества. Сотни лицъ обращались къ нему ежедневно даже по частнымъ своимъ дѣламъ: графъ славился своею любезностью и простотою въ обращеніи. По министерству начаты были различныя законодательныя работы, между которыми особенно важно для народа было пониженіе выкупныхъ платежей. Но наиболѣе ожиданій возбудили слухи о коренной реформѣ, имѣвшей цѣлью расширить земское самоуправленіе. Злодѣйское преступленіе 1-го марта прекратило эти работы, внесло смуту въ общество и создало для графа Лорисъ-Меликова тяжелое положеніе. Выходъ въ отставку его былъ встрѣченъ почти общимъ сожалѣніемъ и временнымъ паденіемъ нашего заграничнаго курса. Какъ обыкновенно у насъ случается, нѣкоторые органы печати поспѣшили произнести свое рѣзкое осужденіе политики его, не принявъ въ соображеніе ни трудности политическаго положенія, которое засталъ онъ, ни кратковременности его управленія. Не имѣя, быть можетъ, достаточно солидной подготовки, графъ дополнялъ этотъ недостатокъ дипломатическимъ искусствомъ, внимательнымъ изученіемъ положенія Россіи и искреннимъ желаніемъ принести пользу ей и оправдать высокое довѣріе государя. Взявъ за основаніе своей политики начало умиротворенія путемъ уступокъ общественнымъ учрежденіямъ и обезпеченіемъ личности, онъ стремился укрѣпить власть общимъ довѣ-

ріемъ гражданъ и пересоздать администрацію на началахъ раздѣленія труда управленія между ею и обществомъ, нимало не затрогивая началъ самодержавія, которыхъ онъ остался приверженцемъ. Такая сложная задача не могла быть исполнена въ теченіе одного года, едва ли достаточнаго даже для того, чтобы осмотрѣться и опредѣлить программу. Порицатели графа М. Т. не приняли всего этого въ соображеніе. Масса работы, обременявшая графа Лорисъ-Меликова, въ виду совершенно особаго его положенія, вынудила собственно по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ значительную часть текущихъ трудовъ поручить своимъ товарищамъ. Такими помощниками графа были **М. С. Кахановъ** и **П. А. Черевинъ,** администраторы просвѣщенные и осторожные.

Со времени Тимашева почты входили въ составъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. До того онѣ составляли отдѣльное управленіе, на правахъ министерства. Главноначальствующимъ надъ этимъ управленіемъ были сначала **графъ В. Ѳ. Адлербергъ** и **Ѳ. И. Прянишниковъ,** извѣстный какъ покровитель русской живописи, и затѣмъ **графъ И. М. Толстой,** весьма близкое лицо къ государю императору. Во время Толстого къ почтамъ были присоединены телеграфы, взятые у Главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, и образовано эфемерное, по своей продолжительности, Министерство Почтъ и Телеграфовъ. Хотя и Прянишниковъ, и Толстой были, что называется, хорошіе люди, но, по справедливости, слѣдуетъ признать, что почтовая часть при нихъ не сдѣлала никакихъ успѣховъ. Толстому Россія обязана еще открытіемъ С. С. Полякова. При назначеніи графа Лорисъ-Меликова министромъ внутреннихъ дѣлъ, Министерство Почтъ и Телеграфовъ было возстановлено для **Л. С. Макова,** которому, въ видѣ отдѣльнаго министерства, поручено также завѣдываніе и департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Кратковременное завѣдываніе Маковымъ почтовою и телеграфною частью ничѣмъ не ознаменовалось, но по части иностранныхъ исповѣданій

онъ возобновилъ сношенія съ римской куріей, прерванныя еще въ 1866 году.

Послѣ обозрѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, кстати сказать нѣсколько словъ и о важнѣйшихъ представителяхъ высшей администраціи въ провинціи, о намѣстникахъ и генералъ-губернаторахъ. Должность намѣстника въ Царствѣ Польскомъ считалась всегда чрезвычайно трудною и отвѣтственною. Послѣ смерти свѣтлѣйшаго **князя И. Ѳ. Паскевича,** желѣзною рукою поддерживавшаго въ Царствѣ порядокъ, намѣстникомъ сдѣлался **князь М. Д. Горчаковъ,** бывшій главнокомандующій въ Крыму и помощникъ Паскевича. Система Горчакова ничего, однако, не имѣла общаго съ системою послѣдняго. Желая faire de l'ordre avec du désordre, онъ дошелъ до порученія варшавской полиціи студентамъ! Результатъ подобной слабости, происходившей отъ старческаго упадка силъ князя, скоро обозначился. Преемники князя **И. О. Сухозанетъ, графъ А. Н. Лидерсъ, графъ І. К. Ламбертъ** только ухудшили положеніе. Серьезность этого положенія и иностранныя давленія повлекли къ попыткамъ сдѣлать уступки полякамъ. Въ этомъ смыслѣ пытался дѣйствовать въ званіи намѣстника **великій князь Константинъ Николаевичъ,** взявшій за основаніе извѣстную программу **графа А. Велепольскаго.** Но и эта программа, маскировавшая въ сущности систему, подобную австро-венгерскому дуализму, не удовлетворила польскую интеллигенцію, предпочитавшую всегда идти революціоннымъ путемъ; между тѣмъ уступки полякамъ были крайне непопулярны въ Россіи и особенно возбудили противъ себя общественное мнѣніе въ Москвѣ.

Возстаніе 1863 г., конечно, вынудило отложить всякія нѣжности въ сторону. Посланы были люди дѣйствія. Въ Царствѣ Польскомъ намѣстникомъ сдѣланъ **графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ,** человѣкъ не столько военный, сколько придворный стараго закала, но достаточно искусившійся въ дипломатіи, чтобы просидѣть на своемъ трудномъ постѣ слишкомъ десять лѣтъ. Графъ былъ идеалъ служаки, и его афоризмы о службѣ

могутъ быть катехизисомъ карьериста. Главная заслуга графа Берга въ Царствѣ Польскомъ состоитъ въ допущеніи, хотя неохотномъ, реформаторской дѣятельности **Н. А. Милютина** и товарищей по Учредительному комитету, поставившей, наконецъ, наши отношенія къ полякамъ на твердую почву. Въ числѣ характерныхъ чертъ графа надобно упомянуть чрезвычайную бодрость его въ весьма преклонныхъ лѣтахъ.

Н. А. Милютинъ былъ призванъ замѣнить крайне неудачную политику Велепольскаго и разомъ поставилъ дѣло какъ слѣдуетъ. Указами 19-го февраля 1864 г. положена основа экономической независимости польскихъ крестьянъ и юридической равноправности ихъ съ помѣщиками. Достаточный надѣлъ землею прилекъ къ намъ сочувствіе крестьянъ. Церковный вопросъ былъ, послѣ крестьянскаго, главною заботою Н. А. Милютина въ Царствѣ, такъ какъ послѣ шляхты духовенство католическое считалось главною опорою возстанія. Милютинъ, всегда стоявшій за органическія мѣры, задумалъ произвести монастырскую реформу, состоявшую въ постепенномъ упраздненіи монастырей, начиная съ малыхъ: изъ 173 монастырей оставлено было только 30. Конфискованныя монастырскія земли послужили къ увеличенію надѣла крестьянъ. По мнѣнію Милютина, русское правительство не должно было дѣлать уступокъ въ вопросѣ о католической церковной іерархіи, а держать себя твердо по отношенію къ римской куріи. Усилія Н. А., вынесенныя имъ по этому вопросу, сломили его силы: въ ноябрѣ 1866 года, послѣ засѣданія Комитета Министровъ, въ которомъ онъ энергически отстаивалъ свои взгляды по церковному вопросу, онъ былъ пораженъ апоплексіей.

Однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Н. А. Милютина, по устройству польскихъ областей, былъ **князь В. А. Черкасскій.** Съ молоду кн. Черкасскій примкнулъ къ блестящей группѣ славянофиловъ, хотя, въ сущности, не вполнѣ подходилъ къ ея тенденціямъ: не говоря уже о глубокихъ богословскихъ познаніяхъ старѣйшихъ вождей славянофи-

ловъ, онъ не имѣлъ ни такого публицистическаго таланта, какъ Юрій Самаринъ, ни поэтическаго дара Константина Аксакова. Вообще мечтательной стороны славянофильскихъ ученій, какъ и всякаго политико-религіознаго романтизма, Черкасскій оставался совершенно чуждъ: по своей практической натурѣ это былъ прежде всего реалистъ, наклонный не къ увлеченію, а скорѣе къ скептицизму, человѣкъ смѣлый, ловкій, остроумный, иногда даже самоувѣренный, въ совершенствѣ обладавшій умѣньемъ держать себя въ свѣтѣ. Во время борьбы партій въ губернскихъ комитетахъ по крестьянскому вопросу кн. Черкасскій — въ тверскомъ комитетѣ рѣшительно всталъ на сторону либеральнаго меньшинства, отстаивая общинное землевладѣніе и права крестьянъ на землю. Такое же положеніе кн. Черкасскій занялъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ, гдѣ работалъ вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ, Ю. Самаринымъ и Я. Соловьевымъ. Произведенный прямо изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ тайные, князь былъ правою рукою Милютина по реформамъ въ Царствѣ Польскомъ. Во время войны съ турками, князь взялъ на себя неблагодарную обязанность организаціи внутренняго управленія освобожденной страны. Тутъ нужно было сообразоваться и съ измѣнчивыми случайностями военнаго счастія, и съ настроеніемъ—не всегда сочувственнымъ—самихъ болгаръ, и, быть можетъ, даже зависѣть отъ тѣхъ или иныхъ распоряженій военныхъ властей, а, самое главное, — терпѣть тотъ же недостатокъ людей, что и въ Польшѣ.

На другомъ постѣ намѣстника, намѣстника кавказскаго, послѣ отличавшагося холодною надменностью и непомѣрнымъ упрямствомъ **Н. Н. Муравьева**, къ общему удовольствію всего населенія, былъ поставленъ князь **А. И. Барятинскій**. Князь, пользовавшійся съ молоду полнѣйшимъ довѣріемъ государя, сдѣлалъ для Кавказа чрезвычайно много въ такой моментъ, когда послѣ Крымской войны Россія была истощена и когда министръ финансовъ и министръ военный думали только о сокращеніяхъ. Князь

Барятинскій съ трудомъ убѣдилъ употребить находившіяся на Кавказѣ по случаю войны войска на окончательное завоеваніе края. Это былъ человѣкъ самыхъ искреннихъ стремленій къ общественной пользѣ, умѣвшій выбрать людей и внушать къ себѣ привязанность. Въ вину ему ставили излишнюю склонность къ удовольствіямъ и разсѣянной жизни, созданіе ненужныхъ департаментовъ и канцелярій, а въ послѣдніе годы, годы тяжкой болѣзни,—систематическую и довольно безцѣльную оппозицію военному министру, котораго онъ самъ выдвинулъ впередъ. Съ оставленіемъ Кавказа княземъ Барятинскимъ, намѣстникомъ сдѣлался **великій князь Михаилъ Николаевичъ**, занимавшій эту должность семнадцать лѣтъ и окончательно умиротворившій Кавказъ. При немъ построена желѣзная дорога, развилась нефтяная промышленность, организованы взятыя у Турціи области. Великій князь пользовался въ Тифлисѣ заслуженною популярностью, которую не удалось стяжать его ближайшимъ помощникамъ, **барону А. П. Николаи** и **князю Д. И. Святополкъ-Мирскому**, управлявшими всею гражданскою частью въ краѣ, который страдалъ издавна весьма серьезными недостатками и упущеніями, вызывавшими справедливыя жалобы. Баронъ Николаи составилъ себѣ репутацію человѣка очень образованнаго, умнаго и съ твердымъ характеромъ. Онъ провелъ большую часть службы на Кавказѣ; управляя гражданскою частью, онъ отстаивалъ въ вопросахъ экономическихъ status quo. И въ учебномъ дѣлѣ онъ пріобрѣлъ опытность, какъ бывшій попечитель и, хотя весьма непродолжительное время, товарищъ министра народнаго просвѣщенія. Во время своего попечительства баронъ Николаи сдѣлался непопулярнымъ среди молодежи, защищая необходимость сохраненія въ гимназіяхъ тѣлесныхъ наказаній. Извѣстно, что такую же непопулярность заслужилъ въ quasi-радикальную эпоху Пироговъ. Метеоромъ прошло управленіе гражданскою частью **П. Н. Клушина**, извѣстнаго по своей ревизіи Пермской губерніи и наводившаго такой

страхъ, что одинъ администраторъ, чувствовавшій за собою грѣшки, умеръ даже, прочитавъ о его назначеніи.

Въ числѣ генералъ-губернаторовъ многіе выдвинулись впередъ или своими талантами, или же умѣніемъ понять потребности минуты и проявить свою энергію. Перечислять всѣхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ излишне, но нельзя не упомянуть о **графѣ М. Н. Муравьевѣ**, который, послѣ почти сорокалѣтней непопулярности, былъ по достоинству оцѣненъ всей Россіей за твердый, смѣлый, хотя рѣзкій образъ дѣйствій въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Муравьевъ, и редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", М. Н. Катковъ, несомнѣнно оказали въ смутную эпоху 1863—1864 гг. болѣе всѣхъ другихъ услугъ Россіи. Графъ, замѣнившій безхарактернаго **В. И. Назимова**, былъ настойчивъ, твердъ и властолюбивъ, но человѣкомъ жестокимъ, какимъ выставляла его заграничная печать, онъ не былъ. Муравьевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ практическихъ администраторовъ, которые стремятся къ достиженію своей цѣли самыми простыми, уже испытанными и для всѣхъ ясными средствами. Польскій характеръ онъ понималъ превосходно. Той же твердой и патріотической политики по отношенію къ полякамъ держался **Н. Н. Анненковъ** въ Кіевѣ. За то **А. Л. Потаповъ** въ Вильнѣ явно покровительствовалъ польскимъ тенденціямъ и разрушалъ дѣло Муравьева. **Графъ П. Е. Коцебу**, съ большимъ тактомъ послѣ графа **А. Г. Строганова**—извѣстнаго непреклонностью своего характера—управлявшій Новороссійскимъ краемъ, гдѣ свѣжо воспоминаніе о князѣ М. С. Воронцовѣ, просвѣщеннѣйшемъ и либеральнѣйшемъ государственномъ дѣятелѣ николаевскаго царствованія, много сдѣлалъ для созданія на югѣ Россіи сѣти желѣзныхъ дорогъ. Менѣе твердости проявилъ онъ на трудномъ постѣ варшавскаго генералъ-губернатора. Мѣсто графа Коцебу занялъ **П. П. Альбединскій**, бывшій передъ тѣмъ генералъ-губернаторомъ прибалтійскаго и сѣверо-западнаго краевъ. Альбединскій также стоялъ за уступки полякамъ. Примирительной политики въ Юго-Западномъ краѣ держался

князь **А. М. Дондуковъ-Корсаковъ**, болѣе извѣстный по своей послѣдующей дѣятельности императорскаго комиссара въ Болгаріи. Замѣнивъ суроваго Черкасскаго, князь Дондуковъ-Корсаковъ очаровалъ болгаръ своею привѣтливостью и любезностью, болгары даже помышляли возвести его на престолъ. Не занимаясь однако до назначенія на постъ комиссара ни восточнымъ, ни болгарскимъ вопросами, князь мало былъ подготовленъ и подчинялся вліянію болгарскихъ интеллигентовъ, что и отразилось на такъ называемой тырновской конституціи, которая благодаря его предстательству и была одобрена государемъ.

Изъ дѣятелей на дальнихъ окраинахъ прежде всего нужно упомянуть о графѣ **Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ**: ему Россія обязана прекраснымъ пріобрѣтеніемъ Приамурскаго и Уссурійскаго края, значеніе котораго въ будущемъ громадно. Только настойчивость графа преодолѣла мнительность нессельродовской политики по отношенію къ Китаю. Графъ не обладалъ, однако, необходимымъ для администратора талантомъ покорять сердца, и система его хорошо характеризуется извѣстной остротой: Il a conquit le pays de l'Amour, mais il n'a jamais su conquerir l'amour du pays. Такимъ же крутымъ характеромъ, но безъ способностей Муравьева, отличался другой генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, **Н. П. Синельниковъ**, а предшественникъ его **М. С. Корсаковъ** замѣчателенъ какъ человѣкъ, наиболѣе въ своей жизни сдѣлавшій въ Россіи верстъ на почтовыхъ.

Въ Западной Сибири **Г. Г. Гасфортъ** хотя извѣстенъ болѣе по изобрѣтенной имъ промежуточной вѣрѣ, въ которую предлагалъ крестить магометанъ, но подъ его начальствомъ было организовано гражданское управленіе въ восточной части Киргизской степи. Преемники его: **А. О. Дюгамель**, человѣкъ очень мягкій, имѣетъ заслуги какъ дипломатъ, а **Н. Г. Казнаковъ** обѣщалъ серьезно заняться краемъ, къ сожалѣнію скоро заболѣлъ и сошелъ со сцены.

Пріобрѣтеніемъ Туркестанскаго края Россія обязана **М. Г. Черняеву**, котораго мы поэтому смѣло причисляемъ

къ крупнѣйшимъ государственнымъ дѣятелямъ Россіи прошлаго царствованія. Чтобы оцѣнить заслуги Черняева, надобно имѣть въ виду, что даже такой умный человѣкъ, какъ адмиралъ Бутаковъ, служившій къ тому же ранѣе въ Средней Азіи, писалъ кн. Барятинскому при извѣстіи о первыхъ завоеваніяхъ Черняева (14 сентября 1864 г.): „предѣлы Россіи расширятся безъ всякой пользы еще больше, издержки будутъ огромныя, а выгоды никакой... занять эти мѣста не трудно, но не легко будетъ удержать ихъ, и наконецъ чего ждутъ отъ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній?“ А между тѣмъ пріобрѣтеніе Туркестанскаго края сдѣлало для упроченія нашего политическаго вліянія и обузданія нашего стараго врага—Англію несравненно болѣе, чѣмъ всѣ дипломатическія сношенія, взятыя въ сложности. Завоеванія Черняева были закончены блестящими пріобрѣтеніями Кокана и Ахалъ-Текинскаго оазиса, сдѣланными однимъ изъ талантливѣйшихъ генераловъ нашей арміи и тонкихъ администраторовъ, **М. Д. Скобелевымъ.** Устройство Туркестанскаго края, съ замѣчательнымъ умѣніемъ и съ всегдашнею готовностью прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія, выпало на долю **К. П. фонъ-Кауфмана,** который, управляя послѣ Муравьева Сѣверо-Западнымъ краемъ, дѣйствовалъ тамъ въ чисто русскомъ духѣ. Справедливость требуетъ упомянуть и о **А. П. Безакѣ,** который, во время своего генералъ-губернаторства въ Оренбургѣ, первый рѣшился сбросить рутину прежней системы по отношенію къ тамошнему краю, чѣмъ и положилъ начало прочнымъ успѣхамъ нашимъ въ Средней Азіи. Совершенно обратную репутацію составилъ себѣ въ Оренбургѣ, въ званіи мѣстнаго генералъ-губернатора, **Н. А. Крыжановскій.** Подъ его руководствомъ совершилась та изумительная операція отчужденія башкирскихъ земель, о которой столько говорили въ свое время и которая кончилась для Крыжановскаго и его сподвижниковъ такъ печально. Оставляя свой постъ, онъ сказалъ, что его „смѣнили журналисты“. Надо же

найти было хоть такое утѣшеніе администратору, оказавшемуся далеко не на высотѣ своей задачи.

Изъ прочихъ генералъ-губернаторовъ, свѣтлѣйшій князь **А. А. Суворовъ**, человѣкъ, близкій къ покойному государю, съумѣлъ заслужить любовь сначала Прибалтійскаго края, а затѣмъ Петербурга, простотою своего обращенія и готовностью придти на помощь каждому, но принесъ много вреда крайнею снисходительностью къ нѣмецкимъ стремленіямъ въ Прибалтійскомъ краѣ, повлекшую даже къ отмѣнѣ многого, что было сдѣлано тамъ съ цѣлью сближенія съ Россіей. Къ сожалѣнію, и прочіе генералъ-губернаторы дѣйствовали въ томъ же духѣ, кромѣ **князя П. Р. Багратіона**, который озаботился распространеніемъ русскаго языка и успѣшно выдерживалъ борьбу съ тою частью населенія, которая враждебно относилась къ Россіи. **Графъ А. А. Закревскій**, воспитанникъ аракчеевской школы, защитникъ крѣпостного права и противникъ образованія для народа, очень умный и хитрый и лично безкорыстный, держалъ Москву въ ежовыхъ рукавицахъ, отличаясь хлѣбосольствомъ и торжественностью пріемовъ. **Князь В. А. Долгоруковъ** также прославился широкимъ русскимъ гостепріимствомъ и заслужилъ уваженіе всѣхъ сословій во время своего долговременнаго управленія Москвою, необыкновенною добротою и человѣчнымъ отношеніемъ къ дѣлу. **Графъ Э. Т. Барановъ** всегда стоялъ на сторонѣ прогрессивнаго движенія, съ большою мягкостью управлялъ двумя генералъ-губернаторствами и въ качествѣ предсѣдателя комиссіи по изслѣдованію желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи оказалъ несомнѣнныя услуги раскрытіемъ злоупотребленій нашихъ желѣзнодорожниковъ; изъ временныхъ генералъ-губернаторовъ **графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ** вызвалъ единодушныя одобренія всѣхъ сословій и партій за искусство, съ которымъ отстранилъ отъ Россіи опасность чумной заразы, а затѣмъ исполнялъ въ Харьковѣ въ высшей степени деликатныя обязанности временного генералъ-губернатора. На такой же должности въ Одессѣ **графъ Э. И. Тотлебенъ**, из-

вѣстный своими саперными работами въ Севастополѣ, осадою Плевны и твердымъ управленіемъ занятыхъ во время восточной войны областей, также обратилъ на себя вниманіе чрезвычайною энергіей въ высылкѣ административнымъ порядкомъ и борьбѣ съ мѣстною печатью. Онъ значительно очистилъ Южный край отъ нигилистовъ.

Послѣ восточной войны **графъ Н. П. Игнатьевъ**, появлялся въ скромной роли генералъ-губернатора нижегородской ярмарки, гдѣ съумѣлъ очень понравиться мѣстному населенію и особенно купечеству, какъ человѣкъ чрезвычайно любезный и доступный, врагъ рутины и канцеляризма. Обзоръ нашъ былъ бы неполонъ, еслибы мы забыли упомянуть имя человѣка, хорошо памятнаго петербуржцамъ,—**Ѳ. Ѳ. Трепова**. Хотя онъ занималъ должность, соотвѣтствующую только губернаторской, но по энергіи и неутомимости сдѣлался однимъ изъ весьма замѣтныхъ и своеобразныхъ лицъ нашей администраціи.

IV.

Военной части мы здѣсь не касаемся и ограничимся лишь краткою характеристикою двухъ лицъ, занимавшихъ постъ военнаго министра послѣ выхода **князя В. А. Долгорукова**, малая компетентность котораго достаточно обнаружилась въ Крымскую войну. Преемникъ его **Н. О. Сухозанетъ** былъ человѣкъ очень мало образованный, чудакъ и даже малограмотный, но честный и энергическій. Главное вліяніе на дѣла въ его управленіе имѣли товарищъ министра князь **В. И. Васильчиковъ** и генералъ **Аничковъ**. Сухозанетъ принесъ много пользы арміи. Послѣ Крымской войны онъ не затруднился уволить отъ службы сотни неспособныхъ генераловъ и предать суду множество казнокрадовъ, причемъ къ слѣдствію были притянуты и лица высокопоставленныя, не исключая и главнокомандующаго. При Сухозанетѣ были упразднены военныя поселенія—эта ори-

гинальная аракчеевская затѣя, — кантонисты и вообще положено начало многихъ преобразованій по военной части.

Но истиннымъ реформаторомъ военнаго вѣдомства явился графъ **Д. А. Милютинъ**, одинъ изъ важнѣйшихъ и достойнѣйшихъ дѣятелей прошлаго царствованія, государственный человѣкъ крупныхъ способностей, рѣдкой честности и просвѣщеннаго патріотизма. Извѣстный уже какъ профессоръ и военный историкъ и отчасти какъ начальникъ штаба кавказской арміи, Милютинъ въ управленіе военнымъ вѣдомствомъ въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ сдѣлался душою всѣхъ преобразованій. Отсталость и злоупотребленія, обнаруженныя въ Крымскую войну, вынудили произвесть рядъ реформъ, закончившихся всесословною воинскою повинностью, имѣющей, быть можетъ, еще болѣе важное политическое значеніе, чѣмъ военное. Трудъ, положенный во всѣ эти дѣла Милютинымъ, громаденъ. Это былъ, быть можетъ, человѣкъ, наиболѣе занятой во всемъ Петербургѣ. Отдавая справедливость Д. А., который и по другимъ отраслямъ государственнаго управленія,— тамъ, гдѣ спрашивалось его мнѣніе, а спрашивалось оно безпрерывно — являлся постоянно защитникомъ полезныхъ мѣропріятій, не забудемъ и недостатковъ. У Милютина было множество враговъ въ такъ называемомъ консервативномъ, или, вѣрнѣе, реакціонномъ лагерѣ; сбавляя мѣру высказанныхъ порицаній, упреки противъ военнаго министра сводятся къ немногимъ пунктамъ: нерѣшительности, пристрастію къ генеральному штабу, выбору въ свои ближайшіе помощники людей второстепенныхъ и, наконецъ, къ излишней склонности къ бюрократическому порядку, даже къ канцеляризму.

Вѣроятно, въ этихъ обвиненіяхъ есть доля правды, но тѣ предсказанія, которыя выводили противники военнаго министра, потерпѣли полнѣйшее фіаско. Не смотря на всѣ преобразованія, а, вѣрнѣе, благодаря преобразованіямъ, наша армія отъ перваго до послѣдняго человѣка проявила въ послѣднюю войну, такой великолѣпный духъ, какому

могутъ позавидовать другія арміи *). Такимъ образомъ, Милютину выпала счастливая доля провѣрить плоды собственныхъ трудовъ на практикѣ и не разочароваться. Къ характеристикѣ Милютина прибавимъ еще, что вообще онъ считался однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей царствованія въ духѣ реформъ, не останавливаясь даже передъ допущеніемъ женщинъ въ военно-хирургическую академію. Навстрѣчу классической системѣ, онъ создалъ цѣлую систему реальнаго образованія, пользовавшуюся большимъ сочувствіемъ въ обществѣ, не признавая въ Гораціѣ и Анакреонѣ средства сохранить въ Россіи хотя обломки крѣпостническаго и полицейскаго порядка вещей. Въ польскихъ дѣлахъ Милютинъ держалъ, по смерти своего брата, знамя русской политики, предсѣдательствуя послѣ Чевкина въ Комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго. Въ дѣлахъ иностранной политики Милютину приписывали, по крайней мѣрѣ до 1877 года, мирныя наклонности, что происходило, вѣроятно, отъ неоконченности сдѣланныхъ преобразованій въ арміи. Послѣдніе годы царствованія, по болѣзни князя Горчакова, на графѣ Милютинѣ лежало высшее завѣдываніе иностранными дѣлами. По совѣту графа и была дана болгарамъ та либеральная конституція, которая такъ мозолила глаза нашимъ домашнимъ радикаламъ, требовавшимъ „болгарской свободы“. Вообще можно сказать, что, по оставленіи дѣлъ графомъ Шуваловымъ, графъ Милютинъ былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ правительствѣ до возвышенія графа Лорисъ-Меликова.

По своему званію военнаго министра, графъ Милютинъ, вникая во всѣ мелочи, никогда не желалъ имѣть товарища, но начальники отдѣльныхъ управленій министерства, вслѣд-

*) Мы говоримъ именно о духѣ арміи, ея боевыхъ качествахъ и тактическомъ образованіи, потому что вооруженіе арміи и интендантская часть были въ состояніи неудовлетворительномъ. По общему отзыву, наша армія продовольствовалась въ послѣднюю войну хуже, чѣмъ въ Крымскую, когда хотя были сильныя злоупотребленія, но имѣлся такой интендантскій геній, какъ Затлеръ.

ствіе обширности у насъ военнаго вѣдомства, играли довольно важную роль, каждый по своей части. Мы укажемъ на троихъ, администрація которыхъ неоднократно обращала на себя вниманіе общества и печати. Начальникъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній **Н. В. Исаковъ** эту часть нашего народнаго образованія сдѣлалъ прибѣжищемъ реальнаго образованія въ Россіи, слишкомъ даже ослабивъ собственно военную подготовку воспитанниковъ. Какъ предсѣдатель медико-хирургической академіи, г. Исаковъ, пріобрѣтшій педагогическую опытность въ званіи попечителя московскаго учебнаго округа, много содѣйствовалъ организаціи высшаго женскаго образованія въ Россіи. Не обладая какими либо выдающимися способностями или иниціативой, г. Исаковъ былъ вообще весьма дѣльнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ либеральнымъ помощникомъ графа Милютина.

Графъ Ф. Л. Гейденъ, начальникъ главнаго штаба, принадлежитъ къ числу полезныхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Не смотря на свое иностранное имя, гр. Гейденъ чисто русскій по идеямъ и направленію человѣкъ. Начальникъ главнаго интендантскаго управленія, а затѣмъ помощникъ главнаго инспектора по инженерной части **М. П. фонъ-Кауфманъ** также одинъ изъ нашихъ симпатичнѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливцевъ, которые, бывъ у власти, не имѣютъ завистниковъ и, завѣдуя вѣдомствами, гдѣ соблазны на каждомъ шагу, могутъ смѣло заявить, что жизненный путь пройденъ безъ страха и упрека.

Морское вѣдомство все время царствованія управлялось ближайшимъ образомъ генералъ-адмираломъ **великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ**, который соединилъ командованіе флотомъ съ дѣлами морской администраціи. Подъ вліяніемъ великаго князя, морское вѣдомство, въ концѣ 50-хъ годовъ, стало чуть ли не во главѣ административныхъ реформъ въ Россіи; даже вопросъ о гимназическомъ

воспитаніи подробнѣе всего обсуждался въ то время на страницахъ „Морского Сборника". Инициативѣ генералъ-адмирала флотъ обязанъ учрежденіемъ эмеритальной кассы, замѣною парусныхъ судовъ паровыми, организаціей дальнихъ плаваній и Сибирской флотиліи, сокращеніемъ береговыхъ командъ и канцелярщины. Система имѣла и свои недостатки, и даже большіе, ибо отвѣтственность за дѣла министерства лежала все-таки на управляющемъ морскимъ министерствомъ, значеніе котораго не всегда было достаточно ясно, а положеніе подчинено. Колебанія и недостаточно строгая программа въ кораблестроеніи значительно повредили успѣхамъ нашего флота: репутаціи флота вредили также очень частыя крушенія судовъ, безпорядки въ храненіи минныхъ матеріаловъ и т. п.

Первымъ управляющимъ Морскимъ Министерствомъ былъ **Ф. П. Врангель**, извѣстный ученый путешественникъ, назначенный за отказомъ графа Ѳ. П. Литке. Вовсе не администраторъ и почти не морякъ, Врангель, въ придачу, отличался плохимъ здоровьемъ, потому оставался недолго. Не долѣе просидѣлъ и **Н. Ѳ. Метлинъ**, человѣкъ самостоятельнаго характера, но нѣсколько мелочной въ дѣлахъ государственнаго управленія. Болѣе у мѣста на своемъ подчиненномъ посту оказался **Н. К. Краббе.** Служа всю жизнь адъютантомъ, Краббе мало знакомъ былъ съ морскимъ дѣломъ, но гибкій характеръ при внѣшности прямой и добродушной позволилъ ему съ успѣхомъ лавировать болѣе десяти лѣтъ. Очень трудно отдѣлить инициативу собственно управляющаго Морскимъ Министерствомъ, но Краббе, несомнѣнно, имѣетъ заслуги передъ Россіей за рѣшимость въ эпоху, когда онъ былъ почти самостоятеленъ, именно въ 1863 году, обратиться къ внутренней промышленности за созданіемъ русскаго броненоснаго флота, что въ свое время имѣло и политическое, и экономическое значеніе. Любитель остротъ и гривуазной литературы—ему принадлежала обширнѣйшая въ Россіи библіотека въ этомъ направленіи — нѣсколько циникъ на словахъ, но съ добрымъ сердцемъ и

гинальная аракчеевская затѣя, — кантонисты и вообще положено начало многихъ преобразованій по военной части.

Но истиннымъ реформаторомъ военнаго вѣдомства явился графъ **Д. А. Милютинъ**, одинъ изъ важнѣйшихъ и достойнѣйшихъ дѣятелей прошлаго царствованія, государственный человѣкъ крупныхъ способностей, рѣдкой честности и просвѣщеннаго патріотизма. Извѣстный уже какъ профессоръ и военный историкъ и отчасти какъ начальникъ штаба кавказской арміи, Милютинъ въ управленіе военнымъ вѣдомствомъ въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ сдѣлался душою всѣхъ преобразованій. Отсталость и злоупотребленія, обнаруженныя въ Крымскую войну, вынудили произвесть рядъ реформъ, закончившихся всесословною воинскою повинностью, имѣющей, быть можетъ, еще болѣе важное политическое значеніе, чѣмъ военное. Трудъ, положенный во всѣ эти дѣла Милютинымъ, громаденъ. Это былъ, быть можетъ, человѣкъ, наиболѣе занятой во всемъ Петербургѣ. Отдавая справедливость Д. А., который и по другимъ отраслямъ государственнаго управленія, — тамъ, гдѣ спрашивалось его мнѣніе, а спрашивалось оно безпрерывно — являлся постоянно защитникомъ полезныхъ мѣропріятій, не забудемъ и недостатковъ. У Милютина было множество враговъ въ такъ называемомъ консервативномъ, или, вѣрнѣе, реакціонномъ лагерѣ; сбавляя мѣру высказанныхъ порицаній, упреки противъ военнаго министра сводятся къ немногимъ пунктамъ: нерѣшительности, пристрастію къ генеральному штабу, выбору въ свои ближайшіе помощники людей второстепенныхъ и, наконецъ, къ излишней склонности къ бюрократическому порядку, даже къ канцеляризму.

Вѣроятно, въ этихъ обвиненіяхъ есть доля правды, но тѣ предсказанія, которыя выводили противники военнаго министра, потерпѣли полнѣйшее фіаско. Не смотря на всѣ преобразованія, а, вѣрнѣе, благодаря преобразованіямъ, наша армія отъ перваго до послѣдняго человѣка проявила въ послѣднюю войну такой великолѣпный духъ, какому

большая часть денегъ по осуществленію этихъ фантазій перепадала владѣльцамъ англійскихъ верфей. Къ стыду англичанъ, ихъ главный кораблестроительный авторитетъ, г. Ридъ, своими статьями и рѣчами въ парламентѣ содѣйствовалъ подобной эксплоатаціи нашего казеннаго сундука.

V.

Министромъ Финансовъ въ 1855 году оставался **П. Ѳ. Брокъ**, занимавшій этотъ постъ въ теченіи всей Крымской войны. Наслѣдіе послѣдней было чрезвычайно тяжело: громадный выпускъ кредитныхъ билетовъ отразился не только на вексельномъ курсѣ, но угрожалъ банкротствомъ устарѣлой системѣ нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Брокъ, къ сожалѣнію, не имѣя собственныхъ экономическихъ убѣжденій и опытности, подчинился вліянію теоретиковъ, только сильнѣе запутавшихъ дѣла. Подъ этимъ вліяніемъ совершилось пониженіе процентовъ въ банкахъ, повлекшее къ огромному отливу капиталовъ заграницу и страшному ажіотажу, а что самое главное—къ прекращенію ссудъ землевладѣльцамъ въ моментъ, когда, въ виду крестьянской реформы, они наиболѣе нуждались въ деньгахъ. Въ преемники Брока прочили князя А. С. Меньшикова, но былъ назначенъ **А. М. Княжевичъ**, на котораго возлагали большія надежды, какъ на бывшаго правителя канцеляріи графа Канкрина, но и Княжевичъ былъ слишкомъ старъ, и канкринская система была уже не у мѣста. Управленіе Княжевича, очень быстро подпавшаго вліянію тѣхъ же теоретиковъ, мало поправило наши финансы, хотя при Княжевичѣ совершились нѣкоторыя весьма важныя обстоятельства — былъ опубликованъ государственный бюджетъ, составлявшій до того государственную тайну, упразднены винные откупа, учрежденъ Государственный Банкъ и уничтожены такъ называемые экономическіе капиталы разныхъ вѣдомствъ.

3*

ствіе обширности у насъ военнаго вѣдомства, играли довольно важную роль, каждый по своей части. Мы укажемъ на троихъ, администрація которыхъ неоднократно обращала на себя вниманіе общества и печати. Начальникъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній **Н. В. Исаковъ** эту часть нашего народнаго образованія сдѣлалъ прибѣжищемъ реальнаго образованія въ Россіи, слишкомъ даже ослабивъ собственно военную подготовку воспитанниковъ. Какъ предсѣдатель медико-хирургической академіи, г. Исаковъ, пріобрѣтшій педагогическую опытность въ званіи попечителя московскаго учебнаго округа, много содѣйствовалъ организаціи высшаго женскаго образованія въ Россіи. Не обладая какими либо выдающимися способностями или иниціативой, г. Исаковъ былъ вообще весьма дѣльнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ либеральнымъ помощникомъ графа Милютина.

Графъ Ф. Л. Гейденъ, начальникъ главнаго штаба, принадлежитъ къ числу полезныхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Не смотря на свое иностранное имя, гр. Гейденъ чисто русскій по идеямъ и направленію человѣкъ. Начальникъ главнаго интендантскаго управленія, а затѣмъ помощникъ главнаго инспектора по инженерной части **М. П. фонъ-Кауфманъ** также одинъ изъ нашихъ симпатичнѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливцевъ, которые, бывъ у власти, не имѣютъ завистниковъ и, завѣдуя вѣдомствами, гдѣ соблазны на каждомъ шагу, могутъ смѣло заявить, что жизненный путь пройденъ безъ страха и упрека.

Морское вѣдомство все время царствованія управлялось ближайшимъ образомъ генералъ-адмираломъ **великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ**, который соединилъ командованіе флотомъ съ дѣлами морской администраціи. Подъ вліяніемъ великаго князя, морское вѣдомство, въ концѣ 50-хъ годовъ, стало чуть ли не во главѣ административныхъ реформъ въ Россіи; даже вопросъ о гимназическомъ

воспитанія подробнѣе всего обсуждался въ то время на страницахъ „Морского Сборника". Иниціативѣ генералъ-адмирала флотъ обязанъ учрежденіемъ эмеритальной кассы, замѣною парусныхъ судовъ паровыми, организаціей дальнихъ плаваній и Сибирской флотиліи, сокращеніемъ береговыхъ командъ и канцелярщины. Система имѣла и свои недостатки, и даже большіе, ибо отвѣтственность за дѣла министерства лежала все-таки на управляющемъ морскимъ министерствомъ, значеніе котораго не всегда было достаточно ясно, а положеніе подчинено. Колебанія и недостаточно строгая программа въ кораблестроеніи значительно повредили успѣхамъ нашего флота: репутаціи флота вредили также очень частыя крушенія судовъ, безпорядки въ храненіи минныхъ матеріаловъ и т. п.

Первымъ управляющимъ Морскимъ Министерствомъ былъ **Ф. П. Врангель,** извѣстный ученый путешественникъ, назначенный за отказомъ графа Ѳ. П. Литке. Вовсе не администраторъ и почти не морякъ, Врангель, въ придачу, отличался плохимъ здоровьемъ, потому оставался недолго. Не долѣе просидѣлъ и **Н. Ѳ. Метлинъ,** человѣкъ самостоятельнаго характера, но нѣсколько мелочной въ дѣлахъ государственнаго управленія. Болѣе у мѣста на своемъ подчиненномъ посту оказался **Н. К. Краббе.** Служа всю жизнь адъютантомъ, Краббе мало знакомъ былъ съ морскимъ дѣломъ, но гибкій характеръ при внѣшности прямой и добродушной позволилъ ему съ успѣхомъ лавировать болѣе десяти лѣтъ. Очень трудно отдѣлить инициативу собственно управляющаго Морскимъ Министерствомъ, но Краббе, несомнѣнно, имѣетъ заслуги передъ Россіей за рѣшимость въ эпоху, когда онъ былъ почти самостоятеленъ, именно въ 1863 году, обратиться къ внутренней промышленности за созданіемъ русскаго броненоснаго флота, что въ свое время имѣло и политическое, и экономическое значеніе. Любитель остротъ и гривуазной литературы—ему принадлежала обширнѣйшая въ Россіи библіотека въ этомъ направленіи—нѣсколько циникъ на словахъ, но съ добрымъ сердцемъ и

вѣстна, что онъ весьма крупный заводчикъ. Сдѣлавшись министромъ г. Абаза рѣчей, въ противоположность предшественнику, вовсе не произносилъ, но старался серьезно взглянуть на наши финансы. Онъ прекратилъ дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ и составилъ планъ ихъ погашенія, замѣнилъ соляной налогъ повышеніемъ таможенныхъ и гильдейскихъ пошлинъ, преобразовалъ сахарный акцизъ и первый изъ министровъ финансовъ имѣлъ мужество составить и опубликовать бюджетъ съ крупнымъ дефицитомъ, заявивъ, что положеніе вещей таково, что не требуетъ замазыванія истины. Его справедливо упрекали за то, что редакція указа объ отмѣнѣ соляного налога была такъ невнимательна, что парализировала въ мнѣніи общества эту благую мѣру и подарила нѣсколько милліоновъ крупнымъ солепромышленникамъ.

Кромѣ министровъ финансовъ, начиная съ 1860 г., огромное вліяніе на наши финансовыя дѣла имѣлъ **Е. И. Ламанскій**, сначала въ званіи товарища управляющаго Государственнымъ Банкомъ, а затѣмъ, съ 1869 года, управляющаго. На этомъ высокомъ посту г. Ламанскій, пользуясь переданнымъ банку правомъ выпускать по собственному усмотрѣнію кредитные билеты, получилъ на нашемъ денежномъ рынкѣ преобладающее значеніе и сдѣлался душою биржевой игры, охватившей въ послѣднія двадцать лѣтъ всѣ слои петербургскаго общества. Рядомъ съ этимъ г. Ламанскій измышлялъ крупныя финансовыя операціи: размѣнъ, покупку золота, различные виды повышенія вексельнаго курса и т. п., окончившіяся весьма печально и поглотившія безцѣльно сотни милліоновъ. Кто-то сосчиталъ, что г. Ламанскій стоитъ Россіи дороже Крымской войны.

Управленія финансами и Государственнымъ Контролемъ находятся въ близкой связи между собою. До 1864 года, когда всѣ вѣдомства контролировали себя сами, значеніе высшаго центральнаго контрольнаго управленія было весьма ограничено, почти номинально, почему едва ли что и можно сказать о дѣятельности въ званіи государственнаго

контролера **Н. Н. Анненкова,** извѣстнаго болѣе по своему управленію Новороссійскимъ краемъ въ Крымскую войну и Юго-Западнымъ краемъ послѣ возстанія 1863 года. Совсѣмъ другое значеніе получилъ Государственный Контроль подъ управленіемъ **В. А. Татаринова.** Татариновъ, человѣкъ прямодушный, былъ иниціаторомъ важнѣйшихъ финансовыхъ преобразованій послѣдняго времени, и дѣятельность его не встрѣчала еще порицателей. Контрольная часть при немъ совершенно преобразовалась и устроилась едва ли не лучше, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, образуя совершенно независимое отъ другихъ административныхъ вѣдомствъ учрежденіе; равнымъ образомъ Татаринову принадлежатъ проекты единства кассы и новая система составленія и утвержденія государственныхъ смѣтъ, водворившая порядокъ въ наше хаотическое до того состояніе финансовъ. Мало-помалу почти всѣ отрасли государственнаго управленія, кромѣ Министерства Двора и IV отдѣленія Собственной его императорскаго величества канцеляріи, подчинились вѣдомству Государственнаго Контроля, отчеты коего отличаются быстротою, ясностью и откровенностью, въ особенности въ тѣхъ экземплярахъ отчета, которые не поступаютъ въ продажу. Дѣятельнымъ помощникомъ Татаринова и его, такъ сказать, правою рукою былъ товарищъ государственнаго контролера **М. Н. Островскій,** одинъ изъ честнѣйшихъ русскихъ дѣятелей, братъ извѣстнаго драматурга. Государственные контролеры, занимавшіе послѣ преждевременной и встрѣченной всеобщимъ сожалѣніемъ смерти Татаринова его важный постъ, **А. А. Абаза, С. А. Грейгъ** и **Д. М. Сольскій,** продолжали идти по разъ проложенному пути, не дозволяя возвращенія къ старому. Единственнымъ исключеніемъ были такъ называемыя нормальныя смѣты военнаго и морского вѣдомствъ. Щепетильность контроля, къ сожалѣнію, вовсе не гарантировала отъ безпорядковъ въ государственномъ хозяйствѣ, послѣдніе только скорѣе обнаруживались.

VI.

Министерство Народнаго Просвѣщенія всегда было однимъ изъ тѣхъ, на которыхъ рѣзко отражалось измѣненіе высшихъ правительственныхъ взглядовъ и которое, подобно Министерству Финансовъ, близко касаясь интересовъ массы, чаще всего служило предметомъ критики. Прошлое царствованіе застало въ этомъ министерствѣ **А. С. Норова**, извѣстнаго путешественника по святымъ мѣстамъ и бородинскаго ветерана. Человѣкъ честный, крайне узкихъ піетистско-консервативныхъ воззрѣній, Норовъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ освободительнымъ стремленіямъ царствованія Александра II. Гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ оказался преемникъ его, **Е. П. Ковалевскій**, какъ горный инженеръ, смотрѣвшій на задачи образованія съ утилитарной точки зрѣнія. Ковалевскій попалъ въ министры случайно, обративъ вниманіе своимъ поведеніемъ, какъ московскій попечитель, въ одной студенческой исторіи. Безцвѣтный какъ дѣятель, хотя не безъ малороссійскаго лукавства, онъ не отличался большою самостоятельностью воззрѣній и слѣдовалъ лишь настроенію минуты. При Ковалевскомъ, товарищемъ котораго былъ нашъ извѣстный сатирическій поэтъ **князь П. А. Вяземскій**, университеты наши сдѣлались чрезвычайно доступны, поднятъ былъ даже вопросъ о допущеніи женщинъ въ число слушателей. Затѣмъ были возстановлены каѳедры философіи и государственнаго права, поднято достоинство профессоровъ, положено начало женскимъ гимназіямъ, студентамъ допущены многія льготы. Извѣстныя вспышки молодежи повлекли къ измѣненію системы. Къ сожалѣнію, назначенный министромъ просвѣщенія **графъ Путятинъ**, извѣстный по своему путешествію въ Японію и не совсѣмъ удачною дипломатіею въ Китаѣ, не съумѣлъ взяться за дѣло. Положеніе крайне обострилось и графъ Путятинъ черезъ три мѣсяца по назначеніи замѣненъ **А. В. Головнинымъ**, вліятельнѣйшимъ человѣкомъ въ кружкѣ великаго князя Константина Николаевича.

шеніе къ печати, на критику которой онъ никогда не заявлялъ претензій. Затѣмъ онъ былъ врагъ всякаго канцеляризма. Его обвиняли въ упрямствѣ, за то никто не держалъ такъ твердо своихъ обѣщаній, какъ Рейтернъ.

Не одобряя въ принципѣ послѣдней войны, М. Х. Рейтернъ все время кампаніи отказывался отъ своего поста, тѣмъ не менѣе успѣшно вышелъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Наслѣдникомъ новаго положенія вещей сдѣлался **С. А. Грейгъ**, которому предстояло ликвидировать издержки войны, изыскать новые источники доходовъ для покрытія увеличившихся потребностей государственнаго казначейства и еще неизмѣримо труднѣйшее дѣло—водворить порядокъ въ нашемъ денежномъ обращеніи. Все это трудно было сдѣлать, имѣя въ запасѣ только репутацію отличнаго садовода и свѣтское образованіе, которое позволяло ему съ одинаковою легкостью занимать выдающіеся посты въ Морскомъ Министерствѣ, Государственномъ Контролѣ и Министерствѣ Финансовъ. Но на такомъ отвѣтственномъ постѣ, какъ постъ министра финансовъ, Грейгъ не могъ уже въ трудную минуту оставаться при однихъ „благихъ намѣреніяхъ“, выраженныхъ въ краснорѣчивыхъ обращеніяхъ къ нашему промышленному и торговому сословію въ Петербургѣ и въ провинціи. Его управленіе финансами обратило болѣе вниманія публики отдѣлкою квартиры, съ зимнимъ садомъ и фонтаномъ, жалобами на печать, заботами объ имѣніи, которое онъ получилъ въ Царствѣ Польскомъ, цѣною почти въ милліонъ рублей, и краснорѣчіемъ. Дѣло пришло почти къ кризису, а никакого финансоваго плана въ министерствѣ не оказывалось.

Пришлось обратиться къ **А. А. Абазѣ**, состоявшему предсѣдателемъ департамента государственной экономіи и пользовавшемуся репутаціей краснорѣчивѣйшаго изъ русскихъ государственныхъ людей и главнаго защитника въ высшихъ сферахъ протекціонной таможенной системы, какъ извѣстно, весьма замѣтно вліяющей на наше народное благосостояніе. Эта система была для г. Абазы тѣмъ ближе из-

работамъ, научнымъ съѣздамъ и пр. Графъ твердо относился также къ вопросу объ окраинахъ и, къ общему удовольствію, чуть было не преобразовалъ Академію Наукъ и Дерптскій университетъ—эти нѣмецкіе наросты на русской почвѣ. Порицатели графа Толстого нападали на него во первыхъ за недоступность, затѣмъ за слишкомъ послѣдовательное, поспѣшное и необыкновенно крутое примѣненіе классической системы къ среднему образованію, выразившееся въ запрещеніи реалистамъ доступа въ университеты и въ искусственномъ созданіи, за неимѣніемъ собственныхъ филологовъ, цѣлаго персонала учителей изъ пришлыхъ иностранцевъ. Народныя школы окружены были цѣлою системой надзора, который поглощалъ массу средствъ. Графъ Толстой, хотя самъ извѣстный писатель, довольно ревниво относился всегда къ печати, если мѣрять это отношеніе числомъ полученныхъ послѣднею взысканій за обсужденіе учебной реформы. Результаты этой реформы создали графу Толстому сильныхъ противниковъ не только въ высшихъ сферахъ, но даже въ III отдѣленіи. Графъ не шелъ, однако, ни на какіе компромиссы, не искалъ дешевой популярности и съ рѣдкою твердостью отстаивалъ свои проекты, оставаясь нерѣдко въ меньшинствѣ. Измѣненіе въ началѣ 1880 года правительственной системы повело къ отставкѣ графа Толстого. Либеральная печать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могла наговориться объ этомъ радостномъ, по ея мнѣнію, событіи, и имя бывшаго министра сдѣлалось какою-то притчей во языцѣхъ. Со времени увольненія графа Клейнмихеля не было ничего подобнаго *).

Преемнику графа Толстого, **А. А. Сабурову**, задача была такимъ образомъ чрезвычайно облегчена. Ни одного министра публика не встрѣтила съ такимъ довѣріемъ, никому печать не поторопилась пропѣть столько панегири-

*) Сколько было фальшиваго и легкомысленнаго въ этой агитаціи, доказываетъ то обстоятельство, что назначеніе черезъ два года графа Толстого на несравненно болѣе важный въ политическомъ отношеніи постъ было встрѣчено публикою весьма спокойно.

ковъ; но на дѣлѣ, однако, увлеченіе публики прошло очень скоро. Это произошло не отъ несоотвѣтствія министра съ общимъ направленіемъ политики, а отъ несоотвѣтствія, такъ сказать, самого г. Сабурова съ занимаемымъ имъ постомъ. Своими многословными рѣчами въ различныхъ губернскихъ и чуть не уѣздныхъ городахъ онъ возбудилъ въ неосмысленной еще достаточно нашей молодежи такія надежды, осуществить которыя онъ былъ не въ силахъ, да кажется и не предполагалъ. Все, повидимому, вертѣлось на недоразумѣніи, на неясно понятыхъ его словахъ. Съ осени картина рѣзко измѣнилась. Послѣ медовыхъ мѣсяцевъ тріумфальнаго по Россіи путешествія началось разочарованіе. Министерство Народнаго Просвѣщенія рѣшительно ничего не придумало практическаго для реформы нашей учебной системы, а послѣ возмутительныхъ скандаловъ въ здѣшнемъ университетѣ, первою жертвою которыхъ сдѣлался самъ г. Сабуровъ, оно возвратилось къ мысли объ усиленіи инспекціи, т. е. къ тому, что предлагалось ранѣе.

Вѣдомство православнаго духовенства состоитъ изъ двухъ элементовъ — собственно духовнаго и чиновнаго. Значеніе перваго со времени петровскихъ реформъ всегда уравновѣшивалось послѣднимъ и это оставалось безъ измѣненія. Изъ нашихъ іерарховъ въ послѣднее время многіе славились ученостью, краснорѣчіемъ, пастырскимъ усердіемъ, напр. **Иннокентій** митрополитъ московскій, **Макарій** архіепископъ харьковскій, **Иннокентій** архіепископъ одесскій, но политическую роль игралъ, можно сказать, одинъ **Филаретъ московскій**. Проявлялъ онъ ее неизмѣнно въ строго консервативномъ духѣ, давая совѣты правительству по части церковнаго управленія, народнаго образованія и друг. вопросовъ. Въ Москвѣ авторитетъ его былъ громадный и изъ афоризмовъ митрополита можно составить цѣлый кодексъ государственнаго управленія *). Со смертью Филарета выс-

*) Вотъ образчики взглядовъ Филарета на событія того времени когда *шаташася языци и люди поучашася тщетнымъ:* „Усиленное

шее духовенство стало безцвѣтнѣе, а свой политическій смыслъ проявило въ извѣстномъ поведеніи Св. Синода по отношенію къ греко-болгарской церковной распрѣ. Дѣятельность первыхъ оберъ-прокуроровъ Святѣйшаго Синода **Ахматова и графа А. П. Толстого** ровно ничѣмъ не проявила себя. Ахматовъ былъ кавалерійскій офицеръ незначительныхъ способностей, а графъ А. П. Толстой, также изъ военныхъ, болѣе извѣстенъ какъ начальникъ нижегородскаго ополченія въ Крымскую войну. Совсѣмъ другое представилось при вступленіи въ эту должность графа Д. А. Толстого, управлявшаго до того канцеляріей того самаго Морского Министерства, откуда вышелъ цѣлый рядъ государственныхъ людей начала 60-хъ годовъ. По его иниціативѣ было ограничено кастическое устройство духовнаго сословія; сокращено число приходовъ; упорядочено монастырское общежитіе; совершенно преобразованы и обогащены средствами духовныя академіи, семинаріи и училища; наконецъ, былъ поднятъ вопросъ о реформѣ духовнаго суда и законодательства, встрѣтившій сильную оппозицію въ консервативной части чернаго духовенства. Реформы графа Толстого не остались и въ этой отрасли безъ порицателей, особенно сокращеніе числа приходовъ, но надобно указать, что ни въ одномъ сословіи не замѣтно было такого умственнаго оживленія, какъ именно въ духовномъ.

стремленіе къ преобразованіямъ, неограниченная, но неопытная свобода слова и гласность произвели столько разнообразныхъ возрѣній на предметы, что трудно между ними найти и отдѣлить лучшее и привести разногласіе къ единству. Было бы осторожнѣе какъ можно менѣе колебать, что стоитъ твердо, чтобы перестроеніе не обратить въ разрушеніе"... „Открывать и обличать недостатки легче нежели исправлять. Несчастіе нашего времени то, что количество погрѣшностей и неосторожностей, накопленное не однимъ уже вѣкомъ, едва ли не превышаетъ силы и средства исправленія. Посему необходимо возставать не вдругъ противу всѣхъ недостатковъ, но въ особенности противъ болѣе вредныхъ, и предлагать средства исправленія не вдругъ всепотребныя, но сперва преимущественно потребныя и возможныя".

Оставляя Министерство Народнаго Просвѣщенія, графъ Толстой былъ вынужденъ оставить и прокуратуру въ Синодѣ. На это мѣсто былъ назначенъ извѣстный юристъ, бывшій профессоръ гражданскаго права въ Московскомъ университетѣ, отлично владѣющій словомъ, человѣкъ весьма ученый и искренно религіозный, **К. П. Побѣдоносцевъ.** Человѣкъ критики, сознанія недостатковъ того или другого учрежденія и въ этомъ отношеніи сильный теоретикъ, К. П. Побѣдоносцевъ впервые выступилъ на государственное поприще, гдѣ приходится на практикѣ примирить теорію съ дѣйствительностью и отрицаніе замѣнить положительнымъ и здоровымъ содержаніемъ. Для государственнаго человѣка недостаточно еще видѣть недостатки того или другого учрежденія, необходимо умѣнье кореннымъ образомъ исправить ихъ, и только тогда теоретикъ дѣлается дѣйствительною и полезною силою. По назначеніи оберъ-прокуроромъ Синода, К. П. Побѣдоносцевъ былъ сдѣланъ и членомъ Комитета Министровъ. До того оберъ-прокуроръ Синода, хотя, по своему значенію въ управленіи дѣлами православнаго вѣдомства занималъ постъ почти равный министерскому, не считался членомъ Комитета Министровъ, или, какъ сказали бы заграницею, кабинета, потому что для дѣлъ этого духовенства высшей инстанціей служитъ почти исключительно Синодъ и они имѣютъ очень мало соотношенія съ прочими отраслями государственнаго управленія. Графъ Толстой былъ членомъ Комитета Министровъ лишь по званію своему министра народнаго просвѣщенія, г. Побѣдоносцевъ сдѣланъ членомъ Комитета Министровъ лично. Это указывало, что не столько его офиціальное положеніе, сколько личныя свойства обусловливали такое назначеніе *).

Министерство Императорскаго Двора вѣдаетъ по боль-

*) Нельзя не упомянуть еще о дѣятельности К. П. Побѣдоносцева по организаціи Добровольнаго флота. Хотя эта идея не получила полнаго осуществленія, но она имѣла огромное вліяніе на поведеніе Англіи въ 1878 г. и умѣрила ея наглость.

работамъ, научнымъ съѣздамъ и пр. Графъ твердо относился также къ вопросу объ окраинахъ и, къ общему удовольствію, чуть было не преобразовалъ Академію Наукъ и Дерптскій университетъ—эти нѣмецкіе наросты на русской почвѣ. Порицатели графа Толстого нападали на него во первыхъ за недоступность, затѣмъ за слишкомъ послѣдовательное, поспѣшное и необыкновенно крутое примѣненіе классической системы къ среднему образованію, выразившееся въ запрещеніи реалистамъ доступа въ университеты и въ искусственномъ созданіи, за неимѣніемъ собственныхъ филологовъ, цѣлаго персонала учителей изъ пришлыхъ иностранцевъ. Народныя школы окружены были цѣлою системой надзора, который поглощалъ массу средствъ. Графъ Толстой, хотя самъ извѣстный писатель, довольно ревниво относился всегда къ печати, если мѣрять это отношеніе числомъ полученныхъ послѣднею взысканій за обсужденіе учебной реформы. Результаты этой реформы создали графу Толстому сильныхъ противниковъ не только въ высшихъ сферахъ, но даже въ III отдѣленіи. Графъ не шелъ, однако, ни на какіе компромиссы, не искалъ дешевой популярности и съ рѣдкою твердостью отстаивалъ свои проекты, оставаясь нерѣдко въ меньшинствѣ. Измѣненіе въ началѣ 1880 года правительственной системы повело къ отставкѣ графа Толстого. Либеральная печать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могла наговориться объ этомъ радостномъ, по ея мнѣнію, событіи, и имя бывшаго министра сдѣлалось какою-то притчей во языцѣхъ. Со времени увольненія графа Клейнмихеля не было ничего подобнаго*).

Преемнику графа Толстого, **А. А. Сабурову**, задача была такимъ образомъ чрезвычайно облегчена. Ни одного министра публика не встрѣтила съ такимъ довѣріемъ, никому печать не поторопилась пропѣть столько панегири-

*) Сколько было фальшиваго и легкомысленнаго въ этой агитаціи, доказываетъ то обстоятельство, что назначеніе черезъ два года графа Толстого на несравненно болѣе важный въ политическомъ отношеніи постъ было встрѣчено публикою весьма спокойно.

Оставляя Министерство Народнаго Просвѣщенія, графъ Толстой былъ вынужденъ оставить и прокуратуру въ Синодѣ. На это мѣсто былъ назначенъ извѣстный юристъ, бывшій профессоръ гражданскаго права въ Московскомъ университетѣ, отлично владѣющій словомъ, человѣкъ весьма ученый и искренно религіозный, **К. П. Побѣдоносцевъ.** Человѣкъ критики, сознанія недостатковъ того или другого учрежденія и въ этомъ отношеніи сильный теоретикъ, К. П. Побѣдоносцевъ впервые выступилъ на государственное поприще, гдѣ приходится на практикѣ примирить теорію съ дѣйствительностью и отрицаніе замѣнить положительнымъ и здоровымъ содержаніемъ. Для государственнаго человѣка недостаточно еще видѣть недостатки того или другого учрежденія, необходимо умѣнье кореннымъ образомъ исправить ихъ, и только тогда теоретикъ дѣлается дѣйствительною и полезною силою. По назначеніи оберъ-прокуроромъ Синода, К. П. Побѣдоносцевъ былъ сдѣланъ и членомъ Комитета Министровъ. До того оберъ-прокуроръ Синода, хотя, по своему значенію въ управленіи дѣлами православнаго вѣдомства занималъ постъ почти равный министерскому, не считался членомъ Комитета Министровъ, или, какъ сказали бы заграницею, кабинета, потому что для дѣлъ этого духовенства высшей инстанціей служитъ почти исключительно Синодъ и они имѣютъ очень мало соотношенія съ прочими отраслями государственнаго управленія. Графъ Толстой былъ членомъ Комитета Министровъ лишь по званію своему министра народнаго просвѣщенія, г. Побѣдоносцевъ сдѣланъ членомъ Комитета Министровъ лично. Это указывало, что не столько его офиціальное положеніе, сколько личныя свойства обусловливали такое назначеніе*).

Министерство Императорскаго Двора вѣдаетъ по боль-

*) Нельзя не упомянуть еще о дѣятельности К. П. Побѣдоносцева по организаціи Добровольнаго флота. Хотя эта идея не получила полнаго осуществленія, но она имѣла огромное вліяніе на поведеніе Англіи въ 1878 г. и умѣрила ея наглость.

шей части такія отрасли администраціи, которыя и не касаются общаго государственнаго управленія, а имѣютъ въ виду лишь хозяйство Двора и ближайшія, частныя дѣла Царствующаго Дома; только дирекція театровъ, Академія Художествъ и т. п. учрежденія находятся въ соприкосновеніи съ обществомъ и его интересами. Министерство Двора въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ управлялось двумя лицами: трудолюбивымъ графомъ **В. Ѳ. Адлербергомъ** и сыномъ его **А. В. Адлербергомъ.** Графа Владиміра Ѳедоровича императоръ Николай назвалъ въ своемъ завѣщаніи „лучшимъ своимъ другомъ"; тѣмъ же довѣріемъ пользовался и графъ Александръ Владиміровичъ при покойномъ государѣ. Въ обществѣ онъ имѣлъ репутацію человѣка большого ума, но трудно доступнаго и весьма неохотно занимавшагося дѣлами, даже входящими въ кругъ его вѣдомства, почему выдающаяся роль въ дѣлахъ Министерства досталась на долю **барона К. К. Кистера.** Бывшій коннопіонерный офицеръ, баронъ служилъ сначала въ Ботаническомъ саду, а затѣмъ кассиромъ въ Министерствѣ Двора. Ловкій и трудолюбивый, онъ получилъ вліяніе на всѣ отрасли этого обширнаго Министерства. Пока дѣло шло о спеціальныхъ дѣлахъ послѣдняго, публика о баронѣ Кистерѣ мало заботилась, но когда барону подчинились казенные театры, то въ нѣсколько лѣтъ, благодаря неумѣстной подъ часъ экономіи и презрѣнію къ русскому искусству, имя барона Кистера сдѣлалось однимъ изъ самыхъ непопулярныхъ въ С.-Петербургѣ. „Этотъ нѣмецкій баронъ въ русскомъ искусствѣ игралъ роль того садовника въ оранжереѣ, который, не умѣя воспитывать цвѣтовъ, сталъ бы насаждать въ нее капусту и картофель", сказалъ о немъ одинъ публицистъ. Къ Министерству Двора причислено теперь Министерство Удѣловъ, которое имѣло временно quasi-самостоятельность подъ управленіемъ **графовъ Л. В. Перовскаго** и **М. Н. Муравьева,** точно также безъ какого либо вліянія на общій ходъ государственной администраціи.

VII.

До судебной реформы и роль министра юстиціи была мало замѣтна въ политическомъ отношеніи. Судебный персоналъ пополнялся тогда главнымъ образомъ путемъ провинціальныхъ выборовъ, а законодательная дѣятельность отсутствовала; кромѣ того, существовало множество спеціальныхъ юрисдикцій въ каждомъ вѣдомствѣ. Министромъ юстиціи очень продолжительное время оставался **графъ В. Н. Панинъ**, о которомъ мы уже говорили. Онъ и въ эту отрасль своей дѣятельности внесъ строго консервативное воззрѣніе, соединенное съ внѣшнею недоступностью, дѣлавшею его крайне непопулярнымъ, особенно между подчиненными. На послѣднихъ смотрѣлъ онъ какъ на существа низшей породы. Это былъ рѣдкій у насъ примѣръ аристократа не только по титулу, но и по убѣжденію. Какъ извѣстно, только однажды—въ вопросѣ о классицизмѣ—графъ принялъ сторону либеральную. Нѣкоторыя странности его доходили до причудъ, такъ, никогда не мѣнялъ онъ своихъ резолюцій, хотя бы нелѣпость ихъ ему самому стала очевидною. Совершенную противоположность съ Панинымъ представлялъ преемникъ его, **Д. Н. Замятнинъ**, хотя уступавшій графу въ способностяхъ, но человѣкъ характера мягкаго и доброжелательнаго. При Замятнинѣ, и товарищѣ его **Н. И. Стояновскомъ**, была введена судебная реформа, и Замятнинъ, надобно отдать ему справедливость, чрезвычайно серьезно отнесся къ этому дѣлу. Трудъ введенія реформы былъ не малый, если вспомнить, что предстояло создать совершенно новый громадный персоналъ служащихъ, да еще при условіи несмѣняемости большинства изъ нихъ. Ни одна изъ реформъ не была, можно сказать, встрѣчена такимъ сочувствіемъ съ одной стороны и скрежетомъ зубовнымъ — съ другой и ни одна на практикѣ не исказилась такъ быстро.

Управленіе Министерствомъ Юстиціи князя **С. Н. Урусова** было слишкомъ кратковременно, чтобы оставить ка-

кой либо слѣдъ; при назначеніи же министромъ **графа К. И. Палена,** который до того былъ совершенно чуждъ юридической карьерѣ, общество начало ожидать ограниченія судебной реформы. Оно появилось въ робкихъ попыткахъ въ родѣ неутвержденія въ должностяхъ почти всѣхъ судебныхъ слѣдователей и т. п. Во всякомъ случаѣ судебная реформа и при графѣ Паленѣ, въ обществѣ извѣстномъ болѣе за нѣмецкій акцентъ, подававшій поводъ къ сочиненію про него разныхъ анекдотовъ, дѣлала успѣхи въ смыслѣ расширенія своего примѣненія въ новыя, дореформенныя мѣстности Россіи. Подъ конецъ своего управленія силою вещей графъ Паленъ, nolens-volens, явился почти защитникомъ новыхъ судовъ, и неожиданный исходъ дѣла Засуличъ заставилъ его оставить министерство. Новый министръ, **Д. Н. Набоковъ,** представитель извѣстнаго кружка великаго князя Константина Николаевича, занимался до того времени польскими дѣлами, заступивъ мѣсто Н. А. Милютина въ званіи статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго, въ коемъ его дѣятельности слѣдуетъ отчасти приписать успѣхъ труднаго дѣла органическаго преобразованія гражданскаго строя Царства Польскаго и введеніе тамъ на русскихъ началахъ судебной реформы. Отчасти почти постоянная болѣзнь и особенно чрезвычайныя обстоятельства, вынудившія изъять изъ вѣдѣнія обыкновенной юстиціи многія дѣла, не дозволили обрисоваться съ достаточною ясностью намѣреніямъ этого министра.

VIII.

Значеніе Министерства Государственныхъ Имуществъ всегда было совершенно второстепенное въ системѣ нашего государственнаго управленія, хотя этому министерству довѣрены весьма крупные экономическіе интересы. По назначеніи **графа П. Д. Киселева,** одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ дѣятелей царствова-

нія императора Николая, посломъ въ Парижъ, министромъ государственныхъ имуществъ сдѣлался сначала ровно ничѣмъ не примѣчательный д. т. с. **Шереметевъ**, а годъ спустя, **графъ М. Н. Муравьевъ**, въ каковой должности последній и оставался до своего назначенія управляющимъ удѣлами и межевымъ корпусомъ. Завѣдуя государственными крестьянами, Муравьевъ былъ противникомъ крестьянской реформы, которую считалъ „непрактичною" *). Муравьевъ— человѣкъ главнымъ образомъ характера, поэтому онъ мало соотвѣтствовалъ обыкновенной канцелярской дѣятельности. Въ министерствѣ онъ оставилъ воспоминаніе человѣка крутого. Впрочемъ, согласно уменьшенію значенія министерства послѣ освобожденія государственныхъ крестьянъ, Муравьевъ дѣлалъ сокращенія въ своемъ вѣдомствѣ съ похвальною рѣшительностью. Эти сокращенія дошли до того, что при преемникѣ Муравьева, **А. А. Зеленомъ**, возникъ вопросъ: стоитъ ли имѣть особое министерство для завѣдыванія лѣсами, оброчными статьями и для покровительства

---

*) Графу М. Н. Муравьеву, выпала прискорбная доля тщетно отстаивать устройство государственныхъ имуществъ и удѣла, и онъ предпочелъ отказаться отъ портфеля министра, чтобы не быть участникомъ въ ихъ ломкѣ. „Ломка эта, по словамъ его записокъ, не вызывалась ничѣмъ инымъ, какъ только полнымъ и совершеннымъ расшатываніемъ и ослабленіемъ власти и развитіемъ демократическихъ началъ во всѣхъ сословіяхъ. Въ особенности направленіе это проявилось при составленіи положенія объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ: въ немъ вводилось много такихъ началъ, которыя еслибы были приняты, то, конечно, произвели бы большіе въ государствѣ безпорядки и неустройства". Когда же положеніе было обнародовано, явилось намѣреніе немедленно распространить его и на государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и упразднить два управленія, доказавшія уже на опытѣ свою зрѣло обдуманную организацію, не взирая на то, что не было еще никакого управленія помѣщичьими крестьянами и неизвѣстно было, чѣмъ еще окончится вся эта реформа. „Я старался, говорить Муравьевъ, убѣдить всѣхъ, чтобы выждали, по крайней мѣрѣ, пока увидятъ послѣдствія прекращенія крѣпостнаго права и устройства мировыхъ учрежденій, но меня не слушали и проводили идеи, клонившіяся только къ уничтоженію всякаго порядка управленія".

земледѣлію? Вопросъ былъ рѣшенъ Государственнымъ Совѣтомъ въ смыслѣ упраздненія министерства. Этотъ моментъ совпадаетъ со временемъ управленія Зеленаго, который далеко не удачно разрѣшилъ крестьянскій вопросъ въ казенныхъ земляхъ, за то имѣетъ заслуги за твердую, чисто русскую политику въ поземельныхъ вопросахъ Западнаго и Прибалтійскаго края, почему онъ пользовался непопулярностью у поляковъ и нѣмцевъ, наравнѣ съ Милютинымъ, фонъ-Кауфманомъ и др.

Назначеніе графъ **П. А. Валуева**, занимавшаго, по оставленіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, скромную должность предсѣдателя частнаго коммерческаго учрежденія, именно учетнаго и ссуднаго банка, спасло Министерство Государственныхъ Имуществъ отъ упраздненія. Компетенція министра была значительно расширена присоединеніемъ горнаго департамента и Главнаго управленія государственнаго коннозаводства. Во время управленія графа П. А. Валуева въ этой части не произошло ничего выдающагося, если не считать продажи въ частныя руки нѣсколькихъ крупныхъ казенныхъ горныхъ заводовъ и промысловъ, и раздачи и распродажи въ частныя руки башкирскихъ земель, затѣи, вполнѣ и справедливо осужденной, къ сожалѣнію, только слишкомъ поздно, когда исправить зло было трудно, если не невозможно. И въ званіи министра государственныхъ имуществъ графъ Валуевъ отличался обворожительностью внѣшнихъ формъ.—Prends un siège Cinna, сказалъ онъ первому начальнику отдѣленія, пришедшему къ нему съ докладомъ.—„Если дѣлать для Иванова, то отчего не сдѣлать для Іогансона“, любилъ говорить онъ, хотя вопросъ: на долю Іогансоновъ не приходилось ли болѣе чѣмъ для Ивановыхъ? Мѣсто графа Валуева занялъ, креатура послѣдняго, свѣтлѣйшій **князь А. А. Ливенъ**; при немъ продажа башкирскихъ земель была фактически пріостановлена; задуманы и частью начаты различныя преобразованія по управленію; большая часть ихъ не была осуществлена за краткостью времени и непрочностью положенія министра,

стоявшаго одиноко среди двухъ направленій, преобладавшихъ въ высшихъ сферахъ, и качавшагося между ними какъ человѣкъ, не имѣвшій самостоятельности воззрѣній и таланта.

Главное управленіе государственнаго коннозаводства до 1875 года составляло какъ бы особое маленькое министерство. Во главѣ этого управленія почти все время оставался **Р. Е. Гринвальдъ**, старый кавалеристъ, имѣвшій репутацію любителя и отличнаго знатока своего дѣла. Государственные конскіе заводы были при немъ значительно расширены.

Въ Главномъ управленіи путями сообщеній и публичными зданіями **графъ П. А. Клейнмихель** оставался цѣлый годъ, хотя общественное мнѣніе было чрезвычайно возбуждено противъ этого, безспорно, умнаго и энергическаго, по крайне непопулярнаго, по своему черствому сердцу, высокомѣрію и грубости, государственнаго человѣка. Извѣстіе о смѣнѣ его и назначеніи главноуправляющимъ **К. В. Чевкина** было встрѣчено общею радостью, выразившейся во множествѣ стиховъ и эпиграммъ. Чевкинъ, о которомъ было говорено выше, имѣлъ репутацію человѣка, близко знакомаго съ техническими вопросами, изучивъ ихъ во время завѣдыванія штабомъ корпуса горныхъ инженеровъ. Тогда же, путешествуя заграницу, онъ познакомился съ Перейрами, сдѣлавшимися учредителями Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, хотѣвшаго покрыть Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ, но, послѣ очень неудачнаго приступа къ дѣлу, весьма съузившаго свою задачу. Ремонтъ Николаевской дороги также былъ отданъ французу — Кайлю, хотя и за половину прежней цѣны. Человѣкъ высокой честности, Чевкинъ имѣлъ недостатокъ въ мелочности и крайней медленности и осторожности. Поэтому, въ теченіе шестилѣтняго управленія, онъ ничего не сдѣлалъ для водяныхъ путей и очень запустилъ шоссейные слишкомъ скупымъ ремонтомъ.

Мѣсто Чевкина занялъ **П. П. Мельниковъ**. Какъ отличный техникъ (Мельниковъ и Крафтъ построили Николаевскую дорогу) и единственный министръ путей сообщенія,

достигшій этого званія изъ инженеровъ, Мельниковъ, человѣкъ блистательныхъ способностей, возбудилъ преувеличенныя ожиданія публики и, какъ всегда бываетъ, не удовлетворилъ большинства. Наиболѣе винили его за апатію и уступчивость, „ничего не подѣлаешь, надо уступать"—было его любимымъ изреченіемъ. Онъ не любилъ борьбы, почему, хотя Главное управленіе переименовалось при немъ въ Министерство Путей Сообщенія, но вѣдомство послѣдняго очень съузилось: департаментъ телеграфовъ, земскія дороги, публичныя зданія и арестантскія роты гражданскаго вѣдомства отошли отъ этого министерства. Остряки называли поэтому Мельникова „министромъ Николаевскаго моста и Исаакіевскаго собора". Болѣе слѣдовало винить Мельникова за возобновленіе контракта по ремонту Николаевской дороги съ Уайненсономъ и за отдачу Кіево-балтской желѣзной дороги не менѣе извѣстному Фильелю. При всемъ томъ Мельниковъ былъ и остается однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ нашихъ государственныхъ людей, содѣйствовавшій, при помощи М. Х. Рейтерна, быстрому созданію желѣзнодорожной сѣти, хотя и при помощи по большей части никому невѣдомыхъ проходимцевъ, захватившихъ въ свои руки концессіи.

Въ 1869 году министромъ сдѣлался **графъ В. А. Бобринскій**, отецъ котораго прославился основаніемъ на югѣ свеклосахарной промышленности. Графъ, совершенно не знакомый съ дѣломъ, пробылъ всего годъ и потерялъ мѣсто за неудачный проектъ—отдать Волгу въ аренду компаніи Эпштейна. Мѣсто его, благодаря содѣйствію всемогущаго тогда графа П. А. Шувалова, занялъ **графъ А. П. Бобринскій**, двоюродный братъ предыдущаго, составившій себѣ репутацію основаніемъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита. Онъ задался мыслью преобразовать вѣдомство путей сообщенія кореннымъ образомъ, но отъ недостаточнаго знакомства со спеціальностью своего вѣдомства, несовсѣмъ удачнаго выбора людей и излишней торопливости большинство реформъ не удалось; графъ нажилъ себѣ враговъ и былъ вынужденъ удалиться

за слишкомъ рѣзкое противодѣйствіе проекту Путиловскаго порта. Всеобщія жалобы на неустройство нашихъ водяныхъ путей, какъ бы забытыхъ въ пользу желѣзныхъ дорогъ или, скорѣе, желѣзнодорожниковъ, послужили, по всей вѣроятности, причиною выбора въ преемники графа Бобринскаго адмир. **К. Н. Посьета**, знакомаго Россіи по путешествіямъ великаго князя Алексѣя Александровича. Посьетъ, дѣйствительно, обратилъ вниманіе на улучшеніе нашихъ водяныхъ путей и морскихъ портовъ. Болѣе трудная задача предстояла ему по обузданію нашихъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей, но тутъ дѣло осталось только при благихъ намѣреніяхъ и мало подвинулось впередъ; новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ его управленіи почти не строилось, такъ какъ и старыя не могли обойтись безъ постояннаго пособія правительства. К. Н. Посьетъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что объ увольненіи ни одного министра не распространялись такъ часто слухи, между тѣмъ онъ продолжалъ спокойно управлять своимъ вѣдомствомъ.

Говоря о путейскомъ вѣдомствѣ, нельзя не упомянуть объ одномъ его выдающемся дѣятелѣ, баронѣ **А. И. Дельвигѣ**, принадлежащемъ къ числу извѣстнѣйшихъ русскихъ инженеровъ путей сообщенія. Покойный былъ близкимъ родственникомъ извѣстнаго поэта, друга Пушкина. Когда началась постройка желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, баронъ Дельвигъ занялъ важное тогда мѣсто главнаго инспектора всѣхъ частныхъ дорогъ. Его вліянію наши инженеры путей сообщенія много обязаны тѣмъ, что техническія должности по желѣзнымъ дорогамъ перешли изъ рукъ иностранцевъ въ руки русскихъ. Вообще, хотя нѣмецъ по фамиліи, баронъ Дельвигъ былъ всегда русскимъ патріотомъ въ душѣ. Апогеемъ значенія барона Дельвига въ Министерствѣ Путей Сообщенія было управленіе генерала Мельникова. Онъ пользовался также вліяніемъ и при графахъ Бобринскихъ и былъ первымъ начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ, соединившимъ департаментъ и инспекцію въ однѣ руки, а затѣмъ товарищемъ министра.

IX.

Рядомъ съ нашими министерствами стояла Собственная его императорскаго величества канцелярія, которой нѣкоторыя отдѣленія можно было разсматривать какъ особыя министерства. Первое отдѣленіе, представляющее личную канцелярію государя императора, второстепенно по своему значенію; оно все время состояло подъ управленіемъ двухъ почтенныхъ людей: статсъ-секретаря **А. С. Танѣева**, который пользовался неизмѣнно одинаковымъ довѣріемъ обоихъ государей, и сына его, **С. А. Танѣева**, аккуратнѣйшаго изъ аккуратнѣйшихъ чиновниковъ.

Второе отдѣленіе Собственной е. и. в. канцеляріи представляетъ кодификаціонную комиссію, значеніе которой чрезвычайно умалилось вслѣдствіе изданія множества новыхъ и чрезвычайно важныхъ законоположеній, не имѣвшихъ никакой ни логической, ни органической связи со старымъ нашимъ Сводомъ. Только одинъ изъ главноуправляющихъ II отдѣленіемъ, **графъ М. А. Корфъ,** человѣкъ безъ опредѣленныхъ убѣжденій, но лучшій нашъ бюрократическій стилистъ послѣ Сперанскаго и авторъ извѣстной исторіи этого идеальнѣйшаго бюрократа, старался поднять значеніе этого учрежденія, исходатайствовавъ предварительную передачу всѣхъ вновь проектируемыхъ узаконеній во II отдѣленіе для согласованія ихъ съ общимъ духомъ законовъ. Но затѣмъ это нововведеніе, какъ замедлявшее ходъ законодательныхъ работъ, было отмѣнено. Графъ Корфъ имѣетъ также заслуги преобразователя Публичной Библіотеки. Кромѣ графа М. А., во главѣ II отдѣленія стояли еще графъ **А. Н. Блудовъ** и **графъ В. Н. Панинъ,** общую характеристику которыхъ, какъ государственныхъ людей, мы уже представили.

Затѣмъ этотъ высокій постъ занималъ предсѣдатель департамента законовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, **князь С. Н. Урусовъ.** Князь, бывшій также послѣ Буткова госу-

дарственнымъ секретаремъ, отличался трудолюбіемъ и большими юридическими познаніями. Онъ не высказывалъ вполнѣ своихъ убѣжденій, хотя несомнѣнно принадлежалъ къ консервативной партіи; какъ бы по ироніи судьбы, ему пришлось предсѣдательствовать въ комиссіи по разсмотрѣнію проекта болгарской конституціи*).

III-е отдѣленіе Собственной е. и. в. канцеляріи образовало родъ министерства полиціи. Учрежденіе это играло важную роль въ царствованіе Николая I, сосредоточивая главнѣйшія дѣла внутренней политики. Послѣ Крымской войны вниманіе общества до такой степени было поглощено реформами, что значеніе отдѣленія крайне съузилось. Главноначальствующій надъ отдѣленіемъ, **князь В. А. Долгоруковъ,** военный министръ Крымской войны, вполнѣ соотвѣтствовалъ такой роли. Онъ былъ въ числѣ противниковъ крестьянской реформы. Преступное покушеніе 4-го апрѣля 1866 года снова обратило вниманіе на политическую полицію, и **графъ П. А. Шуваловъ** замѣнилъ князя Долгорукова и много лѣтъ имѣлъ большое вліяніе на общій ходъ государственныхъ дѣлъ. Кромѣ обстоятельствъ, этому содѣйствовали личныя качества графа: его гибкій умъ, ловкость, честолюбіе и умѣнье пользоваться людьми и обстоятельствами, которыя никогда не позволили бы ему на какомъ либо поприщѣ остаться на второмъ планѣ. Онъ быстро сломилъ начавшееся было вліяніе графа Муравьева, производившаго слѣдствіе по каракозовскому дѣлу и стоявшаго за самыя энергическія мѣры. На общество это произвело хорошее впечатлѣніе; затѣмъ онъ проявилъ стремленіе къ

*) Болгарская конституція попала къ кн. Урусову довольно оригинально. Проектъ ея, наскоро составленный при главной квартирѣ изъ конституцій греческой, сербской и румынской, былъ посланъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ; тамъ не знали, что дѣлать съ полученнымъ документомъ. Тогда М. Н. Никоновъ, опытный чиновникъ, рѣшилъ, что, какъ проектъ новаго узаконенія, она должна быть послана предварительно на заключеніе II (кодификаціоннаго) отдѣленія Собственной е. и. в. канцеляріи!

законности въ мѣрахъ, принимаемыхъ III отдѣленіемъ, и незамѣтно пріобрѣлъ огромное вліяніе на дѣла. Нигилистическую агитацію онъ засталъ въ самомъ началѣ, когда было много возможности мѣрами благоразумія и открытой, яркой и энергической политики совсѣмъ ее подорвать. Графъ Шуваловъ не былъ способенъ на такую политику, которая требовала широкаго ума и большой инициативы. Онъ предлагалъ мѣры полицейскія, въ формахъ болѣе или менѣе мягкихъ, но чрезвычайно послѣдовательныя. Раздѣляя аристократическія тенденціи, но ничего существеннаго для нихъ не дѣлая, а только на нихъ опираясь, онъ распространилъ правительственное неблаговоленіе на все общество, преслѣдуя въ органахъ самоуправленія, въ печати, въ отдѣльныхъ личностяхъ всякую самостоятельность. Ему приписывали выраженіе, что „все зло происходитъ отъ того, что существуетъ Москва: не будь ея, дѣла Россіи пошли бы гораздо живѣе и лучше". Выраженіе, вѣроятно, выдуманное, но оно указываетъ какъ бы на преемственность петровскихъ традицій и на реформаторскія намѣренія.

Они, дѣйствительно, и замышлялись, но въ формахъ почти неуловимыхъ. Какъ бы то ни было, время графа Шувалова было временемъ укрѣпленія нигилистической агитаціи и поворотомъ отъ реформъ къ реакціи; онъ съумѣлъ дать правительственной машинѣ попятный ходъ, тѣмъ болѣе рискованный, что рядомъ съ этимъ общество оставалось въ убѣжденіи, будто реформамъ не будетъ конца. Какъ извѣстно, назначенный посломъ въ Лондонъ, что считалось въ свое время какъ бы удаленіемъ отъ дѣлъ, графъ Шуваловъ получилъ большое значеніе въ нашей иностранной политикѣ, въ качествѣ друга лорда Дерби и представителя направленія прямо противоположнаго идеямъ графа Игнатьева; это повлекло къ извѣстному Берлинскому конгрессу, доставившему графу Шувалову большую непопулярность въ Россіи. Самъ покойный государь сознавалъ ненормальность Берлинскаго договора и писалъ графу Тотлебену: „Симпатія болгаръ, находящихся подъ нашимъ управле-

ніемъ, къ ихъ соплеменникамъ, оставшимся подъ владычествомъ Турціи, вполнѣ понятна; поэтому я опасаюсь, что образованіе такъ называемой Восточной Румеліи, согласно Берлинскому трактату, окажется на дѣлѣ неисполнимымъ". Въ Берлинѣ долго относились къ графу Шувалову съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ, но со времени Берлинской конференціи онъ сталъ любимымъ героемъ нѣмецкихъ журналистовъ, которые прославляли его, какъ „ангела мира", и постоянно ставили его кандидатуру, какъ перваго министра въ Россіи.

По естественной реакціи, преемники графа Шувалова, **А. Л. Потаповъ** и **Н. В. Мезенцовъ**, очень недолго занимавшіе свои посты—первый по случаю постигшей его тяжкой душевной болѣзни, послѣдній вслѣдствіе погибели отъ руки злодѣя, далеко не имѣли того же значенія и ограничивались своимъ непосредственнымъ вѣдомствомъ. Трудное наслѣдіе Н. В. Мезенцова занялъ **А. Р. Дрентельнъ**, имѣвшій репутацію строгой честности и замѣчательный тѣмъ, что карьеру составилъ безъ всякой протекціи, лишь своею усердною службою. Занимая свой постъ, Дрентельнъ подвергся покушенію на собственную жизнь и былъ свидѣтелемъ трехъ покушеній на жизнь въ Бозѣ почившаго императора. Необходимость принятія для борьбы съ крамолой рѣшительныхъ мѣръ повлекла учрежденіе Верховной распорядительной комиссіи, которой для большаго единства пришлось подчинить и III отдѣленіе. Номинальнымъ начальникомъ послѣдняго сдѣлался **графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ**, которому принадлежитъ честь упраздненія этого отжившаго свое время учрежденія, прямого наслѣдія тайныхъ канцелярій XVIII вѣка, совершенно невязавшагося съ Россіей преобразованной Александромъ II. Вѣсть объ уничтоженіи отдѣленія была встрѣчена съ восторгомъ всѣми, не исключая „Московскихъ Вѣдомостей".

IV отдѣленіе Собственной его императорскаго величества канцеляріи также изображаетъ изъ себя родъ маленькаго министерства. Финансовыя реформы конца 50-хъ

годовъ ограничили кругъ его вѣдомства, но въ вѣдѣніи отдѣленія оставались институты, больницы, воспитательные дома и другія учебныя и благотворительныя заведенія. Въ началѣ царствованія главную роль въ этомъ учрежденіи игралъ статсъ-секретарь **К. Л. Гофманъ,** служившій всю жизнь въ канцеляріи императрицы Александры Ѳеодоровны и ею рекомендованный. Это былъ старичекъ небольшихъ способностей, добрый, благорасположенный и особенно любезный по отношенію къ женщинамъ. Затѣмъ главное начальство перешло къ **принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому,** дядѣ покойнаго государя. Принцъ Ольденбургскій, отличавшійся необыкновенною гуманностью, добродушіемъ и любовью къ дѣтямъ, былъ много лѣтъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ людей въ Петербургѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, принцъ, извѣстный еще своею изумительною разсѣянностью, имѣлъ въ нашемъ обществѣ только друзей. Не смотря и на преклонные годы, онъ очень ревностно заботился объ улучшеніи своей части и, кромѣ того, принималъ участіе въ Государственномъ Совѣтѣ въ качествѣ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Принцъ, гуманный во всѣхъ отношеніяхъ, состоялъ членомъ извѣстной лиги мира и даже сочинялъ въ этомъ смыслѣ записки въ 1871 г. и во время Берлинскаго конгресса. Товарищемъ принца былъ **И. Д. Деляновъ.** Чрезвычайно доступный и ко всѣмъ ласковый, Деляновъ и по благотворительной и по учебной части умѣлъ пріобрѣсти популярность въ дѣйствіяхъ своихъ, слѣдуя однако строго правительственной политикѣ.

Къ числу высшихъ государственныхъ учрежденій относились у насъ еще Главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія, Кавказскій комитетъ, Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, Канцелярія Его Императорскаго Величества по дѣламъ Царства Польскаго, образованная изъ бывшаго Статсъ-секретаріата по дѣламъ Царства Польскаго, упраздненнаго послѣ уничтоженія автономіи царства, и, наконецъ, Комиссія прошеній, весьма сократившая кругъ

своего вѣдомства вслѣдствіе судебной реформы. Главные дѣятели этихъ учрежденій были почти все тѣ же, что въ Государственномъ Совѣтѣ или министерствахъ. Канцеляріями каждаго изъ этихъ учрежденій завѣдывали управляющіе дѣлами, положеніе которыхъ въ іерархическомъ отношеніи почти одинаково съ положеніемъ управляющаго дѣлами Комитета Министровъ. Постановленія означенныхъ комитетовъ касались только мѣстностей и спеціальныхъ дѣлъ, для коихъ они учреждены, почему вліяніе ихъ было ограничено въ политическомъ смыслѣ. Впрочемъ, управляющій дѣлами Главнаго комитета сельскаго состоянія **С. М. Жуковскій** тенденціознымъ направленіемъ этого учрежденія съумѣлъ придать дѣятельности послѣдняго крайне либеральный характеръ. Душою Комиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, былъ **кн. С. А. Долгорукій.**

Совсѣмъ особнякомъ стоитъ Статсъ-секретаріатъ Великаго Княжества Финляндскаго, служащій не министерствомъ, управляющимъ Финляндіей, а какъ бы посредникомъ между финляндскимъ правительствомъ, выражающимся въ сеймѣ и финляндскомъ сенатѣ, и государемъ. До 1876 г. финляндскимъ министромъ — статсъ-секретаремъ былъ **графъ А. Г. Армфельтъ.** Время его управленія замѣчательно по цѣлому ряду искусно выпрошенныхъ для финляндской автономіи уступокъ. Финляндіи дарована своя армія, своя монета, свои кредитные билеты; съ 1863 года начали регулярно созываться сеймы и подъ видомъ утвержденія сеймоваго устава гарантирована шведская конституція 1772 г. Даже прямодушный генералъ-губернаторъ **баронъ Рокассовскій**, хотя и финляндскій уроженецъ, выражалъ опасенія отъ послѣдствія подобныхъ уступокъ. Къ сожалѣнію, совѣтамъ его не было дано надлежащаго значенія. Обязанность генералъ-губернатора маленькой Финляндіи вообще чрезвычайно важна, какъ представителя Россіи и какъ лица, которое должно высоко держать русское знамя и отстаивать русскіе интересы отъ разныхъ скандинавскихъ по-

ползновеній. Преемникъ графа Армфельта **Ѳ. А. Брунъ** дѣйствовалъ въ томъ же духѣ всяческихъ поблажекъ, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ. Такъ, вслѣдствіе противодѣйствія графа Лорисъ-Меликова, финляндцамъ неудалось отдѣлить отъ Россіи и слить съ Финляндіей незамерзающее прибрежье Ледовитаго моря.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ

Государственные и общественные дѣятели.

Графъ А. В. Адлербергъ.

Графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, скончавшійся 22 сентября (1888 года), одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей прошедшаго царствованія. Воспитанный вмѣстѣ съ покойнымъ государемъ императоромъ, графъ Александръ Владиміровичъ пользовался всю жизнь его расположеніемъ, скажемъ болѣе, былъ осчастливленъ его высокой дружбой. Ни одинъ изъ подданныхъ не находился такъ близко къ монарху, не зналъ его сокровенныхъ мыслей, не дѣлилъ всѣхъ семейныхъ радостей и печалей, какъ графъ Адлербергъ. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что и политическая роль графа, хотя она всегда отрицалась, была несравненно значительнѣе того, какой она могла быть собственно въ тѣсномъ кругѣ придворныхъ обязанностей министра Двора.

Объ этой роли, какъ совершенно интимной, судить теперь нельзя, да и нѣтъ для того достаточныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что участіе графа А. В. Адлерберга въ общихъ дѣлахъ управленія было не лишено значенія, такъ какъ графъ Александръ Владиміровичъ пользовался репутаціей человѣка спокойнаго, добродушнаго, очень умнаго и прекрасно образованнаго и не принадлежавшаго ни къ какой партіи.

Вмѣстѣ съ этимъ у графа А. В. Адлерберга были свои слабости и даже причуды. Онъ отрицалъ движенie и чистый воздухъ. Постоянное пребыванie въ запертой комнатѣ отразилось даже на его здоровьи и глазахъ. Затѣмъ графъ, въ совершенную противоположность отцу, не любилъ заниматься канцелярскими дѣлами, забывая о нихъ, между тѣмъ никогда не хотѣлъ имѣть секретаря, а разсѣянность или небрежность его была такова, что, по увольненiи его изъ министерства по разстроенному здоровью,— увольненiи, просьбу о которомъ онъ также все откладывалъ подавать, въ кабинетѣ его нашли вещи и письма, присланныя еще на коронацiю 1856 года.

Ходили слухи, что, накопивъ нѣкоторое количество разныхъ просьбъ и прошенiй, которыми вездѣ одолѣваютъ человѣка въ его положенiи, графъ безъ церемонiи двѣ трети ихъ, не распечатывая, отправлялъ въ каминъ. И своихъ ближайшихъ помощниковъ графъ принималъ весьма неохотно съ докладами, и иногда, сидя въ кабинетѣ, заставлялъ ихъ писать рядомъ въ прiемной записки о предметѣ посѣщенiя, хотя разговоръ въ двухъ словахъ рѣшилъ бы гораздо скорѣе дѣло. Въ концѣ концовъ подчиненные распоряжались по-своему.

Но столь неохотно занимавшiйся дѣлами, графъ, говорятъ, оживлялся и работалъ съ изумительнымъ усердiемъ и быстротою, когда ему приходилось исполнять обязанность секретаря Царя-Освободителя и служить посредникомъ въ передачѣ на бумагу его мыслей и предположенiй. Онъ прекрасно владѣлъ тогда перомъ и показывалъ, что изъ него могъ бы выйти прекрасный дипломатъ.

Во главѣ Министерства Императорскаго Двора графъ А. В. Адлербергъ былъ около десяти лѣтъ, заступивъ своего отца, графа В. Ѳ. Адлерберга. Министерство Двора, очень многосложное учрежденiе, скорѣе хозяйственное, нежели политическое. Оно требуетъ или особой энергiи, такъ сказать хлопотливой способности вникать во всѣ детали, которой именно не доставало у графа Адлерберга, или пре-

образованія для выдѣленія многихъ случайно вошедшихъ въ это министерство частей управленія.

Никакихъ измѣненій въ своемъ вѣдомствѣ графъ Адлербергъ не задумывалъ, поддерживая порядокъ вещей, сложившійся до него. Съ этой точки зрѣнія онъ, быть можетъ, заслужитъ отъ нѣкоторыхъ критику, по справедливости, впрочемъ, относящуюся скорѣе къ ближайшимъ помощникамъ графа, каковъ, напр., былъ баронъ Кистеръ, встрѣченный графомъ при назначеніи болѣе чѣмъ сухо (графъ на пріемѣ прошелъ мимо него не подавая руки), но уже черезъ два мѣсяца, благодаря своему уму и трудолюбію, получившій вліяніе и ставшій подъ конецъ почти всемогущимъ. Но насъ интересуютъ не эти спеціальные вопросы, а общая дѣятельность графа на государственномъ поприщѣ.

Съ этой точки зрѣнія мы думаемъ, что русское общество сохранитъ о графѣ Адлербергѣ пріятное воспоминаніе и оцѣнитъ въ немъ выдающагося дѣятеля эпохи, составляющей одну изъ блестящихъ страницъ русской исторіи. Въ свое время заграничная русская печать не мало напечатала объ А. В. клеветъ, ничѣмъ однако не подтверждавшихся, за то несомнѣнно, что онъ самъ въ жизни никого не оклеветалъ и никому не сдѣлалъ дурного.

Преемникъ графа Адлерберга графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, назначеніе котораго было встрѣчено сочувственно русскимъ обществомъ, не замедлитъ, конечно, заняться преобразованіемъ своего вѣдомства. Его независимый характеръ и близкое положеніе ко Двору, сходное отчасти съ тѣмъ, въ которомъ находился графъ А. В. Адлербергъ при покойномъ государѣ, даетъ право ожидать, что реформы будутъ сдѣланы въ самомъ широкомъ смыслѣ, единственно въ интересахъ дѣла, а не съ узкой точки зрѣнія извѣстнаго вѣдомства.

Графъ В. Ѳ. Адлербергъ.

Сегодня*), на девяносто второмъ году отъ рожденія, скончался одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, одинъ изъ двухъ остававшихся еще въ живыхъ министровъ царствованія императора Николая Павловича— членъ Государственнаго Совѣта графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ.

Покойный, по окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ онъ былъ товарищемъ и соперникомъ знаменитаго декабриста Пестеля (съ которымъ потомъ встрѣтился какъ членъ слѣдственной о 14 декабря комиссіи), началъ свою службу въ рядахъ гвардіи и вмѣстѣ съ Московскимъ полкомъ, котораго онъ числился впослѣдствіи шефомъ, совершилъ походъ, въ 1814 г., въ Парижъ. Затѣмъ онъ вращался постоянно въ придворныхъ сферахъ, потому что мать его была съ 1797 по 1803 г. воспитательницей великихъ князей Николая и Михаила Павловичей и получила даже за это титулъ графини. Въ 1817 г. графъ Владиміръ Ѳедоровичъ сдѣлался адъютантомъ Николая Павловича и съ тѣхъ поръ не покидалъ его, также какъ сынъ его впослѣдствіи не разставался никогда съ Александромъ Николаевичемъ. Покойный былъ настолько близокъ къ императору Николаю Павловичу, что тотъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи рекомендовалъ графа своему наслѣднику какъ человѣка, котораго онъ любилъ „какъ брата" и прибавилъ, что съ дѣтства два лица были его друзьями и товарищами: графъ Адлербергъ и сестра графа, графиня Юлія Ѳедоровна Баранова, воспитательница великихъ княженъ, дочерей императора Николая. И при Александрѣ II графъ Владиміръ Ѳедоровичъ пользовался не меньшимъ, а можетъ быть даже и большимъ вліяніемъ, чѣмъ при императорѣ Николаѣ.

---

*) 8 марта 1884 г.

Въ 1828 г., когда императоръ Николай Павловичъ принялъ личное участіе въ турецкой войнѣ, графъ Адлербергъ былъ у него начальникомъ штаба, но наиболѣе выдающаяся дѣятельность для графа Владиміра Ѳедоровича была въ званіи главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ съ 1841 по 1856 годъ и по управленію Министерствомъ Императорскаго Двора съ 1852 по 1872 годъ. Въ первомъ изъ нихъ онъ ознаменовалъ себя объединеніемъ почтовыхъ таксъ—весьма полезная въ свое время реформа, а во второй (въ началѣ своего министерства) управленіемъ театровъ, гдѣ въ 40-хъ годахъ злоупотребленія и распущенность дошли до своего апогея.

Театрами онъ управлялъ съ большимъ вниманіемъ и лично входилъ во всѣ подробности театральнаго управленія, почему директоры Гедеоновъ, Сабуровъ и графъ Борхъ мало имѣли значенія: болѣе власти находилось въ рукахъ бывшаго почтоваго чиновника П. С. Ѳедорова, съ большимъ искусствомъ до самой смерти завѣдывавшаго всѣми театрами въ скромномъ званіи начальника репертуарной части. Благодаря оппозиціи графа В. Ѳ., театры еще въ 1861 г. не постигла предполагавшаяся коренная реформа, навѣрное только разстроившая бы ихъ управленія во вредъ публикѣ.

Какъ управляя почтовой частію онъ не ссорился даже съ графомъ Клейнмихелемъ, который не чинилъ дорогъ, отчего портились почтовыя лошади и экипажи и запаздывали почты, такъ и въ управленіи Министерствомъ Двора графъ Адлербергъ старался быть со всѣми въ ладахъ. Это было тѣмъ легче, что предшественникъ его, князь П. М. Волконскій, не нравился за крайнюю разсчетливость, за что и прозванъ былъ le Prince de Pierre. Всегда въ ровномъ расположеніи духа, всегда уступчивый, а вмѣстѣ съ тѣмъ преданный и скромный, графъ Адлербергъ былъ оцѣненъ по достоинству.

Не время, конечно, у свѣжей могилы входить въ ближайшую оцѣнку скончавшагося, хотя онъ принадлежалъ къ по-

колѣнію уже отошедшему въ исторію, являясь какъ бы случайнымъ обломкомъ минувшей эпохи, но нельзя умолчать, что графъ Владиміръ Ѳедоровичъ, не лишенный нѣкоторыхъ слабостей, безъ которыхъ едва ли, впрочемъ, бываютъ государственные люди,—въ особенности слабости къ женскому вліянію*),—оставилъ по себѣ память человѣка въ высшей степени добраго и любезнаго. Онъ славился также трудолюбіемъ и безукоризненно строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и, не отличаясь какими нибудь выдающимися государственными способностями, не старался никогда вмѣшиваться въ дѣла, не подлежащія его ближайшему вѣдѣнію. Въ 8 часовъ утра садился онъ за письменный столъ и къ 3 часамъ оканчивалъ всѣ дѣла, вечеръ посвящая удовольствіямъ; до глубокой старости его можно было видѣть въ театрѣ въ мундирѣ, расфранченнымъ и... скучающимъ. Резолюціи онъ писалъ такія обстоятельныя, что секретарямъ оставалось только списывать ихъ вмѣсто отвѣта на бумаги.

Два государя имѣли въ немъ самаго ревностнаго и преданнаго слугу, и почести, которыми графъ Владиміръ

*) Въ театрахъ не обходилось, напримѣръ, безъ протекціи. „Была еще одна личность, пишетъ, г. Вольфъ, имѣвшая громадное вліяніе на весь театральный мірокъ; личность эта Мина Ивановна Б. занимала неофиціальный, но весьма важный постъ театральной помпадурши. Отъ нея зависѣли главныя назначенія и ангажированіе артистовъ; она даже вмѣшивалась и въ хозяйственную часть: ни одинъ подрядчикъ, ни поставщикъ не допускался безъ ея предварительнаго одобренія. За то квартира этой чухонской Аспазіи (такое ей было дано прозвище) и вообще вся ея обстановка отличалась необыкновенною роскошью. Въ салонахъ милѣйшей хозяйки толпились не только артисты, но и всѣ лица, имѣвшія дѣло до ея патрона. Во всѣхъ театрахъ Мина Ивановна занимала крайнюю ложу второго яруса съ правой стороны и гордо возсѣдала на золоченыхъ креслахъ. Въ антрактахъ приходили на поклонъ всѣ артисты и артистки, и помпадурша принимала ихъ, награждая милостивыми и благосклонными шексхендами и улыбками; не являвшіеся же на поклонъ держались въ черномъ тѣлѣ и контракты съ ними не возобновлялись. Такихъ вольнодумцевъ, впрочемъ, было очень мало. (*А. Вольфъ*. Хроника петербургскихъ театровъ, т. III).

Өедоровичъ былъ постоянно окружаемъ, показываютъ, что его служба нашла себѣ справедливую оцѣнку. Политическаго значенія онъ не имѣлъ, хотя многіе важные доклады шли черезъ его руки; онъ приглашался также во всѣ совѣщанія по дѣламъ первостепенной государственной важности и въ тѣхъ, которыя касались внутренней политики, заявлялъ себя консерваторомъ, мало сочувствовавшимъ реформамъ и даже отмѣнѣ крѣпостнаго права. Никогда онъ не настаивалъ на своемъ мнѣніи. Службу онъ любилъ такъ, что нѣкоторое время старался скрыть даже отъ государя совершенную потерю зрѣнія.

П. П. Альбединскій.

Извѣстіе о смерти варшавскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Петра Павловича Альбединскаго*), послѣдовавшей отъ операціи камнесѣченія, не было неожиданностью; давно уже ходили слухи о тяжкомъ состояніи его здоровья и уже нѣсколько мѣсяцевъ покойный не могъ вовсе заниматься дѣлами.

Не обладая какимъ либо особенно выдающимся качествомъ государственнаго человѣка, Альбединскій тѣмъ не менѣе игралъ замѣтную роль въ числѣ государственныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, занимая по очереди весьма важные въ нашей администраціи посты.

Чрезвычайно красивый собою, ловкій и со средствами (по матери рожденной княжнѣ Багратіонъ, племянницѣ знаменитаго полководца), Альбединскій въ молодости, и въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ, имѣлъ чрезвычайный успѣхъ въ обществѣ; самыя аристократическія дамы ссорились изъ за него, и до старости онъ остался поклонникомъ прекрас-

*) 19-го мая 1883 г.

наго пола. Знаменитая поэтесса и московская „либералка" графиня Ростопчина была изъ тѣхъ, которыя считали блестящаго офицера въ числѣ своихъ поклонниковъ. А отказъ жениться на графинѣ Гауке (впослѣдствіе матери извѣстнаго принца Батенбергскаго) едва не повредилъ его карьерѣ. Императоръ Александръ Николаевичъ обратилъ вниманіе на молодого Альбединскаго и назначилъ его военнымъ агентомъ въ Парижъ, гдѣ онъ также пользовался большимъ успѣхомъ и откуда его вызвали за неосторожное участіе въ маскарадѣ, въ которомъ императрицѣ Евгеніи пришла фантазія вырядится въ польское національное платье.

Затѣмъ онъ командовалъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскимъ полкомъ, и послѣдовательно былъ сдѣланъ командиромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, начальникомъ штаба С.-Петербургскаго военнаго округа, когда въ первый разъ по образцу Франціи были заведены округа, генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края (послѣ пятилѣтняго пребыванія не у дѣлъ), генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края и, наконецъ, варшавскимъ. На каждомъ изъ этихъ постовъ Альбединскій оставилъ репутацію человѣка благонамѣреннаго, весьма любезнаго и съ административнымъ тактомъ. Послѣднее качество блистательно проявилось, напримѣръ, при усмиреніи въ Варшавѣ извѣстныхъ антиеврейскихъ безпорядковъ.

Съ политической точки зрѣнія дѣятельность покойнаго оцѣнить затруднительнѣе. Въ Ригѣ и Вильнѣ, выступивъ послѣ графа Баранова и Потапова, Альбединскій, казалось, представлялъ собою какъ будто бы русское направленіе. Въ особенности въ Ригѣ русская часть населенія обрадовалась его назначенію и возлагала надежды на сдѣланныя имъ начинанія, весьма впрочемъ робкія и ограничившіяся только обѣщаніями въ анти-нѣмецкомъ духѣ. На дѣлѣ Альбединскій былъ недоволенъ, когда Зеленый повелъ управленіе государственными имуществами въ Прибалтійскомъ краѣ въ русскомъ духѣ.

Въ оправданіе Альбединскаго надобно сказать, что это

было время, когда Прибалтійскій край находился еще подъ впечатлѣніемъ политики кн. Суворова, „этого гуманнаго внука воинственнаго дѣда“, какъ назвалъ его Тютчевъ, когда въ С.-Петербургѣ была сильна нѣмецкая партія и существовалъ такъ называемый Остзейскій комитетъ. Что могъ сдѣлать Альбединскій одинъ безъ помошниковъ, безъ русскихъ исполнителей, безъ твердой правительственной программы и другихъ инструкцій, кромѣ наставленія не раздражать мѣстныхъ феодаловъ? Что могъ онъ сдѣлать, когда губернаторами въ Ригу назначали предводителей нѣмецкой прогрессивной партіи! Генералъ-губернаторъ, пріѣзжая въ нѣмецкое царство и видя вокругъ все новое и необычное, невольно приходилъ къ сознанію, что если не желаешь сломать себѣ шеи, то не слѣдуетъ соваться въ чужой монастырь со своимъ уставомъ. Въ особенности скоро приходилъ къ этому сознанію генералъ-губернаторъ съ претензіей на аристократическія связи, такъ какъ русскій элементъ въ краѣ представлялся нѣсколькими купцами и перекрещенными латышами.

Въ Варшавѣ мѣстное польское общество, а отчасти и заграничная польская печать прославила Альбединскаго представителемъ какой-то примирительной политики. А такъ какъ политика „примиренія“ до сихъ поръ для Россіи по отношенію къ полякамъ оканчивалась весьма плачевно и мы, благодаря ей, оставались обманутыми, то слухъ о новой подобной попыткѣ естественно вызвалъ безпокойство въ русскомъ обществѣ и въ печати, особенно въ московской.

На дѣлѣ, однако, едва ли можно приписывать покойному какіе либо подобные замыслы. Натурѣ Альбединскаго не нравились нѣкоторыя рѣзкія проявленія черезчуръ, по его мнѣнію, рьяныхъ и нетерпѣливыхъ обрусителей и онъ кое-гдѣ выказывалъ противодѣйствіе послѣднимъ; эти-то пассивныя и случайныя проявленія, а также изысканную любезность, съ которою Альбединскій—человѣкъ свѣтскій и придворный (онъ былъ женатъ на извѣстной въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ красавицѣ княжнѣ А. С. Дол-

горукой)—относился къ польскому высшему обществу, польскіе органы и выдали за какую-то примирительную политику, о которой у покойнаго не было, вѣроятно, въ мысляхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ Варшавѣ онъ не былъ на своемъ мѣстѣ и его снисходительностью, а также поблажкою состарѣвшагося графа Коцебу, иностранная колонизація пріобрѣла въ Царствѣ Польскомъ такую силу, что многія пограничныя мѣстности совершенно онѣмечились и рабочіе спокойно гуляли въ формѣ прусскаго ландвера. Прискорбное обстоятельство это вынудило потомъ изданіе весьма тяжелаго, хотя и необходимаго, ограничительнаго закона 14-го апрѣля 1887 года.

Даже поѣздка австрійскаго императора въ Краковъ въ сентябрѣ 1880 года и открытое заигрываніе съ поляками не измѣнило оптимизма Альбединскаго. Онъ находилъ поѣздку „лишенною всякаго внутренняго значенія“, способною только „разочаровать польское общество“. Самимъ Альбединскимъ польское общество осталось до конца очарованнымъ и похороны его послужили даже поводомъ, какъ сообщали газеты, къ манифестаціямъ, весьма, впрочемъ, невиннымъ. Онѣ состояли въ томъ, что всѣ офиціальные вѣнки поляки подмѣнили своими съ однообразною надписью: честному человѣку.

Говорятъ, что Тургеневъ изобразилъ Альбединскаго въ „Дымѣ“ въ числѣ генераловъ, слегка фрондирующихъ по поводу положенія вещей въ Россіи.

М. Н. Анненковъ.

„Вѣрные, истинные слуги государя и отечества,—говоритъ Сводъ Законовъ, — имѣютъ надѣяться на особливое монаршее благоволеніе и милость, и во всѣхъ случаяхъ по испытанной вѣрности и искусству ожидать соразмѣрной заслугамъ награды“. Хотя, по нашему добродушію и ще-

дрости, нигдѣ служащіе не получаютъ столько почетныхъ наградъ, сколько въ Россіи, но полученіе высокаго ордена при такомъ лестномъ рескриптѣ, какого удостоился строитель Закаспійской желѣзной дороги генералъ-лейтенантъ Михаилъ Николаевичъ Анненковъ *) получить орденъ Александра Невскаго съ алмазами, составляетъ явленіе весьма рѣдкое.

Награда въ данномъ случаѣ вполнѣ заслуженна и значеніе ея тѣмъ болѣе важно, что великая услуга г. Анненкова, оцѣненная по достоинству всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, менѣе всего, повидимому, сознается русскимъ обществомъ.

Хотя непризнаваніе своего и составляетъ довольно общую черту, за исключеніемъ немногихъ хвастливыхъ и высоко мнящихъ о себѣ народцевъ, но нигдѣ эта черта самоотрицанія и самоуниженія, какъ извѣстно, не развита такъ сильно, какъ въ русскомъ характерѣ. Для насъ частности и личные вопросы всегда затемняютъ общее дѣло и только послѣ смерти, особенно преждевременной, удается заслужить признательность современниковъ, да и то ненадолго.

*) Отецъ М. Н. Анненкова, покойный генералъ-адъютантъ Н. Н. Анненковъ, извѣстенъ не только какъ крупный государственный дѣятель, но и по благородству, съ которымъ онъ возвратилъ имѣнія своимъ родственникамъ декабристамъ по возвращеніи ихъ изъ ссылки. Мать М. Н., Вѣра Ивановна, рожденная Бухарина, достойнѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ женщина, пользовалась уваженіемъ покойнаго государя. Одна изъ сестеръ—Е. Н. Нелидова извѣстна петербургскому обществу по своему выдающемуся уму; другая сестра Марія Николаевна Струве—жена нашего русскаго посланника въ Соединенныхъ Штатахъ К. В. Струве, также была женщина рѣдкаго ума и образованія. Сопровождая своего мужа въ его перемѣщеніяхъ, неизбѣжныхъ въ дипломатической карьерѣ, она повсюду дѣлалась центромъ выдающейся части общества и умѣла заслужить общее уваженіе и расположеніе. Всѣ русскіе путешественники и офиціальныя лица, имѣвшіе случай пользоваться добродушнымъ гостепріимствомъ Маріи Николаевны въ Токіо, въ Японіи, и въ Вашингтонѣ, въ Америкѣ, сохраняютъ самое теплое воспоминаніе объ этой почтенной женщинѣ, бесѣда съ которой была такъ поучительна и интересна.

М. Н. Анненковъ принадлежитъ къ числу людей, у которыхъ есть, конечно, друзья и сторонники, но относительно несравненно болѣе противниковъ, хулителей и завистниковъ. Это не помѣшало, однако, ему на всѣхъ служебныхъ поприщахъ являться дѣятелемъ весьма полезнымъ, а по двумъ вопросамъ оказать даже Россіи неоцѣненныя услуги.

Въ Царствѣ Польскомъ г. Анненковъ былъ однимъ изъ живыхъ помощниковъ покойнаго князя Черкасскаго, работавшихъ тамъ съ опасностью жизни въ чисто-русскомъ духѣ. Этимъ онъ не угодилъ даже намѣстнику, что вызвало замѣчаніе обыкновенно осторожнаго коменданта Варшавы, князя Бебутова: „Нельзя же требовать отъ Анненкова, чтобы изъ преданности къ фельдмаршалу онъ въ курляндцы переродился". Подъ руководствомъ г. Анненкова, занимавшаго должность помощника генералъ-полиціймейстера, происходила чрезвычайно мудреная, но необходимая операція закрытія католическихъ монастырей, обратившихся въ гнѣзда революціонной пропаганды. Затѣмъ имъ, въ должности завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ, была впервые устроена весьма важная въ настоящее время перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. На быстротѣ мобилизаціи основанъ вѣдь нынѣ весь успѣхъ военныхъ кампаній. Но обѣ эти службы въ карьерѣ г. Анненкова второстепенны сравнительно съ участіемъ его въ созданіи нашего желѣзнодорожнаго законодательства и въ постройкѣ средне-азіятской желѣзной дороги.

Всѣ слышали о трудахъ такъ называемой барановской комиссіи, о томъ, что она внесла порядокъ и законность въ наше желѣзнодорожное хозяйство, находившееся въ рукахъ концессіонеровъ, вертѣвшихъ желѣзнодорожной администраціей какъ имъ было угодно. Но немногіе знаютъ, что мысль о комиссіи была дѣломъ г. Анненкова, что онъ привлекъ къ ней графа Э. Т. Баранова, у котораго былъ когда-то адъютантомъ въ гвардейскомъ штабѣ, что имъ былъ подобранъ кружокъ людей, сдѣлавшій enquête и выработавшій новый желѣзнодорожный законъ, что онъ до-

велъ законъ до конца, послѣ внезапной смерти графа Баранова, и что ему пришлось вести войну не на животъ, а на смерть для проведенія этого дѣла, встрѣтившаго чрезвычайныя препятствія, такъ какъ очень немногіе чины Министерства Путей Сообщенія, чуждые личнымъ интересамъ, старались помочь успѣшному разрѣшенію вопроса.

Такое же противодѣйствіе встрѣтилъ М. Н. Анненковъ и при сооруженіи средне-азіятской желѣзной дороги. Уже первая попытка его построить дешевую желѣзную дорогу въ Полѣсьи вызвала цѣлую административную войну, перешедшую даже на страницы „Правительственнаго Вѣстника“; начало постройки желѣзной дороги за Каспіемъ было встрѣчено очень холодно; даже такой умный человѣкъ, какъ Скобелевъ, смотрѣлъ на нее лишь какъ на стѣсняющую его затѣю и относился къ Анненкову недружелюбно. Въ дальнѣйшей постройкѣ не было недостатка въ противодѣйствіи; ходили слухи чуть ли не объ умопомѣшательствѣ строителя дороги и ѣздила цѣлая комиссія, подъ предсѣдательствомъ генерала Паукера, провѣрять на мѣстѣ справедливость разныхъ извѣтовъ. Тѣмъ не менѣе дѣло было доведено успѣшно до конца и удивило Европу. И въ Лондонѣ, и въ Парижѣ впечатлѣніе отъ открытія Самаркандской желѣзнодорожной линіи было вдесятеро сильнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ*).

Конечно, заслуга сооруженія тысячи верстъ рельсоваго пути въ мѣстности, гдѣ нѣтъ ни населенія, ни механическихъ заводовъ, ни дерева, ни воды, гдѣ все приходилось привозить издалека, лежитъ не на одномъ г. Анненковѣ, можетъ быть даже въ техническомъ отношеніи много другихъ лицъ, особенно инженеровъ, имѣютъ не меньшее

*) Во время пріема во французскую академію виконта де-Вогюэ, шурина г. Анненкова, 25 мая 1889 г., двукратное упоминаніе отвѣчавшимъ де-Вогюэ академикомъ Руссомъ имени Анненкова и выстроенной послѣднимъ желѣзной дороги было встрѣчено громомъ рукоплесканій. Невольно вспомнишь слова Писанія: „Нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ“.

право гордиться успѣхомъ смѣлаго предпріятія, но, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, на первомъ планѣ нельзя не поставить замыселъ, идею, иниціативу.

А въ этомъ отношеніи вся тяжесть труда пала исключительно на М. Н. Анненкова. Кто знаетъ порядки, существующіе въ нашихъ канцеляріяхъ, мнительность послѣднихъ въ отношеніи новыхъ и смѣлыхъ затѣй, затрудненія—весьма, впрочемъ, естественныя — сопряженныя у насъ съ значительнымъ отпускомъ казенныхъ денегъ, да еще на окраинѣ, тотъ пойметъ, что главныя усилія строителя были не въ покрытыхъ саксауломъ барханахъ средне-азіятской степи, а здѣсь, въ Петербургѣ, въ прихожихъ людей, власть имѣющихъ. М. Н. Анненковъ нашелъ, правда, дѣятельнаго и дальновиднаго союзника въ лицѣ начальника Главнаго Штаба ген.-ад. Н. Н. Обручева, который всячески поддерживалъ его планы, но во всякомъ случаѣ своей „энергіи“, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 5-го іюля 1888 г., онъ по преимуществу обязанъ, что осуществилъ грандіозное предпріятіе соединенія Туркестана съ Россіей желѣзной дорогой, которая навѣрное въ недалекомъ будущемъ дойдетъ до Индіи *).

А. М. Байковъ.

Скончавшійся надняхъ **) въ Тиролѣ, въ Меранѣ, Андрей Матвѣевичъ Байковъ оставилъ по себѣ память, если не творца, то такого человѣка, которому Ростовъ-на-Дону обязанъ чрезвычайно многимъ. Окончивъ курсъ въ Училищѣ правовѣдѣнія, онъ, въ молодыхъ лѣтахъ, занялся на югѣ

*) М. Н. Анненковъ, какъ слышно, занятъ теперь проектомъ сооруженія тихоокеанской дороги черезъ Сибирь. Онъ одинъ въ силахъ если не осуществить, то пустить въ ходъ это грандіозное и безотложно необходимое предпріятіе.

**) 18-го сентября 1889 г.

Россія, подъ руководствомъ Кокорева, промышленнымъ дѣломъ, а именно организаціей на Азовскомъ морѣ заведеній Общества обработки животныхъ продуктовъ для вывоза заграницу. Общество, какъ извѣстно, „обработало“ только своихъ акціонеровъ. Байковъ послѣ неуспѣха этихъ операцій сдѣлался ростовскимъ городскимъ головою.

До выбора Байкова, Ростовъ-на-Дону былъ маленькимъ, грязнымъ городишкомъ, почти деревнею. Трудами Байкова, нашедшаго себѣ въ составѣ городского самоуправленія нѣсколькихъ дѣятельныхъ сторонниковъ, Ростовъ сталъ однимъ изъ первыхъ городовъ южной Россіи по красотѣ и благоустройству: явились набережныя, мостовыя, пожарныя команды, сады, мосты и т. д. Огромную услугу не только городу, но цѣлому краю оказалъ Байковъ, настоявъ на передачѣ углубленія и содержанія устьевъ (гирлъ) Дона въ руки выборнаго комитета. Наградою за это было то, что, при первой возможности, Байкова не избрали вновь городскимъ головою.

Онъ занялся тогда эксплоатаціей Кавказскихъ минеральныхъ водъ, взятыхъ имъ въ аренду. Публика, преувеличивая доходы арендатора, не совсѣмъ была справедлива къ дѣятельности Байкова. Опытъ казеннаго управленія доказалъ потомъ, что воды даютъ не барыши, а требуютъ, напротивъ, большихъ расходовъ на устройство и содержаніе; слѣдовательно, трудно было ожидать ихъ улучшенія въ рукахъ частнаго предпринимателя. Байкову Кавказскія воды обязаны устройствомъ отличной гостинницы въ Эссентукахъ, организаціей продажи воды въ бутылкахъ; равнымъ образомъ по его иниціативѣ воды подверглись, наконецъ, ученому изслѣдованію гг. Жюля Франсуа и Леона Дрю.

Ростовскіе граждане скучали, однако, безъ своего дѣятеля и какъ только составъ думы измѣнился, такъ сейчасъ Байковъ былъ избранъ вновь головою; встрѣченный съ торжествомъ, онъ принялся за городское благоустройство съ прежнею энергіею. При встрѣчѣ произошелъ комическій эпизодъ. Отвѣчая на привѣтствіе, Байковъ сказалъ:

„Мнѣ трудно будетъ много сдѣлать, потому что городская касса пуста“.—„Помилуйте, Андрей Матвѣевичъ, отвѣчалъ ему одинъ наивный гласный, да мы васъ потому и пригласили, что у насъ теперь въ кассѣ ничего нѣтъ“... И во второй періодъ управленія дѣло не обошлось безъ борьбы. Байковъ даже былъ временно устраненъ отъ должности головы и подвергнутъ съ управою слѣдствію, вполнѣ его оправдавшему. Въ послѣднее время оппозиція еще ожесточилась потому, что едва ли не по мысли Байкова совершилось присоединеніе Ростова-на-Дону съ уѣздомъ и Таганрога къ области Войска Донского. Увѣряли, что покойный отомстилъ такимъ образомъ неблаговолившей ему екатеринославской администраціи. Зато Байкову не привелось дожить до осуществленія другой, постоянно преслѣдуемой имъ мысли—уничтоженія автономіи армянской Нахичевани и слiянія этого курьезнаго города съ Ростовомъ-на-Дону.

Слѣдуетъ упомянуть еще, что въ послѣдніе годы жизни Байковъ занялся проектомъ соединенія Дона съ Волгою каналомъ—вопросъ, интересовавшій еще султана Селима и Петра Великаго. Байковъ пригласилъ Леона Дрю сдѣлать изслѣдованія и собралъ необходимый для изслѣдованія капиталъ въ Россіи и Франціи. Проектъ этотъ не имѣетъ теперь, по нашему мнѣнію, практическаго значенія, потому что приходится не многоводную Волгу пускать въ Донъ, а часть скудныхъ водъ Дона отвлекать для довольно большаго канала. Байковъ также одинъ изъ первыхъ хлопоталъ о соединеніи Ростова-на-Дону съ незамерзающимъ портомъ Чернаго моря, что осуществилось при помощи Новороссійской вѣтви.

Конечно, покойный имѣлъ не мало слабостей и недостатковъ, онъ былъ изъ породы такъ называемыхъ дѣльцевъ и подъ часъ не стѣснялся выборомъ средствъ, но за то это былъ не частый у насъ примѣръ человѣка настойчиваго и съ характеромъ и умѣвшаго руководить городскимъ самоуправленіемъ, столь въ Россіи невѣжественнымъ и мни-

тельнымъ*). Если мы въ столицахъ видимъ курьезные образчики этого самоуправленія, то что должно происходить въ Ростовѣ-на-Дону, городѣ американскомъ, гдѣ населеніе образовалось изъ весьма подозрительныхъ элементовъ, да еще съ значительною примѣсью инородцевъ. Какія тутъ должны быть партіи и что за интересы, которыми онѣ руководятся! Особое умѣніе проявлялъ Байковъ въ пріемѣ и угощеніи начальства. Какого бы вѣдомства ни проѣзжало черезъ Ростовъ лицо болѣе или менѣе видное, оно могло разсчитывать на блестящій пріемъ, а новороссійскихъ генералъ-губернаторовъ Байковъ принималъ съ колокольнымъ звономъ и церковною процессіею.

Ростовъ-на-Дону по справедливости долженъ бы почтить его память монументомъ.

Ѳ. П. Баймаковъ.

Петръ Великій очень бы удивился, увидѣвъ, какъ тѣ куранты, которые онъ предназначалъ для просвѣщенія лучшей части русскаго общества, обратились въ органъ биржевой спекуляціи. Десять лѣтъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ служили органомъ такъ называемыхъ порядочныхъ людей. Во главѣ изданія сидѣлъ В. Ф. Коршъ, публицистъ не мудрый и даже наивный настолько, что замѣнялъ въ статьяхъ выраженіе „запахъ селедки“ на „запахъ сардинки“, но, подъ видомъ простодушія, Коршъ**)

*) Что за народъ бываютъ представители такъ называемаго самоуправленія и въ другихъ странахъ, видно изъ словъ Ламартина, въ изящной Франціи писавшаго въ 1850 году: Plus je vois de représentants du peuple plus j'aime mes chiens. Большинство голосовъ—самая несправедливая и глупая изъ тираній, ибо численное большинство грубѣйшая изъ силъ, неимѣющая въ свое оправданіе даже смѣлости и таланта.

**) Лучшую характеристику Корша сдѣлалъ Лохвицкій, сказавъ, что Коршъ „промоталъ бы даже милліонъ, но только на конфекты“.

былъ большой дипломатъ. Онъ встрѣчалъ разныхъ земскихъ дѣятелей, пріѣзжавшихъ изливать ему за жилетъ слезы своего гражданскаго негодованія, съ такимъ апломбомъ принимая въ креслѣ позы à la Герценъ и тоскуя „гражданской скорбью“, что тѣ, уѣзжая, разносили во всѣ концы Россіи убѣжденіе, что академическая газета есть краеугольный камень будущаго прогресса, естественная защитница всѣхъ реформъ, которыя благодѣтельнымъ дождемъ сыпались на русскую почву, разводя не мало грязи.

Къ несчастью для газеты и для Корша, лавры г. Суворина, остроумнаго фельетониста газеты, не давали спать Маркевичу, игравшему тогда роль фельетониста цѣлаго вѣдомства. Ожесточенному расположенію духа Маркевича содѣйствовала манера литературнаго критика газеты г. Буренина, который еженедѣльно, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, перечислялъ рядъ бездарныхъ писателей, и почему-то ставилъ непремѣнно во главѣ ихъ г. Маркевича. Терпѣніе послѣдняго истощилось. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ былъ того мнѣнія, что администраціи удобнѣе справляться и имѣть дѣло съ тѣми журналистами, которые преслѣдуетъ чисто коммерческія цѣли; поэтому, при помощи *) весьма ловко придуманнаго Лонгиновымъ маневра (требованіе отъ Корша представить, согласно контракта, подписаннаго съ Академіей наукъ, отвѣтственнаго редактора и неутвержденіе ни одного изъ представляемыхъ кандидатовъ), В. Ѳ. Коршъ, со своими сподвижниками, изъ газеты былъ удаленъ. Онъ получилъ отступныхъ 125,000 рублей, а сподвижники разсѣялись по лицу Петербурга.

---

*) Это мнѣніе не ново. Кн. Одоевскій, описывая борьбу Пушкина и Дельвига противъ Булгарина и Греча, говоритъ: „Одинъ глубокомысленный человѣкъ и не безъ вѣса громко говорилъ, что лучше монополія въ рукахъ людей, съ которыми нечего церемониться, чѣмъ распространеніе журналовъ“. Презрѣніе къ печати не спеціально русская черта: Герцогъ Брольи (отецъ), хотя и доктринеръ, называлъ печать ragoût de crapauds.

Ангеломъ-хранителемъ, преподнесшимъ эти „отступные", явился г. Баймаковъ, котораго до того мало знала петербургская публика, хотя онъ давненько велъ биржевой отдѣлъ въ академической газетѣ, ловко выхваливая залежавшіеся въ его конторѣ „Товарищество на вѣрѣ Баймаковъ и К°" билетики и мѣняя для этого свои псевдонимы. Г. Баймаковъ сообразилъ, что въ нашъ вѣкъ гласности и спекуляціи захватить въ свои руки первую въ Россіи газету, да еще пользовавшуюся репутаціей нарочитой честности значило занять одно изъ первыхъ мѣстъ на спекулятивной биржѣ. Сообразительность г. Баймакова поддерживали еще и нѣкоторые находившіеся въ его рукахъ векселя, судьба которыхъ, вслѣдствіе побѣды Маркевича, дѣлалась весьма проблематическою.

Задача уловить газету, векселя и Маркевича была не совсѣмъ легкая, ибо времени до новаго года оставалось мало, и потому что изъ Москвы ополчалась для пріобрѣтенія газеты другая сила, изображавшая гигантскій мостъ, устоями котораго были Катковъ и Леонтьевъ. Сила эта была тѣмъ опаснѣе, что, понимая волненіе, которое производила въ обществѣ экспропріація Корша, она съумѣла ловко подыскать редактора, который казался весьма подходящимъ для quasi-либеральной публики. Это былъ графъ Саліасъ, который возилъ какой-то адресъ, гдѣ-то сидѣлъ, откуда-то былъ исключенъ, гулялъ по Испаніи многіе годы, жилъ въ Женевѣ, воспѣвалъ „пугачевцевъ" и гордился дружбою знаменитаго адвоката Евгенія Утина, плакавшаго въ Національномъ собраніи, когда уступали Эльзасъ-Лотарингію. Переманить графа Саліаса сдѣлалось вопросомъ дня; г. Баймаковъ посылалъ въ Женеву букеты и телеграммы, подписи на послѣднихъ вмѣсто Баймаковъ наивный графъ читалъ Башмаковъ, не подозрѣвая о существованіи какого-то Баймакова; Маркевичъ поймалъ графа еще на вокзалѣ желѣзной дороги... Какъ бы то ни было, но побѣда осталась на сторонѣ „товарищества на вѣрѣ".

Торжество было, впрочемъ, весьма непродолжительное.

Съ одной стороны графъ Саліасъ оказался настолько же умѣстнымъ въ должности редактора, какъ еслибы посадили трехлѣтнее дитя; по цѣлымъ часамъ въ жарко натопленной комнатѣ, распивая крѣпчайшій чай, сидѣлъ онъ, исправляя одну строчку, а ихъ въ газетѣ тысячи; съ другой—считая себя обманутымъ, онъ, en enfant terrible, не соображая послѣдствій, началъ войну противъ Маркевича, для чего прибѣгъ къ содѣйствію Потапова, управлявшаго тогда III отдѣленіемъ. Потаповъ былъ радъ насолить тому вѣдомству, котораго интересы брался защищать Маркевичъ *), и для этого воспользовался контрактомъ, заключеннымъ послѣднимъ съ Баймаковымъ о пятилѣтнемъ сотрудничествѣ за предложенное высокое жалованіе. Контракту этому былъ приданъ неблаговидный оттѣнокъ, Маркевичу приказали подать въ отставку, даже Катковъ, по крайней мѣрѣ временно, отступился отъ него и не принялъ его, когда Маркевичъ явился въ Москву для объясненій.

Графъ Саліасъ и самъ не могъ объяснить, съ какою цѣлью онъ выжилъ Маркевича, человѣка во всякомъ случаѣ даровитаго. Онъ побился еще мѣсяца полтора, а затѣмъ бросилъ газету, написавъ весьма курьезное прощаніе съ публикою. Баймаковъ ликовалъ этому отреченію; онъ полагалъ, что редакторовъ и направленіе такъ же легко мѣнять, какъ какія нибудь акціи тамбово-саратовскія на козлово-тамбовскія. Редакторомъ былъ взятъ Усовъ, котораго называли „гробокопателемъ“, ибо онъ похоронилъ уже нѣсколько газетъ, въ томъ числѣ „Сѣверную Пчелу“, имѣвшую болѣе 30 лѣтъ подъ-рядъ почти монополію политической прессы. Усовъ не сидѣлъ вечера, какъ Саліасъ, за одной строчкой, но преспокойно спалъ, положивъ передъ собою корректуру. Можно себѣ представить, съ какимъ живымъ интересомъ издавалась его газета.

Между тѣмъ подписчики и читатели разбѣгались, за

*) Характеръ Потапова рисуется его собственнымъ о себѣ отзывомъ: „Никогда никому ни въ чемъ въ жизни моей я не вѣрилъ и никогда не имѣлъ повода въ томъ раскаиваться“.

подписчиками утекали денежки изъ „товарищества на вѣрѣ“, и въ 1876 г., когда, въ ожиданіи войны, случился на биржѣ легкій крахъ, контора Баймакова закрылась, а вмѣстѣ съ тѣмъ лопнуло, какъ мыльный пузырь, подобное курьезное сочетаніе биржевой игры съ политическою литературою. Во время изданія Ѳедора Петровича Баймакова, биржевая хроника печаталась крупнымъ шрифтомъ; это единственный случай, когда эта своеобразная литература удостоилась такой чести.

Н. М. Барановъ.

Реформа столичнаго управленія *) сама собою вызываетъ измѣненіе въ личномъ составѣ, если только это измѣненіе не вызвало самую реформу. Николай Михайловичъ Барановъ, объ изумительной энергіи котораго ежедневно трубили „Московскія Вѣдомости“ и мелкіе петербургскіе листки, назначается губернаторомъ одной изъ болѣе отдаленныхъ губерній, Архангельской.

Дѣятельность г. Баранова,—болѣе извѣстнаго въ печати подъ именемъ „героя Весты“, упроченнымъ за нимъ процессомъ, надѣлавшимъ въ свое время много шума,—хотя въ должности градоначальника и была кратковременна, не можетъ быть пройдена молчаніемъ.

Публика долгое время знала г. Баранова, какъ офицера „Тавриды“, парохода Русскаго общества пароходства и торговли, какъ начальника морского музея и вмѣстѣ съ тѣмъ подрядчика по очисткѣ кронштадтскаго порта,—знала по его полемикѣ съ г. Рождественскимъ изъ-за „Весты“, знала какъ изобрѣтателя новаго ружья, въ моментъ когда

*) Въ іюлѣ 1881 г., когда временно градоначальникъ былъ замѣненъ оберъ-полицеймейстеромъ и г. Барановъ замѣненъ генераломъ Козловымъ.

выяснилась наша отсталость въ вооруженіи, и какъ дѣятеля Добровольнаго флота, купившаго для этого флота въ Гамбургѣ пароходы. Къ административной карьерѣ г. Баранова обратилъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Онъ исходатайствовалъ для г. Баранова у покойнаго государя императора помилованіе и, по переименованіи въ артиллерійскіе полковники, назначеніе ковенскимъ губернаторомъ, гдѣ г. Барановъ получилъ очень скоро чинъ генералъ-маіора.

Черезъ нѣсколько дней послѣ гнуснаго злодѣянія 1-го марта мы видимъ г. Баранова уже въ Петербургѣ, гдѣ ему былъ порученъ чрезвычайно важный въ тотъ моментъ постъ начальника столицы. Графъ Лорисъ-Меликовъ быстро сошелъ затѣмъ со сцены и былъ замѣненъ графомъ Игнатьевымъ, а г. Барановъ оставался въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ градоначальникомъ.

На новомъ посту г. Барановъ заставилъ много говорить о себѣ. Вотъ тѣ распоряженія, которыя въ свое время сдѣлались извѣстны въ печати. Немедленно по вступленіи въ должность онъ произвелъ, помощью обхода полиціи по домамъ, избраніе совѣта при градоначальникѣ, такъ называемаго совѣта двадцати пяти, цѣль учрежденія котораго осталась не вполнѣ разъясненною: совѣтъ послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ засѣданій болѣе не собирался. Потомъ были учреждены вокругъ города заставы и осмотръ на желѣзныхъ дорогахъ, просуществовавшіе лишь два или три дня. Далѣе, нанята обширная гостинница „Бель-Вю" для помѣщенія состоящихъ при градоначальникѣ лицъ и, наконецъ, измѣнена форма обмундированія чиновъ полиціи въ русскомъ вкусѣ.

Рядомъ съ этимъ были употреблены энергическія мѣры для отысканія минъ, положенныхъ подъ Каменнымъ мостомъ и розыскивавшихся передъ тѣмъ уже четыре мѣсяца. Отысканіе минъ повело къ изданію г. Барановымъ распоряженія, запрещающаго кататься въ лодкахъ по каналамъ и рѣчкамъ Петербурга въ главныхъ частяхъ города. Наша дума хотѣла было протестовать, но затѣмъ уступила.

Послѣ мѣръ государственной полиціи новый градоначальникъ пожелалъ преобразовать фабрично-заводскую полицію, съ цѣлью улучшенія быта фабричнаго люда. Это гуманное преобразованіе остановилось за тѣмъ препятствіемъ, что фабричная инспекція составляетъ предметъ общегосударственный, а не одного лишь Петербурга, и касается скорѣе Министерства Финансовъ, нежели Внутреннихъ Дѣлъ. Послѣднее распоряженіе его, которое мы не можемъ не одобрить, состояло въ разрѣшеніи посѣщать Лѣтній садъ людямъ въ простонародномъ платьѣ.

Таковы главныя черты управленія г. Баранова. Кратковременность пребыванія въ званіи градоначальника не дала ему возможности развернуть свои административныя способности такъ, какъ это, можетъ быть, было бы желательно, во всякомъ случаѣ они обрисовали достаточно свой общій характеръ и направленіе. Мы забыли еще прибавить, что, завѣдывая столицей, г. Барановъ разъѣзжалъ по городу въ качалкѣ, напоминавшей экипажъ Карла XII подъ Полтавой.

* * *

Управленіе столицей эпизодъ, и не изъ лучшихъ, въ весьма разнообразной карьерѣ Н. М. Баранова, который въ короткое сравнительно время принялъ, какъ сказано выше, участіе во многихъ дѣлахъ; мы не упоминали еще о планѣ преобразованія военнаго флота, командировкѣ графомъ Лорисъ-Меликовымъ заграницу для открытія нигилистовъ, управленіи Ковенской губерніей и войнѣ тамъ съ институтомъ урядниковъ, стодневномъ управленіи Архангельской губерніею, ознаменовавшемся сочиненіемъ чуть не сотни проектовъ, застрявшихъ въ канцелярской тинѣ, наконецъ управленіи Нижегородскою ярмаркой и преобразованія администраціи послѣдней. Таковы главнѣйшія черты дѣятельности г. Баранова, человѣка честолюбиваго, нервнаго, краснорѣчиваго и энергическаго.

Сдѣланный очеркъ его управленія Сѣвернымъ краемъ, весьма полезный для характеристики дѣятелей-реформаторовъ на нашихъ окраинахъ, у насъ какъ-то затерялся; мы сообщаемъ лишь извлеченіе изъ сдѣланнаго нами въ свое время разбора плана преобразованія военнаго флота, доказывающаго, что г. Барановъ одинъ изъ

первыхъ въ Европѣ оцѣнилъ значеніе, какое вновь, при развитіи срочнаго пароходства, всемірной торговли и колоній, получила крейсерская война.

Печать и общество обратили въ послѣднее время вниманіе на положеніе нашего военнаго флота: явленіе довольно рѣдкое среди обычнаго равнодушія къ морскимъ интересамъ со стороны нашей публики, даже со стороны публики „портового“ города С.-Петербурга. Безъ преувеличенія можно сказать, что большинство русскаго образованнаго общества знаетъ только, что Петръ создалъ въ Россіи флотъ, и что черноморскіе моряки храбро защищали на сухомъ пути Севастополь; нѣкоторые патріоты къ этимъ познаніямъ прибавляютъ еще дѣянія Сидорова по созданію флота на Новой Землѣ и Печорѣ; все остальное остается покрыто мракомъ неизвѣстности и мало кого интересуетъ. Мы подозрѣваемъ даже, что это дѣло интересуетъ даже не всѣхъ моряковъ; по крайней мѣрѣ ихъ спеціальные органы: „Морской Сборникъ“ и „Кронштадтскій Вѣстникъ“, наполнены разными свѣдѣніями по служебной и технической части, но не попадается въ нихъ общихъ сужденій о значеніи военнаго и торговаго флотовъ для Россіи, о томъ, какова должна быть наилучшая организація нашихъ военно-морскихъ силъ, въ какой степени вліяютъ на нее послѣднія политическія измѣненія въ Западной Европѣ, и т. п. Въ техническомъ отношеніи, благодаря обширнымъ средствамъ русскаго государственнаго бюджета, мы довольно близко шли за движеніемъ морской науки на Западѣ, но общая программа нашего военно-морского дѣла не подвергалась много лѣтъ никакимъ измѣненіямъ. Были, конечно, кое-какія отклоненія—результатъ преимущественно экономическихъ соображеній, но воды Финскаго залива, или, вѣрнѣе, той части его, которая прилегаетъ къ Петербургу и замерзаетъ слишкомъ на полгода, оставались постоянно главнымъ средоточіемъ нашихъ военно-морскихъ силъ. На этотъ пунктъ обращалось почти исключительное вниманіе.

Между тѣмъ въ настоящую минуту возникъ вопросъ,

и даже весьма основательный, нуженъ ли намъ броненосный флотъ большихъ размѣровъ? Такой флотъ имѣетъ значеніе по преимуществу оборонительное, а мало-населенныя еще наши побережья, затертыя, къ тому же, значительную часть года льдомъ, и выгоднѣе, и дешевле оберегать береговыми батареями. Морской офицеръ, г. Барановъ, весьма наглядно пояснилъ это въ „Голосѣ", сказавъ, что какъ бы ни была прочна броня на суднѣ, а все-таки твердь земную прострѣлить еще труднѣе, а потому не стоитъ для защиты какого либо Очакова имѣть покрытый бронею флотъ изъ судовъ, стоющихъ каждое 4—6 милл. рублей, когда двѣ-три земляныхъ батареи и нѣсколько торпедъ произведутъ тотъ же эфектъ. Исходя изъ этихъ соображеній, г. Барановъ пришелъ къ убѣжденію, что вмѣсто броненоснаго флота, обходящагося невыносимо дорого и никогда не плавающаго, почему морскія команды, при нынѣшнихъ краткихъ срокахъ службы, вовсе лишены возможности ознакомиться съ моремъ, — гораздо было бы выгоднѣе строить крейсерскія суда дальняго плаванія.

Какъ мало плаваютъ наши команды, видно изъ того, что даже въ 1877 году, сравнительно съ предшествовавшими, представляющемъ исключеніе, число плавающихъ заграницею офицеровъ составляетъ 10% общаго числа офицеровъ въ экипажахъ; что же касается нижнихъ чиновъ, то число плавающихъ заграницею едва превосходитъ 9%.

По новому проекту, подробно формулированному г. Барановымъ, необходимо постройку броненосцевъ прекратить, а строить вмѣсто того быстрыя, сильныя крейсерскія суда, которыя, имѣя базисомъ наши порты Восточнаго океана, могли бы разорять, въ случаѣ войны, колоніи и ловить и уничтожать торговые флоты противниковъ. Порты Тихаго океана представляютъ совершенно особыя удобства для крейсерствъ: они замерзаютъ на самый короткій срокъ; на Тихомъ океанѣ мы можемъ опасаться соперничества только американцевъ, военныя силы которыхъ, обыкновенно ничтожныя въ мирное время, сосредоточены противъ ихъ

главнаго соперника, Англіи, въ Атлантическомъ океанѣ; торговля Японіи, Китая, Остъ-Индіи и Австраліи, китоловный промыселъ представляютъ легкую и очень выгодную добычу для крейсеровъ въ случаѣ войны; колоніи иностранныхъ государствъ по этому океану безсильны въ военномъ отношеніи. Поэтому изъ нашихъ портовъ Приморской области и могли бы, въ случаѣ войны, выходить крейсеры, которые, по примѣру знаменитыхъ французскихъ крейсеровъ XVIII вѣка или крейсеровъ южной конфедераціи въ 1862—1865 годахъ, наносили бы вредъ торговлѣ и мореплаванію противной стороны. Парижскій трактатъ, къ которому не присоединилась осторожная Америка, положилъ, правда, для Россіи препятствія къ развитію крейсерства; но Германія показала въ 1870—71 г., что ограниченія Парижскаго трактата легко могутъ считаться мертвою буквой. А безъ крейсерства положительно всѣ государства безсильны противъ такой морской державы, какъ Англія, съ ея громаднымъ военнымъ флотомъ. Перспектива, открываемая проектомъ г. Баранова, весьма заманчива, хотя проектъ противорѣчитъ тѣмъ якобы традиціоннымъ началамъ русской морской политики, о которыхъ очень любитъ распространяться „Голосъ“ въ лицѣ своего сотрудника, г. профессора Мартенса. Начала эти состоятъ, по мнѣнію этого гелертера, въ стремленіи, хотя бы и во вредъ себѣ, признать неприкосновенность частной собственности на морѣ не только подъ нейтральнымъ, но даже подъ непріятельскимъ флагомъ. Во всякомъ случаѣ, если началъ этихъ впредь придерживаться и не намѣрены, то созданіе большого крейсерскаго флота не такое легкое дѣло и проектъ г. Баранова встрѣтитъ затрудненія не менѣе важныя, чѣмъ постройка броненоснаго флота.

Для современнаго крейсерства необходимы суда, достаточно сильныя въ боевомъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ быстро ходящія; такихъ судовъ, а особенно машинъ для нихъ, мы положительно строить не умѣемъ, еще менѣе умѣемъ, чѣмъ строить броненосцы. Но, положимъ, первые

крейсеры можно купить въ Америкѣ или Германіи, это все-таки не рѣшаетъ вопроса. Для успѣшнаго крейсерства важно еще не столько судно, сколько отчаянная команда, совершенно притомъ обладающая морскими качествами. Такую команду на броненосцахъ не воспитаешь, необходимо, чтобы она могла по годамъ плавать, сохраняя бодрость и отличное санитарное состояніе. Подобные экипажи легко организовать американцамъ или англичанамъ изъ торговаго, китобойнаго и рыболовнаго флотовъ, но въ Россіи подобныхъ матеріаловъ очень мало. Торговаго флота у насъ почти не существуетъ, а составляющіе значительную часть его командъ чухны и латыши въ военные матросы не берутся. Образовать же изъ крестьянъ Вологодской или Екатеринославской губерніи крейсерскіе экипажи, конечно, возможно, но только при условіи постоянныхъ дорого стоющихъ дальнихъ заграничныхъ плаваній.

Мало того, перенося операціонный базисъ нашего военнаго флота въ Тихій океанъ, мы вызываемъ тѣмъ громадныя издержки, которыя отзовутся на морскомъ бюджетѣ. А, конечно, ни постройка, ни ремонтъ судовъ, ни содержаніе офицеровъ и командъ, гдѣ либо въ Владивостокѣ, т. е. почти въ постоянной ссылкѣ, не можетъ быть приравнено къ расходамъ на тѣ же предметы въ Кронштадтѣ или Николаевѣ. Самое крейсерство подъ русскимъ флагомъ дѣло не очень-то простое, такъ какъ у насъ нѣтъ колоній на главнѣйшихъ всемірныхъ путяхъ морскихъ сообщеній, безъ чего будетъ стѣсняться снабженіе нашего флота каменнымъ углемъ и др. припасами. Корсары, безъ сомнѣнія, дѣлясь прибылями, легко находили себѣ въ нейтральныхъ странахъ множество негласныхъ пособниковъ, но для судовъ военнаго флота не всегда удобно входить въ такого рода соглашенія, контроль надъ которыми рѣшительно для администраціи невозможенъ. Еще затруднительнѣе для нихъ будетъ приводъ и продажа призовъ; послѣдніе придется просто уничтожать, лишая такимъ образомъ крейсерство одной изъ своихъ главныхъ приманокъ.

Мы не хотимъ сказать, что считаемъ преобразованіе нынѣшняго положенія флота невозможнымъ, или что идея г. Баранова не практична. Но полагаемъ, что реформа военнаго флота никогда не будетъ достигнута, если не обратятъ серьезнаго вниманія на корни этого дѣла: торговый флотъ и механическое производство. Какія бы мѣры ни проектировать, но если желѣзныя суда и ихъ машины строятся неудовлетворительно и нѣтъ достаточнаго контингента для экипажа, то созданіе могущественнаго флота постоянно встрѣтитъ непреодолимыя затрудненія. Когда былъ парусный флотъ съ кораблями въ 120 пушекъ, Россія относительно занимала мѣсто не сзади, а впереди другихъ державъ, и это было вполнѣ естественно, такъ какъ строевой и мачтовый лѣсъ, пенька, смола, парусина и желѣзо были тогда у насъ дешевле, чѣмъ въ Западной Европѣ, а рекрутскій наборъ и длинный срокъ службы позволялъ снабжать суда тысячными командами матросовъ, роль которыхъ была исключительно ролью артиллеристовъ.

Графъ Э. Т. Барановъ.

Въ Шенау, близь Баденъ-Бадена, внезапно скончался предсѣдатель департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Э. Т. Барановъ[1]).

Графъ Эдуардъ Трофимовичъ принадлежалъ къ рѣдкой категоріи людей, которые, не смотря на разнообразіе своей дѣятельности, на высоту занимаемаго положенія, находятъ только друзей и поклонниковъ. Уже одна наружность графа, прекрасная и привѣтливая, внушала каждому довѣріе. Впечатлѣніе усиливалось изысканною любезностью

---

[1]) 23 іюля 1884 г.

и вниманіемъ, съ которыми графъ относился къ каждому, какъ бы ни было незначительно положеніе лица, обращавшагося къ нему. Но любезностью и прекрасными манерами не ограничивалось еще обаяніе графа Баранова. Это былъ вельможа, въ полномъ смыслѣ слова просвѣщенный, всѣмъ интересовавшійся и горячо служившій дѣлу. Преданный искренно Царскому Дому, въ средѣ котораго онъ, можно сказать, выросъ, графъ любилъ крѣпко Россію и остзейскій дворянинъ по титулу (хотя и русскій*) по крови) онъ былъ истинно русскимъ патріотомъ.

Карьера графа Баранова была разнообразна и на каждой должности онъ оставлялъ о себѣ добрую память. Одинъ изъ довѣренныхъ флигель-адъютантовъ императора Николая I и командиръ Преображенскаго полка, графъ Барановъ былъ сдѣланъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса при императорѣ Александрѣ II, цѣнившемъ прямодушіе и познанія графа. Оставивъ штабъ, по причинамъ, которыя дѣлали честь его просвѣщенному образу мыслей, графъ Барановъ занялъ должность генералъ-губернатора Прибалтійскаго края и затѣмъ еще болѣе трудную должность генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края.

Остряки увѣряли, что изъ четырехъ виленскихъ генералъ-губернаторовъ: „одинъ ничего не говорилъ, но много дѣлалъ (Муравьевъ), другой много говорилъ, но мало дѣлалъ (фонъ-Кауфманъ), третій ничего не говорилъ и ничего не дѣлалъ (Барановъ), а четвертый одно говорилъ, а другое дѣлалъ (Потаповъ)“. Конечно, это шутка, но несомнѣнно, что „воинствующіе“, такъ сказать, посты не подходили къ ровной и добродушной натурѣ гр. Баранова, нѣсколько сибарита по своимъ привычкамъ. Онъ былъ не чуждъ, напротивъ, дипломатіи. Въ 1879 году рижскій муниципалитетъ торжественно встрѣтилъ его рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ, выражая сожалѣніе, что управленіе

---

*) Вѣрнѣе говоря, Барановы татарскаго происхожденія, происходя отъ мурзы Джана (Даніила), прозвищемъ барана.

графомъ Прибалтійскаго края было такъ кратко. Въ это время политика по отношенію къ окраинамъ измѣнилась; графъ отвѣчалъ по-французски, извиняясь, что отъ времени совсѣмъ позабылъ нѣмецкій языкъ. Гораздо болѣе на мѣстѣ почувствовалъ себя графъ Барановъ, когда съ 1876 г. сталъ во главѣ извѣстной комиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, принесшей огромную пользу упорядоченіемъ у насъ желѣзнодорожнаго хозяйства и выработавшей, при содѣйствіи гг. Анненкова, Неклюдова, Кони, Витте и др. лицъ, цѣлое желѣзнодорожное законодательство, такъ называемый „Уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“.

Съ желѣзными дорогами графъ Э. Т. Барановъ ознакомился, предсѣдательствуя продолжительное время въ Главномъ Обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ трудный переходный для Общества періодъ, поэтому былъ приготовленъ къ исполненію своихъ обязанностей по комиссіи. Послѣдняя, заслужившая полное вниманіе со стороны публики, удовлетворяла потребности, давно заявленной и въ печати, какъ лучшій путь къ изысканію способовъ прекращенія желѣзнодорожныхъ безпорядковъ и злоупотребленій. Желѣзныя дороги наши представляли громадное имущество, цѣнностью слишкомъ въ 1 милліардъ 700 милліоновъ рублей, созданное почти исключительно при помощи государственнаго кредита; прямой долгъ желѣзныхъ дорогъ правительству доходилъ тогда уже до 900 милл. руб., а финансовыя отношенія дорогъ къ казнѣ находились въ хаотически-запутанномъ положеніи. Съ другой стороны, желѣзныя дороги захвативъ важнѣйшіе торговые районы, пріобрѣли въ торговлѣ внутренней и внѣшней преобладающее значеніе, почему малѣйшее неустройство ихъ отражалось огромными потерями на промышленной дѣятельности цѣлой страны; такое же значеніе пути эти имѣли для передвиженія пассажировъ, для перевозки почтъ и срочныхъ кладей; наконецъ, съ существованіемъ желѣзныхъ дорогъ связаны были ближайшимъ образомъ интересы со-

лёнъ тысячъ лицъ, служащихъ на дорогахъ, помѣстившихъ въ акціи и облигаціи желѣзнодорожныхъ предпріятій свои капиталы и вообще какимъ либо образомъ соприкасавшихся къ желѣзнымъ дорогамъ.

Не смотря на подобное положеніе, наше законодательство какъ бы игнорировало желѣзныя дороги. Въ 1871 г. была, правда, образована комиссія при Министерствѣ Путей Сообщенія для составленія общаго закона объ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, но комиссія эта ни разу не собиралась и, несмотря на неоднократныя заявленія печати, грузоотправителей и даже письменныя просьбы самихъ желѣзнодорожныхъ съѣздовъ, желѣзнодорожная администрація продолжала руководствоваться во всѣхъ случаяхъ немногими законами, изданными еще въ то время, когда въ Россіи эксплоатировалась одна только казенная Николаевская дорога. Недостатокъ законодательства дополнялся циркулярами Министерства Путей Сообщенія, но распоряженія, изданныя по отдѣльнымъ случаямъ, при весьма разнообразныхъ воззрѣніяхъ на роль правительства по отношенію къ дорогамъ, своимъ противорѣчіемъ, по мѣрѣ накопленія, прибавляли только новыя затрудненія, не давая никакихъ положительныхъ указаній, опредѣляющихъ кругъ обязанностей, права и отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ и учрежденій.

Изслѣдованіе, подобное барановской комиссіи, было новостью для Россіи; хотя и у насъ бывали уже въ малыхъ размѣрахъ изслѣдованія при посредствѣ различныхъ правительственныхъ комиссій, но было ново то, что изслѣдованія производились на мѣстахъ не прежнимъ негласнымъ канцелярскимъ порядкомъ, а публично, подобно заграничнымъ enquêtes parlementaires. Организація этихъ-то мѣстныхъ органовъ или, такъ называемыхъ, подкомиссій, которыхъ было образовано нѣсколько для различныхъ группъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, была сдѣлана весьма тщательно и къ участію въ подкомиссіяхъ, кромѣ спеціалистовъ по техникѣ, торговлѣ и финансамъ, пригласили всѣхъ спеціалистовъ, труды которыхъ о желѣзнодорожномъ хозяйствѣ

сколько нибудь заслуживали вниманія. Во главѣ же подкомиссій стояли гг. Тернеръ, Чичеринъ, баронъ Менгденъ, князь А. А. Щербатовъ и др. Подкомиссіей, изслѣдовавшей сѣверный районъ, графъ Барановъ руководилъ лично. Онъ объѣхалъ всѣ дороги отъ Балтійскаго порта до Екатеринбурга, интересуясь малѣйшими деталями. Эта поѣздка произвела очень хорошее впечатлѣніе и желѣзныя дороги начали подтягиваться даже не дожидаясь окончанія трудовъ комиссіи.

Не менѣе полезенъ графъ Барановъ былъ и въ званіи предсѣдателя департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта, который онъ занялъ въ концѣ 1880 года. Онъ отказался, для сохраненія этого званія, въ 1881 году, отъ предложеннаго ему послѣ увольненія г. Абазы портфеля министра финансовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что смерть графа Э. Т. Баранова, который, казалось, пользовался прекраснымъ здоровьемъ, вызоветъ общее сожалѣніе. Смерть такихъ достойныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей, не принадлежащихъ ни къ какой партіи, и потому заслужившихъ общее уваженіе, въ каждой странѣ составляетъ великую потерю. Замѣчательно, что этотъ деликатнѣйшій и пріятнѣйшій въ обращеніи человѣкъ умеръ въ буйномъ бѣшенствѣ; психическій недугъ совершенно неожиданно открылся у него въ дорогѣ.

Графъ А. А. Баранцовъ.

Перемѣна въ управленіи Военнымъ Министерствомъ сопровождается измѣненіемъ въ высшемъ персоналѣ главныхъ управленій Министерства: товарищемъ генералъ-фельдцейхмейстера, т. е. фактическимъ начальникомъ главнаго артиллерійскаго управленія, вмѣсто графа Александра Алексѣевича Баранцова, сдѣланъ начальникъ артиллеріи Кавказскаго округа генералъ-адъютантъ Софіано.

Увольненіе графа Баранцова имѣетъ немаловажное государственное значеніе, такъ какъ съ этимъ увольненіемъ связано измѣненіе системы; а нынѣшняя, баранцовская система управленія артиллерійскою частью продолжалась слишкомъ двадцать пять лѣтъ подъ-рядъ. Графъ Милютинъ, какъ извѣстно, засталъ уже графа Баранцова во главѣ артиллерійскаго вѣдомства. Система же, положенная въ послѣднее, имѣетъ двоякую важность какъ по значенію, которое получаетъ теперь артиллерія въ ряду другихъ войскъ, значенію, усиливающемуся послѣ каждой войны, такъ и съ экономической точки зрѣнія. Бюджетъ артиллерійскаго управленія превосходитъ 30 милліоновъ рублей, т. е. въ два раза превышаетъ бюджеты даже такихъ крупныхъ министерствъ, каковы Министерства Государственныхъ Имуществъ и Путей Сообщенія, взятыя въ отдѣльности.

Очевидно, слѣдовательно, какую важность имѣетъ выборъ лица, которому довѣряется подобное управленіе, на которомъ лежитъ сверхъ того серьезная обязанность вооруженія арміи и крѣпостей. Одна эксплоатація казенныхъ оружейныхъ заводовъ чего стоитъ! Улучшеніе только этой части доставитъ уже огромныя сбереженія казнѣ. Арсеналы, пороховые заводы, перевозка артиллерійскихъ тяжестей черезъ подрядчиковъ, заказы частнымъ заводамъ, хозяйство парковъ и пр., также должны сдѣлаться предметомъ реформы, выгодной для казеннаго кармана, не только безъ ущерба достоинства матеріальной части нашей артиллеріи, но, напротивъ, къ несомнѣнному ея улучшенію.

Въ какой мѣрѣ дѣятельность графа Баранцова удовлетворяла своей задачѣ—сказать мудрено. Баранцовъ былъ человѣкъ очень образованный. Артиллерійскій Комитетъ и ученые техники играли при немъ роль, заграницею у насъ были артиллерійскіе агенты; но извѣстно, однако, что постоянно раздавались жалобы, что мы не готовы, и когда, наконецъ, необходимость заставила насъ, въ 1877 году, объявить войну, то и по части ружей, и по части пушекъ мы

оказались гораздо хуже вооруженными, нежели турки. Между тѣмъ огромныя суммы тратились на заграничные заказы.

Еще въ концѣ 60-хъ годовъ мы не имѣли понятія о скорострѣльныхъ ружьяхъ. Во время войны, когда часть турецкой арміи была снабжена магазинными ружьями, наша армія шла воевать съ тяжелыми и неуклюжими крынками; берданки готовились и раздавались уже въ теченіе кампаніи. Относительно пушекъ, хотя изготовленіе стальныхъ орудій въ Россіи, благодаря трудамъ Обухова *), было введено еще въ началѣ 60-хъ годовъ, но наша полевая артиллерія была вооружена бронзовыми орудіями, которыя раздувались отъ многочисленныхъ выстрѣловъ, а бороться артиллеріи приходилось съ крупповскими орудіями.

Относительно оружейныхъ заводовъ практиковалась довольно странная система: ихъ нѣсколько разъ отдавали артиллерійскимъ же офицерамъ на такъ называемомъ коммерческомъ правѣ, т. е. на правѣ барыши класть въ кар-

---

*) Горный инженеръ Павелъ Матвѣевичъ Обуховъ, уроженецъ Ватской губерніи, по окончаніи курса въ Горномъ институтѣ, служилъ на разныхъ горныхъ заводахъ, но въ 1852 г., получивъ назначеніе управителя Златоустовской оружейной фабрики, нашелъ дѣятельность соотвѣтствовавшую его способностямъ и познаніямъ. На заводѣ этомъ давно было введено стальное дѣло. Въ 1857 г. Обуховъ изобрѣлъ свою сталь и, по осмотрѣ завода Круппа, приступилъ къ постройкѣ пушечнаго завода. Въ 1860 г. орудія его были испытаны въ Петербургѣ, а въ 1862 г. 4-хъ-фунтовое орудіе Обухова, выдержавшее 4,000 выстрѣла, обратило общее вниманіе на лондонской всемірной выставкѣ.

Разссорившись съ бывшимъ директоромъ горнаго департамента Рашетомъ изъ-за постройки Пермскаго завода, Обуховъ въ компаніи съ Путиловымъ и Кудрявцевымъ выстроилъ пушечный заводъ на мѣстѣ бывшей Александровской мануфактуры. Рядъ неудачъ разстроилъ его здоровье и онъ умеръ въ 1868 г. въ Піетро въ Молдавіи.

Это былъ истинно честный труженикъ, горячо любившій свое дѣло и оказавшій русской горной промышленности огромныя услуги. Если смерть, прервавшая его дѣятельность такъ рано, не позволила ему пріобрѣсти окончательно славу „русскаго Круппа“, то, по крайней мѣрѣ, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы въ скоромъ времени у насъ были свои Круппы. Основанный имъ заводъ названъ Обуховскимъ по предложенію В. А. Полетики, сдѣланному въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“.

манъ, а въ случаѣ убытковъ искать спасенія у казны. Всякій разъ, впрочемъ, къ счастью, оказывались крупные барыши *). Въ числѣ счастливцевъ, пользовавшихся этими барышами, были весьма родственныя къ управленію лица. Не лучше была система другихъ подрядовъ, особенно по перевозкѣ. Пороховые заводы также оставляли желать многаго.

Въ слабое утѣшеніе можно замѣтить, что и ранѣе, чуть ли не съ момента, когда, по словамъ лѣтописи, „лѣта 6897 (1389) вывезли изъ нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣльбу и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти", практиковалась та же система. Въ 1854 наши крѣпости въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ оказались совершенно неподготовленными къ войнѣ. Арсеналы въ крѣпостяхъ наполнены были всякимъ хламомъ и ровно ничего не было заготовлено для страшной борьбы, которой однако нельзя было не предвидѣть. Это истинно русское свойство. Графъ Канкринъ въ отчетѣ Александру I о продовольствіи во время войнъ 1812—14 гг. писалъ: „Примѣчанія достойно, что Россія какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи вѣка постоянно вела наступательныя войны, не будучи къ онымъ ни въ чемъ окромя фрунта готовою".

В. П. Безобразовъ.

Скончавшійся въ городѣ Дмитровѣ сенаторъ и академикъ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ принадлежалъ къ числу весьма извѣстныхъ въ Петербургѣ людей и весьма выдающихся нашихъ общественныхъ дѣятелей.

*) A quelque chose le malheur est bon: милліоны, нажитые г. Стендершельдомъ и его компаньономъ Л. Э. Нобелемъ на арендѣ Ижевского завода, пошли на развитіе бакинской нефтяной промышленности и имѣли огромное вліяніе на экономическое развитіе восточнаго Кавказа, Каспійскаго моря и нижней Волги.

Какъ человѣкъ, это былъ однимъ изъ симпатичнѣйшихъ: остроумный, добродушный, всѣмъ доступный, съ громадною начитанностью и такимъ же трудолюбіемъ. По званію секретаря Географическаго Общества, академика (въ академію Безобразовъ попалъ по протекціи графа Литке, потому и держался нѣмецкой партіи) и оффиціальнаго ученаго онъ оставилъ не мало трудовъ, по большей части отчетовъ по казеннымъ командировкамъ, гдѣ каждый занимающійся изученіемъ финансоваго и экономическаго положенія Россіи найдетъ много полезныхъ указаній и матеріаловъ.

Какъ общественный дѣятель, Безобразовъ принадлежитъ къ той плеядѣ доктринеровъ и спеціально къ тому фритредерскому кружку, который въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ принесъ для Россіи столько вреднаго *).

Значеніе доктринерства лучше всего характеризуется словами одного изъ величайшихъ доктринеровъ XIX сто-

*) Что это былъ за кружокъ, весьма вѣрно опредѣлилъ К. А. Скальковскій въ рѣчи на обѣдѣ 13 февраля 1867 г., данномъ въ честь А. П. Шипова въ отвѣтъ на обѣдъ, данный фритредерскимъ кружкомъ г. де-Молинари: „Мм. Гг. Часто говорятъ, будто бы въ Россіи теперь двѣ партіи: одна охранительная, другая — свободной торговли. Это совершенно невѣрно. Если отнести къ первой партіи всѣхъ, кому дорогъ народный трудъ и кто не желаетъ продать народную почву за куски гнилого ситца, то я могу сказать,—какъ тотъ французскій депутатъ, который отвѣчалъ: насъ здѣсь семеро, но насъ слушаютъ семь милліоновъ,—насъ, протекціонистовъ, здѣсь много, но въ Россіи насъ не семь, а семьдесятъ семь милліоновъ. Кто же эта, м. г., другая партія, идеалъ которой въ г. де-Молинари? Наши ли это землевладѣльцы, наши ли фабриканты, наши ли купцы, наши ли ученые? Нѣтъ, м. г., это три тайныхъ совѣтника, четыре дѣйствительныхъ статскихъ совѣтника, одинъ статскій и одинъ надворный совѣтникъ. Развѣ это, м. г., партія? Это только та „отважная группа фритредеровъ“, о которой мечтаетъ наемный бельгійскій экономистъ...

„Враги русской промышленности, продолжалъ г. Скальковскій, говорятъ, что охрана своей промышленности есть отсталая идея, а свобода торговли — какое-то новое изобрѣтеніе. Они совершенно заблуждаются. Свобода торговли была и до потопа. Напротивъ, таможенная охрана есть сравнительно новое изобрѣтеніе. Она создала могучія про-

лѣтія—Ройе-Коллара, который сказалъ, что „безъ теоріи люди не понимали бы, что съ ними дѣлается и не знали бы, что слѣдуетъ дѣлать". Такимъ образомъ милліоны людей, никогда не слыхавшіе ни о какихъ теоріяхъ, низводятся на степень безсловесныхъ скотовъ, а думать за нихъ предоставляется людямъ, изучившимъ теоріи.

И дѣйствительно, было въ Россіи время, когда кружокъ въ десятокъ теоретиковъ, возникшій подъ покровительствомъ Тенгоборскаго и Гагемейстера, гнулъ нашу экономическую жизнь по усмотрѣнію теоріи и считалъ десятивѣковой опытъ жизни многомилліоннаго русскаго народа ничѣмъ сравнительно съ сочиненіями Фридерика Бастіа, Мишеля Шевалье и Густава де-Молинари. Кокоревъ въ своихъ „Экономическихъ провалахъ" прекрасно описалъ дѣятельность этихъ людей, названныхъ имъ фирмою „Они".

мышленности Англіи, Франціи, Бельгіи и Германіи, она создаетъ теперь промышленность нашихъ почтенныхъ друзей, сѣверо-американцевъ...

„Враги русской промышленности увѣряютъ, что нашъ тарифъ выше всѣхъ, что онъ хуже испанскаго; но это невѣрно, и я берусь доказать каждому, что нашъ тарифъ есть самый свободный, кромѣ турецкаго. Потому-то въ цѣломъ мірѣ промышленность развивается, промышленность привлекаетъ капиталы, у насъ же промышленность въ застоѣ, она служитъ самою плохою приманкою для свободнаго капитала. Гдѣ же тѣ барыши, которые позволяетъ, будто бы, извлекать незаконно нашъ тарифъ? Если въ чемъ и можно упрекнуть нашъ тарифъ, то развѣ въ отсутствіи справедливости.

„Нѣтъ, м. г., спасеніе Россіи отъ разоренія не въ такъ называемыхъ „иделхъ высшаго порядка", проповѣдуемыхъ учениками г. де-Молинари. Весь ихъ вздоръ не прибавитъ въ нашихъ карманахъ ни одного рубля. Великое будущее Россіи во всестороннемъ развитіи ея производительныхъ силъ, которое невозможно безъ покровительства и поощренія. Освободитель Россіи, вступая на престолъ, сказалъ: „чтобы каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, для всѣхъ равно *покровительствующихъ,* могъ наслаждаться въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ"... Пожелаемте же, мм. гг., чтобы и въ будущемъ промышленность наша всегда имѣла это, необходимое ей, законное *покровительство!*" Г. Безобразовъ былъ тогда въ числѣ указанныхъ выше дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ.

«Позднѣе—пишетъ Кокоревъ—я узналъ, кто именно эти *они*, и убѣдился въ томъ, что все это люди по большей части честные, благонамѣренные и бредившіе объ экономической равноправности, но безъ всякаго пониманія нуждъ и потребностей русской жизни. Это *они* проповѣдывали намъ въ тарифныхъ комиссіяхъ пониженіе цѣны на пошлину съ кофе, потому что кофе разовьетъ мозговыя силы крестьянина, и требовали такого же пониженія на пикули и каперцы, какъ приправы, могущія дать вкусъ грубой крестьянской пищѣ. Сколько тутъ добросердечія, смѣшаннаго съ полнымъ невѣпѣніемъ деревенской жизни!

«Но *они*, блистая книжнымъ чужеземнымъ знаніемъ, пріобрѣли такое значеніе, что ихъ стали собирать на дворцовые вечера и признавать за свѣжую силу, способную обновить общій строй высшаго управленія. *Они* не замедлили поступать на мѣста въ тѣхъ кабинетахъ и комитетахъ, откуда проистекаетъ дѣйствіе власти. Въ это время *они* усидчиво работали по сочиненію новыхъ законопроектовъ, приводя механизмъ самобичеванія въ непрерывное дѣйствіе, но всегда подъ вѣяніемъ человѣколюбиваго попеченія о благѣ народномъ...»

Покойный Безобразовъ принадлежалъ къ числу этихъ *они*, людей, которые, радѣя о благѣ русскаго народа, дѣйствовали въ сущности къ величайшему вреду этого самаго народа.

Изъ кружка фритредеровъ, свирѣпствовавшаго въ особенности при Княжевичѣ и въ началѣ управленія г. Рейтерна, который былъ товарищемъ Безобразова по Александровскому лицею, хотя и нѣсколько старше лѣтами, покойный наименѣе преуспѣлъ въ смыслѣ служебной карьеры; но онъ былъ, такъ сказать, философомъ, публицистомъ и ораторомъ кружка, отчасти слылъ enfant terrible. Пропаганда его распространялась не только на печать (особенно на „Русскій Вѣстникъ" первоначальной либеральной формаціи) и правительственныя комиссіи, но и на товарищескія собранія. Гастрономическіе обѣды у Донона Безобразовъ обратилъ въ экономическій парламентъ, имѣвшій огромное вліяніе на русскую жизнь. Здѣсь entre poire et fromage были разрѣшены многіе капитальные государственные вопросы, отъ которыхъ до сихъ поръ охаетъ русскій народъ.

Во всѣхъ тарифныхъ вопросахъ Безобразовъ былъ, естественно, всегда на сторонѣ враговъ нашей промышленности. Но еще болѣе вліянія имѣли труды его по поземельному кредиту и горному дѣлу. Въ моментъ, когда послѣ освобожденія крестьянъ русское землевладѣніе переходило изъ натуральнаго хозяйства въ денежное и чрезвычайно нуждалось въ средствахъ, для нашего землевладѣнія былъ закрытъ кредитъ. Причиною этому была комиссія о наилучшемъ устройствѣ поземельнаго кредита въ Россіи, душою которой былъ Безобразовъ. Комиссія издала 4 тома трудовъ, но ничего не рѣшила въ моментъ, когда каждая минута была дорога.

Равнымъ образомъ въ моментъ, когда Россія строила желѣзныя дороги и горное дѣло наше, воспользовавшись этимъ, могло утроить свою производительность, обсужденіе его судебъ поручили пресловутой Податной комиссіи, которая ограничилась печатаніемъ трудовъ о горномъ дѣлѣ Безобразова, желѣзныя же дороги выстроились изъ иностранныхъ матеріаловъ.

По обоимъ этимъ вопросамъ убытки Россіи надобно считать въ сотни милліоновъ рублей.

Въ послѣдній разъ Безобразовъ выступилъ на практической почвѣ при управленіи Грейга, который и самъ принадлежалъ къ числу доктринеровъ и почитателей дононовскихъ обѣдовъ, на которыхъ обыкновенно предсѣдательствовалъ. По мысли Безобразова былъ установленъ въ это время высокій налогъ на страхованіе.

Въ послѣднее время, при рѣзко измѣнившемся направленіи внутренней политики, Безобразовъ уже не могъ имѣть вліянія на ходъ финансовыхъ дѣлъ. Какъ истый доктринеръ, онъ не измѣнилъ, однако, ни на волосъ своихъ воззрѣній и послѣднія статьи его въ „Новостяхъ" повторяютъ тѣ же ребяческія идеи, которыя онъ горячо защищалъ въ 50-хъ годахъ. По поводу Безобразова невольно вспоминается слѣдующій анекдотъ: Герцогъ Веллингтонъ, утомленный въ одномъ изъ засѣданій совѣта министровъ

слишкомъ длинными разсужденіями лорда Гароуби, съ досадою сказалъ: „Милордъ! у васъ слишкомъ много образованія для вашего ума". У Безобразова точно также было слишкомъ много учености для его головы...

* * *

По поводу вышеозначенной характеристики В. П. Безобразова, напечатанной въ „Новомъ Времени", г. Колесовъ помѣстилъ въ „Новостяхъ" письмо, гдѣ опровергалъ участіе покойнаго въ трудахъ тарифныхъ комиссій, выработавшихъ тарифы 1857 и 1868 гг. Но у насъ и не было сказано, что Безобразовъ былъ членомъ тарифныхъ комиссій; сколько помнится, г. Рейтернъ и не хотѣлъ назначить Безобразова членомъ, какъ лицо, котораго всѣмъ извѣстныя рѣзкія фритредерскія убѣжденія могли произвести дурное впечатлѣніе въ Москвѣ. Комиссія хотя была въ общемъ фритредерская, но члены ея часто подавали голоса заодно и съ фабрикантами; только гг. Гирсъ и Тернеръ по всѣмъ вопросамъ подали неизмѣнно голосъ за пониженіе таможеннаго тарифа.

Мы говорили, что въ тарифныхъ вопросахъ Безобразовъ былъ на сторонѣ враговъ нашей промышленности. И это подтверждается не только всѣми его предыдущими сочиненіями, но и рѣчами въ обществахъ Вольно-Экономическомъ и Петербургскомъ сельскихъ хозяевъ, разговорами въ томъ вліятельномъ кружкѣ, котораго онъ былъ душою, наконецъ, застольными спичами въ игравшихъ такую важную роль дононовскихъ обѣдахъ.

Для характеристики воззрѣній г. Безобразова на таможенный тарифъ приведемъ отрывокъ изъ рѣчи г. Скальковскаго, возражавшаго ему въ 1867 году въ засѣданіи Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ.

Доказывать въ настоящее время пользу совмѣстнаго развитія земледѣлія и промышленности совершенно безполезно. Съ этимъ согласны всѣ экономисты, кромѣ какихъ нибудь завзятыхъ фритредеровъ, которыхъ одни государства насылаютъ на другія: въ родѣ Боуринга въ Пруссіи, де-Молинари въ Россіи.

Но мы обращаемся въ нашей рѣчи къ людямъ, знающимъ Россію и любящимъ ее. Только съ такой патріотической и критической точки зрѣнія и можетъ быть произведено достаточно безпристрастно обсужденіе настоящаго столь важнаго вопроса; становиться же на теоретическую точку совершенно безполезно. Хотя В. П. Безобразовъ и просилъ повѣрить ему на слово, что вопросъ о свободѣ торговли давно порѣшенъ, но я не могу съ этимъ согласиться, такъ какъ это дѣло чисто личнаго вкуса; да и чѣмъ знаменитые фритредеры Бастіа и Шевалье убѣдительнѣе знаменитыхъ протекціонистовъ Листа, Кери, Тьера или Либиха, и чѣмъ разсужденія современныхъ ничтожныхъ экономистовъ въ родѣ Курселя, Молинари и Бодрильяра, выше современныхъ протекціонистовъ Гуро, Дюмениль-Мариньи и другихъ? То же явленіе замѣчается и въ Россіи. Лѣтъ восемь тому назадъ я читалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» фразу: «пора же намъ согласиться, что ученіе Смита, Сея и Шторха точно такъ же, какъ геометрія». Не думаю, чтобъ теперь кто нибудь повторилъ эту фразу. Притомъ я обращаю ваше вниманіе на то, что ни одинъ изъ извѣстныхъ протекціонистовъ въ Россіи не сдѣлался еще фритредеромъ; между тѣмъ переходы изъ противнаго лагеря очень часты, начиная съ почтеннаго А. П. Шипова и оканчивая г. Бунге, который недавно въ своихъ статьяхъ въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ» опровергаетъ преувеличенные выводы фритредеровъ и дѣлаетъ оригинальное признаніе, что десятилѣтній опытъ убѣдилъ его, что возможно сдѣлаться протекціонистомъ, оставаясь порядочнымъ человѣкомъ.

Наконецъ, самъ г. Безобразовъ заявилъ, что и онъ можетъ быть причисленъ къ числу самыхъ умѣреннѣйшихъ фритредеровъ. Но желать умѣренной свободной торговли и значитъ быть протекціонистомъ. Ему показалось страннымъ названіе проекта г. Колесова фритредерскимъ. Но мы не видимъ въ этомъ названіи никакого противорѣчія. Тарифъ нашъ требовалъ серьезныхъ измѣненій. Всѣ протекціонисты согласились бы на многія пониженія, съ условіемъ пересмотра нѣкоторыхъ особенно важныхъ статей. Число этихъ статей невелико: мы не насчитаемъ ихъ и двухъ десятковъ. Между тѣмъ г. Колесовъ произвелъ повальное, хотя и незначительное пониженіе тарифа, прибавивъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ по $^1/_2$ и 1 коп. на пудъ. Такая мѣра могла быть внушена только фритредерскимъ увлеченіемъ, потому что она не приноситъ никакой пользы нашей промышленности вообще, а можетъ, пожалуй, и повредить отдѣльнымъ ея отраслямъ. Главный же упрекъ новому проекту это тотъ, что,

принявъ его, мы еще на 10 лѣтъ задержимъ установленіе необходимаго намъ покровительственнаго тарифа*).

Но не въ этомъ рѣчь. Вопросъ въ томъ, можетъ ли развиваться у насъ промышленность безъ тарифа, и дѣйствительно ли требуется для этого непремѣнно таможенное покровительство? Для этого проще всего обратиться къ исторіи, которая, по словамъ Карамзина, есть зеркало прошедшаго и урокъ будущаго. Развернувъ исторію, мы видимъ, что нигдѣ, кромѣ ничтожной Швейцаріи, и никогда промышленность безъ покровительства не развивалась; потому очень невѣроятно, чтобъ развилась она такимъ образомъ въ Россіи. Та же исторія указываетъ намъ на прискорбный примѣръ Португаліи, Турціи, Ирландіи, которыя безъ надлежащей таможенной защиты сдѣлались обширнымъ полемъ безжалостной эксплуатаціи.

Я сдѣлаю, мм. гг., даже уступку и соглашусь, что, быть можетъ, такой опытъ въ Россіи и былъ бы удаченъ. Но мы не имѣемъ никакого права дѣлать подобные опыты, которые, въ случаѣ неудачи, будутъ стоить милліоновъ и оставятъ безъ работы милліоны рукъ.

Коснувшись исторіи, не могу не указать на наши губерніи, называвшіяся когда-то Польшею. Извѣстно, что бывшая Рѣчь Посполитая держалась свободной торговли, и потому, не смотря на богатыя природныя средства и выгодное центральное положеніе, промышленность ея была въ жалкомъ положеніи. Когда же, послѣ раздѣла, части Польши попали въ государства, держащіяся охранительной политики, промышленность въ польскихъ провинціяхъ начала развиваться.

Вопросъ о тарифѣ очень ясенъ. Сколько бы политики и экономисты ни доказывали, что справедливые налоги—утопія, что таможенные чиновники—современные корсары, что война—умопомѣшательство человѣчества, я всегда подпишу свое имя подъ подобными возвышенными идеями, но никогда не посовѣтую своему отечеству не улучшать своей арміи, не измѣнять системы податей или не пересматривать тарифъ.

В. П. Безобразовъ замѣчаетъ, что совершенно вѣрный и справедливый тарифъ невозможенъ. Согласенъ, но вѣдь невозможно и идеально-хорошее правительство; однако же человѣчество готово скорѣе принять крайній деспотизмъ, нежели анархію. Свобода тор-

*) Слова эти оказались пророческими: въ 1877 г. были введены золотыя пошлины.

говля и есть анархія экономической дѣятельности; это тотъ отдаленный идеалъ, когда каждый будетъ дѣлать, что хочетъ, думать, какъ хочетъ, не будетъ признавать административнаго вмѣшательства, и всѣ правительства обратятся въ обширныя страховыя конторы. Нѣкто сказалъ остроумно, что это то время, когда нигдѣ не будетъ ни заборовъ, ни воротъ.

Но, мм. гг., въ такомъ ли положеніи Россія, чтобы думать серьезно о подобныхъ идеалахъ? Поэтому, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія о пустякахъ, обратимся лучше къ дѣлу...

Англійскій консулъ Митчель также не былъ членомъ тарифной комиссіи, но г. Колесову прекрасно извѣстно, что изъ его записки всѣ наши фритредеры черпали свои аргументы въ пользу пониженія таможенныхъ пошлинъ; на эту записку главнымъ образомъ нападали и представители промышленности въ комиссіи, и тѣ немногочисленные органы печати („С.-Петербургскія Вѣдомости“ и „Москва“), которые защищали тогда протекціонный тарифъ. Запискѣ г. Митчеля придавали гораздо большее значеніе, чѣмъ такъ называемымъ „Матеріаламъ по пересмотру общаго таможеннаго тарифа“, составленнымъ въ трехъ томахъ г. Колесовымъ, ибо это былъ чисто канцелярскій трудъ—рядъ невинныхъ ариѳметическихъ упражненій въ фритредерскомъ духѣ безъ фактической подкладки.

Въ заключеніе мы должны еще замѣтить, что подъ фритредерской школой нашихъ экономистовъ и администраторовъ мы разумѣемъ не только въ узкомъ смыслѣ тѣхъ, которые, такъ или иначе, вліяли на измѣненіе таможенныхъ пошлинъ, но весь тотъ кружокъ, который произвелъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ цѣлый рядъ реформъ въ экономической, финансовой и кредитной областяхъ, исключительно держась западныхъ, модныхъ тогда, доктринъ, не обращая вниманія ни на нашъ собственный историческій опытъ, ни на то, что модныя доктрины далеко не были святой истиной и въ самой Европѣ, гдѣ ихъ черезъ десять лѣтъ сдали уже въ архивъ за не-

годностью. Да и тогда Соединенные Штаты являлись для насъ примѣромъ успѣха совершенно противоположныхъ началъ, а, конечно, Сѣверная Америка болѣе подходила къ Россіи по своимъ экономическимъ условіямъ, чѣмъ Бельгія или Англія.

Графъ П. А. Валуевъ.

Значеніе перемѣны, состоявшейся въ предсѣдательствѣ Комитета Министровъ (6-го октября 1881 г.), не ускользнетъ, конечно, отъ вниманія публики. Весьма почетный постъ предсѣдателя нашего высшаго административнаго учрежденія относится къ разряду такихъ, на которыхъ обыкновенно не бываетъ личныхъ измѣненій, потому что подобные посты находятся внѣ колебаній текущей политики. Мотивы, побудившіе графа П. А. Валуева просить объ увольненіи его отъ званія предсѣдателя Комитета Министровъ, а равно предсѣдателя Кавказскаго Комитета и Комиссіи Прошеній, были, вѣроятно, достаточно вѣски, но такъ какъ судить о нихъ въ точности до времени весьма затруднительно, то мы и не касаемся ихъ.

Графъ П. А. Валуевъ былъ слишкомъ недолго на послѣднемъ своемъ посту, чтобы дѣлать какіе либо выводы; говорятъ только, что въ прошедшее царствованіе онъ находился въ числѣ противниковъ политики графа Лорисъ-Меликова. За то прежняя министерская дѣятельность графа Валуева очень хорошо знакома русскому обществу. Шесть лѣтъ онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и послѣ значительнаго промежутка, въ которомъ графъ Петръ Александровичъ состоялъ предсѣдателемъ знаменитаго теперь учетнаго и ссуднаго банка, шесть лѣтъ министромъ государственныхъ имуществъ. Попытка дать направленіе въ извѣстномъ духѣ крестьянской и земской реформѣ (которую онъ, впрочемъ, въ своемъ офиціальномъ органѣ „Сѣ-

верная почта“ въ 1865 г., назвалъ „школою представительныхъ учрежденій“) и первыя примѣненія закона о печати 1865 г. (выработаннаго по мысли Головнина комиссіей кн. Оболенскаго) составляютъ характерныя черты перваго изъ управленій графа Валуева, второе разрѣшилось нѣкоторымъ недоразумѣніемъ насчетъ утилизаціи башкирскихъ земель, которыя теперь—послѣ ревизіи члена Государственнаго Совѣта М. Е. Ковалевскаго—выяснены окончательно.

Въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ графу П. А. пришлось высказаться въ польскихъ дѣлахъ и по отношенію къ внѣшней политикѣ. Эту сторону дѣятельности графъ М. Н. Муравьевъ охарактеризовалъ въ своихъ запискахъ очень сурово, называя Валуева: „космополитомъ и преданнымъ одной мысли и желанію воспользоваться европейскою извѣстностью и похвалой“. Напротивъ, нѣмецкій авторъ извѣстной тенденціозной книги „Aus der Petersburger Gesellschaft“, явившейся ранѣе въ Вѣнѣ въ видѣ фельетоновъ въ „Neue Freie Presse“, написалъ восторженный панегирикъ графу П. А. Валуеву за его поведеніе въ польскомъ, прибалтійскомъ и др. вопросахъ окраинъ. Напоминая, что графъ по матери полугерманецъ, онъ съ восторгомъ говоритъ, что П. А. былъ „опаснѣйшимъ противникомъ осуществленія проектовъ обрусѣнія“ и съ Головнинымъ и г. Рейтерномъ велъ войну противъ обрусителей „съ великимъ ожесточеніемъ“. Онъ называетъ даже графа П. А. „самымъ умнымъ министромъ, котораго когда либо Россія имѣла“. А оставленіе графомъ министерства внутреннихъ дѣлъ характеризуетъ такъ: „Борьба, которую велъ Валуевъ въ теченіе пяти лѣтъ противъ нетерпѣливыхъ представителей русской партіи, окончилась пораженіемъ; но эта борьба вовсе не была безплодною. Въ моментъ, когда министръ, со всѣхъ сторонъ аттакованный, долженъ былъ уступить, счастливыя времена національной котеріи прошли, звѣзда Каткова начала меркнуть и побѣдители были не въ силахъ дать

своей программѣ одобренія общественнаго мнѣнія *). Время, потерянное въ борьбѣ съ противникомъ, притупило оружіе партіи, ослѣпленной фанатизмомъ".

* * *

Графъ П. А. Валуевъ представляетъ поучительный примѣръ человѣка, закончившаго свою продолжительную государственную карьеру, но не предавшагося покою, на который онъ имѣлъ бы право; онъ посвятилъ свои досуги литературѣ. Общее настроеніе его духа можетъ быть характеризовано двумя автографами, написанными въ записной книгѣ г. Семевскаго **): „Я теперь дома: но порою чудится— что и не дома" и стихами, заканчивающимися словами: „Не спрашивай: Господь! за что? Спроси: къ чему?" Работая на литературномъ поприщѣ, графъ написалъ романъ „Лоринъ", любопытный по взглядамъ на разные вопросы, которые проведены тамъ и показали русской публикѣ, какого рода воззрѣнія могутъ быть у нашихъ государственныхъ людей. За „Лоринымъ" явился: „Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній на всѣ дни года".

Это изящно изданный большой томъ, содержащій, въ формѣ хрестоматіи или антологіи, тексты св. писанія, выборки изъ сочиненій и проповѣдей нашихъ и иностранныхъ богослововъ, въ особенности изъ знаменитаго сочиненія Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу", переведеннаго въ молодости графомъ Сперанскимъ, и изъ нѣмецкой книги „Часы благоговѣнія". Къ статьямъ пріурочены также стихотворенія духовнаго содержанія нашихъ поэтовъ и даже Всеволода Крестовскаго, не ожидавшаго, вѣроятно, чести быть предметомъ „благоговѣйнаго" чтенія. Нѣсколько афоризмовъ и стихотвореній, подписанныхъ разными псевдонимами, скрываютъ весьма прозрачно автора книги.

Потребность въ „душевномъ" чтеніи, какъ извѣстно, у насъ всегда существовала и будетъ существовать; сборни-

---

*) Подъ общественнымъ мнѣніемъ нѣмецкій писатель разумѣетъ тутъ очевидно газету „Вѣсть" Скарятина.

**) Знакомые. Альбомъ М. Семевскаго.

ковъ еще рукописныхъ, содержащихъ отрывки богословскаго и нравоучительнаго содержанія, у насъ осталось не мало отъ московской Руси подъ именемъ разныхъ „Пчелъ", „Златоструевъ" и т. п.; поэтому нѣтъ сомнѣнія, что и книга графа Валуева нашла бы себѣ значительный кругъ читателей, но авторъ роскошью изданія и дорогою цѣною не сдѣлалъ ее достаточно доступною для массы публики. Наши аристократки предпочтутъ „Подражаніе Христу" прочесть въ изящномъ французскомъ переводѣ, а для настоящихъ потребителей подобной книги: зажиточныхъ крестьянъ, купечества, сельскаго духовенства, четыре рубля—цѣна не подходящая.

Мы говорили, что въ „Оринѣ" достаточно страницъ для опредѣленія политическихъ и общественныхъ воззрѣній графа Валуева. Еще ранѣе появленія „Лорина" „Новое Время" сдѣлало изъ печатныхъ резолюцій графа весьма любопытный сборникъ афоризмовъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

О печати и общественномъ мнѣніи.

Общее правило, что нашу, и даже всякую печать, нельзя задобрить снисходительностью и ослабляющими колебаніями, а можно держать въ извѣстныхъ предѣлахъ только благоразумною твердостью.

—

Распредѣленіе занятій вообще имѣетъ цѣлью болѣе удобное и скорое исполненіе всей совокупности этихъ занятій. Это общее начало примѣнимо и къ дѣламъ прессы, но не безусловно, и тѣмъ болѣе не безусловно, что сфера этой дѣятельности есть сфера постояннаго взаимодѣйствія разныхъ произведеній печати.

—

Дѣло печати есть всегда дѣло спѣшное и мимоходное.

—

Въ законѣ 6-го апрѣля, сколько помню, нѣтъ указаній насчетъ средствъ къ благовоспитанію прессы.

—

Чтеніе лекцій прессѣ можетъ быть полезно только подъ условіемъ рѣдкаго примѣненія и тогда, когда имѣются на случай надобности болѣе дѣйствительные способы назиданія.

—

Мнѣніе такъ называемой публики имѣетъ весьма условное значеніе. Она любитъ полемику не какъ средство, а какъ цѣль. Этой наклонности нельзя поощрять и не слѣдуетъ ей поддаваться.

О цензурѣ.

Никакой аргументъ, имѣющій видъ робости предъ кривотолками и пересудами, публики остановить не можетъ. Напротивъ, скорѣе необходимо настаивать на мѣрахъ взысканія, чтобы доказать, что, примѣняясь разсудительно, на основаніи твердо сознанныхъ началъ, они никакимъ говоромъ отстранены быть не могутъ.

—

Вообще необходимо водворить въ комъ слѣдуетъ убѣжденіе, что когда коренная или тайная мысль не можетъ быть одобрена, то и всѣ тактическіе пріемы къ пріобрѣтенію этого одобренія безполезны.

—

Журнальная ловкость можетъ употребляться только противъ судебнаго, а не противъ административнаго взысканія. Допущеніе подобнаго предположенія невозможно, доколѣ не предполагается недостатка умѣнія и рѣшимости со стороны администраціи. Послѣдняя вовсе не судъ присяжныхъ. Она вовсе не стоитъ между литературой и правительствомъ, но стоитъ на сторонѣ правительства. Правительственнымъ цѣлямъ не можетъ соотвѣтствовать допущеніе «ловкой» вѣрности предосудительному направленію.

—

Въ уложеніи о наказаніяхъ мотивы облекаются особымъ значеніемъ и часто преобладаютъ передъ фактами. Между тѣмъ въ дѣлахъ печати факты болѣе или менѣе всегда осязательны, но мотивы не могутъ быть опредѣлены съ должною достовѣрностью. Отсюда то затрудненіе, которое встрѣчается при пріискиваніи подлежащихъ статей уложенія, и та выгода, которую представляетъ предъ уложеніемъ законъ о печати.

—

Иногда достаточно заявить, что статья замѣчена. Въ этомъ предвареніе есть. Но предвареніе не должно имѣть вида неопредѣленной угрозы.

—

Цензура не судъ, а администрація, и слѣдовательно нисколько не обязана стѣсняться теоріей формальныхъ доказательствъ. Она обязана пропускать только положительно безвредное и непредосудительное, потому что по закону она положительно одобряетъ то что она пропускаетъ.

—

Случаи предосудительной печати, неподлежащіе или неподводимые подъ кару закона судебнымъ порядкомъ, составляютъ то, что въ совокупности названо вреднымъ направленіемъ *).

—

Есть два способа оказывать уваженіе органамъ періодической прессы: первый состоитъ въ оказаніи имъ снисходительности на основаніи предполагаемой добронамѣренности и предполагаемыхъ увлеченій, т. е. полусознанія; другой заключается въ признаніи ихъ полнаго сознанія, способности оцѣнивать свои дѣйствія и дѣйствовать и говорить по систематически предначертанному плану, а затѣмъ и въ распредѣленіи мѣры отвѣтственности сообразно тому, что дѣйствительно напечатано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Я предпочитаю послѣдній способъ.

О «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Нельзя допускать ad infinitum, чтобы издатели «Московскихъ Вѣдомостей» провозглашали себя изобрѣтателями единства Россіи и обвиняли въ государственной измѣнѣ всѣхъ тѣхъ, кого они предполагаютъ нераздѣляющими вполнѣ ихъ воззрѣній на тотъ или другой вопросъ. Дальнѣйшее снисхожденіе имѣетъ видъ поставленія этой газеты какъ бы внѣ общаго закона.

—

Отличительный характеръ «Московскихъ Вѣдомостей» состоитъ въ грубомъ нарушеніи всѣхъ приличій, а грубое неприличіе, не досягая до тѣхъ, противъ кого оно направлено, остается на уровнѣ того, кто къ нему прибѣгаетъ **).

—

*) По изложенію графа какъ будто бы выходитъ, что полезное направленіе и есть то, которое подходитъ подъ кару закона.

**) Здѣсь графъ Валуевъ, очевидно, пародируетъ только извѣстный отвѣтъ Гизо оппозиціи въ палатѣ депутатовъ.

Благодаря особаго рода пріемамъ и логикѣ бывшихъ (?) издателей «Московскихъ Вѣдомостей», дѣло постоянно усложняется...

О маленькой прессѣ.

Пасквильное подобіе газеты или направленіе, дающее поводъ къ исканію въ ней пасквильнаго смысла и къ пасквильнымъ толкамъ, не можетъ быть терпимо.

—

Не могу не выразить нѣкотораго изумленія по поводу затрудненій, которыя встрѣчаются гг. цензорами при просмотрѣ такихъ изданій, какъ «Искра» и «Будильникъ». Отчего происходятъ или въ чемъ усматриваются эти затрудненія? Статьи слѣдуетъ просто зачеркивать.

—

Пасквильныя выходки маленькой прессы не заслуживаютъ публично и печатно мотивированнаго предостереженія. Цензурѣ было бы трудно признать, что она поняла намеки.

О нѣмцахъ.

При всестороннемъ обсужденіи разныхъ обстоятельствъ дѣла, убѣдятся, что крайняя мѣра снисходительности и терпѣнія была постоянно прилагаема не той сторонѣ, которую нѣкоторымъ образомъ представляетъ нѣмецкая петербургская газета.

—

Все что касается прибалтійскаго вопроса не выгодно, какъ впечатлѣніе. По этому вопросу самые кривые взгляды наиболѣе распространены и лица, никогда не бывавшія въ томъ краѣ, считаютъ себя наиболѣе о немъ свѣдущими. Этого разомъ передѣлать нельзя.

—

Мысли г. Аксакова о дѣлахъ Остзейскаго края совершенно неприличны и предосудительны. Нахожу, что система индуктивнаго извиненія подобныхъ выходокъ представляетъ важныя неудобства.

О театрѣ и театральныхъ приличіяхъ.

Есть тезисы, которые лучше не постановлять въ драматической формѣ, чѣмъ постановлять и затѣмъ опровергать.

—

Оттѣнки приличій часто зависятъ отъ постановки пьесы. Приличія носятъ отчасти политическій и нравственный характеръ болѣе на русской сценѣ, гдѣ публика можетъ подлежать вліянію, чѣмъ на французской или нѣмецкой, гдѣ публика преимущественно подлежитъ впечатлѣнію.

—

Въ «Les vieux garçons» Сарду остроумно осмѣяны пороки старыхъ волокитъ и представлено торжество нравственныхъ убѣжденій въ лицѣ сына, дающаго жестокій урокъ отцу. Согласенъ, предполагая, что «Les vieux garçons» предназначена для французской сцены. Не нахожу для русской весьма счастливою и нравственною мысль о преподаваніи урока отцу сыномъ.

—

Идеалъ воспитательницы не можетъ быть «дѣвушкою», какъ это значится въ пьесѣ, а дочь полковника собственно не можетъ представлять дворянскаго типа, и, слѣдовательно, мнѣ нельзя согласиться съ аргументаціей, основанной на этихъ двухъ посылкахъ...

* * *

Suum cuique. Справедливость требуетъ замѣтить, что идея земскихъ начальниковъ была уже у графа Валуева, предложившаго раздѣлить Россію на участки, которые назывались бы „выти“, но проектъ не прошелъ, не встрѣтивъ сочувствія великаго князя Константина Николаевича, какъ предсѣдателя Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія; остряки говорили, что тогда вся Россія станетъ „выть“ *).

Надобно прибавить, что еще М. Н. Муравьевъ настаивалъ, чтобы внутренняя мірская расправа была подчинена вліянію правительственной полиціи. А. Е. Тимашевъ справедливо замѣтилъ („Русскій Архивъ“ 1887 г.): „нельзя не пожалѣть, что мысль эта не была принята, такъ какъ многія безобразія въ крестьянскомъ самоуправленіи были бы избѣгнуты“. Еще проще было бы временно (по примѣру

---

*) У насъ вообще за остротами по канцелярской части въ карманъ не лѣзутъ: не успѣла кахановская комиссія проектировать должности волостелей, какъ ихъ немедленно прозвали „коростелями“.

Англіи и Германіи) сохранить хотя нѣкоторую власть за помѣщиками, но объ этомъ при тогдашнемъ настроеніи не могло быть и рѣчи. Самъ покойный государь опасался какихъ-то дворянскихъ замысловъ и на запискѣ М. А. Безобразова написалъ: „онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе“.

Князь А. М. Горчаковъ.

Князь Горчаковъ—одинъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ дипломатовъ. Русскихъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, потому что, не смотря на всѣми признанное искусство и склонность нашу къ дипломатіи, искусство блистательно проявленное еще въ XVII и XVIII вѣкахъ, почти до послѣдняго времени дипломатическая карьера привлекала въ Россіи всякаго рода иноземцевъ, и, послѣ Долгорукихъ, Паниныхъ, Репниныхъ, Воронцовыхъ, Румянцевыхъ, Обрѣсковыхъ, мы видимъ цѣлую серію нѣмцевъ, поляковъ, евреевъ, далматинцевъ, грековъ, корсиканцевъ и даже португальцевъ, отстаивающихъ русскіе интересы передъ Европой! Россія, конечно, признательна за услуги, оказанныя Шафировымъ или Капо д'Истріей, но для русскаго чувства и русскаго достоинства желательно, чтобы мы всегда умѣли находить ходатаевъ для себя въ средѣ своего народа, въ средѣ людей, не только отвлеченно сознающихъ государственныя выгоды Россіи, но и живущихъ съ нею однимъ умомъ, однимъ сердцемъ. Желательно также, чтобы дипломатическое искусство этихъ русскихъ людей шло далѣе основательнаго знанія французскаго языка *).

*) Въ одномъ великосвѣтскомъ салонѣ разговаривали о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ во Франціи для отысканія министра иностранныхъ дѣлъ.— „Я этого, признаться, понять не могу, замѣтилъ одинъ нашъ дипломатъ,

Безтактность Кокошкина въ Туринѣ была, говорятъ, причиною холодности къ русскимъ дипломатамъ, даже при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, но для своихъ родственниковъ гр. Нессельроде дѣлалъ однако исключенія.

Долголѣтняя дипломатическая дѣятельность князя Горчакова распадается на два періода. Въ первомъ онъ былъ только исполнителемъ, хотя и самостоятельнымъ, чужихъ предначертаній, во второмъ—самъ сдѣлался руководителемъ русской внѣшней политики, соображая ее лишь съ тѣми общими указаніями, которыя давалъ ему въ Бозѣ почившій государь императоръ.

Послѣ окончанія курса въ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ князь Горчаковъ, какъ извѣстно, былъ товарищемъ Пушкина, князь состоялъ нѣкоторое время въ канцеляріи графа Каподистріа, оказывавшаго ему покровительство, и графа Нессельроде, съ которымъ ѣздилъ на Лайбахскій и Веронскій конгрессы, а затѣмъ занималъ должность секретаря и совѣтника нашихъ миссій въ Лондонѣ и Римѣ. Первоначально карьера его не представляла ничего выдающагося, потому что Нессельроде къ нему относился непріязненно, а это вліяло и на благоволеніе императора Николая Павловича. Въ 1830 году онъ былъ сдѣланъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи, въ 1832 году совѣтникомъ посольства и временно повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, въ

Ужъ, кажется, французамъ не трудно быть дипломатами, ибо они отъ рожденія говорятъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ". Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и другія націи были довольны своими дипломатами; вотъ оцѣнка англійскихъ, сдѣланная англичаниномъ: „Репутація, которую пріобрѣли дипломаты, есть скорѣе результатъ той тайны, какою окружена дипломатія, чѣмъ слѣдствіе искусства лицъ, глубоко изучившихъ дипломатическую службу. Въ Англіи во всякомъ случаѣ трудно назвать многихъ дипломатовъ, въ промежутокъ времени между отставкою сэра Вильяма Темпля и возвышеніемъ лорда Страффорда Радклифа, которые бы могли занять выдающееся мѣсто. Тѣмъ не менѣе о дипломатіи говорятъ съ благоговѣніемъ, понятнымъ развѣ людямъ искусившимся въ этой профессіи. Кромѣ того, само слово длинно и благозвучно" (**Спенсеръ-Уольслей.** Иностранная политика Англіи).

1841 году чрезвычайнымъ посланникомъ въ Штутгардтѣ, а съ 1850 года онъ выполнялъ ту же обязанность при германскомъ союзѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Отсюда онъ былъ переведенъ, въ 1854 году, въ Вѣну, гдѣ оставался до 15-го апрѣля 1856 года, когда получилъ назначенiе управлять нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Таковы внѣшнiя черты перваго перiода дипломатической дѣятельности князя Горчакова. Въ свое время онъ обратилъ на себя вниманiе заключенiемъ брачнаго союза наслѣднаго принца Виртембергскаго съ великою княгинею Ольгою Николаевною. Браку этому придавали значенiе въ виду того огромнаго влiянiя, которое Россiя имѣла въ дѣлахъ второстепенныхъ германскихъ государствъ. Крымская война показала, однако, что пользы отъ этого влiянiя для Россiи нѣтъ никакой. Занимая различные дипломатическiе посты въ Италiи и Германiи въ моментъ всемогущества Меттерниха, князь Горчаковъ, подобно князю Бисмарку, прiобрѣлъ въ душѣ ненависть къ Австрiи и ея политикѣ — черта, которая сдѣлалась потомъ отличительною въ иностранной политикѣ обоихъ знаменитыхъ государственныхъ людей. Князю Горчакову принадлежитъ фраза, сдѣлавшаяся историческою: „L'Autriche n'est pas un état, ce n'est qu'un gouvernement".

Надобно знать, что вся наша дипломатiя традицiонно вѣками воспитывалась на преклоненiи къ Австрiи и на стремленiи находиться съ нею въ дружбѣ. Это стремленiе, особенно сильно выражавшееся при управленiи иностранными дѣлами графовъ Остермана, Бестужева-Рюмина, Ростопчина и Нессельроде, основано было на вѣрной оцѣнкѣ того положенiя, которое занимала Австрiя на континентѣ, какъ исконный врагъ Францiи, постоянно дружившей съ нашими опаснѣйшими соперниками: Турцiей, Швецiей и Польшей. Но традицiонная дружба съ Австрiей потеряла смыслъ въ половинѣ XIX столѣтiя и князь Горчаковъ первый понялъ это и въ такомъ духѣ велъ дѣла, въ особенности на Франкфуртскомъ сеймѣ въ моментъ торжества реакцiи, хотя со-

вершенно невѣрно, будто еще изъ Штутгардта, какъ увѣряли панегиристы Горчакова, онъ вліялъ на австрійскія дѣла 1848—49 г., и даже на отказъ отъ престола императора Фердинанда. Недостойное поведеніе Австріи въ Крымскую войну подтвердило подозрительность князя Горчакова.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что опубликованные теперь документы несомнѣнно доказываютъ, что въ своемъ нерасположеніи къ Австріи Горчаковъ слишкомъ увлекался и видѣлъ все въ слишкомъ дурномъ свѣтѣ, отчего преувеличивалъ опасность участія Австріи въ восточной войнѣ и тѣмъ отвлекъ русскія силы отъ Крыма.

Изъ депешъ самого Горчакова видно, что никогда австрійцы ни однимъ словомъ не грозили намъ войною, напротивъ нашъ посланникъ нѣсколько разъ пугалъ ихъ войною и заставлялъ усиленно вооружаться. Это недоразумѣніе дорого обошлось Австріи, а для насъ было совершенно пагубно. Горчаковъ оправдывался впослѣдствіи тѣмъ, что гр. Нессельроде, желавшій для вѣнскихъ конференцій посадить Бруннова, нарочно оставлялъ его безъ инструкцій.

Съ назначеніемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, главною заботою князя Горчакова стало сближеніе съ Франціей. Онъ сдѣлалъ видъ, что Россія совершенно забыла обиды Крымской войны и примирилась съ ея результатами. Въ день коронаціи государя, разослалъ онъ ноту, въ которой заключалась знаменитая фраза: „La Russie ne boude pas, elle se recueille“, которая прослыла программою русской политики *). Уступки въ румынскомъ вопросѣ (гдѣ Россія, вопреки своимъ кореннымъ интересамъ, поддерживала объединеніе княжествъ), въ дѣлѣ посылки французской экспедиціи въ Сирію и особенно нейтральное положеніе, занятое Россіей въ итальянскую войну 1859 года, повлек-

*) Фразѣ этой князь придавалъ особое значеніе и когда его секретарь г. Моренгеймъ, не зная чья она, не нашелъ ее остроумною, то князь перевелъ его въ Копенгагенъ, какъ бы въ ссылку, но это-то и послужило для дальнѣйшей карьеры нашего дипломата (Aus der Petersburg. Gesellschaft).

шую къ замѣтному политическому обезсиленію Австріи, были результатами нашего сближенія съ Франціей. Признаніе итальянскаго единства казалось тѣмъ болѣе тяжелою уступкою, что съ династіей неаполитанскихъ Бурбоновъ у насъ была старинная дружба, и еще въ 1858 году князь Горчаковъ выступалъ съ нотою, защищавшею передъ Европою капризное самовластіе Фердинанда II.

Союзъ съ Франціей не могъ, однако, продолжаться долго, какъ комбинація случайная и противорѣчившая стариннымъ условіямъ французской политики. Уже въ 1862 г. князь Горчаковъ отказался отъ предложенія тюльерійскаго кабинета сдѣлать совмѣстно съ Англіей вмѣшательство въ междоусобную войну въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь князь Горчаковъ проявилъ довольно тонкую проницательность, потому что, когда, въ 1863 году, Франціи удалось составить цѣлую коалицію для давленія на Россію, чтобы вынудить ее сдѣлать уступки польскому возстанію, посылка русской эскадры въ Соединенные Штаты и возможность при дружественномъ нейтралитетѣ послѣднихъ крейсерской войны охладила напускной жаръ Англіи и съ тѣмъ вмѣстѣ разстроила грозную коалицію.

Къ сожалѣнію, желаніе угодить Соединеннымъ Штатамъ повело потомъ къ крупной ошибкѣ: продажѣ за 7.200,000 долл. нашихъ американскихъ колоній. Уступка Соединеннымъ Штатамъ русско-американской территоріи не можетъ быть, конечно, пріятна нашему національному самолюбію. Этотъ уголъ Новаго Свѣта исключенъ изъ числа славянскихъ странъ, да и съ экономической точки зрѣнія этотъ фактъ очень важенъ. Хотя пространство Россіи такъ громадно, сравнительно съ количествомъ рабочихъ рукъ и особенно свободныхъ капиталовъ, что чѣмъ болѣе будемъ мы сосредоточивать нашу дѣятельность, тѣмъ лучше, но уступка Ситхи имѣла вліяніе на сокращеніе (почти несуществующаго у насъ) мореходства дальняго плаванія. Наши обширные берега Тихаго Океана находятся теперь въ мертвомъ застоѣ, сравнительно даже съ XVIII столѣтіемъ, не

смотря на выгодное пріобрѣтеніе устьевъ Амура. Потому правительство обязано было сохранить полезную часть дѣятельности бывшей Американской компаніи, а не ликвидировать это, хотя и во многомъ дурно устроенное, но всетаки доходное и прочно установившееся предпріятіе. Еще вреднѣе отозвалась продажа колоній съ военной точки зрѣнія. Россія лишилась единственныхъ своихъ незамерзающихъ портовъ въ Океанѣ *).

Энергическій и рѣшительный образъ дѣйствій, который князь Горчаковъ выказалъ, узнавъ, что Англія воевать не намѣрена при притязаніяхъ западныхъ державъ вступиться, въ 1863 году, въ наше домашнее дѣло усмиренія польскаго возстанія, прекрасныя по формѣ и содержанію, полныя спокойнаго достоинства ноты, написанныя при этомъ, доставили князю, сдѣланному вице-канцлеромъ, популярность и народное довѣріе, которымъ не пользовался ни одинъ изъ нашихъ дипломатовъ. То же одобреніе князь Горчаковъ заслужилъ въ 1866 году, когда, по настоянію Н. А. Милютина разорвалъ дипломатическія сношенія съ римской куріей, злоупотреблявшей своимъ вліяніемъ въ средѣ католическаго населенія Россіи.

Дѣйствительное вліяніе Горчакова въ польскомъ дѣлѣ было публикою, по незнанію, въ то время сильно преувеличено. По словамъ графа М. Н. Муравьева, въ чисто русскомъ духѣ дѣйствовали изъ министровъ только Д. А. Милютинъ, Зеленый и Замятнинъ. О министрѣ иностранныхъ дѣлъ онъ пишетъ:

Князь А. М. Горчаковъ въ полномъ смыслѣ слова говорунъ, но имѣющій однако же желаніе и стремленіе быть русскимъ. Онъ уступалъ Европѣ, когда долженъ былъ дѣйствовать и въ существѣ держался системы г. Валуева, т. е. полагалъ необходимымъ дать Царству Польскому, не исключая и западныхъ губерній, полную, отдѣльную

---

*) Съ прискорбіемъ надобно замѣтить, что продажа колоній была подсказана нашей дипломатіи спекуляціей, искусно скупившей на биржѣ за полцѣны акціи Россійско-американской компаніи.

автономію*). Но когда въ 1863 г. заговорила вся Россія, кн. Горчаковъ рѣшился дать самостоятельный отзывъ европейскимъ державамъ и отказать во всѣхъ ихъ требованіяхъ. Нельзя не отдать ему полной справедливости въ этомъ дѣйствіи... но впослѣдствіи онъ склонялся опять къ упомянутымъ выше сподвижникамъ, ибо въ концѣ 1864 г. значительно было поколеблено довѣріе къ нему государя.

„По отношеніи къ Польшѣ, странѣ несомнѣнно цивилизованной, мы должны дѣйствовать вполнѣ по-европейски, гуманность должна руководить нашими дѣйствіями", говорилъ князь одному русскому журналисту. Въ томъ же духѣ европеизма, Горчаковъ защищалъ потомъ привилегіи нѣмецкихъ колонистовъ, отмѣну закона о смѣшанныхъ бракахъ въ Прибалтійскомъ краѣ и возставалъ противъ ограниченія числа католиковъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Польскія дѣла и содѣйствіе Бисмарка убѣдили кн. Горчакова, что наиболѣе надежнымъ союзникомъ, открытымъ еще Петромъ Великимъ, остается для насъ Пруссія. Съ этого момента сближеніе съ Франціей замѣняется въ нашей дипломатіи тѣсною дружбою съ Пруссіей, поощряемой личною привязанностью монарховъ обѣихъ державъ.

Дружба эта, какъ и дружба съ Соединенными Штатами, заставила князя сдѣлать очень скоро весьма крупную ошибку, именно допустить въ 1864 году разореніе и разграбленіе Даніи, которую мы защищали противъ Пруссіи даже въ 1849—50 гг., въ моментъ самыхъ теплыхъ отношеній къ Пруссіи, и которую мы обязаны были всячески поддерживать. Данія вѣдь держитъ ключъ къ входу въ Балтійское море, на берегахъ котораго находится наша столица.

Уступка въ этомъ случаѣ Пруссіи принесла, впрочемъ, для Россіи если не плоды, то утѣшенія для самолюбія. Разбитая въ пухъ и прахъ подъ Садовой и изгнанная изъ Германскаго союза Австрія была блистательно отомщена за коварное поведеніе въ Крымскую войну. Съ потерею ея вліянія,

---

*) Графъ П. А. Валуевъ въ „Русской Старинѣ" (1882 г.) рѣшительно отрицалъ, что у него когда либо въ умѣ была автономія западныхъ губерній.

временно поднялось наше значеніе на Востокѣ, что сейчасъ же сказалось въ критскомъ возстаніи и др. предпріятіяхъ, которыя роковымъ образомъ повлекли Турцію къ войнѣ 1877 года и къ окончательному безсилію. Россія не могла, однако, занять по отношенію къ Оттоманской Портѣ прежняго положенія ранѣе, чѣмъ былъ разорванъ Парижскій трактатъ, связывавшій намъ руки на Черномъ морѣ. Уничтоженія ненавистнаго и унизительнаго трактата мы добились помощію, оказанною Пруссіи, въ 1870 году, во время ея войны съ Франціей, послѣдствіемъ коей сдѣлалось паденіе наполеоновской имперіи и образованіе въ центрѣ Европы сильнаго Германскаго государства.

Извѣстный франко-польскій публицистъ, бывшій правитель канцеляріи графа Бейста, Юліанъ Клячко написалъ цѣлую книгу „Les deux chanceliers“, чтобы доказать, какую ошибку сдѣлалъ князь Горчаковъ, помогая въ 1870 году Пруссіи, а не Франціи; такого же мнѣнія держались и держатся многіе и у насъ въ Россіи. Но если взвѣсить безпристрастно всѣ обстоятельства, то нельзя безусловно обвинить поведеніе князя Горчакова въ этомъ случаѣ. Нельзя понять, что могли выиграть мы при торжествѣ Наполеона III въ то время, когда Австрія, прежній противовѣсъ Франціи, была дважды передъ тѣмъ унижена. Правда, въ Европѣ явилась новая могущественная держава, но и французская имперія, не менѣе воинственная, вѣчно гонялась за химерами. Близкое сосѣдство къ тому же заставляетъ Германію цѣнить болѣе нашу дружбу; между тѣмъ сильная Франція могла всегда интриговать сколько ей угодно, не опасаясь за безопасность своихъ границъ.

Россія, оказавъ помощь Франціи въ 1870 г., конечно повредила бы временно интересамъ Пруссіи, но остановить объединеніе Германіи она бы не могла, ибо это объединеніе совершилось бы и помимо воли Россіи, съ тою разницею, что, вмѣсто сосѣдей, иногда капризныхъ, но въ общемъ мирныхъ, мы имѣли бы тогда смертельныхъ враговъ, что, при политическомъ состояніи нашихъ западныхъ окраинъ,

вовсе не было бы утѣшительно. Кто знакомъ съ исторіей, кому извѣстно, какія нестерпимыя мучительства Германія вынесла отъ Франціи въ царствованія Людовиковъ XIII, XIV, XV, во времена Республики и Наполеона I, тотъ пойметъ, что нѣмцы должны были, наконецъ, догадаться, что не могутъ оставаться вѣчно раздѣленными. Кто знаетъ эту исторію, тотъ, безъ сомнѣнія, не будетъ задаваться ложнымъ сантиментализмомъ и въ нынѣшнемъ поведеніи Германіи по отношенію къ Франціи увидитъ лишь естественный законъ возмездія. Признавая это, мы не хотимъ, впрочемъ, сказать, чтобы Россія вовсе не пользовалась своимъ положеніемъ и никогда не являлась бы посредницею въ борьбѣ двухъ стремленій къ господству въ Европѣ.

Кн. Горчаковъ, впрочемъ, скоро увидѣлъ опасность для европейскаго равновѣсія отъ ослабленія Франціи, и въ 1875 г., благодаря личному вмѣшательству покойнаго государя, Германія отказалась отъ намѣренія напасть на беззащитную Францію и разорить ее въ конецъ. Недовольные нѣмцы съ этого-то момента снова стали оказывать Австріи предпочтеніе передъ Россіей.

Пока, однако, пользуясь нейтрализированіемъ Франціи и Австро-Венгріи, при помощи Германіи, протягивавшей руку Италіи, Россія постаралась стать твердою ногою на почвѣ восточнаго вопроса — важнѣйшаго, можно сказать, въ нашей иностранной политикѣ. Здѣсь мы могли разсчитывать поэтому только на соперничество и зависть одной Англіи. Но и послѣдняя не въ силахъ была противодѣйствовать политикѣ, основанной на нравственныхъ началахъ и на твердомъ сознаніи народныхъ интересовъ. Уже ранѣе Англія только приняла къ свѣдѣнію наше занятіе Амура и прочное утвержденіе на берегахъ Тихаго Океана; болѣе сопротивленія выказала она громаднымъ пріобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ Россіей въ Средней Азіи и угрожавшимъ Индіи, но и здѣсь послѣдовательность русской политики достигла своей цѣли и уже можно предвидѣть моментъ,

когда обѣ державы размежуютъ между собою полюбовно область своего непосредственнаго вліянія въ Азіи.

Въ то время, когда мы соперничали въ Средней Азіи, медленное разложеніе Турціи перенесло центръ тяжести нашей политики къ берегамъ Босфора. Существуетъ мнѣніе, что войны 1853—56 гг. и 1876—77 гг. были дѣломъ прихоти. Русскіе будто бы взяли да и пошли бить бѣднаго турку. Такъ толковать міровыя событія невозможно. Эти двѣ войны, тяжелыя для насъ — потому, что мы надѣлали кучу ошибокъ по части дипломатіи, финансовъ, генеральнаго штаба, интендантства и т. д., оказались, какъ всегда, не готовыми къ войнѣ и въ выборѣ лицъ руководились фаворомъ и протекціей — въ сущности были неизбѣжны и необходимы. Это лишь два звенья въ той цѣпи войнъ, которая началась еще съ Куликовской битвы и окончится лишь тогда, когда славянская рать въ томъ или другомъ видѣ приведетъ Россію къ открытымъ морямъ. Люди съ узкими воззрѣніями смѣются, что у насъ есть интересы и въ Сиріи, и въ Малой Азіи, и въ Афганистанѣ, и въ Индіи, и въ Китаѣ. Но почему же не кажется имъ страннымъ поведеніе англичанъ, которые свои интересы отыскиваютъ и преслѣдуютъ и въ Южной Африкѣ, и на разныхъ островахъ Австраліи, и въ Бирмѣ, хотя никакого отношенія эти мѣста собственно къ границамъ Великобританіи, или, точнѣе, къ границамъ территоріи, занятой англійскимъ народомъ, не имѣютъ. Между тѣмъ теперь, не держа въ рукахъ прямо или косвенно Дарданеллъ, мы всю южную границу Россіи оставляемъ беззащитною отъ внезапнаго нападенія.

Жалобы на послѣднюю войну основываются главнымъ образомъ на сопровождавшемъ ее финансовомъ разстройствѣ, но и предыдущія войны съ Турціей влекли за собою буквально тѣ же послѣдствія. „Изъ войны Турецкой вышли мы не безъ славы, но опустошили столько свои карманы, что долго пребудемъ въ голяхъ“, писалъ гр. Воронцову Завадовскій послѣ второй турецкой войны при Екатеринѣ II.

Событія послѣдней войны слишкомъ близки отъ насъ, чтобы судить о нихъ безпристрастно, но и, не прощая сдѣланныхъ ошибокъ, нельзя не сознать, что поведеніе нашей дипломатіи, особенно во время Сербской войны, въ общемъ влекло къ той же цѣли, къ которой стремились и помыслы всей просвѣщенной Россіи. Въ вопросѣ о добровольцахъ въ Сербіи дипломатія сбросила даже съ себя рутину, хотя поведеніе Россіи въ этомъ случаѣ напоминало только поведеніе Англіи въ 1836 г. по отношенію къ междоусобной войнѣ въ Испаніи. Въ защитѣ Сербіи, какъ ранѣе въ вопросѣ объ отказѣ отъ Парижскаго трактата кн. Горчаковъ былъ смѣлѣе и рѣшительнѣе военнаго министра.

За то въ теченіе Восточной войны, непосредственная роль князя Горчакова, высказавшагося противъ войны, была мало выдающаяся. Проживая въ Бухарестѣ, онъ оставался какъ бы зрителемъ двухъ противоположныхъ теченій нашей дипломатіи: одного, которое имѣло въ виду лишь русскіе интересы; другого, желавшаго поставить нашу дипломатію въ связь съ „европейскимъ концертомъ", т. е. въ хвостѣ англійскаго министерства. Первое теченіе взяло верхъ въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, но послѣднее побѣдило въ концѣ концовъ на Берлинскомъ конгрессѣ *).

Здѣсь-то въ послѣдній разъ могло проявиться искусство князя Горчакова, но престарѣлый канцлеръ, огорченный ходомъ дѣлъ на конгрессѣ и не имѣя силъ и возможности измѣнить его по-своему, совершенно по-старчески выражалъ свой протестъ, а именно онъ заболѣвалъ всякій разъ, когда на очереди стоялъ щекотливый вопросъ для

---

*) Любопытенъ отзывъ англійскаго дипломата-посла Лейярда о Берлинскомъ конгрессѣ и тактикѣ европейской дипломатіи, въ разговорѣ съ М. Д. Скобелевымъ, происходившемъ въ 1878 г. послѣ конгресса. Лейярдъ между прочимъ сказалъ: „Quand les Gaules ont monté au Capitole les oies ont crié et les Gaules ont eu peur. Nous avons fait comme les oies et les russes ont eu peur". Н. К. Шильдера. Графъ Э. И. Тотлебенъ, т. II.

нашего національнаго достоинства, по которому приходилось дѣлать уступки. Благодаря этому дипломатическому пріему, подпись князя Горчакова отсутствуетъ на протоколахъ наиболѣе обидныхъ для насъ засѣданій конгресса, хотя и стоитъ на самомъ трактатѣ. Канцлеръ забылъ совѣтъ одного знаменитаго министра, что государственный человѣкъ долженъ имѣть здравый разсудокъ; а когда онъ имѣетъ счастье обладать таковымъ, то необходимо второе качество—имѣть храбрость показывать, что его имѣешь. Его „умываніе рукъ“ возбудило только сарказмы лорда Биконсфильда, хотя временно обѣлило князя Горчакова въ русскомъ общественномъ мнѣніи *). Онъ разошелся тогда съ княземъ Бисмаркомъ, такъ высоко имъ до того цѣнимымъ, понявъ, какую двуличную роль игралъ „честный маклеръ“ на конгрессѣ.

Думали, что, вновь извѣрившись въ австрійскую дружбу, Горчаковъ выскажетъ съ своей стороны нѣкоторыя сомнѣнія относительно пригодности, въ видахъ поддержанія мира на Балканскомъ полуостровѣ, окупаціи Босніи и Герцеговины австрійскимъ войскомъ. Но этого не случилось, и, во время отчаянныхъ протестовъ противъ австрійской окупаціи турецкихъ уполномоченныхъ, Горчаковъ сначала молчалъ, а въ заключеніе сказалъ даже нѣсколько словъ, поддерживая притязанія Австріи на сербскія земли. Впослѣдствіи кн. Горчаковъ раскаялся въ такомъ потворствѣ ви-

---

*) О послѣднемъ князь Горчаковъ очень заботился. „Замѣчательно, пишетъ г. Семевскій, что когда старый канцлеръ начиналъ говорить о Берлинскомъ трактатѣ, онъ просто ожесточался противъ своихъ сочленовъ по конгрессу вообще и противъ русскаго въ особенности; на этого послѣдняго канцлеръ валилъ всю вину.—Онъ испортилъ въ четыре недѣли всю мою службу Россіи! Но, конечно, князь А. М. былъ самъ виноватъ во многомъ, а въ особенности въ томъ, что чуть не со слезами напросился непремѣнно ѣхать представителемъ Россіи и съ простодушіемъ старца себя пережившаго думалъ, что Бисмаркъ не болѣе какъ его воспитанникъ! За это самообольщеніе и довелось дорого поплатиться (**М. Семевскій** „Русская Старина“ 1888 г. т. LVII).

дамъ Австріи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ нота его къ нашему послу въ Вѣнѣ Новикову, отъ 2 февраля 1879 г.

Другой протестъ князя Горчакова на конгрессѣ былъ противъ необыкновенной заботливости, проявленной европейской дипломатіей относительно интересовъ евреевъ. Въ этомъ вопросѣ князь Горчаковъ показалъ, что сосредоточенное вниманіе на иностранныхъ дѣлахъ не отняло у него яснаго сознанія внутреннихъ потребностей Россіи. Вообще же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему приходилось высказывать свое мнѣніе по этому поводу, онъ постоянно стоялъ на почвѣ прогрессивной. Таковыми же были всегда и его отношенія къ періодической печати. Между проявленіями его либерализма отмѣтимъ совѣтъ простить декабристовъ, остававшихся еще въ живыхъ въ 1856 г., и понизить пошлину на заграничные паспорты съ 500 до 5 руб. Онъ, какъ извѣстно, увлекся даже до аплодисментовъ присяжнымъ, оправдавшимъ Засуличъ. Съ подчиненными кн. Горчаковъ обращался какъ съ товарищами, терпѣливо выслушивая ихъ возраженія и опроверженія, хотя былъ злопамятенъ и упрямъ. Упрямство его доказала ссора съ Соединенными Штатами изъ-за г. Катакази, кругомъ виноватаго.

Съ заключеніемъ мира, князь Горчаковъ уже только номинально оставался руководителемъ нашей иностранной политики, которая шла вяло и нерѣшительно: такъ, отправлявшемуся въ Болгарію Батенбергу не было дано никакихъ опредѣленныхъ указаній, никакой серьезной политической программы. Князь посадилъ, однако, въ Румелію своего родственника Алеко-пашу. Онъ помирился въ ноябрѣ 1879 г. съ Бисмаркомъ, но преклонныя лѣта и болѣзненное состояніе вынуждали канцлера оставаться вдали отъ дѣлъ, проживая заграницею въ самой скромнѣйшей обстановкѣ, не смотря на его огромное состояніе. Своею слишкомъ шестидесятилѣтнею дѣятельностью на поприщѣ русской дипломатіи, князь Горчаковъ несомнѣнно пріобрѣлъ право на отдыхъ.

Россія никогда не забудетъ, что, принявъ въ руки упра-

вленіе дипломатическими дѣлами въ тяжелое время, князь Горчаковъ дожилъ до того времени, что Россія возвратила, не смотря на внутреннее нестроеніе, прежнее, если не большее, значеніе и могущество въ Европѣ. Хотя судить о достоинствѣ какого либо предпріятія по его успѣху или неудачѣ—несправедливо, но пока нѣтъ лучшаго критерія. Выяснить же окончательно личное участіе кн. Горчакова въ каждомъ данномъ случаѣ возможно станетъ лишь по опубликованіи документовъ.

Общій характеръ дѣятельности князя извѣстный дипломатическій писатель Ротанъ опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ. „Никогда, говоритъ онъ, никто изъ дипломатовъ не влагалъ въ свое дѣло больше огня, ума и изворотливости, а также упрямства. Онъ любилъ бой, обладалъ пылкимъ патріотизмомъ, но ему не доставало хладнокровія, которое на войнѣ, такъ и за столомъ конференцій, обезпечиваетъ успѣхъ“. Гораздо злѣе сдѣлалъ оцѣнку одинъ бывшій сотрудникъ князя, нынѣ занимающій выдающійся дипломатическій постъ. „Князь, по его словамъ, былъ противоположностью того витязя, который говорилъ: ѣду не свищу, наѣду не спущу. Горчаковъ громко свисталъ, но Европѣ спускалъ“. Эффектъ фразы онъ считалъ иногда за дѣйствительное впечатлѣніе. Какъ стилистъ, онъ гордился классическими познаніями и долго носился съ цитатою изъ Светонія о различіи между анархіею и свободою, вставленною въ одну изъ депешъ о польскихъ дѣлахъ.

А. Р. Дрентельнъ.

Въ Кіевѣ, въ моментъ*), когда долженъ былъ принять участіе въ торжественномъ празднованіи 900-лѣтія крещенія Руси, скончался внезапно генералъ-губернаторъ Юго-Западнаго края, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Александръ Романовичъ Дрентельнъ.

Покойный на всѣхъ поприщахъ своей слишкомъ пятидесятилѣтней службы оставилъ о себѣ самую лучшую память человѣка высоко честнаго, энергическаго и понимающаго истинные интересы Россіи. Большая часть карьеры Дрентельна прошла въ военной службѣ и хотя онъ не былъ офицеромъ генеральнаго штаба, но это не помѣшало ему сдѣлать блестящую карьеру, случай въ послѣднее время рѣдкій. Обративъ на себя вниманіе какъ образцовый офицеръ, Дрентельнъ получилъ командованіе Измайловскимъ гвардейскимъ полкомъ, а затѣмъ начальствовалъ 1-й гвардейской дивизіей въ то время, когда наслѣдникъ престола, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, командовалъ Преображенскимъ полкомъ. Это обстоятельство было отмѣчено въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ въ рескриптѣ, который покойный удостоился получить при пожалованіи ему ордена св. Андрея.

Зная энергическій характеръ Дрентельна, императоръ Александръ II, въ разгаръ послѣдней войны, когда необходимо было дѣйствовать болѣе рѣшительно, сдѣлалъ его начальникомъ тыла дѣйствующей арміи и начальникомъ военныхъ сообщеній. Съ румынами крайне надобно было быть настойчивымъ и даже строгимъ, такъ какъ иначе добиться чего нибудь отъ этихъ милыхъ союзниковъ былъ очень трудно. Дрентельнъ приходилъ просто въ отчаяніе убѣждаясь, что онъ безвластенъ, не имѣетъ никакихъ правъ и получаетъ противорѣчивыя приказанія главнаго штаба.

*) 15-го іюля 1888 г.

При многосложности и формальности положенія о тылѣ арміи, при противодѣйствіи румынскаго общества жел. дороги, съ которымъ не знали какъ справиться, безпорядки были ужасны. Своею настойчивостью и своимъ тактомъ Дрентельнъ оказалъ здѣсь неоцѣненныя услуги: онъ водворилъ хотя нѣкоторый порядокъ и подтянулъ румынское правительство Братіано, творившее намъ всякія пакости. Дрентельнъ дѣйствовалъ бы еще самостоятельнѣе, еслибы наша дипломатическая угодливость не связывала его по рукамъ на каждомъ шагу.

Послѣ убійства Мезенцева, въ моментъ всеобщей въ Петербургѣ паники, Дрентельнъ принялъ на себя отвѣтственную и опасную должность главноначальствующаго надъ III отдѣленіемъ Собственной его и. величества канцеляріи. На этой должности онъ подвергся извѣстному покушенію со стороны государственнаго преступника Мирскаго. Въ 1880 г. Дрентельнъ оставилъ вышеозначенный постъ, въ виду задуманнаго графомъ Лорисомъ-Меликовымъ упраздненія III отдѣленія, и принялъ мѣсто генералъ-губернатора Юго-Западнаго края.

Въ этой новой должности покойный оказалъ не менѣе важныя услуги Россіи. Не смотря на свое нерусское имя, Дрентельнъ дѣйствовалъ въ Юго-Западномъ краѣ въ чисто русскомъ духѣ, съ твердостью и системою и, какъ всегда, съ большимъ тактомъ. Онъ исправилъ многія ошибки своихъ предшественниковъ и поднялъ духъ русскаго населенія, угнетеннаго польско-еврейской коалиціей. По настоянію Дрентельна былъ пересмотрѣнъ и измѣненъ законъ 10-го декабря 1865 года, этотъ паладіумъ русскаго вліянія въ Западномъ краѣ. Онъ много содѣйствовалъ также изданію временныхъ правилъ 3-го мая 1882 года о евреяхъ, стараясь, по мѣрѣ возможности, очистить отъ нихъ Юго-Западный край. Наконецъ, не менѣе настоятельно помогалъ онъ составленію и благополучному примѣненію столь же важнаго закона 14-го мая 1887 года, ограничившаго права иностранцевъ въ западной Россіи.

Сверхъ должности генералъ-губернатора онъ командовалъ также войсками кіевскаго военнаго округа, одного изъ важнѣйшихъ по числу войскъ и стратегическому положенію. Хотя Дрентельнъ боевымъ генераломъ не былъ и собственно военная служба его ограничилась усмиреніемъ повстанья около Вильны, но это былъ военный человѣкъ по страсти, знакомый со всѣми мелочами службы, непреклонный по части дисциплины, при этомъ замѣчательно справедливый и безпристрастный. Даже толщина его не отымала у него живости и распорядительности, почему онъ и умеръ на конѣ.

Дѣятельность и заслуги Дрентельна принадлежатъ исторіи и мы можемъ только ограничиться признаніемъ, что въ покойномъ и Государь и отечество потеряли вѣрнаго и достойнѣйшаго слугу.

Д. И. Журавскій.

Не безъ злорадства большинство нашихъ газетъ проводило Дмитрія Ивановича Журавскаго, оставившаго постъ директора департамента желѣзныхъ дорогъ, и встрѣтило назначеніе на этотъ постъ В. В. Салова. Выходки противъ послѣдняго ограничились легкими намеками и тонкими стрѣлами, г. же Журавскому прочелъ въ „Новостяхъ" довольно злобную и довольно длинную отходную какой-то, очевидно, „униженный и оскорбленный" столоначальникъ, а можетъ быть и директоръ какого нибудь правленія, если среди послѣднихъ имѣются люди, владѣющіе перомъ, чтобы писать что либо, кромѣ подписей на чекахъ и ордеровъ о выдачѣ жалованья.

Постъ директора департамента желѣзныхъ дорогъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ въ Россіи, если не труднѣйшій. Будь на этомъ мѣстѣ человѣкъ съ мудростью Платона, честностью Аристида и бойкостью г. Сущева, онъ все-таки не угодилъ бы всѣмъ и всегда какая либо изъ сторонъ его

дѣятельности заслужила бы порицаніе. Надобно только знать, какія требованія предъявляются къ желѣзнымъ дорогамъ каждый день. Города и земства жаждутъ получить рельсовые пути и спорятъ о направленіяхъ, заводы паровозные, вагонные, рельсовые требуютъ заказовъ, угрожая банкротствомъ и разореніемъ рабочихъ, товароотправители жалуются, пассажиры вопіютъ, а въ это время сорокъ слишкомъ правленій желѣзныхъ дорогъ, составленныхъ изъ тщательно отсортированныхъ дѣльцевъ-удальцевъ, ничего другого не дѣлаютъ, какъ сидятъ и думаютъ, какъ бы оплести матушку казну и выудить изъ нея нѣсколько милліончиковъ, отъ которыхъ Россія, по ихъ мнѣнію, не оскудѣетъ, а бѣдные желѣзнодорожники очень и очень поправятся.

Положеніе затрудняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ желѣзнодорожное законодательство совсѣмъ ново, каждое дѣло представляется совершенно неизвѣстнымъ, требуетъ спеціальныхъ мѣръ, что и вызываетъ массу циркуляровъ, нерѣдко противорѣчивыхъ другъ другу. Между тѣмъ составъ департамента желѣзныхъ дорогъ никогда не можетъ быть удовлетворительнымъ, потому что на службѣ его очень трудно удержать людей, вполнѣ свѣдущихъ и опытныхъ. Это зависитъ отъ того, что инженерамъ путей сообщенія мало-мальски толковымъ легко найти себѣ занятіе въ частныхъ обществахъ за тройное противъ казеннаго вознагражденіе; въ свою очередь, частныя общества, конечно, охотно берутъ на службу лицъ, имѣющихъ уже въ центральномъ управленіи нѣкоторыя знакомства и связи. Случалось, что инженеры переходили на службу въ департаментъ изъ частнаго общества и, обработавъ дѣльце въ пользу своего общества, возвращались въ частную службу!

Принимая все вышеизложенное въ разсчетъ, нельзя не видѣть, что далеко еще одна личность директора департамента не гарантируетъ хорошаго веденія желѣзнодорожнаго дѣла и затѣмъ, обратно, что тѣ или другіе промахи не могутъ быть отнесены непремѣнно къ дѣятельности извѣстнаго лица. Г. Журавскій имѣлъ два великихъ достоин-

ства: во-первыхъ, онъ зналъ техническую сторону дѣла, ибо былъ изъ первыхъ строителей желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; во-вторыхъ, это человѣкъ рѣдкой честности, такъ сказать, безсребреникъ. Соединеніе уже этихъ двухъ качествъ явленіе очень рѣдкое, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется, почему, не смотря на крайне затруднительное свое положеніе, не смотря на усталость, онъ могъ просидѣть семь лѣтъ во главѣ желѣзнодорожнаго дѣла.

Желѣзнодорожное дѣло онъ изучилъ въ Сѣверной Америкѣ и зналъ его основательно; онъ первый ввелъ у насъ систему постройки американскихъ мостовъ, проектировавъ знаменитый въ свое время веребьинскій мостъ на Николаевской дорогѣ; онъ первый также обратилъ вниманіе на государственное значеніе провозныхъ тарифовъ. Хотя онъ пользовался у К. Н. Посьета полнымъ довѣріемъ, но по свойству своего характера ничего не рѣшалъ, стараясь добираться во всемъ до корня вещей. За то онъ не допускалъ вокругъ себя злоупотребленій, не то что Липинъ, который хотя былъ также безсребреникъ, но, занимаясь математикой, просмотрѣлъ повальное воровство, совершавшееся у него передъ глазами.

Нельзя отрицать, однако, что постройка желѣзныхъ дорогъ шла при Журавскомъ все медленнѣе и медленнѣе, и что одна изъ отраслей департамента желѣзныхъ дорогъ перешла въ руки временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, которое и начало созидать удивительныя постройки въ родѣ баскунчакской желѣзной дороги. Одно время даже чуть Главный Штабъ не взялся у насъ за окончаніе желѣзнодорожной сѣти. Кредитная канцелярія прибрала, въ свою очередь, финансовую сторону желѣзнодорожнаго дѣла. За департаментомъ желѣзныхъ дорогъ долженъ былъ оставаться такимъ образомъ только контроль надъ существующими частными желѣзными дорогами, но его-то было менѣе всего замѣтно по мягкости и добродушію г. Журавскаго, посвящавшаго, къ тому же, слишкомъ много времени спиритизму и гомеопатіи. Случалось, что вмѣсто ре-

золюцій на бумагахъ онъ прописывалъ рецепты, а въ дѣлахъ совѣтывался даже со своей кухаркой, въ которой признавалъ медіумическую силу.

Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе можно было ждать отъ преемника его, г. Салова. Г. Саловъ — человѣкъ еще довольно молодой. Какъ бывшій профессоръ, онъ знакомъ съ путейскою техникою, энергію свою онъ проявилъ въ руководствѣ сооруженіемъ Морского канала въ Петербургѣ, который ему очень многимъ обязанъ; съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ г. Саловъ достаточно ознакомился, руководя технически-инспекторскимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ въ самую горячую эпоху сооруженія нашихъ желѣзныхъ дорогъ при графѣ Бобринскомъ 2.

Порицатели его указывали только на два недостатка—честолюбіе, заставляющее предпочитать всему карьеру, и нѣкоторую нетвердость въ отстаиваніи своихъ мнѣній передъ сильными міра сего. Но честолюбіе естественно въ дѣятелѣ, сдѣлавшемъ молодымъ человѣкомъ довольно быструю карьеру, а та уступчивость, съ которою г. Саловъ слѣдовалъ десять лѣтъ назадъ нерѣдко страннымъ и непослѣдовательнымъ указаніямъ графа Бобринскаго—изъ яраго крѣпостника обратившагося нынѣ въ мистика во вкусѣ графа Л. Н. Толстаго—могла измѣниться съ пріобрѣтеніемъ житейской опытности и административнаго навыка. Мы убѣждены, что другой выборъ въ руководители департамента желѣзныхъ дорогъ при наличномъ составѣ путейскаго вѣдомства было трудно сдѣлать.

М. Н. Катковъ.

Въ настоящее время, когда закрылась могила знаменитаго русскаго публициста Михаила Никифоровича Каткова, котораго и вся европейская печать, за исключеніемъ немногихъ жалкихъ исключеній, причислила къ числу людей, наиболѣе прославившихъ и возвысившихъ роль журналиста и писателя, можно болѣе спокойно сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое покойный имѣлъ въ исторіи нашего общественнаго развитія.

Не смотря на молодость русскаго общества, не смотря на ограниченія свободы слова и мысли, энергическіе дѣятели литературы не разъ пріобрѣтали у насъ политическое значеніе. Сатира и издательская дѣятельность Новикова содѣйствовали распространенію въ высшемъ обществѣ просвѣтительныхъ идей во вкусѣ философіи XVIII столѣтія, Карамзинъ своими записками остановилъ Александра I на пути величайшей политической несправедливости, Герценъ остроумными памфлетами несомнѣнно болѣе всѣхъ помогъ тому, что необходимыя реформы 60-хъ годовъ получили свой теоретическій и безпочвенный характеръ. Изъ ребра Чернышевскаго вышла цѣлая отрицательная школа. Но ни одинъ публицистъ не имѣлъ на русское общество и на русское правительство такого продолжительнаго и прочнаго вліянія, какъ Катковъ.

Это былъ въ полномъ смыслѣ народный трибунъ, который силою таланта, стойкостью и смѣлостью убѣжденій и полнѣйшимъ презрѣніемъ ко всякаго рода компромиссамъ съ господствующими модными направленіями съумѣлъ занять совершенно выдающееся положеніе, которое сравнить можно развѣ съ положеніемъ Вольтера по отношенію къ европейскому обществу XVIII столѣтія, конечно, принимая въ разсчетъ пропорціи таланта, различіе въ распространенности французскаго языка и въ другихъ условіяхъ среды, гдѣ приходилось дѣйствовать. Какъ Вольтеръ, Катковъ изобра-

жалъ изъ себя не человѣка только, но цѣлое направленіе, цѣлую партію. Онъ характеризуетъ именно эпоху новаго „смутнаго“ времени на Руси.

Дѣятельность Каткова обнимаетъ цѣлое тридцатилѣтіе, такъ какъ болѣе ранній періодъ его жизни до 1856 года интересенъ лишь для будущей подробной біографіи покойнаго. Изученіе этого періода разъяснитъ, какимъ путемъ сложились взгляды знаменитаго публициста. Въ это время Катковъ, принадлежа къ кругу московской интеллигенціи, ни своими университетскими лекціями, ни сочиненіями не выдѣлялся изъ ряда другихъ полезныхъ дѣятелей Московскаго университета. Онъ былъ первоначально профессоромъ философіи, которую изучалъ въ Германіи и въ молодости не только увлекался Шеллингомъ, но и его дочерью. Катковъ изучилъ тогда въ совершенствѣ и нѣмецкій языкъ.

Журналистомъ онъ сталъ, получивъ редакторство „Московскихъ Вѣдомостей“ послѣ увольненія редактора Хлопова, ѣхавшаго на козлахъ у Фанни Эльслеръ. Но только появленіе въ 1856 году „Рускаго Вѣстника“ сдѣлало имя Каткова извѣстнымъ по всей Россіи и съ этого момента начинается его значеніе. Направленіе „Вѣстника“, встрѣченнаго общимъ сочувствіемъ, показалось и смѣлымъ, и оппозиціоннымъ, но, конечно, эта смѣлость обусловливалась развѣ сравненіемъ съ тѣмъ невозможнымъ періодомъ русской журналистики, когда правительство не довѣряло собственной цензурѣ и для наблюденія за дѣйствіями послѣдней учредило негласный комитетъ барона Корфа. Послѣ такой эпохи умственнаго коснѣнія „Губернскіе очерки“ Щедрина или историческія статьи Щебальскаго и Лонгинова казались, понятно, чуть не дерзкими.

Очень быстро, однако, либерализмъ „Русскаго Вѣстника“ былъ превзойденъ петербургской журналистикой. Въ общемъ увлеченіи цензора оказались либеральнѣе писателей, аристократы давали деньги на изданіе радикальныхъ органовъ и считали за честь напиваться съ скромнѣйшими представителями печати и подъ видомъ обсужденія потреб-

ностей Россіи водворилась проповѣдь соціализма въ самой его ребяческой формѣ. Токвиль и Маколей — эти авторитеты умѣреннаго либерализма „Русскаго Вѣстника“ — обзывались идіотами въ петербургскихъ органахъ, гдѣ глубокомысленно комментировались приложенія у насъ идей Луи Блана.

Катковъ и окружающій его кружокъ, которые восхищались идеями англійскаго самоуправленія, не въ доктринерскомъ, впрочемъ, смыслѣ, а какъ такимъ складомъ, который подходитъ къ помѣщичьей, сословной Россіи, ужаснулись быстрому успѣху демократической пропаганды. Ихъ поразила недозрѣлость русскаго общества, тѣмъ болѣе, что проповѣдь радикализма увлекала за собою незамѣтно и петербургское чиновничество и сдѣлала послѣднее орудіемъ поспѣшныхъ, безпочвенныхъ и строго между собою несогласованныхъ реформъ. Катковъ первый поднялъ голосъ противъ тогдашняго кумира, своего бывшго пріятеля, Герцена, который способствовалъ болѣе другихъ, какъ мы сказали, извращенію понятій нашего общества. Не менѣе рѣзко осмѣивалось направленіе „Современника“, которое на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ Тургеневъ — впослѣдствіи врагъ Каткова—воплотилъ, наконецъ, въ живомъ образѣ Базарова.

Эта война вызывала ожесточеніе въ литературныхъ кругахъ, но общественное мнѣніе было тогда не на сторонѣ Каткова. Въ первый разъ благоразумно мыслящая часть общества почувствовала подъ собою почву и выдѣлилась изъ общаго хора отрицаній и сантиментальныхъ стремленій къ новому лучшему—подъ которымъ разумѣлось только уничтоженіе настоящаго—это во время польскаго возстанія, которое несомнѣнно находилось въ связи съ петербургскимъ недомысліемъ. Поведеніе и проницательность Каткова въ этомъ случаѣ всегда будетъ заслуживать удивленіе. Онъ первый въ рядѣ блестящихъ статей въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, перешедшихъ вновь подъ его редакцію съ 1863 года, нашелъ связь между возстаніемъ и дѣятельностью тѣхъ,

кого клеймилъ названіемъ „государственныхъ воровъ“. Огненныя слова его отрезвили общество или, по крайней мѣрѣ, лучшую часть послѣдняго. Заслуга Каткова была тѣмъ значительнѣе, что за свои обличенія онъ возбудилъ невѣроятную ненависть не только въ Польшѣ и въ западноевропейской печати, понявшей сразу силу и значеніе этого человѣка, но и столкнулся съ весьма вліятельною частью правительственныхъ сферъ, а также съ тою кликою, которою инородческіе элементы окружили власть въ столицѣ.

Столкновеніе было вполнѣ неизбѣжно, потому что все враждебное единству Россіи сочетало свои интересы въ томъ направленіи, которое Катковъ назвалъ „интригой“. Эту интригу противъ цѣлости государства и крѣпости верховной власти Катковъ одинаково преслѣдовалъ, не смущаясь печатными обвиненіями его въ доносахъ и шпіонствѣ, въ сепаратическихъ стремленіяхъ, проявлявшихся и въ Финляндіи, и въ Прибалтійскомъ краѣ, и въ Бессарабіи, и въ Закавказьи, и даже въ Сибири. Онъ понималъ, какъ были чреваты бѣдствіями въ будущемъ для Россіи тѣ уступки, которыя легкомысленно дѣлались нашимъ окраинамъ, отлично сознавая, что одна уступка вызываетъ другую, какъ оно и подтвердилось на примѣрѣ Финляндіи, искусственно оторванной теперь отъ Россіи.

Какая путаница царила тогда въ умахъ большинства, какъ смутны были понятія—видно изъ того, что для защиты „консервативныхъ“ началъ создался органъ, имѣвшій цѣлью защищать интересы именно всѣхъ враждебныхъ единству Россіи національностей! Катковъ неустанно обличалъ эти продѣлки, имѣвшія далеко не теоретическое значеніе, такъ какъ подъ ихъ эгидою русское дѣло въ Польшѣ и Западномъ краѣ, спасенное внезапнымъ увлеченіемъ русскаго общества, подогрѣтымъ Катковымъ, систематически разрушилось, благодаря преобладанію во вліятельныхъ сферахъ польско-нѣмецкаго направленія.

Еще ранѣе въ своей войнѣ изъ-за польскихъ идей Катковъ столкнулся съ главнымъ вдохновителемъ тогдаш-

нихъ преобразованій — покойнымъ Головнинымъ. Борьба эта, происходившая какъ будто изъ-за обсужденія бездарныхъ брошюръ Шедо Ферротти о польскомъ вопросѣ, приняла эпическіе размѣры и кончилась побѣдою Каткова. Онъ столкнулъ Головнина и, быть можетъ, потому и обратилъ спеціально вниманіе на вопросы народнаго просвѣщенія.

Въ общемъ идея Каткова по отношенію къ послѣднему была вѣрна. Если желали создать общество, которое серьезно понимало бы свои задачи, если хотѣли предохранить это общество отъ заразы легкомысленно воспринимаемыхъ соціалистическихъ идей, надобно было дѣйствовать не полицейскими мѣрами, а пересоздать школу. Вопросъ, однако, вѣрно ли уяснилъ себѣ Катковъ направленіе школы въ данномъ случаѣ? Воспитанникъ нѣмецкихъ университетовъ, онъ въ строгой дисциплинѣ классическаго образованія увидѣлъ спасеніе, не обращая вниманія, насколько гуманитаризмъ не соотвѣтствовалъ и особому складу славянскаго ума, и не подходилъ къ практическимъ потребностямъ Россіи.

Настойчивость, съ которою проповѣдывалъ Катковъ свой классицизмъ, найдя союзниковъ въ лицѣ новаго министра народнаго просвѣщенія, строгость, съ которою примѣнялась эта система, рядомъ съ распущенностью во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, можетъ быть болѣе всего содѣйствовали непопулярности Каткова въ русскомъ обществѣ, а моментами послѣдняя была такъ сильна, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ слухъ о его будто бы психической болѣзни былъ встрѣченъ съ едва затаеннымъ злорадствомъ. Даже московскій университетъ, котораго онъ состоялъ почетнымъ членомъ, былъ очагомъ оппозиціи, и чтобы сломить послѣднюю Катковъ выжилъ изъ университета Бодянскаго, Чичерина, Дмитріева.

Ожесточеніе противъ Каткова проявлялось во всѣхъ сферахъ. Администрація также была не чужда ему. Напротивъ, разныя вѣдомства старались досадить „Московскимъ Вѣдомостямъ“, а пререканія съ цензурою кончились тѣмъ,

что покойный государь заявилъ, что онъ самъ будетъ цензоромъ Каткова. Это великодушное рѣшеніе тѣмъ замѣчательнѣе, что идеи покойнаго во многомъ были не симпатичны Александру II, но государь умѣлъ оцѣнить заслуги знаменитаго публициста и по своему характеру любилъ выслушивать противоположныя мнѣнія.

Число враговъ Каткова быстро увеличивалось и потому еще, что страстность, которую онъ вносилъ въ обсужденіе политическихъ вопросовъ, Катковъ прилагалъ и къ обсужденію всѣхъ другихъ, въ томъ числѣ вопросовъ экономическихъ. Одна сатирическая газета трунила какъ-то въ шестидесятыхъ годахъ, что Катковъ сѣть интригъ смѣшалъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ. По-своему это было вѣрно, ибо и эти вопросы онъ умѣлъ очищать отъ своекорыстныхъ стремленій и ставить на политическую почву для обсужденія. Вліяніе Каткова выразилось въ томъ, что Кіевъ и Варшава получили рельсовое сообщеніе съ Москвою, а дорога въ Либаву создала на Балтійскомъ морѣ портъ, ослабившій могущество Кенигсберга, созданное петербургскими умниками. Борьба за Кіевъ противъ Кременчуга была особенно горяча, такъ какъ пришлось столкнуться съ могущественнымъ вліяніемъ графа Коцебу, дѣльнаго и ловкаго начальника Новороссійскаго края.

Въ это время, впрочемъ, Катковъ въ экономическихъ вопросахъ оставался еще защитникомъ воззрѣній смитовской школы, которую проповѣдывали на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ чиновные публицисты, знаменитые „они“, какъ ихъ называетъ Кокоревъ. Здѣсь-то нашли пріютъ авторы злополучнаго тарифа 1857 года, въ которомъ Катковъ видѣлъ потомъ источникъ безчисленныхъ золъ. Роль „Вѣстника“ по отношенію къ послѣдующему пониженію тарифа, въ 1868 году сыграли „Московскія Вѣдомости“ и много содѣйствовали увеличенію нашей финансовой путаницы.

Но, оставаясь до времени финансовымъ доктринеромъ и давая у себя пріютъ писаніямъ клики, окружавшей Ми-

нистерство Финансовъ, Катковъ не думалъ быть, однако, органомъ послѣдняго. Напротивъ, съ значительною смѣлостью онъ уличилъ его въ тайныхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ, которые дѣлались черезъ Государственный Банкъ яко бы для воспособленія торговлѣ, а въ сущности для поддержанія спекуляціи на петербургской биржѣ. Многія другія мѣропріятія г. Рейтерна встрѣтили въ Катковѣ энергическаго противника. Въ свою очередь многіе полезные совѣты и указанія Каткова остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Сербская и Восточная война заставили неоднократно Каткова высказывать свое мнѣніе, но напрасно иностранныя газеты приписываютъ ему здѣсь какое-то рѣшающее значеніе, а тѣмъ болѣе выставляютъ его представителемъ славянофильскаго направленія. Славянофиломъ Катковъ никогда не былъ, поэтому и въ войнѣ онъ никакого торжества своихъ идей не усматривалъ. Интересы Россіи и только Россіи были у него въ виду. Съ ихъ точки онъ цѣнилъ событія, не увлекаясь общими интересами славянства, чѣмъ существенно отличался отъ Аксакова, но всегда признавая, что будущее славянства безъ Россіи немыслимо.

Замѣчательнѣе были отношенія Каткова къ такъ называемой эпохѣ „новыхъ вѣяній“, которая косвенно помогла московскому публицисту достигнуть апогея своего вліянія. Извѣстно, что мысль о временной диктатурѣ, которая очистила бы наши политическія сферы, принадлежала Каткову и была имъ весьма ясно формулирована. Эта идея понравилась покойному государю, но, благодаря петербургскимъ вліяніямъ, осуществилась совсѣмъ иначе, чѣмъ первоначально предполагалось; поэтому Катковъ держалъ себя въ сторонѣ, не то, что нѣкоторые консервативные публицисты, которые, называясь Никодимами, ходили втайнѣ бесѣдовать (конечно, не даромъ) съ диктатурою сердца, а затѣмъ ругали ее безпощадно.

Равнодушіе Каткова, очевидно притворное, простира-

лось до того, что онъ прошелъ молчаніемъ фактъ удаленія графа Толстого отъ должности, что объяснили недовольствомъ послѣднимъ за недостаточно энергическое будто бы осуществленіе идей Каткова по отношенію къ классицизму. За то уничтоженіе III отдѣленія Катковъ привѣтствовалъ наравнѣ съ другими газетами, что также объяснили тѣмъ обстоятельствомъ, будто III отдѣленіе было постояннымъ противникомъ классическаго образованія, а Потаповъ въ особой запискѣ приписывалъ даже распространеніе нигилизма реформѣ гимназій.

Индифферентизмъ Каткова продолжался, однако, недолго. Рѣчи бывшаго министра просвѣщенія Сабурова вызвали рѣзкій протестъ и съ тѣхъ поръ Катковъ выступилъ открытымъ противникомъ „новыхъ вѣяній", которыя онъ, не стѣсняясь, назвалъ „упраздненіемъ правительства". Онъ боролся противъ этихъ вѣяній не только путемъ печати; подъ его вліяніемъ явился знаменитый манифестъ 29-го апрѣля, вызвавшій отставку графа Лорисъ-Меликова, графа Милютина и Абазы. Этотъ манифестъ, редакція котораго принадлежала, говорятъ, Каткову, составляетъ поворотъ въ направленіи нашей внутренней политики и закончилъ періодъ петербургскаго смутнаго времени.

Съ момента появленія этого знаменательнаго документа, а также, благодаря событіямъ, отрезвившимъ и ту часть общества, которая не прозрѣла и послѣ польскаго мятежа и униженій Берлинскаго конгресса, значеніе Каткова чрезвычайно возросло. Его критическое отношеніе къ тѣмъ реформамъ, которыя считались краеугольнымъ камнемъ будущаго благополучія Россіи, получило реальное приложеніе. „Реформа реформъ" становилась на очередь. Никогда Катковъ не писалъ, быть можетъ, болѣе краснорѣчиво, какъ въ это время, безпощадно обличая всю ложь и грязь, вкравшуюся въ наши подражательныя преобразованія. Новые суды, иронически прозванные покойнымъ „судебной республикой", земское и городское самоупра-

вленіе, университетскія коллегіи—все это подверглось его желчной и подчасъ односторонней критикѣ.

Каткову удалось дожить до измѣненія ненавистнаго ему университетскаго устава 1863 года, встрѣтившаго многочисленныхъ защитниковъ въ самыхъ высшихъ сферахъ, но въ судебной части произошло лишь измѣненіе лицъ, а не системы; въ мѣстномъ же самоуправленіи все шло пока по-старому и кличъ Каткова: „встаньте, господа, правительство идетъ!“ остался безъ примѣненія.

Болѣе удачи имѣлъ онъ въ своемъ походѣ противъ финансоваго управленія. Забывъ окончательно всѣ прежнія доктрины и принявъ подъ свою защиту самыя рѣшительныя московскія теоріи объ экономическомъ своеобразіи Россіи и пользѣ ассигнацій, Катковъ систематически велъ войну противъ министерства Бунге, не стѣсняясь въ своихъ нападкахъ ни въ искаженіи офиціальныхъ цифръ, ни въ инсинуаціяхъ противъ тѣхъ, которыхъ онъ считалъ защитниками господствовавшей системы. Страстное ожесточеніе, а также сила Каткова проявились въ особенности въ вопросѣ о сахарной нормировкѣ, гдѣ его взгляды восторжествовали двукратно противъ почти единогласнаго рѣшенія высшаго компетентнаго государственнаго учрежденія. Выходъ въ отставку г. Бунге былъ естественнымъ послѣдствіемъ этихъ пораженій. Замѣчательно, однако, что органъ Каткова въ то время, когда онъ содѣйствовалъ экономическимъ взглядамъ Москвы, а также и помогалъ интересамъ послѣдней, напримѣръ въ вопросѣ о закавказскомъ транзитѣ, терялъ свою популярность именно въ Первопрестольной, среднее и вліятельное сословіе которой переживаетъ, повидимому, періодъ увлеченія иностраннымъ, который Петербургъ пережилъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Этимъ объясняется, вѣроятно, и сдержанность московскихъ газетъ по случаю смерти ихъ старшины.

Послѣдній походъ, предпринятый Катковымъ, былъ противъ нашей дипломатіи. Жалкое положеніе, созданное ея близорукостью въ Болгаріи, безцѣльность пожертвованія

для послѣдней ста тысячъ жизней и полутора милліардовъ — возмутили великаго патріота. Навѣрное никогда слово его не находило большаго сочувствія во всей массѣ русской образованной публики, какъ въ данномъ случаѣ. Но тутъ повторилась извѣстная исторія. Левъ, не знавшій соперниковъ въ открытомъ бою съ могущественнымъ противникомъ, не выдержалъ борьбы съ чѣмъ-то безформеннымъ, тягучимъ и безличнымъ. Огненныя слова Каткова не оставляли впечатлѣнія на холодномъ и бездушномъ тѣлѣ дипломатіи и трубный звукъ его сарказмовъ не вызвалъ ничего, кромѣ тонкаго пищанія французскихъ офиціозовъ.

Доискиваясь до истинныхъ причинъ нашего уединеннаго и унизительнаго положенія, Катковъ открылъ ихъ главнымъ образомъ въ той послушной роли, которую мы играли по отношенію къ Германіи. Это сознаніе рѣзко измѣнило взгляды Каткова. Защитникъ германскаго союза изъ уваженія къ Бисмарку, который импонировалъ ему своимъ здравымъ смысломъ и уваженіемъ къ крѣпкой власти, Катковъ сталъ на сторону союза съ современной Франціей, которую онъ презиралъ послѣ слабости, выказанной ею въ войнѣ 1870 года и въ послѣдующихъ событіяхъ.

Такова была въ краткихъ словахъ дѣятельность покойнаго. Сводя ее къ одному знаменателю, мы видимъ, что она была главнымъ образомъ критическая. Катковъ былъ даровитый полемистъ, проницательный, но не чуждый увлеченій. Очень заблуждаются тѣ иностранцы, которые въ Катковѣ видятъ носителя опредѣленныхъ доктринъ и предсказываютъ, что у власти изъ него вышелъ бы замѣчательный министръ. Изъ всей массы статей Каткова, которыя составляютъ навѣрное десятки томовъ, нельзя извлечь какого либо положительнаго политическаго ученія. Онъ пытался иногда формулировать свои воззрѣнія, но въ этомъ случаѣ воззрѣнія его не выходили изъ области краснорѣчивой софистики.

Опредѣленныхъ идеаловъ у Каткова никогда не было никакихъ (кромѣ мимолетнаго доктринерства въ „Русскомъ

Вѣстникѣ“ 50-хъ годовъ); нигдѣ не формулировалъ онъ опредѣленно, что именно считаетъ онъ за лучшее для Россіи; за то онъ всегда противъ чего нибудь боролся, проводя свои личные взгляды, высказывая свои симпатіи или антипатіи, попадая иногда въ тонъ большинства читателей, иногда въ тонъ только меньшинства его или даже небольшого кружка своихъ единомышленниковъ. Онъ нѣсколько разъ заявлялъ, что „Москов. Вѣдомости“ есть „личный“ его органъ. Даже въ министерство графа Толстого, когда Катковъ являлся горячимъ поклонникомъ системы, проводившейся этимъ министромъ, нельзя сказать, что графъ Толстой являлся ему какъ наилучшій министръ просвѣщенія. Если мы вспомнимъ, что планы учебной системы составлялись Леонтьевымъ и людьми его образа мыслей, какъ и образа мыслей Каткова, то выйдетъ, что „Моск. Вѣд.“ поддерживали свою систему, а не графа Толстого. Не въ газетѣ, конечно, но въ частныхъ разговорахъ съ людьми высокопоставленными, послѣ паденія графа Толстого, Катковъ жаловался на то, что бывшій министръ не выполнилъ программы въ цѣломъ ея видѣ. Правда это или нѣтъ— не знаемъ; думаемъ, что это похоже на правду.

Сила Каткова была именно въ полемикѣ и отрицаніи. Онъ видѣлъ слабыя стороны дѣйствій своихъ противниковъ на литературномъ и политическомъ поприщѣ и громилъ ихъ нещадно и неустанно. Уже наружность его, высокій сжатый лобъ и сѣрые глаза, обличала фанатика своихъ идей. Онъ былъ молчаливъ и, подобно всѣмъ автодидактамъ, чрезвычайно высоко цѣнилъ себя, презирая мнѣнія другихъ. Только на юбилеѣ Пушкина онъ случайно вышелъ изъ своей роли. Къ чести Каткова нужно сказать, что онъ помнилъ завѣтъ Паскаля, что изъ пушекъ по воробьямъ не стрѣляютъ, потому громы своей артиллеріи онъ направлялъ всегда на самыя сильныя позиціи и боролся съ наиболѣе вліятельными людьми. Въ личной полемикѣ онъ не избѣгалъ рѣзкостей и сарказмовъ, касаясь иногда и частной дѣятельности лица. Въ этомъ слу-

чаѣ ни одинъ журналистъ не можетъ быть чистъ отъ обвиненій.

Для полемики Катковъ обладалъ замѣчательными свойствами. Классическое воспитаніе давало его мыслямъ логическое и послѣдовательное теченіе, ясность и полноту, рѣчь правильную и богатую. При этомъ онъ мѣтко владѣлъ словомъ, именно тѣмъ, о которомъ Гоголь сказалъ: „Нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и живо трепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово". Нѣкоторыя изреченія Каткова сдѣлались поговорками, въ родѣ знаменитыхъ „разбойниковъ пера и мошенниковъ печати", приложенныхъ имъ въ видѣ клейма къ двуличной и увертливой редакціи покойнаго „Голоса".

Катковъ удивительно искусно владѣлъ еще однимъ качествомъ, неоцѣненнымъ въ публицистѣ, особенно русскомъ. Онъ умѣлъ сто разъ возвращаться къ одному и тому же вопросу, никогда не повторяясь, каждый разъ умѣлъ сказать что нибудь новое и силою повторенія вколачивалъ аргументы въ головы своихъ читателей.

Катковъ, котораго невѣжественная толпа считала то „случайнымъ человѣкомъ", то раболѣпнымъ царедворцемъ, то орудіемъ административно-полицейской реакціи, въ сущности былъ самымъ яркимъ представителемъ оппозиціи. Вся карьера его прошла въ оппозиціи и не было почти случая, когда онъ былъ вполнѣ доволенъ Петербургомъ, какъ еще рѣже, мы думаемъ, были случаи, когда Катковымъ были довольны въ Петербургѣ.

Оппозиція Каткова была, однако, строго легальная. Это именно та „оппозиція его величества", которая создала силу и прочность англійскихъ конституціонныхъ порядковъ. Какъ ученикъ нѣмецкой философіи, онъ признавалъ разумность всего существующаго и желалъ его улучшенія, а не уничтоженія.

Катковъ, какъ мы видѣли, никогда не стѣснялся въ высказываніи своихъ порицаній, критики государствен-

ныхъ дѣятелей не ретроспективно, а въ моментъ ихъ власти. Такова его агитація противъ политики великаго князя Константина Николаевича въ Варшавѣ, противъ Головнина въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, противъ г. Рейтерна въ желѣзнодорожной и банковой политикѣ, противъ графа Валуева, противъ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, противъ финляндской высшей администраціи, противъ III-го отдѣленія, когда во главѣ этого учрежденія стоялъ генералъ Потаповъ. Съ такимъ же, если не съ большимъ ожесточеніемъ нападалъ Катковъ на примирительную политику графа Лорисъ-Меликова, на финансовые планы г. Абазы и особенно на учебную систему г. Сабурова. Офиціальные проекты общественныхъ кабаковъ и обязательнаго выкупа подверглись въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" самой рѣзкой критикѣ. Дѣятельность нашей дипломатіи, судебныхъ учрежденій, военнаго министерства и морского управленія также никогда не пользовалась одобреніемъ московскаго публициста.

Такимъ образомъ, странно, почти дико видѣть въ Катковѣ офиціоза, даже очень замаскированнаго, въ родѣ тѣхъ, что князь Бисмаркъ поощряетъ изъ извѣстнаго фонда *). Напротивъ, кто слѣдилъ изо дня въ день за статьями „Московскихъ Вѣдомостей" съ 1863 г., тотъ навѣрное убѣдился, что Катковъ писалъ статьи только по собственному вдохновенію, такъ сказать, не заботясь о томъ, нравились ли эти статьи тому или другому высокопоставленному лицу или нѣтъ. Любимѣйшая тема Каткова, къ которой онъ возвращался тысячу разъ—это и давало силу его аргументаціи — что русское общество цѣло и здорово, а виною во всемъ слабость правительства. Правительство же было слабо, по мнѣнію Каткова, потому, что органы его, т. е. адми-

*) Курьезно, что Бисмаркъ думалъ было пріобщить Каткова къ этому фонду. Въ 1869 г. Катковъ жаловался печатно („Моск. Вѣд." № 263), что генералъ Швейницъ предлагалъ ему черезъ петербургскихъ друзей стать офиціозомъ князя Бисмарка.

нистрація и чиновники, извратились, излиберальничались, ослабѣли, а часть чиновниковъ чуть ли не измѣнила и подъ маскою лицемѣрія скрываетъ явное неповиновеніе законамъ. Имѣетъ ли подобный взглядъ что-либо общее съ самодовольною пошлостью офиціознаго публициста, восторгающагося всѣми направленіями и всякими мѣропріятіями, разъ они идутъ изъ высшихъ административныхъ сферъ?

Нѣсколько разъ городскіе слухи назначали Каткова членомъ Государственнаго Совѣта. Само собою, что рѣчи не можетъ быть о томъ, пригоденъ ли былъ Катковъ для того высокаго учрежденія, въ среду котораго онъ будто бы поступалъ. Человѣкъ, тридцать или сорокъ лѣтъ занимавшійся политическими и общественными вопросами, изучавшій всѣ тончайшіе повороты общественнаго мнѣнія, конечно, пріобрѣтаетъ государственную опытность не меньшую, если не большую, чѣмъ еслибы онъ посѣдѣлъ въ канцеляріяхъ или въ командованіи какими либо частями войскъ. Такой человѣкъ по преимуществу можетъ быть мужемъ совѣта и его мнѣніе въ высшемъ государственномъ учрежденіи всегда будетъ имѣть вѣсъ и силу.

У Каткова много враговъ литературныхъ и не литературныхъ. Его повышеніе въ табели о рангахъ стало бы сигналомъ для многочисленныхъ нападокъ. Навѣрное появились бы инсинуаціи, что награжденъ не талантъ и заслуга, а усердіе. Но, повторяемъ, къ Каткову безъ большой натяжки не можетъ быть приложенъ титулъ не только офиціальнаго, но даже офиціознаго публициста. Напротивъ, безпристрастный обзоръ журнальной дѣятельности Каткова показываетъ въ немъ достаточную независимость и свободу воззрѣній.

Опредѣляя такимъ образомъ дѣятельность Каткова, мы думаемъ, что назначеніемъ въ Государственный Совѣтъ почтено было бы въ лицѣ Каткова не усердіе и прислужничество, а именно независимость воззрѣній и страстное отношеніе къ дѣлу, хотя и не безъ компромиссовъ, къ которымъ и его вынуждали условія печати и жизни. Съ подобной точки

зрѣнія можно было только радоваться, что періодическая печать и у насъ становится въ такое положеніе, что представители ея силою вещей причисляются къ разряду крупныхъ общественныхъ силъ. Катковъ, однако, предпочелъ полную независимость минутному удовлетворенію честолюбія.

Катковъ былъ сила, которой давленіе было необходимо для равновѣсія русской общественной мысли и сила эта имѣла потому большое значеніе въ русскихъ дѣлахъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Назначить кого либо на должность редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ возможно, но замѣнить Каткова въ его роли никто не можетъ и несомнѣнно, что въ нашей политической печати произойдетъ теперь новая группировка партій.

***

Выше мы говорили объ отношеніяхъ Каткова къ эпохѣ управленія графа Лорисъ-Меликова. Слѣдующая замѣтка, напечатанная въ свое время въ «Новомъ Времени», обрисовываетъ подробнѣе эти отношенія.

„Мщеніе, говорятъ испанцы, такое блюдо, которое надобно ѣсть холодное“. Силу этого изреченія, глубоко, какъ видно, изучили „Московскія Вѣдомости“... Всѣхъ поразило въ прошломъ году лицемѣрное спокойствіе, съ которымъ эта газета приняла отставку дорогого ей графа Толстого, отставку, составляющую вмѣстѣ съ упраздненіемъ III отдѣленія, быть можетъ, одно изъ важнѣйшихъ дѣяній „диктатуры сердца“, возбуждающей теперь злобныя насмѣшки г. Каткова.

Но спокойствіе „Московскихъ Вѣдомостей“ было кажущееся: подъ пепломъ тлѣла искорка и только нетерпѣливо поджидался случай, чтобъ она разгорѣлась. Предлогъ свести старые счеты подвернулся самый удобный и темные намеки на какую-то „руку“, помогающую крамолѣ, обратилась въ страстный (или, вѣрнѣе, пристрастный) обвинительный актъ противъ оставившихъ и оставляющихъ свою власть министровъ. Мы именно упоминаемъ и объ

оставляющихъ и даже остающихся, потому что если когда либо было у насъ какое нибудь единство дѣйствій въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, если замерли хотя на время „пререканія" разныхъ вѣдомствъ, то именно во время того кратковременнаго режима, о которомъ „Московскія Вѣдомости" съ ужасомъ говорятъ: „еще нѣсколько, быть можетъ, недѣль этого режима и крушеніе было бы неизбѣжно..."

А кому, какъ не г. Каткову слѣдовало твердо помнить, до чего доходили разногласія правительственныхъ органовъ. Не онъ ли обличилъ, хотя и не называя именъ, что въ то время, когда Николай Милютинъ съ товарищами работали надъ обрусеніемъ окраинъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ дѣлало все, чтобы поддержать польскихъ помѣщиковъ; что въ то время, когда графъ Толстой настойчиво и не отступая ни передъ чѣмъ, вводилъ свой классицизмъ, III отдѣленіе доказывало, что весь нигилизмъ народился въ Россіи какъ послѣдствіе слишкомъ сурово и формально примѣненной къ школѣ этой самой классической системы.

Какъ коротка вообще память г. Каткова, видно изъ того, что онъ называетъ управленіе бывшаго министра народнаго просвѣщенія (г. Сабурова) „неслыханнымъ смерчемъ, пронесшимся надъ школами, особенно надъ университетами, предписывая просто бунтовать"; между тѣмъ виновникъ этого невѣроятнаго въ Россіи министерскаго бунта не былъ ли однимъ изъ лучшихъ попечителей толстовскаго времени и не былъ ли онъ публично рекомендованъ графомъ Толстымъ, а затѣмъ и офиціальнымъ органомъ послѣдняго, „С.-Петерб. Вѣдом.", какъ лицо, лучше всѣхъ подготовленное продолжать его систему. Не оставался ли, наконецъ, у этого „смерча" правою рукою столь излюбленный „Московскими Вѣдомостями" г. Георгіевскій...

Мы не намѣрены, однако, не только брать подъ свою защиту, но даже оцѣнивать сколько нибудь дѣятельность сошедшаго со сцены режима и его представителей. Мы

идемъ далѣе, и признавая, что режимъ этотъ, руководясь намѣреніями самыми честными и чистыми, могъ сдѣлать не мало ошибокъ, допускаемъ, что измѣнившіяся съ 1 марта обстоятельства вынуждали въ извѣстной степени и перемѣну системы; мы не только не будировали противъ взявшаго въ свои руки власть графа Игнатьева, а, напротивъ, радовались, что руководителемъ нашей внутренней политики дѣлается живой и популярный человѣкъ, который поведетъ ее не въ духѣ безсмысленной реакціи и узкихъ требованій обскурантной партіи, а въ смыслѣ наилучшаго удовлетворенія народныхъ и общественныхъ потребностей. Признавая охотно все это, мы не видимъ, однако, основаній поощрять ложь и клевету противъ сошедшаго со сцены режима, доставившаго русскому обществу и его органамъ, послѣ безконечно длиннаго періода подозрительной мнительности, хотя нѣсколько мѣсяцевъ спокойствія, и это въ такое время, когда тайная крамола подтачивала одинаково какъ верховную власть, такъ и основанія, на коихъ зиждется русское общество.

Ложью же мы называемъ всякое намѣренное преувеличенное свѣдѣніе о дѣйствіяхъ этой самой крамолы, а въ особенности выдумки о „поблажкѣ, оказанной ей будто бы въ послѣднее время“ *). Пользуясь собственными телеграм-

*) Если поблажкой считать облегченіе участи нѣкоторыхъ высланныхъ безъ строгаго разслѣдованія, то надобно сказать, что общественное мнѣніе было постоянно въ пользу наиболѣе гуманныхъ мѣръ даже по отношенію къ важнѣйшимъ преступникамъ. Когда генералъ Гурко смягчилъ приговоръ о Мирскимъ и Тарховѣ, „Новое Время“ писало: „Нѣтъ сомнѣнія, что нѣсколько мѣсяцевъ опыта и внимательнаго наблюденія убѣдили правительство, что численность и сила революціонной партіи преувеличивались дерзостью отдѣльныхъ ея представителей и что ничтожная по числу и общественному значенію она не можетъ имѣть серьезнаго вліянія на установившіяся вѣками формы нашего народнаго и государственнаго быта. Это сознаніе и привело, по всей вѣроятности, къ мысли, сохраняя неуклонно извѣстную послѣдовательность въ борьбѣ съ агитаторами, а въ особенности если послѣдніе не брезгаютъ прибѣгать для осуществленія своихъ фантазій къ преступ-

мами, сочиняемыми всѣмъ извѣстнымъ въ Петербургѣ лицомъ, „Московскія Вѣдомости“ разсказываютъ, что будто бы „ежедневно въ Петербургѣ обнаруживаются развѣтвленія крамолы. Открыты громадные склады разрушительныхъ снарядовъ. Въ Петербургѣ многія мѣстности оказались минированными, и т. д.“. Тутъ, что ни слово, то неправда. Кромѣ случайнаго открытія соучастія въ за-

---

нымъ дѣяніямъ, выказывать болѣе снисходительности въ отдѣльныхъ случаяхъ, гдѣ молодость, увлеченіе и неопытность гораздо болѣе служили мотивами къ преступленіямъ, нежели злая воля. Уже военный судъ оправдалъ безусловно шестерыхъ подсудимыхъ, примѣнивъ къ нимъ тѣ гуманныя слова, которыя начертаны на зданіи суда: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Генералъ Гурко смягчилъ еще болѣе приговоръ суда. Сколько мы знаемъ, это смягченіе приговора и въ особенности отмѣна смертной казни произвели въ обществѣ отрадное впечатлѣніе“...

При дарованіи жизни Ширяеву, Тиханову и Окладскому та же газета, которую никто въ радикализмѣ не заподозритъ, писала: „Преступники, покусившіеся на жизнь государя императора, Имъ помилованы, но Онъ не счелъ себя въ правѣ и согласнымъ съ Своею совѣстью оставлять безъ возмездія смерть частныхъ лицъ, повинныхъ лишь въ томъ, что они исполняли свои обязанности, смерть солдатъ, такъ ужасно погибшихъ въ мукахъ... Подписывать смертный приговоръ — тяжелое бремя; это возмездіе даже за самыя ужасныя преступленія наполняетъ сердце невыразимымъ чувствомъ боли и въ случайномъ свидѣтелѣ казни и тѣмъ болѣе въ лицѣ Того, который не желалъ бы ничего лучшаго, какъ полнаго мира и благоденствія для Россіи. Дай Богъ, чтобы никогда болѣе не было этихъ кровавыхъ жертвъ преступныхъ замысловъ и дѣяній, дай Богъ, чтобъ кончилась навсегда эта смута, страшныя тайны которой разоблачены съ такой подробностью, дай Богъ, чтобъ всеисцѣляющее время возвратило здравый смыслъ жертвамъ заблужденія, этимъ строителямъ новой Вавилонской башни, съ которой прямо будто бы можно достать небеса и устранить всѣ бѣдствія и у основанія которой созрѣваютъ только ужасы и валятся жертвы. Не кровью идетъ міръ къ преуспѣяніямъ, не преступленіями вырабатываются лучшія блага. Напротивъ, ихъ кровавый слѣдъ заслоняетъ лучшіе дары жизни, пугаетъ и наполняетъ страхомъ ясный разумъ народа и его чистое сердце. Русское сердце изболѣло при видѣ этого смѣшенія языковъ и понятій и желаетъ яснаго неба, ясныхъ умовъ и не поврежденныхъ сердецъ. Это желаніе всѣхъ, отъ Царя до послѣдняго гражданина, ибо всѣ знаютъ, что спасеніе въ жизни, а не въ смерти“.

мыслахъ анархистовъ лейтенанта Суханова, ни о какомъ важномъ арестованіи въ послѣднее время не слышно; всѣ многочисленные аресты были сдѣланы еще при бывшемъ, по словамъ г. Каткова, „революціонномъ" режимѣ. Никакихъ, не только громадныхъ, но вообще складовъ динамита и взрывчатыхъ веществъ не открывалось. Выдумка также и минированіе Петербурга. Подъ Каменнымъ мостомъ найдена, правда, мина, но ее искали-искали еще съ прошлаго года и открытію ея мѣшало не отсутствіе „изумительной и неутомимой энергіи", а просто ледъ, покрывающій зимою и при крамолѣ, какъ и безъ крамолы, каналы Петербурга.

Не надобно умалять значенія подпольной дѣятельности анархистовъ, но нельзя же серьезно думать, что паническій страхъ, создаваемый колоссальнымъ преувеличеніемъ ихъ дѣятельности, можетъ принести пользу. Мы понимаемъ, что какой нибудь полицейскій сыщикъ, нашедшій даже фунтъ динамита, готовъ, въ ожиданіи справедливо, быть можетъ, заслуженной награды, въ наивности думать, что онъ уже спасъ общество, но печати слѣдуетъ смотрѣть на вещи трезвѣе. Теперь же г. Катковъ усматриваетъ измѣну и крамолу не только въ такихъ вещахъ, какъ избіеніе евреевъ, но даже въ самомъ невинномъ и естественномъ пониженіи вексельнаго курса. „Вотъ, оно лучшее доказательство интриги", замѣтилъ надняхъ московскій оракулъ при извѣстіи, что полуимперіалъ вздорожалъ на 5 копѣекъ!

Читая это, подумаешь, что читаешь пародію на статью въ „L'Ami du Peuple" Марата, а не статьи консервативнаго органа. Слова Марата: „Dans les moments critiques on sert sa patrie comme on peut", давно, впрочемъ, сдѣлались девизомъ г. Каткова.

Оригинальнѣе всего, что „Московскія Вѣдомости" сами же произнесли оцѣнку своей дѣятельности. Теперь въ Россіи, говорятъ онѣ: „работаютъ не одинъ, а нѣсколько заговоровъ, которые взаимно другъ друга обманываютъ, исполняя въ совокупности планъ имъ самимъ невѣдомой главной крамолы". Съ этимъ нельзя не согласиться. Обманы

тенденціозныя, возбуждающія въ обществѣ напрасные страхи, путающіе его понятія, заставляющіе его проклинать то, что оно недавно еще уважало и цѣнило, недовѣрять административнымъ дѣятелямъ даже на самыхъ выдающихся постахъ, считать чуть не измѣнниками и крамольниками даже министровъ,—какими бы побужденіями всѣ эти обманы ни руководились—въ концѣ концовъ играютъ въ руку крамолѣ, или „чорту", какъ энергически выражается г. Катковъ.

К. П. фонъ-Кауфманъ.

Во вторникъ, поутру*), скончался туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ. Хотя положеніе больного давно уже было признано безнадежнымъ, тѣмъ не менѣе извѣстіе о смерти Константина Петровича произведетъ тяжелое впечатлѣніе на множество лицъ, знавшихъ и уважавшихъ покойнаго.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ принадлежалъ къ числу весьма выдающихся государственныхъ дѣятелей послѣдняго царствованія. Управленіе штабомъ инженерныхъ войскъ, канцеляріей Военнаго Министерства въ разгаръ реформаторской дѣятельности графа Милютина и управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ, немедленно послѣ усмиренія возстанія, въ томъ же патріотическомъ и чисто русскомъ духѣ, что и его предшественникомъ, гр. М. Н. Муравьевымъ, но не въ такихъ рѣзкихъ формахъ, одни были бы въ состояніи упрочить за Константиномъ Петровичемъ самую почтенную репутацію, но не меньшія заслуги отечеству оказалъ онъ пятнадцатилѣтнимъ искуснымъ управленіемъ Туркестанскимъ краемъ.

*) 4-го мая 1882 г.

Въ Вильну фонъ-Кауфманъ былъ назначенъ въ апрѣлѣ 1865 г., вмѣсто предлагавшагося гр. Муравьевымъ, Хрущева, котораго Потаповъ представилъ „недовольно благовоспитаннымъ". Польская и нѣмецкая партіи, какъ въ Петербургѣ, такъ и на мѣстѣ, а равно и гр. Муравьевъ, которому назначеніе Кауфмана было не совсѣмъ пріятно, были, однако, изумлены, увидѣвъ, что дѣйствія новаго начальника края нисколько не оправдываютъ ожиданій, какими себя льстили „полякующіе".

„Хотя съ нѣмецкою фамиліей, но истинно православный и русскій, рѣшившись принять на себя тяжкую обузу управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, далъ себѣ твердый обѣтъ не отступать отъ введенной мною системы дѣйствій и во что бы то ни стало водворить въ краѣ русскую народность и православіе", пишетъ о Кауфманѣ графъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ.

Онъ закрылъ католическіе монастыри и настоялъ на окончаніи дѣла Огрызки, всячески покрывавшагося могущественными петербургскими друзьями. Важнѣйшею заслугою фонъ-Кауфмана было поддержаніе Зеленаго въ проведеніи закона 10-го декабря 1865 г. объ ограниченіи правъ польскихъ землевладѣльцевъ въ Западномъ краѣ, въ чемъ содѣйствовалъ и кіевскій генералъ-губернаторъ Безакъ, болѣе рѣшительный, нежели старикъ Анненковъ. Кауфманъ— однако, не угодилъ господствовавшему въ С.-Петербургѣ настроенію и потому, отозванный изъ Вильны, онъ находился два года какъ бы въ немилости, получая ничтожное содержаніе, пока его не назначили въ Ташкентъ.

Съ самаго назначенія, въ 1868 году, генералъ-адъютанта Кауфмана генералъ-губернаторомъ края, завоеваннаго Черняевымъ, туркестанское генералъ-губернаторство пользовалось совершеннымъ спокойствіемъ. Границы края были значительно еще расширены присоединеніемъ Кульджинскаго ханства, частица котораго все-таки осталась за Россіей, Аму-Дарьинскаго отдѣла, отнятаго отъ усмиренной въ 1873 году Хивы, и, наконецъ, въ 1875 г. богатаго

Коканскаго ханства. Всѣ эти пріобрѣтенія, поставившія насъ весьма прочно въ Средней Азіи, были сдѣланы съ незначительными пожертвованіями, а походъ въ Хиву, окруженную съ 1839 года, послѣ неудачнаго зимняго похода Перовскаго, ореоломъ недоступности, принадлежитъ даже къ замѣчательнымъ въ военной исторіи событіямъ. Достаточно, напримѣръ, сравнить его результаты съ результатами неоднократныхъ походовъ англичанъ въ Афганистанъ. При этомъ въ первый разъ были побиты здѣсь и трухмены, что имѣло очень хорошее вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи наши въ Закаспійскомъ краѣ.

Относительно дѣятельности генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана по внутреннему управленію Туркестанскимъ краемъ окончательное заключеніе можетъ быть сдѣлано лишь тогда, когда точно обозначатся плоды различныхъ задуманныхъ имъ начинаній. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать успѣховъ гражданственности и экономическихъ, сдѣланныхъ въ этомъ краѣ со времени присоединенія. Многое изъ созданнаго принадлежитъ тутъ личной иниціативѣ Константина Петровича, который, при возможныхъ, конечно, для каждаго ошибкахъ и увлеченіяхъ, останется образцомъ человѣка, весьма образованнаго, честнаго, въ высшей степени благонамѣреннаго и необыкновенно доступнаго и пріятнаго въ личныхъ сношеніяхъ. За одного изъ своихъ подчиненныхъ, откровенно сознавшагося въ растратѣ довольно крупной суммы, онъ по своей добротѣ внесъ даже деньги.

Слабостей онъ имѣлъ двѣ: любилъ поговорить и поговорить на-распашку и легко подчинялся окружающимъ лицамъ. О своей болтливости фонъ-Кауфманъ самъ жаловался, что до такой степени иногда заговаривался, что ему приходится ложиться въ постель, чтобы отдохнуть и успокоиться. Фонъ-Кауфманъ не любилъ, какъ его бывшій начальникъ, канцелярской переписки. Ближайшіе помощники его, начальники штаба и правители канцеляріи, имѣли на него огромное вліяніе и не всегда хорошее, особенно подъ

конецъ управленія, когда онъ уже ослабѣлъ, одинъ изъ его правителей канцеляріи угодилъ даже потомъ въ Сибирь. Если въ чемъ его дѣйствія въ Туркестанѣ и заслужили неодобренія, то виноваты были именно эти подчиненные. Изъ записокъ генерала Кренке видно, впрочемъ, что и ранѣе, въ управленіи канцеляріей военнаго министра, Константинъ Петровичъ отличался нетвердымъ характеромъ и обѣщаніямъ его не слѣдовало всегда довѣряться. Можетъ быть, впрочемъ, потому-то онъ и сдѣлалъ карьеру, такъ какъ графъ Милютинъ не любилъ имѣть около себя людей слишкомъ самостоятельнаго характера.

Случалось, что фонъ-Кауфманъ выказывалъ и надлежащую твердость. Такъ, въ 1868 г., послѣ взятія съ боя Самарканда, онъ не далъ пальцемъ тронуть жителей, но когда жители города измѣнили, то не только, давъ однако время женщинамъ и дѣтямъ удалиться, разрѣшилъ городъ разграбить, но и лично преспокойно приказалъ повѣсить нѣсколько инсургентовъ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ особенности подъ Карсомъ въ 1855 г., онъ выказалъ себя чрезвычайно храбрымъ человѣкомъ.

Баронъ К. К. Кистеръ.

Приказъ объ увольненіи барона Карла Карловича Кистера отъ занимаемыхъ имъ должностей цѣлую недѣлю коментировался Петербургомъ на всѣ лады, или, вѣрнѣе, коментировался всѣми на одинъ ладъ, потому что о дѣятельности барона двухъ мнѣній не было, если не считать за особое мнѣніе—мнѣніе барона о самомъ себѣ.

Такъ какъ съ барономъ Кистеромъ уволена была цѣлая система и такъ какъ эта система угнетала русское сценическое искусство и музыку въ теченіе нѣсколькихъ

лѣтъ, а интересы искусства одни изъ самыхъ священныхъ для общества, сколько нибудь развитого, то, само собою разумѣется, что дѣятельность барона Кистера — по части руководства русскимъ искусствомъ—необходимо обсудить основательно и вывести изъ нея урокъ для будущаго. Трудно понять, въ силу какихъ соображеній почтенный баронъ, въ молодости спеціально изучавшій садоводство,— которое съ Людовика XIV перестало считаться искусствомъ, а затѣмъ служившій кассиромъ,—былъ признанъ компетентнымъ въ театральномъ дѣлѣ. Въ оправданіе барона можно привести, однако, что онъ никогда никакихъ эстетическихъ претензій не заявлялъ, а задачею своею положилъ экономію.

Исторія нашего театральнаго управленія до барона Кистера не замысловата. Одинъ начальникъ театровъ, танцуя въ будуарѣ танцовщицы, сломалъ себѣ ногу, другой, выйдя изъ будуара танцовщицы, поѣхалъ усмирять бунтовщиковъ на Сенатской площади и былъ убитъ, третій— въ будуарѣ танцовщицы двадцать лѣтъ управлялъ русскимъ искусствомъ и т. д., и т. д., до безконечности. Это одна сторона управленія и напрасно вольтеріанцы станутъ возражать что либо. Другая сторона—это, выражаясь моднымъ словомъ, хищеніе.

Екатерина II приходила въ ужасъ отъ воровства въ театральномъ управленіи, при Александрѣ I и Николаѣ I директоры рвали на головѣ волосы съ отчаянія. О болѣе новыхъ временахъ умолчимъ, хотя извѣстно, что кассиры и смотрителя театровъ, получая по 300 руб. въ годъ жалованья, ухитрялись держать экипажи и имѣть отличныя дачи; громадное зданіе дирекціи наполнено было квартирами какихъ-то докторовъ и портнихъ; всѣ служащіе отъ режиссеровъ до капельдинеровъ эксплоатировали артистовъ, а при постановкѣ новаго балета или оперы публика заранѣе распредѣляла по пальцамъ: этому столько, тому столько, а этому ничего.

Князь Тюфякинъ былъ единственнымъ директоромъ съ

основанія русскаго театра, при которомъ не только не было дефицита, но который заплатилъ даже долги прежнихъ управленій. Онъ эксплоатировалъ съ этою цѣлью пристрастіе тогдашняго общества до всего французскаго, пристрастіе, дошедшее, въ царствованіе Александра I, до уродливыхъ крайностей.

Во всякомъ случаѣ князь Тюфякинъ, съ его экономіей,— чудо между директорами казенныхъ театровъ. Дефицитъ, какъ извѣстно, составлялъ всегда ихъ принадлежность и не исчезъ и при баронѣ Кистерѣ, который многими считался аллегорическимъ воплощеніемъ экономіи *). Театральный дефицитъ озабочивалъ правительство еще въ прошломъ столѣтіи. На представленную ей завѣдывавшими въ 80-хъ годахъ императорскими театрами, Соймоновымъ и Храповицкимъ, записку о долгахъ императрица Екатерина II написала на докладѣ: „Я и теперь не вѣдаю, чего вы отъ меня хотите? Я согласилась выдать 163,000 руб. и особенно на долю дирекціи и комитету, а годовое для того не назначаю, что надѣюсь, что вы излишнихъ людей отпустите и во всемъ сдѣлаете укращеніе расхода, *какъ у порядочныхъ и усердныхъ людей* водится". Но напрасны были ожиданія императрицы. „Укращенія" расходовъ не дождется, вѣроятно, и XX столѣтіе.

Третьимъ традиціоннымъ свойствомъ театральнаго управленія за 90 лѣтъ были презрѣніе къ собственному національному искусству и пресмыканіе предъ иностраннымъ. Исключеніе дѣлалось лишь для балета (и то не всегда) по

---

*) Благодаря экономіи баронъ скопилъ своему вѣдомству большіе капиталы. Счета оплаченные представлялись всегда ему, онъ все читалъ, все зналъ и былъ человѣкъ точный. Но при всей экономіи баронъ не забывалъ родственниковъ. Братъ его жены, какой-то химикъ въ Германіи, получалъ большое жалованіе за контръ-пробы рудъ, проплавленныхъ на Алтаѣ! Такъ какъ тамошнія руды бѣдны, а по почтѣ посылались кусочки, то понятно серебра въ нихъ не часто бывало и признаковъ, и нѣмецъ удивлялся только искусству русскихъ выплавлять серебро изъ рудъ, гдѣ его не было.

причинамъ, изложеннымъ выше. Въ извиненіе театральнаго управленія надобно, однако, тутъ прибавить, что такое предпочтеніе чужого своему обусловливалось вкусами вліятельныхъ петербургскихъ сферъ. Услыша олимпійское замѣчаніе, что безсмертная опера Глинки c'est la musique des cochers, директоръ, конечно, не рѣшался хлопотать о роскошной обстановкѣ подобнаго неаристократическаго зрѣлища.

И такъ, въ общемъ итогѣ бар. Кистеру, подъ именемъ театральнаго управленія, досталась не совсѣмъ казистая смѣсь непотизма, хищенія и обезьянства. Каждый, кто пожелалъ бы принести театральному дѣлу пользу, долженъ былъ начать войну съ предразсудками и злоупотребленіями, накопившимися десятками лѣтъ. Только при особомъ усердіи и знаніи всѣхъ тонкостей искусства можно было при подобныхъ условіяхъ сдѣлать что нибудь.

Къ сожалѣнію, баронъ Кистеръ, отвлеченный, вѣроятно, другими своими обязанностями (онъ былъ, какъ извѣстно, при графѣ А. В. Адлербергѣ душою всего Министерства Двора), не нашелъ нужнымъ обратить вниманіе на вышеозначенные коренные недостатки, а взглянулъ на дѣло съ коммерческой точки зрѣнія и все свое вниманіе обратилъ исключительно на увеличеніе доходовъ театральной дирекціи. Съ этою цѣлью онъ принялся за разработку вопроса о монопольномъ правѣ дирекціи на увеселеніе жителей столицы.

Само собою, что подобная постановка вопроса была совершенно неправильная. Какъ ни плохо было прежнее театральное управленіе, все-таки оно понимало, что роль дирекціи Императорскихъ Театровъ состоитъ въ поощреніи искусства, а не въ эксплоатаціи искусства. Старое театральное управленіе пользовалось всѣмъ, что плохо лежало, но не нисходило до мысли, что театральная дирекція, составляющая часть придворнаго управленія, имѣетъ исключительную обязанность забавлять столичную публику, почему должна видѣть опасныхъ соперниковъ для себя во всякой

частной антрепризѣ одинаково, касается ли она духовныхъ концертовъ или театра маріонетокъ.

Высочайшій дворъ служилъ у насъ всегда покровителемъ сценическаго искусства; начиная съ царя Алексѣя Михайловича, правительство смотрѣло на роль свою относительно театра, какъ на роль представителя вкуса и умѣнія; оно считало обязанностью затрачивать деньги для поддержанія театровъ на высокой степени совершенства, видя въ нихъ школы изящнаго, содѣйствующія улучшенію нравовъ и разумному препровожденію времени. Точно такъ же смотрятъ на свои отношенія къ театрамъ и другія правительства. Мы видимъ, напримѣръ, что въ Стокгольмѣ, не смотря на бѣдность страны и скромность государственнаго бюджета, шведскій сеймъ охотно отпускаетъ деньги на поддержаніе столичныхъ театровъ, не имѣющихъ возможности держаться на извѣстной высотѣ безъ казенной помощи.

У насъ къ идеѣ монополіи пришли постепенно; съ развитіемъ хищенія началось мало-по-малу ограниченіе частныхъ зрѣлищъ, ограниченіе это никогда, впрочемъ, въ законъ не входило и публика не жаловалась на монополію, пока дирекція до такой степени удовлетворяла потребности въ зрѣлищахъ, что даже содержала нѣсколько лѣтъ на казенный счетъ конный циркъ! Монополія дирекціи стала тягостна лишь при баронѣ Кистерѣ и при немъ она получила свою противозаконную, такъ сказать, постановку.

Въ его представленіи каждый, кто желалъ доставить жителямъ столицы эстетическое наслажденіе при помощи музыки, пѣнія или сценическаго искусства, представлялся нарушителемъ финансовыхъ правъ дирекціи, чѣмъ-то въ родѣ контрабандиста или корчемника по отношенію къ фискальной монополіи казны. Контрабандистовъ искусства не ссылали, правда, въ каторжныя работы, но получить разрѣшеніе на какой нибудь ничтожный концертъ считалось дѣломъ государственной важности. Случалось, что самыя высокопоставленныя лица встрѣчали сухіе отказы дирекціи!

При этомъ еще оказывались необъяснимыя противорѣ-

чія. Концерты запрещались, а правительство въ одномъ Петербургѣ содержало три казенныя школы пѣнія, въ видѣ театральнаго училища, консерваторіи и пѣвческой капеллы; другими словами, уничтожало одною рукою то, что созидало другой. То же противорѣчіе господствовало и во всемъ. Балетъ, требуя большой труппы и роскошной постановки, необходимо требуетъ и большихъ сборовъ, между тѣмъ балету отвели одинъ день въ недѣлѣ, и былъ случай, что съ трудомъ могли отыскать свободный день для генеральной репетиціи новаго балета. Итальянская опера самое дорогое, по нынѣшней цѣнѣ знаменитостей, удовольствіе, а его предложеніе удвоили въ Петербургѣ въ ущербъ не только хореграфическимъ представленіемъ, но даже русской оперѣ, откуда изъ экономіи барона была изгнана Лавровская. Русскій драматическій театръ давно вошелъ въ нравы публики, дирекція легко могла извлекать выгоду изъ этого стремленія. Что же мы видѣли: лучшіе русскіе артисты были изъ-за копѣечныхъ экономій выталкиваемы со сцены, а устроенный второй русскій театръ, такъ называемый Малый, плохимъ репертуаромъ и подборомъ, какъ нарочно, всѣхъ бездарныхъ исполнителей, съ перваго раза, былъ убитъ во мнѣніи сколько нибудь образованной публики.

Мы не говоримъ уже объ иностранныхъ театрахъ. Поддержка ихъ правительствомъ основывается на вѣрной идеѣ, что молодое русское искусство не имѣетъ еще возможности доставить вполнѣ развитому вкусу всей необходимой суммы эстетическихъ наслажденій; поэтому хорошо подобранныя иностранныя труппы могутъ служить наглядною школою и для русскихъ артистовъ, и для русской публики, не имѣющей средствъ ѣздить заграницу. Что же мы видѣли? На средства Двора содержались иностранныя труппы, собранныя изъ ничтожествъ бульварныхъ театровъ, услаждавшихъ заграницею третьесортную публику, ничего общаго съ эстетикою не имѣющую. Хороша школа! Въ осо-

В. А. Кокоревъ.

Нѣтъ народа въ мірѣ съ болѣе короткою памятью, чѣмъ народъ русскій. Это вновь подтвердилось на слѣдующемъ фактѣ: три мѣсяца прошло со смерти Василія Александровича Кокорева (24-го апрѣля 1889 г.) и, кромѣ коротенькихъ некрологовъ, на подобіе тѣхъ, что печатаютъ по смерти интендантскихъ генераловъ и протоіереевъ соборныхъ церквей, ничего объ этомъ замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ не явилось въ газетахъ и журналахъ.

Между тѣмъ, сколько было изъ-за Кокорева въ свое время споровъ и разговоровъ въ обществѣ и печати, да и былъ Кокоревъ человѣкъ замѣчательный по рѣдкому уму, по оригинальности воззрѣній и по широкому добродушію своего характера. Это былъ типъ коренного русскаго человѣка, съ его достоинствами и недостатками,—человѣка, который одновременно былъ не чуждъ утонченнѣйшей цивилизаціи, а крестился двумя пальцами, не прочь былъ заимствовать съ Запада, что тамъ было хорошаго, но вѣрилъ, что Россія страна мужицкая. Кокоревъ пилъ шампанское съ квасомъ и огуречнымъ разсоломъ *). Это характеризуетъ его вкусы, но обожалъ иногда поѣсть съ лотка у прохожей бабы тертаго гороха съ постнымъ масломъ. Уже по наружности съ его рѣдкой по объему головой, гдѣ вѣчно кипѣли новыя мысли, Кокоревъ производилъ впечатлѣніе. Впечатлѣніе это усиливалось, слушая, какъ излагалъ онъ, слегка покашливая (покойный долго страдалъ одышкой), медленно, но красно и остроумно, свои мысли, искусно подбирая, для уясненія ихъ, подходящія словечки и новые обороты. Также хорошо и оригинально писалъ онъ, любя употреблять, благодаря своему воспитанію у какого либо раскольничьяго начетчика, би-

*) Рецептъ этого патріотическаго напитка: на 3/4 шампанскаго 1/4 квасу, а не наоборотъ.

блейскія изреченія. Ужъ, конечно, не Кокоревъ бы призналъ слова Спасителя, какъ покойный графъ Толстой, или, недавно, г. Рубинштейнъ (см. „Новое Время“, № 4800), за „французскую поговорку“!

Слушая разсужденія Кокорева, намъ всегда припоминались тѣ мудрые русскіе люди Московскаго государства, которые безъ всякихъ патентовъ высшихъ курсовъ и права на чинъ IX класса одинаково хорошо давали царю совѣты въ думѣ и на соборахъ, вѣдали его приказы, сидѣли на воеводствѣ на дальнихъ окраинахъ, командовали на войнѣ полками, а если требовалось, то и по дипломатической части не ударяли лицомъ въ грязь при дворѣ Людовика XIV, какъ и при дворѣ богдыхана.

Хотя враги Кокорева называли его „бывшимъ цѣловальникомъ“, но, въ дѣйствительности, онъ былъ сыномъ солигаличскаго купца средней руки, торговавшаго солью; мать его была женщина рѣдкихъ качествъ и даже въ старости Кокоревъ внимательно слушалъ ея совѣты. Получивъ весьма малое образованіе, онъ смолоду занялся торговыми дѣлами и на нихъ-то пріобрѣлъ необходимую въ жизни опытность; книжныя знанія онъ пополнилъ впослѣдствіи. Будущая карьера его выяснилась, когда въ 1843 г. Кокоревъ сдѣлался повѣреннымъ одного откупщика и въ 1844 г. черезъ С. П. Шипова подалъ записку о преобразованіи откуповъ, обратившую на себя вниманіе правительства. Шиповъ былъ тогда казанскимъ губернаторомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, негласнымъ откупщикомъ, каковыхъ было много въ то время въ нашей высшей администраціи. У Шипова, человѣка честнаго и благонамѣреннаго, была страсть къ проектамъ (чѣмъ онъ впослѣдствіи одолѣвалъ Москву) и онъ радъ былъ принять подъ свое покровительство молодого прожектера.

Кокоревъ, желая, какъ онъ выражался въ проектѣ, „придать торговлѣ виномъ увлекательное направленіе въ разсужденіе цивилизаціи“, просилъ отдать ему въ распоряженіе одинъ неисправный откупъ, предлагая на мѣстѣ до-

казать, какъ выгодна его система питейнаго дохода. Для производства опытовъ былъ выбранъ Орелъ, куда и отправился хозяйничать Кокоревъ на правахъ откупного комиссіонера. Опытъ оказался очень выгоднымъ, его повторили для разныхъ неисправныхъ откуповъ, а затѣмъ проектъ Кокорева обратился въ законъ, подъ названіемъ „Положеніе объ акцизно-откупномъ коммиссіонерствѣ". Система эта просуществовала, начиная съ 1847 года, шестнадцать лѣтъ.

Имѣя въ виду, что питейный доходъ составлялъ болѣе 45% бюджета и что финансисты наши не утруждали тогда мозговъ изобрѣтеніемъ новыхъ налоговъ, Министерство Финансовъ увлеклось системою Кокорева и молодой откупщикъ сталъ играть въ Петербургѣ роль. Вронченко совѣтовался съ нимъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, что и дало поводъ князю Меншикову съострить, будто онъ коммерціи совѣтника Кокорева сдѣлалъ *тайнымъ* совѣтникомъ *). Подобной же политики держался и преемникъ Вронченки—Брокъ.

Въ такомъ положеніи Кокоревъ естественно сталъ первенствовать въ вліятельномъ кругу нашихъ откупщиковъ. Торги на откупа, производившіеся въ Сенатѣ, были всегда только комедіей, важнѣйшую роль играли „домашніе торги", гдѣ откупщики распредѣляли между собою города Россіи. Вотъ тутъ-то Кокоревъ и проявлялъ свое вліяніе, и къ нему обращались, какъ къ оракулу, хотя откупная среда изобиловала людьми энергичными и умными, подобно Бенардаки и др., достигшими богатства собственными трудами и талантами.

При добродушіи и щедрости блестящія условія, давав-

*) По этому поводу надобно замѣтить, что, по примѣру многихъ дѣльцовъ, Кокоревъ за свое богатство могъ бы легко получить генеральскій чинъ. Но онъ въ купеческомъ „чинобѣсіи" справедливо видѣлъ „смѣхотворный комизмъ, исполненный глубокаго горя объ утратѣ понятій о человѣческомъ достоинствѣ и одну изъ причинъ нашего экономическаго провала".

шія возможность ворочать милліонами, создали Кокореву исключительное положеніе. Онъ изображалъ какого-то Гарунъ-Аль-Рашида, защитника угнетенныхъ и общаго благодѣтеля. Кто только не обращался къ нему за деньгами, а многимъ на встрѣчу шелъ онъ самъ. Разсказываютъ, что въ Москвѣ, глядя въ окошки и замѣтивъ, что у какого-то проходившаго чиновника грустная физіономія, Кокоревъ приказалъ пригласить его и, узнавъ о причинахъ грусти, въ утѣшеніе выдать изъ конторы тысячу рублей. Одинъ уланскій маіоръ проигралъ 30,000 руб. и собрался уже застрѣлиться, предварительно поѣхалъ, однако, къ Кокореву. Тотъ, замѣтивъ, что уланъ боекъ на словахъ, не только приказалъ внести проигранныя деньги въ полковой ящикъ, но и далъ маіору рекомендацію къ таганрогскому откупщику Алфераки. Изъ маіора вышелъ потомъ извѣстный на югѣ откупщикъ и банковый дѣятель.

О щедрости Кокорева сложились цѣлыя легенды, а для бѣдняковъ до конца жизни карманы его всегда были набиты бумажками. Разработку березовскихъ золотыхъ промысловъ онъ велъ въ явный убытокъ потому только, что не хотѣлъ лишить средствъ къ жизни стараго управляющаго. Но не одну нищую братію и бывшихъ откупныхъ служащихъ поощрялъ Кокоревъ. Въ моментъ своего богатства онъ игралъ и роль мецената. Ему, строго говоря, обязанъ возникновеніемъ такъ называемый „русскій стиль", существенно отличавшійся отъ русскаго стиля, сочиненнаго нѣмцемъ Тономъ, по повелѣнію Николая Павловича. Чуть ли не первый Кокоревъ поставилъ на столъ своего кабинета золотой лапоть, а съ этого лаптя началось изученіе народнаго художества, которое открыло нашему искусству новые горизонты.

Кокоревъ усердно поощрялъ труды по этой части артистовъ и архитекторовъ, сооружая по новымъ идеямъ разные дома, громадную гостинницу въ Москвѣ (Кокоревское подворье) и свои дачи въ Ушакахъ. Гостинница эта, стоившая слишкомъ $2^1/_2$ милліона, была вмѣстѣ съ

тѣмъ и товарнымъ складомъ; она явилась ранѣе, чѣмъ начали возникать заграницею такъ называемыя „Grand-Hôtel'и".

Въ Ушакахъ Кокоревъ тщетно думалъ умыть и прикрасить нашу сѣверную природу. Подъ конецъ жизни онъ еще думалъ о русскихъ художествахъ и устроилъ на свой счетъ Владиміро-Маріинскій пріютъ для русскихъ живописцевъ, на истокѣ рѣки Мсты, около Вышняго Волочка, находя, что природа Тверской губерніи должна скорѣе вдохновлять нашихъ будущихъ Рафаелей, нежели виды римской Кампаньи.

Эпоха Крымской войны, когда, по совѣту Кокорева, откупа были сданы на новое четырехлѣтіе безъ торговъ, была временемъ наибольшаго значенія Кокорева. По окончаніи войны, Кокоревъ обратилъ на себя вниманіе торжественной встрѣчей, организованной возвращавшимся остаткамъ черноморскихъ моряковъ, когда представители московскаго купечества въ ноги поклонились защитникамъ Севастополя, а откупъ разрѣшилъ героямъ три дня пить безданно и безпошлинно*).

Уваженіе къ храбрымъ не дѣлало, однако, изъ Кокорева почитателя завоевательной политики. Горцевъ онъ остроумно предлагалъ князю Барятинскому замирить не оружіемъ, а распространеніемъ употребленія самоваровъ. О послѣдней же Восточной войнѣ писалъ философски: „Историкъ Россіи будетъ удивленъ тѣмъ, что мы растеряли свою финансовую силу на самое, такъ сказать, ничтожное дѣло, отправляясь въ теченіе XIX столѣтія, по два раза въ каждое царствованіе, воевать съ какими-то турками, какъ будто эти турки могли когда нибудь придти къ намъ въ видѣ наполеоновскаго нашествія. Покойное и правильное развитіе русской силы въ смыслѣ экономическомъ и финансовомъ

---

*) Десять лѣтъ позже онъ стоялъ во главѣ лицъ, оказавшихъ въ Москвѣ не менѣе гомерическій по размѣру гостепріимства пріемъ американскому посольству Фокса.

безъ всякихъ походовъ подъ турку (говоря солдатскимъ языкомъ), порождавшихъ на театрѣ войны человѣкоубійство, а дома—обѣднѣніе въ денежныхъ средствахъ, произвело бы гораздо большее давленіе на Порту, чѣмъ напряженныя военныя дѣйствія"... Врагомъ Россіи и славянства Кокоревъ считалъ не Турцію, а Австрію.

Общее оживленіе и пробужденіе общественнаго мнѣнія послѣ Крымской войны встрѣтили и въ Кокоревѣ горячаго сторонника. Журналы подсмѣивались надъ либерализмомъ откупщика и въ шутку называли его „русскимъ Лафитомъ". Щербина находилъ, что на Кокорева, какъ на Перозіо, нѣтъ и риѳмы въ русскомъ языкѣ, чтобы достойно воспѣть ихъ дѣянія. Кокоревъ произнесъ въ англійскомъ клубѣ, (28-го декабря 1857 г.), въ защиту освобожденія крестьянъ, рѣчь, напугавшую графа Закревскаго и III отдѣленіе, и издалъ нѣсколько брошюръ о нуждахъ Россіи, между прочимъ пресловутый „Милліардъ въ туманѣ". Эта кличка такъ и осталась за нимъ въ Москвѣ.

Не ограничиваясь брошюрами и статьями въ газетахъ, Кокоревъ шелъ и во главѣ тогдашней акціонерной дѣятельности. Такъ, онъ взялся за постройку Волго-Донской дороги, которая осуществила идею Петра Великаго, соединить два великихъ водныхъ пути, и содѣйствовалъ учрежденію Русскаго Общества пароходства и торговли. Акціи этого предпріятія, дающаго теперь свыше 30% дивиденда, тогда чуть не силою навязывались Кокоревымъ городскимъ головамъ всѣхъ губернскихъ городовъ, подъ предлогомъ ихъ патріотической цѣли, сохранить русскихъ моряковъ на Черномъ морѣ. Самъ Кокоревъ рискнулъ взять этихъ акцій на полмилліона.

Наибольшая же заслуга останется за Кокоревымъ въ томъ, что онъ за пять лѣтъ ранѣе американцевъ оцѣнилъ пользу нефти, какъ средства для полученія дешеваго освѣщенія. По указаніямъ знаменитаго химика Либиха, онъ устроилъ въ 1857 году на вѣчныхъ сураханскихъ огняхъ заводъ для извлеченія изъ нефти фотонафтиля — освѣти-

тельнаго масла, соотвѣтствующаго керосину. „Закаспійское торговое товарищество“, имѣвшее цѣлью эксплоатацію бакинскихъ нефтяныхъ источниковъ, задалось вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіемъ русской торговли съ Персіей. Торговля эта принесла для Кокорева убытки вслѣдствіе неразсчетливыхъ дѣйствій Торнау, бывшаго главноуправляющимъ (впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта). Нефтяное дѣло также долго не развивалось не по винѣ Кокорева, потому что до 1872 года кавказская администрація упорно отстаивала откупъ съ нефти, почему послѣдняя продавалась на мѣстѣ, вмѣсто 2—3 коп., свыше рубля за пудъ.

Главныя занятія Кокорева въ это время были все-таки въ откупахъ: по его проекту съ 1859 г. былъ уничтоженъ чарочный откупъ въ большинствѣ привилегированныхъ губерній. Но откупъ вообще уже доживалъ послѣдніе дни. Обличительная литература конца 50-хъ годовъ громила откупа отчасти потому, что цензура сурово оберегала другія отрасли общественной жизни, откупа же были обречены смерти Высочайшимъ повелѣніемъ 6-го марта 1858 г. Но если посличить откупныя злоупотребленія, хотя бы, напр., описанныя, въ надѣлавшемъ въ свое время столько шуму романѣ „Откупное дѣло“, съ послѣдующими злоупотребленіями по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, по расхищенію 1½ милл. десятинъ башкирскихъ земель, по снабженію арміи въ 1877 г. продовольствіемъ, то можно ихъ признать сравнительно дѣтскими забавами.

Кокоревъ само собою отстаивалъ откупа, онъ хотѣлъ вновь преобразовать ихъ и для привлеченія правительства на сторону откупа соединить съ постройкою желѣзныхъ дорогъ, для чего вмѣстѣ съ Бенардаки, Капгеромъ, Мамонтовымъ, Рукавишниковымъ, Горбовымъ и др. крупными откупщиками проектировалъ онъ, въ 1862 г., „Агентство по питейному сбору и товарищество для сооруженія желѣзныхъ дорогъ“.

Хотя возможность полнаго осуществленія означеннаго проекта сомнительна, но онъ вовсе не былъ столь фанта-

стичнымъ, какъ тогда показалось. Извѣстно, что на одномъ перекурѣ правительство потеряло при акцизной системѣ около 500 милліоновъ рублей—сумму достаточную для постройки 10—12,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Пріемъ, сдѣланный проекту Кокорева, былъ самый холодный, никто изъ министровъ не хотѣлъ входить въ подробности проекта и слышать доказательства возможности построить дороги домашними средствами, а равно слышать указанія на вредъ отъ размноженія кабаковъ при акцизной системѣ.

Вынужденный внезапно ликвидировать свои дѣла послѣ того, какъ послѣднее четырехлѣтіе откуповъ не оправдало преувеличенныхъ ожиданій, заставившихъ на торгахъ возвысить цѣны*), Кокоревъ, состояніе котораго цѣнилось тогда въ 7 милліоновъ, подобно многимъ другимъ откупщикамъ, увидалъ свои дѣла запутанными. Онъ расплатился съ казною, отдавъ за полцѣны свое московское подворье, и снова принялся за новые проекты. Однимъ изъ первыхъ была аренда у казны Николаевской желѣзной дороги группою московскихъ капиталистовъ. Не смотря на поддержку министра путей сообщенія Мельникова, не смотря на огромное большинство голосовъ въ особомъ совѣщаніи, собранномъ у покойнаго государя, по настоянію г. Рейтерна, Николаевская дорога была отдана Главному Обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Послѣдствія этой отдачи извѣстны.

Голодъ, постигшій Россію въ 1867 году, впечатлѣніе котораго хотѣло было скрыть Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, привлекъ вниманіе Кокорева; онъ былъ душою комитета по поданію помощи голодающимъ, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Кокоревъ и придалъ этому комитету практическое направленіе.

Несравненно болѣе важное значеніе имѣло устройство

*) Борьба между откупщиками достигла на этихъ торгахъ до гомерическихъ размѣровъ: знаменитый откупщикъ Бенардаки упалъ даже въ обморокъ въ Сенатѣ, увидя, что Николаевская дорога или Восточная Сибирь, не помнимъ, что именно, досталась сопернику.

„Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка". До того у насъ были въ провинціи, кромѣ ростовщиковъ, только погрязшія въ чиновничьей рутинѣ отдѣленія Государственнаго Банка, да и въ Петербургѣ единственнымъ частнымъ банкомъ былъ Частный Коммерческій, походившій въ рукахъ г. Брандта скорѣе на контору братьевъ Елисѣевыхъ. По примѣру Волжско-Камскаго Банка, греки въ С.-Петербургѣ устроили Учетный и Ссудный Банкъ, евреи—Международный Банкъ, москвичи тоже увлеклись банковымъ дѣломъ и дѣло частнаго кредита было прочно поставлено въ Россіи въ короткій относительно срокъ. Кто знаетъ, какъ мнительны наши купцы, а особенно московскіе, какъ неохотно и недовѣрчиво относятся они къ новымъ предпріятіямъ, тотъ пойметъ, какихъ усилій требовалось Кокореву для устройства банка, тѣмъ болѣе, что всѣ знали о потеряхъ Кокорева по послѣднему откупу. — „Москвичъ,—говорилъ какъ-то Кокоревъ,—если покупаетъ сыромятную кожу, то ему мало ее посмотрѣть и понюхать, а надобно ее и пожевать". Помогалъ Кокореву въ устройствѣ банка г. Губонинъ, находившійся тогда въ зенитѣ своей славы. Разговаривать съ московскими толстосумами вообще было секретомъ Кокорева; ему не требовалось для этого выпиванія десятка самоваровъ. Кромѣ знанія характера москвичей, содѣйствовало Кокореву его раскольничество, почему московскіе оракулы Морозовъ, Солдатенковъ, Хлудовы были всегда на его сторонѣ.

Новый банкъ снова далъ возможность Кокореву занять прочное положеніе въ числѣ нашихъ капиталистовъ, хотя, по справедливости, надобно сказать, что связь его съ банкомъ стала уже настолько тѣсною, что затѣмъ потребовалось содѣйствіе Государственнаго Банка, чтобы разорвать ее безъ особаго ущерба для казны. Видя, что въ Россіи все страховое дѣло въ рукахъ заграничныхъ нѣмцевъ и что варрантная операція у насъ не существуетъ, вслѣдствіе отсутствія спеціально устроенныхъ товарныхъ складовъ, Кокоревъ убѣдилъ московскихъ капиталистовъ устроить „Сѣверное Общество страхованія товарныхъ складовъ съ вы-

дачею варрантовъ". Въ управленіи дѣлами этого Общества, утвержденнаго съ величайшими препятствіями со стороны кредитной канцеляріи, принимали участіе М. П. Кауфманъ, М. Е. Ковалевскій, И. Я. Голубевъ, И. И. Кенигъ, душою дѣла былъ В. А. Полетика. Поэтому, можетъ быть, оно и не пошло сначала, такъ какъ Полетика былъ прекрасный ораторъ, но вовсе не дѣлецъ.

Желѣзныя дороги также не остались безъ вниманія Кокорева. Въ товариществѣ съ Губонинымъ взялся онъ за постройку Уральской горнозаводской линіи съ Луньевской вѣтвью и это была одна изъ немногихъ попытокъ построить у насъ большую желѣзную дорогу въ интересахъ русской промышленности, а не по стратегическимъ соображеніямъ и въ интересахъ прусскихъ портовъ. Выстроена Уральская дорога отлично, и дала Кокореву возможность поправить свои денежныя дѣла. Обстоятельства перемѣнились и Губонинъ въ это время уже искалъ помощи Кокорева.

Кокоревъ задумывалъ также, по примѣру Русскаго Общества пароходства и торговли, устроить огромное общество для пароходныхъ сношеній Балтійскаго моря съ Америкой. Онъ ѣздилъ въ Москву и собралъ по подпискѣ капиталъ.—„На радостяхъ, разсказывалъ онъ, К—ъ и С—ъ повезли насъ къ цыганкамъ и кутили до утра, и такъ открылось трансатлантическое русское общество подъ фирмою „Океанъ"! Къ сожалѣнію, Министерство Финансовъ отказало задуманному Обществу въ помильной платѣ и далѣе московскихъ цыганъ оно не плавало.

Занимался Кокоревъ, какъ мы говорили, и золотымъ дѣломъ на Уралѣ. Онъ преобразовалъ, въ 1873 г., свое нефтяное дѣло въ „Бакинское нефтяное Общество", которое осталось его главнымъ занятіемъ до самой смерти. Послѣднимъ предпріятіемъ покойнаго былъ проектъ учрежденія „Каспійскаго коммерческаго банка" для нуждъ нефтяной промышленности и Закаспійскаго края. Все было готово, чтобы старанія его увѣнчались успѣхомъ: собранъ былъ капиталъ и написанъ уставъ банка, но смерть по-

мѣшала осуществиться этому дѣлу. Вмѣстѣ съ этимъ онъ не оставлялъ своимъ вниманіемъ общественныя дѣла и литературу. Желая устранить зависимость нашу отъ заграничныхъ телеграфныхъ агентствъ, онъ сдѣлался учредителемъ и главнымъ пайщикомъ „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“, которое, какъ извѣстно барышей не даетъ. Видя, рядомъ съ непомѣрнымъ усиленіемъ пьянства, разореніе, вслѣдствіе акцизной системы, земледѣлія и скотоводства въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, Кокоревъ занялся проектомъ такой реформы акцизнаго сбора, которая воскресила бы мелкое сельско-хозяйственное винокуреніе. Онъ горячо защищалъ свой проектъ въ печати и ученыхъ обществахъ, но акцизное вѣдомство осталось глухо.

Досаду свою на эту неудачу, а равно замѣчанія о многихъ другихъ нашихъ экономическихъ неполадкахъ Кокоревъ изложилъ въ „Русскомъ Архивѣ“, въ рядѣ статей, собранныхъ затѣмъ въ отдѣльную книгу подъ заглавіемъ: „Экономическіе провалы по воспоминаніямъ съ 1837 года“. Цѣль книги была объяснить, какъ „русская народная жизнь искалѣчивалась, на нее надвигались тучи бѣдности и лишеній, не смотря на блестящую внѣшность офиціальной Россіи“. И по языку, и по содержанію это весьма замѣчательное произведеніе, которое не пріобрѣло широкой популярности потому только, что покойный, избѣгая упрека во фрондерствѣ, препятствовалъ распространенію собственнаго сочиненія. Книга не осталась, впрочемъ, незамѣченною и вызвала полемику съ Полетикой на страницахъ того же „Архива“.

„Экономическіе провалы“ несомнѣнно содержатъ очень много дѣльнаго, заслуживающаго полнаго вниманія русскихъ государственныхъ людей. Ошибка Кокорева та, что онъ, какъ человѣкъ, главнымъ образомъ практическій, строитъ, хотя и съ большою проницательностью, свои выводы исключительно на тѣхъ явленіяхъ, которыя у него совершались или совершаются передъ глазами. Кокоревъ того мнѣнія, что Западная Европа намъ не указъ и что

въ Россіи мы должны дѣйствовать, стоя исключительно на народной почвѣ и присматриваясь къ русскимъ интересамъ. Это мнѣніе, вообще справедливое, требуетъ, однако, поправки. Какъ ни своеобразна Россія, она все-таки имѣетъ много общаго съ другими странами. Еслибы Кокоревъ пожелалъ посмотрѣть поближе, то увидалъ бы, что совершенно однородныя явленія происходили и въ другихъ странахъ Европы, Америки и Востока, и то, что ему кажется присуще только русскому народу, не чуждо и многимъ другимъ. Поэтому въ заботливости о русскихъ интересахъ намъ изобрѣтать какую-то исключительно русскую политическую экономію нечего, — это была бы лишь варіація извѣстной поговорки: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть". Впрочемъ, на практикѣ Кокоревъ, какъ мы видѣли, одинъ изъ первыхъ примѣнялъ въ Россіи и банки, и желѣзныя дороги, и пароходство, и нефтяное освѣщеніе, и страхованіе—все заморскія выдумки — не справляясь съ ихъ происхожденіемъ.

А признавая пользу для Россіи подобныхъ выдумокъ, нельзя серьезно считать, напримѣръ, какъ Кокоревъ, бѣдствіями хлопчато-бумажную промышленность, морской привозъ чая и уничтоженіе лажа на ассигнаціи.

По мнѣнію Кокорева, всѣ наши бѣды произошли отъ „духоугашенія" здравыхъ народныхъ мыслей, безъ которыхъ достиженіе благосостоянія никогда не можетъ осуществиться. Право свое давать совѣты онъ основывалъ на томъ, что „выраженіе на землѣ и высокихъ небесныхъ тайнъ было ввѣрено грубымъ, простымъ душамъ, оставившимъ намъ завѣтъ: *не угашать духа, въ немъ бо сила!*"

Ближайшія причины экономическаго неустройства Кокоревъ основательно видѣлъ въ торжествѣ фритредерскихъ идей, свирѣпствовавшихъ у насъ съ 1857 по 1880 гг. Ложно понятая и дурно переваренная русскими головами политическая экономія натворила кутерьмы. „Сколько такихъ сбитыхъ съ толку (политической экономіей) людей попали впослѣдствіи на вліятельныя финансовыя мѣста!

восклицаетъ Кокоревъ. И начали эти люди направлять экономическую жизнь Россіи по указаніямъ Мишелей Шевалье, Адамовъ Смитовъ и т. д., и зарыдали наши Трифоны, Прохоры, Матрены и Лукерьи, а затѣмъ надѣли на себя суму и пошли смиренно по-міру питаться подаяніемъ"...

По мнѣнію Кокорева — „было бы во сто разъ полезнѣе замѣнить каѳедры политической экономіи и статистики каѳедрою изученія русской избы и разъяснить простой вопросъ, что если деревня богата своими домовными произведеніями, тогда и волость богата, а когда всѣ волости богаты, тогда—и *только тогда* богата и вся Россія"...

Исчисляя съ грустью провалы, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, Кокоревъ вѣрилъ, однако, въ будущее исцѣленіе Россіи. „Вѣрую, писалъ онъ, въ то, что надъ Россіей совершится исполненіе изреченія: „въ скорби моей распространилъ мя еси". На вопросъ, что же намъ нужно для этого исцѣленія, онъ говоритъ, что на него можно отвѣтить одной строкой: „нужно хотя бы восьмушку Бисмарка". Совершенно вѣрная мысль, потому что сто милліонный народъ требуетъ крѣпкаго руководительства. Къ сожалѣнію, характеры-то рѣже всего и встрѣчаются въ русской интеллигенціи.

Умеръ Кокоревъ отъ болѣзни сердца. И похороны этого человѣка были оригинальны. Такъ какъ онъ принадлежалъ къ безпоповской поморской сектѣ, то отпѣвать его явились какіе-то джентельмены въ длиннополыхъ поддевкахъ и служили безконечныя службы. Въ день похоронъ обѣдня началась, говорятъ, въ 5 часовъ утра и длилась до полудня. Кокоревъ лежалъ въ выдолбленномъ, а не въ сколоченномъ гробу. Похоронили его на охтенскомъ старообрядческомъ кладбищѣ. Все свое, все-таки весьма значительное, состояніе онъ, по старому русскому обычаю, во избѣжаніе дробленія, завѣщалъ въ полное распоряженіе жены.

Послѣ Кокорева навѣрное остался огромный архивъ его письменныхъ сношеній со всѣми выдающимися лицами въ Россіи за послѣднее время. Наслѣдники покойнаго ока-

зали бы услугу отечественной исторіи, поручивъ кому либо толковый разборъ означенныхъ документовъ. Это было бы данью уваженія и къ памяти Кокорева, дѣла котораго мы могли перечислить выше только весьма бѣгло и настолько, насколько сохранились они у насъ въ воспоминаніяхъ. И, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, дѣлъ, этихъ и весьма крупныхъ, какъ видимъ, было не мало.

Имѣя огромныя достоинства, Кокоревъ имѣлъ и недостатки людей, пробившихся своими трудами. Онъ былъ очень высокаго о себѣ мнѣнія, почему любилъ лесть, а потому нерѣдко покровительствовалъ ничтожествамъ. Съумѣвъ отыскать не мало людей дѣльныхъ, онъ подчасъ выбиралъ себѣ такихъ помощниковъ и упорно ихъ отстаивалъ, что невольно приводилъ въ изумленіе. Онъ, подобно многимъ, полагалъ, что русскій человѣкъ на все способенъ—офицеру или живописцу поручалъ онъ банковую контору, моряку давалъ завѣдываніе добычею нефти и т. д. За то самъ первый посмѣивался надъ своимъ выборомъ. „Служащихъ не нужно дѣлать ангелами, цинически говорилъ онъ, а то у нихъ выростутъ крылушки и они улетятъ на небо, а мы останемся ни съ чѣмъ“... Ворочая постоянно милліонами, да еще чужими, Кокоревъ мало-по-малу утратилъ, такъ сказать, денежную перспективу и только, кажется, на милліоны и считалъ. Ширина его натуры въ особенности замѣтна была въ игрѣ въ карты, особенно въ горку. Къ числу его увлеченій надобно отнести и любовь къ домостроительству, гдѣ онъ всегда далеко выходилъ изъ своихъ первоначальныхъ смѣтъ.

Какъ бы тамъ ни было, но наше купеческое сословіе мало выставило людей, которые могли бы равняться съ Кокоревымъ „игрой ума“, талантами и характеромъ, да и немного по всей Россіи за полстолѣтіе сыщется людей такого калибра. Въ какой угодно странѣ онъ былъ бы замѣтенъ. Молва неоднократно указывала на него, подчасъ и въ шутку, какъ на кандидата въ министры финансовъ. Не знаемъ, оказался ли бы онъ на мѣстѣ въ этой долж-

ности, при той снисходительности и подчасъ неразборчивости, которую проявлялъ въ выборѣ подчиненныхъ, но что изъ Кокорева вышелъ бы превосходный министръ русской торговли и промышленности — мы нисколько не сомнѣваемся. Рѣдкій человѣкъ такъ хорошо зналъ нужды Россіи и ея народный характеръ, угадывалъ потребности минуты и вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ простыя и практическія рѣшенія. Жаль, что Кокорева не попробовали сдѣлать хотя членомъ Государственнаго Совѣта: онъ навѣрное игралъ бы тамъ роль, разоблачая безъ труда пустоту бюрократическихъ затѣй. „Кто не знаетъ, говоритъ Кокоревъ въ своихъ „Провалахъ“, что большинство законопроектовъ исходитъ не изъ потребности жизни, а изъ желанія пишущихъ лицъ создать для себя служебную карьеру“.

Е. и. в. Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Именной указъ возвѣстилъ о тяжелой болѣзни е. и. в. великаго князя Константина Николаевича. Окончательное удаленіе его отъ дѣлъ составляетъ событіе, важность котораго будетъ, безъ сомнѣнія, оцѣнена по достоинству. Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ его высочество игралъ самую видную роль въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, а повременамъ, особенно въ періодъ 1856—1862 г., ему принадлежало даже первенствующее значеніе.

Одаренный блестящими способностями и энергическимъ характеромъ и получивъ, подъ руководствомъ нашего славнаго мореплавателя графа Литке, солидное воспитаніе, подкрѣпленное многими путешествіями, великій князь Константинъ Николаевичъ еще въ юныхъ лѣтахъ занялся государственными дѣлами; близкое положеніе къ престолу очень быстро расширило кругъ его дѣятельности.

Великій князь Константинъ Николаевичъ памятенъ для русскаго общества, какъ наиболѣе видный представитель преобразовательной эпохи конца 1850-хъ годовъ. Эти первые годы царствованія Александра II отошли уже къ исторіи, но всѣ помнятъ, какъ Россія ожила тогда точно послѣ вѣкового сна, послѣ тяжкой нравственной болѣзни, которая угнетала ея духъ и, по счастливому выраженію поэта, наполняла мерзостью „всѣ отправленія" ея жизни:

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

Кто не увлекался тогда общимъ освободительнымъ движеніемъ, кто не сознавалъ необходимости реформъ? Достаточно припомнить, что и Катковъ находился тогда въ числѣ наиболѣе рьяныхъ либераловъ.

Въ эту эпоху русскаго „возрожденія" имя великаго князя Константина Николаевича было у всѣхъ на устахъ. Живой умъ и молодая энергія, а вмѣстѣ близость къ престолу и уваженіе, которое питалъ къ своему брату покойный государь императоръ, опредѣлили великому князю Константину Николаевичу мѣсто во главѣ, такъ сказать, прогрессивной партіи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, хотя первоначально, судя по характеру великаго князя, его въ С.-Петербургѣ считали сторонникомъ традицій Николаевскаго времени.

Великій князь первый обратился къ содѣйствію нашей литературы. По его ходатайству было снято возмутительное запрещеніе издавать вновь сочиненія Гоголя. Онъ привлекъ къ дѣятельности по морскому министерству Гончарова, Писемскаго, Григоровича, Максимова, Афанасьева-Чужбинскаго и др. „Морской Сборникъ", благодаря тому, что офиціальныя изданія были независимы отъ тисковъ тогдашней цензуры, сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ

органовъ. Здѣсь Пироговъ могъ свободно проводить свои широкія воззрѣнія на воспитаніе.

Первоначально великій князь болѣе всего времени и трудовъ посвящалъ морскому вѣдомству. То, что, такъ сказать, перерабатывалось въ общественномъ сознаніи и въ литературѣ, великій князь Константинъ Николаевичъ проводилъ въ своемъ вѣдомствѣ на практикѣ *). Уже во время Крымской войны командовалъ онъ балтійскимъ флотомъ и, по слухамъ, энергически высказывался противъ уступокъ, сдѣланныхъ по Парижскому трактату и состоявшихъ въ уничтоженіи славнаго черноморскаго флота. Положеніе, въ которомъ, послѣ испытаній Крымской войны, находилась у насъ морская часть, было поистинѣ плачевнымъ. Подъ вліяніемъ его высочества нашъ флотъ изъ паруснаго сдѣлался паровымъ, а въ администраціи было совершено множество преобразованій, послужившихъ потомъ образцомъ для другихъ министерствъ. По иниціативѣ великаго князя былъ сокращенъ личный составъ береговыхъ командъ, упрощено дѣлопроизводство, устроена эмерительная касса и заведены (по мысли адмирала Рикорда**) вновь морскія сношенія съ Японіей. Онъ энергически содѣйствовалъ также учрежденію Русскаго общества пароходства и торговли,

*) Замѣчателенъ циркуляръ, въ видѣ письма великаго князя къ управляющему Морскимъ Министерствомъ Ф. П. Врангелю, 26 ноября 1855 г., о томъ, что въ отчетахъ по морскому вѣдомству онъ требуетъ „въ особенности откровеннаго и глубокообдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ“. При этомъ въ циркулярѣ былъ цѣликомъ цитированъ отрывокъ изъ „одной весьма замѣчательной записки о нынѣшнихъ тяжкихъ обстоятельствахъ Россіи“, гдѣ между прочимъ говорилось: „Сверху блескъ, внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего официальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками, но кто изъ официальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочіе“. Записка эта была представлена П. А. Валуевымъ.

**) Рикордъ и былъ разбитъ параличемъ, будучи свидѣтелемъ, какъ въ іюнѣ 1854 г. великій князь чуть не потонулъ въ морѣ, катаясь со своими адъютантами въ американской лодкѣ новаго устройства.

еще въ февралѣ 1856 г. представивъ государю записки о необходимости сохранить остатки черноморскихъ моряковъ при помощи большого пароходнаго общества на югѣ Россіи.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній во флотѣ, до котораго еще не дошла до сихъ поръ Англія, — составляетъ одинъ изъ смѣлыхъ шаговъ великаго князя Константина Николаевича. Эта реформа послужила началомъ измѣненія въ болѣе гуманномъ направленіи всего нашего уголовнаго законодательства.

Реформаторская дѣятельность императора Александра II встрѣтила вообще въ великомъ князѣ самую горячую поддержку. Исторія только современемъ получитъ возможность оцѣнить вполнѣ то вліяніе, которое имѣли въ то время во многихъ случаяхъ совѣты и участіе великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны. Около этихъ лицъ группировалось все, что было живого въ высшихъ сферахъ, все, что боролось и протестовало противъ вѣкового обскурантизма и произвола. Въ особенности важное вліяніе великаго князя сказалось въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. По свидѣтельству А. Е. Тимашева, до вступленія на престолъ покойный государь былъ противъ освобожденія крестьянъ; его подвинули къ этому слова умиравшаго императора Николая Павловича: „гораздо лучше чтобы это произошло сверху, а не снизу“, которыя Александръ II повторилъ потомъ московскому дворянству. Изъ словъ г. Тимашева видно также, что извѣстный рескриптъ ген.-ад. Назимову былъ сочиненъ въ Мраморномъ дворцѣ. Члены секретнаго комитета, учрежденнаго въ 1857 г. по крестьянскому дѣлу, не менѣе другихъ были удивлены появленіемъ этого документа. До послѣдней минуты великій князь отстаивалъ проектъ крестьянской реформы противъ вліятельной партіи обломковъ предыдущаго царствованія: князей Долгорукова, Гагарина, Меншикова и др., продолжая ту же политику въ Главномъ комитетѣ по устройству сельскаго

состоянія, отъ его основанія (19 февраля 1861 г.) по день закрытія (25 мая 1882 г. *).

Подобно большей части русскаго общества, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что дальнѣйшее существованіе крѣпостного права повело бы за собой разложеніе всего государственнаго и общественнаго нашего строя. „Машина, пишетъ Я. А. Соловьевъ въ своихъ запискахъ, была слишкомъ стара и испорчена; сознаніе въ ея непригодности было общее; средствъ и матеріаловъ къ ея исправленію не было. Тѣ, которыя употреблялись при Екатеринѣ, Александрѣ I, Николаѣ, уже не годились, а новыхъ, кромѣ освобожденія крестьянъ, нельзя было придумать. Этимъ объясняется неуспѣхъ крѣпостной оппозиціи".

Важно было еще не только освобожденіе, но и способъ его осуществленія. Была средняя партія, съ А. И. Левшинымъ во главѣ, предлагавшая иниціативу дѣла поручить дворянству, но опытъ освобожденія крестьянъ остзейскихъ и польскихъ былъ у всѣхъ передъ глазами. Мартинъ Баденьи, министръ юстиціи въ Царствѣ Польскомъ, остроумно сказалъ, что „конституція 1807 года сняла съ польскихъ крестьянъ оковы, но вмѣстѣ съ оковами сняла съ нихъ и сапоги". Великій князь, заботясь о сохраненіи и сапоговъ, стоялъ за освобожденіе съ землею и мало довѣрялъ главнымъ дѣятелямъ реформы.—„Ну, Сергѣй Степановичъ, сказалъ онъ Ланскому, на этой тройкѣ (гр. Панинъ, Муравьевъ и Ростовцевъ **) вы далеко не уѣдете".

---

*) Душою этого комитета былъ С. М. Жуковскій, о значеніи котораго мы уже говорили. Этотъ очень либеральный чиновникъ отличался усидчивымъ трудолюбіемъ, настойчивостью въ преніяхъ при должной сдержанности и ловкою редакціею. Такъ мимоходомъ онъ всѣ нѣдра надѣловъ отдалъ крестьянамъ. Редакцію крестьянскихъ положеній мѣтко характеризовалъ г. Бартеневъ: „Законъ, опредѣлявшій судьбу безграмотныхъ людей, написанъ такъ, что и грамотный человѣкъ затруднялся понимать его".

**) Объ отношеніяхъ Муравьева къ эмансипаціи мы уже говорили. Онъ имѣлъ тогда гораздо менѣе вліянія, чѣмъ казалось; чтобы избавиться отъ противнаго ему директора Заблоцкаго-Десятовскаго—заяд-

Въ началѣ вліяніе его еще колебалось. Такъ, во время отпуска заграницу, въ 1858 г., чуть было не прошелъ реакціонный проектъ раздѣлить всю Россію на генералъ-губернаторства. Онъ былъ оставленъ государемъ лишь по прочтеніи записки, составленной калужскимъ губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ, прогрессистомъ изъ поляковъ, хотя и русскаго направленія.

Постепенное усиленіе значенія великаго князя Константина Николаевича въ высшемъ государственномъ управленіи выразилось въ томъ обстоятельствѣ, что на наиболѣе трудныхъ и отвѣтственныхъ постахъ администраціи постепенно появились лица, близкія къ нему или служившія подъ его руководствомъ въ Морскомъ Министерствѣ. Рейтернъ, Татариновъ, Головнинъ, графъ Толстой, Набоковъ,

---

лаго доктринера — Муравьевъ былъ вынужденъ временно упразднить департаментъ сельскаго хозяйства. Умъ графа Панина, по словамъ близко знавшихъ его, отличался необыкновеннымъ свойствомъ соединять въ себѣ быстроту пониманія и ясность взгляда съ крайнею тупостью и не логическими выводами; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ неоспоримымъ краснорѣчіемъ, хотя главныя его рѣчи очень часто оставались безъ всякаго заключительнаго вывода,—и полнымъ неумѣніемъ излагать свои рѣчи письменно. Характеръ его состоялъ также изъ разныхъ противорѣчій: ничѣмъ непреодолимое упрямство съ весьма тонкимъ лицемѣріемъ, грубое и глубокое неуваженіе къ людямъ допускало въ тоже время изысканную свѣтскую любезность. Графъ Панинъ напоминалъ князя Виндишгреца, по мнѣнію котораго родъ людской прекращался на баронахъ.

Графъ Ростовцевъ, по словамъ Соловьева, былъ неподготовленъ къ государственнымъ занятіямъ, до наивности не былъ знакомъ съ нашимъ государственнымъ строемъ; не смотря на все это, безъ его преобладающаго участія въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось начатое преобразованіе. „Одинъ онъ, не возбуждая подозрѣнія, могъ призвать къ участію въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса людей либеральныхъ, можетъ быть единственно только для того, чтобы воспользоваться ихъ знаніями и способностями, и потомъ вовсе устранить ихъ отъ участія въ дѣлѣ. Это не согласно съ правилами высокой нравственности, но еще хуже было бы, еслибы эти люди, которые вынесли на своихъ плечахъ крестьянское дѣло, вовсе не были допущены до участія въ немъ“, говоритъ Соловьевъ.

Грейгъ, Гротъ, князь Оболенскій и многіе другіе были въ числѣ наиболѣе извѣстныхъ помощниковъ великаго князя. Такимъ образомъ великій князь былъ въ дѣйствительности шесть лѣтъ подъ-рядъ первымъ министромъ настолько, насколько это званіе вяжется съ нашимъ государственнымъ устройствомъ.

Но свѣжій воздухъ, который мы широко вдыхали, обращался мало-по-малу въ сквознякъ, настроеніе становилось тревожнымъ и съ 1862 года въ Петербургѣ невольно повѣяло реакціоннымъ духомъ. Его высочество принялъ въ это время на себя крайне трудную и неблагодарную роль намѣстника Царства Польскаго. Примирительная политика, которой онъ держался по отношенію къ полякамъ, принесла, какъ извѣстно, неудовлетворительные результаты. Поляки увидѣли въ ней признакъ слабости Россіи и готовности ко всякимъ уступкамъ. Эксплоатируя подобное впечатлѣніе, партія красныхъ устранила вліяніе партіи маркиза Велепольскаго, надѣявшагося добиться возстановленія Польши 1772 года путемъ ухаживанія за русскимъ правительствомъ, и возстаніе 1863 года началось. Это еще, можетъ быть, было лучшимъ исходомъ, потому что, удайся планъ Велепольскаго, русская исторія была бы повернута вспять и потребовались бы новыя великія жертвы, чтобы выйдти на явственно указываемый исторіей путь. Насъ спасли— составившееся у поляковъ преувеличенное понятіе о нашей правительственной и государственной слабости и увѣренность въ неизбѣжности революціоннаго переворота внутри самой Россіи. Требованія ихъ перешли всякую мѣру и заставили подняться русское національное чувство, послѣ чего отдѣльность Польши полная административная, а затѣмъ конечно и политическая въ родѣ финляндской, предрѣшенныя въ правительственныхъ сферахъ, стали невозможны.

Великій князь хотя лично подвергалъ, находясь въ царствѣ во время возстанія, свою жизнь опасности и едва даже не погибъ отъ руки фанатика-революціонера,

но его слишкомъ мягкая политика въ Польшѣ произвела на русское общество невыгодное впечатлѣніе. Въ особенности въ Москвѣ, подъ впечатлѣніемъ страстныхъ статей Каткова, общественное мнѣніе было возбуждено. Не смѣя нападать открыто на великаго князя, московскій оракулъ всею мощью своего сарказма обрушился на Головнина, котораго всѣ знали за ближайшаго въ политическомъ отношеніи человѣка къ великому князю, котораго онъ еще въ 1850 г. былъ секретаремъ.

Послѣ возвращенія его высочества изъ Варшавы 1-го августа 1864 года, не смотря на занятіе съ января 1861 г. должности предсѣдателя Государственнаго Совѣта, вліяніе его въ Петербургѣ на дѣла замѣтно ослабѣло. Съ 1866 г. первенствующую роль во внутренней политикѣ играли сначала графъ Шуваловъ, а затѣмъ графы Милютинъ и Лорисъ-Меликовъ. Во всей полнотѣ свое значеніе великій князь Константинъ Николаевичъ сохранилъ лишь въ морскомъ вѣдомствѣ. Здѣсь замѣна парового флота броненосцымъ совершилась уже не такъ удачно, какъ въ концѣ 50-хъ годовъ паруснаго флота паровымъ. Первоначально, впрочемъ, когда кораблестроеніе было въ рукахъ адмирала Воеводскаго, дѣла шли лучше и у насъ впервые водворилось кораблестроеніе на частныхъ заводахъ, но мало-помалу преобладаніе въ Морскомъ Министерствѣ получили другія лица, затѣи коихъ публикою и морскими кружками принимались крайне недружелюбно. Даже допуская извѣстныя преувеличенія въ этихъ порицаніяхъ, нельзя отрицать плоскости того факта, что въ 1877 году, т. е. семь лѣтъ спустя по разорваніи Парижскаго трактата, у насъ на Черномъ морѣ былъ весьма слабый военный флотъ, а балтійскій флотъ не имѣлъ достаточнаго боевого значенія за отсутствіемъ наиболѣе необходимыхъ для Россіи крейсеровъ. Флотилія Восточнаго океана почти не существовала, между тѣмъ расходы Морского Министерства, первоначально сокращавшіеся энергически, возросли.

Господствовавшіе за это время въ морскомъ вѣдомствѣ

порядки особенно рельефно обозначились въ судѣ надъ бывшимъ командиромъ „Весты" М. Н. Барановымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Россіи труднѣе другихъ державъ имѣть флотъ въ современномъ его значеніи, такъ какъ мы едва успѣваемъ заимствовать чужое, тогда какъ заграницею техника идетъ самостоятельно впередъ. Допуская это, все-таки слѣдуетъ признать, что въ кораблестроительномъ дѣлѣ у насъ не было въ 70-хъ годахъ достаточно ясной программы, что и привело къ затратамъ милліоновъ на суда, не соотвѣтствовавшія значенію нашего флота.

Въ защиту великаго князя и его сотрудниковъ: Краббе, Воеводскаго, Попова и др. надобно, однако, сказать, что, безъ всякаго сомнѣнія, военный флотъ Россіи имѣть не легко. Онъ былъ созданъ у насъ искусственно непреклонною волею великаго Преобразователя, который ясно понималъ, что безъ этого орудія Россія не можетъ сокрушить на единственномъ тогда для нея торговомъ пути—Балтійскомъ морѣ — Швецію, значеніе которой въ эту эпоху на сѣверѣ можно сравнить развѣ съ современнымъ положеніемъ Германіи. Изъ какихъ бы не подходящихъ элементовъ прежній русскій флотъ составленъ ни былъ, какъ ни казалось всегда, особенно иностранцамъ, неудовлетворительно состояніе этого флота, особенно по сравненію съ состояніемъ нашихъ сухопутныхъ силъ, тѣмъ не менѣе русскій военный флотъ былъ фактомъ. Онъ показалъ себя во многихъ сраженіяхъ, и если въ европейскихъ войнахъ роль его была болѣе транспортная, то по отношенію къ двумъ нашимъ исконнымъ противникамъ, Турціи и Швеціи, историческая боевая заслуга русскаго флота весьма существенна. Подвиги Ушакова, Грейга, Чесма, Наваринъ, Синопъ — общеизвѣстны, чтобы распространяться о нихъ.

Въ первый разъ русскій флотъ оказался въ полномъ несоотвѣтствіи со своими задачами въ 1854 году, когда ему пришлось вступить въ борьбу съ соединенными флотами западныхъ державъ. Паровому флоту союзниковъ мы могли противопоставить только неповоротливыя парусныя

громады; у насъ не было даже легкихъ судовъ для крейсерства въ отдаленныхъ моряхъ, а quasi-рыцарство или, скорѣе, бѣдность не позволяли воспользоваться услугами иностранцевъ. Съ этой-то памятной эпохи русскій флотъ, выказавшій величайшее геройство на сухомъ пути въ Севастополѣ, какъ морская сила, уже сдѣлался болѣе предметомъ опытовъ, получивъ въ оборонѣ государства второстепенное значеніе. Къ тому же и Парижскій трактатъ, уничтоживъ на пятнадцать лѣтъ черноморскій флотъ, лишилъ Россію единственнаго не замерзающаго круглый годъ моря.

Этотъ пятнадцатилѣтній періодъ былъ и для иностранныхъ военныхъ флотовъ переходнымъ. Почти безъ перерыва конструкція военныхъ судовъ измѣнялась, и до сихъ поръ судостроители не остановились окончательно ни на какихъ опредѣленныхъ типахъ. Такое превращеніе судовъ, поглотившее сотни милліоновъ, на Западѣ опиралось на весьма развитую механическую промышленность и обусловливалось даже быстрымъ развитіемъ послѣдней. Россіи слѣдовать подобному прогрессивному движенію было вдвойнѣ трудно. Денежныя средства наши, вслѣдствіе ряда дефицитныхъ лѣтъ и паралельнаго примѣненія всѣхъ реформъ, были скудны, между тѣмъ все потребное для судостроенія обходилось гораздо дороже. Но еще болѣе вредило почти полное отсутствіе механическихъ средствъ. Хотя нѣсколько спекулянтовъ основали, при помощи казенныхъ субсидій, большіе заводы около Петербурга, но подобныя, выросшія какъ грибы, учрежденія много-много могли копировать иностранные типы судовъ, никакой же собственной иниціативы въ судостроеніи они не имѣли.

Поэтому едва начиналась у насъ дѣятельная постройка какого либо типа судовъ, какъ оказывалось, что заграницею опытомъ дошли уже до новаго типа и оставляли прежній; мы же или перестраивали поспѣшно, съ большими переплатами по контрактамъ, недоконченныя суда, или оставались съ устарѣлымъ боевымъ матеріаломъ на рукахъ. Были

сдѣланы попытки не слѣдовать рабски за иностранцами, а придумать что либо у себя; эти доморощенныя попытки на практикѣ не оправдывали, однако, ожиданій. Очевидно, что, при существующихъ условіяхъ, трудно было имѣть намъ удовлетворительный броненосный флотъ. Желѣзное судостроеніе въ странѣ, гдѣ недавно еще ѣздили въ тарантасахъ, потому что не было хорошихъ кузнецовъ поправить рессоры, и которая нуждалась въ телѣгѣ болѣе чѣмъ въ какомъ либо другомъ орудіи передвиженія, — немыслимо въ большомъ видѣ.

Помимо своихъ занятій по морскому вѣдомству и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, гдѣ великій князь Константинъ Николаевичъ пріобрѣлъ репутацію искуснаго предсѣдателя, его высочество принималъ живое участіе въ разныхъ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Въ особенности Русское Географическое Общество, Русское Музыкальное Общество, С.-Петербургская консерваторія и Московская политехническая выставка ему многимъ обязаны. Онъ не только любитъ музыку и покровительствуетъ ей, но и самъ хорошо играетъ на віолончели.

Въ 1881 году великій князь Константинъ Николаевичъ покидаетъ должности: предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія и особаго присутствія о воинской повинности, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адмирала; но званіе это великій князь продолжалъ носить уже только какъ почетный титулъ, подобно тому, какъ носилъ онъ его въ то время, когда оный ему былъ пожалованъ. Сверхъ того его высочество остался предсѣдателемъ Комитета о раненыхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что причины, заставившія великаго князя удалиться изъ С.-Петербурга въ полномъ развитіи своихъ силъ, были весьма серьезны. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ Крыму частнымъ человѣкомъ, усердно занимаясь приведеніемъ въ порядокъ своего дневника, который современемъ будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ документовъ для нашей эпохи. Даже уничтоженіе пожаромъ

дворца въ Оріандѣ не заставило великаго князя перемѣнить свое мѣстопребываніе, на короткое только время онъ пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ.

Въ 1882 году нашъ военный флотъ отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей со дня назначенія великаго князя Константина Николаевича генералъ-адмираломъ. Это офиціальное торжество не прошло незамѣченнымъ нашимъ обществомъ.

Богато одаренный, обладая большимъ характеромъ и привлекательною внѣшностью, любя Россію и желая ея развитія, великій князь пользовался общимъ уваженіемъ, но популярнымъ, даже въ моменты своего наибольшаго вліянія, когда шелъ, такъ сказать, во главѣ русскаго прогресса, онъ не былъ, да по свойствамъ своего характера и не искалъ популярности. Tout pour le peuple, rien par le peuple — могло бы быть и его девизомъ; въ этомъ случаѣ онъ напоминалъ нетерпѣливыхъ и гордыхъ реформаторовъ XVIII столѣтія Помбаля, Іосифа II, допускавшихъ только реформы, идущія сверху. Саркастическій умъ создалъ ему столько же горячихъ противниковъ, какъ и восторженныхъ цѣнителей.

Русское общество выразитъ искреннее сожалѣніе о тяжкой болѣзни великаго князя, который былъ въ такихъ лѣтахъ, что могъ еще принести не мало пользы отечеству, продолжая занимать высокое положеніе, на которое онъ имѣлъ право и по своему рожденію, и по выдающимся способностямъ; русское общество всегда будетъ съ благодарностью вспоминать его обширную и плодотворную дѣятельность и тѣ несомнѣнныя услуги, которыя онъ оказалъ своею инициативою и своимъ участіемъ въ важнѣйшихъ дѣяніяхъ прошлаго царствованія.

Н. А. Крыжановскій.

Генералъ-отъ-артиллеріи Николай Андреевичъ Крыжановскій (скончавшійся 1 мая 1888 г.) началъ свою карьеру блестяще. Окончивъ прекрасно курсъ въ офицерскихъ классахъ артиллерійскаго училища, онъ, какъ образованнѣйшій изъ артиллерійскихъ офицеровъ, былъ посланъ для слушанія лекцій математики въ Берлинскомъ университетѣ. По возвращеніи изъ заграницы Н. А. служилъ на Кавказѣ и участвовалъ въ походѣ противъ горцевъ. Покойный разсказывалъ намъ, что Колюбакинъ, авторъ знаменитыхъ фантастическихъ реляцій, встрѣтивъ его какъ-то въ Тифлисѣ, сказалъ: „хочешь, Крыжановскій, я поставлю тебя въ будущей реляціи на лѣвомъ флангѣ съ двумя орудіями. Это будетъ недурно?“ Не всѣ военные подвиги были такого рода у Крыжановскаго, онъ прошелъ настоящую боевую школу, начальствуя штабомъ артиллеріи въ Севастопольскую осаду. Здѣсь въ кружкѣ Крыжановскаго была сочинена знаменитая солдатская пѣсня: „Какъ 8 сентября“, приписанная молвою всецѣло графу Л. Н. Толстому.

Съ 1856 по 1861 г. Крыжановскій завѣдывалъ артиллерійскимъ училищемъ и академіей, а затѣмъ получилъ мѣста начальника штаба арміи, директора особой канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія и варшавскаго генералъ - губернатора, по личной просьбѣ у покойнаго государя кн. М. Д. Горчакова. Послѣдній и умеръ на рукахъ Крыжановскаго, который и завѣдывалъ намѣстничествомъ до пріѣзда Сухозанета. Сухозанетъ былъ къ полякамъ снисходителенъ и продолжалъ политику кн. Горчакова, лучше всего характеризуемую приказомъ нашимъ войскамъ: „не раздражать народъ и не отвѣчать на оскорбленія, но переносить мужественно все“, мало того „не отвѣчать выстрѣлами на выстрѣлы, но замѣчать, изъ котораго окна падетъ выстрѣлъ!“ Крыжановскій очень ухаживалъ за Сухозанетомъ, за что не пользовался популяр-

ностью, а такъ какъ онъ любилъ говорить: „меня нѣтъ, я не существую, я законъ“, то его и прозвали въ Варшавѣ „мертвою буквою закона“. Изъ Варшавы Крыжановскаго перевели помощникомъ командующаго войсками въ Вильну и онъ оставался тамъ, пока генералъ-губернаторомъ былъ Муравьевъ; съ назначеніемъ же фонъ-Кауфмана онъ получилъ мѣсто оренбургскаго генералъ-губернатора.

О дѣятельности Крыжановскаго, какъ бывшаго начальника Оренбургскаго края, писано было не мало, особенно по поводу ревизіи Уфимской и Оренбургской губерній. Управленіе этимъ краемъ Крыжановскимъ, назначеннымъ взамѣнъ предполагаемаго туда ген.-адъют. А. Е. Тимашева, (коему хотѣли подчинить всю степь) было весьма продолжительно. Оно совпало съ умиротвореніемъ степи, совершившимся при Катенинѣ и Безакѣ. Если въ 1869 году было еще значительное возстаніе въ степи, то причиною его послужило лишь торопливое и не совсѣмъ умѣлое введеніе въ областяхъ Уральской и Тургайской новаго гражданскаго положенія, составленнаго г. Гейнсомъ *) и повлекшее къ возстанію, давшему нѣсколькимъ адъютантамъ случай покрыть себя дешевыми лаврами. Точно такое же волненіе вызвало черезчуръ настойчивое примѣненіе къ уральскому казачьему войску новыхъ правилъ службы и земскаго хозяйства. Это волненіе, къ счастью, окончено теперь монаршей амнистіей.

При генералъ-адъютантѣ Крыжановскомъ Оренбургскій край потерялъ свое политическое значеніе. Первоначально завоеваніе Туркестана шло изъ Оренбурга, хотя и противъ желанія тамошнихъ администраторовъ. Отношенія Оренбурга съ Ташкентомъ, дурныя при Черняевѣ, обострились особенно при покойномъ генералѣ Романовскомъ. Съ учре-

*) Это положеніе, или киргизская конституція, какъ ее называли въ шутку, даровала киргизамъ разныя отвлеченныя права въ духѣ „Esprit des Lois“, но лишило части покосовъ, отданныхъ казакамъ, и ограничило свободу перекочевокъ, а для кочевниковъ сѣно важнѣе свободы печати и свободы ассоціацій.

жденіемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства и отдѣленіемъ Закаспійскаго края къ кавказскому намѣстничеству вліяніе Оренбурга на военныя дѣла въ Средней Азіи прекратилось. Только во время хивинской экспедиціи одна колонна шла изъ Оренбурга и хотя выполнила свою задачу успѣшнѣе туркестанскаго отряда, но этому содѣйствовала болѣе удобная мѣстность, и оренбургская администрація тутъ не причемъ.

Затѣмъ относительно администраціи губерній, составляющихъ неразрывную часть русской территоріи, можно указать, что, благодаря генералъ-губернаторству, судебныя и земскія учрежденія запоздали въ Уфимской и Оренбургской губ. Башкирское войско было обращено въ гражданское состояніе еще при Безакѣ, но какъ ни плохо было казачье управленіе башкирами, нельзя сказать, чтобы и гражданское управленіе сдѣлало для нихъ много хорошаго. Башкиры экономически разорены и вымираютъ. Не въ лучшемъ положеніи Букеевская орда, отдѣленная теперь отъ Оренбургскаго генералъ-губернаторства и присоединенная къ Астраханской губерніи. Дорога изъ Верхнеуральска въ Стерлитамакъ, прорѣзывающая южный Уралъ, говорятъ, погибла. Упало также благосостояніе Киргизской степи и сократилась ея мѣновая торговля.

Наиболѣе печальною страницею управленія Крыжановскаго нужно признать расхищеніе около 2-хъ милліоновъ десятинъ башкирскихъ земель. Оно совершилось двоякимъ путемъ: раздачею запасныхъ земель казною и покупкою земель отъ башкиръ частными лицами. Въ маѣ 1871 г., когда министра государственныхъ имуществъ Зеленаго постигъ нервный ударъ, по представленію оренбургскаго генералъ - губернатора положеніемъ Комитета Министровъ утверждены правила о раздачѣ земель. Они приводи

*) Отецъ Крыжановскаго въ званіи столоначальника управлялъ всей медицинскою частью по арміи и флоту. Теперь этотъ столъ образовалъ два обширныхъ департамента. „Болѣе всего выиграли оттого бумажныя фабрики“, замѣчаетъ Гречъ (Записки о моей жизни).

лись, однако, въ исполненіе до 1876 г., вслѣдствіе оказаннаго Зеленымъ сопротивленія. Но затѣмъ правила эти (4-го іюня 1871 г.) пущены были въ ходъ и прекращены были только 30-го марта 1881 г., когда и Крыжановскій, и его ближайшіе сподвижники: правитель его канцеляріи Холодковскій, директоръ временнаго отдѣла Министерства Государственныхъ Имуществъ Климовъ и управляющій государственными имуществами въ Уфимской губерніи Ивашинцовъ, уволены отъ службы безъ прошенія. Строгое взысканіе это произвело въ обществѣ самое лучшее впечатлѣніе, такъ какъ, само собою разумѣется, весьма трудно было добраться до виновности лицъ, успѣвшихъ щедрою раздачею чужой собственности создать себѣ вліятельныхъ друзей, готовыхъ всячески содѣйствовать потушенію дѣла, косвенно отражавшагося и на ихъ личныхъ интересахъ. Оказалось, что дѣлежъ Башкиріи носилъ чисто семейный характеръ и почему либо пропущенные или забытые члены семей начальствующихъ лицъ получали участки впослѣдствіи *).

Во время управленія генералъ-адъютанта Крыжановскаго совершались, впрочемъ, въ краѣ и полезныя вещи, которыя панегиристы не преминутъ поставить ему въ активъ: уничтожена таможенная черта, устроилось пароходство по

*) Оренбургскій генералъ-губернаторъ Н. А. Крыжановскій получилъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ участокъ въ 6,293 дес., подъ названіемъ „Святой Ключъ“, даромъ и продалъ часть его купцамъ Стахѣевымъ за 400,000 руб.; сынъ его, полковникъ Андрей Николаевичъ, 1,542 дес.; братъ — генералъ-маіоръ Павелъ Андреевичъ 2,150 дес.; дочь, жена шт.-ротмистра, Александра Николаевна Римская-Корсакова, по второму браку, получила 1,744 д., который принятъ потомъ обратно въ казну за 34,000 р.; мужъ Александры Николаевны по первому браку, командиръ оренбургскаго башкирскаго дивизіона, полковникъ Д. Н. Леонтьевъ, получилъ 1,627 дес.; когда же бракъ былъ расторгнутъ, то участокъ перешелъ къ Александрѣ Николаевнѣ. Говорятъ, что и благородные свидѣтели по сему дѣлу тоже получили участочки. Мужъ Александры Николаевны отъ второго брака, шт.-ротмистръ П. М. Римскій-Корсаковъ получилъ 713 д. (**Ремезовъ.** Очерки изъ жизни дикой Башкиріи).

Бѣлой, Уфѣ, Уралу, открыта Оренбургская желѣзная дорога, возникло нѣсколько новыхъ учебныхъ заведеній. Вообще дурнымъ человѣкомъ покойный не былъ, и хотя, забывъ свой девизъ въ Польшѣ, что онъ „законъ", Крыжановскій въ Оренбургѣ надѣлалъ рядъ беззаконій, но это произошло лишь по слабохарактерности. Находясь въ отставкѣ, онъ написалъ два романа, изъ коихъ—„Дочь Алаяръ-хана" былъ напечатанъ въ „Рус. Вѣстникѣ". Кромѣ военныхъ сочиненій, изданныхъ въ 50-хъ годахъ, осталось отъ Крыжановскаго много записокъ историческаго содержанія; часть ихъ, а именно весьма интересныя воспоминанія о Севастополѣ, была напечатана въ „Рус. Старинѣ". Въ послѣдніе годы Н. А. много работалъ надъ исторіею польскаго возстанія 1863 года.

Графъ Ѳ. П. Литке.

Скончавшійся вчера*) членъ Государственнаго Совѣта графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке, прослуживъ Россіи почти семьдесятъ лѣтъ, всегда отличался не только высокими нравственными качествами, но и пріобрѣлъ блестящую репутацію моряка, ученаго, воспитателя и общественнаго дѣятеля. Это былъ человѣкъ многосторонняго образованія и горячей любви къ просвѣщенію и искусствамъ, въ особенности къ музыкѣ. Изъ разнообразной и многополезной дѣятельности графа наиболѣе выдаются, по ихъ значенію для Россіи, четыре событія, въ которыхъ онъ принималъ близкое участіе—описаніе Новой Земли, кругосвѣтное путешествіе, воспитаніе его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича и учрежденіе Русскаго Географическаго общества.

*) 8 августа 1882 г.

Новая Земля была съ глубокой древности извѣстна двинянамъ, но въ первый разъ для ея изслѣдованія было отправлено судно въ 1690 г. подъ начальствомъ Радіона Иванова, погибшее въ Карскомъ морѣ. Съ тѣхъ поръ происходилъ цѣлый рядъ экспедицій; удачнѣе другихъ было плаваніе Саввы Лошкина, обогнувшаго, въ 1760 году, Новую Землю. Но всѣ эти экспедиціи, включая и неудачную экспедицію, въ 1819 году, Лазарева, сообщили весьма мало свѣдѣній объ островѣ.

Первое, правильно организованное, изслѣдованіе было совершено съ 1821 по 1825 годъ подъ начальствомъ Литке. Въ эту экспедицію были подробно описаны западный и южный берега Новой Земли и Маточкинъ Шаръ. Къ сожалѣнію, четырехкратная попытка Литке обогнуть Новую Землю не удалась: полярные льды ставили непреодолимыя препятствія для движенія слабаго парусиаго судна. Эта неудача имѣла, надо замѣтить, дурныя послѣдствія въ томъ отношеніи, что убѣдила знаменитаго адмирала въ недоступности, будто бы, для плаванія Карскаго моря, почему онъ отклонялъ русскія попытки изслѣдовать это море, чѣмъ и далъ возможность норвежцамъ и шведамъ опередить насъ въ изученіи нашихъ собственныхъ морей.

Возвратившись съ сѣвера, Литке былъ посланъ въ продолжительное и трудное, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, кругосвѣтное плаваніе на военномъ шлюпѣ „Сенявинъ". Графъ съ молодости былъ восторженнымъ поклонникомъ Кука, кругосвѣтныя экспедиціи были тогда въ рѣдкость: понятно съ какимъ вниманіемъ отнесся онъ къ дѣлу. Плаваніе продолжалось четыре года, съ 1826 по 1829 годъ, и принесло огромную пользу наукѣ. Въ эту экспедицію были астрономически опредѣлены важнѣйшіе пункты Чукотской земли, Камчатки, описаны острова Прибылова, св. Матвѣя и др. Кромѣ того, точнѣе изслѣдованъ Каролинскій архипелагъ и острова Бонинъ-Сима. По части физики сдѣлано множество наблюденій надъ постояннымъ маятникомъ, магнитныхъ, барометрическихъ и термометри-

ческихъ; собраны также обширныя естественно-историческія и этнографическія коллекціи. Труды кругосвѣтной экспедиціи, подъ начальствомъ Литке, доставили матеріалъ для семи печатныхъ томовъ.

Воспитаніемъ великаго князя Константина Николаевича (съ 1832 по 1847) графъ Литке оказалъ также немаловажную государственную услугу, если вспомнить, какую выдающуюся роль игралъ великій князь въ реформаторскую эпоху дѣятельности въ Бозѣ почившаго императора Александра II. Хорошимъ началамъ, внушеннымъ съ дѣтства, надобно приписать ту горячую любовь къ морскому дѣлу, которую проявилъ великій князь, когда военный флотъ, понесшій такое тяжкое испытаніе въ Крымскую войну, подвергся, по его иниціативѣ, коренному преобразованію, коснувшемуся всѣхъ отраслей морского управленія и послужившему примѣромъ для другихъ вѣдомствъ. Лица, окружавшія великаго князя съ юности, пріобрѣли потомъ извѣстность своими трудами на пользу государства. И жена Литке, рожденная Ю. В. Браунъ, была также воспитательницею великой княгини Александры Николаевны.

Съ признательностью, наконецъ, Россія вспомнитъ и участіе покойнаго графа Ѳ. П. Литке въ основаніи Русскаго Географическаго общества. Эта ученая корпорація, во главѣ которой, съ самаго ея основанія, стоитъ августѣйшій воспитанникъ графа Литке и гдѣ послѣдній такъ долго занималъ должность вице-президента, несомнѣнно принесла великую пользу не только отечеству, но и всему европейскому ученому міру. Множество экспедицій, снаряженныхъ обществомъ, и ученыхъ изданій расширили кругъ нашихъ познаній о Россіи и сопредѣльныхъ съ нею азіятскихъ странахъ и послужили основаніемъ для успѣховъ русской торговли и колонизаціи.

Въ послѣдніе годы жизни графъ Литке, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, не былъ въ силахъ отстранить нѣкоторыя печальныя явленія въ Академіи Наукъ, которой онъ состоялъ президентомъ со смерти графа Блудова, т. е. съ 1864 г., чѣмъ

вызвалъ сѣтованія въ обществѣ. Хотя нападки на нашу Академію наукъ и полное отрицаніе ея заслугъ несправедливы, но нельзя отрицать, что это ученое сословіе, которое, по мысли Петра, должно состоять изъ „самолучшихъ ученыхъ и искусныхъ людей, которые не токмо сіи науки въ своемъ родѣ, въ томъ градусѣ, въ которомъ оныя обрѣтаются, знаютъ, но и чрезъ новые инвенты оныя совершить и умножить тщатся“, неудовлетворяетъ своему назначенію. Мы не споримъ, что при современномъ состояніи нашихъ умственныхъ силъ составить собраніе изъ чисто русскихъ ученыхъ, которое бы стало наравнѣ съ первоклассными учеными обществами Западной Европы, невозможно, но какая цѣль наполнять Академію учеными иностранцами второстепеннаго и даже третьестепеннаго достоинства?

Между тѣмъ въ то время когда нѣмецкіе академики получали жалованіе, проживая преспокойно заграницею, и подчасъ не только своихъ племянниковъ, но даже лакеевъ ставили на казенное содержаніе, русскіе ученые отъ Академіи устранялись: г. Менделѣевъ, напр., былъ забракованъ. Нѣсколько болѣе твердости проявилъ графъ Литке въ извѣстной исторіи избранія въ Академіи г. Пыпина, послужившей предметомъ спора между Головнинымъ и граф. Толстымъ. Эта исторія очень волновала столичное общество, но кончилась все-таки тѣмъ, что графъ Литке уговорилъ Пыпина отказаться отъ избранія, такъ какъ Академія, куда также проникъ „сеничкинъ ядъ“, не желала измѣнить выбора. Академическіе промахи не могутъ, однако, ослабить истинно-государственныхъ заслугъ графа, жизнь котораго представляла поучительное зрѣлище человѣка, съумѣвшаго и въ высшихъ сферахъ сохранить непреклонную волю, независимость убѣжденій и твердость характера.

Къ сожалѣнію, эта твердость характера дала графу Литке вліяніе на такомъ поприщѣ, гдѣ онъ не былъ полезенъ для Россіи. Умный, честный и крайне суровый морской волкъ, Литке во всю свою карьеру выказывалъ партіямъ въ Россіи свое полнѣйшее презрѣніе, но за то былъ

горячимъ сторонникомъ остзейской автономіи. Онъ твердо отстаивалъ ее въ высшихъ сферахъ и былъ даже, говорятъ, агентомъ прибалтійскихъ бароновъ. На него, видно, не подѣйствовали слова его друга, поэта Жуковскаго, писавшаго Литке изъ Германіи: „Ѳедоръ Петровичъ, благоденствуйте на святой Руси подъ сильнымъ покровомъ русскаго Бога, за крѣпкою стѣною русскаго историческаго самодержавія". Нѣмцы полезны для Россіи*): В. А. Полетика говорилъ, что, не смотря на свою горячую любовь къ Россіи, онъ будетъ жить заграницею съ того дня, когда нѣмцы перестанутъ быть аптекарями въ Россіи, потому что тогда каждую минуту можно будетъ рисковать отравиться. Даже такой руссофилъ какъ Кокоревъ находилъ, что нѣмцевъ непремѣнно нужно у насъ 10% „для порядка". Но нѣмецкіе феодалы не входятъ въ это число.

Были, конечно, и исключенія, и графъ Литке—эстляндскій дворянинъ по происхожденію—одно изъ нихъ, но вообще въ Россіи болѣе полезными оказывались нѣмцы пріѣзжіе. Еще графъ Канкринъ замѣтилъ: „нѣмецъ похожъ на капусту: чтобы она вышла хороша, непремѣнно нужно ее пересадить".

Кстати можно замѣтить, что гордое прибалтійское дворянство далеко не все нѣмецкаго происхожденія. Многія весьма вліятельныя фамиліи происхожденія скандинавскаго, англійскаго, французскаго, испанскаго, мѣстнаго ливскаго и эстонскаго и даже (horribile dictu) русскаго (Барановы и Насакины). Да и не всѣ нѣмцы сочувствовали остзейскимъ притязаніямъ, такъ графъ П. П. Паленъ защищалъ крестьянъ, а графъ Канкринъ мѣстное крестьянское положеніе называлъ „крестьянскимъ обдираніемъ".

---

*) Едва ли кому извѣстно, что даже царь-колоколъ, которымъ такъ гордится Москва, отлитъ по чертежу нѣмца Іоанна Георга Лейтмана.

В. И. Лихачевъ.

Старый и новый лордъ-мэры Петербурга обмѣнялись комплиментами. Г. Глазуновъ радовался, что нашелъ себѣ достойнаго преемника, г. Лихачевъ утверждалъ, при громкихъ аплодисментахъ всего собранія, что его предшественникъ совершилъ великія дѣла, улучшившія положеніе города, и мужественно защищалъ столичные интересы въ канцелярскихъ дебряхъ.—„Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы не оставили меня головою, а выбрали другого?“ могъ бы спросить г. Глазуновъ. Онъ не задалъ, однако, этого логически-наивнаго вопроса, такъ какъ знаетъ цѣну прощальныхъ привѣтствій.

Объ этой цѣнѣ, дѣйствительно, двухъ мнѣній быть не можетъ. Другой вопросъ—о цѣнѣ тѣхъ обѣщаній, которыя даются при возложеніи на свои рамена регалій новаго званія. Г. Лихачевъ, надѣвая на себя цѣпь, формулировалъ программу городского головы, какъ человѣка, который не долженъ принадлежать ни къ какой партіи, не увлекаться „ни дружбою, ни враждой, ниже ожиданіемъ выгоды или какими либо видами“, человѣка, главною цѣлью котораго должно быть: дать жителямъ Петербурга „чистый воздухъ, хорошую чистую воду, здоровое жилье, школу для ребенка, врачебную помощь и пріютъ для больного и старика“... Программа, какъ видите, широкая и филантропическая, настолько даже широкая, что исполненіе ея можетъ подлежать тысячѣ разнообразныхъ оттѣнковъ.

Для другого лица подобная программа была бы общимъ мѣстомъ, наборомъ громкихъ фразъ, но въ устахъ г. Лихачева она имѣетъ реальное значеніе, ибо, если онъ кандидатъ въ городскіе головы не „отъ рожденія“, какъ адмиралъ швейцарскаго флота, то съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Еще при старой Думѣ, г. Лихачевъ вдохновлялъ добрѣйшаго Н. И. Погребова, 16 лѣтъ подрядъ служившаго игрушкою въ рукахъ думскихъ дѣльцовъ. Съ тѣхъ поръ участіе по-

ваго головы въ городскихъ дѣлахъ было самое живое и дѣятельное и онъ постоянно служилъ Веніаминомъ каждой партіи, желавшей занять прочную позицію въ городскомъ самоуправленіи. Нѣкогда демократъ, авторъ большой монографіи о Мадзини, тайный юрисконсультъ всѣхъ нашихъ дѣятелей либеральнаго пошиба, онъ состоялъ затѣмъ при Верховной распорядительной комиссіи, имѣвшей цѣлью поумѣрить радикализмъ въ Россіи. Этотъ переворотъ произошелъ послѣ того, какъ графъ Паленъ, раскусившій г. Лихачева, просилъ его оставить службу по юстиціи. Сосредоточившись окончательно на Думѣ, г. Лихачевъ былъ сначала угодникомъ трактирной партіи и орудіемъ могущественныхъ дѣятелей Городского кредитнаго общества, пока откровенія г. Шаумана о нѣкоторомъ домикѣ на Екатерининскомъ каналѣ, который никакъ не могъ служить „пріютомъ для больныхъ и стариковъ" и тѣмъ менѣе „школою для ребенка", не заставили г. Лихачева перейти къ партіи „чистой воды", поддержавъ по дорогѣ, въ качествѣ предсѣдателя мирового съѣзда, интересы крупныхъ желѣзно-дорожниковъ, обижаемыхъ будто бы грузоотправителями.

„Чистая вода", о которой говорилъ г. Лихачевъ въ своей рѣчи, едва ли то, что химики привыкли понимать подъ этимъ словомъ; скорѣе ее нужно понимать, какъ понимаютъ хитрые механики, въ родѣ заправилъ водопроводнаго общества. Ни для кого не тайна, что г. Лихачевъ (по фамиліи русскій, но по крови на половину армянинъ) проведенъ въ головы дѣятелями этого общества, которое нашло въ г. Санъ-Галли, составляющемъ, съ его кранами, клозетами и др. гигіеническими приспособленіями, прямое продолженіе сѣти общества, могущественное орудіе выборной агитаціи.

Покойный Гамбетта, по выраженію одного знаменитаго человѣка, не могъ сдѣлаться хорошимъ министромъ, такъ какъ не въ силахъ былъ „обрубить свой хвостъ", т. е. отстать отъ той партіи, которая выдвинула его впередъ. Хотя

трибунъ нашей Думы не Гамбетта, но и его восхожденіе, хотя, повторяемъ, и двадцать лѣтъ тому назадъ уже предвидѣнное, какъ дѣло партіи, съ трудомъ будетъ поставлено на другія начала. Хвостъ будетъ и у г. Лихачева въ видѣ единомышленниковъ гг. Санъ-Галли, Яблонскаго и др. тому подобныхъ. Конечно, извѣстная дѣловая гибкость г. Лихачева, его знаніе думскихъ мозговъ и думскихъ сердецъ, позволяетъ ему, какъ показала предыдущая дѣятельность, лавировать среди разнообразныхъ теченій, но никакая власть не въ силахъ уничтожить связи съ своимъ происхожденіемъ, да и въ составѣ Думы г. Лихачевъ не найдетъ достаточно гласныхъ для образованія партіи людей независимыхъ, и которые, въ самомъ дѣлѣ, не увлекались бы „ниже ожиданіемъ выгоды или какими либо видами".

Впрочемъ, всегда лучше быть оптимистомъ, ожидать пріятнаго. До времени и мы готовы вѣрить полной искренности заявленій Владиміръ Ивановича Лихачева и тому, что имъ руководитъ единственно желаніе общаго блага. Программу его слѣдуетъ, однако, твердо запомнить, такъ какъ она будетъ служить затѣмъ для провѣрки того, насколько обѣщанія сходятся съ исполненіемъ *).

Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ хотя исповѣдывалъ армянскую религію и шутя называлъ себя иногда „хитрымъ армяшкой", но по языку и воспитанію былъ грузиномъ. Онъ не любилъ даже армянъ, а, напро-

*) Какъ извѣстно, обѣщанія г. Лихачева, какъ и обѣщанія его бывшаго героя Мадзини, остались въ туманѣ и подъ его руководствомъ здѣшнее самоуправленіе сдѣлалось добычею маленькаго кружка. Самою замѣтною стороною его дѣятельности какъ городского головы была защита въ Думѣ маргариноваго масла.

тивъ, поболтать нараспашку по-грузински съ какимъ нибудь кавказскимъ старымъ сослуживцемъ было для него лучшимъ развлеченіемъ, когда, поѣвъ неизмѣнную курицу съ рисомъ, сидѣлъ онъ за стаканомъ кахетинскаго вина и, перебирая четки по кавказскому обычаю, вспоминалъ съ большимъ юморомъ безчисленные эпизоды изъ своей жизни.

Сынъ небогатаго дворянина, занимавшагося торговлею, онъ воспитаніе свое первоначально получилъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, въ Москвѣ, а затѣмъ, уволенный за какую-то шалость, въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда былъ выпущенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ. Находясь въ училищѣ, графъ сблизился съ Некрасовымъ, тогда бѣднымъ литераторомъ, занимался корректурами и пописывалъ стишки въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“—Кони. Служа въ гусарахъ, онъ сошелся съ другимъ гусаромъ А. А. Абазою, который, сорокъ лѣтъ спустя, былъ его главнымъ сподвижникомъ на высокомъ государственномъ посту. Возвратясь, въ 1847 г., на Кавказъ, графъ Лорисъ-Меликовъ состоялъ для особыхъ порученій при намѣстникѣ, князѣ М. С. Воронцовѣ, и въ этомъ званіи не только участвовалъ ежегодно въ многочисленныхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ въ періодъ съ 1848 по 1853 г., но и употреблялся для различныхъ дипломатическихъ порученій. Князь Воронцовъ любилъ выдвигать способныхъ людей и потому графъ дѣлалъ быстро карьеру.

Во время Восточной войны 1853—1856 гг., кромѣ военныхъ отличій при участіи во всѣхъ битвахъ, графъ обратилъ на себя вниманіе искуснымъ управленіемъ временно занятыхъ турецкихъ областей. Всѣ намѣстники, слѣдовавшіе за Воронцовымъ, отличали графа. Онъ управлялъ поочередно Абхазіей и Южнымъ Дагестаномъ и заключилъ съ турецкимъ правительствомъ сдѣлку о выселеніи въ Турцію горцевъ—обстоятельство, умиротворившее навсегда двѣ трети Кавказа, наиболѣе опасныя по прилеганію къ Черному морю. Его высочество великій князь Михаилъ Ни-

колаевичъ также оказывалъ графу полное довѣріе. При немъ онъ управлялъ Терскою областью, образованною частью изъ земель бывшаго линейнаго казачьяго войска, частью изъ только что завоеванной дикой Чечни. Управлять такимъ краемъ дѣло не легкое,—графъ пріобрѣлъ, однако, и тутъ не малую популярность.

Когда, въ ожиданіи новаго разрыва съ Турціей, формировался, въ 1876 г., отдѣльный кавказскій корпусъ, то великій князь-намѣстникъ указалъ военному министру на Лорисъ-Меликова, какъ на лицо, наиболѣе пригодное для командованія этимъ корпусомъ, хотя графъ никогда не командовалъ никакой строевой частью. Первоначальныя дѣйствія наши и на этомъ театрѣ войны, какъ извѣстно, не были удачны. Мы и тутъ не были готовы, а наши штабы не знали хорошенько ни мѣстности, ни силъ непріятеля, но послѣ первыхъ неуспѣховъ, доставившихъ уже Мухтару-пашѣ въ заграничныхъ газетахъ титулъ новаго Юлія Цезаря, съ полученіемъ подкрѣпленій, съ переорганизаціей главнаго штаба, обстоятельства рѣзко измѣнились: наша армія нанесла туркамъ жестокое пораженіе на Аладжинскихъ высотахъ, взяла штурмомъ чрезвычайно сильно укрѣпленный самою природою Карсъ и дошла до Эрзерума. Нашлись, конечно, доброжелатели, которые даже штурмъ Карса приписываютъ не храбрости нашихъ войскъ, а подкупу и ловкому умѣнію графа посѣять смуту въ средѣ противниковъ. „Гражданинъ", дѣлая оцѣнку графа, также описываетъ ходъ войны такимъ образомъ, что можно подумать, что Лорисъ-Меликовъ былъ чуть ли не трусомъ. Но человѣкъ, участвовавшій въ жизни въ 180 бояхъ и стычкахъ, конечно, не нуждается въ защитѣ его личной храбрости. Лорисъ-Меликовъ не имѣлъ притязанія на репутацію знаменитаго стратега, тѣмъ не менѣе роль его въ главной квартирѣ арміи была весьма полезная и, только благодаря его искусству, боевые генералы, какъ Лазаревъ, Гейманъ и друг., дѣйствовали въ одномъ направленіи. Затѣмъ, какъ бы тамъ ни было, но на войнѣ успѣхъ вѣн-

чаетъ дѣло и никакія лагерныя сплетни не отымутъ у графа военныхъ заслугъ, оцѣненныхъ даже и такими строгими судьями въ военномъ дѣлѣ, какъ пруссаки.

Въ чемъ проявилось еще искусство графа Лорисъ-Меликова во время войны, такъ это въ продовольствіи арміи. Благодаря довѣрію къ графу мѣстнаго населенія и подрядчиковъ, онъ велъ войну даже на непріятельской территоріи на кредитныя деньги, чѣмъ доставилъ правительству нѣсколько десятковъ милліоновъ сбереженій. За это графъ получалъ добавочное жалованье, составлявшее для него важное подспорье, такъ какъ онъ, отличаясь полнымъ безкорыстіемъ, состоянія не пріобрѣлъ. Все, что онъ имѣлъ, было или приданымъ жены, принадлежавшей къ древнему роду князей Аргутинскихъ, или 5,000 десятинъ земли, пожалованныя на Кубани, которыя будутъ приносить доходъ въ XX столѣтіи.

Отдыхая послѣ кампаніи, графъ, въ январѣ 1879 года, неожиданно получилъ назначеніе временнаго астраханскаго, саратовскаго и самарскаго генералъ-губернатора, учрежденнаго въ виду возникшихъ слуховъ о появленіи въ Ветлянкѣ чумы. Слухъ о чумѣ напугалъ всю Европу; карантины могли убить торговлю Закавказья, нижней Волги, рыбопромышленность, Нижегородскую ярмарку. Другой человѣкъ сталъ бы эксплоатировать свою роль спасителя цѣлаго края. Графъ, прибывъ на мѣсто и убѣдившись, что всѣ слухи объ эпидеміи преувеличены, немедленно представилъ о снятіи исключительнаго положенія и объ уничтоженіи своего генералъ-губернаторства. Эта быстрота и откровенность создали графу, извѣстному до того времени только на Кавказѣ, огромную популярность въ торговомъ и промышленномъ сословіи всей Россіи.

Не успѣлъ онъ вернуться въ Петербургъ съ отчетомъ, какъ учрежденіе, послѣ гнуснаго покушенія Соловьева, временныхъ генералъ - губернаторствъ съ политической цѣлью искорененія нигилизма, вынудило его отправиться

въ Харьковъ въ качествѣ временнаго генералъ-губернатора шести губерній.

Харьковъ не очень радушно встрѣтилъ графа Лорисъ-Меликова, но хотя въ теченіе цѣлаго года преслѣдованіе нигилизма одинаково шло дѣятельно во всѣхъ южныхъ губерніяхъ, общественное мнѣніе почему-то негодовало на покойнаго Тотлебена и восхваляло Лорисъ-Меликова, руководствуясь, очевидно, только наружными признаками. Доступность, простота въ обращеніи, ласковость графа быстро расположили къ нему массу. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ способность привлекать къ себѣ людей; его мягкія, вкрадчивыя манеры, веселость, магнетическое вліяніе красивыхъ умныхъ глазъ очаровывали многихъ; женщины въ особенности легко подчинялись его вліянію и, надобно признаться, что женщины способствовали не мало его быстрому возвышенію.

Въ концѣ марта 1880 г., вмѣстѣ съ другими генералъ-губернаторами, графъ Лорисъ-Меликовъ прибылъ въ Петербургъ съ отчетомъ. Здѣсь, совершенно нежданно и негаданно, въ нѣсколько дней получилъ онъ власть и значеніе, которыми пользовались въ Россіи только герцогъ Биронъ и графъ Аракчеевъ. Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, произведенный Халтуринымъ, въ моментъ, когда вся Россія готовилась праздновать 25-лѣтній юбилей Александра II, произвелъ положительную панику. Катковъ подалъ мысль учредить диктатуру, способную дать нашему расшатанному административному организму единство и силу. Мысль эта понравилась въ Петербургѣ. Какъ слышно, графы Милютинъ и Адлербергъ указали на Лорисъ-Меликова, какъ на человѣка способнаго взять въ руки и держать крѣпко власть; Дрентельнъ, занимавшій очень вліятельный тогда постъ начальника III отдѣленія, хотя о выборѣ, повидимому, не зналъ, но съ благороднымъ прямодушіемъ не препятствовалъ учрежденію Верховной распорядительной комиссіи и назначенію Лорисъ-Меликова ея главнымъ начальникомъ. Наоборотъ, Маковъ и нѣкоторыя другія, власть имѣвшія

въ то время, лица постарались сейчасъ же исказить идею Каткова и ограничить комиссію полицейскими обязанностями.

Комиссія въ дѣйствительности осталась миѳомъ, она собиралась, кажется, всего три раза и дѣятельность ея ничѣмъ особенно не проявилась, но графъ Лорисъ-Меликовъ, имѣя постоянныя сношенія съ покойнымъ государемъ, сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова первымъ министромъ, „верховнымъ визиремъ", какъ иронически называлъ его „Берегъ"—газета, созданная передъ тѣмъ на казенную субсидію и ставшая оппозиціонной. Это неудачное субсидированіе испыталъ и Лорисъ-Меликовъ на еще менѣе застѣнчивыхъ гражданахъ Россіи.

Верховенство графа представляетъ примѣръ удивительный въ исторіи: не было примѣра, чтобы диктатура съ такими чрезвычайно широкими полномочіями была встрѣчена съ такимъ удовольствіемъ публикою. Ее и прозвали „диктатурою сердца" *). Это было время какого-то юношескаго, страстнаго, почти непонятнаго теперь увлеченія. Покушеніе Млодецкаго на графа Лорисъ-Меликова еще увеличило эту популярность. Какъ она была сильна, видно изъ того, что дѣло дошло до того, что бѣглые каторжники являлись съ улицы и отдавали себя въ руки графу; печать также никогда не чувствовала себя такъ свободно**) и тѣ журналисты, которые лягаютъ теперь умершаго льва своимъ ко-

---

*) Титулъ этотъ далъ ему г. Суворинъ; надъ этимъ титуломъ потомъ смѣялись, но графъ Лорисъ-Меликовъ сказалъ доктору Бѣлоголовому передъ смертью: „Я бы почелъ для себя величайшей почестью и наградою, еслибы на моемъ могильномъ памятникѣ вмѣсто всякихъ эпитаѳій помѣстили только одну эту кличку".

**) Замѣчательно, что единственная, кажется, газета, получившая при Лорисъ-Меликовѣ предостереженіе, была „Новое Время", за статью „По поводу одного обѣда". Прибавимъ еще, что газета эта можетъ считать его въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Въ 1882 году онъ помѣстилъ въ ней статью о судоходствѣ на Кубани, цѣликомъ имъ написанную. Вообще графъ владѣлъ перомъ такъ же свободно, какъ и языкомъ.

пытомъ, умоляли въ своихъ письмахъ о дозволеніи „хотя нѣсколько минутъ подышать однимъ съ нимъ воздухомъ".

Поѣздка графа въ Крымъ показала, какъ цѣнило его полезное вліяніе наше общество: въ Харьковѣ и другихъ городахъ толпы народа, молодежь, студенты, гимназисты, дамы самымъ непритворнымъ и подчасъ наивнымъ образомъ выражали свое сочувствіе. За дѣятельность свою графъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго съ чрезвычайно лестнымъ рескриптомъ, содержавшимъ оцѣнку его заслугъ какъ государственнаго человѣка. Серьезная сторона рескрипта заключалась преимущественно въ той программѣ, которую вновь подтверждало правительство и которая была впервые намѣчена въ извѣстномъ воззваніи графа Лорисъ-Меликова къ публикѣ при назначеніи его предсѣдателемъ Верховной комиссіи.

„Вы достигли такихъ успѣшныхъ результатовъ, гласилъ рескриптъ, что оказалось возможнымъ если не вовсе отмѣнить, то значительно смягчить дѣйствіе принятыхъ временно чрезвычайныхъ мѣръ, и нынѣ Россія можетъ вновь спокойно вступить на путь мирнаго развитія". Слова эти многознаменательны. То, что графъ обѣщалъ въ своемъ воззваніи, какъ личное его желаніе, какъ pia desideria, подтверждалось и закрѣплялось словомъ государя императора.

Эта весенняя пора диктатуры длилась съ апрѣля примѣрно до августа, пока графъ, заправлявшій и III отдѣленіемъ, не исходатайствовалъ уничтоженія послѣдняго, за что получилъ одобреніе даже отъ Каткова—и не принялъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

На этомъ посту и продолжая играть роль перваго министра, такъ какъ большинство прочихъ министровъ докладывало въ его присутствіи, онъ старался перейти къ дѣлу и осуществить нѣкоторыя задуманныя имъ мѣропріятія: сенаторская ревизія (повлекшая къ раскрытію расхищеній башкирскихъ земель), отмѣна соляного налога, прекращеніе выпуска кредитныхъ билетовъ, комиссія о пере-

смотрѣ закона о печати, болѣе свободы въ учебномъ дѣлѣ— таковы были первые результаты управленія графа*). Болѣе занимало его развитіе самоуправленія на широкихъ началахъ. Весь этотъ планъ могъ осуществиться лишь при полномъ единодушіи въ министерствахъ. Достигнуть послѣдняго было нелегко. Застарѣлый недугъ русскаго правительства состоялъ въ томъ, что министры дѣйствовали враздробь, какъ „щука, лебедь и ракъ". Еще въ 1860 г., по совѣту князя Горчакова былъ учрежденъ совѣтъ министровъ. Засѣданія его въ первое время были собираемы довольно часто—по два раза въ недѣлю, но впослѣдствіи рутина взяла свое и отдѣльные доклады министровъ вновь

*) Между прочимъ онъ увеличилъ содержаніе губернаторамъ. До того всѣ губернаторы, безъ различія, получали штатнаго жалованья 5,430 руб. въ годъ, сумма очевидно несоотвѣтствующая ни положенію перваго лица въ губерніи, ни современной стоимости жизни въ провинціи. Начальники нѣкоторыхъ отдѣльныхъ управленій, напр., акцизныхъ, въ тѣхъ же губерніяхъ получали по закону въ полтора раза болѣе. По докладу графа, губернаторы получили двоякіе оклады: въ 16 губернскихъ городахъ особой важности, или такихъ, гдѣ жизнь замѣтно дороже, жалованье губернаторовъ назначено 8,000 руб. въ годъ, во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ жалованье повышено до 7,000 руб. Это измѣненіе штатовъ совершилось безъ малѣйшаго новаго ассигнованія денегъ изъ государственнаго казначейства. Для отысканія необходимыхъ средствъ графъ воспользовался упраздненіемъ III отдѣленія и сліяніемъ департамента полиціи исполнительной съ департаментомъ государственной полиціи. Сокращая число чиновниковъ двухъ департаментовъ, простиравшееся до 130, слишкомъ на половину, получились средства не только для назначенія чинамъ новаго департамента государственной полиціи усиленнаго содержанія, но и для улучшенія матеріальнаго положенія губернаторовъ. Кромѣ того, этихъ средствъ, а также полученныхъ отъ соединенія юрисконсультской части, бывшей при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и при III отдѣленіи, достало на учрежденіе новаго судебнаго отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ сосредоточились всѣ судебно-политическія дѣла. Подобный способъ улучшенія содержанія служащихъ значительнымъ сокращеніемъ ихъ числа и увеличеніемъ занятій остающимся нельзя не рекомендовать. Это гораздо раціональнѣе практиковавшагося до того способа, при которомъ съ упраздненіемъ одной штатной должности съ маленькимъ содержаніемъ учреждалось три новыхъ съ большимъ.

оттѣснили добрый обычай, введеный государемъ. И вотъ въ моментъ, когда идея о цѣльномъ кабинетѣ готова была почти осуществиться, все рухнуло въ катастрофѣ 1-го марта.

Оказалось, что примирительная политика графа, и призывъ общественныхъ силъ, и облегченіе участи молодыхъ людей, сосланныхъ въ отдаленные края *), и обѣщаніе крупныхъ реформъ нигилизма не искоренили. Крамола шла своимъ чередомъ.

Онъ самъ уже въ отставкѣ замѣтилъ какъ-то: „Вотъ графъ Толстой, хоть штатскій, справился съ нигилистами, а я и военный, да не могъ“. Но если мѣропріятія графа нигилизма не уничтожили, то развѣ по незнанію и съ злымъ умысломъ повторяютъ, что небрежность графа была одною изъ причинъ 1-го марта. На дѣлѣ никогда не шло такъ дѣятельно раскрытіе нигилистической организаціи, никогда число захваченныхъ и осужденныхъ анархистовъ не было такъ велико, какъ именно при „диктатурѣ сердца“. Извѣстно, что и Желябовъ былъ арестованъ ранѣе 1-го марта. Затѣмъ если въ организаціи сыскной части оказались разныя прорѣхи, то онѣ, конечно, къ графу не относятся, такъ какъ ни въ какой странѣ министръ не можетъ входить во всѣ мелочи и замѣнять собою полицейскихъ агентовъ.

Но если обвиненіе графа за 1-е марта было бы и не-

*) Многіе изъ высланныхъ въ прежнее время административнымъ порядкомъ не могли воспользоваться, по неимѣнію средствъ на обратное возвращеніе и необходимой одежды, облегченіями, полученными вслѣдствіе состоявшагося Высочайшаго соизволенія на пересмотръ списковъ высланныхъ лицъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ, не желая, чтобы милость государя оставалась мертвою буквою, испросилъ новое Высочайшее повелѣніе о принятіи на счетъ казны расходовъ на необходимую одежду, а равно на прогоны и путевыя издержки для возвращенія лицъ, не имѣвшихъ собственныхъ средствъ. Это гуманное распоряженіе шло на встрѣчу неоднократно высказаннымъ въ печати и обществѣ приглашеніямъ къ частной благотворительности, съ цѣлью собрать хотя какія нибудь средства для пособія наиболѣе нуждавшимся изъ возвращенныхъ сосланныхъ административнымъ порядкомъ.

справедливо и недобросовѣстно и даже жестоко, то нельзя не сказать, что поведеніе его послѣ этой катастрофы оказалось ниже того, чего отъ него слѣдовало ожидать. Потрясенный нравственно и физически, Лорисъ-Меликовъ не хотѣлъ или не могъ понять, что той политикѣ, которую онъ преслѣдовалъ, не было болѣе мѣста. Онъ пытался однако поддержать свою программу и даже вліялъ еще на нѣкоторыя назначенія, но пѣсня его была спѣта. Появленіе манифеста 29-го апрѣля, помимо участія графа, дало понять, что роль его съиграна, что довѣріе къ его политикѣ утрачено. Немедленно графъ подалъ въ отставку, которая была принята, равно какъ и отставка его друзей, графа Милютина и г. Абазы.

Графъ готовился къ такому исходу и въ тотъ же день переѣхалъ съ казенной квартиры, а затѣмъ отправился заграницу отдохнуть послѣ пятнадцатимѣсячныхъ непрерывныхъ трудовъ. Извѣстіе объ его отъѣздѣ было встрѣчено общимъ пожеланіемъ скорѣйшаго возстановленія силъ уважаемаго государственнаго дѣятеля, карьеру котораго, судя по его лѣтамъ и по тому положенію, которое онъ занялъ въ нашихъ высшихъ сферахъ, едва ли можно было считать законченною. Даже консервативная печать, въ лицѣ своего корифея Аксакова, поспѣшила засвидѣтельствовать свое уваженіе удаляющемуся отъ дѣлъ государственному человѣку. Подъ консервативной печатью разумѣется та, которая стояла на почвѣ народныхъ традицій, а не та, которая лишь торговала консервативными идеями, какъ другіе торгуютъ старымъ тряпьемъ, или вывороченнымъ наизнанку платьемъ.

Аксаковъ не пытался дѣлать подробной оцѣнки управленія графа Лорисъ-Меликова, такъ какъ время для этого не настало, но, зная, что молчаніе неумѣстно въ обществѣ, гдѣ нѣтъ недостатка въ герояхъ извѣстной басни, готовыхъ лягать каждаго, кто не пользуется уже палладіумомъ цензурнаго охраненія, характеризовалъ графа какъ перваго, кажется, министра въ русской исторіи, который,

помимо личнаго честолюбія, былъ проникнутъ искреннимъ желаніемъ государственной пользы. Публика инстинктивно сознавала это и тутъ-то заключалась тайна популярности графа Лорисъ-Меликова, рѣдкой въ нашемъ скептическомъ обществѣ. Графа Лорисъ-Меликова заграничныя газеты сравнивали съ Мазарини, который съумѣлъ съ честью управлять Франціей въ самое смутное время при помощи примирительной и ловкой политики. Строго говоря, въ сравненіи этомъ не было смысла. Графъ ЛорисъМеликовъ, не говоря уже о его безкорыстіи, которымъ не отличался Мазарини, составившій себѣ на службѣ состояніе въ 200 милліоновъ ливровъ, — не гнался за властью изъ-за власти, ради честолюбія. Поэтому онъ и оставилъ свой постъ съ такою высокою репутаціей въ глазахъ просвѣщеннаго общества, которое всегда съумѣетъ оцѣнить истинныя заслуги.

Послѣдніе годы графъ проводилъ почти постоянно въ Ниццѣ; отчасти вслѣдствіе разстроеннаго своего здоровья, отчасти потому, что послѣ того, какъ онъ занималъ такое положеніе, ему какъ-то неловко было разыгрывать передъ публикою роль падшаго величія. Онъ наѣзжалъ, впрочемъ, изрѣдка въ Петербургъ и между прочимъ принималъ участіе въ обсужденіи весьма важнаго вопроса о военной повинности на Кавказѣ. Графъ могъ бы съ успѣхомъ занять гдѣ либо постъ посла, но у насъ рѣдко назначаютъ пословъ не изъ профессіональныхъ дипломатовъ. Скончался онъ въ Ниццѣ. Хотя графъ давно страдалъ хроническимъ бронхитомъ и отличался вообще слабымъ здоровьемъ, но лѣта (ему было только 64 года) и энергическая нервная натура давали надежду на болѣе долгую жизнь.

Мы перечислили болѣе важные моменты въ жизни Лорисъ-Меликова. Остается сдѣлать заключеніе о роли его въ званіи послѣдняго „случайнаго человѣка" въ Россіи. Графъ Лорисъ-Меликовъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ государственныхъ людей. Служба его принадлежитъ не тому или другому вѣдомству, а Россіи. Въ нашей исто-

ріи онъ займетъ крупное мѣсто и, безъ сомнѣнія, весьма почетное. Графъ, дѣйствительно, желалъ общаго блага и общественное мнѣніе справедливо видѣло въ немъ не честолюбца и интригана, а человѣка добра. Это былъ рѣдкій примѣръ государственнаго дѣятеля и фаворита, который пользовался своею властью и своимъ положеніемъ съ необыкновенною умѣренностью, скромностью и безкорыстіемъ. Бѣда, однако, въ томъ, что графъ не былъ достаточно подготовленъ къ выпавшей на него задачѣ, а, благодаря 1-му марта, диктатура его продолжалась слишкомъ короткое время.

Выросшій и состарившійся вдали отъ петербургскихъ придворныхъ и канцелярскихъ сферъ, графъ Лорисъ-Меликовъ вѣрилъ въ силу общественнаго мнѣнія, вѣрилъ въ зрѣлость русскаго общества. На этомъ онъ построилъ свою правительственную систему и полагалъ призывомъ русскаго образованнаго общества къ содѣйствію правительству уничтожить крамолу. Та необыкновенная популярность, которою пользовался графъ нѣсколько мѣсяцевъ, то увлеченіе, которое охватило русское общество и которое получило названіе, ставшее нынѣ ироническимъ, „новыхъ вѣяній", укрѣпляли графа Лорисъ-Меликова въ избранной имъ политикѣ.

Обстоятельства показали, что графъ Лорисъ-Меликовъ ошибался, что въ такомъ обширномъ и сложномъ организмѣ, какова Россія, крѣпкая власть и могучее воздѣйствіе правительства важнѣе сантиментальнаго и безформеннаго сочувствія общества. Но кто можетъ обвинить графа въ этомъ заблужденіи, исходившемъ изъ намѣреній великодушныхъ и показавшихъ его патріотизмъ и довѣріе къ тому прогрессу русскаго самосознанія, которымъ такъ гордились мы двадцать лѣтъ подрядъ?

Служа на Кавказѣ, графъ не зналъ Петербурга и его партій, онъ совершенно ложно оцѣнивалъ силу и значеніе здѣшнихъ государственныхъ людей, считалъ опасными соперниками людей незначительныхъ и разсчитывалъ на по-

мощь отъ людей далеко не бывшихъ въ состоянiи сдѣлать что либо серьезное и полезное. „Одинъ въ полѣ не воинъ“ — совершенно къ нему примѣнимое выраженiе. Обладая восточнымъ лукавствомъ, онъ не обладалъ принципами Макiавели, а потому власть безграничная была ему не по силамъ, онъ создалъ себѣ много враговъ, но ни одного не съумѣлъ нейтрализировать.

Постоянное пребыванiе въ провинцiи и въ армiи дало ему также невѣрное понятiе о потребностяхъ государства. Жалобы quasi-либеральной печати, имѣвшей болѣе цѣлью систематическую оппозицiю правительству, онъ почиталъ за дѣйствительныя выраженiя народныхъ нуждъ. Онъ считалъ наше общество болѣе созрѣвшимъ, чѣмъ это было, и болѣе устойчивымъ въ своихъ воззрѣнiяхъ. Онъ вѣрилъ, что общество, дѣйствительно, жаждало прогресса и что нигилизмъ есть только пѣна, которая вскипала на поверхности волнующагося общества; успокоится волненiе, пропадетъ и пѣна. Онъ не зналъ, что наше молодое общество еще само не уяснило себѣ своихъ потребностей, что Россiя слишкомъ велика, чтобы партiи сформировались, и что у насъ скачки отъ радикализма къ реакцiи дѣлаются весьма просто и незамысловато. Лорисъ-Меликовъ, наконецъ, не зналъ, что при установившейся вѣковой приказной практикѣ у насъ не легко ни найти новыхъ людей для новаго дѣла, ни дать за рѣдкими исключенiями свѣжимъ людямъ возможность проявить себя. Незнакомый съ механизмомъ высшаго государственнаго управленiя, графъ Лорисъ-Меликовъ невольно подчинился чиновничьему кружку и лучшiе замыслы его застряли въ административной тинѣ. Теперь, конечно, раскрывать всѣ пружины этой интересной эпохи не время и невозможно. Она, однако, очень поучительна и доказываетъ вновь, что одними „благими намѣренiями“ управлять людьми невозможно, а уступчивость въ тревожныя времена равносильна слабости.

По убѣжденiямъ своимъ онъ былъ весьма умѣренный либералъ и вовсе не мечталъ о радикальномъ переворотѣ.

Онъ былъ за распространеніе народнаго образованія, за расширеніе самоуправленія и за привлеченіе выборныхъ отъ общества, въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ, къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ; доктринерства онъ былъ совершенно чуждъ.

Въ частной жизни графъ Лорисъ-Меликовъ пользовался глубочайшимъ уваженіемъ и любовью всѣхъ его знавшихъ. Это былъ человѣкъ рѣдкаго безкорыстія, чрезвычайно умный, веселый и пріятный собесѣдникъ, всѣмъ доступный, со всѣми обходительный, онъ охотно выслушивалъ возраженія, отличался терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, не считалъ себя непогрѣшимымъ и въ минуты, когда самыя высокопоставленныя лица буквально пресмыкались передъ нимъ, сохранявшій всегда простоту и представлявшій собою воплощеніе кавказскаго армейскаго офицера, безпечнаго и невоздержаннаго на языкъ. Кто близко зналъ графа Лорисъ-Меликова, тотъ всегда будетъ чтить его память. Такіе люди украшаютъ свой народъ, свое отечество.

Н. А. Любимовъ.

Каждое назначеніе литератора на какую либо административную должность обыкновенно возбуждаетъ вниманіе публики. Это вниманіе еще усиливается, если отличенный такимъ образомъ писатель принадлежалъ по направленію къ какой либо рѣзко опредѣленной партіи.

Назначеніе извѣстнаго московскаго профессора физики, Николая Алексѣевича Любимова, членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія принадлежитъ къ числу подобныхъ назначеній.

Какъ о физикѣ и преподавателѣ давно никто ничего не слыхалъ о г. Любимовѣ, но онъ очень хорошо извѣстенъ,

какъ ближайшій сотрудникъ и единомышленникъ Каткова, какъ редакторъ „Русскаго Вѣстника“ и какъ авторъ въ высшей степени тенденціозной и талантливой книги „Противъ теченія“. Въ сочиненіи этомъ проводится блестящая параллель между нынѣшней Россіей и Франціей въ моментъ возникновенія революціоннаго броженія въ концѣ XVIII вѣка и доказывается, что революція началась и у насъ фактически, пока, къ счастью, лишь въ умахъ и убѣжденіяхъ.

Физіологія нашего общества давно интересовала г. Любимова и еще въ 1860 году онъ сдѣлалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ слѣдующую характеристику отношенія русскаго общества къ образованію, которая вполнѣ подтвердилась дальнѣйшей исторіей нашего просвѣщенія:

«Наше общество представляетъ любопытное явленіе, обусловливаемое характеромъ нашего образованія, которое, значительно возбуждая и внѣшнимъ образомъ расширяя умъ, мало укрѣпляетъ его, мало развиваетъ свободу и силу мысли и даетъ мало положительныхъ, приложимыхъ знаній. Наше мыслящее меньшинство представляетъ собою кругъ людей съ запасомъ современныхъ мыслей; они живутъ, можно сказать, въ той же атмосферѣ какъ образованные представители какого бы то ни было европейскаго общества, и не чужды всему, что волнуетъ умъ современной эпохи; а между тѣмъ у насъ мало производительности, мало самостоятельности въ трудѣ и мысли, наша способность къ критикѣ безплодна, наша легкость пониманія не замѣняетъ намъ недостатка творчества. У насъ наука является въ праздничномъ видѣ; мы празднуемъ науку, но не работаемъ» *).

Еще болѣе, чѣмъ своею книгою „Противъ теченія“ г. Любимовъ прославился ненавистью къ университетскому уставу 1863 года. Онъ дѣйствовалъ противъ этого устава подачею разныхъ докладныхъ записокъ, пока не выступилъ открытымъ его врагомъ въ печати, приписывая означенному уставу причину многихъ удручающихъ насъ золъ. За

*) Любопытно, что въ 40-хъ годахъ Никитенко высказывалъ тотъ же взглядъ: „образованность наша, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, одно лицемѣріе. Учимся мы безъ любви къ наукѣ, безъ сознанія достоинства и необходимости истины“.

эту борьбу противъ университетскаго устава Леонтьевъ, другъ г. Любимова, пострадалъ нѣкоторымъ образомъ отъ московской университетской коллегіи, гдѣ либеральная партія была весьма сильна. Такого ничтожнаго дѣятеля, какъ барона Н. А. Корфа, который всю свою репутацію создалъ газетными рекламами, избрала она въ 1871 г. въ почетные члены университета!

Понятное дѣло, что назначеніе публициста съ такимъ опредѣленнымъ образомъ мыслей, какъ г. Любимовъ, въ составъ учрежденія, подающаго совѣты министру народнаго просвѣщенія—фактъ не лишенный извѣстнаго общественнаго значенія. Всѣ враги университетскаго устава 1863 года, всѣ кто видятъ въ немъ корень зла, а не считаютъ его палладіумомъ нашего умственнаго прогресса, обрадуются, что въ составѣ высшей администраціи, вѣдающей нашимъ народнымъ образованіемъ, будетъ, такъ сказать, присяжный обличитель недостатковъ устава, давно нуждающагося въ пересмотрѣ.

* * *

Приведенную выше характеристику, напечатанную въ свое время въ «Новомъ Времени», мы должны дополнить нѣкоторыми данными, тѣмъ болѣе необходимыми, что только чрезвычайная скромность г. Любимова не позволила нашему обществу опредѣлить надлежащимъ образомъ значеніе его въ русской политической печати.

Н. А. Любимовъ родился въ 1830 году, воспитывался въ Московской 3-й гимназіи и Московскомъ университетѣ; по окончаніи курса въ 1851 г., былъ учителемъ въ одной изъ московскихъ гимназій, а осенью 1854 г. получилъ мѣсто адъюнкта Московскаго университета. Въ 1857—1858 гг. онъ находился заграницею, преимущественно въ Парижѣ, гдѣ работалъ въ лабораторіи Реньо и помогалъ въ опытахъ знаменитаго ученаго надъ скрытою теплотою, упоминающаго о томъ въ своемъ сочиненіи *).

*) Труды г. Любимова по естественнымъ наукамъ, какъ ученые, такъ и съ цѣлью популяризаціи, весьма многочисленны. Кромѣ двухъ диссертацій и „Начальной физики" (выдержавшей два изданія), г. Любимовъ помѣстилъ нѣсколько спеціальныхъ монографій въ иностран-

Вернувшись въ 1859 году изъ-заграницы и избранный въ экстраординарные профессора Московскаго университета, г. Любимовъ первый возобновилъ, въ 1860 г., публичныя лекціи, которыхъ почти не было съ 1848 г. Преподаваніе не помѣшало Н. А. стать однимъ изъ наиболѣе видныхъ нашихъ публицистовъ. Исторія этой литературной дѣятельности изложена въ сочиненіи: „М. Н. Катковъ и его историческая заслуга".

Я узналъ—пишетъ г. Любимовъ—М. Н. Каткова въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда, будучи студентомъ, ходилъ на его лекціи философіи; познакомился съ нимъ съ 1853 года, когда началъ помѣщать статейки въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; ближе узналъ съ 1856 года, когда усердно участвовалъ въ возникшемъ «Русскомъ Вѣстникѣ». Тѣсная близость моя съ Михаиломъ Никифоровичемъ началась съ 1862 и особенно 1863 года, когда съ мая мѣсяца редакція «Русскаго Вѣстника» перешла въ ближайшее мое завѣдываніе, продолжавшееся до конца 1882 года, времени переѣзда моего въ Петербургъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ рѣдкій день не видѣлся я разъ и два съ Михаиломъ Никифоровичемъ, часто проводя часы съ нимъ, а до 1875 года и съ дорогимъ его и моимъ другомъ Павломъ Михайловичемъ Леонтьевымъ, скончавшимся 24 марта 1875 года. Немного было въ жизни у меня людей столь дорогихъ и близкихъ, какъ Катковъ и Леонтьевъ; не особенно много, думаю, болѣе меня близкихъ было и у нихъ.

Полученіемъ въ аренду „Московскихъ Вѣдомостей" Катковъ и Леонтьевъ обязаны отчасти г. Любимову. Въ совѣтѣ Московскаго университета была замѣтна партія, руководимая г. Чичеринымъ, враждебная и Каткову, и Леонтьеву и

нихъ спеціальныхъ журналахъ, читалъ лекціи о сохраненіи энергіи и о трудахъ Фарадея, написалъ книгу о трудахъ Ломоносова по физикѣ, любопытное сочиненіе „Изъ книги иллюзій, чудесъ, тайнъ, открытій". Онъ написалъ также книгу „Философія Декарта" (содержащую переводъ „Разсужденія о методѣ"). Мы не говоримъ о статьяхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", въ „Трудахъ съѣздовъ естествоиспытателей", академическихъ рѣчахъ и пр. Замѣчательно, что въ одной изъ рѣчей (1867 г.): „Въ чемъ духъ естествовѣдѣнія?" г. Любимовъ высказалъ насчетъ позитивной философіи и ея отношенія къ естествознанію мысли, которыя знаменитый Пастеръ высказалъ во Французской академіи пятнадцать лѣтъ спустя.

предлагавшая отдать газету Бабсту и Капустину. Защита г. Любимова и склонила большинство профессорской коллегіи. Другую услугу г. Любимовъ оказалъ Каткову, принявъ на себя редакторство во время трехмѣсячной пріостановки „Московскихъ Вѣдомостей“ въ маѣ 1866 года*).

Редакція „Русскаго Вѣстника“, какъ мы сказали, почти всецѣло лежала на г. Любимовѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ ни Катковъ, ни Леонтьевъ не читали „Русскаго Вѣстника“, кромѣ того, что г. Любимовъ, колеблясь почему либо, считалъ нужнымъ имъ показывать. Бывали, впрочемъ, статьи, редакторская корректура которыхъ тщательно дѣлалась самимъ Катковымъ. Такъ внимательно, между прочимъ, относился онъ къ помѣщенію того, что выходило изъ-подъ пера графа Л. Н. Толстаго. До принятія редакторства Н. А., выходъ „Русскаго Вѣстника“ очень замедлялся. „Въ сатирическомъ журналѣ, кажется въ Искрѣ**), не безъ остроумія сообщалось,—пишетъ онъ,—какъ одинъ подписчикъ „Русскаго Вѣстника“, прочтя на вышедшей въ позднюю осень книжкѣ: іюнь, повѣрилъ обозначенію, отправился въ ноябрѣ купаться и слегъ отъ простуды“. Принимая на себя редакцію, г. Любимовъ проявилъ рѣдкое въ наше время безкорыстіе, которое стоитъ отмѣтить. За эту редакцію Леонтьевъ предла-

*) Какъ относились тогда къ Каткову въ С.-Петербургѣ, видно изъ слѣдующаго: „А ваше превосходительство успѣли въ Москвѣ забѣжать къ Каткову“, говорилъ одинъ сановникъ съ претензіями на европеизмъ генералу Безаку. „Вы находитесь во внутреннихъ губерніяхъ: неужели вы вѣрите, что въ Россіи есть общественное мнѣніе?“ — „Я презираю общественное мнѣніе, плюю на него“, говорило съ раздраженіемъ тому же Безаку другое высоко-стоящее лицо.—„Это Катковъ и еще пять-шесть такихъ же негодяевъ, какъ онъ“. Штрафовъ съ Каткова въ 1865 г. было взыскано за мѣсяцъ 950 руб. Это почти равнялось субсидіи, получавшейся тогда „Голосомъ“. (Н. Любимовъ. М. Н. Катковъ).

**) Это было сказано въ „Современникѣ“, хотя въ дѣйствительности есть повтореніе только остроты, ранѣе сказанной о „Москвитянинѣ“—Погодина.

галъ 250 рублей въ мѣсяцъ, г. Любимовъ потребовалъ 150. Сошлись на 200 рубляхъ.

Г. Любимовъ не оставлялъ, впрочемъ, участія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ;" большинство статей 1863 и 1864 гг. по вопросамъ народнаго просвѣщенія писаны имъ. За то участіе его въ полемикѣ объ учебной реформѣ гимназій было самое незначительное. Этому вопросу посвятили себя Катковъ и Леонтьевъ. Г. Любимовъ интересовался болѣе университетскимъ вопросомъ.

Въ августѣ 1872 г. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой обратился къ попечителямъ учебныхъ округовъ съ просьбою указать на недостатки университетскаго устава, чтобы подвергнуть его пересмотру. Къ мнѣніямъ университетскихъ совѣтовъ министръ предложилъ приложить и отдѣльныя мнѣнія профессоровъ. Университетскіе совѣты неохотно и не спѣша приступили къ исполненію предложенія министра. Мнѣнія ихъ сводились почти исключительно къ выраженію желанія, чтобы отпускаемыя правительствомъ суммы на учебныя пособія, стипендіи, приготовленіе лицъ къ занятію каѳедръ и на вознагражденіе профессоровъ, были значительно усилены, а число каѳедръ увеличено. Немногіе отдѣльные профессора, въ томъ числѣ г. Любимовъ, нѣкоторые попечители, а также бывшій кіевскій профессоръ Х. Я. Гюббенетъ, указывали на необходимость пересмотра устава. Мнѣнію г. Любимова суждено было играть важную роль въ дальнѣйшей печальной исторіи неудавшагося пересмотра.

Тотчасъ по его появленіи, мнѣніе это стали выставлять какимъ-то маневромъ, условленнымъ будто бы между редакторами „Московскихъ Вѣдомостей", изъ которыхъ одинъ, Леонтьевъ, былъ незадолго предъ тѣмъ оскорбительно забаллотированъ въ совѣтѣ Московскаго университета. Самое дѣло пересмотра начали приписывать ихъ внушеніямъ. Въ совѣтѣ мнѣніе было встрѣчено раздраженными возраже-

ми, а появленіе его въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ *) сдѣла-
ь сигналомъ цѣлаго литературнаго похода.

Въ университетской дѣятельности г. Любимова заслу-
иваетъ вниманія еще участіе въ знаменитой въ свое время
тсылкѣ университетскимъ совѣтомъ министру народнаго
росвѣщенія, присланной послѣднимъ брошюры Шедо-Фер-
роти (барона Фиркса) „Que fera-t-on de la Pologne?“ при
письмѣ, гдѣ брошюра эта называлась памфлетомъ, оскор-
бительнымъ для русскаго народнаго чувства и, очевидно, принадлежащимъ перу, явно враждебному Россіи. Г. Любимовъ убѣдилъ Баршева, ректора университета, предложить этотъ вопросъ совѣту и редактировалъ отзывъ послѣдняго, принятый единогласно.

Мы говорили выше о замѣчательной книгѣ г. Любимова „Противъ теченія, очерки французской революціи“. Исторіей французской революціи г. Любимовъ интересовался давно; еще въ 1862 г. была написана имъ статья о народномъ просвѣщеніи во Франціи въ эпоху революціи, затѣмъ онъ описалъ первые дни французской революціи. Замѣчательная по безпристрастію книга Тена вызвала нашего ученаго подѣлиться своими обширными свѣдѣніями объ этой интересной эпохѣ въ болѣе обстоятельномъ этюдѣ.

Л. С. Маковъ.

Увольненіе на одной недѣлѣ трехъ министровъ произвело бы въ чиновничьемъ Петербургѣ въ другое время безконечные толки и пересуды, но нынѣ серьезность политическаго момента совершенно отодвигаетъ на задній планъ

---

*) Мнѣніе, какъ и другія статьи и записки г. Любимова объ университетскомъ вопросѣ, напечатаны особою книгою, подъ заглавіемъ „Мой вкладъ“. 2-я часть этого изданія содержитъ различныя статьи по вопросамъ народнаго просвѣщенія, исторіи и естественныхъ наукъ.

личные вопросы. Нервы публики притуплены и ее не поразила даже необычайная быстрота административныхъ перемѣнъ, совсѣмъ не соотвѣтствующая установившимся бюрократическимъ традиціямъ.

Если на публику эти быстрыя превращенія не производятъ эфекта, то обязанность печати оцѣнить смыслъ и значеніе совершившихся перемѣнъ, опредѣлить, съ какою цѣлью онѣ произведены: въ надеждѣ ли имѣть лицъ болѣе подходящихъ къ своимъ портфелямъ, или же, по крайней мѣрѣ, болѣе удовлетворяющихъ понятію объ единствѣ направленія совѣта министровъ, такъ какъ необходимость единообразной внутренней политики каждый день даетъ себя все болѣе и болѣе чувствовать.

Первымъ изъ министровъ, оставившихъ свой постъ, былъ Левъ Сергѣевичъ Маковъ, съ увольненіемъ котораго упразднились два министерства — Почтъ и Телеграфовъ и Иностранныхъ Духовныхъ Исповѣданій. Нѣтъ нужды говорить объ эфемерности этихъ вѣдомствъ; они явились не въ силу необходимости, а какъ временной компромиссъ между существовавшими недавно въ высшемъ правительствѣ двумя направленіями, насчитывавшими каждое извѣстное число вліятельныхъ представителей. Обстоятельства съ тѣхъ поръ сильно измѣнились и хотя Маковъ былъ не изъ людей, мнѣнія которыхъ шли бы болѣе или менѣе въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ правительства, но это не спасло его отъ увольненія, когда политика измѣнилась.

По своимъ способностямъ и характеру Маковъ былъ именно тотъ „средній человѣкъ“, трудолюбивый и любезный, свободно владѣющій перомъ, умный, живой и съ своеобразною рѣчью, который въ жизни лучше всего преуспѣваетъ, а особенно въ административныхъ сферахъ.

Первый оцѣнилъ Макова графъ П. А. Валуевъ, который въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ выбралъ его и командировалъ къ виленскому генералъ-губернатору Назимову для содѣйствія въ крестьянскомъ дѣлѣ. Графъ Муравьевъ, совершенная противуположность Назимова, также

былъ чрезвычайно доволенъ Маковымъ, очень цѣнилъ его и не соглашался на переводъ его въ Кіевъ.

Послѣдующею ступенью для Макова была канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ и министръ и товарищъ его были tres occupés à ne rien faire, то, естественно, значеніе правителя канцеляріи, до того ничтожное, очень повысилось. Мало-по-малу фактически вся власть сосредоточилась въ его рукахъ и всѣ нашли назначеніе затѣмъ Макова товарищемъ министра какъ нельзя болѣе естественнымъ.

По вліянію Макова, хотя нѣмцы имѣли въ Петербургѣ сильныхъ защитниковъ, состоялось въ 1867 г. высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ о распространеніи должностного употребленія русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ, а въ 1875 г., несмотря на рядъ ярыхъ нѣмецкихъ манифестацій, произведенныхъ въ 1868—70 г., введена была въ Прибалтійскомъ краѣ городская реформа, положившая начало распространенію на край русскихъ порядковъ.

Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, рѣдкій изъ нашихъ администраторовъ отличался такимъ трудолюбіемъ, такимъ вниманіемъ къ своимъ обязанностямъ, какъ Л. С. Маковъ: буквально цѣлые дни посвящалъ онъ своему обширному вѣдомству. Но трудолюбіе не приноситъ еще пользы безъ теплаго отношенія къ дѣлу въ нашей путаницѣ мелочностей и формалистики. Въ этомъ случаѣ Маковъ показалъ себя съ хорошей стороны. Печать и самоуправленіе избавились при немъ отъ мелочной придирчивости и стали въ болѣе правильныя отношенія къ администраціи.

Надобно обратить еще вниманіе на то, что время управленія Макова было однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ и тяжелыхъ: эпидемія, пожары, неурожаи, революціонная агитація, все это обрушилось какъ нарочно на новаго министра, отвлекая его вниманіе отъ текущихъ вопросовъ внутренняго благоустройства. Нужно было много такта, труда и опытности, чтобы съ честью нести свои тяжелыя обязанности.

Маковъ не остался равнодушнымъ зрителемъ злодѣяній, съ каждымъ днемъ становившихся все болѣе дерзкими: въ помощь къ земской полиціи онъ создалъ институтъ урядниковъ, подвергшійся ожесточеннымъ нападеніямъ въ печати, многіе органы которой сочувствовали тогдашнему „хожденію въ народъ". Къ сожалѣнію, принимаемыя имъ мѣры не истекали изъ какого либо общаго плана дѣйствія и, достигали нерѣдко цѣлей прямо противуположныхъ тѣмъ, ради которыхъ предпринимались. Какой смыслъ имѣла разстановка, напримѣръ, въ столицѣ по угламъ казачьихъ пикетовъ, или организація арміи изъ 12,000 дворниковъ, которые спали день и ночь, а обывателямъ обходились въ 1½ милліона?

Передача политическихъ преступленій изъ вѣдѣнія общихъ судовъ военной юстиціи по закону 9 августа 1878 г., созданному въ одну ночь, нисколько не устрашила злодѣевъ, подпольные органы выходили аккуратно и даже объявляли о пріемѣ частныхъ заказовъ въ своихъ типографіяхъ! Желая заручиться общественнымъ мнѣніемъ, Маковъ напечаталъ въ „Правит. Вѣстн." воззваніе къ содѣйствію общества къ веденію борьбы съ разрушительными ученіями. Но цѣль этого воззванія до такой степени была неясна, что когда харьковское и черниговское земскія собранія пожелали отозваться на призывъ правительства, то постановленія ихъ были кассированы и иниціаторы дѣла отданы подъ надзоръ полиціи.

Въ придачу въ Ветлянкѣ появилась, совершенно невѣдомо для министерства, завѣдующаго санитарною частью, злокачественная болѣзнь, которую всѣ враги Россіи поспѣшили окрестить чумою. Нигилистическая молодежь кричала! ура! услыхавъ, что чума будто бы достигла столицы.

Эти явленія, какъ извѣстно, привели къ измѣненію правительственной системы. Маковъ, само собою, очень не сочувствовалъ въ душѣ графу Лорисъ-Меликову, но, какъ человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій, нашелъ самое лучшее приспособиться къ новому режиму. Онъ еще болѣе смяг-

чилъ свои отношенія къ печати и готовъ былъ даже измѣнить всю систему, но графъ Лорисъ-Меликовъ находилъ, что ему удобнѣй руководить дѣлами внутренняго управленія лично, безъ посредниковъ.

Покойный государь цѣнилъ, однако, трудолюбіе Макова и при назначеніи графа Лорисъ-Меликова министромъ внутреннихъ дѣлъ, Маковъ сдѣлался не только министромъ вновь возстановленнаго для него Министерства Почтъ и Телеграфовъ, но и главноначальствующимъ надъ департаментомъ иностранныхъ духовныхъ исповѣданій, должность когда-то созданная для любимца Александра I, кн. Голицына.

Административная опытность Л. С. Макова была приложена такимъ образомъ къ несравненно болѣе узкой противъ прежняго сферѣ—слухи о порученіи ему весьма важнаго для нашего государственнаго хозяйства Министерства Государственныхъ Имуществъ не оправдались — тѣмъ не менѣе и въ ограниченной сравнительно дѣятельности онъ могъ бы принести пользу.

Не говоря уже о продолженіи его дѣятельности по духовнымъ вопросамъ, оставшимся въ его вѣдѣніи, почты и телеграфы получили такое важное значеніе въ современномъ обществѣ, что давали достаточную пищу способному администратору. Если почтовая часть во Франціи, Англіи и даже въ Соединенныхъ Штатахъ сдѣлалась предметомъ особаго министерства, то во сколько разъ дѣятельность подобнаго учрежденія могла бы оказаться существенною въ Россіи, гдѣ почтовая часть очень отстала, а между тѣмъ при нашихъ разстояніяхъ имѣетъ особое значеніе.

Газеты надѣялись, что Маковъ, которому обширность и многосложность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не дозволили обратить на почтовую часть достаточно вниманія, сдѣлаетъ въ этой важной отрасли государственнаго управленія многія крайне необходимыя преобразованія.

Въ дѣйствительности его управленіе почтами и телеграфами въ составѣ отдѣльнаго вѣдомства не ознаменовалось рѣшительно никакимъ выдающимся мѣропріятіемъ или

по крайней мѣрѣ проектомъ таковаго. Въ управленіи иностранными исповѣданіями можно отмѣтить фактъ возстановленія прямыхъ сношеній съ римской куріей. Это важное дѣло, обѣщающее полезные результаты; достигли его безъ заискиванія и уступчивости, а послѣдовательною политикою. Заслуга тутъ въ значительной степени можетъ быть приписана Макову.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что взгляды на исходъ переговоровъ съ Римомъ весьма различны. Остряки увѣряли, что „Льву Макову не перехитрить Льва тринадцатаго", и дѣйствительно нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ въ епископы лицъ оказались неудобными и назначеніе ихъ оживило польскій духъ въ Западномъ краѣ. Но извѣстно, что всѣ вопросы, касающіеся католической іерархіи, считаются наиболѣе трудными для разрѣшенія не только у насъ, но и повсемѣстно.

Наше правительство въ католическомъ вопросѣ, повторяемъ, существенныхъ уступокъ не сдѣлало. Оно признало лишь то, что стало необходимымъ силою вещей и противодѣйствовать чему было бы лишь желаніемъ проломить лбомъ стѣну. Дѣйствіе, быть можетъ, очень рѣшительное и смѣлое, но, какъ извѣстно, не приносящее никогда никакой пользы.

Можно какъ угодно смотрѣть на католицизмъ, можно считать его, особенно при извѣстномъ оттѣнкѣ фанатизма со стороны населенія, очень опасною доктриною для цѣлости государства, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что католицизмъ есть дѣло совѣсти и убѣжденія многихъ десятковъ милліоновъ. Въ Россіи католиковъ по самому умѣренному счисленію около 8 милліоновъ. Какими бы государственными и религіозными идеалами ни задаваться, интересы совѣсти этихъ милліоновъ не могутъ быть игнорированы. Признавая даже всѣ означенные 8 милліоновъ пребывающими въ глубокомъ и опасномъ заблужденіи, правительство, не возвращаясь къ западно-европейскимъ пріемамъ XVI и XVII вѣка, не можетъ оставаться равно-

душнымъ къ религіознымъ убѣжденіямъ такого множества людей.

Это одинъ существующій фактъ. Другой состоитъ въ свойствѣ католицизма. Послѣдній немыслимъ безъ папы и папскаго непогрѣшимаго авторитета. Можно и философски и канонически оспаривать законность подобнаго явленія, оно, однако, фактически существуетъ и доколѣ существуетъ каждое правительство, имѣющее въ составѣ своего населенія католиковъ, должно по необходимости съ нимъ считаться, а особенно правительству такого государства, гдѣ населеніе это считается милліонами.

Третій фактъ состоитъ въ томъ, что папское правительство или такъ называемая римская курія никогда не мѣняетъ своей политики. И оно, конечно, уступаетъ иногда силѣ и обстоятельствамъ, но затѣмъ при первой возможности возвращается къ прежнимъ своимъ претензіямъ. Когда папы были итальянскими государями, а въ XVI вѣкѣ довольно даже могущественными, они подчиняли еще свою политику династическимъ и чисто государственнымъ интересамъ, но съ утратою территоріальнаго могущества, политика папскаго двора все болѣе дѣлалась исключительно религіозною, а потому болѣе настойчивою и вліятельною. Триста и двѣсти лѣтъ назадъ самые набожные государи, какъ Филиппъ II или Людовикъ XIV, въ грошъ не ставили папу, теперь даже протестантскія государства—Голландія и Англія, крайне осторожно относятся ко всѣмъ католическимъ вопросамъ.

Такова наличность фактовъ, обусловливающая отношенія русскаго правительства къ папскому двору. Съ послѣднимъ, какъ извѣстно, съ 1866 у насъ не было официальныхъ дипломатическихъ сношеній. Сила вещей заставила однако завести официозныя сношенія, сначала чисто дѣловыя, ибо католицизмъ немыслимъ безъ папы. Недостатокъ постоянныхъ сношеній съ римскимъ дворомъ выразился болѣе всего въ дезорганизаціи высшей католической іерархіи. Безъ папы новыхъ епископовъ посвящать нельзя, а

въ семнадцатилѣтній промежутокъ разрыва сношеній только счастливая случайность не позволила еще естественною смертью сдѣлать всѣ католическія каѳедры въ Россіи вакантными. Вопросъ о замѣщеніи епископскихъ каѳедръ сталъ такимъ образомъ наиболѣе настоятельнымъ. Онъ не могъ, однако, разрѣшиться безъ разрѣшенія участи тѣхъ епископовъ, которыхъ наше правительство сослало за участіе въ мятежѣ 1863 года, но лишить которыхъ сана, безъ согласія папы, не нарушая самымъ кореннымъ образомъ принциповъ католической вѣры, не могло.

Если наше соглашеніе съ папою не установило мира въ католической церкви въ Россіи и не привязало къ намъ католическаго населенія, то во всякомъ случаѣ оно устранило возможность въ близкомъ будущемъ многихъ непріятныхъ случайностей и вовсе не ставило насъ въ худшее противъ прежняго положеніе. Ужъ одно возобновленіе нормальныхъ отношеній правительства къ римскому двору, при полномъ сохраненіи свободы дѣйствій, представляло результатъ весьма удовлетворительный, дѣлающій честь миролюбію Льва XIII, а также могущій быть поставленнымъ въ заслугу Макову. Добиться чего либо подобнаго при Піѣ IX было совершенно немыслимо.

За Маковымъ останется также заслуга соединенія уніатовъ Царства Польскаго съ православною церковью и уничтоженія одного изъ средствъ окончательнаго ополяченія русскаго по происхожденію населенія. Но и здѣсь распоряженія Макова, а также его помощника въ этомъ дѣлѣ на мѣстѣ Громеки (изъ жандармовъ обратившагося въ либеральнаго публициста, а затѣмъ въ весьма энергическаго губернатора), не чужды были ошибокъ и значительно своею поспѣшностью усложнили дѣло.

* * *

Теперь выяснилось, что въ упраздненіи Министерства Почтъ и Телеграфовъ главную роль игралъ графъ Лорисъ-Меликовъ, весьма Макову не симпатизировавшій. Самоубійство Макова, совпавшее съ извѣстною растратою Пер-

фильева, набросило тѣнь на репутацію покойнаго государственнаго человѣка. Дѣло это вообще темное, но въ безкорыстіи Макова едва ли можно сомнѣваться, такъ какъ послѣ него остались долги. Маковъ очень любилъ рисоваться своею высокою честностью, поэтому, вѣроятно, преувеличенное опасеніе за свою репутацію и побудило его на рѣшеніе, не вяжущееся ни съ его холоднымъ вообще характеромъ, ни съ его религіозностью.

Одинъ изъ весьма извѣстныхъ въ Петербургѣ общественныхъ дѣятелей передалъ намъ около сотни писемъ Макова. Мы извлекаемъ два изъ нихъ, какъ хорошо характеризующія религіозное настроеніе Макова и его воззрѣнія, въ особенности политическія. Оба касаются рѣчей произнесенныхъ публично въ Петербургѣ.

Объ Орлеанской дѣвѣ и контрибуціяхъ.

...Я уже читалъ произнесенныя вами рѣчи, потому что читаю постоянно. Не могу, однако, воздержаться отъ небольшого замѣчанія по поводу вашей второй рѣчи, и замѣчаніе это выскажу совершенно откровенно на томъ основаніи, что всякій выступающій на сцену, въ печать, тѣмъ самымъ отдаетъ себя на общій судъ. Ваша вторая рѣчь, извините за выраженіе и за правду, возбудила во мнѣ... какъ бы сказать... да просто-на-просто сильнѣйшее негодованіе. Я все извиняю вамъ: и трескотню фейерверка, и «скромный черный фракъ», который въ концѣ рѣчи превращается «въ одежду пахаря», и т. п. Почему иногда и не подпустить бѣглаго огня, но я рѣшительно не могу понять глумленія надъ одною изъ лучшихъ страницъ не только французской, но всемірной исторіи! Слова ваши: «французская легенда самодовольно гласитъ о какой-то Орлеанской дѣвѣ и т. д.» Проговорить подобную фразу значитъ кощунствовать надъ самыми святыми чувствами народа и человѣчества. Если вы дѣйствительно такого убѣжденія, то смѣйтесь уже заодно и называйте театральными героями Арнольда Винкельрида, Вильгельма Телля, Минина, Авраамія Палицына и многихъ другихъ. Для Швейцаріи и для Россіи эти имена совершенно равнозначущи имени Іоанны д'Аркъ, героини, которую вы такъ низко ставите въ вашихъ рѣчахъ и которая, между прочимъ, вдохновляла такихъ геніевъ какъ Шиллеръ. Перехожу да-

лѣе. Вы, бросивъ камень въ самую святую для французовъ сторону ихъ исторіи, захотѣли заклеймить и пруссаковъ. Вы сказали: «Мы не обращаемъ побѣду въ пяти милліардную спекуляцію». Вамъ аплодировали. Слѣдовательно все обстоитъ благополучно. Я не обѣдалъ и не хлопалъ и потому и тутъ замѣчу, что эта фраза не болѣе какъ фейерверкъ. Россія гдѣ могла брала контрибуціи. Это говоритъ исторія прошлыхъ и новѣйшихъ временъ. Россія не только съ иностранцевъ брала контрибуціи, но она беретъ контрибуцію нынѣ съ своихъ собственныхъ подданныхъ въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ, вызванныхъ на подавленіе послѣдняго польскаго возстанія, и беретъ эту контрибуцію уже въ теченіе семи слишкомъ лѣтъ. Собрали мы такимъ образомъ болѣе 10 милл. рублей... Подумали ли вы объ этомъ? Болѣе говорить не стану. Закончу общимъ замѣчаніемъ. Рѣчи бываютъ двоякаго рода: или совершенно безсодержательныя, т. е. наполненныя похвалами и приличными случаю анекдотами, имъ же имѣющія значенія политическое или соціальное. Въ послѣднемъ случаѣ каждое слово должно быть взвѣшено. Хорошо, что вы говорили въ Россіи, а не въ Англіи. Я же и здѣсь, въ Россіи, не далъ бы своего скромнаго и ничтожнаго имени подписать подъ вашею рѣчью....

Объ отношеніяхъ Россіи къ иностраннымъ державамъ.

...Я всегда говорю правду и, не обинуясь, скажу ее и теперь. Я согласенъ только съ одною непреложною и дорогою для каждаго русскаго истиною: надобно любить родину. И только. Это не истина, это чувство, присущее намъ какъ чувство любви къ матери, къ отцу, къ дѣтямъ. Учить этому взрослыхъ нельзя. Затѣмъ въ частностяхъ вотъ мои замѣчанія:

1) Если патріотизмъ Англіи разсчетъ, то значитъ этотъ разсчетъ нуженъ странѣ, а если онъ нуженъ, то ясно, что Англія держится національной политики, т. е. того идеала, котораго мы всѣ желаемъ для Россіи и за осуществленіе котораго населеніе всегда благодарно правительству. Ставить въ укоръ такую политику нельзя и нѣтъ основаній.

2) Потому (она) противъ канала (Суэзскаго), что онъ вредитъ ея интересамъ. Съ точки зрѣнія англичанъ это весьма понятно и почтенно. Благодушествія въ политикѣ нѣтъ и не должно быть. Дай Богъ и намъ всегда слѣдовать политикѣ, сообразной только съ нашими интересами.

3) Францiя не естественная союзница Россiи, а ея естественный врагъ. Утопiи Каткова и К° никогда не въ силахъ опровергнуть исторiи. Тьеръ громогласно заявилъ объ этомъ направленiи въ Петербургѣ.

4) Въ такомъ случаѣ Наполеонъ (III-й) безумецъ или съумасшедшiй! Европа и цѣлый мiръ его такимъ не признавали въ 1853 и 1863 г.

5) Опять-таки Англiя дѣйствуетъ по побужденiю своихъ личныхъ интересовъ и прекрасно дѣлаетъ. Прекрасно дѣлаетъ и Россiя, хладнокровно смотря какъ топчутъ въ грязь Францiю. Это ей не только выгодно, но положительно необходимо. Необходимо именно теперь въ виду Черноморскаго и Римскаго вопроса.

6) Это обвиненiе невѣрно въ основанiи. Усилiя (въ Крымскую войну) рухнули, потому что они были созданы на человѣческомъ разсчетѣ и комбинацiяхъ. Ни то, ни другое не вѣчны. Таковъ законъ природы, таковъ законъ исторiи. Только мiровые генiи, каковымъ былъ, напримѣръ, Петръ I, разсчитывали вѣрно и цѣлыя столѣтiя оправдали уже ихъ разсчеты. Ни Пальмерстонъ, ни Наполеонъ не были генiями. Рано или поздно ихъ разсчетъ долженъ былъ рухнуть. Онъ идетъ въ разрѣзъ съ путемъ, указаннымъ Россiи Петромъ I, который добивался Чернаго моря. И теперь мы возстанавливаемъ только то, что онъ намъ далъ и что мы случайно и временно утратили.

7) Здѣсь явное противорѣчiе начала съ концомъ. Злополучiе Францiи, между прочимъ, въ томъ, что она черезчуръ сильно вѣрила въ католицизмъ. Католицизмъ безъ папы и его свѣтской власти немыслимъ. Онъ обратится въ западное православiе.

8) У Австрiи двѣ родины, какъ вы говорите, и въ этомъ случаѣ вторая половина уже никакъ не можетъ ожидать зари славянскаго возрожденiя, ибо эта половина состоитъ изъ мадьяръ, неимѣющихъ ничего общаго съ славянствомъ и по традицiи, и по дѣйствiямъ, самыхъ ярыхъ и опасныхъ угнетателей славянства. Третья родина, о которой вы умолчали, дѣйствительно славянская: Богемiя, Хорватiя, Далмацiя, Иллирiя, Галицiя (русины въ Буковинѣ), венгерскiе сербы и т. д., ждетъ возрожденiя. Но она лишена политическихъ правъ, разрознена и подавлена нѣмцами, мадьярами и поляками, которые вычеркнули себя изъ списка славянъ. Вообще политическое состоянiе Австрiи очерчено невѣрно.

9) Если есть въ Европѣ движенiе, которому Россiя, по своей нацiональной политикѣ, должна сочувствовать, то, конечно, это дви-

женіе итальянское. Оно прямо и безусловно полезно Россіи. Паденіе папы уничтожитъ рознь, существующую между славянами-православными и славянами-католиками. Истинная заря славянскаго единенія зажглась въ Римѣ. Дождемся—проглянетъ и солнышко.

10) Нѣтъ не уразумѣли! Не могли уразумѣть, ибо, чтобы пользоваться свободою разумно, нужно просвѣщеніе, а его у насъ нѣтъ въ народѣ. Есть добрыя свойства и эти свойства пассивно, инстинктивно, а не разумно поддерживаютъ порядокъ въ народѣ. Это грустное сознаніе для того, кто много потрудился офиціально и неофиціально для крестьянъ!

11) Америка первая провозгласила ученіе Монроэ, — и не выдержала, а между тѣмъ она отдѣлена цѣлымъ океаномъ отъ Европы. Вы предлагаете какой-то китаизмъ подъ благовидной формою. Еслибы не было славянъ, еслибы у насъ не было нѣмецкихъ, польскихъ, финляндскихъ и бухарскихъ окраинъ, то тогда подобный китаизмъ возможенъ. Но тамъ, гдѣ есть великій народъ, тамъ есть и великія призванія, связанныя съ его судьбами. Этихъ призваній онъ отталкивать не въ правѣ, иначе онъ потеряетъ право на имя великаго народа и обратится въ неподвижное, безцѣльное государство, которое существовать самостоятельно не должно. Гдѣ есть жизнь, тамъ — международныя отношенія, а гдѣ эти отношенія,— тамъ есть поводы къ столкновенію интересовъ. Вызывать этихъ столкновеній не слѣдуетъ, желать ихъ не должно, но избѣгнуть не всегда возможно.

12) Кто отобьетъ Индію у Англіи? Подумайте, на чью долю выпадетъ эта задача и сообразите, совмѣстима ли она съ китаизмомъ, который вы предлагаете? Вспомните, что при Павлѣ I, когда Средняя Азія еще намъ не принадлежала, у русскихъ дипломатовъ былъ готовъ планъ вторженія въ Индію чрезъ степь. Былъ посланъ приказъ Орлову готовить донскіе полки и только измѣнившіяся политическія событія остановили осуществленіе этого плана. А теперь насъ отъ Индіи отдѣляетъ небольшая полоса земли!...

Изъ предъидущаго видно, что Маковъ значительно измѣнилъ свои воззрѣнія на папу, сдѣлавшись министромъ.

Н. Н. Миклухо-Маклай.

Николай Николаевичъ Миклухо-Маклай сдѣлалъ, какъ извѣстно, въ газетахъ шутливое приглашеніе русскимъ, желающимъ ѣхать селиться въ Новую Гвинею, обращаться къ нему за справками. Мы называемъ это объявленіемъ шутливымъ или, правильнѣе, шутовскимъ, потому что Миклухо-Маклай долженъ бы знать, что если онъ такое приглашеніе сдѣлалъ серьезно, то каждый адвокатъ имѣетъ право прекратить его колонизаціонныя попытки въ силу закона, установившаго весьма серьезную уголовную отвѣтственность за склоненіе русскихъ подданныхъ къ эмиграціи.

Шутка Миклухо-Маклай, какъ всѣ мистификаціи, произвела, однако, свое дѣйствіе: не только нашлось нѣсколько десятковъ, а можетъ быть и сотенъ наивныхъ, чтобы не сказать просто глупыхъ людей, которые серьезно спрашивали объ условіяхъ эмиграціи въ Новую Гвинею, но нашлась даже газета, принявшая Миклухо-Маклая подъ свое покровительство, назвавшая его „знаменитымъ путешественникомъ“ и всѣхъ, кто подсмѣивался надъ дикимъ проектомъ селить русскихъ среди папуасовъ на берегахъ Новой Гвинеи, осыпавшая ругательствами, состоящими изъ смѣси отборныхъ выраженій бурсы и бердичевскаго толкучаго рынка. Нѣтъ нужды пояснять, что подобнымъ языкомъ могли говорить только „Новости“—прелестный семитскій цвѣтокъ, усиленно унавоженный семинаристами.

Еслибы трогательный союзъ нашихъ евреевъ и тупол[illegible]быхъ бурсаковъ цѣликомъ переселился въ Новую Гвинею, мы бы ничего не сказали, даже благословили бы ихъ та[illegible] и вовсе оставаться, но, къ сожалѣнію, никто изъ сотруд[illegible]ковъ „Новостей“, ни кто либо изъ ихъ единомышленник[illegible] къ папуасамъ ѣхать не собираются, а ограничиваются увѣреніями, что проектъ „знаменитаго“ Миклухи-Ма[illegible] имѣетъ для Россіи „интересъ національный и общест[illegible]

ный". Такъ какъ пора, наконецъ, положить предѣлъ этому нелѣпому шутовству, то мы постараемся въ краткихъ словахъ объяснить, что ни Миклухо-Маклай не имѣетъ ни малѣйшаго права на титулъ „знаменитости" (развѣ считать этотъ титулъ ничего не значущимъ и одинако употреблять слова: „знаменитые Юлій Цезарь и Шекспиръ", или „знаменитый пѣвецъ „Аркадіи" г. Давыдовъ"), ни проектъ его на какое либо вниманіе со стороны благомыслящихъ русскихъ людей.

Знаменитымъ русскимъ путешественникомъ можетъ называться: Семенъ Дежневъ, обогнувшій на лодкѣ Чукотскій носъ за двѣсти слишкомъ лѣтъ раньше Норденшельда и открывшій Беринговъ проливъ за сто лѣтъ прежде Беринга; могутъ назваться Прончищевъ, братья Лаптевы, Пахтусовъ, которые цѣною жизни и невѣроятныхъ лишеній сдѣлали опись наиболѣе трудныхъ частей Ледовитаго океана, Крузенштернъ, котораго кругосвѣтное плаваніе такъ обогатило науку, но дѣлать знаменитымъ Миклуху-Маклая, который никакихъ открытій не дѣлалъ и никакой науки не обогатилъ, значитъ морочить публику.

Можетъ быть Миклухо-Маклай и станетъ современемъ знаменитымъ, даже великимъ; можетъ быть его труды, если они, наконецъ, появятся въ свѣтъ, доставятъ ему безсмертіе; все это еще можетъ быть; пока же извѣстно лишь, что за пятнадцать лѣтъ никакихъ результатовъ отъ поѣздки Миклухо-Маклая не было, кромѣ денежныхъ затратъ со стороны Географическаго Общества, частныхъ людей и Морского Министерства, ради этого туриста, гонявшаго два раза казенное судно въ море, очень опасное по своимъ подводнымъ рифамъ.

Говорятъ, что Миклухо-Маклай привезъ съ собою большія коллекціи, но, проживъ пятнадцать лѣтъ заграницею, собрать большую коллекцію не трудно; каждая дама, попутешествовавъ заграницею три мѣсяца, привозитъ коллекціи, которыя въ отчаяніе приводятъ своими размѣрами таможенныхъ чиновниковъ. Вопросъ только, какую научную

цѣну имѣютъ эти коллекціи? О цѣнѣ же собраній Миклухо-Маклая можно догадываться потому, что Академія Наукъ не допустила ихъ въ свое помѣщеніе, а нашъ путешественникъ имѣлъ всѣ права на вниманіе Академіи, ибо до сихъ поръ не выучился правильно говорить по-русски. Это по части ученой репутаціи „знаменитаго" въ глазахъ „Новостей" путешественника *).

Еще болѣе сомнительно достоинство проекта русской колоніи, которую измыслилъ устроить Миклухо-Маклай въ портѣ Константинъ, въ землѣ Маклая, ни на какой картѣ, однако, не значащейся. Начиная съ того, что „знаменитый" путешественникъ уступаетъ Россіи вещь, ему вовсе не принадлежащую, способъ сдѣлать подарокъ, какъ извѣстно, весьма легкій. Новая Гвинея долго не имѣла хозяина, хотя голландцы считали ее номинально своею. При развитіи австралійскихъ колоній, особенно сосѣдняго съ Гвинеей Квинслэнда, англичане также предъявили свои права, но, пока лондонское правительство медлило, явились нѣмцы. Имъ еще въ 30-хъ годахъ Новая Гвинея очень улыбалась—о чемъ можно видѣть въ дѣйствительно „знаменитомъ" сочиненіи Фридриха Листа.

Въ концѣ концовъ состоялось полюбовное соглашеніе: западная часть Новой Гвинеи осталась за Голландіей, а восточную подѣлили между собою Англія и Германія. Теперь является Миклухо-Маклай и требуетъ своей части. Комизмъ этого требованія не нуждается въ комментаріяхъ. Еслибы наше правительство имѣло какую либо надобность въ кускѣ Новой Гвинеи, то могло сдѣлать заявленіе объ этомъ своевременно и безъ помощи Миклухи-Маклая, но, по нашему мнѣнію, оно въ этомъ вовсе не нуждалось и никогда нуждаться не будетъ. Мысль объ устройствѣ русской колоніи на берегахъ Новой Гвинеи, среди папуасовъ,

*) Со времени написанія вышеозначенныхъ строкъ Миклухо-Маклай успѣлъ умереть и мнѣніе, что весь результатъ его многолѣтнихъ пребываній въ дикихъ странахъ ничтоженъ,—вполнѣ подтвердилось.

есть мысль глупая и не имѣющая никакой цѣны въ глазахъ лицъ, знакомыхъ съ географіей, мореходствомъ и всемірною торговлею.

Начиная съ того, что Новая Гвинея имѣетъ очень малую внутреннюю цѣнность, поэтому-то она и оставалась такъ долго не занятою, хотя англичане, испанцы, португальцы, голландцы расхватали давно по сосѣдству всѣ сколько нибудь имѣющіе цѣну островки. Теперь Новую Гвинеѣ заняли не потому, что достоинство ея повысилось, а совсѣмъ по другимъ соображеніямъ. Для Голландіи и Англіи важно сосѣдство. Ихъ колоніи здѣсь такъ богаты, что было бы крайне опасно видѣть на Новой Гвинеѣ водвореніе какой либо новой державы, тѣмъ болѣе сильной. Онѣ не успѣли, однако, устранить Германію.

Для нѣмцевъ же Новая Гвинея совсѣмъ другое имѣетъ значеніе. У Германіи не было колоній въ Тихомъ океанѣ, между тѣмъ германскій торговый флотъ быстро возрастаетъ, а еще быстрѣе увеличивается германская торговля въ портахъ Тихаго океана. Понятно, для нѣмцевъ важно было захватить здѣсь хотя какой либо кусокъ земли, а кромѣ Новой Гвинеи, трудно было найти свободное мѣстечко. Нѣмцы удовольствовались поэтому землею Бисмарка, какъ удовольствовались они пустыннѣйшими, безводными кусочками земли на западѣ и востокѣ Южной Африки, въ надеждѣ, что Богъ не безъ милости и что, разъ поставивъ гдѣ нибудь ногу, нѣмцамъ удастся потомъ подцѣпить что нибудь и получше.

Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находится Россія. Мы имѣемъ обширныя владѣнія на Тихомъ океанѣ, съ отличными портами, которые, будь мы американцы или канадцы, давно были бы соединены съ Европейскою Россіею непрерывною желѣзною дорогою. Мы не только не цѣнимъ здѣсь своего положенія, но легкомысленнѣйшимъ образомъ отказывались и отъ исключительно выгоднаго положенія, издавна занятаго нами на Тихомъ океанѣ.

Еще Петръ Великій на предложеніе Соймонова занять

Калифорнію, нашелъ, что это для насъ дѣло неподходящее. Съ тѣхъ поръ продолжалась та же политика. Такъ, мы отказались отъ Сандвичевыхъ острововъ, когда они были заняты нашими моряками; добровольно уступили англичанамъ часть нынѣшней Британской Колумбіи; по непостижимому великодушію Александра I отказались принять отъ Испаніи Калифорнію за помощь, оказанную Фердинанду VII; продали за грошъ, изъ нежеланія входить въ переговоры съ Мексиканскою республикою, ту часть Калифорніи (колонію Россъ), которою уже владѣли; покинули изъ опасенія угрозъ Англіи островъ Чусиму, хотя Англія не задумалась потомъ занять рядомъ Гамильтонъ; продали за пустую сумму, надѣясь угодить Соединеннымъ Штатамъ, русскую Америку и Алеутскіе острова съ ихъ незамерзающими портами, обширную территорію, которой ни пріобрѣтеніе, ни содержаніе никогда не стоило правительству ни одной копѣйки; наконецъ, мы уступили Японіи Курильскіе острова и тѣмъ сдѣлали Охотское море изъ mare clausum открытымъ.

Послѣ такого ряда подвиговъ ссориться намъ теперь съ Германіей и Англіей, чтобы пріобрѣсти ничего не стоющее мѣсто, гдѣ стояла хижина, въ коей жилъ „знаменитый“ Миклухо-Маклай, по меньшей мѣрѣ нелѣпо. Нелѣпо еще и потому, что Новая Гвинея не можетъ имѣть никогда значенія для Россіи въ торговомъ и военномъ отношеніи. Этотъ островъ не находится на пути изъ Россіи въ ея тихо-океанскія владѣнія ни черезъ Суэзскій, ни черезъ Панамскій каналъ, потому посѣщаться торговыми судами или служить каменно-угольною станціей не можетъ. Въ тамошнемъ тропическомъ климатѣ русскіе колонисты жить, а тѣмъ болѣе размножаться, не въ состояніи, а Россія не настолько богата людьми, чтобы развозить ихъ на убой по нездоровымъ берегамъ дикихъ острововъ. Привозить для колонизаціи русской колоніи негровъ нельзя (за это, по нашимъ законамъ, полагается смертная казнь), привозить китайцевъ опасно съ политической стороны. Даже для воен-

наго крейсерства русскій портъ на Новой Гвинеѣ не имѣетъ значенія, ибо если не обратить его, съ затратою сотенъ милліоновъ рублей, въ новый Гибралтаръ, то портъ этотъ, отрѣзанный отъ Россіи, отъ ея военныхъ арсеналовъ, отъ каменнаго угля, сдѣлается немедленно добычею англійскаго флота, если только ранѣе прибытія послѣдняго русскій гарнизонъ, недостаточно пріученный къ тропическому климату, не перемретъ отъ лихорадки.

Взвѣсивъ все это, какъ же не смѣяться надъ затѣей Миклухи-Маклая и какъ не дивиться газетѣ, взявшейся беззастѣнчиво рекламировать эту ерунду русской публикѣ.

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.

Скончавшійся третьяго дня *) въ Парижѣ отъ болѣзни сердца членъ Государственнаго Совѣта графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій принадлежалъ къ числу тѣхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, смерть которыхъ не можетъ быть пройдена молчаніемъ.

Энергіи и настойчивости покойнаго Россія обязана пріорѣтеніемъ въ 50-хъ годахъ обширнаго Амурскаго края, потеряннаго нами въ XVII столѣтіи и о которомъ наша робкая дипломатія буквально боялась заикаться, въ особенности въ то время, когда иностранныя сношенія находились въ рукахъ графа Нессельроде.

Значеніе Амура для Россіи еще въ XVII столѣтіи было довольно вѣрно понято простыми сибирскими казаками. Въ 1650 г. знаменитый Хабаровъ доносилъ, что „по славной великой рѣкѣ Амурѣ живутъ даурскія люди пѣхотныя и конныя, и въ той великой рѣкѣ всякой рыбы много противъ Волги, по берегамъ луга великія и пашни, лѣса темные, большіе, соболя и всякаго звѣря много, государю

*) 19-го ноября 1881 г.

казна будетъ великая". Еще лѣтописецъ временъ Алексѣя Михайловича, сосланный въ Сибирь, сербъ Крыжаничъ, доказывалъ, что намъ надобно вести активную торговлю съ Азіей, но мысль воспользоваться для русской торговли Тихимъ или Восточнымъ океаномъ медленно прививалась на практикѣ. Съ тѣхъ поръ какъ океанъ этотъ былъ впервые въ XVII столѣтіи достигнутъ казакомъ Москвитинымъ, можно указать лишь на робкія и непослѣдовательныя попытки. Даже ставъ твердою ногою на этомъ океанѣ, мы ждали слишкомъ сто лѣтъ, пока при Екатеринѣ, въ 1786 году, признали необходимость въ отправленіи русской экспедиціи вокругъ свѣта. Дѣло, однако, ограничилось разговорами и осуществилось лишь когда Крузенштернъ, возвратясь въ 1799 году изъ службы въ англійскомъ флотѣ, представилъ свой проектъ о сообщеніи моремъ нашихъ европейскихъ портовъ съ восточными.

Но и послѣ экспедиціи Крузенштерна Тихій океанъ посѣщался только военными судами, оставаясь въ монопольномъ пользованіи Россійско-Американской компаніи.

Незначительности русской торговли и русскаго судоходства въ Тихомъ океанѣ и содѣйствовало то обстоятельство, что мы до конца 50-хъ годовъ держались въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ его, хотя неопредѣленность разграниченія по Нерчинскому трактату оставляла за Россіею полное право на возвращеніе отъ Китая Амурскаго бассейна. Важность обладанія этимъ бассейномъ очень хорошо сознавали и Петръ Великій, и Екатерина, мнѣнія о необходимости возвращенія намъ Амура періодически доходили до Петербурга, но подобное предпріятіе требовало значительныхъ затратъ и достаточнаго числа войскъ, на что тогда не имѣлось ни средствъ, ни удобствъ въ передвиженіи. Поэтому правительство могло только тянуть дѣло до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Китайцевъ мы въ Петербургѣ просто боялись даже въ XIX столѣтіи, не говоря уже о XVII вѣкѣ. Совѣтъ министровъ въ Пекинѣ принималъ нашего посланца нагл-

шемъ въ однихъ порткахъ, подъ предлогомъ жары, а о другомъ Трибуналъ писалъ нашему Сенату: „Впредь отъ вашего Сената такихъ небывалыхъ и глупыхъ людей не присылать". Въ 1764 году, вслѣдствіе рѣзкаго протеста нашего правительства и просьбы китайскихъ купцовъ, торговля русскимъ, передъ тѣмъ изъ-за пустяковъ запрещенная, была разрѣшена, подъ предлогомъ, что, „по закрытіи торга, россіяне весьма скучаютъ, я-жъ (т.-е. богдыханъ) обо всѣхъ животныхъ весьма соболѣзную!"

На бездѣйствіе повліяли отчасти и географическія заблужденія. Лаперузъ въ 1783 году и Браутонъ въ 1793 г., вслѣдствіе недостаточно точнаго изслѣдованія, признали, что Японское море не имѣетъ сообщенія съ Охотскимъ и Сахалинъ есть полуостровъ, соединяющійся съ материкомъ посредствомъ низменнаго перешейка-отмели. На основаніи такихъ заключеній, подкрѣпленныхъ неудачной экспедиціей Гаврилова, всѣ дальнѣйшія попытки къ водворенію въ этихъ мѣстахъ были оставлены вплоть до 1849 г., пока Невельской не доказалъ, что Амурскій лиманъ весьма доступенъ.

Это открытіе напугало дипломатію. Послѣ того, что императоръ Николай Павловичъ на докладѣ графа Нессельроде изволилъ положить резолюцію: „*Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить*", и на настояніе Муравьева отвѣчалъ: „*Для чего намъ эта рѣка, когда нынѣ уже положительно доказано, что входить въ ея устье могутъ только одни лодки*", послѣдовало новое распоряженіе ни подъ какимъ видомъ не касаться лимана р. Амура.

Только новое занятіе Невельскимъ Амура и новая поддержка Муравьева измѣнили взглядъ правительства. Государь нашелъ поступокъ Невельского *молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ* и на рѣшеніе комитета упразднить Николаевскій постъ, изволилъ сказать: „*гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ*". 15-го февраля 1851 г. Правительствующій Сенатъ увѣдомилъ китайское правительство о предположеніи нашемъ имѣть наблюденіе за устьемъ р. Амура.

Пріобрѣтеніе Амура, кромѣ увеличенія территоріи, всегда лестнаго для народнаго самолюбія, имѣло особенное значеніе еще и потому, что оно случилось послѣ военнаго и дипломатическаго пораженія нашего въ Крымскую войну. Равнымъ образомъ, оно пріобрѣло важность оттого, что Россія становилась прочною ногою на Тихомъ океанѣ и обходила, такъ сказать, съ тылу Англію, старавшуюся запереть насъ въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ.

Указавъ на государственное значеніе заслуги графа Муравьева, справедливо получившаго, за заключеніе Айгунскаго трактата (16 мая 1858 г.), право присоединить къ своему имени титулъ Амурскаго, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ и о средствахъ, съ которыми были сдѣланы новыя для России пріобрѣтенія. Здѣсь графъ имѣлъ столь же восторженныхъ хвалителей, сколько и ярыхъ порицателей. Различіе въ оцѣнкѣ зависитъ отъ различія въ точкахъ зрѣнія.

Графъ Муравьевъ-Амурскій, изъ „тѣхъ Муравьевыхъ, которые вѣшаютъ, но не которыхъ вѣшаютъ"—двоюродный братъ знаменитыхъ графа Муравьева-Виленскаго и Муравьева-Карскаго,—пріобрѣвшихъ такую извѣстность ихъ желѣзною настойчивостью; тѣ же черты нетерпѣливой энергіи, неуклонной послѣдовательности и нѣкотораго презрѣнія къ людямъ составляли сущность характера и сибирскаго дѣятеля. Понятно, кто цѣнитъ въ человѣкѣ выше всего „характеръ", тотъ и преклонится передъ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, но тѣ, кто обходительность и извѣстную ловкость считаютъ обязательною для государственнаго человѣка—не могли быть довольны Муравьевымъ и его системою управленія.

Правда, край, гдѣ онъ дѣйствовалъ, былъ такимъ, гдѣ лихоимство и взяточничество были широко развиты и всѣ нравственныя начала были попраны.

Муравьевъ былъ человѣкъ въ высшей степени богобоязненный, обладалъ быстрымъ соображеніемъ и предпріимчивостью, характера былъ настойчиваго и необыкновенно

дѣятеленъ, посвящая все время служебнымъ занятіямъ, и всегда готовымъ преслѣдовать зло. „Глупость и неблагонамѣренность не должны останавливать людей, истинно любящихъ свое отечество“, говорилъ онъ. Въ обхожденіи съ подчиненными онъ былъ простъ и чуждъ военной формалистики. Вмѣстѣ съ тѣмъ Муравьевъ былъ до крайности раздражителенъ и, какъ человѣкъ нервный, доступенъ вліянію другихъ лицъ; онъ былъ также очень упрямъ и требовалъ исполненія даже такихъ распоряженій, которыя оказывались неудачными; онъ очень мало цѣнилъ спеціальныя познанія и полагалъ, что стоитъ хорошенько приказать, чтобы каждый могъ исполнить порученныя ему обязанности. Горное вѣдомство пользовалось его какою-то особенною ненавистью. Техниковъ вообще онъ не любилъ и называлъ Урочное Положеніе „глупою книжкою, сочиненною, чтобы обкрадывать государство“. Самолюбивъ онъ былъ такъ, что, когда на коронацію произвели въ полные генералы кн. Барятинскаго, стоявшаго ниже его по спискамъ, то подалъ въ отставку и уговорилъ кн. Суворова сдѣлать то же самое.

Къ себѣ и своимъ онъ былъ весьма требователенъ и заставилъ жену сопровождать себя въ Камчатку, для чего потребовался неимовѣрно трудный переѣздъ верхомъ изъ Якутска въ Охотскъ. Служба на Кавказѣ, гдѣ онъ съ успѣхомъ управлялъ Сухумскимъ округомъ, закалила его. За кавказскую службу онъ и посланъ былъ губернаторомъ въ Тулу, гдѣ, по его иниціативѣ, былъ поданъ дворянствомъ адресъ объ освобожденіи крестьянъ. Къ сосланнымъ декабристамъ онъ былъ милостивъ, за что сдѣлалъ на него доносъ губернаторъ Пятницкій; императоръ Николай Павловичъ приказалъ уволить послѣдняго отъ службы.

Покойный Филипсонъ, служившій съ Муравьевымъ на Кавказѣ, сдѣлалъ въ своихъ запискахъ слѣдующую его характеристику:

Господствующими страстями Н. Н. Муравьева были честолюбіе и самолюбіе. Для ихъ удовлетворенія онъ былъ не всегда раз-

борчивъ на средства. Малаго роста, юркій и живой, съ чертами лица некрасивыми, но оригинальными, онъ имѣлъ большія умственныя способности, хорошо владѣлъ перомъ и былъ хорошо свѣтски образованъ. У него были какія-то кошачьи манеры, которыя быстро исчезали, когда нужно было показать когти. Улыбка и глаза у него фальшивые. Подъ вліяніемъ огорченія онъ не умѣлъ сдерживать свои раздраженія и легко рѣшался на крайнія мѣры. Въ бесѣдѣ, особливо за бутылкой вина, онъ высказывалъ довольно рѣзко либеральныя убѣжденія, но на дѣлѣ легко отъ нихъ отступался. Онъ умѣлъ узнавать и выбирать людей, стоялъ за своихъ подчиненныхъ и особенно любилъ приближать къ себѣ молодежь, выдающуюся надъ невысокимъ уровнемъ общаго образованія. Со всѣми разжалованными онъ былъ очень ласковъ и внимателенъ, но, какъ самъ онъ говорилъ, это не помѣшало бы ему каждаго изъ нихъ повѣсить или разстрѣлять, еслибы это было нужно. Вообще со своими подчиненными онъ былъ склоненъ къ крайнему деспотизму и нерѣдко ни во что ставилъ законъ и справедливость. Къ дѣламъ своего управленія онъ былъ усерденъ, работалъ скоро, хорошо, съ какой-то лихорадочною дѣятельностью. Его военныя способности мнѣ неизвѣстны, хотя я имѣю нѣкоторыя причины въ нихъ сомнѣваться.

Мы того мнѣнія, что заслуги Муравьева въ званіи генералъ-губернатора Восточной Сибири далеко покрываютъ его недостатки, хотя не можемъ одобрить такихъ крутыхъ мѣръ, употребленныхъ покойнымъ для колонизаціи края, какъ, напримѣръ, разореніе богатаго горнозаводскаго народонаселенія Нерчинскаго края обращеніемъ его въ казачье сословіе и т. п. Онъ даже удивлялся неохотѣ крестьянъ стать казаками! Муравьеву обязана кяхтинская торговля прекращеніемъ своего мѣнового характера, что содѣйствовало удешевленію чая въ Россіи.

Занятіе Амура возбудило въ половинѣ 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія преувеличенныя надежды. Эти надежды очень быстро смѣнились разочарованіемъ, не имѣвшимъ впрочемъ, серьезнаго основанія. Безспорно, что занятіе Амура стоило многихъ жертвъ государственной казнѣ и населенію Забайкальской области, безспорно, что въ административныхъ распоряженіяхъ того времени существовала

иногда непослѣдовательность, вслѣдствіе которой неизбѣжны были цѣлый рядъ ошибокъ, а иногда, пожалуй, и злоупотребленій и разнаго рода аномальныхъ явленій въ общественной жизни; но какое же государственное пріобрѣтеніе обходилось безъ неурядицъ, безъ ошибокъ, злоупотребленій и временныхъ жертвъ общественнаго благосостоянія? И если сравнить, что стоило намъ обладаніе Кавказомъ, средне-азіатскими владѣніями и Крымомъ, то не покажется ли занятіе Амура однимъ изъ самыхъ дешевыхъ пріобрѣтеній.

Между тѣмъ, обладаніе Амуромъ и прибрежьями Тихаго океана, съ удобными гаванями, близкое сосѣдство съ Японіей, Китаемъ, Америкой и архипелагомъ Тихаго океана, не говоря уже объ общегосударственномъ значеніи, имѣетъ для всей Восточной Сибири, и въ особенности для Забайкалья, неоспоримо важное значеніе въ культурномъ отношеніи. Въ настоящее время, населеніе Амурской и Приморской областей можно считать еще ничтожнымъ, но съ усиливающимся изъ года въ годъ пароходствомъ по Амуру и его притокамъ и съ прогрессивнымъ развитіемъ мореходныхъ сношеній Европейской Россіи и прочихъ государствъ съ Восточною Сибирью дѣло будетъ поставлено въ несравненно болѣе выгодныя условія, и не подлежитъ сомнѣнію, что Амурская и въ особенности Приморская области быстро заселятся и станутъ важною частью Русскаго государства.

Когда, въ мартѣ 1862 г., графъ Муравьевъ-Амурскій отказался отъ генералъ-губернаторства, отчасти по разстроенному здоровью, отчасти вслѣдствіе неудовлетворенія его ходатайства объ отдѣленіи Амурскаго края отъ восточносибирскаго генералъ-губернаторства, то ходили слухи, что его назначатъ намѣстникомъ Царства Польскаго. Это былъ бы вполнѣ подходящій кандидатъ, но такъ какъ это было въ злополучный періодъ колебаній, то онъ, подобно московскому генералъ-губернатору Тучкову, отказался. „Пусть мнѣ скажутъ, сказалъ Муравьевъ, чего хочетъ правительство

въ Варшавѣ. Тогда я пойду. А вилять не въ моемъ характерѣ". Послѣ ухода кн. Барятинскаго ему предложили Кавказъ. Увѣряя, что, пока будетъ живъ князь, въ Петербургѣ на все кавказское будутъ смотрѣть глазами послѣдняго, онъ посовѣтывалъ назначить одного изъ великихъ князей, какъ болѣе независимаго. Нѣсколько времени спустя, графъ М. Н. Муравьевъ, оставляя свой постъ и услыхавъ, что кандидатомъ на его мѣсто прочатъ графа Баранова, и находя послѣдняго не пригоднымъ для Вильны, рекомендовалъ графа Муравьева-Амурскаго, но на этотъ разъ его уже позабыли. Конецъ жизни онъ провелъ въ Парижѣ, слегка будируя.

Принцъ П. Г. Ольденбургскій.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбурскій умеръ 2 мая 1881 г., оставивъ по себѣ память истинно хорошаго человѣка. Отличительная черта принца, доставившая ему популярность въ русскомъ обществѣ, была гуманность. Это не та гуманность, которая выражается въ пышныхъ и безсодержательныхъ фразахъ о благѣ человѣчества и т. п., а гуманность практическая и плодотворная.

Имѣя возможность, по своему положенію, пребывать въ почетной праздности, принцъ съ молоду предпочелъ хлопотливыя и отвѣтственныя ежедневныя занятія дѣлами благотворительности и общественнаго воспитанія. Онъ не жалѣлъ для этого ни времени, ни средствъ, входя во все лично, не пренебрегая никакими мелочами, всюду простирая свое заботливое вниманіе. Такъ, еще молодымъ человѣкомъ, путешествуя въ 1830-хъ годахъ по Россіи, онъ посѣщалъ остроги, и по его предложенію состоялось новое положеніе о палачахъ.

Принцъ Петръ Георгіевичъ родился въ Ярославлѣ, въ достославномъ 1812 году, но воспитаніе свое получилъ въ

Германіи, въ Штутгартѣ (мать его вышла замужъ за наслѣднаго принца Виртембергскаго, впослѣдствіи короля Виртембергскаго), и съ 1820 г. въ Ольденбургѣ. Онъ прошелъ тамъ серьезную школу подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ и съ особенною любовью занимался исторіею литературы. Изученіе послѣдней для него облегчалось, благодаря замѣчательнымъ лингвистическимъ способностямъ. Принцъ не только владѣлъ свободно новыми языками: русскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ и испанскимъ, но и древними — греческимъ и латинскимъ; въ особенности послѣдній языкъ принцъ зналъ въ совершенствѣ и до старости на экзаменахъ любилъ задавать вопросы изъ латинской грамматики. Но не одна литература и изящныя искусства были предметомъ юношеской любознательности принца. Съ усердіемъ посвятилъ себя онъ также юриспруденціи и, переселившись въ Петербургъ и поступивъ на службу, продолжалъ заниматься юридическими науками. Одновременно онъ интересовался и другими науками; такъ впослѣдствіи онъ принималъ большое участіе въ извѣстномъ синологѣ о. Іакинфѣ.

Принцъ былъ не чуждъ и экономическихъ вопросовъ. Въ 1840 г., по предложенію графа Мордвинова, Вольно-Экономическое общество избрало его своимъ президентомъ, а въ 1841 г. тотъ же Мордвиновъ предлагалъ сдѣлать принца членомъ Финансоваго Комитета, расширивъ права послѣдняго.

Переселившись въ 1830 г. въ Россію, принцъ, по волѣ императора Николая, служилъ сначала въ Преображенскомъ полку, гдѣ сдѣлалъ нѣсколько полезныхъ улучшеній въ бытѣ солдатъ. Назначеніе въ 1834 г. присутствовать въ І-мъ департаментѣ Сената и дѣятельность въ званіи сенатора убѣдила принца въ необходимости создать высшее учебное заведеніе, въ которомъ молодые люди могли бы посвятить себя спеціальной подготовкѣ къ юридической дѣятельности. Мысль объ учрежденіи Училища правовѣдѣнія была одобрена Николаемъ I и самое училище открыто въ декабрѣ 1835 года.

Замѣчательно, что питомцы принца изъ этого разсадника русскихъ юристовъ *) создали затѣмъ ту судебную реформу, которой принцъ Ольденбургскій далеко не сочувствовалъ. Онъ не только не восторгался этой наскоро сшитой изъ разнородныхъ заграничныхъ кусковъ и не приноровленной къ нашему быту реформѣ, но возражалъ противъ нея въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ занималъ должность предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, и въ личныхъ докладахъ покойному государю. Особенно не любилъ онъ суда присяжныхъ. — „Присяжные — это сапожники", любилъ говорить онъ; даже казнь Карла I почему-то онъ ставилъ въ связь съ судомъ присяжныхъ. Эти разсужденія и создали принцу въ обществѣ репутацію консерватора.

Иностранный путешественникъ Гагернъ уже въ 30-хъ годахъ писалъ, что принцъ „высоко цѣнится въ Россіи, потому что онъ занимается болѣе важными, чѣмъ другіе, дѣлами, именно улучшеніемъ правосудія и администраціи". Но въ настоящую колею для своей дѣятельности принцъ попалъ, однако, только въ 1839 году, когда сдѣлался почетнымъ опекуномъ и сталъ завѣдывать различными женскими учебными заведеніями; въ 1844 г. онъ былъ уже предсѣдателемъ Опекунскаго Совѣта, а въ 1860 году назначенъ главноуправляющимъ IV отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи, гдѣ было сосредоточено завѣдываніе всѣми учрежденіями императрицы Маріи.

Именно съ этого времени открывается дѣятельность принца Петра Георгіевича Ольденбурскаго по созданію новыхъ и преобразованію прежнихъ женскихъ учебныхъ заведеній соотвѣтственно съ требованіями нашей общественной жизни, измѣненной реформами минувшаго царствованія.

---

*) Любопытно, что это спеціально юридическое заведеніе за слишкомъ 50 лѣтъ существованія не дало Россіи, кромѣ К. П. Побѣдоносцева, ни одного ученаго юриста, за то дало нѣсколько отличныхъ музыкантовъ и поэтовъ.

Въ 1860 г. прекращена была затворническая жизнь въ институтахъ, а затѣмъ, по мысли Н. А. Вышнеградскаго, поддержаннаго принцемъ, учреждены открытыя среднія учебныя заведенія для женщинъ, по предложенію виленскаго генералъ-губернатора Назимова, названныя женскими гимназіями. Сочувствіе къ новымъ училищамъ со стороны общества было необыкновенное. На первыхъ же порахъ представилась необходимость создать ихъ не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ.

Введеніе семилѣтняго учебнаго курса въ женскихъ институтахъ и женскихъ гимназіяхъ положило основаніе дальнѣйшему развитію женскаго образованія въ Россіи, поставивъ его прямо на ту высоту, которой въ то время оно нигдѣ еще не достигало въ Западной Европѣ. Общій уровень среднихъ женскихъ училищъ, доступныхъ небогатымъ людямъ, былъ тамъ немного выше элементарныхъ школъ. Въ Пруссіи только въ 1872—1873 году было издано министерствомъ учебныхъ дѣлъ первое общее положеніе о такъ называемыхъ „высшихъ женскихъ школахъ" и въ объяснительной запискѣ прямо сказано, что „при составленіи положенія о высшихъ женскихъ училищахъ было обращено особенное вниманіе на новую организацію учебныхъ курсовъ въ русскихъ женскихъ институтахъ и гимназіяхъ". Во Франціи же только уже въ 80-хъ годахъ состоялось первое законоположеніе о „женскихъ лицеяхъ".

Изъ этого видно, что относительно устройства женскихъ среднихъ заведеній Россія шла впереди самыхъ просвѣщеннѣйшихъ государствъ Европы и, быть можетъ, прогрессъ по этой части былъ слишкомъ поспѣшенъ и въ не соотвѣтствіи съ общею неразвитостью нашего общества, для котораго образованіе не потребность, а средство жить на казенный счетъ *).

*) Въ это курьезное время даже пьяный Помяловскій, дальше бурсы ничего не видавшій, былъ приглашенъ Ушинскимъ преподавать въ Смольномъ монастырѣ! Дѣло, впрочемъ, окончилось тѣмъ, что послѣ третьей лекціи Помяловскій запилъ и куда-то исчезъ.

Поэтому дѣйствительные успѣхи далеко не соотвѣтствовали ширинѣ программъ.

Ближайшимъ помощникомъ принца въ этомъ дѣлѣ былъ И. Т. Осининъ. Въ дополненіе къ преобразованнымъ институтамъ и гимназіямъ принцемъ были учреждены педагогическіе курсы, спеціальные, музыкальные и французскіе классы и преподаваніе счетной части. Первоначально у Осинина была мысль устроить высшее учебное заведеніе для женщинъ на подобіе университета, но благоразуміе принца заставило его рѣшительно отклонить этотъ проектъ, осуществленный въ извращенномъ видѣ въ такъ называемыхъ бестужевскихъ курсахъ.

Наравнѣ съ женскими заведеніями принцъ заботился объ Училищѣ правовѣдѣнія, Александровскомъ лицеѣ, Коммерческомъ училищѣ; вообще болѣе 500 разныхъ заведеній находились въ его рукахъ. Даже утомленіе отъ преклонныхъ лѣтъ и упадокъ силъ отъ болѣзней не могли понудить принца успокоиться отъ трудовъ своихъ, и съ прежнею энергіею онъ продолжалъ блюсти интересы сотни заведеній и десятковъ тысячъ меньшей братіи—малолѣтнихъ, убогихъ, больныхъ—ввѣренной его попеченію.

Подобная дѣятельность, конечно, только возвышаетъ человѣка, и съ чистой совѣстью, съ сознаніемъ честно исполненнаго долга, принцъ Петръ Георгіевичъ могъ отпраздновать свой 50-лѣтній юбилей, зная, что это торжество лишь справедливое воздаяніе по заслугамъ человѣку, вся жизнь котораго была посвящена возвышеннымъ идеаламъ. По случаю этого юбилея принцъ былъ удостоенъ Высочайшимъ рескриптомъ. Въ этомъ документѣ покойный государь почелъ „священнымъ долгомъ, какъ лично отъ себя, такъ и отъ имени Россіи", изъявить живѣйшую благодарность принцу за полувѣковое многополезное служеніе.

Это выраженіе признательности было встрѣчено съ глубокимъ сочувствіемъ всѣми, кому знакома личность и дѣятельность принца, а извѣстна она, можно сказать, каждому мало-мальски образованному человѣку. Популярность его въ

Россіи и въ Петербургѣ была громадна. Довольно некрасивый собою, сутуловатый и застѣнчивый, онъ не производилъ съ перваго раза впечатлѣнія, но его простое, сердечное обхожденіе, чрезвычайное добродушіе немедленно располагали въ его пользу. Въ обществѣ трунили подчасъ надъ его разсѣянностью, надъ его плохими стихами и столь же слабыми музыкальными произведеніями (еще, говорятъ, исправляемыми Гензельтомъ *), но онъ пользовался общимъ глубокимъ уваженіемъ за свои разумные и неутомимые труды на поприщѣ благотворительности и просвѣщенія. Для воспитанниковъ же многочисленныхъ заведеній, состоявшихъ подъ его начальствомъ, онъ былъ настоящимъ отцомъ; служащіе также обращались къ нему съ полнымъ довѣріемъ, разсчитывая на постоянныя сочувствіе и помощь.

Независимо отъ многосложныхъ служебныхъ занятій принцъ значительную часть своихъ досуговъ посвящалъ осуществленію своей завѣтной мысли объ установленіи мира, представляющаго, по его убѣжденію, самый надежный залогъ преуспѣянія общества по пути цивилизаціи. Въ этомъ смыслѣ принцъ, въ теченіе своей продолжительной государственной карьеры, не пропускалъ ни одного, сколько нибудь удобнаго, случая, чтобы возвысить голосъ въ интересѣ пропаганды мира. Такъ, въ декабрѣ 1871 г. обратился онъ къ Тьеру, бывшему тогда президентомъ французской республики, и писалъ между прочимъ:

Всѣ націи вооружены съ ногъ до головы, арміи поглощаютъ значительныя части бюджетовъ, тюрьмы переполнены, преступленія и проституція усиливаются, пролетаріатъ пребываетъ въ невѣжествѣ и нищетѣ, благодаря недостатку начальнаго образованія, и

---

*) Кромѣ разныхъ романсовъ и фортепіанныхъ пьесъ, онъ написалъ нѣкоторые номера музыки балета „Корсаръ“, а въ 1869 г. для приглашенныхъ поставилъ въ Александринскомъ театрѣ музыкальную поэму „Поэзія и музыка“ съ участіемъ г-жъ М. С. Петипа и Михайловской. Воспитанницамъ театральнаго училища онъ всегда раздавалъ евангеліе и, чтобы узнать, не простужаются ли онѣ на сценѣ, спускался съ ними однажды въ трапъ.

угрожаютъ обществу совершеннымъ переворотомъ. Сколько добра можно было бы сдѣлать, сколько страданій и несчастій отклонить, какое можно было бы вызвать развитіе нравственное и интеллектуальное, еслибы общественная казна не истощалась, ужасающими по размѣрамъ, приготовленіями къ войнѣ. Цвѣтъ населеній вырывается изъ среды семей, отнимается у земледѣлія, промышленности, наукъ и искусствъ и изъ-за чего? Потому что правительства не исполняютъ ни повелѣній Бога, ни предписаній святого евангелія: «люби своего ближняго какъ самого себя», ни элементарнаго требованія общаго права: honeste vive, neminem laede, suum cuique! — (живи честно, никого не презирай, каждому свое).

И стоило бы только исключить одно слово изъ словаря. Это слово—«война»!

Въ заключеніе принцъ предлагалъ собрать международный конгрессъ, составленный изъ делегатовъ всѣхъ націй, чтобы обсудить вопросъ о всеобщемъ разоруженіи и о численности арміи, которую слѣдовало бы, по его мнѣнію, довести до размѣровъ, бывшихъ передъ началомъ французской революціи и народнымъ возстаніемъ, вызваннымъ Робеспьеромъ въ 1793 г. и повтореннымъ въ Пруссіи въ 1813 г.

Совсѣмъ непонятно, однако, почему обратился онъ не къ Германіи, а къ Франціи, которая, побитая и ограбленная, менѣе всѣхъ могла думать о разоруженіи. Во время Берлинскаго конгресса принцъ вновь возбудилъ вопросъ о всеобщемъ разоруженіи и писалъ конгрессу:

Къ несчастью, необходимо признать, что, не смотря на все коварство соціализма, сами правительства подаютъ ему предлоги для неудовольствій, нѣкоторыми своими требованіями, изъ числа которыхъ налогъ на кровь отзывается наиболѣе тягостно на населеніяхъ. Не будемъ говорить о всѣхъ ужасахъ войны, вырывающей сыновей у ихъ семействъ, отнимающей столько рабочихъ рукъ у земледѣлія и промышленности и въ короткій промежутокъ времени превращающей самые красивые полки, составленные изъ цвѣта населенія, въ груды труповъ и калѣкъ. Таково христіанство, такова цивилизація, таково девятнадцатое столѣтіе! Создаютъ благотворительныя общества, филантропическія учрежденія, учреждаютъ даже

общества для покровительства животнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ людей осуждаютъ на избіеніе!

По мнѣнію принца, каждое правительство должно располагать почтенною военною силою, сообразно съ своимъ положеніемъ политическимъ, географическимъ и съ преданіями своей исторіи. Устранить это было бы идеею преступною и безразсудною, но нынѣшняя система всеобщаго вооруженія, изобрѣтенная Робеспьеромъ, должна быть значительно измѣнена. Въ нашемъ скептическомъ и равнодушномъ къ идеаламъ обществѣ только смѣялись надъ этими трудами принца, а между тѣмъ они служатъ лучшимъ доказательствомъ искренности убѣжденій этого почтеннаго человѣка. Мы того мнѣнія, что когда будетъ написано подробное и обстоятельное жизнеописаніе принца, значеніе его еще подымется въ глазахъ русскаго общества.

Князь Н. А. Орловъ.

Сейчасъ *) получено печальное извѣстіе о смерти нашего посла въ Берлинѣ, генералъ-адъютанта князя Николая Алексѣевича Орлова. Покойный былъ однимъ изъ замѣтныхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей. Будучи сыномъ князя Алексѣя Орлова, близкаго человѣка къ императору Николаю Павловичу, князь Николай Алексѣевичъ быстро сдѣлалъ свою первоначальную карьеру. Уже съ молоду этотъ прекрасно воспитанный человѣкъ интересовался серьезными вопросами. Подъ Силистріей, въ званіи флигель-адъютанта, онъ былъ виновникомъ извѣстнаго по печальнымъ результатамъ штурма въ ночь съ 16 на 17 мая форта Арабъ-Табія, гдѣ потерялъ глазъ и

*) 17-го марта 1885 года.

раненъ въ руку. Генералъ Сельванъ началъ штурмъ безъ вѣдома главнокомандующаго, былъ отбитъ и самъ убитъ. Князь Орловъ одинъ изъ первыхъ вскочилъ на крутой валъ и ворвался во внутренность укрѣпленія, но атака не могла быть поддержана за неимѣніемъ лѣстницъ и фашинъ. По окончаніи Крымской войны, онъ посвятилъ себя военной литературѣ и общественнымъ вопросамъ. Имъ было сдѣлано описаніе франко-прусской войны 1806 года и составлена, въ 1858 году, записка объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, которая послужила поводомъ къ обсужденію этого вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ, а затѣмъ и привела къ извѣстному указу 1863 г.

Наибольшее сочувствіе и поддержку эта записка встрѣтила въ великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, органъ котораго „Морской Сборникъ" горячо поддерживалъ мысль объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Эта записка, восхваляемая „Колоколомъ", создала князю лестную репутацію. И въ обществѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ нашлось, въ эту эпоху либеральныхъ увлеченій, очень мало голосовъ, которые рѣшились высказаться за сохраненіе тѣлесныхъ наказаній *).

Болѣе мужества имѣлъ знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ **). Хотя онъ находилъ, что „время молчать", но не могъ не возразить, что поднятый княземъ

*) Если указъ прошелъ легко, то примѣненіе его вызвало не мало скорби, такъ всѣ привыкли къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Покойный Лесовскій, котораго указъ застигъ передъ отправленіемъ въ Америку, былъ въ особенно оригинальномъ настроеніи; съ одной стороны это былъ величайшій законникъ, а съ другой—привычка сѣчь матросовъ вошла у него, какъ и у другихъ старыхъ моряковъ, въ плоть и кровь. Удерживать себя стоило ему неимовѣрныхъ усилій, дававшихъ поводъ къ комическимъ эпизодамъ.

**) Напомнимъ, что и князь Черкасскій, не смотря на свою репутацію либерала, находилъ нужнымъ, даже послѣ уничтоженія крѣпостного состоянія, оставить помѣщикамъ право наказывать крестьянъ за проступки розгами до 18 ударовъ, не исключая и женщинъ. За это досталось князю отъ „Русскаго Вѣстника" въ 1858 году.

Орловымъ вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи тѣлеснаго наказанія въ государствѣ стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. На пустую фразеологію князя, почерпнутую изъ какой нибудь французской книжки, Филаретъ отвѣчалъ доводами, основанными на здравомъ смыслѣ и Священномъ Писаніи.

Если государство можетъ отказаться отъ сего рода наказанія, находя достаточными болѣе кроткіе роды онаго: христіанство одобритъ сію кротость. Если государство найдетъ неизбѣжнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблять тѣлесное наказаніе: христіанство не осудитъ сей строгости, только бы наказаніе было справедливо и нечрезмѣрно. Нѣкоторые полагаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь Богъ чрезъ Мойсея узаконилъ тѣлесное наказаніе виновному: *числомъ четыредесятъ ранъ да наложатъ ему* (Втор. XXV, 3), съ тѣмъ, чтобъ это разрушительно дѣйствовало на нравственность еврейскаго народа.

Полагаютъ, что тѣлесное наказаніе поражаетъ въ наказываемомъ всякое чувство чести. Въ силѣ сего возраженія противъ тѣлесныхъ наказаній многое препятствуетъ убѣдиться. Преступникъ убилъ въ себѣ чувство чести тогда, когда рѣшился на преступленіе. Поздно щадить въ немъ сіе чувство во время наказанія. Тюремное заключеніе виновнаго менѣе ли поражаетъ въ немъ чувство чести, нежели тѣлесное наказаніе? Можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ-подъ розогъ идетъ съ безчестіемъ, а изъ тюрьмы съ честью. Если какое либо сознаніе подавляетъ виновнаго, производитъ въ немъ упадокъ духа и тѣмъ препятствуетъ ему возвыситься къ исправленію, то это сознаніе сдѣланнаго преступленія, а не понесеннаго наказанія.

Но да возвратится слово на христіанскую точку зрѣнія. Апостолы, претерпѣвъ отъ Синедріона безвинно тѣлесныя наказанія, *идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. V, 41). Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ: *трижды палицами біенъ быхъ* (2 Кор. II, 25), не думая, что тѣмъ унижаетъ себя предъ ними. Итакъ, по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе само по себѣ не безчестно, а безчестно только преступленіе.

Князь Орловъ предлагалъ тѣлесное наказаніе замѣнить тюремнымъ заключеніемъ.

Для сего, возражаетъ московскій митрополитъ, при многолюдномъ городѣ потребовалось бы построить и содержать почти городъ тюремный. Для сего потребовались бы огромныя издержки, единовременныя и непрерывныя. Изъ какихъ суммъ? Изъ государственныхъ доходовъ. Откуда государственные доходы? Изъ налоговъ на народъ. Итакъ, чтобъ облегчить истинную или мнимую тягость виновныхъ, надобно положить новую тягость на невинныхъ. На сей случай и христіанское, и просто человѣческое милосердіе можетъ сказать: хорошо миловать виновныхъ, но еще нужнѣе не отягощать невинныхъ.

На указанія князя, что святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію, Филаретъ отвѣчаетъ иронически:

Много указано свидѣтелей; жаль, что ни одинъ не наименованъ и не показано, хотя о нѣкоторыхъ, что̀ именно говорятъ они. Указаны даже и несуществующіе. То, что̀ мы называемъ святителями, въ нѣкоторыхъ исповѣданіяхъ не признается и не существуетъ. Изъ того, что святители защищаютъ личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію, нельзя вывести никакого заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность существа, созданнаго по образу Божію, не значитъ защищать личность преступника. И что̀ значитъ: защищать личность человѣка? Не значитъ ли сдѣлать ее неприкосновенною? Но если можно сдѣлать личность виновнаго неприкосновенною для розогъ, можно ли сдѣлать личность всякаго виновнаго неприкосновенною для оковъ? Богодухновенные писатели защищаютъ личность созданнаго по образу Божію не отъ тѣлеснаго наказанія, а отъ порока и его послѣдствій. *Ты побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти* (Притч. XXIII, 14). Есть мысли, блещущія нравственною красотою такъ, что въ нихъ, какъ на солнцѣ, не вдругъ можно усмотрѣть темное пятно, хотя оно и есть. Таково изреченіе (кн. Орлова): *законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія.* Прекрасно. Однако, если разсмотрѣть внимательно, то въ семъ блистательномъ изреченіи найдется нѣкоторое пятно, то есть нѣчто не истинное. Нельзя осудить *всякое* насильство *безусловно.* Если кто буйствуетъ неукротимо, то необходимо *насильство,* чтобы связать его. Если надобно поймать и задержать пре-

ступника, вора, разбойника: онъ, конечно, не допуститъ сего добровольно, а надобно употребить *насильство,* чтобъ его схватить и сковать.

Кромѣ записки о тѣлесныхъ наказаніяхъ, князь Орловъ подавалъ записку объ устраненіи разныхъ стѣсненій въ положеніи и бытѣ раскольниковъ и евреевъ, и эта записка имѣла практическія послѣдствія. Какъ западникъ и либералъ, онъ энергически протестовалъ также въ 1863—64 гг. противъ руссофильской политики по отношенію къ полякамъ.

Дипломатическую карьеру свою князь Николай Алексѣевичъ началъ посланникомъ въ Брюсселѣ, откуда перешелъ въ Вѣну и затѣмъ посломъ въ Парижъ. Здѣсь князь пользовался значительною популярностью и былъ, вмѣстѣ съ княгинею Е. Э. Трубецкой, въ числѣ друзей Тьера, что поставило его въ не совсѣмъ ловкое положеніе, когда коалиція монархическихъ партій заставила, въ маѣ 1873 г., Тьера подать въ отставку, а президентомъ французской республики сдѣлался неспособный Макъ-Магонъ. Еще менѣе удобно съ его аристократическими связями князь себя чувствовалъ, когда на степень тайнаго вершителя судебъ Франціи возвысился Гамбетта, который отчасти по старымъ традиціямъ, отчасти по жидовскому инстинкту не любилъ Россіи и заискивалъ у Германіи. „Это столпотвореніе вавилонское“, писалъ князь о нынѣшней Франціи. Тѣмъ не менѣе въ Парижѣ его очень уважали и любили. Ему приписывали даже главное вліяніе въ заступничествѣ Россіи за Францію въ 1875 году. Карьера князя Орлова закончилась въ Берлинѣ, но онъ пріѣхалъ уже туда совершенно больнымъ, страдая отъ рака, и смерть его ожидалась со дня на день знавшими его близко.

Со смертью князя Орлова еще уменьшилось число дипломатовъ русскихъ по имени. Князь имѣлъ образованіе и рыцарскій характеръ, но это былъ человѣкъ космополитическій, какихъ въ нашей аристократіи всегда не мало. При огромномъ состояніи, онъ отказалъ въ просьбѣ о. Ра-

евскаго дать что либо въ пользу русской церкви въ Вѣнѣ, а молодому дипломату Пашкову отсовѣтовалъ путешествовать по славянскимъ странамъ, рекомендуя лучше изучать Швейцарію, „страну благодатную въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ“!

В. А. Полетика.

Скончавшійся внезапно отъ грудной жабы, 17-го сентября (1888 года), Василій Аполлоновичъ Полетика былъ весьма симпатичный общественный дѣятель. Покойный происходилъ изъ знатной шляхетской фамиліи, а не изъ нѣжинскихъ грековъ, какъ увѣряетъ Вигель. Предокъ его былъ архіатеромъ, т. е. начальникомъ медицинской части, въ половинѣ XVIII столѣтія, а извѣстный дипломатъ П. И. Полетика приходился ему роднымъ дядею; В. А. родился въ Саратовской губерніи. Окончивъ курсъ въ Горномъ институтѣ, Полетика служилъ болѣе двадцати лѣтъ въ Западной Сибири, гдѣ былъ управляющимъ рудниками Алтайскаго округа. Выйдя въ отставку, онъ поселился послѣ Крымской войны въ Петербургѣ и, вмѣстѣ съ товарищемъ по службѣ Семянниковымъ, купилъ небольшой литейный заводъ Томсона. Въ ихъ рукахъ заводъ этотъ, при покровительствѣ Морского Министерства, во время Краббе и подъ вліяніемъ ожидавшагося въ 1863 г. разрыва съ западными державами, направился на кораблестроеніе изъ русскихъ матеріаловъ и обратился внезапно въ обширнѣйшій механическій заводъ и верфь. На заводѣ было затѣмъ введено паровозостроеніе и заводъ былъ проданъ акціонерному обществу, въ рукахъ котораго существуетъ и до сихъ поръ, подъ именемъ Невскаго, но далеко не съ тѣмъ успѣхомъ, какъ въ рукахъ своихъ основателей.

Ставъ во главѣ большого промышленнаго предпріятія, Полетика естественно вынужденъ былъ заняться экономическими вопросами, съ которыми связано существованіе промышленности въ Россіи. Обладая бойкимъ перомъ и замѣчательнымъ даромъ слова, Полетика велъ въ теченіе слишкомъ пятнадцати лѣтъ борьбу съ господствовавшимъ въ то время въ администраціи и печати фритредерскимъ настроеніемъ. Подъ впечатлѣніемъ одной его рѣчи произошелъ знаменитый въ лѣтописяхъ нашего самосознанія „пассажъ въ Пассажѣ", когда припертый къ стѣнѣ аргументами и цифрами Полетики, г. Ламанскій внезапно закрылъ собраніе и произнесъ свое историческое: „мы еще не созрѣли". Полетика защищалъ тогда Перозіо и спорилъ съ г. Смирновымъ, адвокатомъ г. Новосельскаго, директора-распорядителя Русскаго общества пароходства и торговли.

Опасныя фритредерскія мѣропріятія Полетика разоблачалъ въ статьяхъ своихъ въ „Сѣверной Пчелѣ" и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (временъ Корша), а еще чаще въ саркастическихъ рѣчахъ, произносимыхъ въ различныхъ акціонерныхъ и ученыхъ собраніяхъ, но любимою формою его были застольныя рѣчи. Многія изъ послѣднихъ имѣли значеніе событія и сильно волновали петербургскія чиновничьи сферы. Вообще дѣятельность Полетики въ этотъ періодъ была весьма плодотворна, онъ одинъ изъ немногихъ вѣрно оцѣнилъ и угадалъ ту экономическую политику, которой должна держаться Россія.

Менѣе удачна была дѣятельность его, когда, скучая бездѣйствіемъ послѣ продажи завода, Полетика пожелалъ сдѣлаться редакторомъ-издателемъ ежедневнаго политическаго органа и купилъ „Биржевыя Вѣдомости", обратившіяся затѣмъ въ „Молву". Покойный не угадалъ настроенія минуты; въ моментъ, когда вся Россія встрепенулась подъ впечатлѣніемъ восточныхъ и славянскихъ событій, а затѣмъ утомилась заимствованіями реформъ, Полетика, или, вѣрнѣе, кружокъ его сотрудниковъ, проповѣдывали запад-

ничество и прямолинейный либерализмъ. Сочувствія въ публикѣ газета не нашла, и по закрытіи ея, Полетика, обладавшій незадолго передъ тѣмъ значительнымъ состояніемъ, былъ вынужденъ поступить въ частную службу.

Въ эту послѣднюю эпоху жизни дѣятельность его не ознаменовалась ничѣмъ особеннымъ; онъ былъ одно время гласнымъ города Петербурга, принималъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, состоялъ директоромъ завода, бывшаго нѣкогда его собственностью, и занимался нефтянымъ дѣломъ, проповѣдуя сначала синдикатъ нефтепромышленниковъ, а затѣмъ транскавказскій нефтепроводъ. Нѣкоторое вниманіе привлекла его полемика съ Кокоревымъ изъ-за оцѣнки политическаго значенія войны 1877 г. Нѣсколько ранѣе Полетика былъ однимъ изъ основателей и директоромъ-распорядителемъ Сѣвернаго страхового общества, перваго занявшагося у насъ варрантною операціею. Затѣмъ всю жизнь Полетика былъ центромъ кружка дѣятелей по горной части и изъ кабинета его вышла иниціатива многихъ полезныхъ мѣропріятій для русскаго горнаго дѣла и для Сибири.

Натура живая, талантливая и увлекающаяся, покойный вовсе не былъ практическимъ дѣятелемъ, какимъ его иные считали; за то въ другой странѣ, при парламентскихъ порядкахъ, Полетика навѣрное игралъ бы выдающуюся роль въ качествѣ коновода партіи. Онъ имѣлъ всѣ качества оратора: находчивость, язвительность, сжатое и изящное изложеніе и чрезвычайно мелодическую дикцію. Красивыя рѣчи свои онъ всегда, впрочемъ, приготовлялъ заранѣе. Въ частной жизни это былъ человѣкъ добродушный, не лишенный оригинальности, остроумный собесѣдникъ и гостепріимный хозяинъ.

Извѣстнаго дипломата П. И. Полетику Вигель характеризовалъ слѣдующимъ образомъ: „Исполненный чести и прямодушія онъ соединялъ ихъ съ тонкостью; онъ такъ искусно, шутливо, необидно умѣлъ говорить величайшія истины людямъ сильнымъ, что ихъ самихъ заставлялъ

улыбаться". Эта оцѣнка всецѣло могла быть приложена и къ В. А. Полетикѣ.

Ярый западникъ на словахъ, онъ любилъ Россію и все русское, даже къ Жукову табаку, этому sui generis русскому произведенію, онъ до смерти сохранилъ пристрастіе, увѣряя, что его курятъ многіе, но скрываютъ.—„Доказательство: пошлите въ любую лавочку, говорилъ онъ, и найдете Жуковъ табакъ". Когда онъ ѣздилъ заграницу, то оставался ровно столько, сколько хватало Жукова. Когда послѣдній былъ на исходѣ, Полетика садился въ ближайшій поѣздъ и возвращался домой. Имѣлъ онъ также замѣчательную способность спать—по 20 часовъ въ сутки.

* * *

Вотъ нѣсколько словъ о полемикѣ Полетики съ Кокоревымъ, содержащихъ оцѣнку политическихъ взглядовъ бывшаго издателя «Молвы».

Въ „Русскомъ Архивѣ" помѣщено письмо В. А. Полетики по поводу извѣстныхъ „Экономическихъ проваловъ" В. А. Кокорева, вышедшихъ недавно отдѣльною книгою. Признавая нынѣшнее время „самымъ мрачнымъ временемъ нуждъ и лишеній", Кокоревъ наше обнищаніе приписываетъ экономическимъ проваламъ, т. е. другими словами дурной финансовой политикѣ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Полетика не допускаетъ этого. По его словамъ, не случайныя и малозначущія ошибки финансовой администраціи разорили насъ, а хроническая полувѣковая связь призрачной и тщеславной внѣшней политики съ непробуднымъ застоемъ и вынужденною отсталостью нашей внутренней жизни.

Отъ взглядовъ Полетики открещивается и самъ издатель „Русскаго Архива", выражая даже по поводу письма свое негодованіе. По нашему мнѣнію, негодованіе излишне, ибо Полетика резюмировалъ взглядъ, который раздѣляютъ у насъ многіе.

Теорію свою Полетика основываетъ главнымъ образомъ

на отношеніяхъ къ восточному вопросу. Вопросъ этотъ, въ томъ, что касается собственно Россіи, былъ, по мнѣнію Полетики, разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительно славными войнами Екатерининскаго царствованія: „Россія овладѣла сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря и освободила свою территорію отъ послѣднихъ слѣдовъ татарской власти. Неразрѣшенною оставалась только задача объ утвержденіи полной нейтральности проливовъ и Средиземнаго моря, что и могло быть нами достигнуто безъ всякихъ пожертвованій, такъ какъ интересы наши въ разрѣшеніи этой задачи вполнѣ совпадаютъ (!?) съ интересами всей континентальной Европы. Но мы предпочли донъ-кихотствовать на послѣдніе гроши русскаго мужика. Сами, лишенные всяческихъ признаковъ гражданской свободы, мы не уставали лить русскую кровь за освобожденіе другихъ; сами погрязшіе въ расколахъ и безвѣріи разорялись для водруженія креста на Софійскомъ храмѣ. И вотъ въ теченіе цѣлаго столѣтія мы не перестаемъ воевать за освобожденіе грековъ, румынъ, сербовъ и болгаръ, которые всѣ отъ насъ отворачиваются, предпочитая лучше возсоединяться съ общечеловѣческою культурою, чѣмъ съ нашими своеобразными порядками“...

Въ этой фразистой тирадѣ Полетика такъ же легко обращается съ историческими фактами, какъ и съ теоріей европейскаго равновѣсія. Начиная съ того, что Екатерина не овладѣвала сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря, а лишь частью его, ибо Бессарабія и весь сѣверный и западный берегъ Кавказа пріобрѣтены при Александрѣ I, Николаѣ и Александрѣ II. Утверждать, что наши интересы въ нейтрализаціи проливовъ и даже Средиземнаго моря совпадали съ интересами всѣхъ державъ, кромѣ Англіи,—значитъ также грубо искажать исторію; очень недавно только Франція отказалась отъ мысли обратить Средиземное море во „Французское озеро“, а нейтрализаціей проливовъ мы бы только окончательно заперли себя на Черномъ морѣ, какъ заперты уже природою на Балтійскомъ

Бѣломъ моряхъ. Если до сихъ поръ проливы недоступны для насъ вслѣдствіе сохраняющейся силы турокъ, то что было бы, еслибы нейтрализація проливовъ стала подъ охрану всей Европы.

Можно ли также человѣку, сколько нибудь знакомому съ исторіей, называть донъ-кихотствомъ нашу освободительную миссію на Востокѣ? Развѣ не извѣстно, что взоры всѣхъ порабощенныхъ народностей Балканскаго полуострова обратились къ Россіи, какъ къ послѣднему прибѣжищу, тогда, когда еще сама она съ трудомъ отбивалась отъ татарскихъ набѣговъ? Уже съ конца XV вѣка начинаются обращенія къ намъ въ этомъ смыслѣ грековъ, въ XVII идея панславизма вполнѣ созрѣла и завязываются постоянныя политическія сношенія съ сербами, черногорцами и православными румынами. Россія вносила свободу въ ряды этихъ угнетенныхъ національностей, свободу дѣйствительную, а не ту, которая, выражаясь эмблемами и фразами, влечетъ за собою порабощеніе народной массы кружку интеллигенціи и капиталистовъ.

Знаменитый ораторъ Донозо-Кортесъ обрисовалъ какъ-то очень удачно значеніе такого рода войнъ, сказавъ, что „міръ никогда не видѣлъ то, что удивляетъ нашу эпоху, а именно, что арміи служатъ орудіями цивилизаціи, тогда какъ идеи приводятъ къ варварству“. Никакая армія не поработала столько для цивилизаціи, какъ русская, и нигдѣ идеи не давали такихъ отрицательныхъ результатовъ, какъ именно у насъ.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что въ своихъ освободительныхъ дѣйствіяхъ мы надѣлали не мало ошибокъ, что насажденіемъ нѣмецкихъ принцевъ и сочиненіемъ комическихъ конституцій мы приготовили почву для своихъ враговъ, но вѣдь народы живутъ не мѣсяцами и годами, и вопросъ еще—долго ли будетъ общественное мнѣніе въ освобожденныхъ нами турецкихъ провинціяхъ намъ враждебно? Весьма вѣроятно, что очень скоро произойдетъ рѣзкій переворотъ и всѣ славянскія и православныя народно-

сти поймутъ, что только подъ охраною Россіи онѣ могутъ обезпечить себѣ въ будущемъ спокойное существованіе*).

Полетика вспоминаетъ, что въ одной изъ рѣчей своихъ онъ приравнялъ Николаевское царствованіе къ постройкѣ Исаакіевскаго собора: „Огромное сооруженіе, основанное на болотѣ, безъ достаточнаго укрѣпленія фундамента, масса драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ, совершенно потерявшихъ свое значеніе при неумѣломъ и безвкусномъ ихъ употребленіи, монументальное, поглощающее десятки милліоновъ зданіе, сооружаемое безъ художественнаго плана и безъ творческой мысли".

Но если къ чему приложимо подобное картинное сравненіе, то не скорѣе ли къ тѣмъ подражательнымъ реформамъ, которыя Полетика рекомендуетъ для Россіи, взамѣнъ ея историческаго развитія, подъ именемъ „самостоятельной русской жизнедѣятельности", и которыя три послѣдніе вѣка достаточно пристегивались къ Россіи. Если у насъ явился расколъ въ церкви, если у насъ нѣтъ самостоятельнаго искусства, если бюрократія образовала въ Россіи извѣстное „средостѣніе", то, конечно, виною несоотвѣтствіе почвы созидаемому на ней въ подражаніе иностранцамъ.

Гоголь очень мѣтко выразилъ эту непригодность заимствованій, замѣтивъ, что „русскій человѣкъ потуда хорошъ и расторопенъ и не лѣнтяй, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ, но какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ вдругъ неуклюжъ и нерасторопенъ, и лѣнтяй, и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню перестаетъ вовсе ходить, а спитъ въ сюртукѣ и заведутся у него подъ сюртукомъ нѣмецкимъ клопы и блохъ несмѣтное множество"...

Восторгаясь передъ нѣмецкимъ сюртукомъ, Полетика горячо возстаетъ противъ повтореннаго Кокоревымъ возгласа: „пора домой, въ Москву!" Напоминая, что Кокоревъ—потомокъ древнихъ новгородцевъ, а самъ онъ—мало-

---

*) Въ Сербіи уже произошелъ послѣ напечатанія этой статьи такой переворотъ.

россъ, Полетика говоритъ: „Почему же должны мы признать своимъ домомъ Москву—этого ублюдка, происшедшаго отъ изнасилованія русской суевѣрной бабы кровожаднымъ татариномъ? Не можете ли вы мнѣ указать, какой слѣдъ во всемірной исторіи оставила Москва въ теченіе своего семивѣкового существованія? Зародилась ли тамъ какая либо мысль, плодотворно вліявшая на развитіе человѣчества; раздалось ли оттуда какое либо свѣжее, просвѣтляющее слово, показалось ли тамъ какое либо вѣковѣчное произведеніе искусства?“

По мнѣнію Полетики, Москва оставила намъ въ наслѣдство лишь расколъ, стрѣлецкіе бунты, кормленіе воеводъ, приказную волокиту, а вмѣсто памятниковъ искусства—Ивановскую колокольню, царя-пушку, да царя-колокола.

Хотя, какъ для бывшаго инженера, Полетикѣ странно презрительно говорить о царѣ-пушкѣ и колоколѣ, которые для своего времени замѣчательные продукты техники, но Москва оставила намъ и поболѣе этихъ памятниковъ. Она оставила намъ объединеніе русскихъ земель въ рукахъ власти не только крѣпкой, но и популярной. Публицисты и историки закала Полетики доказываютъ, правда, что эта идея сильной власти есть наслѣдіе татарскаго вліянія, но такое объясненіе,—весьма вѣроятное, ибо до сихъ поръ только монгольская раса умѣла создавать огромныя централизованныя государства,—доказываетъ лишь геній этой расы и ея врожденныя государственныя качества, и намъ въ предосужденіе не можетъ идти. Та частица татарскаго вліянія, на которую намекаетъ Полетика, пришлась какъ нельзя болѣе кстати для Россіи. Благодаря ей, Россія и избавилась отъ анархіи, погубившей государства болгарское, сербское, польское и отдавшей славянъ въ руки ихъ злѣйшихъ враговъ.

Стремленіе къ созданію сильной власти составляетъ характерную черту всей русской исторіи. Карамзинъ и его послѣдователи глубоко заблуждались, когда отыскивали черты самодержавія въ первобытной исторіи Россіи. Раз-

витіе и утвержденіе крѣпкой власти было плодомъ долгой и трудной работы, а окончательно сложилась эта власть въ Москвѣ къ концу XVII столѣтія, какъ разъ въ моментъ, который наши западники считаютъ поворотомъ къ иностраннымъ позаимствованіямъ, очевидно принимая внѣшнюю форму за сущность вещей.

Мы не сказали еще ничего по существу затронутаго Полетикою вопроса, а именно, кто виноватъ въ финансовомъ разстройствѣ: финансовое управленіе или внѣшняя политика, точнѣе война. По наружности Полетика кажется правымъ, ибо, конечно, войны 1805—1814 гг., затѣмъ Крымская и, наконецъ, 1877 г. повредили болѣе всего финансовому благосостоянію Россіи. Но эта правота—наружная, такъ какъ вопросъ именно въ томъ, насколько ошибки финансоваго положенія усугубили то неизбѣжное вредное вліяніе, которое могли имѣть войны.

Въ этомъ случаѣ роль финансоваго управленія громадна. Мы видимъ, напримѣръ, что, одержавъ побѣды на всѣхъ пунктахъ во время Республики, Франція, благодаря неумѣлому финансовому управленію, была приведена къ позорному банкротству; между тѣмъ тяжелыя и несчастныя войны первой Имперіи и затѣмъ война 1870 г., вслѣдствіе искуснаго управленія финансами, не имѣли для Франціи вредныхъ послѣдствій. Такимъ образомъ и у насъ, еслибы послѣ каждой кровавой и необходимой войны финансы Россіи находились въ надлежащихъ рукахъ, то, конечно, Россія не почувствовала бы себя въ мрачномъ „времени нуждъ и лишеній" и не приходилось бы утомлять фантазіи изобрѣтеніемъ налога на дрожжи.

Кокоревъ отвѣчалъ въ «Русскомъ Архивѣ» Полетикѣ. Отвѣтъ Кокорева очень убѣдительно разбивалъ красивую фразеологію бывшаго издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Молвы». «Въ надзвѣздномъ мірѣ, т. е. въ области высшихъ созерцаній, подношу вамъ—писалъ Кокоревъ Полетикѣ—пальму первенства; но, спускаясь ниже въ подлунный міръ, не соглашаюсь съ вашими взглядами потому, что взгляды эти расходятся съ дѣйствительною жизнью».

С. С. Поляковъ.

Чѣмъ больше выясняются подробности крушенія 17-го октября, тѣмъ болѣе складывается убѣжденіе, что причины этого несчастія вовсе не случайныя и, независимо отъ возможной оплошности или недосмотра отдѣльныхъ служащихъ, главнымъ образомъ коренятся въ общемъ состояніи у насъ желѣзнодорожнаго дѣла и въ тѣхъ его злоупотребленіяхъ, которыя администрація низшая и высшая терпѣла годами. „Главное управленіе путями сообщенія обвиняетъ народный голосъ и народная совѣсть", сказалъ покойный Чевкинъ своимъ подчиненнымъ, вступая въ 1856 г. въ управленіе. „Министерство Путей Сообщенія со всѣми его дѣятелями подверглось величайшему осужденію русскаго общества", писалъ Аксаковъ министру путей сообщенія въ 1885 г. Эти слова можно повторить и въ настоящее время*).

А хотя отъ времени до времени принимались путейскимъ вѣдомствомъ мѣры съ цѣлью заглушенія „народнаго голоса", тѣмъ не менѣе недостатка въ предостереженіяхъ со стороны публики и печати не было.

Несчастіе случилось на одной изъ „поляковскихъ дорогъ", т. е. дорогъ, построенныхъ покойнымъ Самуиломъ Соломоновичемъ Поляковымъ—этимъ прототипомъ нашего желѣзнодорожнаго строителя 60-хъ годовъ. Кто такой былъ Поляковъ и откуда онъ взялся, существуетъ цѣлая легенда,

*) Та же исторія была и въ прежнее время: когда герцогу Александру Виртембергскому послѣ его назначенія главноуправляющимъ представляли подчиненныхъ, то онъ обратился къ нимъ со словами: „Господа, въ вашемъ корпусѣ тьма безпорядковъ, хищничества: я не прежде надѣну вашъ мундиръ, пока новыми поступками вы не очистите его. Сильными мѣрами постараюсь васъ къ тому понудить". Бетанкуръ спросилъ его, когда прикажетъ представиться гражданскимъ чиновникамъ? „Никогда,—отвѣчалъ онъ:—они недостойны видѣть меня". Потомъ поворотился ко всѣмъ спиной и вышелъ (Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, т. III).

хотя еще не мало живыхъ людей, свидѣтелей быстраго расцвѣта этого желѣзнодорожнаго генія.

Поляковъ былъ, говорятъ, десятникомъ на шоссе, и Кислаковскій, какъ начальникъ дистанціи, первый оцѣнилъ его расторопность. Поживившись на щебенкѣ, Поляковъ содержалъ почтовыя станціи, на его счастье, между прочимъ, въ имѣніи графа И. М. Толстого, министра почтъ и телеграфовъ. Этотъ государственный мужъ и призналъ въ Поляковѣ желѣзнодорожнаго дѣятеля и заставилъ, помимо другихъ болѣе извѣстныхъ конкуррентовъ, передать Полякову постройку Азовской дороги, вслѣдъ за которою слѣдовали Ростово-Воронежская, Орлово-Грязская, Фастовская и Бендеро-Галацкая.

Отрицать энергіи, ума и ловкости у Полякова нельзя. Этотъ тщедушный съ виду сынъ Израиля былъ, дѣйствительно, замѣчательный человѣкъ, но выстроенныя имъ на живую нитку дороги были также въ своемъ родѣ замѣчательны. Для полученія концессіи Азовской дороги, онъ обѣщалъ земству 300 тысячъ и построить рельсовый заводъ, но ни завода не построилъ, ни земству денегъ не далъ; для полученія Воронежско-Ростовской дороги онъ такъ же обошелъ Донское войско. Обѣ дороги имѣли цѣлью развить каменноугольное дѣло, но долго возили уголь только изъ копей самого Полякова. Для постройки дорогъ Поляковъ валилъ, понятно, мерзлую землю, клалъ дурныя маломѣрныя шпалы, подвижной составъ заказывалъ пресловутому Струсбергу. Съ бумагами своихъ дорогъ онъ творилъ такія же чудеса: закладывалъ ихъ заграницею въ банкахъ и, подъ будущіе доходы, выпускалъ другія бумаги. Все это благополучно сходило ему съ рукъ, потому что со времени ремонта щебенки на шоссе Поляковъ помнилъ твердо заповѣдь, что надобно уважать начальство. Этимъ уваженіемъ онъ достигъ того, что и его стали уважать и возводить въ высокіе чины. Подымаясь въ общественной іерархіи, Поляковъ бралъ уроки французскаго языка и началъ было даже разыгрывать роль мецената, впрочемъ меценатство его огра-

ничилось по преимуществу сооруженіемъ синагогъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.

Не все, впрочемъ, были на пути Полякова розы. Никогда не встрѣчалъ онъ недостатка въ порицаніяхъ своей торопливой дѣятельности. И какъ Сенатъ отказалъ ему въ дворянствѣ, хотя онъ получилъ уже генеральскій чинъ, такъ и печать не хотѣла никогда признать въ немъ благодѣтеля Россіи. Мы можемъ по этому поводу припомнить, что изъ первыхъ настойчиво обращали вниманіе въ „Новомъ Времени" на невѣроятныя безобразія, совершавшіяся на желѣзныхъ дорогахъ г. Полякова, въ особенности на той, на которой случилась катастрофа 17-го октября.

Еще въ 1878 году, въ рядѣ статей, подъ названіемъ „Дѣянія г. Полякова", и еще „Еще о г. Поляковѣ", мы указывали на злоупотребленія на Курско-Харьковско-Азовской и Орловско-Грязской желѣзныхъ дорогахъ, раскрытыя комиссіями барона Шернваля и г. Поземковскаго. Мы можемъ прибавить даже, что взялись за перо потому, что одинъ изъ главныхъ дѣятелей комиссіи съ горечью жаловался намъ на то, что на труды послѣднихъ министерство, повидимому, не намѣрено обратить никакого вниманія. Мы сочли гражданскою обязанностью помочь раскрытію истины. Статьи произвели большую сенсацію въ публикѣ, но желѣзнодорожная администрація сохраняла олимпійское спокойствіе, а подъ ея эгидою чувствовалъ себя спокойно и желѣзнодорожный мірокъ. Насъ удивляло и возмущало это равнодушіе. Въ 1880 году мы напечатали слѣдующее:

Читатели, можетъ быть, не забыли интересныя открытія Высочайше утвержденныхъ комиссій подъ предсѣдательствомъ барона Шернваля и г. Поземковскаго, результатъ дѣйствій которыхъ былъ изложенъ въ длинныхъ печатныхъ отчетахъ, откуда «Новое Время» сдѣлало нѣкоторыя позаимствованія. Комиссіи ревизовали желѣзныя дороги, построенныя г. Поляковымъ, и нашли массу всякаго рода злоупотребленій, изъ которыхъ за малѣйшее въ половинѣ XVII вѣка слѣдовало бы «не щадно бить батоги», а въ началѣ XVIII «весьма лишить живота».

Но г. Поляковъ сынъ XIX вѣка. Если въ XVIII вѣкѣ вице-канцлеръ и знаменитый дипломатъ Шафировъ былъ положенъ на плаху за то, что онъ, какъ сенаторъ, подписалъ опредѣленіе о неправильной выдачѣ кому-то лишняго третного жалованья, то въ нашъ вѣкъ странно было бы взыскивать съ человѣка, несовсѣмъ правильно-выписавшаго въ расходъ около сорока что-то милліоновъ.

По крайней мѣрѣ таково, слышно, заключеніе департамента желѣзныхъ дорогъ, который не только находитъ всѣ обвиненія комиссіи барона Шернваля и г. Поземковскаго неосновательными, но, напротивъ, полагаетъ, что г. Поляковъ заслужилъ нарочитую признательность отечества безкорыстною и полезною дѣятельностью.

Самое невѣроятное въ этомъ извѣстіи,—что оно совершенно вѣрно...

Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ общество было взволновано новымъ крупнымъ несчастіемъ на дорогѣ Полякова. Между станціями Каменской и Сѣверо-Донецкой, по воронежско-ростовской желѣзной дорогѣ, отъ шедшаго въ Воронежъ товарнаго поѣзда оторвались 22 нагруженные вагона, которые, возвратясь назадъ, наскочили на хвостъ воинскаго поѣзда, стоявшаго на запасномъ пути. Разбиты были три вагона съ людьми и 13 товарныхъ. Убиты два офицера, два врача и семь нижнихъ чиновъ. Тяжело ранены пять человѣкъ и получили ушибы отъ 30 до 40. Въ разбитыхъ товарныхъ вагонахъ помѣщался спиртъ, который загорѣлся. Для поданія помощи пострадавшимъ, гласила офиціальная телеграмма, были приняты „энергическія мѣры".

Извѣстно, писали мы, что всегда принимаются въ этихъ случаяхъ энергическія мѣры, но жаль, что онѣ прилагаются только къ пострадавшимъ, а не къ тѣмъ, кто былъ виною страданій.

По желѣзнодорожной логикѣ, виною всему, конечно, вагоны, которые заблагоразсудили оторваться. Отчего же, однако, вагоны дозволяютъ себѣ такія шалости именно на дорогахъ г. Полякова, на которыхъ уже, кажется, и счетъ потерянъ несчастіямъ, постигшимъ бѣдныхъ пассажировъ? Неужели же нѣтъ никакой возможности улучшить на этихъ дорогахъ положеніе дѣлъ? Неужели человѣческая жизнь, а особенно жизнь солдата, котораго государство взяло въ службу не добровольно, а въ силу тяжелой необходимости, такіе

пустяки, что даже десятки жертвъ не заставятъ принять дѣйствительно энергическія мѣры?

Мѣры эти существуютъ. Это взятіе дорогъ г. Полякова въ казенную администрацію.

На эти дороги столько слышится со всѣхъ сторонъ жалобъ (по крайней мѣрѣ всѣ редакціи завалены письмами о безобразіяхъ, господствующихъ на этихъ дорогахъ), что учрежденіе надъ злополучными дорогами, разоряющими въ экономическомъ отношеніи восточный край и не исполняющими ни одного изъ обязательствъ относительно правительства, казенной опеки будетъ дѣломъ только одной справедливости. Другого способа исправленія трудно придумать.

Господину же Полякову съ братіей останется въ утѣшеніе созидать новыя дороги гдѣ угодно, только не въ Россіи...

Когда въ 1883 году раскрылись злоупотребленія въ Главномъ Обществѣ, причинившія казнѣ болѣе 20 милл. убытка, мы припомнили свои статьи въ „Новомъ Времени" и снова писали:

Наши органы печати добродушно сообщаютъ о трудахъ комиссіи, открывшей въ Главномъ Обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ безцеремонное расхищеніе казенныхъ милліоновъ, и сопровождаютъ эти контрольныя откровенія своими комментаріями. Иной подписчикъ въ Царевококшайскѣ подумаетъ, что надъ бывшими членами совѣта управленія Главнаго Общества (пять изъ нихъ представители казны) и ихъ ревизорами виситъ мрачная туча и въ ушахъ ихъ звенитъ колокольчикъ той тройки, которая везла капитана Копейкина въ мѣста болѣе отдаленныя. На дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ и, по всей вѣроятности, не случится.

Это мы заключаемъ изъ «исторіи желѣзныхъ дорогъ». Наши читатели помнятъ «ужасныя» открытія, сдѣланныя слѣдственными комиссіями барона Шернваля по Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ, и г. Поземковскаго по Орловско-Грязской желѣзной дорогѣ; уголовщина и расхищенные казенные милліоны такъ и мелькали на каждой страницѣ этихъ отчетовъ, въ свое время подробно резюмированныхъ въ «Новомъ Времени», въ статьяхъ: «Дѣянія г. Полякова». Но было бы очень желательно знать, какая судьба постигла эти открытія и что сталось съ означенными трудами слѣдственной комиссіи? Сколько мы знаемъ, ни одинъ волосъ не свалился съ головы г. Полякова, на котораго взводились такія тяжкія обвиненія. По край-

ней мѣрѣ г. Поляковъ благодушествуетъ и надняхъ еще, проѣзжая въ Москву, если вѣрить репортерамъ, давалъ пиръ на станціи Любани мѣстнымъ инженерамъ. Сомнѣваемся также, чтобы хотя одна копѣйка изъ указанныхъ комиссіями барона Шерваля и г. Поземковскаго вернулась въ Государственное Казначейство.

Секретъ молчанія, наконецъ, открылся. Виновность администраціи была до того неопровержима, что оно для оправданія своихъ агентовъ не нашло ничего лучше, какъ затянуть на возможно дальній срокъ дачу объясненій. Послѣднія были внесены въ Комитетъ Министровъ только въ 1885 г., семь лѣтъ спустя послѣ представленія отчетовъ барона Шерваля и г. Поземковскаго.

Относительно Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги министерство, „не отвергая приводимыхъ комиссіей упущеній со стороны мѣстнаго (почему мѣстнаго только) надзора", не усматривало въ настоящее время „никакой практической цѣли дать дальнѣйшій ходъ дѣлу объ этихъ упущеніяхъ, тѣмъ болѣе, что лицъ, которыя могли бы быть привлечены къ отвѣтственности, не находятся частью въ живыхъ, частью же на службѣ въ Министерствѣ Путей Сообщенія". Главною виною всему, по мнѣнію министерства, были „существовавшіе тогда порядки".

Но хотя ничто не гарантировало, что порядки измѣнились, само министерство свидѣтельствовало, что только часть виновныхъ была не на службѣ или померла. Почему же не преслѣдовали остальныхъ виновныхъ? Затѣмъ, за казенныя упущенія у насъ по закону въ гражданскомъ порядкѣ отвѣчаютъ и наслѣдники виновныхъ. Почему не взыскивали растраченныхъ денегъ и почему дозволили людямъ спокойно жуировать на украденныя ихъ отцами изъ казны деньги?

Курьезнѣе всего, что министерство завѣряло Комитетъ Министровъ, будто правленіе Общества Курско-Харьково-Азовской дороги исполнило безпрекословно „не только всѣ требованія комиссіи и министерства относительно исправленія замѣченныхъ недостатковъ, но привело всю дорогу

въ такое состояніе, что она можетъ быть причислена къ дорогамъ, находящимся въ техническомъ отношеніи въ наиболѣе удовлетворительномъ положеніи. Что же касается бывшихъ безпорядковъ въ финансовомъ управленіи дорогою, то и въ этомъ отношеніи, по мнѣнію министерства, Обществомъ сей дороги приняты надлежащія мѣры... Въ настоящее время счетоводство Общества можетъ во многихъ отношеніяхъ служить образцомъ для другихъ дорогъ"...

Ужасная катастрофа 17-го октября послужила лучшимъ отвѣтомъ на панегирикъ дорогѣ и лучшимъ объясненіемъ, что надо разумѣть подъ „наиболѣе удовлетворительнымъ положеніемъ" въ техническомъ отношеніи Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Можно думать, что таково же и „образцовое" финансовое состояніе послѣдней.

„Каждый долженъ быть честенъ!" говорилъ Чевкинъ въ упомянутой нами вступительной рѣчи. Таковъ долженъ быть девизъ и нашей путейской администраціи. Но честность эта должна пониматься не только въ томъ смыслѣ, что не дозволяется запускать руки въ казенный сундукъ. Погрѣшаетъ противъ честности и тотъ, кто терпитъ злоупотребленія, не дозволяетъ ихъ свободно раскрывать, а, когда оно невольно раскрывается, старается замазать истину.

А. А. Поповъ.

Кораблестроительная дѣятельность Андрея Александровича Попова достаточно всѣмъ извѣстна и оцѣнена по достоинству. Обладая несомнѣнною энергіею и умѣніемъ убѣдить другихъ въ практичности своихъ измышленій, адмиралъ Поповъ, безъ всякихъ спеціальныхъ познаній въ кораблестроеніи, сталъ мало-по-малу во главѣ военнаго судостроенія въ Россіи. Результаты б влиыесьма плачевные·

Въ 1877 году, въ моментъ, когда война готова была каждую минуту разразиться, образована была комиссія для изслѣдованія вопроса о состояніи нашего военнаго флота и готовности его къ боевой службѣ. Вкратцѣ это состояніе резюмировалось тѣмъ, что мы, имѣя третій по размѣру морской бюджетъ, были въ состояніи снарядить только весьма ограниченную военную эскадру для занятія важнѣйшихъ на случай войны стратегическихъ пунктовъ, а входящіе въ составъ этой эскадры такъ называемые „крейсеры“ оказались судами, двигающимися по океану со скоростью въ 5 узловъ въ часъ. Не болѣе надеждъ оправдалъ и флотъ оборонительный, особенно „Петръ Великій“, въ которомъ иностранные панегиристы видѣли послѣднее слово морского искусства; совершенно новая машина этого корабля оказалась негодною; относительно поповокъ и говорить нечего: ихъ пресловутыя достоинства испарились, какъ только запахло порохомъ.

Когда, въ 1871 г., стало возможно возстановленіе черноморскаго флота, то въ программѣ, данной адмиралу Аркасу, назначенному главнымъ командиромъ, было прямо указано, что на первое время полагается имѣть флотъ исключительно оборонительный. Этимъ и воспользовался г. Поповъ, чтобы на Черномъ морѣ испытать возникшее у него въ головѣ круглое судно, прототипомъ котораго были, впрочемъ, плавучія батареи, устроенныя, кажется, въ Антверпенѣ.

Значеніе поповокъ рѣзче всего опредѣлилъ Н. М. Барановъ на судѣ по поводу извѣстнаго столкновенія его съ г. Рождественскимъ.—„Печатно я говорилъ до войны,—объяснялъ г. Барановъ суду,—что въ войнѣ поповки участія не примутъ, потому что принять не могутъ; во время войны я говорилъ—поповки участія въ войнѣ не принимаютъ, потому что принять не могутъ, и послѣ войны я говорю — поповки въ войнѣ участія не принимали, потому что не могли принимать... Какъ до войны, такъ и послѣ ея, я громко и сознательно говорю, что большинство русскихъ броненосцевъ—суть лишь оправдательные

документы ассигнуемымъ на флотъ государственнымъ деньгамъ".

Не смотря на такое категорическое заявленіе, подтвердившееся фактами, не смотря на общій голосъ моряковъ, звѣзда г. Попова не меркла. Въ то время, когда шутники въ газетахъ предлагали обѣ поповки, простоявшія все время Восточной войны за укрѣпленными молами Одессы, обратить въ мукомольныя мельницы, г. Поповъ сочинилъ проектъ грандіознаго круглаго же судна—пресловутой яхты „Ливадія", расколовшейся на первомъ переходѣ изъ Англіи въ Испанію.

Уже на испытаніи въ Англіи яхта „Ливадія", вмѣсто ожидаемой скорости въ 14 узловъ, дала только 7 узловъ, или, если вѣрить сторонникамъ г. Попова, 8 узловъ, т. е. столько же, сколько давали поповки.

Говорятъ, что г. Поповъ, удивленный результатомъ испытанія, съ негодованіемъ обратился къ Пирсу, владѣльцу верфи, гдѣ строилась яхта, но флегматическій англичанинъ просилъ г. Попова оставить его заведеніе, прибавивъ, что заводъ исполнилъ свое дѣло по контракту: машина развиваетъ условленную силу, „а затѣмъ, прибавилъ Пирсъ, не я виноватъ, что она не въ силахъ двигать вашу корову!" Однако новая корова... виноватъ, яхта, стоила 5 милліоновъ рублей. Вмѣстѣ съ двумя поповками, „Генералъ-Адмираломъ", „Петромъ Великимъ" и другими затѣями г. Попова, собственно для нашей боевой силы значенія не имѣвшими, означенная сумма составляла по крайней мѣрѣ 25 милліоновъ рублей непроизводительнаго расхода. Считая хоть по 5%, съ этой суммы получается ежегодно 1.250,000 рублей, т. е. количество денегъ, достаточное для ежегодной постройки одного океанскаго парохода. Едва ли оригинальныя изобрѣтенія г. Попова могли принести для Россіи пользы болѣе, нежели торговый флотъ изъ описанныхъ пароходовъ дальняго плаванія.

Спущенная съ верфи яхта на дорогѣ раскололась и эта курьезная посудина осталась лежать въ испанскомъ портѣ,

возбуждая сильныя сомнѣнія насчетъ своей дальнѣйшей участи. Дѣло въ томъ, что ни въ Испаніи, да и нигдѣ, кажется, въ Европѣ, не было дока настолько широкаго, чтобы вмѣстить судно, подобное этой яхтѣ. Предполагали поднять ее на воздухъ подведеніемъ какихъ-то деревянныхъ ряжей. Но еслибы и удалось вывести такимъ образомъ дно злополучнаго судна на воздухъ, то и это, какъ замѣчали спеціалисты, ни къ чему не послужило бы, потому что шлепаніе носовой части яхты, неравномѣрная нагрузка, стояніе при сильномъ волненіи какъ бы на вѣсу на двухъ волнахъ, при разрушительномъ дѣйствіи трехъ винтовъ, скоро привели бы корпусъ яхты къ разрушенію. Кромѣ пробоины, приписывавшейся кусочкамъ дерева, плававшимъ по океану и загородившимъ послѣдній до такой степени, что „Ливадіи" не оставалось проѣзда, какъ для хохла, зацѣпившагося въ степи за верстовой столбъ, погнулись шпангоуты и повредились соединенія послѣднихъ съ палубами. Мало того, два стальные котла на яхтѣ разорвало, что приписывали дурному качеству металла, приготовленнаго изъ чугуна, выплавленнаго изъ неиспытанныхъ будто бы новыхъ испанскихъ желѣзныхъ рудъ.

Самое замѣчательное, однако, что, не смотря на всѣ эти поврежденія, благодаря ловко составленному контракту, заводу Эльдера и К° удалось получить сполна всѣ слѣдуемыя за „Ливадію" деньги. Это вызвало общее негодованіе и мы писали въ „Новомъ Времени":

Дѣло является такимъ образомъ въ двухъ видахъ: съ одной стороны неумѣніе начертать проектъ судна, съ другой—умѣнье въ писаніи контрактовъ, «обработывающихъ» отечественную казну въ пользу иностранцевъ.

Неужели оба эти искусства останутся безъ должной оцѣнки?

Скандалъ съ яхтой «Ливадіей», уронившей достоинство нашего флота *), если не въ глазахъ лицъ, знающихъ и серьезныя его каче-

*) Надобно имѣть въ виду, что не только ошибки въ кораблестроеніи, но и другіе факты указывали на ненормальное положеніе нашего флота. Такова была, напримѣръ, гибель другой яхты „Ливадія" у Тар-

ства, то по крайней мѣрѣ въ глазахъ массы публики, судящей по отрывочнымъ фактамъ, особенно публики заграничной, имѣющей о нашихъ морскихъ силахъ весьма неполное представленіе, произошелъ уже около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, а пока ничего не слыхать о слѣдствіи по этому поводу.

Намъ кажется, что дѣло настолько важное, тѣмъ болѣе при потерѣ нѣсколькихъ казенныхъ милліоновъ, что нельзя ограничиваться рутинными казенными рапортами командировъ, а тѣмъ болѣе лицепріятными донесеніями гг. Ридовъ, готовыхъ что угодно сочинить, дабы выгородить барыши англійскихъ судостроителей. Сочинили же они, какъ сообщалъ «Кронштадтскій Вѣсти.», даже «Polka-Popoff», которую и проплясала потомъ яхта въ океанѣ. По старому обычаю слѣдовало бы назначить строжайшее слѣдствіе.

Полезно учредить изъ спеціалистовъ, притомъ независимыхъ и достаточно высоко поставленныхъ, не одну, а именно двѣ комиссіи: первую для техническаго осмотра судна и разбора истинныхъ причинъ его крушенія, вторую — для разсмотрѣнія, какимъ образомъ былъ заключенъ контрактъ съ англійскимъ заводомъ Эльдера и комп., вовлекшій казну въ громадныя потери. Только слѣдствіе, только такія комиссіи могутъ считаться вполнѣ компетентными, только они могутъ выяснить все это дѣло и положить такъ или иначе конецъ толкамъ.

Интересъ самого г. Попова послѣ мнѣнія, сложившагося о его дѣятельности по постройкѣ яхты, настаивать на подобномъ слѣдствіи спеціалистовъ и на судѣ.

Морской судъ будетъ имѣть болѣе серьезное, нравственное и общественное значеніе, чѣмъ, напримѣръ, судъ о нѣсколькихъ неприличныхъ словахъ, написанныхъ подчиненнымъ своему начальнику, какъ это было въ извѣстномъ дѣлѣ г. Баранова, хотя и послѣднее принесло свою пользу, указавъ отчасти на порядки, укоренившіеся въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ и прикрываемые отсутствіемъ гласности

ханкута, 21 октября 1878 г. Самъ начальникъ черноморскаго флота писалъ по этому поводу: „Непростительное разбитіе судна по 6 часовомъ плаваніи, по выходѣ изъ Севастополя, при наилучшемъ состояніи погоды и часовомъ туманѣ, находитъ защитниковъ! Такъ ли это было въ старое время, когда цѣлые мѣсяца держались въ морѣ подъ парусами цѣлыя эскадры; никогда не было ничего подобнаго, а еслибы и случилось, то навѣрное не нашло бы защитниковъ на оправданіе". (А. Денисовъ. Н. А. Аркасъ).

Справедливый судебный приговоръ будетъ лучшимъ отвѣтомъ на всѣ вопросы, которые естественно возбуждаются этимъ дѣломъ.

Дѣло до суда не дошло. Разбирать обстоятельства крушенія яхты „Ливадія" былъ посланъ Шестаковъ, который, не смотря на свою старую дружбу съ г. Поповымъ, по прямотѣ своего характера, представилъ дѣло въ истинномъ видѣ. Не смотря на это, г. Поповъ не успокоился, и стали ходить слухи о его новомъ проектѣ судна, которое бралось уничтожать лучшія суда германскаго флота.

Только съ назначеніемъ начальникомъ флота великаго князя Алексѣя Александровича, близко ознакомившагося практически во время своихъ многочисленныхъ плаваній съ потребностями нашего флота и морской службы, состоялось рядомъ съ другими перемѣнами по флоту увольненіе отъ званія предсѣдателя кораблестроительнаго отдѣленія морского техническаго комитета неугомоннаго изобрѣтателя. Г. Поповъ игралъ роль, отодвинувшую на второй планъ значеніе морского министра, поэтому оставленіе г. Поповымъ своего поста имѣло огромное значеніе. Наше кораблестроеніе приняло новый характеръ, болѣе соотвѣтствующій потребностямъ Россіи. Затѣи, поглотившія милліоны казенныхъ денегъ, которые съ большею пользою могли бы быть употреблены на постройку судовъ болѣе практической конструкціи, или, наконецъ, просто сбережены въ нашемъ государственномъ казначействѣ, были брошены. Преемники адмирала Попова совсѣмъ иначе взглянули на дѣло и, не гоняясь за чѣмъ либо новымъ и оригинальнымъ, старались только о томъ, чтобы дать возможность Россіи, флотъ для которой имѣетъ лишь вспомогательное боевое значеніе, съ достоинствомъ поддержать свой флагъ на моряхъ, не претендуя на странную и невозможную для такого малопромышленнаго государства роль иниціатора въ кораблестроительномъ дѣлѣ.

К. Н. Посьетъ.

Именнымъ высочайшимъ указомъ министръ путей сообщенія генералъ-адъютантъ Посьетъ *) уволенъ отъ должности съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта. Причины увольненія г. Посьета всѣмъ извѣстны и мы не будемъ на нихъ останавливаться; замѣтимъ только, что слухи о выходѣ его изъ министерства, которымъ онъ управлялъ болѣе четырнадцати лѣтъ (съ 10-го іюля 1874 года), шли очень давно. Можно даже сказать, что никогда городскіе слухи не смѣщали никого такъ часто, какъ г. Посьета.

По этому поводу мы можемъ напомнить извѣстный анекдотъ, что когда прибывшій въ 1880 году австрійскій посолъ графъ Кальноки просилъ графа Лорисъ-Меликова указать, кому изъ государственныхъ людей ему слѣдуетъ сдѣлать визиты, то всемогущій тогда графъ не совѣтывалъ дипломату ѣхать къ гг. Посьету и Набокову, какъ вѣроятно скоро оставляющимъ свои посты. Оказалось, однако, что при отъѣздѣ графу Кальноки пришлось откланиваться у г. Посьета, которому онъ офиціально не представлялся, графа же Лорисъ-Меликова не было и въ поминѣ.

Если общественное мнѣніе и даже мнѣніе столь высокопоставленныхъ лицъ давно указывали, что во главѣ Министерства Путей Сообщенія, одного изъ важнѣйшихъ въ настоящую эпоху сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ, пора поставить человѣка болѣе свѣжаго и энергическаго, то это не умаляетъ тѣхъ заслугъ, которыя оказалъ г. Посьетъ, занимая такъ долго министерскій постъ.

Эти заслуги были подробно исчислены и разбираемы въ

*) Константина Николаевича Посьета считаютъ многіе шведомъ или датчаниномъ. По происхожденію онъ французъ; предокъ его Possuet de Rossiet (въ русскихъ документахъ Поссіетъ, Пассетъ, Поссіютъ, Пассіетъ, Пассуетъ, Паціетъ, Пасветъ, Поветъ и т. д.), по приглашенію Петра Великаго, 37 лѣтъ трудился надъ разведеніемъ винограда около Астрахани.

день празднованія 50-ти-лѣтняго юбилея службы г. Посьета Торжества, сопровождавшія этотъ юбилей, въ которыхъ принимали участіе разные слои нашего общества, показали, что лично г. Посьетъ пользовался общимъ расположеніемъ, и критика, признававшая его добрыя намѣренія, высокую честность и патріотизмъ, относилась строго лишь къ нѣкоторымъ сторонамъ его административной дѣятельности.

Вступивъ въ управленіе, г. Посьету, прежнею морскою, ученою и педагогическою дѣятельностью мало подготовленному къ новому роду службы, предстояла весьма трудная задача водворить порядокъ въ вѣдомствѣ, гдѣ издавна вкрались злоупотребленія и которое было дезорганизовано цѣлымъ рядомъ министровъ, которые или относились къ дѣлу спустя рукава, какъ Мельниковъ, или недостаточно разумѣли его, какъ графъ Бобринскій 2-й, или же дѣйствовали по капризу, какъ графъ Бобринскій 1-й. Во главѣ разныхъ департаментовъ министерства стояли люди, взятые съ вѣтра и совершенно неподготовленные.

При г. Посьетѣ хотя авгіевы конюшни не были вполнѣ очищены, — это трудъ, превосходящій силы одного человѣка и даже одного поколѣнія, — но порядокъ во многихъ отношеніяхъ упрочился. Техническому элементу было придано надлежащее значеніе, желѣзныя дороги стали вмѣсто произвольныхъ циркуляровъ руководствоваться закономъ — желѣзнодорожнымъ уставомъ, водяные пути были описаны и на улучшенія ихъ начали затрачивать втрое противъ прежняго, коммерческіе порты наши были почти всѣ заново перестроены, преобразована была мѣстная путейская администрація, расширена дѣятельность Общества спасанія на водахъ. Сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ была весьма расширена и положено начало урегулированію тарифнаго дѣла желѣзныхъ дорогъ.

Конечно, каждое изъ этихъ крупныхъ мѣропріятій могло вызывать тѣ или другія отдѣльныя замѣчанія, но въ общемъ, если сравнивать время управленія г. Посьета съ предыдущими министерствами, то нельзя не замѣтить огром-

ной разницы. Злоупотребленія были, но министерство не представляло торжища, куда каждый могъ являться не съ пустыми руками. У насъ, правда, явились уже панегиристы графу Клейнмихелю, писарскія резолюціи котораго цитируются нѣкоторыми газетами, какъ евангельское слово, но на это можно сказать только: о вкусахъ не спорятъ! Затѣмъ, если обстоятельства заставили печать съ такимъ единодушіемъ порицать въ настоящую минуту вѣдомство путей сообщенія, то это не значитъ, что другія вѣдомства находятся уже внѣ порицанія. Тутъ играла роль и случайность; были моменты, когда съ неменьшимъ единодушіемъ наши печать и общество находили крупные недостатки въ вѣдомствахъ дипломатическомъ, интендантскомъ, судебномъ и др.

Кто займетъ мѣсто г. Посьета — неизвѣстно, хотя кандидатовъ называютъ очень много. Общее желаніе таково, чтобъ былъ назначенъ человѣкъ энергичный. Одной энергіи, впрочемъ, на подобномъ постѣ еще недостаточно, требуется знаніе дѣла или, по крайней мѣрѣ, его легкое усвоеніе, требуется также извѣстный тактъ, потому что интересы Министерства Путей Сообщенія тѣсно переплетаются съ интересами торговли, промышленности, земледѣлія, финансовъ, контроля и военнаго. Ходятъ слухи и о раздробленіи министерства по разнымъ вѣдомствамъ, но это было бы весьма неудачной комбинаціей *).

* * *

По поводу нашей замѣтки о выходѣ г. Посьета изъ министерства, «Гражданинъ», который позволялъ себѣ противъ этого по-

*) Назначенъ былъ военный инженеръ ген.-лейт. Паукеръ, имѣвшій отличную репутацію какъ человѣкъ ученый и безкорыстный и прекрасно владѣвшій словомъ. Къ общему удивленію, Паукеръ совсѣмъ не оправдалъ ожиданій; по старости, или же по непривычкѣ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, новый министръ зарылся въ подробностяхъ, выказалъ полную нерѣшительность и отсутствіе независимости въ дѣйствіяхъ. Въ придачу тяжелая болѣзнь еще болѣе отняла у него энергію и очень быстро унесла его въ могилу. Плодомъ кратковременнаго пребыванія Паукера осталось только распоряженіе, что инженеромъ путей сообщенія можетъ быть и не спеціалистъ этого дѣла.

чтеннаго государственнаго дѣятеля самыя рѣзкія и подчасъ неприличныя выходки, далъ намъ совѣтъ «быть внимательнѣе въ оцѣнкѣ государственныхъ личностей». Мы отвѣчали слѣдующее:

Недовольство „Гражданина" касается названія управленія графа А. П. Бобринскаго капризнымъ и резолюцій графа Клейнмихеля—писарскими. Но прежде всего надобно замѣтить, что для этихъ обоихъ государственныхъ людей, изъ которыхъ одинъ оставилъ министерство пятнадцать лѣтъ тому назадъ, а другой болѣе тридцати, уже настала „исторія". Затѣмъ въ характеристикахъ нашихъ рѣшительно нѣтъ ничего оскорбительнаго.

Капризы могутъ быть и у великихъ людей, у Наполеона ихъ навѣрное было болѣе, чѣмъ у графа А. П. Бобринскаго; это не умаляетъ генія Наполеона, какъ и не увеличиваетъ его. Графъ Бобринскій, какъ министръ (частной дѣятельности его мы не касались), имѣлъ свои достоинства, имѣлъ и недостатки. Признавая достоинства, „Гражданинъ" забылъ, что наиболѣе выдающимся и вліятельнымъ дѣятелемъ при графѣ Бобринскомъ 2-мъ былъ г. Саловъ, тотъ самый, противъ котораго князь Мещерскій напечаталъ столько инсинуацій въ послѣдніе дни.

Терминъ „писарскій" равнозначущъ съ „канцелярскимъ". Слово писарь само по себѣ вовсе неунизительно. Въ старой Малороссіи генеральный писарь былъ второе лицо послѣ гетмана. Воззрѣнія же графа Клейнмихеля нельзя иначе и считать, какъ писарскими; такъ, вся карьера этого аракчеевскаго птенца, возвеличеннаго не по заслугамъ, была чисто военно-канцелярская. Ни техникомъ, ни государственнымъ человѣкомъ, въ широкомъ смыслѣ, Клейнмихель не былъ. Свое міровоззрѣніе онъ, какъ извѣстно, образовалъ въ штабѣ и департаментѣ военныхъ поселеній *).

*) По поводу чрезвычайной грубости графа Клейнмихеля съ подчиненными, можно замѣтить, что не онъ первый такъ относился къ младшимъ. Бывшій до него главноуправляющимъ корпусомъ путей сообщенія, графъ Толь, свисткомъ звалъ подчиненныхъ. Графа Клейнмихеля характеризуетъ слѣдующая исторія. Узнавъ, что М. В. Авдѣевъ

Въ заключеніе прибавимъ, что мы никогда не увѣряли, будто честные инженеры встрѣчаются только изъ „новой формаціи“ (выраженіе „Гражданина“). Мы лучшаго мнѣнія о людяхъ и думаемъ, что во всѣ времена воры и мошенники были исключеніемъ, а честные—большинствомъ.

Баронесса Э. Ѳ. Раденъ.

Сегодня, послѣ полуночи *), послѣ тяжкихъ страданій скончалась отъ рака бывшая гофмейстерина великой княгини Елены Павловны, фрейлина Ея Величества, баронесса Эдита Ѳедоровна Раденъ. Покойная играла выдающуюся роль и при дворѣ и въ петербургскомъ обществѣ, роль въ высшей степени почтенную и которая оставила по себѣ замѣтный слѣдъ во многихъ отношеніяхъ. Какъ любимая фрейлина великой княгини Елены Павловны, никогда съ ней не разстававшаяся, баронесса Раденъ содѣйствовала тому участію въ реформахъ покойнаго царствованія, которое принимала великая княгиня.

Елена Павловна, какъ женщина замѣчательно умная, любила окружать себя замѣчательными людьми по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусства. Уже въ 1839 г. маркизъ де-Кюстинъ, строгій въ своихъ оцѣнкахъ, писалъ, что великая княгиня одна изъ самыхъ выдающихся женщинъ въ Европѣ. Кромѣ желанія окружать себя людьми умными изъ противуположныхъ даже партій, у великой княгини была страсть къ чтенію. Сверхъ сочиненій на разныхъ языкахъ, она чи-

---

(извѣстный романистъ) занимался литературою, графъ Клейнмихель положилъ таковую резолюцію на его прошеніе объ отставкѣ: „Давно пора было его уволить; очень радъ избавиться такого офицера, и сожалѣю, что зачѣмъ удерживалъ на службѣ“. (Житковъ. Біографія инженеровъ путей сообщенія).

*) 9-го октября 1885 г.

тала еще множество записокъ, подаваемыхъ ей разными лицами и касавшихся политическихъ и экономическихъ вопросовъ. Баронесса Раденъ отличалась талантомъ резюмировать въ нѣсколькихъ страницахъ тѣ книги или тѣ записки, для чтенія которыхъ у Елены Павловны недоставало времени.

Къ кружку великой княгини Елены Павловны принадлежали люди самыхъ разнообразныхъ воззрѣній. Корифеями были братья Милютины и А. А. Абаза. Здѣсь можно было встрѣтить людей такого противуположнаго направленія, какъ Кавелинъ и Аксаковъ, или представителей гордыхъ прибалтійскихъ бароновъ: барона Бреверна, графа Кейзерлинга, братьевъ фонъ-Эттингеновъ. Друзья великаго князя Константина Николаевича: Рейтернъ, Головнинъ, Валуевъ также были своими людьми у великой княгини.

Политика всегда интересовала баронессу Раденъ. Она пользовалась уваженіемъ императора Вильгельма, оказывавшаго ей высокое вниманіе, и дружбою князя Бисмарка. Кружокъ в. к. Елены Павловны стоялъ за союзъ съ Германіей, въ чемъ сходился въ воззрѣніяхъ съ покойнымъ государемъ и его канцлеромъ. Елена Павловна хотя не была политическою женщиною въ томъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, княгиня Ливенъ, но косвенно вліяла и на ходъ европейскихъ событій; такъ ей приписываютъ совѣтъ, данный кн. Горчакову объ отказѣ отъ Парижскаго трактата въ 1870 г. Долгое время баронесса Раденъ состояла въ перепискѣ съ кардиналомъ Антонелли, что дало даже поводъ къ неосновательнымъ слухамъ о томъ, будто она желаетъ перейти въ католичество. Въ пріятельскихъ отношеніяхъ баронесса была и съ племянницею великой княгини Елены Павловны, Елисаветою, королевою румынскою. Королева, какъ извѣстно, синій чулокъ и имѣетъ страсть къ литературѣ.

Отличительными чертами характера баронессы Раденъ были въ высокой степени доброта и честность. Она отличалась также крайней привязанностью къ людямъ и, какъ жен-

щина, въ этомъ случаѣ доходила до крайностей. Кого любила, то сохраняла дружбу до послѣднихъ дней, кого не любила, то была нѣсколько злопамятна и упорно презирала; вообще своихъ симпатій не мѣняла и только въ отношеніи одного К. К. Грота выказала непослѣдовательность, долгое время сначала сохраняя къ нему наилучшія отношенія, а затѣмъ воюя противъ него, когда почему-то пришла къ заключенію, что онъ не подходитъ къ обязанностямъ главноуправляющаго IV Отдѣленіемъ.

Какъ прибалтійская дворянка, она была горда и держала себя всегда съ сознаніемъ собственнаго достоинства, была нѣсколько ревнива къ власти, весьма самолюбива и любила играть роль; какъ нѣмка, она была чрезвычайно строга насчетъ придворнаго этикета. При этомъ она была замѣчательно вынослива, трудолюбива и уважала исполненія долга. Разговоръ ея всегда былъ умный и дѣловой.

Великая княгиня Елена Павловна постоянно отличала баронессу. Она была ея постоянной совѣтницей и помогала въ проектахъ. Весь кружокъ великой княгини относился къ баронессѣ съ большимъ вниманіемъ. Кромѣ упомянутыхъ уже лицъ, она пользовалась уваженіемъ К. П. Побѣдоносцева, г. Чичерина и мн. другихъ.

Будучи характера чрезвычайно сострадательнаго, баронесса Раденъ принимала горячее участіе во всякихъ благотворительныхъ дѣлахъ. Великая княгиня Елена Павловна, сама усердно занимавшаяся дѣлами благотворенія, довѣрялась вполнѣ въ этомъ дѣлѣ баронессѣ Раденъ.

Не имѣя сама никакихъ средствъ, баронесса Раденъ умѣла, пользуясь общимъ уваженіемъ и сочувствіемъ, привлекать къ крупнымъ пожертвованіямъ на добрыя дѣла людей со средствами, при чемъ лично подавала примѣръ участія. Когда она устроила при Медико-хирургической академіи дешевую столовую для студентовъ, то такъ предалась этому дѣлу, что сама дежурила въ столовой.

Въ „Красномъ Крестѣ“ она занимала одно изъ первыхъ мѣстъ и за руководительство во время послѣдней войны пе-

тербургскими его учрежденіями сдѣлана кавалерственной дамой ордена св. Екатерины. Въ дѣятельности своей по „Красному Кресту“ баронесса проявила чисто мужское умѣніе вести въ время войны сложныя операціи общества по распредѣленію пособій. Мало того, по окончаніи восточной войны, баронесса собственноручно написала отчетъ общества „Краснаго Креста“ за періодъ войны. Затѣмъ баронесса Раденъ наиболѣе содѣйствовала учрежденію въ Петербургѣ Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, клиническаго института великой княгини Елены Павловны и школы кружевницъ. Въ Главномъ управленіи учрежденіями великой княгини Елены Павловны баронесса Раденъ занимала мѣсто члена, спеціально исполняя обязанности попечительницы училища св. Елены.

Не менѣе чутко и участливо относилась баронесса Раденъ къ наукамъ. Многіе наши ученые были въ числѣ ея друзей и еще многими не забыта роль гостепріимной хозяйки, которую она играла въ Михайловскомъ дворцѣ для международнаго статистическаго конгресса въ 1872 г. При ея содѣйствіи К. К. Арнгеймъ выработалъ проектъ дешевыхъ женскихъ училищъ, среднихъ между женскими гимназіями и начальными городскими училищами, которыя давали бы женщинамъ небогатыхъ классовъ законченное воспитаніе въ короткій срокъ.

Какъ и великая княгиня Елена Павловна, баронесса Раденъ любила музыку и заботилась о процвѣтаніи ея въ Россіи. Она любила также и другія искусства: скульптуру и живопись; она ободряла первые шаги Антокольскаго. Въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нею были Ауэрбахъ, Тургеневъ, изъ музыкантовъ Вагнеръ, Берліозъ, Гиллеръ. Рубинштейнъ пользовался ея дружбою и отчасти покровительствомъ; но, что еще болѣе цѣнно, такимъ же покровительствомъ пользовалось не мало людей, которыхъ таланты остались бы безъ развитія отъ неимѣнія денежныхъ средствъ закончить свое музыкальное и вообще артисти-

ческое образованіе. Въ запискахъ своихъ Рубинштейнъ говоритъ о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ:

Замѣчательна была эта женщина! Другой, равной ей, я ни прежде, ни послѣ въ ея положеніи не знавалъ. Съ представительностью чисто великокняжескою она соединяла бездну такта и умѣнья войти въ соглашеніе, въ мысль рѣшительно каждаго, кто къ ней приближался. Съ ученымъ, военнымъ, артистомъ, государственнымъ дѣятелемъ, писателемъ, поэтомъ, романистомъ — съ каждымъ она умѣла говорить, на каждаго произвести самое пріятное впечатлѣніе... Надо и то сказать, что обставлена была она превосходно; при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ была баронесса Раденъ, одна изъ умнѣйшихъ женщинъ нашего времени, и ей весьма много обязана великая княгиня."

И по отзыву множества другихъ лицъ, баронесса Раденъ была женщина въ высокомъ смыслѣ, рѣдкая по скромности и любви къ ближнимъ. Послѣ смерти великой княгини Елены Павловны, великая княгиня Екатерина Михаиловна назначила баронессѣ полную пенсію и оставила ее жить въ своемъ дворцѣ. Въ это время баронесса приблизилась къ покойной императрицѣ Маріи Александровнѣ и пользовалась ея полнѣйшимъ довѣріемъ. Въ послѣднее время баронесса удостоилась высокаго назначенія быть помощницей Государыни Императрицы въ завѣдываніи всѣми многочисленными женскими учебными и благотворительными учрежденіями, непосредственно Ея Величеству подчиненными. Это кажется послѣ смерти княгини Дашковой былъ первый случай назначенія у насъ женщины, не принадлежащей къ царствующему дому, на административный постъ.

Женщина вѣрующая, баронесса Раденъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выносила страданія и умерла въ полномъ сознаніи; смерть ея вызоветъ общія чувства искренняго сожалѣнія *).

---

*) Въ „Русской Старинѣ" было сказано, что бумаги баронессы Раденъ были проданы на толкучку и выражено сожалѣніе объ исчезновеніи этихъ интересныхъ историческихъ матеріаловъ. Мы слышали, что это несправедливо и что переписка баронессы теперь разбирается.

А. Г. Рубинштейнъ.

Въ альбомѣ издателя-редактора „Русской Старины" Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ росписался слѣдующимъ образомъ:

Dieu ne puis,
Roi ne daigne,
Artiste je suis.

Эта гордая подпись не помѣшала, однако, нашему музыканту за игру на рояли получить генеральскій чинъ, а вѣроятно не мѣшаетъ ежедневно благодарить Бога за тѣ таланты, благодаря которымъ онъ, въ числѣ весьма немногихъ русскихъ артистовъ, пріобрѣлъ всемірную извѣстность.

Популярность г. Рубинштейна чрезвычайна: гдѣ бы и въ какой странѣ онъ ни явился и ни объявилъ концертъ, онъ можетъ быть увѣренъ, что полный сборъ заранѣе обезпеченъ. О С.-Петербургѣ и говорить нечего. Г. Рубинштейнъ, не только благодаря своему дарованію, но и благодаря качествамъ своего ума и характера, сталъ кумиромъ здѣшней публики, въ особенности женской, и эта крѣпкая связь артиста и общества длится уже долгіе годы.

Жизнь свою Рубинштейнъ описалъ недавно въ особой автобіографіи, напечатанной въ „Русской Старинѣ". Хотя описаніе это не чуждо желанія порисоваться, но интересно по взглядамъ знаменитаго артиста на различные вопросы, даже политическіе. Подробности музыкальной карьеры г. Рубинштейна были, впрочемъ, хорошо извѣстны и до напечатанія автобіографіи.

Онъ родился въ 1829 г., въ Херсонской губ., около Дубоссаръ, въ с. Вехватинецъ, въ бѣдной купеческой семьѣ, и ребенкомъ былъ перевезенъ въ Москву, гдѣ музыкальное образованіе получилъ подъ руководствомъ піаниста Виллуана. Девяти съ половиною лѣтъ игралъ онъ въ первый разъ въ концертѣ въ Москвѣ, въ Петровскомъ паркѣ, а

десяти лѣтъ со своимъ учителемъ уѣхалъ въ Парижъ и концертировалъ въ качествѣ enfant prodige въ разныхъ странахъ Европы.

Съ тѣхъ поръ жизнь г. Рубинштейна была посвящена исключительно музыкальной дѣятельности. Въ Петербургѣ онъ выступилъ въ первый разъ въ 1843 г. Изучивъ музыкальную теорію въ Берлинѣ, подъ руководствомъ того же Дена, который развилъ композиторскія способности Глинки, г. Рубинштейнъ думалъ было заняться преподаваніемъ музыки въ Вѣнѣ, но революція 1848 г., а отчасти отсутствіе матеріальныхъ средствъ, заставила его переѣхать въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ онъ уже не покидалъ отечества—развѣ лишь на болѣе или менѣе короткое время.

Почти каждый годъ онъ давалъ концерты заграницею, и всѣ они сопровождались колоссальнымъ успѣхомъ; въ особенности знаменита его поѣздка въ Соединенные Штаты въ 1872—73 гг. и заключительное музыкальное путешествіе зимою 1885—86 гг. по столицамъ Европы, когда онъ наизусть переигралъ сотни лучшихъ произведеній на фортепіано композиторовъ трехъ послѣднихъ вѣковъ. Кто слыхалъ г. Рубинштейна за роялью, тотъ знаетъ, какой новый и глубокій смыслъ умѣетъ онъ придавать исполняемымъ имъ вещамъ. Механизмъ его по силѣ и чистотѣ также удивительный, а по темпераменту г. Рубинштейна справедливо называютъ Микель Анджело фортепіано.

Но дѣятельностью блестящаго виртуоза не ограничился г. Рубинштейнъ. Онъ написалъ болѣе сотни произведеній для фортепіано и оркестра, и въ томъ числѣ 15 оперъ, изъ которыхъ 7, а именно: „Дмитрій Донской" (1852 г.), „Дѣти степей", „Демонъ" (1875 г.), „Маккавеи" (1878 г.), „Неронъ" (1884 г.), „Купецъ Калашниковъ" (1880 г.) и „Горюша" (1889 г.) были поставлены въ первый разъ на русской сценѣ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Всѣ эти оперы имѣли успѣхъ, а „Демонъ" сталъ даже репертуарнымъ произведеніемъ.

Г. Кюи (C. Cui. Le musique en Russie) слѣдующимъ

образомъ весьма вѣрно характеризуетъ музыку Рубинштейна: „Она течетъ свободно изъ источника, не лишена огня, хотя подчасъ искусственнаго и мелодраматическаго, не лишена и содержанія, но за то отличается длиннотами; вообще въ ней видна импровизація, работа поспѣшная и мало обдуманная. Поэзіи и музыки часто недостаетъ и общія мѣста изобилуютъ — это и составляетъ главный недостатокъ“.

Съ ранней юности Рубинштейнъ много писалъ и съ большою легкостью; уже одно изобиліе его оперъ, ораторій, симфоній, романсовъ, камерной музыки заставляетъ сомнѣваться въ прочномъ достоинствѣ означенныхъ произведеній. Извѣстно, какъ рѣдки универсальные геніи и въ музыкѣ едва ли не одинъ Моцартъ охватывалъ всѣ отрасли искусства съ одинаковымъ талантомъ.

Первоначально Рубинштейнъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Мендельсона, позже онъ сталъ нѣсколько болѣе оригинальнымъ, но все-таки въ результатѣ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Кюи, это только плодовитый и усердный второстепенный композиторъ, который не будетъ имѣть вліянія, и имя котораго въ исторіи искусства не оставитъ слѣда. Къ крупнымъ недостаткамъ его произведеній относится неудовлетворительная оркестровка.

Слава г. Рубинштейна какъ виртуоза предшествовала славѣ его какъ композитора, и она-то способствовала послѣдней. Не знай наша публика Рубинштейна какъ геніальнаго піаниста, никогда бы она не приняла такъ радушно его оперъ и симфоническихъ произведеній. Любопытно, что таково же мнѣніе г. Рубинштейна о Листѣ. „Въ Листѣ, говоритъ онъ, я всегда цѣнилъ величайшаго исполнителя, виртуоза-исполнителя, не творца, не сочинителя“.

О себѣ г. Рубинштейнъ говоритъ, что „въ Россіи его считали за нѣмца, а въ Германіи—за русскаго“. И это имѣетъ основаніе, потому что онъ—артистъ по преимуществу космополитическій. Къ русской музыкѣ г. Рубинштейнъ принадлежитъ только потому, что бралъ иногда русскія темы, раз-

работывая ихъ на нѣмецкій ладъ. Правда, по его собственному мнѣнію, „музыка существуетъ только въ Германіи“.

Въ русской музыкѣ, въ автобіографіи, онъ признаетъ только народныя мелодіи, да отчасти Глинку; о Сѣровѣ онъ отзывается съ презрѣніемъ, а о новой русской школѣ и вовсе умалчиваетъ, соглашаясь, вѣроятно, съ тѣми заграничными критиками, которые въ этой школѣ нашли только „нѣкоторую, ей присущую безтолковость и путаницу“ и замѣтили, что въ этой музыкѣ „столько усилій, потугъ, неосуществившихся намѣреній и претенціозности“, что „ее очень не легко слушать, а каково ее писать!“

Надобно замѣтить, однако, что къ Глинкѣ г. Рубинштейнъ не всегда относился такъ нѣжно. Въ 1855 г. г. Рубинштейнъ печаталъ въ двухъ журналахъ, одномъ—вѣнскомъ, другомъ—берлинскомъ (Wiener Zeitschrift für Musik и Berliner Musikzeitung „Echo“), что „нѣтъ никакихъ національныхъ страстей, а потому нѣтъ никакой національной оперы (!). Никому не придетъ въ голову сочинять оперу персидскую, китайскую и японскую, а потому сочиненіе оперы англійской, французской или русской можетъ служить только доказательствомъ незрѣлости мысли. Всякая попытка создать національное музыкальное произведеніе можетъ имѣть результатомъ только — провалъ... Глинка провалился... Русскіе очень расположены къ музыкѣ и не бездарны въ ней, но по общему непросвѣщенію и по славянской небрежности одержимы непроходимымъ диллетантствомъ. Русской музыки нѣтъ въ театрѣ, кромѣ въ двухъ еще далеко не вполнѣ удачныхъ операхъ Глинки“... Шесть лѣтъ спустя, въ 1861 г., Рубинштейнъ повторилъ въ газетѣ „Вѣкъ“, что въ Россіи занимаются музыкой только диллетанты. Оскорбленный отзывами о немъ, Глинка писалъ одному изъ своихъ друзей Энгельгардту: „Рубинштейнъ взялся знакомить Германію съ нашей музыкой и написалъ статью, въ коей всѣмъ намъ напакостилъ и задѣлъ мою старуху „Жизнь за Царя“ довольно дерзко“.

Причисляясь, по справедливости, скорѣе къ германскимъ, чѣмъ къ русскимъ композиторамъ, г. Рубинштейнъ тѣмъ не менѣе оказалъ услугу русскому искусству основаніемъ въ 1859 г., при содѣйствіи В. А. Кологривова, Русскаго Музыкальнаго Общества, а въ 1862 году консерваторіи этого Общества. Болѣе всѣхъ помогла тутъ великая княгиня Елена Павловна. „Она, говоритъ г. Рубинштейнъ, являла покровительство не одною лаской и платоническимъ вниманіемъ, но и вещественно, матеріально. Да послѣ того времени—меланхолически прибавляетъ онъ—меценатство уже не простирается до поддержки дѣла деньгами, а деньги, увы, главный нервъ всего дѣла". Концертами Русскаго Музыкальнаго Общества г. Рубинштейнъ дирижировалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, а директоромъ консерваторіи состоялъ съ основанія до 1867 г. и состоитъ вновь съ 1887 года, послѣ того, какъ увидалъ, что это его дѣтище не даетъ тѣхъ плодовъ, которыхъ отъ него ожидали.

Консерваторія претендовала быть не только училищемъ музыки, г. Рубинштейнъ хотѣлъ помощью ея создать сословіе артистовъ. „Неужели же на Руси невозможно самобытное положеніе музыканта-артиста, художника-музыканта—какъ званіе человѣка?" спрашивалъ онъ себя еще сорокъ лѣтъ назадъ *).

Справедливость требуетъ замѣтить, что ожиданія г. Рубинштейна отъ консерваторіи не вполнѣ оправдались. Какъ и онъ, не довольствуясь репутаціей піаниста, пожелалъ имѣть чины, такъ и консерваторія, по его собственнымъ словамъ, стала „музыкальною фабрикою" и ему теперь приходится всѣ силы употреблять, „чтобы ее изъ фабрики обратить въ художественную мастерскую". Въ консерваторію, по его

*) Въ тѣ времена крѣпостного права положеніе артиста въ соціальной іерархіи было очень низко. Еще въ концѣ 20-хъ годовъ былъ данъ указъ министру двора кн. Волконскому о томъ, что онъ имѣетъ право безъ суда, по собственному своему усмотрѣнію, ссылать въ Сибирь пожизненно всякаго дворцоваго, лакея, пѣвца, музыканта и даже придворнаго актера (Архивъ князя Воронцова, т. XXXV).

словамъ, „попало не мало людей, которые не имѣли призванія, а просто доставали дипломъ въ видахъ освобожденія или облегченія для себя отбыванія военной повинности".

Для противодѣйствія этому, г. Рубинштейнъ предлагаетъ въ своей автобіографіи обратить консерваторію въ нѣчто въ родѣ „музыкальнаго университета" и этакіе университеты устроить по всѣмъ большимъ городамъ Россіи.

Предлагая такой планъ, г. Рубинштейнъ пишетъ между тѣмъ, что „музыкальному творчеству положительно насталъ критическій моментъ. Знаніе техники сдѣлало гигантскіе шаги, но собственно музыкальное творчество кончилось... съ послѣдними дивными звуками Шопена оно умерло или обмерло..."

Если кончилось, то о чемъ же хлопотать? Одинъ французскій король на вопросъ: любитъ ли онъ музыку? отвѣчалъ:—„я ее не люблю, но она меня не пугаетъ". Къ сожалѣнію, размѣры, которые въ нашемъ обществѣ приняло уже увлеченіе музыкою, должны пугать благоразумныхъ людей, и не только не слѣдуетъ учреждать музыкальныхъ университетовъ, но и существующіе музыкальныя школы преобразовать въ болѣе разумномъ направленіи. Да и, какъ искусство, музыка можетъ ли дать одна человѣку законченное міросозерцаніе? „Музыка, какъ совершенно вѣрно объясняетъ Гансликъ, не имѣетъ содержанія, которое могло бы быть передано словами. Она не имѣетъ цѣлью возбуждать или выражать чувства, ей присуще только одно особенно специфическое свойство—передавать звучащія, движущія формы, точно также безсодержательныя, какъ игра свѣта въ калейдоскопѣ". Короче, музыка — раздраженіе нервной системы, какъ морфинизмъ и т. п. Поэтому и результаты ея прогресса, по наблюденіямъ психіатровъ, увеличеніе числа нервныхъ болѣзней. Неудивительно, что всѣ извѣстные музыканты, даже музыкальные критики, отличаются дурнымъ и неуживчивымъ характеромъ.

Г. Рубинштейнъ еще отчасти исключеніе въ этомъ отношеніи; онъ имѣетъ много поклонниковъ за свое безкорыстіе

и за любовь къ ближнему. Дѣйствительно, рѣдкій изъ артистовъ употреблялъ такъ благородно свой талантъ. Средства, собранныя г. Рубинштейномъ концертами съ благотворительными и образовательными цѣлями, составляютъ сотни тысячъ рублей. Памятникъ Глинки былъ поставленъ на капиталъ, начало которому положили 5,000 р., данные изъ одного его концерта.

Если несправедливо увѣреніе нѣкоторыхъ газетъ, что, за смертью Вагнера и Листа, нѣтъ теперь въ музыкальномъ мірѣ цѣлаго свѣта такой крупной величины, какъ нашъ даровитый соотечественникъ, во всякомъ случаѣ очень рѣдко такое соединеніе талантовъ виртуоза, композитора опернаго и симфоническаго и музыкальнаго педагога.

Россія можетъ только гордиться, что считаетъ въ числѣ своихъ сыновъ такое крупное дарованіе, поэтому празднованіе юбилея пятидесятилѣтія со дня выступленія г. Рубинштейна въ Петровскомъ паркѣ встрѣчено было сочувствіемъ всего русскаго образованнаго общества. Съ сочувствіемъ отозвались и заграничные музыкальные круги, гдѣ г. Рубинштейнъ, давно стяжавшій право знаменитыхъ людей называть его просто Рубинштейномъ, насчитываетъ, какъ мы говорили, не мало горячихъ поклонниковъ.

Но съ юбилеемъ этимъ произошелъ своего рода курьезъ. Хотя онъ былъ уже разъ отпразднованъ 11-го іюля 1889 г.— годовщина дня, когда А. Г. дѣйствительно въ первый разъ выступилъ передъ московскою публикою, и юбиляръ удостоился всякаго рода поздравленій, тѣмъ не менѣе празднованіе юбилея было перенесено на осень и получило особую окраску. Надобно помнить, что если Рубинштейнъ не величайшій русскій музыкантъ, то величайшій еврей, родившійся въ Россіи. Какъ извѣстно, русскіе евреи, не смотря на пропорцію ихъ и относительную свободу, дали очень мало талантовъ. Вотъ этого и было достаточно, чтобы рубинштейновскому юбилею придать тенденціозный характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ назойливый и наглый видъ, свойственный всѣмъ проявленіямъ израильскаго племени. Неизбѣжно конечно присое-

динилась россійская глупость, такъ мѣтко характеризуемая пословицею: „заставь дурака Богу молиться, такъ онъ и лобъ разобьетъ“.

Программа юбилея все разросталась, въ ней хотѣли принять участіе даже цыгане изъ загородныхъ трактировъ, празднество было распредѣлено на шесть дней! А одновременно геніальный Верди вовсе отказался отъ празднованія своего 50-лѣтняго юбилея. А. С. Суворинъ находилъ, что странно праздновать юбилей г. Рубинштейна нѣсколько дней, когда юбилеи Петра Великаго, Александра II, Ломоносова праздновались по одному дню. „Пет. Газета“ иронически предложила растянуть празднество на всю недѣлю, чтобы была „недѣля о Рубинштейнѣ“. Другая газета находила, что Богъ создалъ небо и землю въ шесть дней и что едва ли столько же времени нужно для отдачи почестей Рубинштейну, и т. д.

На все это можно замѣтить, что признательность народовъ, какъ и его восторги, далеко не всегда разумны. Въ 1878 г. исполнилось сто лѣтъ со времени изобрѣтенія касторовaго масла. Конечно, изобрѣтатель этого средства, спасшаго жизнь милліонамъ, имѣлъ бы право на лучшее празднованіе его памяти, чѣмъ любой піанистъ, но не только у насъ, но и въ Западной Европѣ никто даже и не обмолвился словомъ по поводу празднованія его юбилея.

М. К. Сидоровъ.

Скончавшійся надняхъ *) Михаилъ Константиновичъ Сидоровъ относится къ числу тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ смерть не можетъ быть отмѣчена только краткимъ некрологомъ. Это былъ человѣкъ идеи, имя ко-

*) 11-го іюля 1887 г.

тораго останется памятнымъ въ исторіи нашего экономическаго развитія, хотя, съ другой стороны, подобно многимъ другимъ „патріотамъ своего отечества", съ тѣмъ запасомъ знаній и съ тѣми пріемами, которые примѣнялъ онъ къ осуществленію своихъ идей, Сидоровъ, конечно, никогда не могъ достичь желаемаго.

Въ Сидоровѣ именно нужно различать эти двѣ стороны: человѣка идеи и человѣка практики. Въ первую половину его дѣятельности, когда онъ, занимаясь золотопромышленностью въ Сибири, пріобрѣлъ нѣкоторое состояніе, Сидоровъ ничѣмъ, кромѣ безчисленныхъ процессовъ, не прославился, и выведенный изъ терпѣнія покойный графъ Муравьевъ-Амурскій, бывшій тогда генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, просилъ даже у министра финансовъ Княжевича исходатайствовать воспрещеніе Сидорову заниматься золотопромышленностью. Послѣдній даже благотворилъ помощью процессовъ. Такъ, онъ пожертвовалъ на будущій сибирскій университетъ золотые пріиски, которые оцѣнилъ въ милліонъ. Это пожертвованіе надѣлало въ свое время шуму, но оказалось, что пріиски еще нужно оттягать судомъ отъ Бенардаки. Понятно, никогда сибирскій университетъ фантастическаго милліона не видалъ и не увидитъ.

Заручившись денежными средствами, Сидоровъ, уроженецъ Сѣвера, гдѣ онъ началъ карьеру домашнимъ учителемъ, сталъ думать о томъ, какъ помочь своей родинѣ. Онъ хлопоталъ не только на словахъ, но и старался организовать различныя предпріятія; послѣднія не приносили, однако, дохода и личныя средства Сидорова таяли. Въ перенесеніи дѣятельности къ Сѣверу содѣйствовалъ Сидорову тесть его, покойный В. Н. Латкинъ, усть-сысольскій гражданинъ, за которымъ также останется заслуга, что онъ не забылъ интересовъ своего бѣднаго края въ то время, когда рѣшительно никто о нашей сѣверной окраинѣ не заботился.

Мы сказали, что практическая сторона дѣятельности Сидорова и по отношенію къ Сѣверу не шла надлежащимъ

путемъ. Онъ главнымъ образомъ одолѣвалъ различныя администраціи массою хитросплетенныхъ, подчасъ просто кляузныхъ просьбъ, собственныя же начинанія его были или вовсе непрактичны, какъ, напримѣръ, добыча графита въ отдаленномъ и недоступномъ Туруханскомъ краѣ, или поиски нефти на Новой Землѣ, или же дурно организованы и ведены съ недостаточнымъ капиталомъ, какъ лѣсная операція на Печорѣ.

Но плохой практическій дѣятель, Сидоровъ являлся въ своемъ родѣ апостоломъ идеи, что нашъ Сѣверъ не долженъ оставаться вѣчно въ нынѣшнемъ его мерзостномъ запустѣніи. И дѣйствительно, въ то время, когда Канада или Норвегія находящіяся въ совершенно сходныхъ съ ними климатическихъ и физическихъ условіяхъ благоденствуютъ, наши сѣверныя губерніи періодически голодаютъ и обращаются въ пустыню.

Заслуга Сидорова, по вразумленію на этотъ счетъ русскаго общественнаго мнѣнія, громадна. Статьи его въ „Русскомъ Вѣстникѣ“: „Сѣверъ Россіи“, напечатанныя двадцать лѣтъ тому назадъ, были своего рода откровеніемъ. Русская публика и не подозрѣвала тѣхъ безобразій, которыя творились на Сѣверѣ, и того, что милліоны древняго русскаго смѣлаго и трудолюбиваго населенія были предоставлены эксплоатаціи горсти иностранцевъ, да и тѣ, что эксплоатировались, могли почесться еще счастливыми, сравнительно съ тѣми, которые были вовсе забыты.

Двадцать пять лѣтъ Сидоровъ упорно продолжалъ свою проповѣдь въ защиту значенія Сѣвера для Россіи: разныя ученыя экспедиціи, многочисленныя правительственныя комиссіи, нѣкоторыя законодательныя мѣры — все это было вызвано великодушной иниціативой Сидорова. Какъ всѣ фанатики своей идеи, покойный доходилъ и до комизма. Когда онъ описывалъ, напримѣръ, климатъ Лапландіи, то можно было повѣрить, что рѣчь идетъ о новой Сициліи; не разъ также гостепріимный, какъ истинно русскій человѣкъ, Сидоровъ въ торжественные дни пытался угостить

друзей тюленьимъ мясомъ, увѣряя, что оно должно быть очень вкусное, ибо идетъ съ Сѣвера. И это не было чѣмъ либо напускнымъ, Сидоровъ дѣйствительно любилъ свой Сѣверъ и интересы послѣдняго горячо принималъ къ сердцу.

Нельзя сказать, однако, чтобы эта проповѣдь сѣвернаго апостола нашла большой отголосокъ. Какъ всегда, Сидорова оцѣнили болѣе заграницею и избрали почетнымъ президентомъ... африканскаго института въ Парижѣ для уничтоженія рабства между неграми! Но въ нашемъ обществѣ такъ рѣдки примѣры увлеченія, настойчивости и послѣдовательности въ проведеніи извѣстныхъ идей, что люди, подобные Сидорову, должны возбуждать удивленіе; имена ихъ должны съ благодарностью сохраниться для потомства, хотя, повторяемъ, далеко не все въ дѣятельности подобныхъ людей заслуживаетъ одобренія. Многое здѣсь объясняется воспитаніемъ, средою, въ которой приходится у насъ дѣйствовать каждому предпріимчивому человѣку, выходящему изъ низшихъ сословій, наконецъ и той административной рутиной, которую рѣдко можно прошибить, идя прямыми путями.

Д. М. Сольскій.

Слухи о томъ, что Дмитрій Мартыновичъ Сольскій останется еще нѣсколько времени во главѣ Государственнаго Контроля оказались неточны и онъ распростился надняхъ со своими подчиненными окончательно.

Въ свое время г. Сольскій сдѣлалъ карьеру чрезвычайно быстро. Вступивъ на службу въ 1852 году, онъ уже черезъ двѣнадцать лѣтъ былъ статсъ-секретаремъ и занималъ постъ, соотвѣтствующій товарищу министра, а именно, былъ товарищемъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собствен-

ной его императорскаго величества канцеляріи; въ 1867 г. т. е. состоя на службѣ всего пятнадцать лѣтъ, онъ уже былъ государственнымъ секретаремъ, т. е. въ званіи, равномъ министерскому. Своимъ первоначальнымъ возвышеніемъ г. Сольскій обязанъ покойному графу М. А. Корфу, который оцѣнилъ бюрократическія способности и трудолюбіе своего подчиненнаго и всячески его отличалъ. Чиновный Петербургъ не забылъ, какъ въ началѣ 60-хъ годовъ г. Сольскій, по представленію графа Корфа, получилъ три награды одновременно. Выборъ графа Корфа былъ удачный, потому что, дѣйствительно, г. Сольскій представляетъ изъ себя образецъ отличнаго административнаго дѣятеля, который на всѣхъ порученныхъ ему постахъ скромно и безъ рекламы отличается выдающимися способностями, дѣловитостью и энергіей.

Замѣчательно, что повышеніе г. Сольскаго невыгодно повліяло на карьеру самого Корфа. Онъ, сдавши должность молодому Сольскому, состоявшему его товарищемъ, подолгу оставался заграницею. Этимъ воспользовался графъ Панинъ и указалъ на неудобство, будто бы, молодому человѣку поручать столь важныя обязанности. Такое указаніе повліяло на назначеніе самого Панина главноуправляющимъ II отдѣленіемъ, но графъ Корфъ, хотя и получилъ важный постъ предсѣдателя департамента законовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, обидѣлся, уѣхалъ заграницу, гдѣ преимущественно и проживалъ до своей смерти.

Занимая въ теченіе одиннадцати лѣтъ постъ государственнаго секретаря, г. Сольскій призванъ былъ въ 1878 г. замѣнить Грейга въ званіи государственнаго контролера. Контроль, значеніе котораго у насъ было очень поднято Татариновымъ, представляетъ, какъ извѣстно, вѣдомство, нигдѣ въ другихъ странахъ не существующее въ видѣ отдѣльнаго министерства. Оно не имѣетъ прямого круга обязанностей, функцій, непосредственно соприкасающихся съ публикою, но вмѣшивается въ дѣла всѣхъ вѣдомствъ. Завѣдываніе такимъ учрежденіемъ требуетъ боль-

шого такта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знанія дѣла, потому что излишне придирчивымъ вмѣшательствомъ, хотя и оправдываемымъ усердіемъ къ интересамъ казны, Государственный Контроль можетъ повредить многимъ благимъ начинаніямъ и отнять у чиновниковъ, и безъ того склонныхъ къ рутинѣ, охоту брать на себя какую либо иниціативу и нести отвѣтственность.

Татариновъ слѣдующимъ образомъ объяснилъ значеніе Контроля: „Представьте безчисленное множество ручейковъ, которые сливаются въ общую цистерну; ручейки,—это государственные доходы. Цистерна съ однимъ только контрольнымъ отверстіемъ, у котораго стоитъ контролеръ со счетнымъ аппаратомъ, пропускающій государственные расходы въ контрольное отверстіе". „Татариновъ забылъ, замѣчаетъ по этому поводу Д. А. Ровинскій, что, кромѣ расходовъ, утвержденныхъ по государственной росписи, ежедневно являлись громадные сверхсмѣтные расходы, которые расширяли контрольное отверстіе до такихъ размѣровъ, что на исполненіе государственной системы не хватило никакихъ доходныхъ ручейковъ".

Должность государственнаго контролера весьма деликатна еще и по тому довѣрію, съ которымъ къ ней относятся. Кромѣ цифирнаго отчета объ исполненіи государственной росписи, всѣмъ извѣстнаго, государственный контролеръ подаетъ отчетъ болѣе интимный, назначенный только для высшей администраціи, гдѣ съ полною откровенностью высказывается о замѣченныхъ при ревизіи счетоводства безпорядкахъ. Къ чести г. Сольскаго, какъ, впрочемъ, и его предшественниковъ, нужно сказать, что эти отчеты составлялись всегда нелицепріятно, безъ желанія кому либо угодить и что либо скрыть.

Вообще за одиннадцатилѣтнее управленіе Государственнымъ Контролемъ г. Сольскимъ, имѣвшимъ весьма дѣльныхъ сотрудниковъ въ лицѣ гг. Филиппова, Жандра, Петрова, Иващенкова и др. и соотвѣтствовавшемъ весьма разнообразной финансовой политикѣ гг. Грейга, Абазы,

Бунге и Вышнеградскаго, сдѣлано было не мало для упорядоченія этой важной отрасли нашего государственнаго управленія. При г. Сольскомъ были преобразованы центральныя управленія контрольнаго вѣдомства; взамѣнъ прежнихъ учрежденій организованы департаменты гражданской и военной и морской отчетности съ новыми усиленными штатами. Затѣмъ центральное управленіе вѣдомства пополнилось желѣзнодорожнымъ отдѣломъ.

Это послѣднее преобразованіе имѣло весьма существенное значеніе для финансовъ Россіи. Оно отразилось, прежде всего, лучшимъ контролемъ постройки и эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, для которыхъ организованъ фактическій контроль на мѣстѣ, а затѣмъ правительство наложило руку и на обороты всѣхъ гарантированныхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ; контроль послѣднихъ положилъ предѣлъ многимъ желѣзнодорожнымъ безобразіямъ, особенно въ связи съ правительственнымъ руководительствомъ провозными тарифами желѣзныхъ дорогъ, идея котораго также вышла отъ Государственнаго Контроля.

Полезное вліяніе Государственнаго Контроля за время управленія г. Сольскаго проявилось и въ другихъ сферахъ, особенно въ сокращеніи представляемыхъ въ Государственный Совѣтъ смѣтъ; при немъ прекращены странныя отношенія морского вѣдомства къ Обуховскому и Балтійскому заводамъ, подчинены надзору Государственнаго Контроля обороты комиссіи погашенія государственныхъ долговъ и приступлено къ такому же подчиненію оборотовъ казенныхъ кредитныхъ установленій. Отчеты Государственнаго Контроля, печатаемые для публики, составлялись каждый годъ подробнѣе и давали все болѣе и болѣе ясную и точную картину финансоваго положенія Россіи.

Какъ извѣстно, департаменты Государственнаго Совѣта работаютъ медленно, вслѣдствіе устарѣлости нашего законодательнаго механизма. Это сказалось на разсмотрѣніи проекта о земскихъ начальникахъ, потребовавшаго двухъ лѣтъ особыхъ усилій и даже настояній свыше. Надобно на-

дѣяться, что г. Сольскій съумѣетъ придать самому важному изъ департаментовъ Совѣта—законовъ, котораго онъ становится предсѣдателемъ, поболѣе жизни и энергіи. Работа законодательная по части обновленія нашего государственнаго и административнаго механизма должна быть по душѣ г. Сольскому. Онъ одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, которые всегда сочувствовали реформамъ, вотъ почему въ эпоху „новыхъ вѣяній" г. Сольскій былъ въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ и совѣтниковъ графа Лорисъ-Меликова; съ нимъ онъ остался въ дружественныхъ отношеніяхъ до смерти графа.

Ѳ. Ѳ. Треповъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи генералъ-адъютантъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Треповъ принадлежитъ къ числу людей наиболѣе популярныхъ въ нашей столицѣ. Онъ то, что называется fils de ses oeuvres и потому имѣетъ достоинства и недостатки людей этой категоріи. О недостаткахъ пока умолчимъ, а достоинства его: необыкновенное трудолюбіе, энергія, проницательный и живой умъ Петербургъ могъ хорошо оцѣнить во время продолжительнаго пребыванія Трепова во главѣ столичнаго управленія.

Весьма скромнаго происхожденія, Треповъ служилъ въ молодости въ кавалеріи, командовалъ жандармскимъ полкомъ въ Кіевѣ и только въ должности оберъ-полиціймейстера въ Варшавѣ въ первый разъ сталъ извѣстенъ всей Россіи. Очень дѣятельный, дѣловитый и расторопный, онъ умѣлъ во-время распечь и одобрить, пользовался довѣріемъ начальства и умѣлъ товаръ лицомъ показать. Въ Варшавѣ онъ былъ одинъ изъ немногихъ мѣстныхъ администраторовъ, исполнившихъ какъ слѣдуетъ долгъ свой въ тяжелую

минуту, когда распущенность, а подчасъ и простая измѣна служащихъ, поощряли дерзость поляковъ и едва не втянули Россію въ войну съ европейской коалиціей.

Эта распущенность прямо вытекала изъ неудовлетворительнаго состава высшей администраціи (низшая состояла изъ поляковъ). Князь М. Д. Горчаковъ обратился въ дѣтство, графъ Ламбертъ (о которомъ Велепольскій сказалъ, что онъ былъ бы „отличной генералъ-губернаторшей")— былъ большой мечтатель, графъ Лидерсъ—безпечный bon vivant. Помощникъ ихъ, графъ Сумароковъ, былъ настолько наивенъ, что для успокоенія поляковъ предлагалъ уничтожить въ Варшавѣ цитадель и срыть на Саксонской площади памятникъ въ честь поляковъ, „павшихъ за вѣрность своему государю" *).

Обязанность Трепова была не легкая при начальникѣ какъ кн. Горчаковъ, который о себѣ заявлялъ, что „не имѣетъ никакой вѣры въ личное свое мнѣніе". Онъ уволилъ Трепова въ 1861 г. отъ должности оберъ-полиціймейстера по требованію депутаціи мятежниковъ, предварительно приказавъ ему сказаться больнымъ. Между тѣмъ Треповъ, разогнавшій манифестацію въ честь сраженія подъ Гроховымъ, получилъ ударъ камнемъ въ голову. Рядомъ съ этимъ Горчаковъ долго не рѣшался опубликовать рескриптъ государя, отказывавшій въ просьбѣ, поданной чрезъ митрополита Фіалковскаго. Императоръ Александръ Николаевичъ остался, однако, очень недоволенъ распоряженіемъ о Треповѣ. Послѣднему было сохранено все содержаніе и подарена земля бывшаго жандармскаго полка въ Кіевѣ. Это пожалованіе положило начало огромному богатству Трепова.

*) Въ это время въ Вильнѣ генералъ-губернаторъ Назимовъ писалъ, что лучшее средство усмирить возстаніе — приласкать римско-католическое духовенство, такъ какъ оно-де имѣетъ сильное вліяніе на народъ. Замѣчательно, что это нелѣпое предложеніе вдохновило графа Муравьева. Прочитавъ его, онъ сказалъ: „Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать; первое, что я сдѣлаю по пріѣздѣ въ Вильну — это разстрѣляю ксендза". Такъ онъ и поступилъ съ громаднымъ успѣхомъ.

Въ 1863 г., въ разгаръ возстанія, Треповъ былъ снова вызванъ въ Варшаву вмѣсто Левшина (изъ-за слабости котораго застрѣлился Герштенцвейгъ) и съ 1-го января 1864 г. сдѣланъ генералъ-полицiймейстеромъ, который имѣлъ въ Царствѣ Польскомъ значеніе бывшаго шефа жандармовъ въ Россіи. Съ назначеніемъ Трепова генералъ-полицiймейстеромъ дѣло усмиренія возстанія пошло гораздо живѣе и революціонное правительство, преспокойно собиравшееся въ казенныхъ учрежденіяхъ, было изловлено. За то и ненависть къ Трепову въ патріотическихъ кружкахъ въ Варшавѣ была чрезвычайная. Одинъ фанатикъ Антонъ Аммеръ на улицѣ бросился на него съ топоромъ и нанесъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ.

Воспитанный въ военной дисциплинѣ, Треповъ негодовалъ и на графа Берга*) и на кн. Черкасскаго; на перваго— за недостаточность энергіи, на второго — за постоянное противодѣйствіе желаніямъ начальства, поэтому, энергично поддерживая порядокъ, онъ настоящимъ пособникомъ русской партіи въ краѣ не былъ.

Въ 1866 г., когда, послѣ покушенія Каракозова, потребовалось поставить во главѣ столичнаго полицейскаго управленія человѣка энергическаго, общій голосъ указалъ на Трепова. Одновременно было упразднено генералъ-губернаторство, которое занималъ добрѣйшій кн. Суворовъ, называвшій Муравьева „людоѣдомъ", и, какъ старый гетинген-

*) Графъ Бергъ, которому въ досадѣ кн. Паскевичъ писалъ во время венгерской кампаніи: „Генералу русскому надобно знать по-русски", былъ главнымъ образомъ дипломатъ въ службѣ. Не смотря на глубокую старость, онъ былъ дѣятеленъ: „Нѣтъ стариковъ, говорилъ онъ, а есть только люди лѣнивые"; онъ никогда не хотѣлъ имѣть помощника: „Какъ бы вамъ ни было трудно, никогда не просите себѣ помощника. Назначеніе помощника равносильно приказанію укладывать чемоданы". За свое мѣсто онъ держался крѣпко и въ каждомъ видѣлъ соперника. Разсказываютъ, что въ одно изъ посѣщеній Варшавы кн. Барятинскимъ оба— и онъ, и Бергъ—написали въ Петербургъ другъ о другѣ письма, гдѣ находили, что каждый сохранился удивительно физически, но, „къ сожалѣнію, замѣтно ослабѣлъ въ умственномъ отношеніи".

скій студентъ, кокетничавшій со студентами, и безъ того распущенными.

Какъ начальникъ полиціи, Треповъ замѣнилъ добродушнѣйшаго генерала Анненкова, лучшею характеристикою котораго служитъ анекдотъ, будто, когда члены Англійскаго клуба узнали о гнусномъ покушеніи, то хотѣли послать клубнаго служителя сообщить объ этомъ своему сочлену Анненкову, полагая, что онъ, можетъ быть, не знаетъ о случившемся! Надобно обратить вниманіе, что полиція, которая и теперь имѣетъ обширный кругъ дѣятельности, — почему въ каждомъ полицейскомъ участкѣ дѣлъ и бумагъ болѣе чѣмъ въ любомъ департаментѣ, — играла тогда еще болѣе обширную роль. Полиція замѣняла и мировыхъ судей, и судебныхъ слѣдователей, и судебныхъ приставовъ, а отчасти нотаріусовъ и податныхъ, и фабричныхъ инспекторовъ; она несла также многочисленныя обязанности, возложенныя теперь на чиновъ городского общественнаго управленія. Понятно, что при этомъ обширномъ кругѣ дѣятельности ей немного оставалось времени для исполненія обязанностей наружной полиціи. Затѣмъ личный составъ полиціи, хотя и улучшенный графомъ П. А. Шуваловымъ, былъ неудовлетворителенъ и получалъ слишкомъ ничтожное содержаніе, питаясь малою лептою, такъ называемыми „праздничными“ деньгами, т. е. добровольными приношеніями домохозяевъ и содержателей разныхъ публичныхъ и увеселительныхъ заведеній.

Пользуясь тѣмъ, что судебная и городская реформы освободили полицію отъ множества дѣлъ, Треповъ энергически принялся за реорганизацію полиціи. Онъ настоялъ на увеличеніи окладовъ, на устройствѣ новыхъ органовъ, напримѣръ, рѣчной полиціи, раздѣлилъ городъ вмѣсто частей на участки, выхлопоталъ выдѣленіе С.-Петербурга изъ С.-Петербургской губерніи въ особое градоначальство, и т. д. Всѣ эти преобразованія прошли при постоянномъ противодѣйствіи городского общественнаго управленія, ссылавшагося на недостатокъ средствъ въ городской кассѣ. Но въ означенной

борьбѣ публика была на сторонѣ Трепова, такъ какъ наружное состояніе столицы было ужасное. При Треповѣ только С.-Петербургъ сталъ аккуратно освѣщаться, мостовая исправилась, мосты черезъ Неву стали во-время наводиться, улицы надлежащимъ образомъ очищаться отъ снѣга.

Конечно, бывало при этомъ не безъ увлеченій, случалось, что улицы очищались отъ снѣга въ моментъ, когда внезапно наступившая оттепель требовала скорѣе сохраненія снѣга, извозчики иронически подсмѣивались, что „Треповъ задумалъ съ Богомъ бороться“ по части погоды и сложилось даже спеціальное названіе „Треповской весны“ для такого состоянія улицъ, когда по нимъ ни въ какомъ экипажѣ проѣхать нельзя. Но эти шутки не мѣшали видѣть то полезное, чѣмъ столица была обязана начальнику ея полиціи.

Сложились цѣлыя легенды о вездѣсущіи и необычайной подвижности и настойчивости Трепова; простолюдины относились къ нему съ благоговѣйнымъ уваженіемъ; за то онъ разбиралъ дѣла живо и немедленно взыскивалъ съ виновныхъ. Въ частныхъ сношеніяхъ это былъ человѣкъ чрезвычайно любезный и къ нему охотно обращались за содѣйствіемъ*). Собраніе его циркуляровъ, составляющее нѣсколько томовъ, показываетъ его необычайную дѣятельность. Чего тутъ только нѣтъ, даже проповѣдь экономической теоріи о запросѣ и предложеніи. Всѣ послѣдующіе начальники столицы, равно полиціймейстеры въ другихъ городахъ Россіи, подражали Трепову. Даже по наружности онъ любилъ производить извѣстное импонирующее впечатлѣніе на толпу. Кучеръ его какъ-то особенно кричалъ, а Треповъ, провожая высокопоставленныхъ особъ, на всемъ скаку лошадей, стоялъ во весь ростъ въ открытомъ эки-

*) Онъ имѣлъ, впрочемъ, и не мало враговъ и противниковъ. Такъ извѣстное распоряженіе о воспрещеніи служащимъ праздновать не иначе какъ 50-лѣтніе юбилеи (хотя и весьма разумное) поводомъ имѣло воспрепятствованіе празднованія десятилѣтія пребыванія Трепова во главѣ столичнаго управленія.

пажѣ, не колыхаясь и пронзительно глядя на публику. Это былъ своего рода геній полиціи. Лѣтомъ онъ ѣздилъ иногда заграницу на воды и тамъ немедленно всѣхъ и все зналъ.

Дѣятельность Трепова въ Петербургѣ не ограничивалась только наружною полиціею, по обязанностямъ своимъ онъ вынужденъ былъ въ тогдашнюю смутную эпоху полнаго расцвѣта нигилизма содѣйствовать открытію и аресту анархистовъ. Эта сторона его службы окончилась для него трагически, едва не была причиною его смерти и, во всякомъ случаѣ, повліяла на его карьеру.

Приказаніе наказать розгами Боголюбова, лишеннаго уже всѣхъ правъ состоянія государственнаго преступника — на что Треповъ съ формальной стороны имѣлъ право — вызвало репрессаліи со стороны молодой анархистки Вѣры Засуличъ. Въ пріемной градоначальника она выстрѣлила въ упоръ въ Трепова. Жизнь послѣдняго была спасена, но послѣдовавшее затѣмъ оправданіе присяжными Засуличъ въ окружномъ судѣ, который разбиралъ не столько преступленіе Засуличъ, сколько виновность полиціи и Трепова по отношенію къ нигилистамъ, сопровождалось невѣроятнымъ въ нашей исторіи скандаломъ.

Государственные люди не стыдились апплодировать на судѣ вердикту присяжныхъ, публика поздравляла другъ друга, наивно воображая, что свершилось нѣчто въ родѣ клятвы въ Jeu de paume, одна вліятельная дама укрывала Засуличъ, чтобы дать ей средства убѣжать заграницу, въ газетахъ Засуличъ сравнивали съ Шарлотою Кордэ. Теперь обо всемъ этомъ грустно и смѣшно вспомнить, но тогда Треповъ, видя настроеніе общественнаго мнѣнія, могъ, пожалуй, и серьезно вообразить себя страшнымъ тираномъ.

По выздоровленіи отъ раны, Ѳ. Ѳ. Треповъ оставилъ свой постъ и съ тѣхъ поръ сошелъ со сцены. Нѣсколько разъ, когда ходили слухи о замѣщеніи должностей генералъ-губернаторовъ, называли его имя, пронесся какъ-то слухъ, что ему предлагали мѣсто товарища мини-

стра внутреннихъ дѣлъ, начальника полиціи, но неизвѣстно, было ли какое основаніе къ этимъ слухамъ. Во всякомъ случаѣ можно пожалѣть, что энергіей Трепова не воспользовались еще, когда онъ сберегалъ остатки своихъ силъ.

Столичное населеніе сохранило о Треповѣ добрую память, хотя, кажется, по русскому обычаю, никого такъ не бранили у власти, какъ именно Трепова. Когда въ 1881 г., послѣ 1-го марта, былъ учрежденъ, по мысли г. Баранова, эфемерный выборный совѣтъ при градоначальникѣ, то наибольшее, подавляющее даже большинство голосовъ на выборы въ этотъ совѣтъ со стороны петербургскаго населенія получилъ Ѳ. Ѳ. Треповъ. Между тѣмъ эти выборы происходили только два года спустя послѣ выстрѣла Засуличъ.

Т. И. Филипповъ.

Назначеніе Тертія Ивановича Филиппова государственнымъ контролеромъ — фактъ, со вчерашняго дня совершившійся *). Наше высшее государственное управленіе пріобрѣтаетъ въ немъ человѣка вполнѣ русскаго, съ твердымъ и патріотическимъ образомъ мыслей, а мы съ удовольствіемъ можемъ прибавить, что въ данномъ случаѣ высокихъ степеней достигаетъ человѣкъ, своими трудами создавшій свою карьеру, и литераторъ.

Воспитанникъ Московскаго университета, г. Филипповъ былъ первоначально въ Первопрестольной учителемъ русской словесности. Кромѣ своихъ познаній въ русскомъ языкѣ и исторіи, онъ обращалъ еще въ молодости на себя вниманіе какъ знатокъ музыки и церковнаго пѣнія и пѣвецъ-любитель. По его иниціативѣ, какъ извѣстно, Императорское Русское Географическое общество приступило къ со-

*) 26 іюля 1889 года.

биранію русскихъ народныхъ напѣвовъ, которое когда нибудь положитъ прочное начало русскому лирическому искусству, теперь существующему исключительно на почвѣ подражанія.

Какъ спеціалистъ по этнографіи, Т. И. былъ командированъ Морскимъ Министерствомъ въ 1856 г. на р. Донъ и Азовское море для изслѣдованія и подробнаго описанія быта, нравовъ и обычаевъ того населенія, которое занимается на водѣ, и изъ котораго, слѣдовательно, всего полезнѣе и натуральнѣе комплектовать военный флотъ.

Тонкое и глубокое знаніе греческаго языка, богословскихъ наукъ и каноническаго права опредѣлили его будущую карьеру и указали въ г. Филипповѣ Св. Синоду человѣка необходимаго въ вѣдомствѣ православнаго духовенства. Г. Филипповъ не первый у насъ свѣтскій богословъ (не считая, конечно, профессоровъ духовныхъ академій). Ранѣе его Хомяковъ, Самаринъ, А. Муравьевъ были весьма солидными богословами, не принадлежа къ духовному званію. Въ новѣйшее время гг. Кирѣевъ и Тернеръ пріобрѣли извѣстность своими богословскими этюдами. Едва ли, однако, г. Филипповъ не превосходитъ всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ солидностью своего богословскаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чистотою своего православія. Въ этомъ случаѣ онъ не смущался пускаться въ споръ съ высочайшими авторитетами православной церкви.

Какъ литераторъ, г. Филипповъ извѣстенъ многочисленными статьями въ „Русскомъ Вѣстникѣ", „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", „Гражданинѣ" и книгою „Современные церковные вопросы" (Спб., 1882 г.).

Литературною дѣятельностью своею г. Филипповъ не угодилъ почему-то „Московскимъ Вѣдомостямъ", которыя метали одно время въ него свои громы, когда громы были еще въ распоряженіи редакціи Страстного бульвара. Какъ писатель, г. Филипповъ замѣчательный стилистъ, хотя въ его изысканной манерѣ замѣтно сильное вліяніе изученія отцовъ церкви и византійскихъ историковъ.

Въ 1855 году г. Филипповъ, вмѣстѣ съ А. М. Кошелевымъ, добились, при помощи гуманнаго Назимова, разрѣшенія издавать въ Москвѣ „Русскую Бесѣду“, первый словянофильскій органъ послѣ прекращеннаго „Московскаго Сборника“. На славянофиловъ тогда смотрѣли очень косо, гр. Закревскій выставлялъ ихъ чуть не революціонерами и потребовалось убѣждать управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія князя П. А. Вяземскаго, нѣкогда либерала, что славянофилы вовсе не опасные въ политическомъ отношеніи люди.

Сочувствуя глубоко славянской идеѣ, г. Филипповъ всегда принималъ дѣятельное участіе въ Славянскомъ благотворительномъ комитетѣ и отъ имени послѣдняго произнесъ привѣтственное слово въ 1869 г. извѣстному сербскому митрополиту Михаилу, слѣдующимъ образомъ формулировавъ программу Россіи по отношенію къ славянскому міру: „У насъ одна о васъ мысль и одно попеченіе, говорилъ онъ,—чтобы всѣ единовѣрные и единокровные намъ народы устроили судьбу свою на основаніи ихъ дѣйствительныхъ правъ, не преступая въ предѣлъ братень и представляя изъ себя союзъ мирныхъ, никому не угрожающихъ силъ, не ищущихъ возмездія за прошлое, но достаточно крѣпкихъ для отпора новыхъ посягательствъ на ихъ покой и свободу“.

Любовь къ славянамъ не заставила, однако, г. Филиппова одобрить политику (поддержанную графомъ Игнатьевымъ), повлекшую къ образованію изъ болгарской церкви автокефальной и независимой отъ вселенскаго патріарха. Въ публичныхъ чтеніяхъ въ Славянскомъ комитетѣ и въ разныхъ журналахъ онъ, въ теченіе 1870—72 гг., велъ горячую полемику съ гг. Гильфердингомъ, Кирѣевымъ, протоіер. Васильевымъ и другими защитниками болгарскихъ притязаній по поводу греко-болгарской церковной распри, доказывая въ особенности неканоничность учрежденія болгарскаго экзархата въ самомъ Константинополѣ. Сочувствіе восточныхъ греческихъ церквей въ данномъ случаѣ было,

естественно, на сторонѣ г. Филиппова, и онъ былъ награжденъ почетнымъ званіемъ епитропа гроба Господня.

Еще интереснѣе были чтенія г. Филиппова въ 1873 и 1874 гг. въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія о нуждахъ нашего единовѣрія и дальнѣйшая полемика по этому поводу съ гг. Нильскимъ, Чельцовымъ, Чистовичемъ и протоіереемъ I. Васильевымъ. Г. Филипповъ никогда не сочувствовалъ той политикѣ, которой наше правительство слишкомъ два вѣка держалось по отношенію къ церковнымъ вопросамъ; о системѣ Ѳеофана Прокоповича онъ отзывался не иначе, какъ съ глубокимъ отвращеніемъ; равнымъ образомъ и въ вопросѣ о единовѣріи единственный исходъ онъ видѣлъ въ созваніи вселенскаго собора для снятія клятвъ московскаго собора 1667 года.

Г. Филипповъ вообще находилъ необходимость созвать вселенскій соборъ. „Совѣщаніе, по его словамъ, есть жизнь церкви и тамъ, гдѣ по какимъ либо причинамъ ему полагаются преграды или ограниченія, въ соразмѣрности съ тѣмъ непремѣнно оскудѣваетъ или даже вовсе замираетъ духовная жизнь страны"... Мысль г. Филиппова до сихъ поръ не осуществилась, хотя по спеціальному вопросу о клятвахъ 1667 г. состоялось, какъ извѣстно, частное опредѣленіе окружного съѣзда епископовъ въ Казани.

Мы нѣсколько распространились о богословскихъ трудахъ г. Филиппова вовсе не съ какимъ-либо затаеннымъ намѣреніемъ намекнуть, что почтенный государственный дѣятель болѣе богословъ, нежели финансистъ. Напротивъ того, мы глубоко убѣждены, что „Правила и формы смѣтнаго, кассоваго и ревизіоннаго порядка" ему такъ же хорошо извѣстны, какъ творенія Вальсамона, Аристина и Зонары.

Для своей настоящей должности г. Филипповъ, независимо отъ свѣтлаго ума и способностей, съ которыми каждое дѣло кажется легкимъ, имѣетъ весьма солидную подготовку. Онъ нѣсколько лѣтъ занималъ должность управляющаго временной ревизіонной комиссіей, что нынѣ департаментъ

гражданской отчетности, а затѣмъ былъ товарищемъ государственнаго контролера и нѣсколько разъ исправлялъ обязанности послѣдняго. Такимъ образомъ г. Филипповъ, перешедшій на службу въ Государственный Контроль, по приглашенію М. Н. Островскаго, что называется въ курсѣ контрольнаго дѣла, занимаясь имъ болѣе пятнадцати лѣтъ подъ-рядъ.

Роль государственнаго контролера мы характеризовали выше, говоря о г. Сольскомъ. Роль эта обширна и разнообразна. Государственный контролеръ провѣряетъ денежныя и хозяйственныя операціи всѣхъ вѣдомствъ, но главная задача его, конечно, по отношенію къ Министерству Финансовъ. Для дѣятельности послѣдняго, по смыслу закона, государственный контролеръ есть постоянный прокуроръ. Узы дружбы, которыя давно соединяютъ г. Филиппова съ г. Вышнеградскимъ, даютъ право думать, что впредь Министерство Финансовъ и контроль пойдутъ рука объ руку въ полномъ единодушіи и согласіи, и что никакихъ пререканій между этими двумя вѣдомствами, одинаково заинтересованными въ укрѣпленіи матеріальнаго благосостоянія Россіи, не возникнетъ.

Н. Г. Чернышевскій.

Скончавшійся въ Саратовѣ Николай Гавриловичъ Чернышевскій принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ русскихъ литературныхъ дѣятелей нашего времени, вліяніе котораго политическое и художественное было даже, можетъ быть, болѣе значительно, чѣмъ слѣдовало бы ждать по размѣрамъ таланта или оригинальности идей этого писателя. Чернышевскій, этотъ отецъ русскаго нигилизма, брался за всѣ темы, писалъ обо всемъ, но главнымъ образомъ былъ публицистъ и какъ публицистъ онъ, по-истинѣ,

сталъ на цѣлое десятилѣтіе, а можетъ быть и болѣе „властителемъ думъ" нашей молодежи и такъ называемой „интеллигенціи", той интеллигенціи, которую Катковъ такъ мѣтко охарактеризовалъ въ 1861 г., сказавъ, что „у нашихъ образованныхъ людей есть все, что хотите, но только въ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, и очень мало въ какой нибудь реальной цѣнности".

Чернышевскій знаменуетъ также въ русской литературѣ появленіе бурсака, а семинаристы имѣли до сихъ поръ въ русской жизни роковое значеніе. Семинаристъ Ѳеофанъ Прокоповичъ пытался лишить нашу церковь народнаго характера и обратить въ полицейское учрежденіе, семинаристъ графъ Сперанскій былъ родоначальникомъ бюрократическаго всемогущества, наконецъ, семинаристъ Чернышевскій далъ нашей періодической литературѣ антиправительственное и антиобщественное направленіе.

Сынъ саратовскаго протоіерея, Чернышевскій, по окончаніи курса въ мѣстной семинаріи, перешелъ противъ желанія отца, желавшаго сдѣлать изъ него священника, въ с.-петербургскій университетъ. Семинарія дала ему классическую подкладку и тѣ діалектическія свойства его ума, которыя составляли всю силу его полемики, особенно въ глазахъ простаковъ. Латынью онъ владѣлъ такъ, что, по свидѣтельству г. Пыпина, могъ переписываться съ нимъ по-латыни даже объ освобожденіи крестьянъ, сочиняя новыя слова. Въ университетѣ онъ пользовался покровительствомъ Срезневскаго и составилъ словарь къ Новгородской лѣтописи, изданный Академіей Наукъ.

По окончаніи, въ 1851 г., курса, Чернышевскій былъ нѣкоторое время учителемъ русской словесности въ своемъ родномъ городѣ, а затѣмъ въ 1851 г., подъ покровительствомъ Введенскаго, также семинариста весьма радикальнаго образа мыслей, извѣстнаго своими прекрасными переводами съ англійскаго, попалъ въ преподаватели въ кадетскихъ корпусахъ, а съ 1853 г. сталъ постояннымъ сотрудникомъ „Современника". Отношеніе къ военному вѣдомству и объ-

ясняетъ, какимъ образомъ Чернышевскій могъ сдѣлаться, при основаніи „Военнаго Сборника", редакторомъ этого официальнаго органа. Означенное редакторство продолжалось, впрочемъ, только одинъ годъ, хотя содѣйствовало придачѣ „Сборнику" весьма обличительнаго для тогдашнихъ военныхъ порядковъ направленія.

Въ „Современникѣ" Чернышевскій обратилъ на себя вниманіе первоначально какъ критикъ; его очеркъ гоголевскаго періода въ русской литературѣ положилъ начало новому направленію русской критики. Эстетическія идеи свои онъ развилъ въ статьяхъ „Лессингъ и его дѣятельность" и въ диссертаціи „Объ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности", за которую тщетно желалъ въ 1855 г. получить степень магистра. Сочиненіе это весьма замѣчательно по оригинальности идей. Оно рѣшительно отрицаетъ чистое искусство. „Прекрасное есть жизнь", говорилъ Чернышевскій. Сущность искусства есть воспроизведеніе жизни, кромѣ того, произведеніе искусства должно объяснять жизнь и получать значеніе приговора о явленіяхъ жизни. Короче говоря, искусство должно быть тенденціозно и служить извѣстнымъ цѣлямъ. „Искусство воспроизводитъ все, что есть интереснаго для человѣка въ жизни, а не ограничивается областью прекраснаго", писалъ онъ. Пушкина Чернышевскій упрекалъ поэтому въ безсодержательности!

Добролюбовъ, котораго считаютъ послѣ Бѣлинскаго крупнѣйшимъ русскимъ критикомъ, только комментировалъ и популяризировалъ эти идеи Чернышевскаго, являясь вполнѣ его ученикомъ; многіе другіе писатели, какъ Писаревъ, Антоновичъ, Ю. Жуковскій, Зайцевъ, Стасовъ, Михайловскій, до литературныхъ букашекъ, какъ Скабичевскій, включительно, питались крохами эстетическихъ теорій Чернышевскаго, доводя ихъ отчасти до каррикатурности, доказывая, напримѣръ, что „сапоги *выше* Шекспира", ибо полезнѣе для жизни, и т. п.

Политическое оживленіе, охватившее наше общество послѣ Крымской войны, расширило сферу дѣятельности

Чернышевскаго. Онъ сдѣлался главнымъ публицистомъ „Современника“, его фактическимъ редакторомъ и писалъ по разнообразнѣйшимъ вопросамъ, въ особенности по новѣйшей исторіи, политической экономіи и философіи. Во всѣхъ своихъ статьяхъ онъ проводилъ демократическія и соціалистическія идеи, весьма искусно принаравливаясь къ тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ. Въ томъ же тонѣ редактировалъ онъ и весь журналъ.

Обладая обширною начитанностью, остроуміемъ и владѣя искусно перомъ, онъ легко и развязно, хотя по временамъ не безъ семинарской пошлости, трактовалъ всѣ жгучіе современные вопросы. Подъ видомъ изученія и восхваленія принципа общиннаго владѣнія у крестьянъ, онъ знакомилъ съ соціалистическими проектами продуктивныхъ ассоціацій; разбирая исторію доктринерскаго либерализма Западной Европы, онъ защищалъ демократическій порядокъ вещей; переводя Д. С. Милля (отдѣльное изданіе 1860 г.), онъ, подъ видомъ примѣчаній къ нему, „дабы очистить науку отъ искаженій“, сочиненныхъ, по его словамъ, „изъ трусости“, изложилъ Луи Блана и друг. запрещенныхъ въ то время соціалистическихъ писателей. Луи Бланъ вообще почему-то полюбился Чернышевскому и онъ многое цѣликомъ заимствовалъ изъ его сочиненій не только экономическихъ, но и историческихъ. Полемизируя съ бездарнымъ профессоромъ Юркевичемъ, Чернышевскій, искусно обходя цензуру, изложилъ модныя тогда идеи матеріализма Бюхнера и Молешота.

Успѣхъ этихъ писаній былъ чрезвычайный. Хотя и безъ пособія цензуры скоро началась реакція и органы Каткова первые стали обличать смутность и опасность идей, проповѣдуемыхъ Чернышевскимъ съ братіей, но „Современникъ“ царилъ между всѣми органами русской печати; онъ вызвалъ и подражателей. Сила Чернышевскаго была велика именно тѣмъ, что это былъ фанатикъ своихъ идей и въ этомъ отношеніи прямолинейностью и внѣшнею логичностью напоминалъ корифеевъ революціоннаго движенія во

Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. Притомъ онъ жилъ исключительно для литературы, работая день и ночь. Корректуры читалъ онъ даже на лѣстницахъ, посѣщая знакомыхъ. Но это поглощеніе литературой и лишало его взгляды реальной подкладки. Чернышевскій являлся только отрицателемъ и разрушителемъ, внося полный разладъ въ молодое и малообразованное русское общество и предлагая идеалы, заимствованные даже не изъ чужой жизни, а изъ чужихъ сочиненій—„хорошенькихъ книжечекъ", какъ говорилъ самъ Чернышевскій.

Между тѣмъ въ обществѣ эти теоріи падали на почву, и безъ того подготовленную для броженія. Они весьма сильно волновали умы и увеличивали смуту. Дѣйствительныя отношенія Чернышевскаго къ петербургскому революціонному движенію 1861—62 г. остались не выясненными (такъ свидѣтельствуетъ даже наша заграничная швейцарская печать), но не мѣшаетъ отмѣтить, что Чернышевскій, который у послѣдующихъ поколѣній получилъ репутацію соціалиста-революціонера и противника конституціонализма (главнымъ образомъ на основаніи его статей о Франціи), въ „Письмахъ безъ адреса", изданныхъ подъ его именемъ заграницею въ 1874 г., но писанныхъ въ 1862 г., выражалъ полное сочувствіе тогдашнему движенію и въ дворянствѣ (выражавшемся подачею адресовъ дворянствомъ тверскимъ, владимірскимъ, нижегородскимъ, ярославскимъ, харьковскимъ, петербургскимъ, воронежскимъ, орловскимъ, новгородскимъ, тульскимъ, смоленскимъ и московскимъ). Либерализмъ, впрочемъ, служилъ для него чуть не бранной кличкой. „Нельзя не признать,—весьма вѣрно замѣчаетъ по этому поводу г. Любимовъ,—что въ презрѣніи своемъ къ „либераламъ", какими переполненъ былъ тогда чиновный Петербургъ, Чернышевскій былъ правъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и неблагодаренъ, такъ какъ, только благодаря именно легіонамъ этихъ рабскихъ умовъ, могло установиться господство „Современника" и могли получить значеніе серьезнаго явленія иллюзіи самаго безсмысленнаго ра-

дикализма. Такіе люди были не въ гостиныхъ только; они наполняли правительственныя сферы, канцеляріи и департаменты и сильнѣйше содѣйствовали разливу политическаго легкомыслія. Какъ тогда нерѣдко отъ лицъ не малаго государственнаго значенія, но въ то же время не желавшихъ потерять мѣсто и въ табели о либеральныхъ рангахъ, можно было услышать, въ минуты откровенности, иногда въ разговорахъ съ тѣмъ или другимъ представителемъ печати политическую исповѣдь самыхъ удивительныхъ свойствъ".

Правительство, послѣ довольно продолжительной цензурной поблажки*), рѣшилось принять энергическія мѣры. Шахматный клубъ, служившій однимъ изъ главныхъ центровъ агитаціи, былъ закрытъ. Закрыты воскресныя школы, запрещены публичныя лекціи и начались аресты и слѣдствія. Чернышевскій, который находился въ близкихъ отношеніяхъ не только къ русскимъ, но и польскимъ революціоннымъ дѣятелямъ Сѣраковскому и Огрызкѣ, былъ арестованъ 7-го іюля 1862 года. Процессъ его тянулся два года и закончился, когда серьезная часть нашего общества, подъ вліяніемъ польскаго возстанія, значительно отрезвилась отъ радикальныхъ увлеченій, что не помѣшало, впрочемъ, другой части постепенными увлеченіями дойти до крайностей и даже преступленій. Процессъ Чернышевскаго, судившагося въ Правительствующемъ Сенатѣ, офиціально опубликованъ не былъ, такъ какъ это было еще при старыхъ порядкахъ, до судебной реформы. За то слуховъ ходило не мало, слуховъ, разумѣется, тенденціозныхъ и полныхъ противорѣчіями. Враги Чернышевскаго увѣряли, что дѣло тянулось потому такъ долго, что онъ, человѣкъ

*) Вотъ случай дѣйствительный. Для одного московскаго еженедѣльнаго изданія была написана въ 1861 г. довольно рѣзкая полемическая статья о „Современникѣ". Цензоръ затруднился пропустить ее потому, какъ онъ сказалъ автору статьи, что вѣдь „Современникъ" получаетъ правительственную субсидію. Надо было разубѣждать наивнаго цензора въ его заблужденіи, чтобъ получить разрѣшеніе на выпускъ нумера изданія съ этой статьей.

вообще характера скрытнаго и крайне осторожнаго, искусно запирался; друзья — потому, что явныхъ уликъ, кромѣ компрометирующихъ знакомствъ, будто бы не было. Погубило Чернышевскаго, говорятъ, письмо, которое, однако, приписывалось Костомарову, такъ какъ у обоихъ были замѣчательно сходные почерки.

Сидя въ Петропавловской крѣпости, Чернышевскій написалъ романъ „Что дѣлать", напечатанный въ „Современникѣ" и изданный затѣмъ заграницей, а также и въ нѣмецкомъ переводѣ (въ Лейпцигѣ, въ 1883 г.). Этотъ романъ имѣлъ, можетъ быть, наибольшее вліяніе изъ всѣхъ сочиненій Чернышевскаго. Онъ сталъ кораномъ нашей радикальной молодежи. Даже Щедрина, дерзнувшаго подтрунить надъ „аллюминіевыми дворцами", считали „измѣнникомъ" *). Посѣщая Публичную Библіотеку, мы лично видѣли ежедневно десятки просьбъ о выдачѣ книгъ „Современника", гдѣ помѣщался этотъ романъ, даже нѣсколько лѣтъ спустя какъ онъ былъ уже изъятъ изъ обращенія **).

Вмѣстѣ съ тѣмъ романъ этотъ можетъ служить луч-

---

*) Салтыковъ въ долгу не остался и отвѣчалъ: „нѣтъ мысли, которой наши вислоухіе не обезславили бы, нѣтъ дѣла, котораго они не загадили бы. Я демократъ, говоритъ вашъ вислоухій и доказываетъ это тѣмъ, что ходитъ въ поддевкѣ и сморкается безъ помощи платка.— Я нигилистъ и не имѣю никакихъ предразсудковъ, говоритъ вамъ другой вислоухій и доказываетъ это тѣмъ, что во всякое время даже готовъ выбѣжать голый на улицу. И напрасно вы будете увѣрять его, что въ первомъ случаѣ онъ совсѣмъ не демократъ, а только нечистоплотный человѣкъ, и что во второмъ случаѣ онъ тоже не болѣе какъ бойкій человѣкъ, безъ надобности подвергающій себя заключенію въ частномъ домѣ—не повѣритъ онъ ни за что и васъ же обругаетъ аристократомъ и отсталымъ человѣкомъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ, что вислоухіе лѣзутъ впередъ, входятъ въ азартъ, выдаютъ себя за людей серьезныхъ и убѣжденныхъ и подбираютъ себѣ поклонниковъ. Этотъ отвѣтъ возбудилъ шумъ и заставилъ Салтыкова оставить „Современникъ".

**) По словамъ г. Тихомірова („La Russie politique et sociale"), имѣется еще романъ Чернышевскаго, неоконченный: „Прологъ къ прологу" не важный въ литературномъ отношеніи, но любопытный по изображенію многихъ лицъ, извѣстныхъ Петербургу. Прибавимъ также,

шею характеристикою воззрѣній Чернышевскаго и способа его пропаганды. Это въ полномъ смыслѣ слова романъ тенденціозный; литературныхъ достоинствъ онъ не имѣетъ никакихъ, не имѣетъ даже живости и занимательности публицистическихъ статей Чернышевскаго. Дѣйствующія лица романа маріонетки, но подъ видомъ ихъ отношеній, авторъ, взявъ для образца одинъ изъ романовъ Эженя Сю, изложилъ не только теорію общежитія Фурье, но и его черезчуръ сильныя теоріи о свободѣ брака и любви. Эти идеи также нашли отголосокъ не только въ литературѣ и на театрѣ (Авдѣевъ, Слѣпцовъ, Чернышевъ), но и въ дѣйствительной жизни. Начались попытки даже организовать свою жизнь вполнѣ по рецептамъ романа. Нашимъ дамамъ *) очень понравились теоріи въ родѣ слѣдующихъ: „говорить о воздержности въ физической любви—значитъ то же самое, что говорить о воздержности въ пищѣ. Люди никогда не станутъ добровольно держать себя въ состояніи голода“!..

Успѣхъ соціализма и фаланстеровъ былъ сначала только въ столицѣ, и справедливо Катковъ писалъ, что „внутри Россіи рѣшительно не понимаютъ, что это за исторія и что это за партіи, которыя такъ мгновенно народились и разукрасились всѣми цвѣтами радуги: никто не можетъ взять себѣ въ толкъ, какіе такіе коммунисты, соціалисты, республиканцы появились у насъ и съ кѣмъ это правительству приходится развѣдываться“. Но эти недоразумѣнія были только въ началѣ 60-хъ годовъ, а съ тѣхъ поръ

что послѣ него осталось много оконченныхъ и неоконченныхъ литературныхъ трудовъ, повѣсть „Вечеръ у княгини Старобѣльской“, біографія Добролюбова, основаніе которой онъ положилъ въ „Современникѣ“, помѣстивъ въ немъ дневникъ Добролюбова.

*) Да и не однимъ дамамъ. Недавно еще профессоръ Исаевъ наибольшую заслугу Фурье видѣлъ въ томъ, что онъ „извлекаетъ женщину изъ душныхъ нѣдръ семьи“ и что будто бы „въ этомъ отношеніи современное общество приближается къ осуществленію идеаловъ, которые Фурье считалъ возможными только въ новомъ мірѣ“.

соціалистическая пропаганда сдѣлала колоссальные успѣхи внутри Россіи; особенно на югѣ она охватила умы молодежи и вызвала рядъ прискорбнѣйшихъ явленій; Чернышевскому не пришлось уже, однако, быть очевидцемъ этого пышнаго расцвѣта соціализма.

13 іюня 1864 года, на Мытнинской площади, Чернышевскому былъ объявленъ приговоръ. Онъ ссылался на семь лѣтъ въ Сибирь, въ Нерчинскіе заводы, въ каторжныя работы. Онъ сильно измѣнился, лицо его опухло и носило слѣды скорбута. Его поставили на колѣни, переломили шпагу и выставили на четверть часа у позорнаго столба. Одна дѣвица, потомъ жена весьма извѣстнаго русскаго музыканта, бросила въ карету Чернышевскаго вѣнокъ, покойный писатель Якушкинъ крикнулъ: „прощай!“ Обоихъ арестовали и затѣмъ выпустили. Картина этой публичной казни описана въ рѣдчайшей книгѣ Бобровскаго „Всякіе“.

Въ то время каторжныя работы для политическихъ преступниковъ были почти номинальными, а потому отбывались безъ большого труда; къ тому же, срокъ каторги Всемилостивѣйшимъ манифестомъ былъ для Чернышевскаго сокращенъ. По окончаніи срока, онъ долженъ былъ быть поселенъ въ Сибири навсегда и, по бывшимъ примѣрамъ, сталъ бы гдѣ нибудь учителемъ въ частномъ домѣ, или даже писцомъ какого нибудь присутственнаго мѣста, но популярность, которою пользовалось его имя въ средѣ молодежи и опасеніе, что станутъ эксплоатировать эту популярность, заставили въ 1871 г. принять экстренныя мѣры.

Для поселенія Чернышевскаго былъ избранъ Вилюйскъ, городишка, въ 450 верстахъ за Якутскомъ, въ самомъ суровомъ климатѣ. Пребываніе Чернышевскаго въ такомъ удаленномъ отъ цивилизованнаго міра пунктѣ — было тягостно. Онъ лично переносилъ, однако, тягость уединенія спокойно и дѣятельно работалъ за разными сочиненіями и переводами, но мысль освободить его бродила въ умахъ революціонной молодежи. Одна изъ попытокъ, весьма смѣлая, едва даже не удалась и разстроилась лишь потому,

что одинъ изъ нигилистовъ, пріѣхавшихъ за Чернышевскимъ, якобы съ предписаніемъ генералъ-губернатора, возбудилъ подозрѣніе.

Графъ Лорисъ-Меликовъ, искавшій всякихъ случаевъ для успокоенія общества, собирался ходатайствовать о помилованіи Чернышевскаго и о дозволеніи ему вернуться въ Россію. Графъ полагалъ, что помилованіе сниметъ съ сосланнаго писателя ореолъ мученичества. Это предложеніе не исполнилось, такъ какъ „Страна“ написала весьма безтактную статью, чуть не требуя означеннаго помилованія. Только въ 1883 г. Государь Императоръ, по докладу графа Толстого, помиловалъ Чернышевскаго и разрѣшилъ поселиться въ Астрахани, а затѣмъ избрать и какой угодно въ провинціи городъ для жительства. Чернышевскій выбралъ свой родной городъ Саратовъ, гдѣ въ ночь на 17-е октября (1889 г.) и скончался на 62-мъ году отъ мозгового удара.

До конца жизни онъ не выпускалъ пера изъ рукъ и работалъ по 14—16 часовъ въ сутки. По слухамъ, онъ думалъ было заняться переводомъ энциклопедическаго лексикона Брокгауза, что, при его обширныхъ познаніяхъ, было ему весьма сподручно. Подъ псевдонимомъ Андреева, издалъ онъ первые 12 томовъ обширнаго труда Вебера „Всемірную исторію“, снабдивъ ихъ весьма любопытными примѣчаніями и дополненіями. Собраніе сочиненій Чернышевскаго, еще не совсѣмъ полное, вышло въ Швейцаріи, въ Вевэ, въ 4-хъ томахъ, въ 1868—70 годахъ.

Для массы современной публики Чернышевскій давно сталъ чѣмъ-то легендарнымъ, да и въ свое время онъ жилъ замкнуто и чуждался публичности. Одинъ разъ выступилъ онъ на эстраду съ извѣстными воспоминаніями о Добролюбовѣ и, надобно сказать, не только не удовлетворилъ общимъ ожиданіямъ, но даже произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе своими тономъ, мизерною внѣшностью и манерами.

Дѣйствительно, въ жизни этотъ человѣкъ отличался не только скромностью, но даже застѣнчивостью и робостью.

Ничто въ его фигурѣ и въ его привычкахъ не напоминало его революціонныхъ воззрѣній. Когда с.-петербургскій генералъ-губернаторъ князь Суворовъ зачѣмъ-то пригласилъ однажды къ себѣ Чернышевскаго, то былъ ужасно удивленъ его тонкой, худенькой фигуркой и общимъ скромнымъ видомъ. „Такъ это вы-то тотъ страшный Чернышевскій?!“ воскликнулъ онъ со своей обычной откровенностью. Человѣкъ кабинетнаго труда, не знавшій почти отдыха, не знавшій, что такое развлеченіе, общество женщинъ, Чернышевскій, можно сказать, жилъ умомъ и сердцемъ только въ области тѣхъ теорій, которыя неустанно проповѣдывалъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ.

Хотя эпоха дѣятельности Чернышевскаго отошла у насъ въ область исторіи, но ея позднѣйшія послѣдствія—ужасныя событія, не имѣвшія уже, какъ вѣрно замѣчено, никакого отношенія ни къ критикѣ, ни къ литературѣ, ни даже къ здравому смыслу—слишкомъ живы у всѣхъ передъ глазами, они продолжаютъ вліять на хладнокровіе и безпристрастіе оцѣнки. Поэтому и время для этой оцѣнки еще не наступило. Политическое вліяніе его можетъ считаться болѣе или менѣе вреднымъ, смотря на какой точкѣ зрѣнія стоитъ читатель, но въ одномъ не можетъ быть сомнѣнія, что это былъ мощный боецъ извѣстныхъ убѣжденій, личность во всякомъ случаѣ крупная. Но къ нему лучше всего прилагаются его же собственныя слова: „Ошибки людей сильнаго ума именно тѣмъ и бываютъ страшны, что овладѣваютъ мыслями множества другихъ людей“. Отбрасывая его политическую дѣятельность, одни критическіе труды Чернышевскаго могли бы упрочить за нимъ въ русской литературѣ имя. По складу анализаторскаго ума, изъ него вышелъ бы замѣчательный ученый, еслибы публицистическіе успѣхи не увлекли его на скользкій путь пропаганды среди общества незрѣлаго, политически совсѣмъ невоспитаннаго, склоннаго къ увлеченіямъ самымъ безразсуднымъ. Спутанность понятій въ самой администраціи была такъ велика, что статьи весьма умѣренныя, но говорившія

объ осуществленіи практическихъ и полезныхъ желаній, не пропускались цензурою, тогда какъ проповѣдь самыхъ радикальныхъ воззрѣній теоретическихъ, ловко и талантливо проведенная, находила одобреніе въ той же цензурѣ. При извѣстной долѣ свободы печати такое явленіе было бы немыслимо.

Н. М. Чихачевъ.

Высочайшимъ приказомъ отъ 28-го ноября (1888 г.) начальникъ главнаго морского штаба, вице-адмиралъ Николай Матвѣевичъ Чихачевъ, назначенъ управляющимъ Морскимъ Министерствомъ.

Первоначальная служба г. Чихачева прошла въ дальнихъ плаваніяхъ; онъ ходилъ вокругъ свѣта на корветѣ „Оливуца", былъ въ числѣ помощниковъ Невельскаго по занятію устьевъ Амура и пользовался большимъ расположеніемъ графа Муравьева-Амурскаго, пославшаго его въ 1856 г. курьеромъ съ извѣстіемъ о благополучномъ выходѣ нашей эскадры изъ Амура въ Татарскій проливъ. Труды амурскихъ сподвижниковъ подробно описаны Невельскимъ въ посмертныхъ запискахъ, изданныхъ въ 1878 году, гдѣ авторъ отдаетъ своимъ помощникамъ должную справедливость въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Дѣятельность нашихъ морскихъ офицеровъ, составлявшихъ экипажъ транспорта «Байкалъ» въ 1849 году и затѣмъ амурскую экспедицію съ 1850 года по исходъ 1855 года, преисполненная гражданской доблести, отваги и мужества, представляетъ незыблемое основаніе къ окончательному присоединенію къ Россіи въ 1856 году Приамурскаго и При-Уссурійскаго края и одну изъ видныхъ страницъ исторіи нашего флота и исторіи отдаленнаго Востока. Г. Чихачевъ былъ первый изъ русскихъ, проѣхавшій такъ далеко по рѣкамъ Амгунь и Гиринь и обслѣдовавшій эти неизвѣстныя

мѣста. Онъ первый далъ намъ понятіе объ этихъ, довольно значительныхъ рѣкахъ. Путь его былъ сопряженъ съ большими затрудненіями и лишеніями, ибо народы, обитавшіе въ этихъ мѣстахъ, были совершенно неизвѣстны, а собаки утомлялись и весьма часто приходилось Чихачеву дѣлать переходы пѣшкомъ, влача за собою нарту и буквально до колѣнъ идти по водѣ. Провизія вся вышла еще на р. Гиринь, такъ что болѣе восьми дней до селенія Оди, гдѣ онъ взялъ сухарей и чаю отъ Попова, г. Чихачевъ питался юколой, ягодами и нерпичьимъ жиромъ.

Затѣмъ г. Чихачевъ былъ адъютантомъ генералъ-адмирала его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича, а въ 1862 г. перешелъ въ Одессу на должность директора-распорядителя Русскаго Общества пароходства и торговли, этого важнѣйшаго въ Россіи предпріятія по части торговаго мореходства.

Русское Общество въ моментъ, когда г. Чихачевъ взялъ въ свои руки управленіе, находилось въ полномъ упадкѣ: цѣна акцій понизилась до 160 руб., флотъ Общества не соотвѣтствовалъ потребностямъ торговли, въ агентствахъ и управленіяхъ господствовалъ фаворитизмъ и безпорядокъ, топливомъ служилъ исключительно иностранный уголь и т. д. Въ нѣсколько лѣтъ обстоятельства совершенно перемѣнились и Русское Общество стало не только первымъ по барышамъ акціонернымъ предпріятіемъ въ Россіи, но однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Флотъ Общества значительно увеличился, устроено было адмиралтейство, собственный угольный рудникъ и т. д. Дѣло настолько упрочилось, что хотя въ 1876 г. субсидія Обществу была сбавлена болѣе чѣмъ на половину, цѣна акцій, постепенно повышаясь, дошла до 1,000 рублей, понизившись только въ послѣдніе годы отъ общаго удешевленія фрахтовъ во всемъ мірѣ.

Почти двадцать два года велъ г. Чихачевъ дѣла Русскаго Общества съ отличнымъ успѣхомъ и оставилъ Общество лишь въ 1883 г. за назначеніемъ начальникомъ главнаго морского штаба. Въ теченіе этого времени г. Чихачевъ не все свое время отдалъ коммерческой дѣятель-

ности. Въ продолженіе года, въ 1876 — 1877 гг., онъ состоялъ начальникомъ береговой обороны Чернаго моря и на этомъ посту оказалъ не мало услугъ во время войны, которыя тѣмъ болѣе цѣнны, что морскіе рессурсы наши на югѣ были тогда очень ограничены.

Дѣятельность г. Чихачева въ должности начальника главнаго морского штаба сливается съ дѣятельностью покойнаго И. А. Шестакова, для котораго онъ былъ усерднымъ помощникомъ.

Еще ранѣе онъ составилъ записку о коренной реформѣ нашего военнаго флота. Доказывая, что Россія должна имѣть флотъ, достойный ея величія, наравнѣ съ хорошею арміей, г. Чихачевъ средства на это прежде всего искалъ въ экономіи, указывая на излишество у насъ ненужныхъ для боевой службы судовъ, командъ и личнаго состава. Онъ предлагалъ затѣмъ раздѣлить флотъ, по примѣру Англіи, на дѣйствующій и резервный, причемъ суда дѣйствующаго флота, экадренные броненосцы и крейсера, должны плавать постоянно, послѣднія до пяти лѣтъ, суда же резервнаго флота—береговые броненосцы должны быть сданы къ портамъ и вооружаться только въ военное время. Броненосные крейсера слѣдовало, по мнѣнію г. Чихачева, имѣть съ ходомъ отъ 16 до 18 узловъ, и потому заказать ихъ въ Англіи собственнымъ же адмиралтействамъ, какъ плохо объорудованнымъ, заниматься лишь ремонтомъ. Для очистки флота отъ ненужныхъ элементовъ онъ предлагалъ уволить часть офицеровъ въ резервъ, а часть и вовсе въ отставку, назначивъ цензъ плаванія въ морѣ, корпуса штурмановъ и морскихъ артиллеристовъ онъ совѣтывалъ вовсе упразднить, наконецъ главныхъ командировъ мѣнять каждые три года и снять съ нихъ гражданскія обязанности.

Этотъ проектъ разсматривался при Лесовскомъ и тогда уже былъ частью принятъ, но осуществился въ главныхъ чертахъ, какъ мы сказали, при Шестаковѣ. Изъ всѣхъ частей реформы наиболѣе волненія въ Кронштадтѣ, Николаевѣ и др. центрахъ нашего морского сословія вызвалъ законъ о мор-

скомъ цензѣ, совершенно видоизмѣнившій, сложившійся десятками лѣтъ, порядокъ морской службы.

Личный составъ военнаго флота не былъ вовсе въ соотвѣтствіи съ потребностями службы, а плаваніе по морю считалось для военныхъ моряковъ чѣмъ-то въ родѣ счастливой случайности и существовалъ цѣлый классъ моряковъ „береговыхъ“ или „прѣсной воды“, которые доходили до адмиральскихъ чиновъ, не съумѣя не то что командовать эскадрой, а и болѣзнь-то морскую перенести лучше какой нибудь англичанки, словомъ, адмираловъ „швейцарскаго флота“. Являлось также полное несоотвѣтствіе чиновъ высшихъ противъ низшихъ, почему катерами командовали не унтеръ, а штабъ-офицеры, а адмиралы занимали должности библіотекарей въ морскихъ клубахъ!

Такое печальное положеніе произошло отъ сохраненія для морской службы тѣхъ же порядковъ, которые могли имѣть мѣсто только при блаженной памяти парусномъ флотѣ. Тогда корабли имѣли множество орудій, для стрѣльбы изъ коихъ приходилось держать на судахъ сотни матросовъ; для завѣдыванія и обученія подобныхъ командъ требовались десятки офицеровъ. Современный флотъ не требуетъ ничего подобнаго; сила его въ машинѣ и большомъ калибрѣ орудій. Какое нибудь судно съ двумя орудіями, управляемое полусотнею людей, сильнѣе теперь въ боевомъ отношеніи прежняго 120-ти пушечнаго линейнаго корабля, на которомъ плавалъ цѣлый флотскій экипажъ.

Если потребно нынѣ меньшее число офицеровъ, за то требованія отъ послѣднихъ измѣнились. При парусномъ флотѣ боцманъ считался недосягаемымъ идеаломъ морскихъ познаній, кораблевожденіе лежало на штурманахъ. Теперь отъ морского офицера требуются весьма разностороннія свѣдѣнія: онъ долженъ быть такъ же свѣдущимъ въ механикѣ, артиллеріи, минной части, астрономіи, какъ и въ навигаціи и морской практикѣ, главнымъ же образомъ требуется отъ него тотъ навыкъ службы, который пріобрѣтается только плаваніемъ. Теперь, когда военное судно съ

артиллеріей и полнымъ вооруженіемъ стоитъ чуть ли не десять милліоновъ рублей, нельзя поручать его человѣку, который до чина капитана 1-го ранга дошелъ, изрѣдка совершая морскія прогулки по Маркизовой лужѣ, или изъ Севастополя въ Николаевъ и обратно.

Но какъ было отличить необходимыхъ опытныхъ людей, когда уже съ капитанъ-лейтенантскаго чина, т. е. нерѣдко послѣ десяти лѣтъ службы, морской офицеръ дѣлался у насъ какъ бы кандидатомъ въ командиры несуществующихъ судовъ (число которыхъ, при увеличеніи размѣра броненосцевъ, уменьшалось) и ждалъ у моря погоды, т. е. назначенія, занимая до времени какую нибудь береговую должность ради полученія жалованья по чину. Въ то время, когда масса подобныхъ лицъ сидѣла сложа руки, нѣсколько счастливыхъ любимцевъ фортуны, или, вѣрнѣе, своего начальства, непрерывно, командовали судами и совершали даже по нѣсколько дальнихъ плаваній подъ-рядъ.

Ужъ на что въ Англіи военный флотъ великъ, но и тамъ не находятъ возможнымъ оставлять командировъ на однихъ мѣстахъ и признано необходимымъ установить очередь для командованія судами и эскадрами, а равно ограничить наличное число офицеровъ. У насъ же при флотѣ, вчетверо и впятеро слабѣйшемъ противъ англійскаго, число офицеровъ, прибавляя штурмановъ и артиллеристовъ, равнялось англійскому. Реформа, очевидно, была необходима.

Она и сдѣлана на солидныхъ основаніяхъ, хотя съ разсрочкою на пять лѣтъ и съ немалымъ пожертвованіемъ для государственнаго казначейства, которое пріобрѣло массу новыхъ пенсіонеровъ. Опытная рука г. Чихачева видна въ этомъ дѣлѣ. По новому штату, число морскихъ офицеровъ сокращено слишкомъ на половину, до 1,200 человѣкъ. Впредь военный морякъ можетъ надѣяться на карьеру только при условіи, если не постояннаго, то хотя достаточнаго плаванія въ морѣ. Морякъ, почему либо не плавающій нѣсколько лѣтъ, можетъ быть изъ флота уволенъ, если состоялъ въ чинѣ извѣстное число лѣтъ и достигъ

извѣстнаго возраста. Уничтоженіе капитанъ-лейтенантскаго чина увеличило число оберъ-офицеровъ, необходимыхъ для держанія вахтъ; штабъ-офицерами при новомъ порядкѣ будутъ только лица, которымъ сейчасъ же могутъ быть поручены въ командованіе суда; адмиралами сдѣлаются лица, которыя въ состояніи руководить эскадрами. Самое значеніе чиновъ повышено. Подъ понятіемъ адмирала будетъ подразумѣваться дѣйствительно „флотоводецъ", а не бухгалтеръ какого нибудь поземельнаго банка; командиры судовъ, получившіе свои мѣста службою въ морѣ, а не протекціей, также совсѣмъ иначе будутъ уважаться своими подчиненными,—что естественно подыметъ дисциплину во флотѣ.

Съ этой точки зрѣнія противъ новой реформы рѣшительно ничего сказать нельзя. Можно пожелать развѣ ей, какъ и всѣмъ русскимъ реформамъ, чтобы практика не исказила мысли законодателя; чтобы она проводилась вполнѣ безпристрастно, да пожелать, чтобы новыя суда строились достаточно скоро; иначе перемѣна офицеровъ и командировъ должна происходить настолько быстро, что они не будутъ успѣвать знакомиться со своими судами.

Есть еще одна сторона новой реформы, которая заслуживала вниманія, это именно насколько цензъ затрогивалъ существующіе интересы военно-морского сословія. Хотя, конечно, государство, преслѣдуя высшія цѣли, вынуждено бываетъ жертвовать частными и отдѣльными интересами, но гуманность и справедливость должны быть всегда присущи правительственнымъ мѣропріятіямъ. Если въ морскихъ офицерахъ высшихъ ранговъ явился такой избытокъ, то вѣдь виною тому главнымъ образомъ само правительство, такъ долго откладывавшее реформу. Очевидно, что люди, до сѣдыхъ волосъ дослужившіе при прежнихъ требованіяхъ и всегда свои обязанности исполнявшіе добросовѣстно, не могли быть за это наказаны лишеніемъ куска хлѣба. Они не виноваты, что требованія и взгляды на морскую службу измѣнились. У насъ, къ тому же, болѣе чѣмъ гдѣ либо го-

сударство само привлекаетъ людей къ службѣ и даже воспитываетъ цѣлыя поколѣнія въ этомъ направленіи.

Въ этомъ случаѣ нужно сказать, что участь тѣхъ сотенъ офицеровъ, которые должны были оставить, вслѣдствіе ценза, морскую службу, достаточно обезпечена. Во всякомъ случаѣ помимо пенсіоновъ въ рукахъ правительства находится множество способовъ открывать новыя карьеры для увольняемыхъ изъ флота офицеровъ. Лица, мало плававшія и потому не нужныя для флота, могутъ быть очень полезны на другомъ мѣстѣ: въ арміи, въ портовыхъ управленіяхъ, въ консульской службѣ, и т. д. Мы не говоримъ уже о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя, поощряя въ Россіи созданіе торговаго флота, открыли бы сбытъ морякамъ. Это, впрочемъ, второстепенный источникъ, ибо, во-первыхъ, надежда на развитіе въ Россіи торговаго флота весьма пока слабая; во-вторыхъ, человѣкъ, оказавшійся неудобнымъ собственно какъ „морякъ" для военнаго флота, еще менѣе годится для флота торговаго.

И многія другія преобразованія въ морскомъ вѣдомствѣ послѣдовали по иниціативѣ г. Чихачева. Лѣтомъ г. Чихачевъ обыкновенно принималъ начальство надъ практическою эскадрою, плававшею въ Балтійскомъ морѣ, и знакомился такимъ образомъ съ личнымъ составомъ нашего флота. Послѣдніе три года, по случаю поѣздки И. А. Шестакова на Амуръ и затѣмъ его тяжкой болѣзни, г. Чихачевъ почти безпрерывно исправлялъ должность управляющаго Морскимъ Министерствомъ.

Послѣ смерти И. А. Шестакова начали было ходить слухи о разныхъ проектахъ, направленныхъ къ тому, чтобы должность морского министра упразднить; говорили объ учрежденіи взамѣнъ того должностей двухъ помощниковъ къ главному начальнику флота, одного по строевой части, другого — по хозяйственной; слухи эти не оправдались, да и едва ли отъ уничтоженія въ морскомъ вѣдомствѣ единства могла послѣдовать какая либо польза.

Г. Чихачевъ — человѣкъ въ полномъ смыслѣ дѣла. Крас-

нобайство — не его черта; рѣдко даже можно видѣть въ его годы человѣка, столь застѣнчиваго и не владѣющаго даромъ слова. Онъ былъ всегда чуждъ популярности. Строгій, исполнительный и настойчивый, онъ представляетъ рѣдкое въ русскомъ характерѣ явленіе. Поэтому никогда недостатка въ порицателяхъ у г. Чихачева не было. Но всѣ знавшіе его и работавшіе съ нимъ имѣли случай оцѣнить его способности и трудолюбіе. Мы убѣждены, что изъ г. Чихачева могъ бы выйти отличный министръ финансовъ или путей сообщенія; случай доставилъ ему столь же важный въ государственномъ управленіи постъ министра морского и нѣтъ сомнѣнія, что на немъ онъ, если позволитъ здоровье, принесетъ своею опытностью и энергіей не малую пользу.

И. А. Шестаковъ.

21-го ноября 1888 г. въ Севастополѣ скончался управляющій Морскимъ Министерствомъ, адмиралъ Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ. Здоровье покойнаго давно было очень разстроено и кончины его ожидали со дня на день; всѣхъ удивило даже извѣстіе, что у И. А. достало энергіи совершить переѣздъ по морю, чтобы во главѣ возродившагося черноморскаго флота привѣтствовать Государя Императора въ Батумѣ; тѣмъ не менѣе смерть И. А. производитъ тягостное впечатлѣніе, такъ какъ Россія и нашъ военный флотъ потеряли въ немъ одного изъ своихъ выдающихся энергическихъ дѣятелей.

Уже въ молодыхъ лѣтахъ И. А. Шестаковъ пріобрѣлъ репутацію весьма дѣльнаго и образованнаго морского офицера. Въ то время онъ уже отличался твердостью и независимостью характера.

Эта независимость была причиною, что онъ не могъ

окончить курсъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и пришлось въ 1836 г. поступить въ черноморскій флотъ гардемариномъ. Знаменитый адмиралъ Лазаревъ покровительствовалъ тамъ Шестакову, но и укрощалъ его порывы.

Назначеніе адъютантомъ къ великому князю Константину Николаевичу подвинуло его карьеру: онъ получилъ подъ команду судно заграничнаго плаванія. Его строгое и внимательное отношеніе къ службѣ было даже, въ моментъ общей распущенности въ концѣ 50-хъ годовъ, поводомъ къ непріятной полемикѣ въ „Колоколѣ" Герцена, набросившей несправедливую тѣнь на характеръ И. А.

Независимость его убѣжденій была причиною, что онъ не могъ ужиться и съ господствовавшимъ тогда въ управленіи флотомъ направленіемъ и, занимая должность начальника штаба главнаго командира кронштадтскаго порта, имѣлъ столкновеніе съ морскимъ министромъ*), послѣдствіемъ котораго былъ переводъ Шестакова градоначальникомъ въ Таганрогъ, а оттуда губернаторомъ въ Вильно.

Но и въ Вильнѣ И. А. не ужился. Онъ имѣлъ столкновеніе, съ поляковавшимъ подъ женскимъ вліяніемъ, гене-

---

*) Ссора эта произошла при такихъ обстоятельствахъ. На смотру флота покойный государь желалъ сѣсть на пароходъ „Олафъ", такъ какъ у яхты „Штандартъ" случилась какая-то аварія. Каютъ-кампанія парохода оказалась въ безпорядкѣ. Краббе жестоко распекъ ни въ чемъ невиновнаго Шестакова, послѣдній, въ свою очередь, слишкомъ рѣзко возражалъ, когда морской министръ хотѣлъ сигналомъ объявить неудовольствіе вице-адмиралу Беренсу. Краббе не уважилъ послѣ того представленіе Шестакова, желая отомстить. Шестаковъ подалъ частную записку о положеніи флота весьма, повидимому, неблагопріятную для Краббе. Послѣдній провѣдалъ, однако, о запискѣ и, со свойственной ему ловкостью, притворяясь ничего не знающимъ, представилъ Шестакова къ наградѣ. Государь былъ тронутъ, разорвалъ записку въ присутствіи Краббе и предложилъ перевести Шестакова въ гражданское вѣдомство. Надобно замѣтить, впрочемъ, что у Краббе было доброе сердце; когда Шестаковъ потерялъ въ банкротствѣ Фейгина состояніе жены, Краббе примирился съ нимъ, при посредствѣ Лесовскаго и Попова, и создалъ для Шестакова почетное положеніе заграницею.

ралъ-губернаторомъ А. Л. Потаповымъ и долженъ былъ оставить службу, какъ намекала „Вѣсть“, за сообщеніе Каткову свѣдѣній о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Западномъ краѣ.

Въ 1872 г. онъ возвратился къ любимой своей морской службѣ; для него былъ созданъ постъ морского агента въ Австріи и Италіи, а затѣмъ онъ сдѣлался членомъ адмиралтействъ совѣта, откуда, довольно неожиданно для сослуживцевъ, былъ назначенъ, въ январѣ 1882 г., управляющимъ Морскимъ Министерствомъ. Это назначеніе послѣдовало по личному выбору Государя Императора, имѣвшаго случай оцѣнить высокія способности и стойкость убѣжденій покойнаго. И. А. Шестаковъ пользовался такимъ довѣріемъ, что одно время ходили даже слухи о назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ съ возложеніемъ обязанности предсѣдательствовать въ Совѣтѣ Министровъ.

Получивъ назначеніе стать во главѣ морского вѣдомства, И. А. выказалъ прямоту своего характера тѣмъ, что въ помощники къ себѣ пригласилъ Н. М. Чихачева, какъ человѣка, отлично знакомаго съ потребностями нашего флота. Этотъ выборъ тѣмъ былъ удивительнѣе и тѣмъ достойнѣе одобренія, что Н. М. Чихачевъ имѣлъ тоже репутацію человѣка съ характеромъ непреклоннымъ и независимымъ. А извѣстно, какъ рѣдко начальники любятъ около себя имѣть людей независимыхъ. Извѣстно было также, что между И. А. Шестаковымъ и Н. М. Чихачевымъ было не мало полемики, когда одинъ занималъ должность таганрогскаго градоначальника, а другой — директора-распорядителя Русскаго Общества пароходства и торговли.

Управленіе И. А. морскимъ вѣдомствомъ отмѣчаетъ коренное измѣненіе въ управленіи нашими военно-морскими силами. Уже Петръ Великій, создатель русскихъ военно-морскихъ силъ, заводя азовскій флотъ и найдя его въ изрядномъ состояніи, далеко не былъ увѣренъ, что дѣло пойдетъ и впередъ хорошо. „Только еще облакъ сомнѣнія, писалъ онъ, закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ, яко финиковъ, которые насаждающа не получаютъ

видѣть"... А что сомнѣнія Петра были не напрасны, видно изъ того, что, слишкомъ сто лѣтъ спустя, Чичаговъ, бывшій морской министръ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, писалъ: „Русскій флотъ, созданный умомъ Петра I, могъ существовать только имъ однимъ. Такъ какъ онъ ни въ духѣ народномъ, ни вызванъ потребностями государства, то на него не смотрятъ какъ на необходимое условіе для благосостоянія или безопасности Имперіи, и онъ есть обременительная роскошь подражанія, зависящая отъ доброй воли государей".

Еще очень недавно, на вопросъ: да въ состояніи ли мы имѣть внушительную морскую силу? нельзя было бы отвѣтить иначе, какъ полнымъ отрицаніемъ, потому что силы каждаго флота надо было измѣрять числомъ линейныхъ броненосцевъ, а въ этомъ отношеніи, очевидно, мы, никоимъ образомъ, не можемъ тягаться съ Англіей. Но въ наши дни, къ счастью, явилась возможность, при посильныхъ расходахъ, поднять боевую правоспособность нашего флота на подобающую высоту. Эта радикальная перемѣна явилась прямымъ слѣдствіемъ изобрѣтенія самодвижущихся минъ и постепенной разработки мореходнаго миноносца. Съ появленіемъ этихъ новыхъ факторовъ борьбы, старыя боевыя суда совершенно потеряли свое значеніе и всѣ условія морской войны подверглись коренному перевороту. Шестаковъ засталъ русскій военный флотъ почти исключительно сосредоточеннымъ въ Балтійскомъ морѣ; на Черномъ морѣ только было приступлено къ возстановленію военнаго флота; на моряхъ Каспійскомъ, Бѣломъ, Аральскомъ и въ Тихомъ океанѣ мы имѣли лишь нѣсколько судовъ, представляющихъ незначительную боевую силу. Аральская флотилія, въ виду ея исключительно мѣстнаго значенія для транспортированія, а не для военныхъ цѣлей, была немедленно упразднена. Также слѣдовало сдѣлать и съ Каспійскою флотиліею, ибо трудно себѣ было представить учрежденіе болѣе безполезное.

Первоначально она имѣла нѣкоторое значеніе — военное

и транспортное, помогая нашимъ военнымъ дѣйствіямъ противъ персовъ, туркменъ и служа для военныхъ перевозокъ на Кавказъ и на Мангышлакъ, но всѣ эти функціи давно потеряли свое основаніе. Персія еще по Туркменчайскому договору утратила право имѣть флотъ на Каспійскомъ морѣ, а съ занятіемъ Красноводска, въ 1869 году, туркмены лишились возможности посылать лодки для грабежа персидскихъ побережій. Такимъ образомъ военная роль Каспійской флотиліи окончательно утратилась. Небольшое значеніе сохранила она и какъ транспортное учрежденіе. Съ конца 50-хъ годовъ, когда центръ дѣятельности этой флотиліи былъ перенесенъ изъ Астрахани въ Баку, на Каспійскомъ морѣ возникъ цѣлый флотъ почтовыхъ, пассажирскихъ и транспортныхъ судовъ. Общество „Кавказъ и Меркурій“, братья Нобель, „Лебедь“ и др. владѣютъ десятками пароходовъ, передъ которыми суда нашей военной флотиліи представляются скорѣе курьезами „допотопнаго кораблестроительнаго искусства, нежели серьезными средствами для морской перевозки. Поэтому въ военное время въ 1877—78 годахъ и при закаспійскихъ экспедиціяхъ, главную роль въ военныхъ перевозкахъ играли частныя суда, казенныя же занимали положеніе вспомогательное.

Для гидрографическихъ цѣлей и службы маяковъ нѣтъ надобности въ цѣлой флотиліи, здѣсь достаточно самое ограниченное число судовъ. Упраздненіе Каспійской флотиліи важно не по уменьшенію только числа судовъ, которыя могутъ быть проданы или сданы въ аренду и слѣдовательно продолжать приносить краю извѣстную пользу, а по уменьшенію числа береговыхъ учрежденій. Каждое казенное управленіе, хотя бы оно вѣдало нѣсколькими полуразрушенными суденышками, непремѣнно заключаетъ десятокъ канцелярій съ огромнымъ штатомъ адмираловъ и всякихъ офицеровъ и чиновниковъ. Все это живетъ на казенный счетъ, выслуживаетъ пенсіи и требуетъ для помѣщенія казенныхъ домовъ съ дорогимъ ремонтомъ. Учрежденія Каспійской флотиліи занимаютъ уже цѣлый городокъ

около Баку и этотъ городокъ разростается съ сокращеніемъ дѣятельности флотиліи.

Собственно военный флотъ Россія можетъ имѣть только въ моряхъ Балтійскомъ, Черномъ, Бѣломъ и въ Тихомъ океанѣ; въ каждомъ изъ нихъ флотъ этотъ долженъ быть устроенъ на особыхъ началахъ, сообразно тому назначенію, которому онъ долженъ удовлетворять.

Балтійскій флотъ защищаетъ наше балтійское побережье, и особенно Петербургъ; по своему географическому положенію онъ можетъ принять участіе также въ наступательной войнѣ; участіе это можетъ состоять или въ поддержаніи нашей арміи, дѣйствующей, напримѣръ, противъ Пруссіи или Швеціи, или же въ морской войнѣ съ Англіей, Франціей, Соединенными Штатами и т. п. Для послѣдней цѣли мы едва ли будемъ въ состояніи довести нашъ флотъ, какъ по финансовымъ соображеніямъ, такъ и по замерзаемости портовъ Балтійскаго моря, вслѣдствіе чего флоты другихъ державъ всегда могутъ быть сосредоточены ранѣе нашего. Для войны со Швеціей, какъ она ни мало вѣроятна, не нужно теперь значительнаго флота; остается слѣдовательно Германія. Недавно еще послѣдняя не имѣла вовсе военнаго флота, а теперь довела его до размѣровъ весьма внушительныхъ. Еслибъ Россія захотѣла имѣть на Балтійскомъ морѣ флотъ непремѣнно болѣе сильный, чѣмъ Германія, то это было бы безполезно — условія германскихъ береговъ таковы, что Франція съ флотомъ, несравненно сильнѣйшимъ нашего, ничего не могла подѣлать въ послѣднюю войну; оттого и въ этомъ случаѣ балтійскій флотъ нашъ не имѣетъ почти наступательнаго значенія, развѣ до войны можно будетъ вывести его за Зундъ.

На Черномъ морѣ русскій военный флотъ имѣетъ также преимущественно оборонительное значеніе; наступательное онъ можетъ имѣть только противъ Австріи и Турціи, да и то еще для перваго требуется согласіе послѣдней, весьма сомнительное. Для войны же съ Турціей черноморскій флотъ намъ безусловно необходимъ, а такъ какъ Турція

имѣетъ уже не мало броненосныхъ судовъ, то менѣе ея флота едва ли можемъ имѣть и мы. Но для того, чтобъ довести черноморскій флотъ до подобнаго состоянія, требуются еще значительные расходы, передъ которыми задумываться нечего, потому что роль черноморскаго флота въ политическомъ и въ военномъ отношеніи важнѣе для Россіи, чѣмъ роль флота балтійскаго, да и порты черноморскіе по большей части не замерзаютъ зимою.

Во всякомъ случаѣ и въ Балтійскомъ, и въ Черномъ моряхъ военный флотъ нашъ можетъ считаться какъ бы запертымъ. Для того, чтобъ русскій военный флотъ имѣлъ дѣйствительное значеніе въ Океанѣ, необходимо имѣть военные порты въ открытомъ морѣ.

Такіе порты Россія имѣетъ въ Архангельскѣ и Владивостокѣ. По географическому положенію, Бѣлое море было бы очень важнымъ пунктомъ для дѣйствій русскаго военнаго флота, такъ какъ отъ него недалеко до Нѣмецкаго моря и до великаго торговаго пути изъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ; къ сожалѣнію, двѣ трети года Бѣлое море покрыто льдомъ, и противники наши, пользуясь незамерзаемостью своихъ портовъ, всегда будутъ имѣть возможность держать это море въ блокадѣ, поэтому Морское Министерство обратило вниманіе на устройство военно-морской станціи въ Ледовитомъ океанѣ на незамерзающей части Варангерскаго залива, гдѣ въ старые годы, случалось, зимовали линейные корабли. Объ устройствѣ здѣсь пріюта для нашихъ крейсеровъ неоднократно подымался вопросъ въ печати, но никакихъ дальнѣйшихъ мѣропріятій по этому предмету не послѣдовало. Но, признавая стратегическое значеніе подобнаго перемѣщенія значительной части нашего военнаго флота въ Тихій и Ледовитый океаны, нельзя упускать изъ виду и сторону экономическую.

Мы выше видѣли, что Россія не можетъ обойтись безъ флота на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ; кромѣ того, на морской бюджетъ падаютъ расходы по гидрографической части, по содержанію маяковъ, по морскому образованію,

неподлежащіе, конечно, сокращенію. Очевидно, что изъ настоящаго бюджета не можетъ быть удѣлено для Тихаго океана (о Ледовитомъ пока умолчимъ) значительной части, да и сбереженные милліоны оказались бы очень скромными на Тихомъ океанѣ. Достаточно вспомнить, что весь нашъ Уссурійскій край, гдѣ предполагается развитіе военно-морскихъ силъ—совершенная пустыня, безъ торговли, промышленности, путей сообщенія, механическихъ заведеній; въ немъ также вовсе нѣтъ того, что составляетъ основу всякаго военнаго флота—берегового населенія, живущаго морскими промыслами. Оттого содержаніе въ этомъ морѣ флота, ремонтъ его, и особенно судостроеніе, обойдутся непомѣрно дорого; кромѣ того, жизнь въ такомъ пустынномъ краѣ всегда будетъ представляться для экипажей какъ бы ссылкою; понятно, что лишенія, сопряженныя съ этою жизнью, должны быть вознаграждаемы болѣе высокимъ содержаніемъ, которое отзовется на нашемъ морскомъ бюджетѣ. Наконецъ, по отдаленности своей, флотъ Тихаго океана не можетъ имѣть рѣшительнаго вліянія на ходъ военныхъ операцій въ Европѣ, а это не лишено значенія при тѣхъ громадныхъ издержкахъ, которыя вызываются содержаніемъ подобнаго флота.

Вотъ почему вопросъ о коренной реформѣ русскаго военнаго флота постоянно отлагается. Не слѣдуетъ, однако, оставаться въ неопредѣленномъ положеніи, безъ извѣстной программы; напротивъ, слѣдуетъ скорѣе принять нѣкоторыя приготовительныя мѣры для реформы — безцѣльность настоящей организаціи нашего военнаго флота и необезпеченность восточной окраины Россіи въ случаѣ войны не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Необходимость перевести нашъ флотъ въ открытое море подкрѣпляется еще тѣмъ соображеніемъ, что запертый постоянно въ замерзающихъ портахъ, онъ отучается отъ плаванія, доказательствомъ чему служатъ постоянныя столкновенія и другіе несчастные случаи съ судами военнаго флота. Необходимо также извѣстные рессурсы употреблять на двѣ вещи, безъ

которыхъ немыслимо прочное положеніе Россіи на Тихомъ океанѣ: на установленіе срочныхъ пароходныхъ сообщеній русскихъ владѣній по Тихому океану съ Америкою и Европою и на устройство тихо-океанской желѣзной дороги, черезъ Сибирь. Параллельно съ этимъ должны идти заботы о колонизаціи края, о развитіи въ немъ гражданственности и производства, и т. п. Безъ этого перенесеніе флота въ Тихій океанъ будетъ мѣрою искусственною.

Безъ громкихъ фразъ и самохвальства, тихо, но настойчиво, за время управленія Шестаковымъ Морскимъ Министерствомъ было сдѣлано чрезвычайно много для усиленія нашего могущества на морѣ. Для достиженія означенной цѣли потребовались улучшенія и личнаго состава, и матеріальной части военнаго флота.

Личный составъ былъ улучшенъ введеніемъ ценза. Мѣра эта, вызвавшая вопли и стоны, и несомнѣнно задѣвшая интересы многихъ служащихъ, была, какъ мы говорили уже, крайне необходима; она избавила военный флотъ отъ массы совершенно ему ненужныхъ людей въ высокихъ чинахъ и установила порядокъ, при которомъ морской мундиръ сталъ гарантіей, что лицо, его носящее, дѣйствительно морякъ, а не чиновникъ морского вѣдомства, состоящій извѣстное число лѣтъ на службѣ.

Измѣненіе программы кораблестроенія, необходимое для улучшенія матеріальной части военнаго флота, началось еще при управленіи Морскимъ Министерствомъ адмираломъ Лесовскимъ, но при И. А. Шестаковѣ оно было, наконецъ, твердо установлено и флотъ нашъ сталъ быстро пополняться необходимыми ему судами: броненосцами, крейсерами и миноносками. Еще въ 1867 г. 21-го мая, произнося рѣчь при открытіи памятника Лазареву, Шестаковъ предсказалъ скорое возрожденіе Черноморскаго флота. Черноморскій флотъ былъ, такъ сказать, созданъ заново. Шестаковъ, насколько могъ, шелъ по стопамъ своего учителя, Лазарева. Если дѣло не шло еще шибче, то причина тому недостатокъ денежныхъ средствъ, зависѣвшій отъ положе-

нія нашихъ финансовъ. По крайней мѣрѣ тѣ деньги, которыми располагало Морское Министерство, оно тратило разумно и цѣлесообразно, насколько это было возможно въ виду крайне противоположныхъ взглядовъ, существующихъ на задачи кораблестроенія и въ болѣе насъ преуспѣвшихъ государствахъ. И. А. ставили иногда въ вину, что онъ продолжалъ дѣлать заказы заграницею, но это, быть можетъ, зависѣло отъ желанія поскорѣе пополнить недостаточный составъ нашего флота.

Одновременно съ улучшеніемъ личнаго персонала и навигаціоннаго матеріала, было преобразовано все морское управленіе, какъ центральное, такъ и портовое, упразднены корпуса штурмановъ и морской артиллеріи, преобразованъ въ полугражданское вѣдомство корпусъ кораблестроительныхъ инженеровъ, заново же создана особая категорія морскихъ спеціалистовъ — минныхъ офицеровъ. Добровольный флотъ также подвергся преобразованію: онъ сдѣлался составной частью морского вѣдомства и пополняетъ недостатокъ въ транспортныхъ судахъ, служа отличною практическою школою для плаванія служащихъ.

Послѣднею крупною заслугою И. А. Шестакова было его личное обозрѣніе морскихъ учрежденій въ русскихъ портахъ Тихаго океана. Выше мы говорили, что только при свободномъ выходѣ въ океанъ Россія можетъ получить серьезное морское значеніе, и тотъ только флотъ, которому открытъ всемірный просторъ, можетъ сдѣлаться народнымъ дѣломъ, производительнымъ и успѣшнымъ. Помимо этого общаго интереса, флотъ нашъ на Тихомъ океанѣ имѣетъ еще особое значеніе: Японія быстро вступаетъ въ соперничество съ государствами стараго и новаго свѣта, и нѣтъ сомнѣнія, что на восточной окраинѣ русскихъ владѣній мы вскорѣ будемъ имѣть дѣло съ могущественнымъ, энергическимъ и предпріимчивымъ сосѣдомъ. А между тѣмъ горсть солдатъ и казаковъ, нѣсколько ничтожныхъ затерянныхъ поселеній, дикія туземныя племена — вотъ Россійская имперія передъ лицомъ богатой, сильной и быстро цивилизую-

щейся Японіи, и этотъ контрастъ съ каждымъ днемъ будетъ становиться все разительнѣе. Только морское могущество можетъ закрѣпить за Россіей ея восточную окраину. Послѣдствіемъ кругосвѣтной поѣздки Шестакова было сокращеніе такъ называемой сибирской флотиліи, увеличеніе русской эскадры, постоянно крейсирующей въ Тихомъ океанѣ, расширеніе морскихъ почтовыхъ сообщеній Приморской области съ Китаемъ и Японіей; приступлено также къ изслѣдованію мѣстнаго каменнаго угля и къ другимъ полезнымъ мѣропріятіямъ.

Такимъ образомъ тѣ ожиданія, которыя возбудили назначеніе И. А. Шестакова, были имъ съ честью оправданы и своею дѣятельностью на министерскомъ посту онъ достойно завершилъ долголѣтнюю службу на пользу отечеству. „Дѣятельность для меня необходима и я сложу руки развѣ въ гробу“, писалъ онъ еще въ 1853 г. и сдержалъ слово.

Графъ П. А. Шуваловъ.

Графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ родился 15-го іюля 1827 г. Мать его была полька—Валентиновичъ. Съ дѣтства поставленный въ счастливыя условія близости ко двору, онъ всю карьеру сдѣлалъ съ быстротою чрезвычайною. По окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ, поступивъ въ Конногвардейскій полкъ и состоя затѣмъ адъютантомъ военнаго министра, это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ и красивыхъ гвардейскихъ офицеровъ и ярыхъ театраловъ и балетомановъ въ столицѣ. И въ высокихъ чинахъ графъ сохранилъ ловкость придворнаго кавалера и производилъ впечатлѣніе на женщинъ. Изящная внѣшность была даже однимъ изъ предлоговъ для начала его дипломатической карьеры.

Когда князь А. Ѳ. Орловъ ѣхалъ заключать Парижскій

трактатъ, то, зная, что при дворѣ Франціи антуражъ императрицы Евгеніи состоитъ изъ жаждущихъ веселія придворныхъ красавицъ, опытный дипломатъ взялъ съ собою трехъ красивѣйшихъ флигель-адъютантовъ: это были графъ Петръ Андреевичъ, Альбединскій и графъ Н. В. Левашевъ. Всѣ они имѣли успѣхъ при тюльерійскомъ дворѣ.

Въ 1858 г. графъ Петръ Андреевичъ сдѣлался с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ. На этой должности онъ пріобрѣлъ нѣкоторую популярность. Желая облагородить полицію, репутація которой стояла тогда очень низко, онъ привлекъ къ должностямъ слѣдственныхъ приставовъ правовѣдовъ, а частныхъ приставовъ—гвардейскихъ офицеровъ. Съ внѣшней стороны реформа удалась вполнѣ, манеры полиціи измѣнились, а обыватели не дерзали уже къ праздникамъ посылать какую нибудь „зелененькую". Послѣдняя не соотвѣтствовала болѣе достоинству новыхъ дѣятелей.

Продолжая карьеру быстрыми скачками, графъ Петръ Андреевичъ, бывшій послѣ своего оберъ-полиціймейстерства директоромъ департамента общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и управляющимъ III отдѣленіемъ Собственной е. и. в. канцеляріи, въ 1864 году, т. е. не имѣя еще тридцати семи лѣтъ, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ губерній вмѣсто барона Ливена, человѣка, по словамъ гр. Муравьева, „слабаго и мало-смышленнаго". Общественное мнѣніе привѣтствовало это назначеніе съ удовольствіемъ, полагая, что графъ будетъ проводить тамъ русскую политику. Надобно замѣтить, что въ это время грустный опытъ польскаго возстанія указалъ уже на опасность существовавшей на окраинахъ системы. Какъ оказывается теперь, онъ вовсе не дѣйствовалъ, однако, въ ожидаемомъ публикою направленіи, а продолжалъ нѣмецкую политику князя А. А. Суворова, политику, состоявшую въ искорененіи тѣхъ ограниченій германизаціи, которыя были изданы при Николаѣ I въ 40-хъ годахъ, и въ содѣйствіи къ возможно большему обособленію Прибалтій-

скаго края, откуда уже къ полной автономіи, подобной финляндской, одинъ шагъ.

Графъ Петръ Андреевичъ, конечно, объ этой автономіи не помышлялъ, но его политическія воззрѣнія заставляли относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ господству въ Прибалтійскомъ краѣ феодаловъ. Въ Ригѣ нѣмцы какъ будто бы и поддавались сначала нѣкоторымъ его требованіямъ въ пользу крестьянъ и для поддержанія русской власти, что удовлетворяло ожиданіямъ покойнаго государя и русскаго общественнаго мнѣнія, но затѣмъ спустили его, какъ человѣка, который, сблизившись съ ними, могъ имъ быть болѣе полезенъ въ петербургскихъ сферахъ; тогда какъ, познакомившись ближе съ дѣломъ, можетъ быть и сталъ бы дѣйствовать иначе. Находясь въ Ригѣ, графъ Шуваловъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ существующихъ въ Прибалтійскомъ краѣ ограничительныхъ законовъ для евреевъ и о разрѣшеніи послѣднимъ права повсемѣстнаго жительства.

Замѣчательно, что и къ полякамъ, находясь у власти, онъ относился снисходительно, отстаивая въ духѣ „Вѣсти" интересы польскихъ помѣщиковъ, хотя въ 1863 г. командуя отрядомъ, охранявшимъ С.-Петербургско-Варшавскую желѣзную дорогу отъ повстанцевъ, онъ передалъ императору Александру Николаевичу записку Назимова о настоятельной необходимости прекратить обязательныя отношенія крестьянъ въ Западномъ краѣ къ помѣщикамъ, послѣдствіемъ чего и былъ извѣстный указъ 1 марта 1863 г., нанесшій главный ударъ польскому вліянію въ Западномъ краѣ.

Вообще графъ Шуваловъ былъ почитателемъ англійскаго устройства, но исключительно съ точки зрѣнія ультраторійской партіи; изъ этого устройства ему нравилось значеніе помѣстнаго дворянства и крайняя мнительность въ отношеніи нововведеній. Реформаторскаго увлеченія, охватившаго послѣ Крымской войны наше общество, графъ Петръ Андреевичъ вовсе не одобрялъ, и вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, графомъ Андреемъ Павловичемъ, княземъ

В. В. Долгоруковымъ и княземъ А. С. Меншиковымъ, стоялъ во главѣ противниковъ отмѣны крѣпостного права.

Вліяніе этой партіи,—хотя ей удалось послѣ Ланского отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ устранить Н. А. Милютина и посадить казавшагося имъ единомышленникомъ графа П. А. Валуева,—очень ослабѣло въ началѣ 60-хъ годовъ; но студенческіе безпорядки, прокламаціи, пожары, возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, дѣятельная соціалистическая пропаганда въ печати и школѣ и, наконецъ, покушеніе Каракозова произвели довольно рѣзкое измѣненіе во взглядахъ правительства, выразившееся въ извѣстномъ рескриптѣ на имя кн. П. П. Гагарина. Хотя реформы по инерціи продолжались, но исполненіе ихъ доставалось уже людямъ, которые имъ въ душѣ не сочувствовали и задачею своею ставили возможное ослабленіе ихъ при примѣненіи на практикѣ.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что утомленіе быстрыми реформами и сознаніе, что русскіе правящіе классы къ нимъ неподготовлены, раздѣлялось даже и въ либеральномъ лагерѣ. Такъ Самаринъ писалъ Н. Милютину:

Реакція естественна. Я вижу въ ней не столько сомнѣніе въ справедливости нашего дѣла, сколько желаніе передохнуть послѣ того напряженія ума и воли, которое такъ непривычно извѣстной средѣ. Мнѣ кажется, что оттуда какъ бы исходятъ къ намъ эти слова: «Ну, Богъ съ вами! Дѣлайте, что хотите, только оставьте насъ въ покоѣ. Теперь вы удовлетворены; не смѣйте болѣе приставать, и да будетъ все тихо и спокойно!» Но именно отдыха и спокойствія всего менѣе можно ожидать... Я убѣжденъ, что въ теченіе года мы увидимъ еще не одну, но можетъ быть двѣ или три перемѣны. При современныхъ обстоятельствахъ, при нынѣшнемъ настроеніи умовъ, люди износятся быстро,—какъ бальныя перчатки,—и благополучіе тѣмъ, которые въ это время будутъ въ сторонѣ! Прежде нежели придадутъ дѣламъ опредѣленное направленіе и прежде нежели стойкая и послѣдовательная политика сдѣлается возможною, пройдетъ довольно времени, въ теченіе котораго мы все-таки будемъ двигаться, но зигзагами. Что же касается до возможности послѣдовательной реакціи, то я безусловно отказываюсь вѣрить въ нее и не опасаюсь ея.

Найти, однако, опредѣленную и послѣдовательную политику для государства не легко. Требуется тутъ геній. Всякое государственное устройство, подобно всякому человѣку, имѣетъ тѣ недостатки, которые проистекаютъ изъ его хорошихъ качествъ. Если народъ желаетъ главнымъ образомъ прочности существующихъ учрежденій, то онъ долженъ требовать отъ дѣятельности правительства осмотрительной медленности; но при этомъ не должно забывать, что эта дѣятельность окажется лишенной всякой энергіи въ такую минуту, когда энергія наиболѣе необходима. Мы это испытали въ Крымскую войну. Наоборотъ, если желаютъ имѣть правительство, способное къ скорой и энергической дѣятельности и съ этою цѣлью направляютъ всю власть въ опредѣленномъ реформаторскомъ направленіи, то подвергаются опасности, что будутъ сдѣланы, по торопливости, непоправимыя ошибки.

Россія не первая выступала на путь реформъ, казавшихся такъ легко осуществимыми, но чѣмъ внимательнѣе мы изучаемъ исторію реформъ и чѣмъ глубже мы сами погружаемся въ потокъ господствующихъ въ наше время идей, тѣмъ болѣе мы сознаемъ силу этого потока и тѣмъ яснѣе мы видимъ, что человѣческія предвидѣнія и человѣческія предначертанія не имѣютъ большого значенія, что правительства подчиняются какому-то неизбѣжному року или волѣ Провидѣнія, сами нерѣдко не зная куда приведетъ избранный ими путь.

Несомнѣнно одно, что примѣненіе свободныхъ учрежденій весьма затруднительно. „Всякій, кому пришлось познакомиться на практикѣ съ свободными государственными учрежденіями", очень вѣрно замѣчаетъ Д. Брайсъ, глубоко изучившій американскія учрежденія („Американская республика", т. I), „долженъ удивляться только тому, что такія учрежденія могутъ быть употребляемы въ дѣло. Первое побужденіе человѣческаго рода заключается въ готовности слѣдовать за другими и повиноваться; его натуральное состояніе заключается скорѣе въ рабствѣ, чѣмъ въ свободѣ.

Когда у болѣе развитыхъ народовъ зарождается свобода, то вмѣстѣ съ ней зарождаются раздоры и крамолы; и только по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій могутъ возникнуть и та привычка къ взаимной уступчивости, и та любовь къ порядку, и то уваженіе къ общественному мнѣнію, благодаря которымъ демократическая система управленія становится сносной. Свободныя учрежденія могутъ дѣйствовать только благодаря здравому смыслу и патріотизму народа или руководящаго сословія; а этотъ здравый смыслъ и этотъ патріотизмъ воплощаются въ обычаяхъ и въ традиціяхъ, которые невозможно подробно описать".

Съ этой точки зрѣнія реакція начала 60-хъ годовъ имѣла полныя основанія. Къ сожалѣнію, она не происходила, какъ водится обыкновенно, т. е. чтобы партія консервативная смѣнила у власти либеральную. У насъ выходило такъ, что одни вѣдомства либеральничали, а другія какъ будто рѣшительно обращались вспять; новыя реформы, и весьма рѣшительныя, напр. судебная, вводились въ моментъ, когда къ старымъ старались найти задержки, притомъ исключительно во второстепенныхъ и личныхъ вопросахъ, не касаясь существа дѣла.

Эта противорѣчивая система, имѣвшая, какъ указалъ опытъ, весьма вредныя и опасныя послѣдствія, преобладала во все время нахожденія графа Шувалова во главѣ III отдѣленія Собственной его и. величества канцеляріи, т. е. съ 1866 по 1874 годъ. По значенію, которое имѣлъ тогда покойный, графъ былъ какъ бы первымъ министромъ. Хотя функціи III Отдѣленія настолько были ограничены, что непосредственнаго вліянія на дѣла начальникъ его имѣть не могъ, но вліяніе Шувалова, кромѣ роли ближайшаго совѣтника покойнаго государя, усиливалось тѣмъ, что на выдающихся для внутренней политики постахъ министровъ внутреннихъ и юстиціи находились его креатуры. Канцеляріи высшихъ государственныхъ учрежденій также были у него въ рукахъ.

Все время своего пребыванія во главѣ III Отдѣленія

графъ Петръ Андреевичъ не пользовался популярностью ни общества, ни петербургскихъ салоновъ, скорѣе наоборотъ, хотя надобно признаться, что за неимѣніемъ достаточнаго числа опубликованныхъ документовъ, трудно сдѣлать пока безпристрастную оцѣнку дѣятельности графа Шувалова въ отношеніи внутренней политики. 60-е годы были эпохою увлеченія и тогдашнія порицанія и панегирики требуютъ перевѣрки и безусловнаго значенія мы имъ не придаемъ. Въ интересахъ Россіи тогда требовалось и еще быть можетъ болѣе консервативное направленіе, но, преслѣдуя таковое, во всякомъ случаѣ графъ Петръ Андреевичъ не въ ту сторону направилъ свои громы, куда слѣдовало. По этому поводу достаточно вспомнить хоть исторію съ Аксаковымъ, которая потомъ имѣла нѣкоторое вліяніе на его карьеру.

Всемогущій въ глазахъ непосвященныхъ, графъ Шуваловъ, независимо отъ вѣдомствъ, какъ военнаго, такъ и морского, гдѣ слѣдовали совершенно противоположному направленію, имѣлъ не мало противниковъ и въ придворныхъ сферахъ. Эта оппозиція постепенно пріобрѣтала силу, и графъ былъ назначенъ нашимъ посломъ въ Лондонъ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что отъ такого перемѣщенія наши дѣла внутреннія нисколько не выиграли. Не смотря на усиленіе вліянія графа Д. А. Милютина, колебанія между противоположными направленіями внутренней политики продолжались до 1880 г. и еще, пожалуй, усилились; параллельно съ этимъ росла и анархія въ общественномъ настроеніи. Не выиграла отъ перемѣщенія и наша дипломатія.

При своихъ несомнѣнныхъ способностяхъ, графъ Петръ Андреевичъ, быть можетъ, былъ бы хорошимъ представителемъ Россіи въ другой странѣ, кромѣ Англіи; но въ Лондонѣ, при его преклоненіи передъ англійскими порядками, вынужденный постоянно защищать несимпатичную для него на Востокѣ политику графа Н. П. Игнатьева, онъ находился въ неловкомъ положеніи. На бѣду судьба поставила

во главѣ англійскихъ дѣлъ человѣка геніальнаго, хотя и со слабостями—лорда Биконсфильда; послѣдній безъ труда проводилъ графа Петра Андреевича. Такъ, послѣдній и не подозрѣвалъ о договорѣ англичанъ съ турками, повлекшемъ къ уступкѣ Англіи острова Кипра и протектората надъ Малою Азіею.

Уже ранѣе первый дебютъ графа Петра Андреевича на дипломатическомъ поприщѣ по отношенію къ русско-англійской политикѣ былъ не совсѣмъ удаченъ. Именно въ 1873 г. онъ заявилъ, что мы никогда не возьмемъ себѣ Хивы и ея территоріи, чѣмъ связалъ намъ руки послѣ занятія Хивы войсками генерала фонъ-Кауфмана. Такую же уступчивость проявилъ Шуваловъ и относительно учрежденія нейтральной полосы изъ Афганистана, по отношенію къ которому Англія постоянно брала отъ насъ различныя обязательства, не давая съ своей стороны никакихъ обѣщаній.

Но гдѣ вліяніе графа Шувалова проявилось во всей силѣ, такъ это въ послѣднюю Восточную войну. Берлинскій трактатъ 1-го (13-го) іюня 1878 года увѣнчалъ его неутомимую дѣятельность въ теченіе двухъ лѣтъ. И самъ графъ Петръ Андреевичъ смотрѣлъ, повидимому, на свои труды по конгрессу какъ на заслуживающіе награды, по крайней мѣрѣ, диктуя извѣстныя корреспонденціи въ „Голосъ“ изъ Берлина въ 1878 г., онъ включилъ туда фразу, что заслужилъ отъ Россіи памятникъ. Вообще Шуваловъ, обладая большимъ характеромъ, не отказывался нести отвѣтственность за свои поступки.

Во все время, отъ начала герцоговинскаго возстанія до объявленія войны, графъ Шуваловъ былъ противъ энергическаго вмѣшательства Россіи въ турецкія дѣла, въ чемъ сходился съ кн. Горчаковымъ, который, какъ потомъ оказалось, далеко не былъ сторонникомъ рѣшительной политики. Нерѣшительность эта, между тѣмъ, и сдѣлала войну неотложною. Съ другой стороны, проволочка, разоряя насъ въ финансовомъ отношеніи, дала возможность туркамъ отлично вооружиться и укрѣпиться на англійскія деньги.

Еще за три недѣли до объявленія войны графъ Шуваловъ подписалъ съ лордомъ Дерби извѣстный протоколъ 19-го (31-го) марта о согласіи Европы улучшить участь турецкихъ христіанъ.

Когда война была, наконецъ, объявлена, Англія черезъ посредство графа Петра Андреевича добилась важной уступки, что Россія не сдѣлаетъ восточную часть Средиземнаго моря полемъ военныхъ дѣйствій; такимъ образомъ Балтійскій флотъ былъ обреченъ на бездѣйствіе, Константинополь не могъ быть блокированъ, а Египетъ открыто помогалъ Турціи. Такого унизительнаго условія англичане не рѣшились предложить Россіи даже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Но это были цвѣточки передъ тѣмъ, что насъ ждало впереди. Необыкновенно быстрые успѣхи русской арміи послѣ перехода черезъ Балканы заставили струсить англичанъ. Они сдѣлали всѣ усилія, чтобы остановить наши войска у Константинополя. Австро-Венгрія первая измѣнила намъ и перешла на сторону противниковъ. Но ни Англія, ни Австро-Венгрія къ войнѣ готовы не были и, не смотря на всѣ ихъ родомонтады, воевать бы не стали. Вотъ тутъ-то и проявилось вліяніе графа Петра Андреевича; онъ былъ убѣжденъ и убѣдилъ другихъ, что англичане рѣшились воевать во что бы то ни стало и тѣмъ вынудилъ сдѣлать вещь въ исторіи неслыханную — договоръ побѣдителя съ побѣжденнымъ отдать на пересмотръ своимъ исконнымъ врагамъ! Пока шли коварные переговоры объ условіяхъ этого пересмотра, Англія и Австро-Венгрія быстро вооружались, а русская армія вымирала отъ тифа у стѣнъ Константинополя.

Статьи Берлинскаго договора были заранѣе условлены графомъ Шуваловымъ въ Лондонѣ и имъ же привезены въ Петербургъ до конгресса. Достигнутое предварительными переговорами съ Англіею соглашеніе не избавляло, однако, насъ отъ необходимости посчитаться и съ австро-венгерскими притязаніями. Князь Бисмаркъ, защищая недавно роль Германіи на Берлинскомъ конгрессѣ, заявилъ, что онъ

самъ изумился содержанію предварительныхъ условій, но смѣшно было, прибавилъ онъ иронически, отъ него требовать, чтобы онъ сталъ „болѣе русскимъ, чѣмъ сами русскіе".

Истина великая! Берлинскій конгрессъ раскрылъ всѣ карты. Князь Горчаковъ, подъ предлогомъ своей старости и болѣзней, старался умыть, что называется, руки и предоставилъ графу Петру Андреевичу честь расхлебывать заваренную кашу. Шуваловъ велъ горячіе споры съ Дизраэли, торговавшимся, какъ приличествовало представителю его расы, но всѣ поняли, что это дѣлается для публики, участь же Россіи рѣшена и отъ ея гигантскихъ пожертвованій кровью и деньгами выиграютъ всѣ, даже румынскіе жиды— одна Россія останется почти ни съ чѣмъ.

Даже такіе хладнокровные люди, какъ нашъ главнокомандующій гр. Э. И. Тотлебенъ, не скрывали своего неудовольствія и раздраженія противъ рѣшеній Берлинскаго конгресса. На этотъ счетъ очень любопытенъ отзывъ графа Тотлебена о дипломатахъ конгресса въ перепискѣ, приложенной ко второму тому его біографическаго очерка (письмо изъ Андріанополя, отъ 22 сентября 1878 г.). Въ своей всеподданнѣйшей запискѣ о конгрессѣ кн. Горчаковъ написалъ:„ Берлинскій трактатъ есть самая черная страница въ моей служебной карьерѣ". Покойный государь изволилъ приписать къ этимъ строкамъ собственноручно: „и въ моей также". И въ литературѣ международнаго права, не смотря вообще на ненависть иностранныхъ писателей къ Россіи, Берлинскій конгрессъ считается возвращеніемъ къ порядкамъ, существовавшимъ въ дипломатіи полвѣка назадъ*).

*) Несомнѣнно, говоритъ Г. И. Бобриковъ, нашъ военный уполномоченный на конгрессѣ („Русс. Вѣстникъ", т. ССХ, 1889 г.), что въ Берлинѣ мы были вообще уступчивы. Чтобы скорѣе выйти изъ напряженнаго состоянія и избѣжать возможности новыхъ международныхъ усложненій, мы, быть можетъ, слишкомъ легко шли на уступки, не прозрѣвая въ намѣреніяхъ соперничествующихъ державъ, дѣйствительно ли стояла за ихъ требованіе рѣшимость войны, или то была ловко замаскированная пустая угроза. Такому положенію, конечно, много

Послѣ Берлинскаго конгресса активная роль графа Петра Андреевича закончилась. Возвращаясь въ Лондонъ въ октябрѣ 1878 г., онъ посѣтилъ разные дворы для новыхъ увѣреній въ миролюбивомъ настроеніи Россіи! Такъ какъ Берлинскій договоръ дѣйствительно вызвалъ общее негодованіе въ Россіи и нѣмцы стали опасаться рано или поздно возмездія за ихъ двуличное поведеніе на конгрессѣ, то поторопились заключить въ 1879 г. тайный союзъ съ Австро-Венгріею противъ Россіи. Извѣстіе объ этомъ союзѣ было встрѣчено очень дурно въ Петербургѣ и на графа Шувалова, косвеннаго виновника этого опаснаго для Россіи соглашенія, была возложена миссія съѣздить въ Варцинъ къ Бисмарку и въ Вѣну.

Съ перемѣною царствованія и съ кореннымъ измѣненіемъ направленія внутренней и внѣшней политики, графу Петру Андреевичу, ставшему въ противоположность съ 1873 годомъ, persona grata при берлинскомъ дворѣ, не оставалось ничего болѣе, какъ удалиться вовсе отъ дѣлъ. Хотя молва выставляла его иногда кандидатомъ на разные посты, но въ этихъ слухахъ не было, повидимому, основанія. Лордъ Дюфферинъ, когда былъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, сказалъ какъ-то: „Вѣроятно Россія очень богата государственными людьми, если можетъ обходиться безъ услугъ графа Шувалова“. Очевидно, иностранцамъ и особенно англичанамъ бездѣйствіе покойнаго было въ тягость и они охотно предпочли бы видѣть русскую дипломатію въ рукахъ человѣка съ космополитическимъ характеромъ.

Оцѣнки дѣятельности графа Шувалова, появившіяся послѣ его смерти, вызвали цѣлую полемику въ газетахъ. Не только нашлись защитники графа Шувалова — что было естественно — но и люди, протестовавшіе противъ самаго права дѣлать оцѣнку столь крупнаго государственнаго дѣятеля пока не напечатаны документы, выражающіе его дѣя-

---

содѣйствовала полная изолированность, въ которой мы явились на Берлинскомъ конгрессѣ, какъ будто послѣдній былъ для насъ совершенною неожиданностью и не могъ быть нами предвидѣнъ“.

тельность. Нашлись и наивные публицисты, выставившіе софизмы, что о государственныхъ дѣятеляхъ при жизни писать нельзя потому, что они отвѣчать не могутъ, а слѣдовательно „безоружны", послѣ смерти же также писать нельзя, ибо это значитъ „незаслуженно оскорблять чувства ихъ близкихъ".

Жизнь каждаго общественнаго дѣятеля отъ могущественнаго министра до скромнаго писателя принадлежитъ исторіи съ момента выступленія ихъ на публичное поприще. Промолчать о дѣятельности или ограничиться перепечаткою формулярнаго списка человѣка, который руководилъ нѣсколько лѣтъ судьбами Россіи, было бы пренебреженіемъ къ памяти такого человѣка. Затѣмъ газеты представляютъ также своего рода служеніе и публика требуетъ отъ нихъ безпристрастнаго отчета о текущихъ событіяхъ, не обращая вниманія на личныя симпатіи и антипатіи редакцій. Какъ иногда артистъ поетъ передъ публикой въ моментъ, когда онъ получилъ извѣстіе о смерти отца, такъ и газеты обязаны дѣлать оцѣнку каждому сошедшему со сцены дѣятелю, не разбирая, закрылась или нѣтъ для близкихъ ему людей могила почившаго. Вспомнимъ мудрыя слова Сенеки: „О мертвыхъ надобно плакать недолго, а поступковъ ихъ никогда не забывать".

Неужели, если завтра скончается князь Бисмаркъ, органы европейской печати будутъ ждать 30 или 50 лѣтъ, пока „разогнутся историческія хартіи" архивовъ, чтобы высказать свое мнѣніе о великомъ канцлерѣ? Да и что это за „молчаливая историческая правда?" Исторія подразумѣваетъ не молчаніе, а слово. Мы убѣждены, впрочемъ, что исторія, по крайней мѣрѣ русская исторія, произнесетъ надъ дѣятельностью графа Шувалова приговоръ болѣе суровый, чѣмъ рѣшились сдѣлать наши газеты подъ первымъ впечатлѣніемъ.

Во всякомъ случаѣ напрасно обвиняли газеты въ „слабой памяти" и выставляли графа Шувалова лишь орудіемъ по исполненію инструкцій и приказаній, шедшихъ

изъ Петербурга. Въ этомъ же смыслѣ высказалась и наша французская дипломатическая газета, защищая графа Шувалова. Не говоря уже о томъ, что это утвержденіе является въ то же время обвиненіемъ для другихъ лицъ, которое тоже нельзя бросать, не доказывая его точно, оно противорѣчитъ и всѣмъ извѣстнымъ фактамъ. Для вѣрности исторіи не нужно непремѣнно канцелярскихъ документовъ, свидѣтельство живыхъ людей поважнѣе той бумаги, которая „все терпитъ". А какіе документы объяснятъ слова, сказанныя графомъ Шуваловымъ передъ конгрессомъ кн. Бисмарку: „Я ѣду въ Петербургъ воевать съ ультра-русскою партіею", или сказанныя во время конгресса депутатамъ Сербіи и Черногоріи (какъ свидѣтельствуетъ Ристичъ): „Идите къ графу Андраши, ваше будущее зависитъ отъ Австріи".

Вѣдь этихъ словъ не вышибешь изъ исторіи никакими архивными связками. Затѣмъ близкая дружба покойнаго графа къ Дерби и его семейству, противодѣйствіе къ пріѣзду въ Лондонъ графа Игнатьева съ извѣстнымъ протоколомъ, пріѣзду, который могъ бы привести къ замѣнѣ Дерби болѣе серьезнымъ и спокойнымъ (какъ подтвердилъ опытъ) лордомъ Салисбюри, всѣмъ хорошо извѣстны и безъ архивныхъ документовъ.

Безъ разборки архивовъ, всѣмъ вѣдомо — ибо все это происходило въ присутствіи десятковъ живыхъ еще лицъ,— что графъ Шуваловъ былъ постояннымъ противникомъ всѣхъ мѣръ, которыя принимались у насъ противъ поляковъ, нѣмцевъ и евреевъ на окраинахъ. Роль покойнаго въ горячихъ преніяхъ, повлекшихъ за собою болѣзнь Н. А. Милютина, въ устраненіи отъ дѣлъ просвѣщенныхъ консерваторовъ въ родѣ кн. Щербатова, въ закрытіи петербургскаго земства, также всѣмъ и безъ документовъ извѣстна. Защищая политику графа Шувалова въ Ригѣ, родственникъ графа, кн. Голицынъ, говорилъ, что въ то время объ „обрусеніи" не было и рѣчи. Да не объ обрусеніи и шла рѣчь. Между обрусеніемъ окраинъ и снисхо-

дительностью къ ихъ автономическимъ стремленіямъ—цѣлая пропасть.

Можно ли утверждать, что будь въ Берлинѣ на мѣстѣ графа человѣкъ „популярный", то Россія осталась бы довольна Берлинскимъ трактатомъ? Это голословное утвержденіе также лишено основанія, какъ и то, что графъ Шуваловъ устранялся отъ участія въ конгрессѣ и игралъ въ немъ вторую роль, рядомъ съ г. Убри. Скорѣе надобно думать, что завѣтною мыслью графа (и это мы вовсе не ставимъ ему въ укоръ) было сдѣлаться министромъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы дать иностранной политикѣ Россіи такое направленіе въ извѣстномъ смыслѣ, какое онъ далъ передъ тѣмъ внутренней.

Нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что мы предлагали для внутренней политики подождать нѣкоторыхъ разъясненій съ нашими заключеніями о дипломатической карьерѣ графа. Во время своего верховенства во внутренней политикѣ онъ занималъ должность главноначальствующаго III Отдѣленія. Роль этого Отдѣленія, какъ извѣстно, была отрицательная, а не созидательная. Поэтому требуется тщательный разборъ многочисленныхъ мѣропріятій за семь лѣтъ для уловленія того вліянія, которое графъ Шуваловъ имѣлъ, ибо оно могло выражаться лишь косвенно. Другое дѣло тамъ, гдѣ, какъ въ дипломатіи, слова и поступки его были у всѣхъ на виду.

Въ заключеніе мы повторимъ, что не отрицаемъ ни достоинствъ ума графа, ни его блестящихъ дарованій, не хотимъ умалять его значенія, какъ государственнаго человѣка и перваго министра, но никакія сантиментальныя соображенія не заставятъ измѣнить взгляда, который Аксаковъ и др. публицисты высказывали и при жизни графа Шувалова, что онъ въ своей политической дѣятельности не былъ представителемъ истинно-русскихъ государственныхъ интересовъ, по крайней мѣрѣ такъ, какъ ихъ понимаетъ національная историческая школа. Это, впрочемъ, не первый случай въ нашей исторіи.

[redacted]

МОРЕПЛАВАТЕЛИ.

Мореплаватели.

И. Ѳ. Крузенштернъ.

6-го ноября (1874 г.) открытъ, тихо и незамѣтно для публики, сооруженный на частныя средства, при небольшомъ пособіи отъ правительства, памятникъ одному изъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей нашего военнаго флота, адмиралу Ивану Ѳедоровичу Крузенштерну, имя котораго, какъ перваго русскаго кругосвѣтнаго мореплавателя *), извѣстно всѣмъ, кто проходилъ хотя краткое руководство по географіи. Мы очень еще бѣдны по части памятниковъ; еще менѣе мы сооружаемъ ихъ въ сознаніи и воспоминаніи народномъ; до сихъ поръ память даже такихъ крупныхъ дѣятелей, какъ патріархъ Никонъ, Татищевъ, Сперанскій, Ермоловъ, Пушкинъ, Гоголь и др. не увѣковѣчена еще приличными монументами. Въ этомъ случаѣ нашимъ морякамъ посчастливилось болѣе другихъ: въ короткій относительно промежутокъ времени поставлены памятники адмираламъ Лазареву въ Севастополѣ, Беллингсгау-

*) Слово „кругосвѣтный“ изобрѣлъ А. П. Лазаревъ, давая отчетъ о своемъ плаваніи въ 1819 г. на шхунѣ „Ладога“. Оно вызвало протесты. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что кн. Вяземскій въ 30-хъ годахъ увѣрялъ, что слова „благодарность“ и „талантливый“, сдѣлавшіяся столь обыкновенными, могутъ употреблять только лабазники!

зену въ Кронштадтѣ, Грейгу въ Николаевѣ и, наконецъ, Крузенштерну въ Петербургѣ. Такое вниманіе дѣлаетъ величайшую честь нашей семьѣ моряковъ, показывая, что она свято чтитъ память людей, прославившихъ имя русскаго моряка. Если къ числу дѣятелей на морѣ, которымъ уже воздвигнуты памятники, прибавить сподвижниковъ Екатерины: адмираловъ Грейга, Спиридова и Чичагова, адмирала Сенявина, графа Гейдена, командовавшаго эскадрой подъ Навариномъ, героевъ Синопа и Севастополя— Нахимова и Корнилова, знаменитаго гидрографа Врангеля и тѣхъ безвѣстныхъ дѣятелей, которые сдѣлали опись сѣвернаго берега Азіи, то можно сказать, что мы исполнили бы долгъ благороднаго и внимательнаго потомства.

Путешествія вокругъ свѣта сдѣлались теперь такою зарядною вещью не только для записныхъ моряковъ, но и для обыкновенныхъ туристовъ, мало-мальски терпѣливыхъ и предпріимчивыхъ, что людямъ, незнакомымъ съ исторіей мореплаванія, первое русское путешествіе вокругъ свѣта не должно казаться подвигомъ чрезвычайнымъ. Каждый годъ многія суда нашего военнаго флота плаваютъ теперь вокругъ свѣта; даже коммерческіе пароходы и суда свободно отправляются по нѣскольку разъ въ годъ въ Китай. Но семьдесятъ лѣтъ тому назадъ условія подобнаго плаванія были совсѣмъ другія. Всякое судно, отправляясь въ Тихій океанъ, не должно было разсчитывать найти тамъ ни доковъ для починки, ни гостепріимства, и полагалось только на свои силы. Расходы кругосвѣтныхъ плаваній съ научною цѣлью казались также слишкомъ значительными для скромныхъ государственныхъ бюджетовъ того времени.

Поэтому не только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но до конца пятидесятыхъ годовъ кругосвѣтное плаваніе было для нашихъ судовъ величайшею рѣдкостью, не смотря на обширныя владѣнія Россіи въ Тихомъ океанѣ. Изъ интересной книги покойнаго Ивашинцева „Русскія кругосвѣтныя путешествія“ видно, что съ 1803 по 1849 годъ, т. е. въ сорокъ шесть лѣтъ, было совершено русскими 34 кру-

госвѣтныхъ путешествія, причемъ за таковое считались и переходъ изъ Кронштадта въ Ситху. Въ этихъ путешествіяхъ участвовали 21 военное судно, 16 судовъ Россійско-Американской компаніи и 1 частное судно (бригъ „Рюрикъ" графа Румянцова). Описаніе восьми изъ этихъ путешествій, предпринятыхъ съ ученою цѣлью, именно Крузенштерна и Лисянскаго, Головнина (двукратнаго), Коцебу (двукратнаго), Беллингсгаузена и Лазарева (двукратнаго) и Литке, изданныя съ немалыми задержками и затрудненіями, доставили ихъ авторамъ почетную извѣстность. Посылка остальныхъ судовъ имѣла исключительно служебный или торговый характеръ.

Медленность, съ которою мы даже въ нынѣшнемъ столѣтіи выступали на путь дальнихъ плаваній, зависѣла какъ отъ необъяснимыхъ почти предразсудковъ, господствовавшихъ въ высшей петербургской администраціи, такъ и отъ системы, которая побуждала имѣть въ Россіи обширный военный флотъ, построенный не на силахъ торговаго флота, о которомъ всегда мало заботились, а на неблагодарномъ трудѣ обращенія въ моряки многолѣтней службой жителей внутреннихъ губерній, ничего общаго съ моремъ не имѣющихъ. Мы постоянно гнались за тѣмъ, чтобъ имѣть многочисленный флотъ, не заботясь объ его морскихъ качествахъ.

Наука признаетъ теперь такъ называемыя „врожденныя склонности", но изъ наиболѣе выдающихся исключеній изъ общаго правила нужно признать Петра Великаго, на маловодной рѣкѣ Москвѣ почувствовавшаго неодолимую страсть къ морю. Петръ не могъ, однако, передать эту любовь къ морю всему своему народу, который и природа, и историческія условія сдѣлали народомъ континентальнымъ. Русское племя, постепенно раздвигая свои владѣнія — на востокъ колонизаціей и на западъ завоеваніемъ—пригранично къ государству семь морей и два океана, но за малыми исключеніями осталось само чуждо морской дѣятельности. И это очень понятно. При взглядѣ на этнографическую карту видно, что

русскіе поселились у моря, и то мѣстами, только по Бѣлому морю; затѣмъ берега Балтійскаго, Каспійскаго и даже Чернаго и Азовскаго морей почти сплошь населены инородческими элементами: финнами, латышами, эстами, греками, татарами, калмыками, персіанами, и при томъ довольно слабо. При такихъ условіяхъ русскій флотъ съ русскимъ экипажемъ могъ естественно создаться только на нѣкоторыхъ пунктахъ нашего отечества.

Во всякомъ случаѣ, если воспомнить, что уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ новгородцы нападали съ моря на Финляндію и плавали на Шпицбергенъ, а запорожцы на мелкихъ „чайкахъ" разоряли берега Анатоліи, а въ прошломъ столѣтіи казаки и якутскіе купцы открыли и изслѣдовали значительную часть Сѣверной Америки и Тихаго океана, то въ морскомъ отношеніи прогрессъ нашъ покажется очень незавиднымъ. Онъ и не могъ быть другимъ, потому что въ теченіе полутораста лѣтъ гонялись только за внѣшнимъ блескомъ и стремились сдѣлать Россію первоклассной морской державой, не имѣя ни морской активной торговли, ни торговаго флота.

Уже Петръ далъ толчекъ въ этомъ неправильномъ направленіи. Онъ оцѣнилъ пользу военнаго флота въ Голландіи, которая въ XVII вѣкѣ, при небольшихъ средствахъ, воспользовалась военнымъ флотомъ, чтобъ подорвать политическое и торговое значеніе испанцевъ и сдѣлать океанъ свободнымъ. Не очень заботясь о торговомъ флотѣ и всячески стѣсняя торговлю Архангельска и Бѣлаго моря, Петръ развивалъ военный флотъ болѣе всего, чтобы уничтожить на Балтійскомъ морѣ исключительное господство шведовъ; потому-то съ окончательнымъ униженіемъ Швеціи и окончилась почти боевая исторія балтійскаго флота. Съ энергіей, свойственною Петру во всѣхъ дѣлахъ, въ какія нибудь пятнадцать лѣтъ онъ создалъ флотъ на Балтійскомъ морѣ, не имѣя другихъ моряковъ, кромѣ нѣсколькихъ архангельскихъ рыбаковъ. Однако мы видимъ, что всѣ морскія побѣды Петра: при Гангудѣ, Гренгамѣ и другія основаны

были на галерномъ флотѣ и абордажѣ, т. е. исключительно на сухопутной силѣ.

При преемникахъ Петра до самой Екатерины II военный флотъ нашъ совершенно разстроился и оказывалъ только слабую помощь въ войнахъ съ Швеціей и Пруссіей. Екатерина обратила русскій флотъ въ наступательное орудіе противъ Турціи; въ особенности это орудіе получило значеніе съ созданіемъ черноморскаго флота и устройствомъ въ Севастополѣ, въ 350 верстахъ отъ недоступнаго до того Константинополя, сильнаго военнаго порта.

Лучшимъ временемъ по значенію для нашего флота былъ конецъ прошлаго столѣтія. Русскіе корабли громили Швецію и Турцію. По странной случайности этотъ періодъ совпалъ съ временнымъ развитіемъ нашего торговаго флота. Послѣднее создалось исключительно подъ вліяніемъ военныхъ событій. Сначала война за американскую независимость, стѣснившая движеніе судовъ англійскихъ, французскихъ и испанскихъ, дала преимущество судамъ нейтральныхъ націй, въ томъ числѣ и Россіи, затѣмъ еще болѣе выиграла послѣдняя, когда французская революція, ея войны и имперія съ континентальной системой исключили изъ морской торговли суда французскія, итальянскія, испанскія, голландскія и нѣмецкія. Періодъ этотъ, тяжелый вообще для Россіи, былъ очень выгоденъ для ея торговаго флота и создалъ то призрачное благополучіе, которое въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія уничтожилось весьма естественно.

Значеніе военнаго флота сократилось гораздо ранѣе. Уже въ 1809 г., во время нашей войны съ Англіей, англійскій адмиралъ пребывалъ на спокойной стоянкѣ у острова Наргена передъ Ревелемъ, занималъ въ виду Роченсальма Асинхскія шхеры, устроилъ на нихъ для своихъ крейсеровъ береговыя заведенія и, распространяя плаваніе судовъ своихъ до Кронштадта, имѣлъ передовой корабль, беззаботно стоявшій у Красной горки!

Хотя многіе признаки давно указывали, какъ мы говорили, что извѣстная часть русскаго населенія вполнѣ спо-

обна для образованія флота, который могъ бы поспорить съ любымъ флотомъ въ Европѣ, но до Крузенштерна, вѣрно оцѣнившаго свойства русскаго экипажа, океанскія плаванія считались Россіи несвойственными.

Подготовленъ былъ Крузенштернъ къ пониманію вѣрности отдаленныхъ плаваній службою не въ балтійскомъ флотѣ, рѣдко выходившемъ изъ водъ Финскаго залива, а шестилѣтнимъ пребываніемъ на англійскихъ военныхъ судахъ. Этимъ путемъ образовались многіе извѣстные русскіе моряки, которые, достигнувъ высокихъ чиновъ, сдѣлали, наконецъ, излишнимъ тѣхъ голландцевъ, датчанъ, англичанъ, грековъ, нѣмцевъ, испанцевъ, которымъ поручалось прежде командованіе русскими эскадрами. Пятнадцати лѣтъ, въ 1785 году, Крузенштернъ, сынъ ревельскаго дворянина, поступилъ въ Морской корпусъ, находившійся тогда въ Кронштадтѣ въ довольно жалкомъ состояніи. Черезъ три года, выпущенный изъ корпуса по случаю шведской войны, будущій знаменитый мореплаватель поступилъ на фрегатъ „Мстиславъ", который еще при Екатеринѣ II намѣревались отправить въ дальнее плаваніе. Получивъ чинъ лейтенанта, Крузенштернъ былъ посланъ на службу въ Англію, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ, посѣтилъ Остъ-Индію и Китай и оцѣнилъ выгоды торговли въ Тихомъ океанѣ, тогда еще мало посѣщаемомъ, потому что Китай, Японія и обширныя испанскія владѣнія, прилегавшія къ этому океану, были одинаково закрыты для европейской торговли, а материкъ и острова Австраліи находились въ первобытно-дикомъ состояніи *).

*) Въ декабрѣ 1800 г., когда Россія находилась наканунѣ войны съ Англіей и готовился походъ въ Индію, жившій въ Ревелѣ Крузенштернъ подалъ адмиралу де-Рибасу замѣчательный проектъ организаціи крейсерства около Азорскихъ острововъ для разоренія англійской торговли. „Англичанамъ, писалъ онъ, не придетъ въ голову, чтобы мы пошли на такое предпріятіе, и безпечность ихъ подаетъ намъ счастливую надежду на исполненіе. Если даже и не будетъ такого успѣха, какого можно ожидать, во всякомъ случаѣ предпріятіемъ этимъ прославится нашъ флотъ".

Учрежденіе въ 1798 году Россійско-Американской компаніи, получившей привилегію на торговлю и промыслы у сѣверо-западныхъ береговъ Америки, Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ, вызвало потребность въ болѣе прямыхъ сношеніяхъ Россіи съ Тихимъ океаномъ. Сношенія съ колоніями производились сухимъ путемъ до Охотска и далѣе моремъ съ большимъ трудомъ и издержками, не говоря уже о томъ, что товары, въ которыхъ нуждались колоніальныя селенія, приходили черезъ два года и часто въ видѣ, негодномъ къ употребленію. Крузенштернъ уже въ 1799 году предложилъ компаніи снарядить два судна, которыя отвезли бы въ колонію грузъ изъ Россіи, взяли тамъ пушной товаръ, доставили его въ Кантонъ, вымѣняли на китайскія произведенія, и послѣднія, вокругъ мыса Доброй Надежды, доставили въ Европу. Такимъ образомъ устранялись для колоній опасности голода, которому онѣ часто подвергались, и открывался океанъ для русскихъ судовъ, запертыхъ до того во внутреннихъ моряхъ.

Предложеніе Крузенштерна казалось смѣлою новостью даже для моряковъ. Адмиралъ Ханыковъ, извѣстный потерею сраженія со шведами подъ Ревелемъ, доказывалъ, что для кругосвѣтной экспедиціи необходимо набрать экипажъ изъ англійскихъ матросовъ, такъ какъ русскіе будто бы не годятся! Вліяніе двухъ достойныхъ государственныхъ людей Александровскаго времени, графа Румянцева и адмирала Мордвинова, а равно потребность послать посольство Резанова въ Японію, заставили въ 1803 году осуществить проектъ Крузенштерна. Кораблестроеніе находилось тогда въ Россіи въ плохомъ состояніи; наши суда, построенныя изъ сырого дерева, текли и быстро разрушались. Поэтому для экспедиціи американская компанія купила въ Англіи два судна, названныя „Надежда" и „Нева". Въ знакъ вниманія къ предпріятію, судамъ этимъ было дозволено носить военный флагъ. Выборъ офицеровъ и команды и снабженіе судовъ были вполнѣ ввѣрены опытности командировъ. Послѣдствія вполнѣ оправдали эту довѣренность, и

теперь еще, когда уже многое по части мореплаванія и морской гигіены усовершенствовано, путешествіе Крузенштерна и спутника его Лисянскаго, командира „Невы", можетъ служить примѣромъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

26-го іюля 1803 года Крузенштернъ вышелъ изъ Кронштадта. Такимъ образомъ первое дальнее плаваніе русскихъ судовъ произошло ровно сто лѣтъ спустя послѣ основанія Петромъ Великимъ флота на Балтійскомъ морѣ: нельзя сказать, чтобъ мы особенно торопились исполнить завѣтъ преобразователя. 14-го ноября 1803 года русскій флотъ въ первый разъ перешелъ въ южное полушаріе. 20-го февраля 1804 года Крузенштернъ обогнулъ мысъ Горнъ и мимо Нукагивы и Сандвичевыхъ острововъ направился въ Камчатку, дѣлая по пути новыя открытія и гидрографическія изслѣдованія. 2-го іюля, почти черезъ годъ послѣ выхода, Крузенштернъ пришелъ въ Петропавловскій портъ, откуда уже 27-го іюля направился къ малоизвѣстнымъ тогда берегамъ Японіи, гдѣ едва не погибъ, выдержавъ жестокій тайфунъ. 26-го сентября 1804 года Крузенштернъ прибылъ въ Нагасаки, гдѣ японцы продержали его понапрасно до 5-го апрѣля 1805 года, не вступая въ переговоры съ Резановымъ. Оставивъ Нагасаки, Крузенштернъ описалъ нѣкоторые острова Японскаго архипелага и Сахалинъ. Возвращаясь въ Камчатку, „Надежда" едва не погибла около Курильскихъ острововъ. Въ Петропавловскомъ портѣ Резановъ высадился, чтобъ вернуться въ Петербургъ (онъ умеръ по дорогѣ), а Крузенштернъ отправился доканчивать описаніе Сахалина. При этомъ онъ нѣсколько поспѣшно подтвердилъ заключеніе Лаперуза, что Сахалинъ соединяется съ материкомъ, чѣмъ до открытія Невельскаго затормозилъ занятіе русскими рѣки Амура.

19-го августа Крузенштернъ возвратился въ Камчатку, которую окончательно покинулъ 23-го сентября, и прибылъ 6-го ноября въ Макао. Китайцы, подъ пустыми предлогами, задержали его въ Кантонѣ до 29-го января 1806 г. Около 3-го апрѣля Крузенштернъ обогнулъ мысъ Доброй

Надежды и 21-го апрѣля присталъ къ острову Св. Елены. Получивъ тутъ извѣстіе о войнѣ Россіи съ Франціей, Крузенштернъ, опасаясь попасться въ руки крейсеровъ, пошелъ прямо въ Копенгагенъ, вокругъ Оркадскихъ острововъ, и 7-го августа 1806 г. возвратился въ Кронштадтъ, совершивъ первое русское кругосвѣтное плаваніе въ 3 года и 12 дней. Такое же опасеніе крейсеровъ заставило Лисянскаго идти изъ Кантона прямо въ Портсмутъ, оставаясь въ морѣ 142 дня. Такъ какъ въ то время желѣзныхъ цистернъ не было, а вода въ бочкахъ загнивала скоро и воняла невыносимо, то легко себѣ представить прелести подобнаго продолжительнаго перехода подъ парусами. Между тѣмъ опасенія Крузенштерна и Лисянскаго были напрасны. Ученая цѣль ихъ экспедиціи была всѣмъ извѣстна въ Европѣ, и крейсеры получили приказаніе не брать ихъ, какъ призы— рѣдкій примѣръ великодушія въ морской войнѣ.

Кромѣ географическихъ работъ и пріобрѣтеній по части естественныхъ наукъ, сдѣланныхъ натуралистами экспедиціи: Горнеромъ, Тилезіусомъ и Лангедорфомъ, путешествіе Крузенштерна замѣчательно отличнымъ состояніемъ здоровья экипажа. Въ это трехъ-годичное плаваніе не умерло ни одного человѣка; даже число больныхъ было весьма незначительно. Путешествіе свое Крузенштернъ описалъ въ трехъ томахъ, изданныхъ въ С.-Петербургѣ въ 1809—1812 годахъ. Описаніе это переведено на всѣ европейскіе языки и получило громкую извѣстность.

Въ 1811 году Крузенштернъ получилъ мѣсто инспектора классовъ Морского корпуса, но удалился скоро, чтобъ посвятить себя ученымъ работамъ. Это время не было благопріятно для практической дѣятельности русскаго моряка; хотя, по примѣру Крузенштерна, и стали снаряжать отъ времени до времени дальнія экспедиціи, но означенная эпоха вообще въ жизни русскаго флота была самою печальною. Мордвиновъ пробылъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ морскимъ министромъ, ужаснувшись злоупотребленіямъ, вкравшимся въ его вѣдомство. Послѣ Мордвинова мини-

стерствомъ этимъ управлялъ извѣстный Чичаговъ, пропустившій Наполеона подъ Березиной. Въ Комитетѣ Министровъ Чичагова публично упрекали въ томъ, что онъ уничтожилъ прежній флотъ, а новаго не создалъ. Не лучше управляли Морскимъ Министерствомъ де-Траверсе и Моллеръ, изъ которыхъ первый не понималъ ни слова по-русски и переписка велась для него на французскомъ языкѣ. При такихъ порядкахъ, очевидно, оставалось только искать утѣшенія въ наукахъ.

Крузенштернъ занялся въ деревнѣ составленіемъ атласа Южнаго океана — громадный трудъ, чтобъ оцѣнить который, нужно принять во вниманіе свойство тѣхъ матеріаловъ, которые послужили основою сочиненію. Для составленія стройнаго цѣлаго изъ всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ частью въ излишнемъ, частью въ недостаточномъ количествѣ, нужна была не только обширнѣйшая начитанность и усидчивое прилежаніе, но и глубоко обдуманная разборчивость. Болѣе всего усложняли трудъ астрономическія опредѣленія мѣстностей. Опредѣленія прежняго времени были недостаточны, въ позднѣйшее же время капитаны купеческихъ кораблей совершенно ихъ перепутали: они опредѣляли неправильно широту и долготу какого нибудь уже извѣстнаго, но ими неузнаннаго, острова, и хвастались новымъ открытіемъ. Многіе, даже знаменитые гидрографы считали своею обязанностью наносить подобныя открытія на свои карты и испещряли ихъ тысячами несуществующихъ острововъ и подводныхъ скалъ. При первомъ же взглядѣ на гидрографическія сочиненія Крузенштерна видно, какъ строго-критически отнесся онъ къ труду своему, и это признано образованными моряками всѣхъ націй. Такимъ образомъ Крузенштернъ былъ первый изъ русскихъ моряковъ, который пользовался во всей Европѣ научнымъ авторитетомъ. Знаменитѣйшіе мореплаватели его времени: Россъ, Парри, Франклинъ, Дюмонъ-Дюрвиль и др. обращались къ нему за совѣтами. Данный Крузенштерномъ толчекъ не замеръ въ русскомъ флотѣ. Если наше прак-

тическое искусство мореплаванія подвергается иногда критикѣ, то въ гидрографіи наши моряки оказали положительно неоцѣнимыя заслуги, и въ этомъ случаѣ репутація нашего флота выше всякихъ сомнѣній, равно какъ и его боевыя заслуги.

Въ 1826 году Крузенштернъ, удостоенный за свои сочиненія званія доктора Дерптскаго университета, члена-корреспондента французскаго института и другихъ ученыхъ учрежденій, былъ назначенъ директоромъ Морского кадетскаго корпуса, въ каковомъ званіи и оставался до тѣхъ поръ, когда преклонныя лѣта заставили его искать покоя. Какъ руководителя воспитаніемъ нашей морской молодежи, заслуги Крузенштерна не менѣе значительны, чѣмъ заслуги его какъ мореплавателя и ученаго гидрографа.

Крузенштернъ нашелъ Морской корпусъ почти въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его сорокъ лѣтъ назадъ, хотя перенесеніе заведенія въ Петербургъ и позволило нѣсколько улучшить учебную часть. При Крузенштернѣ Морской корпусъ былъ преобразованъ до основанія, въ особенности по учебной части. Въ воспитательной же были сдѣланы многочисленныя улучшенія, хотя господствовавшая въ то время общая система воспитанія въ военныхъ заведеніяхъ, старавшаяся подвести все къ одному знаменателю, не позволяла достаточно развернуться гуманнымъ идеямъ Крузенштерна. Во всякомъ случаѣ, послѣдній оставилъ по себѣ память благороднѣйшаго и снисходительнаго педагога, вліяніе котораго было тѣмъ важнѣе, что въ кадетскомъ корпусѣ традиціонно водворилась дикость нравовъ и жестокія наказанія, считавшіяся необходимыми для внушенія дисциплины, полезной для дальнѣйшей службы въ морѣ. По отзыву одного нашего уважаемаго адмирала, бывшаго въ Морскомъ корпусѣ при Крузенштернѣ, послѣдній былъ прекрасный и любезный начальникъ, назначенный даже слишкомъ рано въ это заведеніе, воспитанники котораго, за не-

многими исключеніями, отличались грубостью и неразвитостью.

Учебныя преобразованія Крузенштерна состояли въ томъ, что онъ оставилъ чтеніе морскихъ наукъ за образованнѣйшими морскими офицерами, а для преподаванія наукъ вспомогательныхъ пригласилъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ университета и академиковъ. Крузенштернъ завелъ при корпусѣ музей и обсерваторію и особенное вниманіе обратилъ на организацію высшаго морского образованія, до того времени не существовавшаго. Съ этою цѣлью были устроены офицерскіе классы, что нынѣ Морская Академія. Въ офицерскіе классы поступали молодые люди и изучали въ теченіе трехъ лѣтъ спеціально астрономію, высшую математику, физику, навигацію, морскую тактику и другія науки. По окончаніи курса, офицеры получали чинъ лейтенанта, чѣмъ открывалось образованнымъ морскимъ офицерамъ преимущество въ прохожденіи службы.

Николай Павловичъ присылалъ начальниковъ другихъ учебныхъ заведеній смотрѣть и подражать порядкамъ, заведеннымъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и дѣйствительно корпусъ былъ приведенъ въ весьма хорошее состояніе Крузенштерномъ, чему служитъ доказательствомъ, что почти всѣ видные дѣятели флота образовались подъ его руководствомъ. Подъ конецъ, однако, по старческой слабости, Крузенштернъ допустилъ опять грубое обращеніе. Объ увольненіи его отъ должности директора князь Меньшиковъ выразился такъ: „Крузенштернъ не умѣлъ воспользоваться попутнымъ вѣтромъ“. Что онъ подъ этимъ разумѣлъ, осталось неизвѣстнымъ.

Оставивъ Морской корпусъ въ 1842 г., Крузенштернъ былъ назначенъ состоять при особѣ его императорскаго величества и скончался въ 1846 г., семидесяти шести лѣтъ отъ роду, съумѣвъ на всѣхъ поприщахъ заявить себя съ самой выгодной стороны и оставивъ память не только хорошаго моряка и ученаго, но и благороднаго и честнаго дѣятеля.

Скромный памятникъ, воздвигнутый Крузенштерну на Васильевскомъ островѣ немногочисленнымъ кружкомъ почитателей его заслугъ, хотя въ слабой степени, служитъ наградой человѣку, вся жизнь котораго была посвящена наукѣ и дѣлу.

Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузенъ.

11-го сентября (1872 г.), прочитавъ наканунѣ приглашеніе комитета по устройству памятника Беллингсгаузену, отправились мы въ Кронштадтъ присутствовать при мирномъ торжествѣ русской науки и мореплаванія. Пароходъ „Сильфида" не заключалъ, впрочемъ, ни одного гостя, который бы поинтересовался этимъ торжествомъ. Нѣсколько морскихъ офицеровъ, двѣ-три дамы, отставной морякъ съ георгіевскимъ крестомъ, неизмѣнный англичанинъ — ибо какой же пароходъ земного шара можетъ обойтись безъ англичанина — и бабы съ огурцами, словомъ обычная публика кронштадтскаго парохода, — вотъ и всѣ пассажиры „Сильфиды", отвалившіе со мной отъ берега. Слѣдующій пароходъ долженъ былъ прійти уже по открытіи памятника.

Подобное начало обѣщало не много интереснаго. У памятника мы нашли только нѣсколькихъ полицейскихъ, по обыкновенію съ утра воспретившихъ ѣздить извозчикамъ по улицѣ, гдѣ предполагалось открытіе, и по которой безъ того никто почти не ѣздитъ.

Самый памятникъ, поставленный посрединѣ жиденькаго бульвара, тянущагося вдоль лучшей улицы Кронштадта—Екатериненской, произвелъ на насъ благопріятное впечатлѣніе. Онъ состоитъ изъ бронзовой статуи адмирала на гранитномъ пьедесталѣ и окруженъ чугунною рѣшеткой. Пьедесталъ изъ краснаго гранита нѣсколько мизеренъ на видъ, рѣшетка тоже плоха, но статуя отлита очень хо-

рошо и отличается, по словамъ старожиловъ, сходствомъ. Беллингсгаузенъ поставленъ безъ прикрасъ, не какъ балетный танцоръ нѣкоторыхъ нашихъ памятниковъ, вводящихъ только въ заблужденіе простолюдиновъ и увѣковѣчивающихъ не память о знаменитыхъ людяхъ земли русской, а рутинные образчики псевдо-классическаго искусства *). Беллингсгаузенъ поставленъ какъ обыкновенный смертный. Онъ одѣтъ въ адмиральскій мундиръ съ кортикомъ, причесанъ по модѣ того времени съ кокомъ, правою рукой опирается на глобусъ, а лѣвою, заложенною весьма естественно за спину, держитъ подзорную трубу.

На пьедесталѣ находится гербъ покойнаго и надпись: „Нашему полярному мореплавателю адмиралу Ѳадею Ѳадеевичу Беллингсгаузену отъ его сослуживцевъ и почитателей. MDCCCLXXII“.

Въ часъ около памятника, убраннаго цвѣтами, стали духовенство и немногочисленный кружокъ морскихъ и пѣхотныхъ офицеровъ; напротивъ, по улицѣ, стояли: рота гвардейскаго экипажа и 2-й флотскій экипажъ, а вокругъ „весь Кронштадтъ“, т. е. толпа матросовъ, отставныхъ моряковъ, чиновниковъ, вдовъ и солдатскихъ женъ. Привычка къ военной выправкѣ сдѣлала эту толпу необыкновенно дисциплинированною, и толкотни не было никакой.

По прибытіи его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича, въ сопровожденіи графа Ѳ. П. Литке, Лесовскаго, Воеводскаго, Горковенко, Шварца и еще нѣсколькихъ адмираловъ, началась короткая панихида. Послѣ того были подняты на трехъ шестахъ три флага: русскій военный, гвардейскаго экипажа и главнаго командира, причемъ раздалось 15 выстрѣловъ и музыка проиграла тушъ. Войска прошли церемоніальнымъ маршемъ

---

*) Въ Архангельскѣ, напримѣръ, Ломоносовъ сидитъ чуть не голый на морозѣ; крылатый геній подаетъ ему вѣнокъ. Рулевой моей барки пресерьезно увѣрялъ меня, что памятникъ поставленъ Ломоносову за то, что онъ на крыльяхъ умѣлъ летать по воздуху.

передъ его императорскимъ высочествомъ. Лѣтъ пятнадцать мы не видѣли церемоніальнаго марша и нашли въ этомъ красивомъ зрѣлищѣ значительныя перемѣны. Солдаты шли бодро и свободно, а объ *игрѣ въноскѣ* не было и помину.

Затѣмъ все это двинулось къ лютеранскому кладбищу, гдѣ пасторъ долженъ былъ на могилѣ адмирала прочесть молитвы.

Опасаясь изліянія пасторскаго краснорѣчія, мы остались у памятника, къ которому бросилась толпа, не столько, впрочемъ, для созерцанія произведенія искусства, сколько желая воспользоваться поставленными около оранжерейными цвѣтами. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы поняли изъ энергичныхъ возгласовъ полицейскаго. Между тѣмъ образовались кружки и спорили о совершившемся фактѣ. „Что это за памятникъ!“ слышалось въ одной группѣ: „нѣсколько нѣмцевъ сложились, чтобъ поставить памятникъ нѣмцу?“— „Помилуйте!“ возражали имъ: „да Беллингсгаузенъ и говорилъ-то по-нѣмецки плохо, да и женатъ былъ на русской“... — „Встарину, извѣстно, лучше были люди“, разсуждалъ какой-то старикъ. „Вотъ и Беллингсгаузенъ хорошій былъ человѣкъ, другихъ не топилъ, а все за что ему памятникъ? Поставить бы лучше Рожнову или Коробкѣ, или, еще лучше, Кроуну. Настоящій былъ англичанинъ: какъ разсердится, такъ, заложивъ на спину рупоръ, самъ лѣзетъ на марсъ“. — „Ну, англичанину пусть и памятникъ ставятъ англичане“, замѣчали ему.—„Ничего особеннаго не дѣлалъ, все только пауковъ душилъ“ *), слышалось въ третьей толпѣ. Мы не дослушали и, махнувъ рукою, побрели на пароходъ „Веста“, на которомъ и вернулись въ Петербургъ, но уже въ сообществѣ не одного,

*) Этотъ упрекъ относится къ тому времени, когда Беллингсгаузенъ (командовавшій въ Турецкую войну 1828 г. гвардейскимъ экипажемъ) сталъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта и подъ конецъ жизни, по старости, попалъ подъ вліяніе своего начальника штаба.

а двухъ англичанъ. О Беллингсгаузенѣ и его памятникѣ не было, конечно, во всю дорогу и помину.

Такъ совершилось событіе, вызывающее всегда заграницей всеобщее сочувствіе, гордость города, обогащаемаго памятникомъ, блестящія рѣчи, громкіе тосты и красивые рисунки въ иллюстраціяхъ. Мы ѣхали, обдумывая причины такого непонятнаго равнодушія нашего общества къ своимъ лучшимъ представителямъ, такого неуваженія къ почетнымъ страницамъ своей исторіи.

Беллингсгаузенъ былъ, конечно, только хорошій морякъ и хорошій человѣкъ, но ту же мѣрку мы видимъ и для людей, снискавшихъ всемірную извѣстность. Недавно еще умеръ Врангель, но до сихъ поръ никто и не помянулъ объ его заслугахъ.

Мы часто жалуемся, что насъ мало цѣнятъ въ Западной Европѣ, что никто не признаетъ, напримѣръ, за русскими услугъ, оказанныхъ наукѣ; между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что менѣе всего знаемъ о нашихъ заслугахъ мы сами и цѣнимъ ихъ еще менѣе другихъ. Россія имѣетъ, напримѣръ, цѣлый рядъ безстрашныхъ полярныхъ мореплавателей. По поводу ихъ трудовъ не мало можно найти въ иностранныхъ сочиненіяхъ, а кому извѣстны эти люди даже по именамъ, и эти подвиги, о которыхъ слѣдовало бы знать въ Россіи каждому школьнику? Въ нашихъ школахъ усиленно учатъ помнить Коклесовъ и Патрокловъ, а было бы несомнѣнно полезнѣе знать своихъ Дежневыхъ и Лаптевыхъ.

Кому изъ нашего образованнаго общества неизвѣстны имена Парри, Россовъ, Белло, Франклина, Макъ-Клюра, Макъ-Клинтока и др. англійскихъ и французскихъ мореплавателей? Кто не восхищался ихъ подвигами, кто не удивлялся энергіи и настойчивости англичанъ даже въ вымышленныхъ похожденіяхъ капитана Гатераса у сѣвернаго полюса? Но гдѣ книги, изъ которыхъ образованный русскій читатель, учащееся юношество узнаетъ и привыкнетъ уважать имена своихъ Франклиновъ, узнаетъ не въ

сухомъ перечисленіи официальнаго учебника, а въ изложеніи, полномъ жизни и чувства?

Насъ называютъ непредпріимчивыми, лѣнивыми, мало преданными интересамъ науки, плохими мореплавателями, и говорятъ объ изобрѣтеніи такой системы воспитанія, которая пріучала бы къ труду и настойчивости. Но тѣ, которые говорятъ это, лучше прочли бы исторію нашихъ путешествій.

Даже въ „Морскомъ Сборникѣ" было напечатано, что русскій народъ, по любви къ домашнему очагу, по недостатку смѣлости спокойной и терпѣнія обдуманнаго, неспособенъ быть хорошимъ морякомъ. Но есть ли что либо болѣе противное дѣйствительности?

Не говоря объ историческихъ морскихъ походахъ на Византію, о торговлѣ новгородской, русскіе ранѣе всѣхъ появились на Сѣверномъ океанѣ. Задолго до путешествія Баренца (1595), Новая Земля извѣстна была русскимъ, а Бурругъ, посѣтившій въ 1556 году Печору, встрѣчалъ въ полярномъ океанѣ много русскихъ судовъ. Съ XVII столѣтія Шпицбергенъ сдѣлался обыкновеннымъ мѣстомъ плаванія русскихъ, которые странствовали туда на своихъ нехитрыхъ ладьяхъ, не свыше 60 тоннъ вмѣстимости, безъ компаса и карты. Даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія такія плаванія считались обыкновеннымъ на Сѣверѣ явленіемъ.

Удивляются англичанамъ, проводившимъ по пяти лѣтъ въ полярныхъ странахъ; но кто сравнится съ нашимъ Старостинымъ, который прожилъ на Шпицбергенѣ 39 зимъ и въ томъ числѣ 15 лѣтъ сряду. „Конечно, этотъ человѣкъ", говоритъ Гартвигъ въ своемъ описаніи сѣверной природы, „вполнѣ заслужилъ титулъ шпицбергенскаго царя".

Беззаботная удаль и замѣчательное терпѣніе въ перенесеніи препятствій сдѣлали русскихъ необыкновенно способными для этого рода предпріятій. Одно покореніе и цивилизація Сибири простыми казаками составляетъ уже поистинѣ удивительный подвигъ. „Хотя огнестрѣльное ору-

жіе давало русскимъ значительный перевѣсъ надъ дикими обитателями Сибири, но все же изумительно, какъ такое малочисленное войско покорило цѣлые народы, и вѣроятно, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, ничтожная горсть людей не завладѣвала такой неизмѣримой страной... О, еслибъ всѣ смѣльчаки, затѣвающіе новые проекты, имѣли подъ рукой казаковъ Ермака для подкрѣпленія своихъ намѣреній, сколько бы тогда было совершено славныхъ дѣлъ, которыя кажутся невыполнимыми!" замѣчаетъ тотъ же нѣмецкій писатель.

Потомки этихъ-то безстрашныхъ людей и были нашими первыми арктическими мореплавателями. Якутскіе купцы первые осмѣлились плавать на своихъ плохихъ судахъ по Беринговому морю и первые проникли до острова Кадьяка, отстоящаго на 80° долготы отъ ихъ родины. Еслибъ на сѣверномъ полюсѣ было что либо выгодное, то, конечно, они давно бы открыли его.

Нѣсколько лѣтъ по открытіи Амура (1639 г.) казакъ Семенъ Дежневъ, выѣхавъ изъ Колымы, обогнулъ восточную оконечность Азіи. Итакъ Дежневу принадлежитъ слава открытія пролива, несправедливо названнаго Беринговымъ. Извѣстія объ этомъ смѣломъ мореплавателѣ доходятъ до 1564 г., и неизвѣстно, былъ ли онъ убитъ чукчами, или сдѣлался жертвою суровости климата. Нѣкоторые изъ его спутниковъ были загнаны вѣтромъ къ берегамъ Камчатки и убиты коренными жителями этого полуострова, вскорѣ покореннаго Владиміромъ Атласовымъ.

Съ 1734 г. начинается новая эпоха въ русскихъ полярныхъ открытіяхъ. До этого времени путешествія предпринимались казаками и промышленниками исключительно съ торговыми цѣлями. Но въ этомъ году, въ первый разъ, были снаряжены ученыя экспедиціи для описанія всего сѣвернаго берега Сибири. Необходимо замѣтить, что русскіе въ этомъ случаѣ на цѣлое столѣтіе опередили англичанъ, которые только въ послѣднее время окончили опись своего сѣвернаго американскаго берега, лежащаго, къ тому

же, въ болѣе южныхъ широтахъ. Русскія экспедиціи, хотя и стоившія болѣе 300,000 р., т. е. по нынѣшнимъ цѣнамъ по крайней мѣрѣ вдесятеро, были, однако, всегда дурно организованы, бѣдно снабжены средствами, а между тѣмъ должны были исполнять чрезвычайную задачу—описывать берега, затертые вѣчно льдами и недоступные для плаванія.

Было бы утомительно перечислять цѣлый рядъ героевъ, которые въ борьбѣ съ лишеніями и цингою, за скудное казенное вознагражденіе, отдавая нерѣдко плоды своихъ трудовъ разнымъ ловкимъ иноземцамъ, положили, по большей части, жизнь свою на пользу науки, но замѣтимъ, что, по мнѣнію даже нѣмцевъ, относительно мужества и борьбы съ враждебною природой имена Прончищева и братьевъ Лаптевыхъ достойны стать на ряду съ самыми знаменитыми мореплавателями.

За Прончищевымъ, который отправился на западъ отъ Лены, чтобъ обогнуть Таймурскій полуостровъ, послѣдовала его молодая жена. Она вмѣстѣ съ нимъ перезимовала подъ 72°,54 сѣверной широты и принимала участіе въ его тщетныхъ стараніяхъ объѣхать окованную льдомъ сѣверную оконечность Азіи. Прончищевъ умеръ отъ понесенныхъ безпокойствъ, и его вѣрная подруга, нѣсколько дней спустя, послѣдовала за нимъ въ могилу. Въ лѣтописяхъ арктическихъ путешественниковъ мы не встрѣчаемъ подобнаго примѣра женскаго самоотверженія и любви.

По смерти Прончищева, Харитонъ Лаптевъ старался достигнуть того, чего не удалось первому. Послѣ тщетной попытки, перезимовавъ на берегахъ Хатанги, онъ возобновилъ лѣтомъ 1740 года свое странствіе. Выброшенный на берегъ и потерявъ судно, Лаптевъ три страшныхъ мѣсяца провелъ въ дикой пустынѣ, не имѣя ни разу возможности погрѣться и принять теплую пищу. На слѣдующую весну неутомимый Лаптевъ отправился, чтобъ объѣхать на саняхъ Таймурскій мысъ, котораго не могъ обогнуть на суднѣ. Онъ достигъ устья Таймура и осенью счастливо воротился

въ Енисейскъ, сдѣлавъ одно изъ самыхъ затруднительныхъ путешествій, когда либо совершенныхъ человѣкомъ.

Въ то время, когда Харитонъ Лаптевъ совершалъ свои подвиги къ западу отъ Лены, его братъ, Дмитрій, съ неменьшею славой старался проникнуть на востокъ. Но онъ встрѣтилъ препятствіе въ утесѣ Баранова, гдѣ провелъ два лѣта въ тщетныхъ усиліяхъ. Всего прожилъ онъ семь лѣтъ на берегахъ полярнаго моря.

Семнадцать лѣтъ спустя, Шалаурову, выѣхавшему изъ Яны на собственномъ суднѣ, удалось обогнуть мысъ Баранова, но дальнѣйшему плаванію положилъ предѣлъ Шелагскій мысъ. Шалауровъ съ удивительною настойчивостью, уже перезимовавъ два раза на пустынной Колымѣ, хотѣлъ продолжать свои попытки, но экипажъ вышелъ изъ повиновенія. Изъ второго морского путешествія, предпринятаго имъ къ тому же мысу въ 1764 году, Шалауровъ уже не возвратился. Тѣмъ болѣе жаль этого человѣка, что онъ пожертвовалъ состояніемъ и жизнію не изъ личныхъ видовъ, и что въ немъ умъ и воля соединялись вмѣстѣ, какъ рѣдко они соединяются. По словамъ Врангеля, берегъ отъ Яны до Шелагскаго мыса нанесенъ на картѣ Шалаурова съ точностью, дѣлающею честь этому изслѣдователю.

Если мы вспомнимъ, какими малыми вспомогательными средствами пользовались русскіе моряки въ своихъ плаваніяхъ, продолжавшихся обыкновенно отъ 4-хъ до 5-ти лѣтъ, плохое состояніе ихъ кой-какъ слѣпленныхъ судовъ, недостаточность ихъ научныхъ свѣдѣній, и прибавимъ къ тому негостепріимную природу бурнаго и туманнаго моря, то нельзя не подивиться этимъ людямъ.

Въ 1770 году купецъ Леховъ случайно увидалъ на Святомъ Носѣ стадо дикихъ оленей, которое по льду пришло съ сѣвера. Одаренный необыкновенной рѣшимостью, Леховъ на саняхъ отправился по слѣдамъ оленей прямо на сѣверъ и достигъ островов, впослѣдствіи названныхъ его именемъ.

Въ 1785 году Сарычевъ и Биллингсъ съ лучшими сред-

ствами предприняли то, что не удалось терпѣнію Дмитрія Лаптева и непреклонной волѣ Шалаурова, т. е. обогнуть и описать сѣверо-восточный берегъ Азіи. Экспедиція ихъ вышла изъ Нижне-Колымска и достигла восточнаго устья Колымы; остановленные пловучими льдами, они рѣшились на новую попытку — достигнуть изъ Охотска, черезъ Берринговъ проливъ, устья Колымы. Въ 1791 году Биллингсъ вышелъ изъ Авачинской губы, но, встрѣтивъ пловучіе льды, сухимъ путемъ проѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, перерѣзавъ страну Чукчей.

Въ 1806 году Сыроватскій открылъ Ново-Сибирскій архипелагъ. Въ 1820 году правительство снова снарядило двѣ экспедиціи для дополненія описанія восточно-сибирскихъ береговъ Ледовитаго моря. Результаты одной изъ этихъ экспедицій, которая, подъ начальствомъ Анжу, изслѣдовала берегъ отъ устья Яны, къ сожалѣнію, погибли отъ пожара. Другая экспедиція, подъ начальствомъ Врангеля и Матюшкина, была вполнѣ удачна.

Врангель не только описалъ берегъ Сибири отъ Индигирки до острова Колючина съ большою точностью, но и нѣсколько разъ пытался на саняхъ, нерѣдко по едва замерзшему морю, проникнуть въ Ледовитое море, надѣясь открыть неизвѣстную полярную землю, названную теперь „землею Врангеля". Четыре года тяжелыхъ лишеній провели Врангель и Матюшкинъ въ этомъ пустынномъ закоулкѣ земного шара. Затрудненія, съ которыми пришлось бороться Врангелю, ревность въ достиженіи научныхъ результатовъ, вынесенныя имъ лишенія и опасности, безстрашіе и твердость—все это, безъ сомнѣнія, даетъ Врангелю право, рядомъ съ Франклиномъ или Парри, стать въ первомъ ряду арктическихъ путешественниковъ.

Часть Ледовитаго моря, омывающая Европейскую Россію, не осталась также безъ неутомимыхъ изслѣдователей. Ложкинъ, еще въ 1742 году, обогнулъ восточный берегъ Новой Земли, и чтобъ проникнуть въ Карское море, перезимовалъ на Новой Землѣ два раза. Позднѣе, въ 1760

году, удалось Розмыслову, проникнувъ черезъ Маточкинъ шаръ, нанести на карту часть этихъ береговъ.

Съ 1819 по 1824 г. правительство посылало пять экспедицій въ Карское море. Графъ Ѳ. П. Литке, тогда еще лейтенантъ, четыре раза пытался пройти вдоль восточнаго берега Новой Земли. Въ 1832 году Клоковъ и Брантъ на свой счетъ снарядили для этого три судна. Одно изъ нихъ, подъ командою Кротова, погибло безъ вѣсти, другое вернулось ни съ чѣмъ, третье, на которомъ былъ храбрый Пахтусовъ, достигло Карскихъ воротъ, но бури и массы плавучихъ льдовъ отбрасывали его назадъ. Поэтому, перезимовавъ на Новой Землѣ, Пахтусовъ предпринялъ рядъ экскурсій, гдѣ случалось не ѣсть по три дня, и обогнулъ южный островъ Новой Земли, чего доселѣ еще никто не дѣлалъ.

Хотя судно Пахтусова погибло затѣмъ у устья Печоры, но въ 1833 г. онъ снова отправился на Новую Землю, гдѣ, вмѣстѣ съ Циволькою, провелъ зиму и два лѣта въ неутомимыхъ изслѣдованіяхъ, за которыя заплатилъ, наконецъ, жизнью. Только въ 1835 г. Исакову совершенно случайно удалось обогнуть сѣверо-восточную оконечность Новой Земли, но далѣе идти онъ не рѣшился.

Мы не упоминаемъ о дальнѣйшихъ попыткахъ русскихъ, — попыткахъ, предпринятыхъ частью людьми, еще живущими, и уже въ условіяхъ, несравненно болѣе благопріятныхъ. Но намъ пріятно было при случаѣ вспомнить рядъ истинно русскихъ героевъ, неоцѣняемыхъ даже въ своей странѣ за дѣло, стоившее большинству изъ нихъ жизни.

Люди эти и ихъ безвѣстные спутники показали, каковы способности русскихъ какъ моряковъ и путешественниковъ. Нужно удивляться только, почему до сихъ поръ не воздвигнуто имъ памятника, достойнаго ихъ славы, который напоминалъ бы потомкамъ о подвигахъ, равныхъ которымъ немного въ исторіи мореплаванія всѣхъ народовъ.

Беллингсгаузенъ принадлежалъ къ этой же плеядѣ рус-

скихъ полярныхъ мореплавателей, хотя, конечно, какъ звѣзда второй величины. Замѣчательнѣе всего, что онъ одинъ изъ первыхъ произвелъ изслѣдованія въ южномъ полярномъ океанѣ, и до сего времени мало извѣстномъ.

Судя по отчету о плаваніи, мысль объ этомъ путешествіи принадлежала лично императору Александу I. Маркизъ де-Траверсе, управлявшій тогда Морскимъ Министерствомъ не зная ни одного слова по-русски, повидимому, не очень содѣйствовалъ полезному предпріятію *). Выборъ Беллингсгаузена, командовавшаго на Черномъ морѣ фрегатомъ „Флора", хотя онъ уже ходилъ вокругъ свѣта съ Крузенштерномъ, былъ сдѣланъ случайно, вслѣдствіе болѣзни Ратманова, которому хотѣли дать начальство.

Русскихъ офицеровъ приняли сколь возможно менѣе и, кромѣ астронома, корабль остался безъ натуралистовъ, потому что, по выраженію самого Беллингсгаузена, „не было позволено идти русскимъ, которые сего желали, а предпочтены имъ неизвѣстные иностранцы". Иностранцы же эти обманули правительство и подъ пустыми предлогами уклонились отъ путешествія.

Самыя суда, изъ которыхъ одно было шлюпъ, а другое транспортъ, были построены изъ сырого сосноваго лѣса и не имѣли никакихъ скрѣпленій, кромѣ обыкновенныхъ, дурно вооруженныхъ, а отъ сырости гнила въ трюмѣ провизія.

Беллингсгаузенъ отправился на шлюпѣ „Востокъ", а транспортомъ „Мирный" командовалъ лейтенантъ, впослѣд-

---

*) Де-Траверсе, родомъ изъ Сенъ-Доминго, былъ офицеромъ во время французской революціи; въ русскую службу поступилъ еще при Екатеринѣ II съ чиномъ капитана и дошелъ до вице-адмиральскаго чина. Онъ былъ назначенъ министромъ послѣ Чичагова. По словамъ графа Ростопчина, де-Траверсе „человѣкъ былъ ничтожный, не имѣвшій ни собственной воли, ни собственнаго мнѣнія; занятый сколачиваніемъ себѣ состоянія, посредствомъ подрядовъ, ненавидимый морскими офицерами и терпящій побои отъ своей жены" („Русская Старина", т. LXIV).

ствіи знаменитый адмиралъ Лазаревъ, памятникъ которому украшаетъ теперь развалины Севастополя. Отрядъ вышелъ изъ Кронштадта 4-го іюля 1819 г. и возвратился 24-го іюня 1821 г., пробывъ въ пути 751 день; при этомъ суда находились подъ парусами 527 дней и въ сложности прошли 86,475 верстъ. Въ продолженіе плаванія открыто двадцать девять острововъ, между прочимъ два въ южномъ холодномъ поясѣ, названныхъ по именамъ Петра I и Александра I. Суда доходили почти до 70° южной широты, чего до тѣхъ поръ никто изъ европейскихъ моряковъ не дѣлалъ, и возвратились только послѣ трехъ-мѣсячной безумно-храброй борьбы съ плавучими льдами, преграждавшими дальнѣйшій путь.

По возвращеніи, Беллингсгаузенъ представилъ свой отчетъ адмиралтейскому департаменту, но морской министръ не счелъ нужнымъ торопиться его печатаніемъ. Только черезъ десять лѣтъ, въ 1831 году, когда Беллингсгаузенъ сдѣлался вице-адмираломъ, было отпущено 38,000 руб. ассигнаціями на печатаніе отчета въ количествѣ 600 экземпляровъ, согласно мнѣнію морского ученаго комитета, который полагалъ, что „изданіе описанія путешествія принесетъ честь нашимъ мореплавателямъ, а неизданіе подастъ причину къ заключенію, будто онъ предписаннаго не исполнилъ, и можетъ случиться и *едва ли уже не случилось,* что учиненныя Беллингсгаузеномъ обрѣтенія, по неизвѣстности объ оныхъ, послужатъ къ чести иностранныхъ, а не нашихъ мореплавателей".

Съ того времени, какъ Крузенштернъ совершилъ первое путешествіе русскихъ вокругъ свѣта, всѣ послѣдующія экспедиціи шли по слѣдамъ Крузенштерна. Беллингсгаузенъ первый отклонился отъ этого примѣра и посѣтилъ страны, нетронутыя ни однимъ русскимъ мореплавателемъ. Поэтому онъ вполнѣ заслужилъ скромный памятникъ, ему теперь воздвигнутый, и заслужилъ не отъ сослуживцевъ только, а отъ всей Россіи.

П. К. Пахтусовъ.

Въ Кронштадтѣ, передъ зданіемъ Техническаго училища, открывается 19-го октября (1886 г.) памятникъ корпуса штурмановъ подпоручику Петру Кузьмичу Пахтусову, прославившемуся описью части береговъ Новой Земли.

Сынъ мелкаго морского чиновника, Пахтусовъ родился въ Кронштадтѣ въ 1800 году и, окончивъ курсъ въ штурманскомъ училищѣ, немедленно, въ 1820 году, былъ посланъ производить опись устьевъ р. Печоры. Занимаясь этой описью, ему пришла мысль произвести опись Новой Земли, которая постоянно посѣщалась нашими промышленниками еще со временъ новгородцевъ, но свѣдѣнія о которой основывались на изслѣдованіяхъ голландцевъ въ концѣ XVI столѣтія и отрывочныхъ посѣщеніяхъ нашихъ военныхъ моряковъ. Проектъ Пахтусова, одобренный начальствомъ, исполненъ, однако, не былъ.

Болѣе счастливъ былъ Пахтусовъ, встрѣтившись съ ученымъ лѣсничимъ Клоковымъ, увлекавшимся уже въ то время идеею открыть морское сообщеніе Западной Европы съ Сибирью черезъ Карское море. Оба они уговорили архангельскаго богача Брандта снарядить экспедицію на Новую Землю и въ Карское море. Экспедиція эта отправилась въ августѣ 1832 г. и возвратилась въ 1833 году.

. Труды ея убѣдили правительство въ необходимости снарядить казенную экспедицію для продолженія описи восточнаго и западнаго береговъ Новой Земли. Экспедиція отправилась въ іюнѣ 1834 года и возвратилась въ октябрѣ 1835 года. Отъ понесенныхъ трудовъ Пахтусовъ умеръ въ ноябрѣ того же года, но помощникъ его, штурманскій офицеръ Циволька, продолжалъ изслѣдованія въ 1837, 1838 и 1839 годахъ, и также за труды и лишенія заплатилъ жизнью и погребенъ на Новой Землѣ въ сугробѣ снѣга.

Труды Пахтусова по нынѣшнимъ размѣрамъ ученыхъ экспедицій покажутся, быть можетъ, незначительными. Что

такое опись части Новой Земли, когда экспедиціи огибаютъ всю Сибирь, открываютъ Сѣверо-западный проливъ, пересѣкаютъ Гренландію и добираются почти до полюса? Но надобно взять въ разсчетъ условія и средства исполненія.

Норденшельдъ и другіе полярные изслѣдователи преклоняются передъ настойчивостью и энергіей русскихъ моряковъ, сдѣлавшихъ опись береговъ Ледовитаго океана — одинъ изъ величайшихъ научныхъ подвиговъ, сдѣланныхъ русскими на пользу европейской цивилизаціи. Пахтусовъ, какъ мы выше говорили — это только одинъ изъ цѣлаго ряда безвѣстныхъ героевъ, потерявшихъ здоровье и положившихъ свою жизнь въ интересахъ науки. Имена ихъ никогда не будутъ забыты въ исторіи русскаго мореплаванія.

Они перенесли буквально нечеловѣческіе труды, пускаясь осенью на плохихъ, непроконопаченныхъ карбасахъ въ неизвѣстный негостепріимный океанъ и проводя безъ всякихъ приспособленій, запасовъ и медицинскихъ пособій долгія полярныя зимы, рискуя умереть отъ цинги и замерзнуть на пятидесяти-градусномъ морозѣ.

Труды этихъ представителей русской беззавѣтной храбрости и молчаливаго исполненія долга еще недостаточно у насъ оцѣнены и популяризованы. Они болѣе извѣстны образованнымъ людямъ въ Германіи и Швеціи, нежели въ Россіи, между тѣмъ имена нашихъ полярныхъ мореплавателей давно бы должны сдѣлаться народными. Въ этомъ смыслѣ можно только порадоваться прекрасной идеѣ увѣковѣчить имя Пахтусова монументомъ на мѣстѣ его родины.

* * *

Практическая цѣль трудовъ Пахтусова и Цивольки было изслѣдованіе, насколько доступно для плаванія Карское море, которое давно привлекало русскихъ, такъ какъ уже въ XVII столѣтіи отъ Архангельска въ Мангазею на р. Тазѣ «поспѣвали въ полпяты недѣли», какъ гласитъ «Книга Большого Чертежа»*). По этому поводу

*) Изъ разбора книги становится, впрочемъ, яснымъ, что наши поморы XVII вѣка, уходя изъ Архангельска, идя вдоль берега до Новой Земли и вступивъ въ Карское море, не огибали большой полу-

мы припомнимъ, что въ числѣ немногихъ возбуждали мы въ публикѣ помощью печати и публичныхъ докладовъ въ Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ интересъ къ изслѣдованію сѣверныхъ морей. Между прочимъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» писали мы въ 1873 году:

Нашъ Сѣверъ прозванъ „забытымъ краемъ", и это названіе, повторяясь очень часто въ печати, обратилось въ общее мѣсто, не производящее на читателей ровно никакого впечатлѣнія. Между тѣмъ отношенія къ Сѣверному краю, къ его населенію и къ Сѣверному морю составляютъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ русскаго общественнаго самосознанія, указывающихъ одинаково какъ на незнакомство съ дѣломъ, такъ и на полнѣйшее равнодушіе къ своимъ важнѣйшимъ экономическимъ интересамъ. Стоитъ взять для образца хоть одну изъ частицъ обширнаго вопроса о Сѣверѣ, — вопросъ о возможности безпрепятственнаго плаванія по Карскому морю, чѣмъ открывается морское сообщеніе Сибири съ Европой и Америкой. Спросите любого моряка или спеціалиста въ Россіи, — мы не говоримъ уже о массѣ, — и вамъ отвѣтятъ, что по Карскому морю плавать невозможно; между тѣмъ знаменитый германскій географъ Петерманнъ пишетъ настойчиво: „Самый важный прогрессъ въ дѣлѣ полезныхъ открытій послѣдняго времени оказало плаваніе у береговъ Новой Земли и въ Карскомъ морѣ; оно доказало, что не только въ этой восточной части Ледовитаго океана можетъ быть ежегодное судоходство; но оказывается, что судоходство возможно даже въ теченіе такого промежутка времени, какого и не подозрѣвали (конечно, мы, русскіе). Норвежцы, ежегодно съ 1869 года плававшіе по этому морю, каждый разъ удли-

островъ Ялмалъ, а вступали въ устье рѣки Мутной, шли до ея истоковъ, перетаскивали суда на полозьяхъ въ истоки рѣки Зеленой и затѣмъ уже, вступивъ подъ паруса, спускались въ Тазскую губу и затѣмъ шли рѣкой до Мангазеи. Все это пространство по долготѣ приблизительно равно 45° или отъ 2,400—3,000 миль, которое, идя „полпяты недѣли" или 30 дней, составитъ суточное плаваніе среднимъ числомъ во сто миль, что то очевидно не много и для несовершеннаго парусника.

няли срокъ плаванія, а въ 1871 году такъ рано вышли в море, что уже въ іюнѣ они достигли сѣверо-восточной оконечности Новой Земли и возвратились такъ поздно, что еще во второй половинѣ октября находились у береговъ этой Земли. Подобное плаваніе въ продолженіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ на парусныхъ судахъ превосходитъ всѣ открытія, сдѣланныя ранѣе въ другихъ частяхъ полярныхъ морей сѣвернаго и южнаго полюсовъ; а если къ этому прибавить еще то, что солнце въ этихъ широтахъ нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ не заходитъ, то срокъ судоходства, въ сравненіи съ южными широтами, гдѣ за днемъ тотчасъ слѣдуетъ ночь, почти что удвоивается.

По мнѣнію норвежскаго капитана Е. Іоганнесена, который первый, послѣ норвежцевъ XVI вѣка и Саввы Ложкина, обогнулъ Новую Землю и дошелъ въ Ледовитомъ океанѣ до $76^3/_4{}^\circ$ вост. долг. отъ Гринича, въ высшей степени вѣроятно, что все море до Сѣвернаго мыса Азіи (мысъ Челюскина) совершенно свободно отъ льда. Мнѣніе это подтверждается описанными съ научною точностью плаваніями капитановъ Карльсена, Паллизена, двухъ Іоганнесеновъ, Мака, Тобизена, Исаксена, Дерма, Симонсена, Розенталя, Пайера, Вейпрехта и др. Изъ ихъ свидѣтельствъ легко убѣдиться, по словамъ Петерманна, въ грубой мистификаціи (grobe, beschaemende Mistification) прежняго мнѣнія о недоступности и невозможности судоходства въ Ледовитомъ океанѣ у Новой Земли,—мнѣнія, созданнаго, къ прискорбію, въ Россіи. Особенно бросается въ глаза совершенно свободное отъ льда пространство моря между устьемъ рѣкъ Оби и Енисея у сѣверныхъ береговъ Сибири,—рѣкъ, представляющихъ непрерывный водный путь изъ богатой дарами природы центральной Азіи.

Извѣстный географъ Маркгамъ опредѣлялъ срокъ плаванія въ Карскомъ морѣ въ 2 недѣли, а онъ оказался въ 20 недѣль; другой географъ, Осборнъ, допускалъ судоходство въ этомъ морѣ только въ октябрѣ, а оно оказалось возможнымъ даже въ іюнѣ. Нѣкоторые ученые увѣряли,

что открытое и пройденное норвежцами море шириною въ 43° есть не что иное, какъ большая полынья во льду; но, переходя такимъ образомъ къ сравненіямъ, говоритъ Петерманнъ, можно также назвать и Нѣмецкое или Средиземное море прорубью, Боденское озеро—лужей, а Дунай—ручейкомъ. Петерманнъ убѣжденъ, что сильный пароходъ въ одно лѣто можетъ пройти отъ береговъ Германіи вдоль всего Ледовитаго моря до земли Врангеля и до Берингова пролива, и возвратиться назадъ. Подобный корабль долженъ имѣть машину, дающую 10 узловъ хода, т. е. по 240 морскихъ миль въ день, а провизіи взять на 90 дней. Отъ береговъ Германіи до самаго восточнаго пункта, достигнутаго Макомъ, потребуется на такомъ суднѣ переходъ въ 10 дней, а оттуда до земли Врангеля около пяти дней. Если же принять въ разсчетъ усиленныя трудности и непредвидѣнныя препятствія, то при полной паровой силѣ весь этотъ путь можно пройти туда и обратно въ 60 дней.

Если и принять, что въ послѣднемъ предположеніи—достигнуть Берингова пролива—Петерманнъ ошибается, то одно открытіе норвежскихъ рыболовныхъ судовъ, не стоившее ни русскому правительству, ни русскому обществу ни копѣйки,—открытіе доступности плаванія къ устьямъ великихъ рѣкъ Сибири,—должно составить переворотъ въ торговлѣ не только этой страны, но и всей сѣверной и средней Азіи, и вызвать въ Россіи живѣйшее вниманіе и желаніе изслѣдовать этотъ вопросъ какъ можно ближе.

Ничего подобнаго мы, однако, до сихъ поръ не видимъ. Морское вѣдомство только теперь озаботилось переводомъ трудовъ Петерманна на русскій языкъ, и то съ примѣчаніями, гдѣ безуспѣшно старается возстановить репутацію русскихъ полярныхъ мореплавателей. Факты, кажется, говорятъ достаточно сами за себя. Что казалось возможнымъ простымъ рыбопромышленникамъ и несчастнымъ штурманскимъ и флотскимъ офицерамъ: Прончищевымъ, Лаптеву, Сарычеву, Челюскину и др., совершившимъ въ прошломъ столѣтіи геройскій подвигъ описанія сѣвернаго

берега Сибири на простыхъ карбасахъ, то кажется теперь почти неисполнимымъ при содѣйствіи парового флота. Еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Литке, Врангель, Пахтусовъ и др. сдѣлали для полярной картографіи все, что было возможно при крайне скудныхъ средствахъ, отпускавшихся въ ихъ распоряженіе. Но съ того времени ничего новаго не прибавлено, и мы ограничивались самодовольнымъ отрицаніемъ, что ничего и сдѣлать нельзя, такъ какъ страшные льды, туманы и пр. прекращаютъ-де всякую возможность плаванія къ сѣверу. Въ особенности былъ неутѣшителенъ для нашего флота періодъ до Крымской войны, когда балтійскій флотъ вовсе не плавалъ, а упражнялся вмѣсто того въ манежахъ маршировкою. Хотя съ тѣхъ поръ плаванія стали совершаться систематически, но, къ сожалѣнію, преимущественно въ Тихій океанъ; сѣверныя же наши моря оставались забытыми; между тѣмъ для упражненія офицеровъ и командъ полярныя плаванія составляютъ, какъ извѣстно, самую лучшую школу.

Еще равнодушнѣе смотрѣло на этотъ вопросъ общество, когда пронесся слухъ, что норвежцы открыли свободный путь по Карскому морю. Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ обсудило этотъ вопросъ и обратилось къ богатѣйшимъ представителямъ сибирской торговли съ просьбою пожертвовать всего 15,000 р. для наряженія судна изъ устьевъ р. Оби. Не смотря на ничтожность суммы, купечество, которое не задумалось бы пожертвовать въ десять разъ болѣе, еслибъ дѣло шло о сооруженіи колокольни гдѣ нибудь въ Мадридѣ или на Сандвичевыхъ островахъ, отвѣчало на воззваніе Общества молчаніемъ или ограничилось грубыми шутками. Такимъ образомъ, попытка Общества была безуспѣшна, и оно не собрало ни одной копѣйки*).

*) Надобно прибавить, что послѣ перваго плаванія Норденшельда на призваніе Общества отозвались нѣсколько лицъ, но собранная сумма была издержана на опись устьевъ Оби безъ видимой пользы, по ея недостаточности.

Баронъ Норденшельдъ.

Привѣтствуя прибытіе къ С.-Петербургъ 30 іюня 1875 г. короля Оскара II, мы высказали въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ мысль, что тѣснѣйшее сближеніе со шведскимъ народомъ будетъ имѣть для Россіи большія выгоды, несмотря на численную незначительность населенія Швеціи и Норвегіи. Пользу отъ сближенія мы видѣли болѣе всего въ примѣрѣ, который могутъ подать намъ жители Скандинавскаго полуострова въ искусствѣ побѣждать съ малыми средствами суровую природу Сѣвера и въ умѣніи извлекать выгоду изъ такихъ территорій, которыя остаются для насъ мертвымъ капиталомъ, не смотря на обширность населенія Россіи и громадность ея государственныхъ средствъ.

Слова наши оказались какъ бы пророческими; прошло лишь нѣсколько недѣль съ отъѣзда короля Оскара II изъ Петербурга, какъ нѣсколько неустрашимыхъ скандинавскихъ моряковъ, имѣя во главѣ Норденшельда, отблагодарили блистательнымъ образомъ за гостепріимство, оказанное коронованному представителю шведско-норвежскаго народа, открытіемъ прямого морского сообщенія изъ Западной Европы къ устью большихъ сибирскихъ рѣкъ, омывающихъ своими протоками площадь, равную почти Европѣ и отрѣзанную до сихъ поръ отъ судоходныхъ портовъ нѣсколькими тысячами верстъ сухого пути.

Снаряженная Норденшельдомъ на средства, щедро предложенныя г. Диксономъ, яхта „Опытъ“ вышла, 8-го іюня 1875 года, изъ норвежскаго порта Тромзё и, задержанная крѣпкими вѣтрами у берега до 14-го іюня, только 17-го іюня обогнула Нордкапъ и 22-го числа, послѣ семидневнаго перехода въ открытомъ морѣ, прибыла къ Сѣверному Гусиному мысу на Новой Землѣ. Послѣ двухдневной остановки былъ поднятъ якорь и, послѣ довольно продолжительнаго плаванія, до 13-го іюля экспедиція убѣдилась,

что къ сѣверу отъ Маточкина Шара Карское море покрыто почти сплошными льдами. Поэтому она рѣшилась проникнуть въ Карское море черезъ Карскія ворота или Югорскимъ проливомъ, т. е. обойдя съ сѣвера или юга островъ Вайгачъ. 25-го іюля яхта вошла въ Карскія ворота, но проливъ также оказался затертымъ льдомъ, а жестокая буря заставила яхту до 30-го іюля укрываться у берега острова, не смѣя спустить шлюпку.

Не смотря на то, что сѣверо-восточные вѣтры, постоянно дувшіе въ это время, заставляли предполагать, что южная часть Карскаго моря полна льдомъ и всякое движеніе на востокъ невозможно, Норденшельдъ все-таки рѣшился попытать счастья и пройти черезъ Югорскій шаръ. 31-го іюля онъ вошелъ въ проливъ, но яхта не могла идти далѣе подъ парусами вслѣдствіе совершеннаго штиля. Только 2-го августа, пользуясь слабымъ береговымъ вѣтромъ и сильнымъ теченіемъ, ей удалось пройти проливъ и тутъ экспедиція съ радостью увидѣла, что Карское море свободно въ этой части отъ льда.

Продолжая попрежнему пользоваться слабымъ вѣтромъ, яхта направилась къ полуострову Ялмалу, сѣверо-западной оконечности котораго и коснулась 8-го августа. Затѣмъ къ сѣверу яхта встрѣтила подъ 75° 30′ широты и 70° 30′ долготы непроницаемый слой льда, пройдя вдоль котораго по направленію къ востоку вошла наконецъ 15-го августа въ устье Енисея, достигнувъ такимъ образомъ цѣли, къ которой напрасно стремились нѣсколько вѣковъ русскіе, англичане, голландцы и норвежцы. На берегу экспедиція была встрѣчена только медвѣдемъ, который „мирно пасся", по словамъ Норденшельда. Медвѣдь былъ убитъ. „Я счелъ это хорошимъ предзнаменованіемъ, замѣчаетъ неустрашимый путешественникъ въ своемъ письмѣ къ Оскару Диксону въ Готенборгѣ;—одинъ медвѣдь царствовалъ тысячелѣтія въ этихъ мѣстахъ, но господство его кончается; отнынѣ многочисленныя суда посѣтятъ эти, казавшіеся столь негостепріимными, берега и установятъ прямую тор-

говлю между Европою и громадными территоріями бассейновъ Иртыша, Оби и Енисея".

Замѣчательный подвигъ Норденшельда вызвалъ въ русскомъ обществѣ двоякое мнѣніе. Одни старались превознести его до небесъ и съ комическою важностью увѣряли, что открытіе доступности морского пути въ Обь и Енисей равносильно открытію Колумбомъ пути въ Америку; другіе, воодушевляясь такъ называемымъ „квасньмъ патріотизмомъ", старались доказать, что шведская экспедиція— дѣло пустое, что русскіе моряки давно плавали въ тѣхъ мѣстахъ, и что если торговаго пути не открыли, то потому только, что не считали этого нужнымъ. И то, и другое мнѣнія, какъ всякія крайности, одинаково невѣрны и отчасти забавны.

Полагать, что Тобольская и Енисейская губерніи могутъ получить когда либо для Западной Европы значеніе Новаго Свѣта, конечно, весьма наивно. Открытіе послѣдняго имѣло для человѣчества нравственное значеніе, быть можетъ, въ тысячу разъ большее, чѣмъ экономическое, а претендовать на такую роль, безъ сомнѣнія, не можетъ ни одно географическое открытіе въ нашемъ столѣтіи. Во всякомъ случаѣ открытіе Норденшельда очень значительно. Доступность плаванія къ устьямъ великихъ рѣкъ Сибири должно вызвать переворотъ въ торговлѣ не только этой страны, но и всей сѣверной и средней Азіи. Отдаленныя теперь губерніи Енисейская, Томская, области Акмолинская и Семипалатинская становятся въ болѣе благопріятное положеніе для заграничнаго отпуска хлѣба и разныхъ продуктовъ земледѣльческаго и горнаго промысловъ, чѣмъ находятся теперь губерніи Самарская, Саратовская или Пермская *).

*) Случается, впрочемъ, даже въ русскомъ обществѣ слышать вопросъ: да имѣетъ ли Западная Сибирь данныя для развитія отпускной торговли въ Европу. Не говоря уже о многихъ офиціальныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ, вопросъ этотъ былъ неоднократно изучаемъ и достаточно разъясненъ теперь по поводу проектовъ проведенія сибир-

Прочитавъ путешествіе яхты „Опытъ", многіе, правда, подумаютъ, что встрѣченныя Норденшельдомъ затрудненія дѣлаютъ движеніе коммерческихъ судовъ по этому пути гадательнымъ; но необходимо имѣть въ виду, что съ небольшими средствами легко сдѣлать подробное гидрографическое описаніе Карскаго моря, освѣтить его маяками и устроить лоцманскую службу; составленныя для мореходства точныя карты и лоціи послужатъ руководствомъ къ опредѣленію удобнѣйшаго для плаванія къ берегамъ Сибири времени. Затѣмъ, еслибъ море дѣйствительно оказалось свободнымъ отъ льдовъ и доступнымъ даже не болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году (августъ и сентябрь), то и это не уменьшаетъ его значенія, какъ первостатейнаго торговаго пути. Паровыя суда ходятъ въ настоящее время (при надлежащихъ приспособленіяхъ къ выгрузкѣ и нагрузкѣ) вчетверо скорѣе, чѣмъ парусныя. Двухмѣсячный срокъ навигаціи равняется, значитъ, по старому счету восьмимѣсячному, а важнѣйшій въ Россіи портъ, петербургскій, открытъ для свободнаго плаванія парусныхъ судовъ только въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году. Перевѣсъ же, который

ской желѣзной дороги. Стоитъ только припомнить, что всѣ почти предположенія о такъ называемомъ „сибирскомъ транзитѣ", количество котораго измѣрялось десятками милліоновъ пудовъ, основывались на вывозѣ грузовъ изъ Западной Сибири. Цифры эти — не преувеличенныя исчисленія разныхъ прожектеровъ, ищущихъ концессіи: справедливость разсчетовъ легко подкрѣпить солидными данными, не входя въ подробности. Вся Томская и южная часть Тобольской губерніи чрезвычайно хлѣбородны, населеніе и запашка увеличивается здѣсь очень быстро, а количество хлѣба, предлагаемаго къ отпуску, возрастаетъ ежегодно. Уже теперь большая часть Пермской губерніи и рабочихъ на золотыхъ промыслахъ въ Енисейской губерніи, также войска Туркестанскаго края, довольствуются хлѣбомъ изъ этой мѣстности. Затѣмъ, по количеству рогатаго скота, лошадей и овецъ, губерніи Западной Сибири занимаютъ, по официальнымъ же даннымъ, одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. О богатствѣ скотомъ Киргизской степи и говорить нечего; теперь степь осталась единственнымъ почти источникомъ для приготовленія того сала, которое отпускается изъ Россіи заграницу. Кромѣ сала, скотоводство доставляетъ шерсть, кожи, волосъ, щетину.

ежедневно получаетъ строеніе паровыхъ судовъ передъ парусными, не подлежитъ сомнѣнію *).

Намъ нѣтъ нужды останавливаться долго надъ усиліями русскихъ псевдо-патріотовъ умалить значеніе трудовъ Норденшельда. Мысль открыть въ Карскомъ морѣ судоходное движеніе, казавшаяся неосуществимою со времени знаменитой экспедиціи Баренса въ концѣ XVI вѣка, возродилась только въ послѣднее время вслѣдствіе многочисленныхъ плаваній, начиная съ 1869 г. съ промысловыми цѣлями норвежскихъ судовъ. Мысль эту проводило затѣмъ усердно Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, но не нашло нигдѣ поддержки и сочувствія, даже въ средѣ русскаго Географическаго Общества, признавшаго болѣе полезнымъ снаряженіе чисто ученой экспедиціи къ сѣверному полюсу.

Слѣдовательно то, что сдѣлали Норденшельдъ и его отважные спутники, сдѣлано ими самостоятельно, по собственной инициативѣ.

Первый успѣхъ Норденшельда произвелъ у насъ извѣстное впечатлѣніе, явились проекты идти по слѣдамъ Норденшельда, доказывали, что подобное путешествіе не представляетъ будто бы никакихъ затрудненій. Дѣло ограничилось, однако, только словами и небольшими пожертвованіями г. Сибирякова. Къ счастью, Норденшельдъ не остановился на открытіи пути въ устьи Енисея.

Выйдя 9-го іюля 1878 года изъ Тромсё на пароходѣ „Вега", онъ прибылъ 19-го августа къ Челюскину мысу, обогнулъ восточную сторону полуострова Таймура и направился на сѣверо-востокъ. Съ 3-го сентября льды сильно

---

*) Никакихъ маяковъ мы, конечно, не поставили, а прежде всего попытались устроить въ устьяхъ Оби и Енисея таможни. Между тѣмъ установленіе новаго пути не очень было просто. Баронъ Кнопъ истратилъ на это большой капиталъ, затѣмъ взялось за это дѣло англійское общество „Фениксъ", но по проискамъ сибирскаго купечества попытки послѣдняго заторможены.

препятствовали плаванію и „Вега“ съ большимъ трудомъ достигла бухты Колючиной, гдѣ и прозимовала въ теченіе девяти мѣсяцевъ. Время это было употреблено для ученыхъ трудовъ. 18-го іюля „Вегѣ“ удалось освободиться отъ полярныхъ льдовъ и 20-го іюля 1879 года она обогнула мысъ Сѣверо-восточный и возвратилась въ Европу черезъ Берингговъ проливъ, чѣмъ разрѣшился вопросъ о возможности плаванія по Сибирскому океану, вѣками считавшемуся недоступнымъ для судоходства.

Плаваніе это обратило на себя вниманіе всего образованнаго міра. Не только въ важнѣйшихъ городахъ и портахъ Европы, но даже въ Японіи смѣлый путешественникъ былъ встрѣчаемъ съ восторгомъ, какъ одинъ изъ ученыхъ, труды котораго дѣлаютъ честь XIX вѣку и современемъ сдѣлаются новымъ, крупнымъ источникомъ народнаго благосостоянія.

Только у насъ въ Россіи заслуга Норденшельда не была почему-то оцѣнена по достоинству. Между тѣмъ, если кто дѣйствительно призванъ въ будущемъ широко воспользоваться результатами открытій Норденшельда, пожалованнаго шведскимъ королемъ въ бароны, то это именно наше отечество.

Открытіе доступности для морского судоходства Сибирскаго океана должно произвести современемъ цѣлый переворотъ въ экономическихъ условіяхъ Сибири, т. е. территоріи въ два съ половиною раза превосходящей Европейскую Россію. Эта площадь свободныхъ земель, казавшаяся оторванною отъ международнаго оборота громадными сухопутными пространствами, становится, такъ сказать, въ соприкосновеніе съ цѣлымъ міромъ. Рѣки Сибири — гигантскія артеріи, несшія свои воды въ море, которое справедливѣе всего можно было назвать „мертвымъ“, обращаются въ пути, по коимъ не сегодня-завтра пойдутъ за море милліоны пудовъ новыхъ товаровъ.

Правда, мы видимъ начало дѣла, и людямъ, боязливымъ и рутиннымъ, могутъ показаться плодомъ фантазіи безчис-

ленныя выгоды, ожидаемыя отъ сибирскаго морского пути; но давно ли въ англійскомъ парламентѣ популярнѣйшій англійскій премьеръ-министръ и не менѣе знаменитый инженеръ называлъ проектъ Суэзскаго канала „химерой" и Лессепса „шарлатаномъ, желающимъ вытянуть изъ чужихъ кармановъ деньги". Не прошло двадцати лѣтъ какъ химера обратилась въ величайшее, по своимъ благотворнымъ послѣдствіямъ, промышленное предпріятіе XIX столѣтія, а шарлатанъ въ великаго человѣка.

Барону Норденшельду выпала еще счастливая доля въ томъ отношеніи, что лично его трудовъ и усердія никто не заподозрѣвалъ. Всѣ знаютъ, что имъ двигали лишь высокіе интересы науки, для которыхъ онъ неоднократно готовъ былъ жертвовать даже жизнью. Недостаточное сочувствіе объясняется просто неполнымъ сознаніемъ въ русскомъ обществѣ значенія подвиговъ этого человѣка, котораго скромность превосходитъ еще геній и энергію *).

Хотя С.-Петербургъ уже имѣлъ случай, хотя и довольно скромно, привѣтствовать знаменитаго путешественника послѣ возвращенія его изъ устьевъ Енисея, т. е. послѣ разрѣшенія вопроса о судоходности Карскаго моря, но мы не сомнѣвались, что въ 1880 г., въ моментъ, когда заслуги барона Норденшельда передъ русскимъ обществомъ еще болѣе увеличились, пріемъ, оказанный славному дѣятелю, будетъ соотвѣтствовать старинной репутаціи русскаго гостепріимства. Наше городское самоуправленіе обязано было стать во главѣ предполагаемыхъ овацій, тѣмъ болѣе, что Норденшельдъ родился въ предѣлахъ Русской имперіи отъ

---

*) Мы нѣсколько разъ встрѣчались у покойнаго Л. Э. Нобеля съ Норденшельдомъ въ оба его посѣщенія Петербурга. По наружности баронъ Адольфъ-Эрикъ моложавъ и въ 1880 г. 48 лѣтъ отъ роду имѣлъ видъ нѣмецкаго бурша. Баронъ читаетъ свободно по-русски, но говорить на этомъ языкѣ не хотѣлъ. Болѣе простого и скромнаго обращенія мы не видѣли ни въ одномъ ученомъ, да еще такомъ знаменитомъ. Онъ на всѣхъ производилъ самое лучшее впечатлѣніе.

русскихъ подданныхъ, и только случайное недоразумѣніе послужило причиною, почему наше государство не имѣетъ права считать въ числѣ своихъ подданныхъ знаменитаго ученаго *). Человѣкъ, такъ благородно отплатившій странѣ, не оцѣнившей его въ свое время, представлялъ высокопоучительный примѣръ, съ нравственной стороны.

Норденшельдъ уѣхалъ, однако, очень скоро изъ Петербурга въ Стокгольмъ, подъ предлогомъ поспѣть къ открытію шведскаго сейма, котораго онъ былъ членомъ, и куда онъ внесъ проектъ закона, касавшагося, кажется, санитарныхъ вопросовъ, а по шведской конституціи депутатъ обязанъ лично присутствовать при обсужденіи своего предложенія.

Только пріемъ, оказанный покойнымъ государемъ императоромъ, по любезности превзошелъ, по словамъ Норденшельда, пріемъ всѣхъ другихъ вѣнценосцевъ въ Европѣ. Государь, пригласившій Норденшельда къ своему столу, былъ близко знакомъ съ сущностью открытій знаменитаго путешественника, а познанія на этотъ счетъ Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя, даже поразили барона Норденшельда. Великіе князья Алексѣй Александровичъ и Константинъ Николаевичъ также съ своей стороны выказали барону вниманіе.

Въ нашемъ обществѣ и въ печати пріемъ былъ оказанъ гораздо холоднѣе. Если первому это простительно по извѣстному невѣжеству такъ называемой „образованной" части нашего общества, то для второй равнодушіе къ ученымъ заслугамъ такого рода нельзя уже ничѣмъ извинить.

*) Мы рѣшились, однако, причислить его къ „нашимъ" дѣятелямъ въ этой книгѣ, ибо перемѣна подданства на 25-мъ году жизни человѣка, родившагося въ Гельсингфорсѣ, учившагося въ тамошнемъ университетѣ и ранѣе работавшаго для Россіи (экспедиція на Уралъ), не лишаетъ Русскую имперію правъ на Норденшельда по рожденію, какъ не лишила Италію права гордиться Колумбомъ, который свое открытіе сдѣлалъ въ качествѣ испанца.

Вездѣ заграницею баронъ Норденшельдъ былъ предметомъ восторженныхъ овацій. Министры, городскіе представители, ученыя общества и публика встрѣчали его съ уваженіемъ и признательностью.

У насъ нельзя не указать на нѣсколько прискорбныхъ пробѣловъ. Такъ, Морское Министерство, хотя Норденшельдъ открылъ для дѣятельности нашего флота два новыхъ моря, ровно ничѣмъ не проявило своего къ нему вниманія. Недаромъ Полетика на одномъ обѣдѣ рѣчь свою къ Норденшельду иронически началъ словами: „М. г., вы открыли намъ новый торговый путь по морю, но мы и со старыми морями до сихъ поръ не знаемъ что̀ дѣлать, и оставляемъ ихъ, выражаясь библейскимъ языкомъ, въ „мерзости запустѣнія“; поэтому вы не повѣрите, м. г., въ какое затрудненіе ставите вы теперь насъ вашимъ открытіемъ“... Не многимъ болѣе усердія выказала Академія Наукъ, которой именно слѣдовало бы казаться любезнѣе, такъ какъ тогдашній президентъ академіи пятьдесятъ лѣтъ отрицалъ доступность Карскаго моря—предразсудокъ, блистательно опровергнутый Норденшельдомъ.

О городской думѣ, на обязанности которой было поднести знаменитому ученому, оказавшему Россіи и человѣчеству огромныя услуги, званіе почетнаго гражданина столицы, мы уже не говоримъ, потому что навѣрное двѣ трети означеннаго собранія, привѣтствовавшаго второстепеннаго нѣмецкаго романиста Шпильгагена, не въ силахъ грамотно написать имя славнаго путешественника, не то что оцѣнить его ученые труды. Правда, Неаполь, Лиссабонъ, Парижъ и др. города, для которыхъ Карское море и Сибирскій океанъ въ тысячу разъ менѣе интересны, чѣмъ для насъ, почтили Норденшельда, но то вѣдь заграница и она намъ не указъ.

Къ счастью и помимо означенныхъ пробѣловъ нашлось въ Петербургѣ достаточно людей, сознававшихъ, что воздавать дань ученымъ трудамъ есть лучшій способъ подтверждать свое

собственное достоинство, и баронъ Норденшельдъ не могъ въ общемъ пожаловаться на наше гостепріимство. Конечно, будь онъ итальянскою пѣвицею или фокусникомъ-спиритомъ русское общество, и особенно высшее, отнеслось бы къ нему поживѣе, но для современнаго Васко-де-Гама и сдѣланнаго уже пріема достаточно.

[redacted]

ФИНАНСОВЫЕ ДѢЯТЕЛИ въ XIX СТОЛѢТІИ.

Финансовые дѣятели въ XIX столѣтіи.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ доходы Россіи не превышали шести милліоновъ рублей въ годъ и, не смотря на то, дворъ русскаго царя славился великолѣпіемъ, его армія была многочисленна и при кончинѣ его остались въ казнѣ значительныя суммы. Реформа Петра втянула Россію въ кругъ общеевропейской политики и создала потребности, для удовлетворенія которыхъ государство не имѣло вовсе средствъ, тѣмъ болѣе, что параллельно изъ служилаго класса образовалось дворянство, отчислявшее въ пользу своихъ прихотей не малое количество общенароднаго дохода. Россія была слишкомъ бѣдна для своей роли европейской первоклассной державы и еще въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны правительство было вынуждено понижать подушные оклады, установленные Петромъ Великимъ. „Да позволено будетъ примѣтить, писалъ графъ Канкринъ, что съ тѣхъ временъ (Петровскихъ), не смотря на огромное расширеніе государства, на распространеніе просвѣщенія, на умноженіе народнаго богатства и на постепенное уменьшеніе расходовъ къ одному великолѣпію относящихся, казна по соразмѣрности стала бѣднѣе“. Въ 1768 году весь итогъ государственныхъ доходовъ состав-

лилъ около $22^1/_2$ милл. руб. и только въ $1^1/_2$ раза превосходилъ доходы временъ Преобразователя.

Царствованіе Екатерины до сихъ поръ представляется въ неправильномъ освѣщеніи вслѣдствіе отсутствія сколько нибудь обработанной по документамъ его исторіи. Соловьевъ коснулся лишь нѣсколькихъ лѣтъ и то почти исключительно съ точки зрѣнія иностранной политики. Затѣмъ хвалы иностранныхъ панегиристовъ и пресловутый Наказъ затемняютъ безпристрастную оцѣнку тѣхъ, кто увлекается фразой. По наивности многіе дѣйствительно принимаютъ Наказъ за программу правительственныхъ дѣйствій, не зная, что эта женская компиляція красивыхъ тирадъ изъ Монтескье и Беккаріа была запрещена заграницею, а въ Россіи дозволялась къ чтенію только немногимъ избраннымъ.

Не имѣя же основательной политической исторіи нельзя написать и финансовой исторіи какой либо эпохи. Поэтому г. Куломзинъ *), которому мы обязаны освѣщеніемъ исторіи екатерининскихъ финансовъ, обратилъ вниманіе, что для такого труда недоставало даже первоначальной канвы—официальныхъ документовъ. Финансы болѣе другихъ отраслей государственнаго управленія облекались государственною тайною и лишь нынѣшнему царствованію суждено было отрѣшиться отъ застарѣлыхъ въ этомъ отношеніи предразсудковъ. Розысканіемъ необходимыхъ документовъ за царствованіе Екатерины въ архивахъ, приведеніемъ ихъ въ систему и опубликованіемъ, по порученію Русскаго Историческаго Общества, и занялся поэтому прежде всего почтенный авторъ, которому наша экономическая литература обязана уже нѣсколькими интересными финансовыми трудами.

Матеріалы собранные съ немалыми усиліями г. Куломзинымъ, проливаютъ значительный свѣтъ на финансовое положеніе въ царствованіе Екатерины и хотя далеко еще

*) А. Куломзинъ. Финансовые документы царствованія императрицы Екатерины II. Томъ I-й.

не даютъ возможности сдѣлать заключеніе о финансовой политикѣ ея времени, все-таки позволяютъ судить о пріемахъ и воззрѣніяхъ тогдашнихъ финансистовъ. Эти пріемы поражаютъ своею первобытною простотою и незамысловатостью при полномъ отсутствіи желанія ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Г. Куломзинъ упоминаетъ, правда, о „геніальныхъ заглядываніяхъ впередъ", твердой политикѣ и т. д., но это лишь общепринятый façon de parler, нисколько не уясняющій сущности дѣла.

Суть эта состояла въ „изворотахъ", какъ называли тогда финансовыя комбинаціи, т. е. въ заботѣ исключительно о текущемъ днѣ безъ малѣйшаго желанія сколько нибудь стать на почву общихъ интересовъ. Политика графа Шувалова въ царствованіе Елисаветы, которое Екатерина II постоянно осмѣиваетъ въ своихъ сочиненіяхъ, была, пожалуй, основательнѣе, чѣмъ финансовая администрація второй половины XVIII столѣтія. Быть можетъ, дѣятели ея, не тѣ фавориты, что графъ Воронцовъ въ своей запискѣ называетъ „наглыми деспотами", были честнѣе финансовыхъ дѣятелей первой половины, изъ которыхъ нѣкоторые сложили голову на плахѣ, но въ общемъ финансы годъ отъ году шли хуже и хуже, и государственное банкротство 1810 года въ главныхъ своихъ чертахъ обязано именно финансовой политикѣ Екатериненскаго царствованія.

Мы упомянули выше о 1768 г. Онъ дѣйствительно примѣчателенъ въ исторіи нашихъ финансовъ, такъ какъ въ этомъ году Екатерина II открыла источникъ для пополненія недостающихъ въ странѣ капиталовъ — ассигнаціи! Этотъ магическій жезлъ далъ ей средства выдержать нѣсколько войнъ, раздѣлить Польшу, завоевать и колонизировать Новороссійскій край, Крымъ и Кубанскую область, чего, какъ остроумно замѣтилъ одинъ публицистъ, „нельзя было сдѣлать на мѣдныя деньги". Правительство сознавало, однако, что замѣна мѣди ассигнаціями дѣло рисковое и многократно давало торжественныя заклятія не выпускать болѣе ассигнацій въ обращеніе. Такія обѣщанія были да-

ваемы въ 1774 и 1786 гг. и ни разу не сдерживались. Къ плохому финансовому хозяйству присоединился хаосъ денежнаго обращенія и исторія русскихъ финансовъ съ 1768 г. до послѣдняго времени представляетъ зрѣлище невообразимой путаницы, освѣтить которую можетъ только первоклассный экономистъ-историкъ, а водворить въ которой полный порядокъ подъ силу развѣ геніальному государственному дѣятелю.

Но, не касаясь прошлаго столѣтія, а взявъ въ соображеніе время только съ учрежденія Министерства Финансовъ, мы увидимъ, что дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ составлялъ нормальное явленіе въ Россіи почти до нашихъ дней; не было дефицита только нѣсколько лѣтъ до послѣдней войны и то, быть можетъ, благодаря счетоводству, отдѣлившему хозяйство такихъ чисто казенныхъ учрежденій, какъ Государственный банкъ и желѣзнодорожный фондъ, въ особыя рубрики. Сдѣлать очеркъ покрытія нашего дефицита — значитъ написать исторію русскихъ финансовъ за послѣднее время. Такая задача даже въ сжатомъ видѣ очень была бы поучительна, но по обширности ея мы не беремся за нее, а ограничимся только общимъ обзоромъ наиболѣе крупныхъ мѣропріятій, которые характеризуютъ взгляды и характеръ нашихъ финансистовъ.

Цифровый матеріалъ для исторіи финансовъ нынѣшняго столѣтія собранъ г. Бліохомъ (**И. С. Бліохъ.** Финансы Россіи XIX столѣтія). Къ сожалѣнію, онъ разработанъ въ слишкомъ доктринерскомъ духѣ. Экономическія явленія невольно, впрочемъ, объясняются сообразно точки зрѣнія партіи или школы, къ которой принадлежитъ писатель. Мы, обходя схоластическія тонкости и мелкіе интересы, старались принадлежать къ партіи самой многочисленной въ каждой странѣ, въ каждомъ государствѣ — къ партіи здраваго смысла. Руководствуясь этимъ широкимъ народнымъ сознаніемъ, мы всегда преслѣдовали школьную рутину и заносчивое верхоглядство, такъ рѣзко проявившія себя

въ послѣднее 30-лѣтіе въ нашей экономической дѣятельности и литературѣ.

Экономическіе принципы, которыхъ мы держимся, очень просты. Они совпадаютъ съ мнѣніемъ, такъ хорошо резюмированнымъ однимъ умнымъ австрійскимъ министромъ, что „въ финансахъ чудесъ еще никто не показывалъ". Поэтому всѣ фантастическіе проекты, всѣ банкирскіе кунштюки, ведутъ только къ эксплоатаціи Россіи; финансы можно исправить или умною бережливостью, или увеличеніемъ доходовъ государства, взятыхъ, однако, не изъ необходимаго, а изъ излишняго. Министръ финансовъ не долженъ вести себя какъ Робертъ Вальполь, о которомъ англичане говорили: „ему не нужно зимою муфты, потому что онъ постоянно держитъ руки въ нашихъ карманахъ".

Мы не принимаемъ подъ свою защиту и такъ называемыхъ „потребителей", потому что въ благоустроенномъ государствѣ всѣ потребители суть вмѣстѣ съ тѣмъ и производители, въ особенности въ Россіи, гдѣ почва ищетъ работника. Съ другой стороны интересы производства, поощреніе и благоразумное охраненіе его отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, отъ жадныхъ иностранныхъ спекулянтовъ и отъ недоученыхъ экономистовъ должны находить защиту. Нельзя сочувствовать однимъ классамъ общества въ ущербъ другихъ, но должно оберегать одинаково всѣ интересы землевладѣнія, капитала и труда.

Пессимистическій взглядъ на русскіе финансы установился давно. По словамъ Дюгамеля, Канкринъ говорилъ своимъ приближеннымъ: „что бы мы ни дѣлали, а Россія всегда останется банкротомъ". Причины этого онъ видѣлъ въ чрезмѣрности расходовъ на военную часть. Послѣ того мысль о банкротствѣ нѣсколько разъ проскальзывала въ обществѣ. Правда были такіе оптимисты, какъ покойный графъ Г. А. Строгановъ, который говорилъ: „Все, кажущееся неисправимымъ у другихъ, легко исправимо у насъ однимъ почеркомъ пера; стоитъ лишь издать указъ: сидѣть всѣмъ дома пять лѣтъ и ѣсть щи съ кашей, запивая квасомъ,

и тогда финансы правительства и наши придутъ въ цвѣтущее состояніе". Но въ подобныхъ героическихъ средствахъ надобности не предстоитъ. Исторія финансовъ въ три послѣдніе годы показала, что разстройство нашихъ финансовъ казалось сильнѣе, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, и что если экономическое положеніе наше дурно, то далеко не отчаянно.

Графъ А. И. Васильевъ и Ѳ. А. Голубцовъ.

Никогда русскіе финансы не были такъ плохи, какъ въ царствованіе императора Александра I; почти безпрерывныя войны съ 1805 по 1815 годы и континентальная система привели Россію къ замаскированному государственному банкротству 1839 года, болѣе благозвучно названному „переложеніемъ ассигнаціоннаго счета на серебро“.

Уничтоженіе коллегій было естественнымъ послѣдствіемъ реформъ царствованія Екатерины II и единоличное управленіе опредѣлилось ужъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Учрежденіе министерствъ придало только этому управленію болѣе правильныя формы. Первый русскій министръ финансовъ, со времени образованія министерствъ по указу 8-го сентября 1802 года, графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, былъ исправный, трудолюбивый чиновникъ, незнатнаго происхожденія и скромнаго образа жизни, попавшій въ министры лишь за отсутствіемъ подходящихъ людей. Съ первыхъ шаговъ, однако, товарищемъ его сдѣлался искательный и ловкій Гурьевъ, имѣвшій сильныя связи въ аристократическомъ кругу. Одновременно Гурьевъ управлялъ Кабинетомъ Е. В., а съ 1805, удѣлами, и будучи независимъ, постоянно расходился во мнѣніяхъ со своимъ министромъ и искалъ его мѣста. Васильевъ оставался у власти пять лѣтъ въ составѣ министерства, которое называли „англійскимъ“.

Васильевъ былъ женатъ на кн. В. С. Урусовой, родственницѣ по женѣ кн. Вяземскаго. Сначала онъ былъ оберъ-секретаремъ въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ, затѣмъ управлялъ этой экспедиціей и достигъ при Павлѣ I мѣста сенатора, государственнаго казначея, соотвѣтствовавшей теперешнему государственному контролеру, и главнаго директора медицинской коллегіи. Онъ получилъ титулъ барона, но затѣмъ впалъ въ немилость по недоброжелательству генералъ-прокурора Обольянинова и графа Кутайсова. При вступленіи на престолъ Александръ I немедленно вновь назначилъ Васильева государственнымъ казначеемъ вмѣсто Державина. Васильевъ при этомъ получилъ всемилостивѣйшій рескриптъ, гдѣ расхваливался за искусное управленіе государственными доходами. При учрежденіи министерствъ Васильева первоначально было прочили въ генералъ-прокуроры (министры юстиціи), но за отказомъ, по просьбѣ его, сдѣлали министромъ финансовъ.

Офиціальная оцѣнка Васильева сдѣлана въ указѣ Правительствующему Сенату 18-го августа 1807 г., гдѣ сказано: „сверхъ особенныхъ достоинствъ и заслугъ государственнаго человѣка, представлялъ онъ собою въ домашней жизни примѣръ добродѣтельнаго гражданина и по всѣмъ симъ отношеніямъ, пріобрѣтшимъ ему всеобщее уваженіе и Наше особенное благоволеніе и довѣренность, заслуживаетъ онъ пребыть въ памяти признательнаго отечества“. Частныя мнѣнія о первомъ нашемъ министрѣ финансовъ весьма различны. Изъ современниковъ наблюдательный иностранецъ Гельбигъ (Русскіе избранники и случайные люди) писалъ: „Васильевъ былъ темнаго происхожденія, но возмѣщалъ этотъ невольный недостатокъ такими способностями и познаніями, которыя составили бы честь самому высокому рожденію. Васильевъ началъ свою карьеру въ канцеляріи князя Вяземскаго. Въ школѣ этого прекраснаго учителя, котораго, однако, онъ превышалъ, получилъ онъ такія свѣдѣнія о силѣ и способности Россійской имперіи, какихъ до него не имѣлъ ни одинъ министръ финансовъ. Его до-

брый, благодѣтельный и твердый характеръ увеличивалъ еще цѣну его превосходныхъ дарованій".

Вигель также говоритъ о Васильевѣ съ сочувствіемъ, хотя прибавляетъ, что „между новыми министрами Васильевъ сохранилъ физіономію прежнихъ временъ. Необходимость заставила молодежь, окружавшую Александра I, пріобщить графа Васильева къ ихъ предпріятіямъ; и онъ, не въ силахъ будучи остановить потока, рѣшился по крайней мѣрѣ, пустивъ огромную ладью свою по его теченію, стараться, сколько возможно, спасать ее отъ бурь". Хотя финансовая наука была не столь трудна и многосложна, какъ нынѣ, однако же, кромѣ его, некому было тогда въ Россіи поручить эту часть. „Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и малыхъ чиновъ всегда прилежно занимался ею, и хотя въ званіи государственнаго казначея и подчиненъ былъ генералъ-прокурору, но дѣйствовалъ почти независимо. Въ немъ, прибавляетъ Вигель, была вся скромность великихъ, истинныхъ достоинствъ; онъ былъ въ отношеніи къ Мордвинову, какъ мудрецъ къ софисту. Простота его жизни была не притязаніе на оригинальность, не слѣдствіе разсчетовъ, а умѣренности желаній и давнишнихъ привычекъ. Будучи происхожденія незнатнаго, едва ли дворянскаго, онъ не ослѣплялся счастіемъ, никогда не забывался среди успѣховъ. Самъ Сперанскій разсказывалъ при мнѣ, какъ даже онъ былъ тронутъ патріархальностію, которою все дышало въ его домѣ".

Болѣе уклончиво мнѣніе умнаго графа П. И. Завадовскаго въ его запискахъ. „Министръ финансовъ въ пространномъ смыслѣ его званія, я не спорю, говоритъ онъ, имѣетъ недостатки; но у насъ сія часть въ сравненіи съ другими государствами иной образъ, иныя правила имѣетъ. Наблюдать статьи приходовъ и расходовъ только и дѣла; посему образу начальникъ можетъ управлять первыми правилами ариѳметики. Благополучны мы въ томъ, что еще не достигли до тонкихъ умственныхъ изворотовъ, требующихъ отличной головы... Я ни по чему не замѣтилъ худой въ

немъ нравственности, а, напротивъ, по своему благопріятству онъ вообще любимъ... Корыстолюбіе (его) порицается может праведно, можетъ и ложно. Я ни отрицаю, ни утверждаю, ибо не знаю того; но въ маломъ числѣ нахожу его лучшимъ человѣкомъ; къ тому имѣетъ духъ и твердость".

Державинъ, который долго дружилъ съ гр. Васильевымъ, а впослѣдствіи изъ-за служебнаго соперничества отъ него удалившійся (**Я. Гротъ.** Жизнь Державина), обвиняетъ въ своихъ запискахъ Васильева въ корыстолюбіи и пристрастіи, увѣряя, что при немъ „тащилъ казну всякій по своему желанію" и что онъ ему въ Сенатѣ сказалъ въ глаза: „вы въ такомъ болотѣ безотчетностью вашею, изъ коего вамъ во вѣкъ не выбраться". Отзывы Державина не безпристрастны. Онъ былъ недоволенъ Васильевымъ за непріятности во время губернаторства въ Тамбовѣ; поэтому, будучи государственнымъ казначеемъ, и обвинилъ Васильева въ безпорядочной отчетности. Совѣтъ, однако, нашелъ всѣ дѣйствія Васильева согласными съ государственной пользой.

Г. Бліохъ пишетъ, что всѣ отчеты за время управленія Васильева недобросовѣстная подтасовка, что послѣдній держался пословицы „рука руку моетъ", что въ системѣ тогдашняго финансоваго управленія не существовало ни единства, ни стремленія къ поправленію сильно разстроенныхъ финансовъ и что для улучшенія государственныхъ финансовъ было сдѣлано чрезвычайно мало. Дѣйствительно, хотя лажъ, поднявшійся отъ войны 1799 г., упалъ и дефициты были сначала незначительны, но новыхъ ассигнацій все-таки было выпущено на 40 милл. р. и введенный императоромъ Павломъ налогъ на дворянское сословіе для содержанія присутственныхъ мѣстъ, въ размѣрѣ 1.640,000 р., разложенъ на крестьянъ, въ видѣ прибавки 18 к. къ подушной подати.

Ожидавшійся съ 1804 г. разрывъ съ Франціей увеличилъ военные расходы и сразу сдѣлалъ дефицитъ уже очень чувствительнымъ. Несчастныя войны 1805, 1806, 1807 гг.,

а равно войны шведская, турецкая и персидская отозвались очень тяжело. Англія заплатила намъ субсидій только 2.457,185 р., въ 1807 г., и пришлось дѣлать огромные выпуски бумажныхъ денегъ.

Въ активъ нашему первому министру финансовъ надобно поставить учрежденіе учетныхъ конторъ, подчиненныхъ Ассигнаціонному банку, и горное положеніе 1806 г. (составленное Дерябинымъ). Съ незначительными измѣненіями оно до сихъ поръ образуетъ основаніе нашего горнаго законодательства.

Счастіе, сопутствовавшее Васильеву всегда въ жизни, не покинуло его при концѣ ея: „ибо, что можетъ быть, замѣчаетъ Вигель, счастливѣе, какъ во-время умереть? Онъ скончался въ концѣ августа, а въ половинѣ сентября объявлена война Англіи. Бремя, имъ носимое, само собою легло на давно уже подставившаго подъ него рамена свои, племянника его, Ѳедора Александровича Голубцова, и черезъ два года потомъ его раздавило".

Голубцовъ съ меньшимъ братомъ своимъ Иваномъ были родные племянники графа Васильева, подъ начальствомъ и руководствомъ коего они начали службу при князѣ Вяземскомъ: канцелярія этого генералъ-прокурора была разсадникомъ полезныхъ для государства людей. Оба брата были тайными совѣтниками и управляли экспедиціями казначейства; когда въ сентябрѣ 1802 г. меньшой умеръ, старшій, по случаю назначенія графа Васильева министромъ финансовъ, сдѣланъ государственнымъ казначеемъ на его мѣсто, но подъ его же начальствомъ. Общее мнѣніе предназначало его преемникомъ дяди, какъ это и случилось. Желчный Державинъ, который имѣлъ какіе то съ Голубцовымъ денежные счеты, называетъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ „грабителемъ", что не помѣшало ему вмѣшаться въ ссору Голубцова съ Васильевымъ и содѣйствовать для обличенія послѣдняго назначенію Голубцову присутствовать въ Комитетѣ Министровъ, гдѣ, впрочемъ къ неудовольствію Державина, между дядею и племянникомъ водворилось полное

согласіе. Корфъ (Жизнь Сперанскаго) называетъ Голубцова добродушнымъ, но слабымъ и свидѣтельствуетъ, что онъ держался преимущественно угодливостью Аракчееву. По словамъ Вигеля, это былъ хилый, желтенькій, опрятненькій человѣкъ, съ добродушною улыбкой и такой ласковый, какъ никто изъ должностныхъ въ Петербургѣ людей.

Ласковость, однако, не дѣлаетъ человѣка финансистомъ. Ухудшеніе финансовъ началось съ момента разрыва со Швеціей и дошло до апогея вслѣдствіе войны съ Англіей, убившей нашу внѣшнюю торговлю, тогда исключительно морскую. Преобразованіе экспедиціи государственныхъ доходовъ и выпускъ заемныхъ изъ казначейства билетовъ дѣлу не помогли и къ 1810 г. финансы Россіи были ужасно разстроены; выпускъ ассигнацій дошелъ до 577 милл. и промѣнъ ихъ составлялъ въ началѣ года 150 проц., а въ концѣ упалъ до 300 проц. Стѣсненіе внѣшней торговли по Тильзитскому миру повлекло за собою уменьшеніе поступленія податей и косвенныхъ налоговъ. Дефицитъ былъ исчисленъ въ 105 милл. руб., не считая убытковъ отъ дальнѣйшаго упадка цѣны ассигнацій. Министромъ финансовъ былъ уже въ этотъ моментъ Гурьевъ, такъ какъ слабохарактерный Голубцовъ неосторожностью секретаря былъ изобличенъ во взяткахъ. Финансовая часть находилась въ это время или въ рукахъ людей совершенно неспособныхъ, или не возвышавшихся надъ уровнемъ простой практической опытности. Въ 1810 г. оставалось немного людей и послѣдняго рода.

Императоръ Александръ не зналъ, кому ввѣрить это злосчастное министерство, и обратился поневолѣ къ Гурьеву, поручивъ Сперанскому составленіе плана финансовыхъ преобразованій. Вигель увольненіе Голубцова объясняетъ иначе. Осторожность, робость и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельность Голубцова не могли нравиться Сперанскому: онъ почиталъ его человѣкомъ, завязшимъ въ старинной, изъѣзженной колеѣ. Голубцовъ все страшился чрезвычайныхъ займовъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ финансовая политика начинала почи-

таться важнѣйшею, а отъ Голубцова не могъ Сперанскій ожидать совершенной покорности. Послѣдній даже не хотѣлъ ему дать мѣста въ новомъ своемъ Государственномъ Совѣтѣ, а въ указѣ объ увольненіи Голубцова ни слова не упомянулъ о его просьбѣ. Замѣчательно что, по словамъ Корфа, Голубцовъ не сохранилъ никакого злопамятства къ виновнику своего удаленія.

Графъ Д. А. Гурьевъ.

Гурьевъ, говоритъ Вигель, всегда былъ чрезвычайно искателенъ и угодливъ. Онъ случайно познакомился съ однимъ молодымъ женоподобнымъ милліонеромъ, графомъ Скавронскимъ, внукомъ родного брата императрицы Екатерины I, умѣлъ ему полюбиться, и болѣе трехъ лѣтъ странствовалъ съ нимъ по Европѣ. Этотъ Скавронской былъ великій чудакъ; никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи; всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какую-то ералашъ, давалъ концерты, и слуги его не иначе имѣли дозволеніе говорить съ нимъ какъ речитативами. Когда Скавронской воротился въ Петербургъ, всѣ знатныя дѣвицы стали искать его руки, а онъ о женитьбѣ и слышать не хотѣлъ. Наконецъ, самъ князь Потемкинъ пожелалъ выдать за него племянницу свою Энгельгардтъ. Одинъ только Гурьевъ могъ устроить это дѣло и стараніями его бракъ состоялся. По ходатайству князя Потемкина скоро получилъ онъ камеръ-юнкерство, и сверхъ того отъ Скавронскаго три тысячи душъ. Молодость, иностранная образованность, придворный чинъ, богатство, все это позволяло Гурьеву думать о выгодной партіи: только новость его имени мѣшала ему получить права гражданства въ аристократическомъ мірѣ; онъ скоро пріобрѣлъ ихъ, же-

нившись на графинѣ П. Н. Салтыковой. Гурьевъ не даромъ путешествовалъ заграницей, онъ тамъ усовершенствовалъ себя по части гастрономической; на этотъ счетъ у него былъ дѣйствительно изобрѣтательный геній, и есть паштеты, котлеты и каша, которые носятъ его имя. Онъ давалъ обѣды знакомымъ, новымъ роднымъ своимъ, и домъ его почитался въ Петербургѣ однимъ изъ лучшихъ.

Послѣ кончины гр. Васильева, Гурьевъ надѣялся стать его преемникомъ; но управляющимъ министерствомъ сдѣлали Голубцова, и Гурьеву, старѣе его чиномъ, нельзя было оставаться его товарищемъ. Однако Гурьевъ выждалъ, и, по словамъ Державина, происками достигъ своей цѣли (1-го января 1810 г.), заручившись напередъ покровительствомъ Сперанскаго. Гурьевъ имѣлъ вообще много сторонниковъ и пользовался поддержкою Аракчеева. Въ бытность свою товарищемъ двухъ министровъ, Гурьевъ никогда не соглашался съ ними; поэтому ему не нравилось и постоянное вмѣшательство Сперанскаго въ финансовыя дѣла. Но послѣдній и здѣсь былъ верховнымъ распорядителемъ, даже въ частныхъ вопросахъ. Въ положеніи Государственнаго Совѣта такъ было все устроено, что Сперанскій могъ любое министерство или изъ него любую часть забирать къ себѣ въ руки; поэтому, до паденія Сперанскаго, Гурьевъ сначала былъ только именемъ министръ финансовъ, настоящимъ же не переставалъ быть Сперанскій, не входя, впрочемъ, ни въ какія внутреннія по департаментамъ распоряженія.

Кѣмъ-то было вѣрно сказано, что Сперанскій „преимущественно чиновникъ огромнаго размѣра". Въ такомъ же смыслѣ онъ былъ и финансистъ. При всей наклонности своей къ нововведеніямъ, Сперанскій мало имѣлъ въ себѣ почина и творчества. Въ нововведеніяхъ своихъ онъ былъ только подражатель. Умъ его былъ гибкій и воспріимчивый, но не глубокій *). Поэтому онъ охотно пользовался чужими мнѣ-

*) Такъ, отдѣливъ отъ Министерства Финансовъ контроль и желая отдѣлить казначейство, онъ, въ явное отступленіе отъ своей руководящей мысли, присоединилъ къ Министерству Финансовъ Министерство Коммерціи.

ціями и недостатокъ теоретическихъ познаній въ финансахъ пополнялъ совѣщаніями съ наиболѣе тогда просвѣщенными для своего времени государственными дѣятелями, особенно съ Мордвиновымъ.

Такимъ образомъ былъ составленъ и знаменитый манифестъ 2-го февраля 1810 г., единственный въ своемъ родѣ документъ во всей русской финансовой исторіи.

Первоначальная записка по этому предмету была написана профессорами Балугьянскимъ, Вирстомъ и Якобомъ, но передѣлана Сперанскимъ, и въ исправленномъ видѣ поступила на разсмотрѣніе довѣреннаго кружка лицъ, собиравшагося по преимуществу на обѣденныхъ совѣщаніяхъ у графа Северина Потоцкаго и состоявшаго изъ Сперанскаго, Мордвинова, Кочубея, Кампенгаузена и Балугьянскаго. Выработанный такимъ образомъ проектъ поступилъ на разсмотрѣніе комитета, собиравшагося у Гурьева, и затѣмъ, съ образованіемъ Государственнаго Совѣта, переданъ былъ на его заключеніе. Главная цѣль проекта заключалась въ томъ, чтобы исправить финансовое положеніе Россіи посредствомъ строгой бережливости и безусловной вѣрности предполагаемой смѣтѣ расходовъ.

Самъ Сперанскій пользу произведенной имъ перемѣны такъ излагалъ: „Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ подлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, и, въ концѣ всего, ожидать еще ревизій контролера“.

Въ манифестѣ, составленномъ на основаніи записки и носящемъ названіе финансоваго плана Сперанскаго, ассигнаціи признавались государственнымъ долгомъ, новый выпускъ ихъ пресѣкался, всѣ казенныя суммы объявлялись принадлежащими казначейству и расходы изъ нихъ обыкновенные и экстраординарные могли производиться не иначе какъ по представленію министра финансовъ въ Государ-

ственный Совѣтъ. Государственная роспись должна была съ 1811 г. публиковаться, а для покрытія дефицита, кромѣ уменьшенія расходовъ на 20 милл. руб., т. е. на 15 проц., установлялись новые налоги въ количествѣ 45 милл. руб. и въ томъ числѣ сборъ со всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, не исключая удѣльныхъ и прочихъ императорской фамиліи; сборъ, какъ сказано въ манифестѣ, умѣренной части чистаго дохода, считая по 50 коп. съ ревизской души. Подушная подать была возвышена для крестьянъ до 2 р., для мѣщанъ до 5 р., оброчная подать до $5^1/_2$—8 р.; повышены въ цѣнѣ: гербовая бумага, соль съ 40 к. до рубля за пудъ, паспорты, подать съ мѣди на 3 р., установлены новые налоги въ столицахъ съ торгующихъ крестьянъ, иностранныхъ ремесленниковъ, съ домовъ и купеческихъ капиталовъ по $^1/_2$ проц. съ рубля. Далѣе былъ опубликованъ новый таможенный тарифъ, поощрявшій вывозъ и внутреннюю промышленность и сокращавшій привозъ, обязанностью при взиманіи пошлинъ считать талеръ не въ $2^1/_2$, а въ 4 руб. ассигнаціями; объявленъ внутренній 6-ти процентный заемъ въ 100.000,000 р. въ пять сроковъ и назначены въ продажу съ публичнаго торга изъ государственныхъ имуществъ часть оброчныхъ статей, казенныхъ лѣсовъ, арендныхъ и другихъ имѣній на сумму по оцѣнкѣ 133 милл. р., а по ожидающейся цѣнѣ 200 милл. р. Эти суммы должны были служить фондомъ для образованной тогда комиссіи погашенія государственныхъ долговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была преобразована монетная система принятіемъ серебрянаго рубля вмѣсто мѣднаго за валюту.

Планъ этотъ по времени замѣчателенъ. Онъ былъ поддержанъ запискою графа Кочубея, поданною императору Александру, объ исправленіи финансовой системы; здѣсь рекомендовалось сокращеніе арміи и флота и вообще уменьшеніе военныхъ издержекъ, а также принятіе мѣръ къ ослабленію роскоши. Кромѣ тарифа, налоговъ и части займа, манифестъ 2-го февраля не былъ приведенъ, однако, въ исполненіе за паденіемъ Сперанскаго.

Война 1812 года послужила графу Гурьеву удобнымъ предлогомъ для отреченія отъ всѣхъ мѣръ, предложенныхъ въ манифестѣ 1810 г. Кочубей, недавній защитникъ системы Сперанскаго, теперь написалъ новую записку, гдѣ развивалъ мнѣніе, что система эта отличалась полною непримѣнимостью, а потому и была неудачной. Еще ранѣе Чичаговъ рѣзко возставалъ въ Государственномъ Совѣтѣ противъ погашенія ассигнацій помощью повышенія налоговъ, но еще рѣзче возсталъ въ 1811 году Карамзинъ въ знаменитой запискѣ о древней и новой Россіи. Критикуя планъ Сперанскаго, находившій сочувствіе только въ либеральныхъ кружкахъ того времени, Карамзинъ, мало свѣдущій въ финансовыхъ вопросахъ, писалъ, что „еслибъ государь далъ намъ клейменныя щепки и велѣлъ ходить имъ вмѣсто рублей, нашедши способъ предохранять насъ отъ фальшивыхъ монетъ деревянныхъ, то мы взяли бы и щепки". Карамзинъ, былъ, впрочемъ, отчасти правъ, въ томъ отношеніи, что слишкомъ поспѣшно предъявленное въ 1810 г. требованіе, чтобы всѣ сдѣлки соображались со звонкою монетою, содѣйствовало обезцѣненію ассигнацій.

Манифестъ 9-го апрѣля 1812 г. о введеніи повсемѣстно единообразнаго обращенія государственныхъ банковыхъ ассигнацій устранилъ одно изъ главныхъ основаній плана Сперанскаго — сокращеніе бумажныхъ денегъ. Но законъ этотъ, коимъ было повелѣно всѣ опредѣленные на серебряный рубль платежи взимать по курсу на ассигнаціи, всѣ условія и договоры означать только на ассигнаціи, всѣ выдачи производить ассигнаціями по курсу, прежнія обязательства, хотя бы и писанныя на серебро, уплачивать по произволу ассигнаціями по курсу того дня, когда производится уплата, привелъ денежное обращеніе въ безчисленное замѣшательство, создавъ тотъ простонародный лажъ, который съ величайшими усиліями удалось ослабить только двадцать лѣтъ спустя*). Манифестъ 1812 г., какъ справедливо было

*) Ассигнаціонный счетъ до сихъ поръ находитъ у насъ защитниковъ, конечно не между экономистами. Мы, признаться, не видимъ

замѣчено (**И. Кауфманъ**, Кредитные билеты), и положилъ начало той девальваціи ассигнаціоннаго рубля, которая закончилась въ 1839 г. Сдѣлавъ принудительнымъ биржевой курсъ рубля, манифестъ 9-го апрѣля осудилъ ассигнаціонный рубль на невозможность когда нибудь поправиться выше 28 копѣекъ.

блага въ томъ, что до 1839 г. было въ Россіи два курса, одинъ правительственный, а другой народный или торговый, постоянно измѣнявшійся. Высказывалось мнѣніе, что этотъ-то народный курсъ или лажъ содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, удержанію въ Россіи монеты. На это прежде всего надобно замѣтить, что два курса не составляютъ особенности Россіи. Они постоянно наблюдаются въ Турціи, Египтѣ и др. мѣстахъ, служа лишь доказательствомъ крайней неустойчивости монетной системы правительства. То, что защитники ассигнацій считаютъ благомъ, а именно, что отъ скупки монеты то тамъ, то сямъ лажъ быстро возросталъ, въ свое время считалось зломъ. По крайней мѣрѣ графъ Канкринъ, въ своей рѣчи въ 1839 г. Совѣту государственныхъ кредитныхъ установленій, различіе лажа по разнымъ городамъ Россіи объясняетъ вовсе не желаніемъ удержать монету внутри государства, а совсѣмъ иначе.

„Очевидно, стремленіе этого злоупотребленія, говоритъ онъ, клонилось къ тому, чтобы пріобрѣсть возможность дешевой расплаты посредствомъ произвольнаго повышенія лажа—по долгамъ, незадолго до того сдѣланнымъ и вообще ажіотировать всевозможнымъ образомъ. Въ началѣ незначительный ажіотажъ возросъ до такой степени, что наконецъ набавлялось до 27 проц. какъ на серебряную монету, такъ и на бумажныя деньги, причемъ каждая губернія имѣла свой особый лажъ. Такое положеніе дѣлъ составляло настоящее народное бѣдствіе“.

Изобиліе монеты происходило вовсе не отъ существованія народнаго лажа, а оттого, что мирное время, наступившее послѣ 1814 г., оживило торговлю. Промышленность поднялась отъ запретительнаго тарифа 1822 г., упрочившійся кредитъ государства, сокращеніе количества ассигнацій и экономія въ финансахъ также содѣйствовали улучшенію экономическаго положенія Россіи. При оживленіи оборотовъ, при сильномъ спросѣ на деньги въ то время, когда никакихъ частныхъ банковъ не было, количество ассигнацій, представлявшихъ цѣнность только въ 210 милл. металлическихъ рублей, едва ли могло удовлетворять потребностямъ въ орудіяхъ обращенія. Оно-то содѣйствовало повышенію курса ассигнаціоннаго рубля и дало возможность звонкой монетѣ въ значительномъ количествѣ появиться на денежномъ рынкѣ.

Войны 1812—1815 гг. привели къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Сборъ съ помѣщичьихъ и удѣльныхъ имѣній просуществовалъ лишь одинъ годъ. Не смотря на обѣщаніе „пресѣчь" выпуски, къ 1817 г. число ассигнацій возросло до 836 милл. руб., рубль серебряный стоилъ въ 1815 г. 4 р. 18 к. ассигнаціями и даже по заключеніи мира понизился только до 3 р. 83 к. Между тѣмъ собрано было болѣе 100 милл. руб. частныхъ пожертвованій, Англія выдала намъ субсидій въ 1813 г.—35.634,695 р., въ 1814 г.—46.550,251 р., въ 1815 г.—50.257,644 р., да на Францію пала часть издержекъ по продовольствію войскъ.

Гурьевъ, опасаясь непопулярности, избѣгалъ было новыхъ налоговъ. Общественное мнѣніе винило уже за нихъ Сперанскаго. „Подать, писалъ одинъ изъ современниковъ, сама не такъ бы была отяготительна, но больно платить съ увѣреніемъ, что отъ помощи сей не послѣдуетъ пользы — улучшенія финансовъ, погашенія государственныхъ долговъ и пр. Нѣтъ упованія въ мѣрахъ правительства. Деньги будутъ расхищены; не получится и отчета въ ихъ употребленіи". Разстройство финансовой системы, происшедшее отъ слишкомъ глубокихъ и долго дѣйствовавшихъ причинъ, не могло быть исправлено въ два года. Этого не хотѣли знать противники новой системы. И даже Гурьевъ велъ горячіе споры въ Государственномъ Совѣтѣ со Сперанскимъ. Обстоятельства были таковы, что Гурьевъ прибѣгнулъ все-таки къ новымъ налогамъ, которые еще болѣе возбудили негодованіе. Такъ, наприм., былъ прибавленъ къ подушной подати рубль, оброчной 2 р., съ купеческихъ капиталовъ $2^1/_2$ проц., введена пошлина съ пива, повышена цѣна гербовой бумаги, паспортовъ, подорожень, увеличена пошлина на чай, почтовые сборы, подати съ колонистовъ и торгующихъ крестьянъ, удвоены горныя подати и установленъ временной подоходный налогъ съ помѣщиковъ по добровольному объявленію отъ 1 до 10 проц., смотря по доходу отъ 500 до 16,000 р. и выше. Русскіе подданные, проживающіе заграницею, должны

были платить 20% со своего дохода. 70 милл. руб. ассигнацій было выпущено заграницей, а внутри Россіи выпускались казначейскіе билеты срокомъ на годъ изъ 6 проц.

Вмѣстѣ съ тѣмъ во время войны было приказано остановить всѣ казенныя постройки, прекратить выдачу всѣхъ ссудъ частнымъ лицамъ, а городскіе доходы, за исключеніемъ необходимѣйшихъ, обратить въ казну. Предполагалось также сокращеніе жалованья и пенсій чиновникамъ, получающимъ свыше 300 р. въ годъ, но мѣра эта не прошла въ Государственномъ Совѣтѣ по настоянію графа Литта, подавшаго мнѣніе, гдѣ значилось, что истинная экономія состоитъ не въ подобныхъ сокращеніяхъ, вызывающихъ неудовольствіе, а „въ хорошемъ и благоразумномъ управленіи, въ совершенномъ уничтоженіи злоупотребленій, въ надлежащемъ сбереженіи государственныхъ доходовъ“.

Гурьевъ предлагалъ сдѣлать заемъ новыми облигаціями въ металлической валютѣ, но болѣе практическій графъ Аракчеевъ указалъ, что надобно во что бы то ни стало добиваться субсидій отъ Англіи, платившей ихъ скупо и неаккуратно. Безъ субсидіи, по мнѣнію графа, ассигнаціи должны были упасть до 10 к. „Что у насъ въ Россіи, писалъ онъ, по упадкѣ ассигнацій весьма трудно возвысить ихъ курсъ, мы видимъ изъ опытовъ прошедшихъ, когда Государственный Совѣтъ сочинялъ цѣлые волюмы, производилъ войну цѣлыми тетрадями, разсчислялъ огромныя прибыли, увѣрялъ публично въ Совѣтѣ, что есть особые способы на умноженіе доходовъ государственныхъ, но оканчивалось тѣмъ, что налагали на народъ двойныя подати“ *).

*) У насъ имя графа Аракчеева сдѣлалось чуть не браннымъ. Были, однако, причины, помимо личнаго довѣрія Александра I, почему этотъ человѣкъ почти два десятка лѣтъ могъ имѣть огромное вліяніе сначала на военныя дѣла, а затѣмъ и на все государство.

По нашему мнѣнію, Аракчеевъ до сихъ поръ понятъ невѣрно. Какъ человѣкъ большого ума, онъ видѣлъ, что русскій человѣкъ имѣетъ всѣ таланты, кромѣ точности и исполнительности. На авось и какъ нибудь стоитъ, извѣстно, вся Россія. Вотъ Аракчеевъ и считалъ, что все

Правительство, впрочемъ, не пренебрегало и займами, оно взяло изъ разныхъ учрежденій 154 милл. руб., и въ томъ числѣ отъ департамента удѣловъ 18.836,845 р. По единственному тогда иностранному займу не платилось нѣсколько лѣтъ ни процентовъ, ни погашенія, впослѣдствіи впрочемъ возмѣщенныхъ.

Подобное грустное положеніе вызвало составленіе новаго финансоваго плана. Мордвиновъ, устраненный изъ департамента государственной экономіи, снова былъ привлеченъ къ дѣлу, а Гурьевъ началъ совѣтываться даже съ удаленнымъ изъ Петербурга Сперанскимъ, пересылая къ нему проекты о кредитной системѣ, о внутреннихъ государственныхъ долгахъ и о введеніи обезпеченныхъ безсрочныхъ долговъ. Къ сожалѣнію, совѣты Мордвинова, который, при всѣмъ извѣстной честности и безпредѣльной преданности правдѣ, былъ только поверхностнымъ доктринеромъ и увлекался громкими фразами, имѣли болѣе вліянія, нежели предостереженія Сперанскаго *). Мордвиновъ писалъ,

---

искусство управленія должно состоять въ воспитаніи въ русскомъ народѣ этого недостающаго послѣднему и такъ широко развитаго у нѣмцевъ качества: добросовѣстности исполненія. Конечно, пріемы графа Аракчеева были грубы, самъ онъ былъ человѣкъ бездушный и не симпатичный, но ему нельзя отказать въ вѣрномъ пониманіи русскаго характера и въ дѣловитости.

*) „Мордвиновъ, благородный и пылкій мечтатель, одинъ изъ достойнѣйшихъ людей, родившихся на небогатой ими русской почвѣ“, по словамъ современниковъ, называвшихъ его Аристидомъ, представляетъ образчикъ либерала конца XVIII столѣтія, оторваннаго отъ почвы и увлекавшагося логическими построеніями. „Извѣстный своими добрыми намѣреніями, пишетъ Вигель, обширными свѣдѣніями, живымъ воображеніемъ и притязаніями на добродушіе, Николай Семеновичъ Мордвиновъ болѣе нежели когда кипѣлъ въ это время проектами. Онъ почитался нашимъ Сократомъ, Цицерономъ, Катономъ и Сенекой. Политическій сей мечтатель съ превыспренними идеями, съ ложными понятіями о Россіи и ея пользахъ, долженъ былъ естественнымъ образомъ сойтись въ мысляхъ съ молодыми законодателями. Къ тому же и онъ былъ женатъ на англичанкѣ Кобле, говорилъ и жилъ совершенно по-англійски“. Аракчеевъ писалъ Александру I, что считаетъ Мордвинова „пустымъ человѣкомъ, который изъ личности къ

напримѣръ: „Рубль есть достояніе каждаго, бѣднаго и богатаго. При упадкѣ монеты ропщетъ воинъ, негодуетъ гражданинъ, лихоимствуетъ судья, охладѣваетъ вѣрность, ослабѣваютъ взаимныя услуги и пособія, благочиніе, миръ и добродѣтель уступаютъ мѣсто разврату, порокамъ и буйнымъ страстямъ!" Иначе смотрѣлъ Сперанскій, значительно охлажденный ссылкою. Въ 1817 году, когда въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ иностранныхъ экономистовъ, полагали, что все зло исключительно въ ассигнаціяхъ и стоитъ уменьшить ихъ количество, чтобы финансы пришли въ равновѣсіе, Сперанскій понималъ безполезность такого частнаго плана. Онъ писалъ: „Содѣйствіе времени и постепенность наипаче важны въ погашеніи долговъ ассигнаціонныхъ. Еслибы какой нибудь чародѣй (и сколько такихъ чародѣевъ было въ Европѣ!) предложилъ самыя вѣрныя средства вдругъ, въ одинъ годъ, безъ банкротства, чистымъ серебромъ выплатить весь избытокъ ассигнацій и поставить его наравнѣ съ лучшею монетою, то надлежало бы отвергнуть его предложеніе"...

Быстрое погашеніе ассигнацій, очевидно, произвело бы только вредное замѣшательство въ цѣнахъ. Не смотря на это, Гурьевъ приступилъ къ извлеченію ассигнацій, для чего отпускалось ежегодно 30 милл. руб., не считая разныхъ остатковъ отъ платежей по долгамъ и доходамъ и суммъ, вырученныхъ по двумъ 6% внутреннимъ и одному 5% заграничнымъ займамъ, на номинальную сумму 133 милл. р. Въ продолженіе пяти лѣтъ, съ 1817 по 1822 годъ, было извлечено такимъ образомъ изъ обращенія ассигнацій 240 милл. р., но курсъ бумажнаго рубля остался прежній, вмѣсто 3 р. 79 к., 3 р. 75 к., т. е. около 1 проц. ниже, а

министру финансовъ подаетъ свои мнѣнія, а выполнить ихъ самъ не въ состояніи", и напередъ заявлялъ, что „добраго отъ него ничего не услышитъ". Мордвиновъ нашелъ себѣ очень горячаго панегириста въ лицѣ профессора В. С. Иконникова (Графъ Н. С. Мордвиновъ, историческая монографія). Сочиненіе послѣдняго любопытно и обстоятельно, но крайне тенденціозно.

между тѣмъ государственные расходы увеличились на сумму процентовъ, подлежащихъ уплатѣ по займамъ. Займы эти не погашены до сихъ поръ и, мало того, пришлось сдѣлать еще заемъ въ 43 милл. р. для текущихъ государственныхъ расходовъ подъ залогъ таможенныхъ и др. доходовъ. Хорошо еще, что не послушались Мордвинова и не заняли для погашенія ассигнацій 400 милл. руб. Гурьевъ увѣрялъ въ своемъ проектѣ, что погашеніе, подымая покупную силу рубля, отвратитъ новые налоги и не отвлечетъ капиталовъ, необходимыхъ для промышленности! На дѣлѣ же ассигнаціонный рубль остался въ прежней цѣнѣ, а уничтоженіе и иммобилизація громаднаго капитала, конечно, отозвалась весьма тягостно на промышленности. Да еслибы рубль и поднялся, то это привело бы лишь къ новому кризису, путая всѣ цѣны, тогда какъ при низкомъ, но постоянномъ уровнѣ курса ассигнацій уже въ 1818 г. Гурьевъ констатировалъ повсемѣстное появленіе „знатнаго количества звонкой монеты".

Кромѣ какъ въ вопросѣ объ ассигнаціяхъ, Мордвиновъ стоялъ обыкновенно во главѣ оппозиціи противъ всѣхъ мѣръ графа Гурьева, поэтому предложенія послѣдняго были всегда критикуемы и по большей части отвергаемы въ департаментѣ экономіи; въ общемъ собраніи эта оппозиція поддерживалась огромнымъ большинствомъ голосовъ. Желая провести что либо, Гурьевъ ссылался обыкновенно, что иначе онъ не въ состояніи будетъ удовлетворить требованіямъ военнаго министра для поддержанія арміи въ надлежащемъ состояніи. Еще чаще, если онъ желалъ предложить какую-либо важную мѣру, то подносилъ ее прямо государю и потомъ уже вносилъ въ Государственный Совѣтъ, какъ одобренную Александромъ I. Совѣту не оставалось тогда ничего болѣе, какъ вносить проектъ Гурьева въ роспись новыхъ законовъ.

Затрудненія, вызванныя быстрымъ извлеченіемъ размѣнныхъ знаковъ, были усилены тѣмъ, что подушная повинность была увеличена еще на 30 к. съ души, а казенная

продажа вина, введенная вмѣсто откупа, по словамъ Канкрина, имѣла послѣдствіемъ „общее развращеніе сословія чиновниковъ, развитіе взяточничества и дороговизну хлѣба". Мануфактурное производство, едва ставшее на ноги подъ вліяніемъ покровительственныхъ мѣръ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, чуть не было разорено тарифомъ 1819 года. Быстрый переходъ отъ охранительной системы къ свободѣ торговли произвелъ полное разстройство нашихъ фабрикъ. Уже въ 1820 году пришлось повысить пошлины на мануфактурные товары, а въ 1822 году снова введенъ Гурьевымъ охранительный тарифъ и правительство, въ извѣстномъ циркулярѣ графа Несельроде, созналось передъ Европой, что поступило крайне неосторожно и опрометчиво. „Россія—гласилъ циркуляръ—вынуждена основать систему независимой торговли: продукты имперіи не находятъ болѣе рынковъ заграницей, мануфактуры ея крайне подавлены, монета быстро утекаетъ въ отдаленныя страны, солиднѣйшіе торговые дома находятся въ опасности и сельское хозяйство и торговля, равно какъ и фабричная промышленность, не только ослаблены, но стоятъ на краю банкротства".

Пониженіе тарифа было сдѣлано подъ вліяніемъ извѣстнаго англійскаго фритредерскаго агента Бауринга. Гурьевъ подъ конецъ управленія все болѣе и болѣе отдавался или дѣлалъ видъ, что отдается доктринерамъ. Видя успѣхъ „Опыта о теоріи налоговъ" Тургенева *), онъ по-

*) Николай Тургеневъ издалъ извѣстный „Опытъ о теоріи налоговъ" въ 1818 году; въ 1819 году книга эта вышла вторымъ изданіемъ и, какъ трудъ, проникнутый тенденціей, не замедлилъ раздѣлить читателей и правительственныхъ дѣятелей на два лагеря. Основаніемъ для Тургенева служила идея, что „никакая теорія, какъ экономическая или финансовая, такъ и правительственная, не можетъ принести хорошихъ результатовъ, если она не основывается на свободѣ". Авторъ убѣжденъ, что могущество и богатство зависятъ отъ учрежденій. Аракчеевъ удивлялся, что могла явиться такая книга; Карамзинъ называлъ автора „страшнымъ либералистомъ". Мордвиновъ и графъ По-

ручилъ ему составленіе новаго финансоваго плана, состоявшаго въ переложеніи подушнаго оклада въ подоходный. Проектъ Тургенева явился, однако, въ Государственный Совѣтъ въ очень измѣненномъ видѣ, онъ заключалъ пошлину съ наслѣдствъ во всѣхъ линіяхъ, измѣненіе цѣны гербовой бумаги и подчиненіе гербовому сбору всѣхъ счетовъ, обложеніе вексельнымъ сборомъ иностранныхъ векселей, возвышеніе пошлинъ на купеческія, маклерскія и нотаріальныя книги, повышеніе пошлины съ паспортовъ. Проектъ, не поддержанный Мордвиновымъ, провалился, а какъ Гурьевъ вошелъ въ это время въ немилость и у Аракчеева, который по своему заботился объ улучшеніи финансовъ введеніемъ военныхъ поселеній, въ которыхъ видѣлъ средство къ сокращенію расходовъ на армію, то отставка министра финансовъ сдѣлалась неизбѣжною. Гурьевъ удалился отъ дѣлъ, не приведя въ исполненіе свой послѣдній проектъ — замѣну займовъ изъ удѣловъ и разныхъ казенныхъ учрежденій непрерывно доходными билетами съ платежемъ процентовъ изъ казначейства.

Если мы прибавимъ къ этому, что одновременно существовало предположеніе прекратить ссуды помѣщикамъ изъ заемныхъ банковъ, то, сводя въ одно цѣлое мѣропріятія 1817—1822 годовъ, найдемъ поразительное сходство между системою Гурьева и извѣстными финансовыми опытами 1857—1863 годовъ. Рѣдко, когда однѣ и тѣ же ошибки повторялись буквально по два раза въ финансовой исторіи одного и того же государства.

Недавно появился загробный, такъ сказать, панегирикъ

тоцкій сблизились, наоборотъ, съ Тургеневымъ и сдѣлали его товарищемъ статсъ-секретаря въ департаментѣ экономіи.

Тургеневъ учился въ Геттингенѣ, затѣмъ былъ правителемъ дѣлъ у знаменитаго барона Штейна и пользовался его искреннею дружбою и довѣренностью. Гречъ, знавшій лично Тургенева, въ „Запискахъ" своихъ выражаетъ сожалѣніе, что „Россія не пользовалась умомъ, дарованіями и познаніями этого необыкновеннаго человѣка. Онъ сдѣлался бы превосходнымъ министромъ финансовъ". Тургенева, какъ извѣстно, погубили связи съ декабристами.

графу Гурьеву, или, вѣрнѣе, его системѣ въ Запискахъ графа Рибопьера.

Не у многихъ государственныхъ людей, говоритъ Рибопьеръ, было столько враговъ, какъ у Гурьева. Не мало интригъ ведено противъ него. Императоръ Александръ, однако, вѣрилъ въ его честность и познанія и постоянно защищалъ его противъ враговъ: противъ Сперанскаго и противъ Мордвинова (который одинъ изъ первыхъ прочиталъ А. Смита, вслѣдствіе чего считалъ себя искуснымъ финансистомъ) и даже противъ самого Аракчеева. Только когда великій князь Константинъ Павловичъ, безъ оглядки защищавшій польскіе интересы, сталъ за-одно съ Аракчеевымъ*), графу пришлось оставить министерство. Онъ былъ далеко не геній, но имѣлъ умъ, склонный къ порядку. Съ непоколебимою честностью соединялъ онъ рѣдкія у насъ познанія. Министерство его стяжало ему вѣчную славу. Онъ ввелъ полезныя реформы и вынесъ всю тяжесть 1811, 1812 и 1813 годовъ, не заключая новаго займа и не налагая новыхъ налоговъ (?!). Графъ Гурьевъ положилъ начало общественному кредиту: до него въ Россіи не существовало книги государственныхъ долговъ. Когда онъ прибѣгнулъ къ заграничнымъ займамъ (которые всѣ имѣли успѣхъ), много умныхъ людей и, между прочимъ, графъ Каподистрія и англійскій посланникъ Вальполь открыто заявляли, что подобная операція невозможна въ странѣ указовъ. Тѣмъ не менѣе операція эта вполнѣ удалась и по болѣе выгодному курсу, чѣмъ во Франціи.

Гурьевъ желалъ окружать себя людьми извѣстными и хорошихъ фамилій. До царствованія Александра Павловича лица, принадлежавшія къ высшему обществу, не служили въ коллегіяхъ или бывшихъ министерствахъ. Изъ намековъ въ одномъ изъ писемъ Кочубея видно, что душею министерства при Гурьевѣ былъ одинъ изъ аристократовъ— графъ Ламбертъ. Рибопьеръ занималъ должность, соотвѣтствовавшую нынѣ директору кредитной канцеляріи.

Изъ опубликованныхъ документовъ видно, что Гурьевъ сознавалъ дурные порядки своего времени. По его словамъ, наши „юстиція и полиція отстали на нѣсколько вѣковъ и

*) Причиною вражды было, что Гурьевъ желалъ уничтожить тарифъ, выгодный для Польши, но который разорялъ нашихъ фабрикантовъ.

еще какая-то посторонняя сила домогается обратить ихъ въ состояніе кочующихъ". „Намъ болѣе нужно чѣмъ когда нибудь, писалъ онъ Сперанскому въ 1820 г., заняться со всѣмъ вниманіемъ учрежденіемъ внутренняго порядка въ государствѣ". Мы можемъ прибавить, что при Гурьевѣ учреждены Коммерческій банкъ, Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, преобразована соляная часть.

Не мало, однако, отзывовъ и противоположныхъ отзыву Рибопьера. Въ оппозиціи графу Гурьеву вообще недостатка не было. Государственный контролеръ фонъ-Кампенгаузенъ былъ въ постоянной войнѣ съ министромъ финансовъ. Къ сожалѣнію, рѣзкая критика его не имѣла большаго значенія, ибо ограничивалась придирками, ничего же существеннаго и практическаго государственный контролеръ не предлагалъ, повторяя общія фразы о тяжести налоговъ, о поощреніи корчемству и т. п. Это особенно сказалось при обсужденіи бюджета въ 1821 г. Впрочемъ, если финансы были плохи, то виною тому еще не столько было отсутствіе таланта у Гурьева, сколько несоотвѣтствіе расходовъ всѣхъ вѣдомствъ съ государственными доходами.

По словамъ противниковъ, въ управленіи финансами Гурьевъ держался строгой тайны, въ своихъ планахъ отличался темнотою, притомъ былъ недоступенъ и тяжелъ для подчиненныхъ, покровительствовалъ родственникамъ, а его финансовыя операціи, даже людямъ, не особенно расположеннымъ къ его врагамъ, но вникавшимъ въ дѣла, казались „волшебными" и „мало полезными въ настоящемъ положеніи финансовъ".

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ своихъ Запискахъ, не обнародованныхъ еще къ сожалѣнію вполнѣ, говоритъ, что Гурьевъ (въ 1812 г.) былъ „человѣкъ умный, весьма любезный въ тѣсномъ кружкѣ, не имѣющій другого образованія, кромѣ умѣнія свободно объясняться по-французски; интриганъ и честолюбецъ въ высшей степени; относитъ все къ самому себѣ; обремененъ дѣлами, которыми занимается въ полудремотѣ; столь же грузенъ тѣломъ, сколько тяжелъ

на работу; великій охотникъ до лакомыхъ блюдъ и до новостей въ административномъ мірѣ; легко поддается на проекты; всѣмъ жертвуетъ своему желанію удержаться въ милости и увеличить свое состояніе".

По словамъ Мордвинова, Гурьевъ „не зналъ иныхъ правилъ, иного способа, какъ повсюду ослаблять, истреблять капиталы, почему и оставилъ по себѣ пищету въ государственномъ казначействѣ, истощеніе въ частныхъ имуществахъ и всеобщее уныніе и негодованіе подданныхъ къ правительству". Баронъ Штейнгель писалъ императору Николаю I въ 1826 г.: „дѣйствія министерства финансовъ въ послѣдніе 10 лѣтъ можно сказать ужасныя" и его распоряженія имѣли „характеръ полной несправедливости". Наконецъ, графъ Кочубей въ письмѣ къ Сперанскому (22-го апрѣля 1819 г.) увѣряетъ, что „Гурьевъ всегда неохотно входилъ въ какія либо сужденія по трудности удержать разсужденіе".

Въ письмахъ Н. М. Лонгинова, тогда секретаря императрица Елисаветы Алексѣевны, а затѣмъ въ царствованіе Николая Павловича завѣдывавшаго учрежденіями императрицы Маріи (Архивъ князя Воронцова, т. XXIII), содержится много свѣдѣній о Гурьевѣ. „Гурьевъ человѣкъ съ хорошими правилами и довольно честный, но пренеспособный къ мѣсту и дѣламъ, поддерживаемый Толстымъ, Голицынымъ (А.Н.) и другими придворными, часто боролся съ Сперанскимъ, но устоялъ, не имѣя почти никакихъ сношеній съ прочими товарищами своими, и въ дѣлахъ кромѣ своей части никогда голоса не имѣлъ"—писалъ о немъ Лонгиновъ въ 1812 г. Въ 1821 г. оцѣнка уже гораздо суровѣе. Лонгиновъ характеризуетъ его такимъ образомъ: „чрезвычайная гордость, пошлость разговоровъ, медленность и тяжесть ума, черствое сердце, упорство характера, недоступнаго никакимъ соображеніямъ кромѣ эгоизма, низость угодливаго царедворца, надменность рѣзкая и грузная, дерзость часто обрываемая, но никогда не исправленная, не будутъ еще портретомъ этого толстяка, потому что надобно оттѣнить и

его жадность и стяжательность. Не смотря на 180,000 р. жалованья сколько выпросилъ онъ себѣ и графу Несельроду (его зятю) прекрасныхъ земель и арендъ".

По мнѣнію г. Бліоха, восторженнаго панегириста Сперанскаго, финансовыя комбинаціи Гурьева, отъ которыхъ ожидалъ онъ такъ много полезнаго для разстроеннаго государственнаго казначейства, не принесли въ концѣ концовъ никакихъ благопріятныхъ результатовъ: по отчетамъ все было въ порядкѣ, въ казначействѣ постоянно числились остатки, по виду государственные доходы превышали въ значительной степени всѣ расходы. На дѣлѣ, однако, было не такъ: отчеты обиловали фиктивными данными и казначейство шло на встрѣчу неминуемому банкротству. Канкринъ суровѣе всѣхъ характеризовалъ своего предшественника въ запискѣ, поданной при вступленіи въ управленіе, увѣряя, что система и операціи Гурьева „основаны на совершенно невѣрныхъ началахъ, что казначейство приближается къ банкротству, что доходы совсѣмъ такъ не поступаютъ, какъ предмѣстникъ мой полагалъ".

Кто судитъ съ точки зрѣнія доктрины, для того, конечно, мѣропріятія Гурьева второй половины его управленія покажутся замѣчательными. Но Россія дважды испытала неудовлетворительность подобныхъ теорій. Гурьеву Россія обязана еще знакомствомъ съ легкимъ искусствомъ дѣлать иностранные займы на огромныя суммы, хотя надобно замѣтить, что занимать деньги заграницею (въ Голландіи) наше правительство пыталось еще въ началѣ XVII столѣтія при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Наоборотъ, отъ плана Сперанскаго 1810 года можно было ожидать много хорошаго, такъ какъ онъ основывался не на однихъ наружныхъ финансовыхъ признакахъ, а касался всего государственнаго строя. Къ сожалѣнію, планъ этотъ встрѣтилъ противодѣйствіе въ самомъ началѣ и никогда серьезно не прилагался на практикѣ, поэтому имѣлъ болѣе теоретическое значеніе и не можетъ идти въ сравненіе съ испытанными реформами 1817—1822 гг. И въ послѣднихъ,

впрочемъ, Сперанскій подавалъ голосъ. Зато Аракчеевъ, какъ мы говорили выше, измѣнилъ уже свое мнѣніе о способностяхъ Гурьева. Въ 1819 году Кочубей писалъ, что Гурьевъ ненавидѣлъ Аракчеева, а Аракчеевъ ненавидѣлъ Гурьева, „но ни тотъ, ни другой не могутъ большого вреда сдѣлать другъ другу". Въ апрѣлѣ 1823 г., Гурьевъ при докладѣ какъ-то проговорился о потребности отдыха. Александръ I воспользовался этимъ, чтобы снять съ него Министерство Финансовъ, оставивъ ему Кабинетъ и Удѣлы. Преемникъ Гурьеву былъ уже приготовленъ Аракчеевымъ. Это былъ генералъ-интендантъ первой арміи Канкринъ, не ей одной извѣстный дѣятельнымъ умомъ и обширными познаніями по разнымъ частямъ. Увѣряли, что графъ Аракчеевъ обратилъ вниманіе Александра I на Канкрина не потому, что постигалъ достоинства этого необыкновеннаго человѣка, а только въ пику врагу своему Гурьеву, но это несправедливо, такъ какъ Аракчеевъ съ-молоду покровительствовалъ Канкрину, оцѣнивъ его способности.

Изъ письма Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову видно, что увольненіе графа Гурьева было принято съ восторгомъ, публика не могла просто дождаться указа и въ первый же пріемный день Гурьевъ убѣдился въ людской низости, видя вокругъ себя пустоту и не найдя даже достаточно людей, чтобы сыграть въ вистъ. Причину паденія Лонгиновъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Вездѣ въ Европѣ за восемь лѣтъ мира благосостояніе поднялось и финансы исправились, одна Россія была исключеніемъ. Въ публикѣ сложилось мнѣніе, что постоянные заграничные займы Гурьева обогащаютъ только Ротшильдовъ, государство же влекутъ къ банкротству. Негодованіе усилилось строгостью взысканія недоимокъ не только съ крестьянъ, о которыхъ тогда мало зоботились, но и по откупамъ питейнымъ и солянымъ. Такъ, имущество еврея Перетца было продано за $1^{1}/_{2}$ милл. и онъ разоренъ, хотя имѣлъ претензій противъ казны, еще не разсмотрѣнныхъ, болѣе чѣмъ на 4 милл., между тѣмъ Перетцу въ 1812 и

1813 гг. наша армія обязана главнымъ образомъ своимъ продовольствіемъ. Перетцъ, замѣтимъ кстати, былъ пріятелемъ Сперанскаго и въ обширныхъ финансовыхъ знаніяхъ Перетца Сперанскій почерпалъ практическія свѣдѣнія, которыми не обладалъ. Проектъ пошлины о наслѣдствѣ, раскритикованный Мордвиновымъ съ обычнымъ преувеличеніемъ, увеличилъ непопулярность министра. Государственный Совѣтъ былъ недоволенъ тѣмъ, что, не имѣя возможности защитить бюджетъ на 1821 г. отъ нападенія Кампенгаузена, Гурьевъ наговорилъ послѣднему грубостей и заставилъ утвердить бюджетъ помимо Совѣта. Государь, находившійся въ Лайбахѣ, исполнилъ желаніе министра финансовъ, но съ тѣхъ поръ его предположенія приказывалъ вносить въ Государственный Совѣтъ.

Тамъ оппозиція противъ графа Гурьева еще возросла. Желая будто бы предохранить наше дворянство отъ задолженности, Гурьевъ внесъ вышеупомянутый проектъ графа Ламберта объ уничтоженіи заемнаго банка и сохраненіи выдачи ссудъ только изъ сохранной казны, но въ этомъ увидѣли лишь желаніе угодить Вилламову, секретарю и довѣренному человѣку императрицы Маріи Ѳеодоровны. Проектъ Ламберта провалился. Окончательный ударъ нанесло обсужденіе въ Совѣтѣ дѣла о голодѣ въ Бѣлоруссіи. Гурьевъ не только взыскивалъ съ голодающихъ недоимки, но изъ ассигнованныхъ для раздачи пособій 1.800,000 руб. двѣ трети удержалъ въ казнѣ, между тѣмъ одновременно онъ внесъ проектъ пріобрѣтенія отъ А. Л. Нарышкина*) дачи

*) Между тѣмъ этотъ Нарышкинъ острилъ, что Гурьевъ сдѣланъ графомъ (въ 1819 г.) слѣдующимъ образомъ: „Какъ потребуютъ у министра финансовъ отчетовъ, онъ скажетъ, представляя государю своихъ дѣтей: Sire, voici mes comtes (comptes)“. А на вопросъ: отчего такъ много наѣхало губернаторовъ въ Петербургъ? Нарышкинъ отвѣчалъ, что они пріѣхали проситься въ вице-губернаторы. Для поясненія остроты надобно знать, что вице-губернаторы тогда предсѣдательствовали въ казенныхъ палатахъ и потому завѣдывали казенною питейною продажею.

его, около С.-Петербурга, за 700,000 руб. Это циническое предложеніе вызвало рѣзкое замѣчаніе Кампенгаузена, что „человѣкъ толстый, жирный и откормленный не можетъ понимать нуждъ голоднаго", и заставило гр. Аракчеева, единственнаго подавшаго голосъ за Гурьева по первому вопросу, просить вычеркнуть его подпись. Черезъ недѣлю послѣ означеннаго засѣданія и состоялось увольненіе графа Гурьева, который остался все-таки завѣдывать Удѣлами и Кабинетомъ.

Вопросъ, почему человѣкъ столь мало способный могъ держаться такъ долго на столь важномъ и трудномъ постѣ, который онъ занималъ постоянно неудачно, Лонгиновъ разрѣшаетъ невозможностью найти ему преемника, который былъ бы лучше. „Съ тѣхъ поръ какъ уничтожены государственныя коллегіи, постоянно были въ этихъ условіяхъ и постоянно будутъ, говоритъ Лонгиновъ. Въ прежнее время дѣло шло, былъ ли во главѣ коллегіи президентъ или вице-президентъ, случалось, что второстепенные члены коллегіи руководили дѣломъ лучше, чѣмъ старшіе члены. Дѣла никогда не останавливались. Теперь, когда одинъ патронъ или министръ и работаетъ съ каждымъ подчиненнымъ порознь, никогда нельзя легко найти знающаго вполнѣ извѣстную часть въ случаѣ смерти или отставки, развѣ обратиться къ секретарю министра".

Графъ Е. Ф. Канкринъ.

Публика съ удовольствіемъ привѣтствовала назначеніе Егора Францовича Канкрина, хотя знала его очень мало. „Еслибы послѣдняго приказчика назначили министромъ финансовъ,—писалъ Лонгиновъ,—то и это привело бы публику въ восторгъ, только бы не оставался Гурьевъ"**). Но ари-

*) Двадцать два года спустя на похороны гр. Канкрина собралось мало публики. Это объясняли отсутствіемъ императора Николая, быв-

стократія ахнула отъ удивленія, увидавъ на самомъ значительномъ, мѣстѣ раздавателемъ казенныхъ денегъ, человѣка мало извѣстнаго въ высшемъ обществѣ, мало обтертаго, въ обращеніи рѣзкаго, какого-то чудака, углубленнаго въ свое дѣло *).

„Я воображаю себѣ, что̀ должны были почувствовать директоры департаментовъ, когда послѣ Гурьева они начали заниматься съ человѣкомъ, у котораго была такая ясность въ мысляхъ, такая быстрота въ понятіяхъ“,—пишетъ Вигель о Канкринѣ въ своихъ запискахъ.—„Когда его назначили на мѣсто Гурьева, казалось, что Министерство Финансовъ упадетъ съ нимъ. Нимало: человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ всегда будетъ равенъ мѣсту своему, какъ бы высоко оно ни было. При великой учености, хотя онъ любилъ выдавать себя за нѣмца и отчасти былъ имъ, онъ не показывалъ ни малѣйшаго педантства; живость другого происхожденія проявлялась не въ дѣйствіяхъ, не въ поступи его, а въ рѣчахъ: онъ былъ чрезвычайно остеръ. Самолюбіе было въ немъ чрезмѣрное, но спѣси вовсе не было; со всѣми обходился просто, хорошо, хотя слегка и давалъ чувствовать высокое мнѣніе о себѣ. Сей порокъ, если сіе такъ назвать можно, былъ въ немъ источникомъ благороднѣйшаго чувства—великодушія: онъ до того презиралъ враговъ своихъ, что даже, когда могъ, никогда не хотѣлъ мстить имъ“...

Наука была наслѣдственное имущество въ семействѣ Кан-

шаго заграницею. У насъ всегда быстро забываются истинныя заслуги, а представители извѣстнаго класса общества являются только, чтобы „попасться на глаза“ кому нужно. Впрочемъ Канкринъ и самъ не бывалъ ни на чьихъ похоронахъ, увѣряя, что „каждый человѣкъ обязанъ быть только на однихъ похоронамъ — на своихъ собственныхъ“.

*) Канкринъ, по словамъ одного его біографа, „пересталъ наконецъ кланяться своимъ знакомымъ и принялъ за правило оказывать имъ самый холодный пріемъ: опытъ научилъ его, что при первомъ проявленіи природной его любезности и мягкости, тотчасъ къ нему предъявлялись корыстныя требованія“.

крина. Дѣдъ его раввинъ Канкрипусъ (Crebs), принявшій, по словамъ Вигеля, въ реформатскомъ крещеніи имя Лудовика, весьма былъ извѣстенъ нѣмецкому ученому міру *). Отецъ его, Францъ-Лудовикъ былъ также хорошій писатель, по горной, монетной и соляной частямъ; онъ прибылъ въ Россію и умеръ управляющимъ старорусскимъ солеваренпымъ заводомъ. Получивъ образованіе въ Гессенскомъ и Марбургскомъ университетахъ, гдѣ онъ преимущественно изучалъ законовѣдѣніе и политическую экономію, Канкринъ пожелалъ поступить на службу въ своемъ отечествѣ, Гессенѣ, но, не успѣвъ въ томъ, отправился въ 1796 году въ Россію. Въ 1800 году, будучи 26 лѣтъ, онъ былъ назначенъ съ чиномъ надворнаго совѣтника въ помощники къ отцу своему, а съ 1809 года состоялъ инспекторомъ иностранныхъ колоній Петербургской губерніи. Въ это время онъ составилъ нѣсколько записокъ о русскихъ финансахъ, а въ 1811 году сошелся съ военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толли и написалъ сочиненіе „О средствахъ продовольствія большихъ армій“. Генералъ Пфуль, преподававшій тактику Александру I, обратилъ на него вниманіе государя, что послужило къ быстрому возвышенію Канкрина. Въ 1812 году, состоя генералъ-интендантомъ 1 арміи, онъ былъ переименованъ въ генералъ-майоры, а съ 1813 по 1815 годы занималъ должность генералъ-интенданта всей русской арміи, дѣйствовавшей въ Германіи и Франціи, и въ 1816 году былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Онъ сберегъ изъ суммъ, отпущенныхъ на продовольствіе, 26 милл. руб., а по окончаніи войны съ большимъ успѣхомъ ликвидировалъ всѣ дѣла и счеты. Благодаря ему, пришлось заплатить всего шестую часть требовавшихся

---

*) Графъ Рибопьеръ въ своихъ запискахъ и лордъ Биконсфильдъ въ своемъ знаменитомъ романѣ „Coningsby“ также утверждаютъ, что Канкринъ былъ изъ евреевъ, но другіе опровергаютъ это извѣстіе, говоря, что предки Канкрина принадлежали къ нѣмецкому дворянству, служили въ военной службѣ и были пасторами. (Очеркъ жизни графа Е. Ф. Канкрина. „Русск. Архивъ“. 1866).

союзными государствами суммъ по продовольствію русскихъ войскъ заграницею. Въ 1822 году его сдѣлали членомъ Государственнаго Совѣта и комиссіи, ревизовавшей управленіе путями сообщенія Бетанкура и открывшей тамъ массу злоупотребленій. Въ 1820 г. Канкринъ написалъ (на нѣмецкомъ языкѣ) сочиненіе: „О военной экономіи во время войны и мира и о вліяніи ея на дѣйствія войскъ", доставившее автору почетное имя въ Европѣ. Въ 1821 г. въ Мюнхенѣ явилось его сочиненіе, также по-нѣмецки: „Всемірное богатство и государственное хозяйство". Но онъ занимался не одними предметами, входившими въ кругъ его дѣятельности. Онъ хорошо игралъ на скрипкѣ, любилъ вести бесѣды о музыкѣ и писалъ объ архитектурѣ (Ueber das Schöne in der Baukunst).

Канкринъ построилъ нѣсколько зданій и считалъ себя не только великимъ архитекторомъ, но и отличнымъ знатокомъ медицины. До старости онъ былъ поклонникомъ прекраснаго пола, хотя наружностью не отличался *), былъ непріятенъ въ обращеніи, грубъ и неуклюжъ. По-русски онъ говорилъ тяжело и нескладно, по-французски тоже съ разстановкою, хотя хорошо зналъ эти языки. При Александрѣ I онъ даже доклады дѣлалъ по-французски.

Графъ Канкринъ находилъ большую параллель между государственнымъ и частнымъ хозяйствомъ, и потому въ основаніе своей финансовой теоріи онъ полагалъ практиче-

---

*) „Графъ Канкринъ спросилъ одного директора, почему онъ хочетъ уволить чиновника?—Да стоитъ, ваше сіятельство, только посмотрѣть на него, чтобы получить отвращеніе: длинный, сухой, неуклюжій нѣмецъ, физіономія суровая, рябой...—Ахъ, батюшка, да вы это мой портретъ рисуете, сказалъ Канкринъ. Пожалуй, вы и меня захотите отрѣшить отъ должности". (Кн. Вяземскій. Старая записная книга). Докторъ Кине о немъ отзывался: „Онъ вообще непріятенъ въ обращеніи—rude, comme un rustre; онъ грубъ, неуклюжъ, какъ старый нѣмецъ... Видно, что онъ всю жизнь болѣе дѣлалъ, нежели говорилъ"... „Онъ такъ дурно одѣтъ, замѣчаетъ о немъ П. М. Языковъ въ письмѣ изъ заграницы, сюртукъ его такъ изношенъ, брюки безъ штрипокъ такъ измараны, что не отличишь по одеждѣ отъ прочихъ нѣмцевъ".

скіе выводы, извлеченные изъ собственной жизни *). Въ молодости онъ самъ чинилъ себѣ платье и сапоги и нерѣдко отказывался отъ куренія табаку. Отсюда онъ вынесъ привычку къ лишеніямъ, и даже въ позднѣйшіе годы крайняя простота и умѣренность въ образѣ жизни составляли отличительныя черты его характера. Уже министромъ видали его дома почти постоянно въ солдатской шинели и съ плохой сигарой русскаго производства. Онъ не держалъ стакана въ кабинетѣ, а пилъ воду какъ попало. Старомодные серебряные часы свои онъ цѣнилъ выше всякихъ другихъ, и даже завѣщалъ ихъ, какъ драгоцѣнность, пастору Муральту. Конверты бумагъ и писемъ, къ нему приходившихъ, всегда распечатывались тщательно и сберегались: „они на что нибудь пригодятся", говаривалъ Канкринъ,—„бѣдность пріучила меня съ неохотою отдавать деньги, и потому я теперь нарочно не записываю своихъ расходовъ, чтобы не раздражаться ихъ обширностью".

Пройдя въ молодости такую школу и закаливъ себя въ спартанскихъ привычкахъ, а съ другой стороны, достигнувъ высокаго общественнаго положенія, благодаря собственной дѣятельности и упорному труду, Канкринъ слишкомъ привыкъ уважать свои личныя воззрѣнія и дорожить собственной иниціативой въ каждомъ дѣлѣ, касавшемся близкихъ ему предметовъ. Хорошо его знавшій, графъ М. А. Корфъ говоритъ о немъ:

Съ обширными, многосторонними, хотя и не съ равно глубокими свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, съ изумительною дѣятельностью и способностью къ быстрой работѣ, съ дальновидностью и необыкновенно практическимъ умомъ онъ соединялъ въ себѣ чрезвычайный даръ находить простую и легчайшую развязку самыхъ сложныхъ и щекотливыхъ вопросовъ.

*) Семейный взглядъ его на финансы виденъ, напримѣръ, въ томъ, что при императорѣ Николаѣ Павловичѣ онъ ввелъ въ обыкновеніе къ празднику Пасхи составлять для государя, вмѣсто краснаго яичка, особый докладъ о какомъ либо благопріятномъ явленіи или событіи, имѣвшемъ непосредственное отношеніе къ финансамъ Россіи.

Въ его рѣчахъ, не смотря на странный нѣмецкій ихъ складъ, и еще болѣе странный выговоръ, всегда было нѣчто *пластическое,* осязательное, доступное для всякихъ умовъ и понятій. Когда неудавалось ему достигнуть своей цѣли убѣжденіемъ, онъ призывалъ на помощь иронію и даже площадную шутку, которая шла къ лицу лишь ему одному и нерѣдко исторгала согласіе на его предложенія силою возбужденнаго имъ гомерическаго смѣха: «Однако же его поль-де-кокщина никогда не мѣшаетъ ему быть государственнымъ человѣкомъ», сказалъ о немъ однажды великій князь Михаилъ Павловичъ. Если избранныя имъ средства иногда были ошибочны, если его финансовая система находила многихъ и сильныхъ порицателей, если, сдѣлавъ многое, онъ не сдѣлалъ всего, что могъ сдѣлать по своимъ способностямъ, то причину тому должно искать не столько въ заблужденіяхъ его ума, сколько въ *недостаткахъ его характера,* коего отличительными чертами были: безмѣрное тщеславіе, непреклонная самонадѣянность, упорное противоборство всему, что не исходило отъ него самого. Одаренный сердцемъ, вообще расположеннымъ къ добру, онъ не искалъ привязать къ себѣ равныхъ и пренебрегалъ мнѣніемъ общества; а грубость его обращенія увеличивала то, что было противнаго, отталкивающаго въ его нескрываемомъ самолюбіи. Кромѣ того, его непонятное упрямство въ нѣкоторыхъ предметахъ и какъ бы умышленное бездѣйствіе въ другихъ, нерѣдко подавали благонамѣреннымъ людямъ поводъ сомнѣваться въ самой привязанности *нѣмца,* какъ называли его въ публикѣ, къ Россіи. Наконецъ злой, ничего не щадившій языкъ Канкрина возстановилъ противъ него многихъ, отвѣчавшихъ ему оружіемъ, столь же страшнымъ у насъ, какъ и во Франціи — оружіемъ насмѣшки, которая часто сама собою вызывалась его причудами.

Канкринъ,—пишетъ Рибопьеръ въ своихъ запискахъ— былъ уменъ, таланты его были несомнѣнны, теоретическія познанія велики, но у него былъ недостатокъ, ничѣмъ невознаградимый: онъ не любилъ Россіи и всѣхъ русскихъ презиралъ.

Графъ Гурьевъ никогда бы не согласился ни произвести, ни объявить банкротства; Канкринъ же сдѣлалъ и то, и другое. Гурьевъ,

вполнѣ русскій человѣкъ и страстно преданный императору Александру Павловичу, боролся и благородно палъ въ неравной борьбѣ этой. Канкринъ, родомъ изъ Ганау, не любившій ни Россіи, ни русскихъ, которымъ онъ оказывалъ самое явное презрѣніе, чтобы устоять на мѣстѣ, выказывалъ притворное сопротивленіе императору Николаю Павловичу, но всегда дѣло кончалось тѣмъ, что онъ уступалъ. Отсюда огромность оставленнаго имъ долга, отсюда непрестанное обираніе, банковъ, ломбардовъ и приказовъ, такъ что вся масса положенныхъ въ нихъ капиталовъ оставалась непокрытою. При поступленіи на новую должность онъ хвастался тѣмъ, что съ женою имѣлъ 6,000 рублей дохода, а по смерти его оставалось 300,000 р. дохода... Канкринъ былъ крайне экономенъ и могъ накопить большія богатства безупречно, и я не желаю,—прибавляетъ Рибопьеръ,—винить его въ этомъ отношеніи. Съ подчиненными онъ былъ крайне грубъ, критиковалъ и осуждалъ все сдѣланное его предшественникомъ, придираясь и къ людямъ, и къ учрежденіямъ.

Хотя безъ сомнѣнія нѣмецъ по воспитанію, Канкринъ былъ, однако, женатъ на русской, сестрѣ декабриста А. З. Муравьева, и въ духовномъ завѣщаніи, писанномъ собственноручно по-русски, онъ говоритъ „о любезнѣйшей нашей Россіи“. Пріѣхавъ въ Россію уже взрослымъ, Канкринъ не могъ конечно избавиться отъ иностраннаго акцента, но его русскія бумаги отличаются краткостью и точностью изложенія, а въ разговорахъ онъ любилъ употреблять русскія пословицы и говорить отрывисто и мѣтко. При разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ сенатскаго доклада, могутъ ли быть членами протестантскихъ консисторій лица другихъ исповѣданій,—„я думаю—замѣтилъ Канкринъ, что скоро спросятъ Государственный Совѣтъ: могутъ ли мужчины быть кормилицами“. Знаменитъ его отвѣтъ одному государственному человѣку, намекнувшему въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, что Канкринъ служилъ, будто бы, бухгалтеромъ у откупщика Перетца:—„Да, батюшка, я бухгалтеромъ былъ, но вотъ дуракомъ я никогда не былъ“. „Съ государственнымъ кредитомъ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій,—какъ съ сентиментальной старой дѣ-

вой, слѣдуетъ обходиться осторожно, но безъ излишней робости“.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ весьма проницателенъ; такъ онъ опасался—что азіаты сдѣлаютъ еще нашествіе на Европу. Въ другихъ отношеніяхъ онъ былъ не только консервативенъ, но и отрицалъ науку. Такъ, о геологіи онъ говорилъ Языкову: „мнѣ кажется, что окаменѣлости не составляютъ отличительныхъ признаковъ образованія и вообще эта геологія слишкомъ запутана и невѣрна“.

Извѣстно также, что онъ былъ противникомъ желѣзныхъ дорогъ. Онъ называлъ ихъ „болѣзнью времени“. По его словамъ, „желѣзныя дороги годны только для того, чтобы уничтожать капиталы“... „Желѣзныя дороги усиливаютъ наклонность къ ненужному передвиженію съ мѣста на мѣсто, и безъ того весьма свойственную нашему вѣку, выманивая при этомъ излишнія со стороны публики издержки“. Какъ видно изъ посмертнаго изданія его записокъ, онъ полагалъ также, что займы, заключаемые съ производительною цѣлію, лучше дѣлать заграницею, потому что капиталъ страны остается тогда въ пользу собственныхъ ея предпріятій.

Канкринъ говорилъ, что, возбуждая и усовершенствуя внутреннюю производительность, надо дѣйствовать гомеопатическими пріемами, вотъ почему въ 1840 г. онъ утверждалъ, что въ Россіи будутъ непремѣнно и желѣзныя дороги, и свободная торговля, и крестьяне освободятся, только общее состояніе страны не представляетъ къ тому достаточной зрѣлости. Надобно имѣть въ виду, что когда онъ былъ моложе, то разсуждалъ смѣлѣе и являлся горячимъ противникомъ безземельнаго освобожденія. Онъ представилъ въ 1818 г. черезъ графа Несельроде Александру I планъ постепеннаго ограниченія крѣпостного права, завершающійся предоставленіемъ земли въ наслѣдственное владѣніе крестьянъ подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей и, наконецъ, дарованіемъ права перехода, а также и вы-

купа личныхъ повинностей. И въ послѣднемъ сочиненіи Канкрина (1845 г.) объ „экономіи человѣческихъ обществъ" есть указаніе на вредность безземельнаго освобожденія крестьянъ, хотя въ секретномъ комитетѣ 1835 года онъ скорѣе дѣйствовалъ въ духѣ противниковъ эмансипаціи.

Въ политическомъ отношеніи графъ Канкринъ долженъ быть причисленъ къ консерваторамъ. Замѣчательны его воззрѣнія относительно преобразованія государственнаго управленія, представленныя въ 1826 г. особому учрежденному для того комитету. По мнѣнію Канкрина слѣдуетъ: „Не перемѣнять елико можно форму коренныхъ государственныхъ установленій, ибо недостатки существующаго извѣстны, новаго сокрыты; но исправлять существующія, привязывать поправленія къ прежнимъ наименованіямъ, дабы не въ вдругъ перемѣнять цвѣтъ вещей и не истреблять ничего историческаго. Правила сіи нынѣ особенно нужны. Духъ перемѣнчивости обладаетъ народами; требуютъ отъ правительства сверхчеловѣчное; потеряли изъ виду несовершенство человѣческихъ дѣлъ". Въ Россіи главныя недостатки управленія по его словамъ:

Обезсиленіе мѣстной власти; излишество мертвыхъ формъ; недостатокъ постепенности въ исполненіи и отвѣтственности; множество безплодной переписки, дѣлъ, вѣдомостей, справокъ наиболѣе уморительныхъ и столь огромныхъ, что ихъ читать нельзя; полицейское утѣсненіе общежитія; недостатокъ способовъ сношеній правительства съ публикою; нѣкоторыя неудобства въ порядкѣ дворянскихъ выборовъ; множество худо заплоченныхъ чиновниковъ; недостатки общаго нашего законодательства; разные матеріальные недостатки, требующіе перемѣны. Исправленіе сихъ недостатковъ можетъ быть сдѣлано постепенно, съ удобностью; крутая переформировка будетъ сопровождаема большими потрясеніями и остановками.

Послѣ гастрономіи графа Гурьева финансовая система Канкрина могла показаться спартанской похлебкой. Въ свое время графъ Канкринъ считался въ публикѣ великимъ финансистомъ, именно въ публикѣ, потому что въ Государственномъ Совѣтѣ Киселевъ, графъ Строгановъ, князь

Любецкій и др. составляли его постоянную оппозицію. Въ концѣ 50-хъ годовъ произошла реакція, наши ученые экономисти разъяснили слабыя стороны канкринской системы, Какъ бы то ни было, но это была „система“: двадцать лѣтъ графъ упорно держался извѣстныхъ правилъ и посвоему достигъ цѣли; наша мануфактурная промышленность служитъ тому доказательствомъ. Управленіе Канкрина было эпохою въ исторіи финансовъ, не столько еще по глубинѣ и достоинству, сколько по установленію общихъ началъ, надолго опредѣлившему финансовую систему въ Россіи. Въ этомъ отношеніи Канкрина справедливо называли „нашимъ Кольберомъ“.

По мнѣнію Богдановича (Исторія царствованія Александра I), „графъ Канкринъ, былъ полезенъ только въ половину“, что зависѣло отъ недостатка его характера, коего отличительными чертами было презрѣніе къ каждой чужой мысли, къ каждому совѣту, можно даже сказать— къ умственной способности всѣхъ людей, кромѣ себя самого. Самоувѣренность Канкрина доходила до того, что онъ, говорившій по-русски и неправильно и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, увидѣвшій въ „Ревизорѣ“ Гоголя, котораго послалъ смотрѣть его Николай Павловичъ, только „глупую фарсу“, считалъ себя превосходнымъ стилистомъ и утверждалъ, что никто лучше его не умѣетъ писать порусски! „Его непомѣрное самолюбіе и упорство въ собственныхъ мнѣніяхъ, говоритъ профессоръ Иконниковъ, было часто причиною ошибокъ по его управленію. Принявъ отъ своего предшественника значительный дефицитъ въ финансахъ, онъ нерѣдко впадалъ въ другую крайность и прибѣгалъ къ мѣрамъ, дурно дѣйствовавшимъ на народную нравственность или стѣснявшимъ даже безспорно полезныя предпріятія“ *).

Хотя графъ Канкринъ былъ человѣкъ разносторонне

*) Для сооруженія Николаевскаго моста, стѣснившаго судоходство по Невѣ, гр. Канкринъ обложилъ, напримѣръ, сборомъ привозную торговлю петербургскаго порта.

образованный и написалъ нѣсколько объемистыхъ экономическихъ сочиненій, въ сущности въ финансахъ онъ былъ эмпирикъ и свою систему онъ удачно резюмировалъ въ слѣдующихъ незамысловатыхъ строкахъ: „Въ государственномъ, какъ и въ частномъ, быту необходимо помнить, что разориться можно не столько отъ капитальныхъ расходовъ, какъ отъ ежедневныхъ мелочныхъ издержекъ. Первые дѣлаются не вдругъ, по зрѣломъ размышленіи, а на послѣднія не обращаешь вниманія, между тѣмъ копѣйки растутъ въ рубли".

Г. Бунге, изучавшій близко мѣропріятія Канкрина, доказываетъ, что послѣдній имѣлъ весьма смутныя понятія не только о современномъ кредитѣ, но и о финансовомъ устройствѣ первостепенныхъ державъ. Притомъ какъ иностранецъ, относясь съ глубокимъ презрѣніемъ къ Россіи, онъ считалъ ее страною настолько отсталою и изолированною отъ образованнаго міра, что допускалъ для Россіи такія мѣры, которыя въ своихъ сочиненіяхъ не одобрялъ въ теоріи. Въ прямыхъ податяхъ графъ Канкринъ не сдѣлалъ никакихъ улучшеній и недоимка податей, составлявшая въ 1831 году 38 милл. р., выросла къ концу его управленія до 71 милл. р., т. е. до 41 проц. обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Въ косвенныхъ налогахъ Канкринъ отдавалъ предпочтеніе откупамъ, увѣряя, что „при обложеніи какого либо предмета весьма высокою пошлиною не существуетъ другого способа взысканія, кромѣ монополіи".

Въ таможенной пошлинѣ онъ держался началъ запретительной политики; при нѣкоторыхъ излишествахъ всетаки это лучшая еще часть его финансовой системы. Зато онъ былъ ревностнымъ противникомъ акціонернаго начала. Мало того, онъ признавалъ полезными только государственныя кредитныя учрежденія, и то чисто изъ финансовыхъ цѣлей. По мнѣнію Канкрина, въ настоящее время нѣтъ даже необходимости въ кредитныхъ орудіяхъ обращенія; онъ увѣряетъ, что дѣйствительная потребность

въ нихъ явится развѣ черезъ тысячелѣтія! Въ вопросахъ бюджета графъ Канкринъ признавалъ необходимость тайны и даже упадокъ цѣнности ассигнацій въ Россіи приписывалъ болѣе всего гласному объявленію ихъ, по манифесту 1810 года, государственнымъ долгомъ.

Были и другіе недостатки его системы. Любя бережливость, онъ содѣйствовалъ скопленію въ разныхъ вѣдомствахъ такъ называемыхъ экономическихъ капиталовъ, вслѣдствіе которыхъ происходила невѣроятная путаница въ государственныхъ смѣтахъ: министръ финансовъ для покрытія дефицита дѣлалъ займы, а въ это время въ разныхъ департаментахъ лежали огромные капиталы, проценты съ которыхъ шли только въ награду расторопнымъ чиновникамъ. Затѣмъ Канкринъ первый ввелъ въ употребленіе систему маскированныхъ займовъ изъ казенныхъ банковъ на государственные расходы. Изъ банковыхъ вкладовъ, уплачиваемыхъ по востребованію, онъ сдѣлалъ такой ресурсъ, который не требовалъ выпуска бумажныхъ денегъ въ то время, когда имъ пользовались, но дѣлалъ этотъ выпускъ необходимымъ впослѣдствіи, при значительномъ востребованіи капиталовъ, внесенныхъ въ кредитныя установленія вкладчиками. Самъ Канкринъ совѣтовалъ пользоваться этими средствами осторожно; но онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что экономическая неразвитость Россіи дѣлаетъ ихъ пригодными при умѣренномъ пользованіи. Однако съ этою цѣлью при немъ и при графѣ Вронченкѣ было взято 200 милл. рублей, изъ которыхъ только 86 милл. употреблены производительно на пути сообщенія и промышленность, остальное поглотили военныя издержки и украшенія Петербурга.

Наиболѣе непослѣдовательности графъ Канкринъ обнаружилъ въ вопросѣ о кредитныхъ билетахъ. Произведя въ 1839 году замаскированное частное государственное банкротство, названное „переложеніемъ ассигнаціоннаго счета на серебро“, а въ сущности состоявшее въ уничтоженіи, однимъ почеркомъ пера, 427 милл. рублей государствен-

наго долга, онъ, взамѣнъ уничтоженныхъ ассигнацій, въ 1843 году создалъ кредитные билеты съ обязательнымъ курсомъ, чѣмъ сразу поставилъ все наше денежное обращеніе на шаткія основанія.

Возстановленіе металлическаго обращенія, упроченіе денежной единицы и созданіе для ассигнацій размѣннаго фонда составляли, по признанію экономистовъ, величайшія изъ финансовыхъ событій, совершившихся при графѣ Канкринѣ. Эти экономисты продолжаютъ и теперь утверждать, что „мѣра графа Канкрина для возстановленія въ Россіи металлическаго денежнаго обращенія была несомнѣнно научно-вѣрною и единственною удачною у насъ въ теченіи переживаемаго нами столѣтія“ (**Трубниковъ**, Финансовая система графа Канкрина). „Девальвація 1839 г., — прибавляетъ профессоръ Лебедевъ,—имѣла весьма благія послѣдствія для установленія *твердаго* денежнаго обращенія и создала возможность предпринять Крымскую войну съ *полноцѣннымъ* рублемъ“. Почитатели Канкрина увѣряютъ, что и теперь принятіе въ основу преобразованія денежнаго обращенія системы Канкрина „была бы мѣрою настолько же цѣлесообразною, настолько и неотложною“. Они рѣшаются утверждать даже, что у насъ государственнаго банкротства не было.

Вотъ,—говорятъ они,—въ Австріи въ 1811 г. банкротство, дѣйствительно, было. Это показываетъ лишь незнаніе. Австрійская реформа 1811 года (по отношенію къ бумажнымъ деньгамъ) ничѣмъ отъ нашей реформы 1839 года не отличалась. Тамъ къ 1811 году курсъ Banco-Zettel'ей упалъ такъ, что серебряный флоринъ стоилъ 5 бумажныхъ, австрійское правительство и обмѣняло ихъ на Einloesungsscheine, давая одинъ новый билетъ за пять старыхъ, т. е. отнимая у своихъ кредиторовъ $^4/_5$. У насъ курсъ ассигнацій упалъ такъ, что рубль серебромъ стоилъ три съ половиною ассигнаціонныхъ, графъ Канкринъ и выдалъ одинъ депозитный или кредитный билетъ за $3^1/_2$, т. е. не доплатилъ кредиторамъ, вопреки манифесту 1810 года, объявив-

шему, что парицательная цѣнность ассигнацій обезпечивается всѣмъ достояніемъ государства, $^3/_4$. Гдѣ же разница? Правда, у насъ это было названо „переложеніемъ ассигнаціоннаго счета на серебро“, но и въ Австріи въ указѣ 20-го февраля 1811 года рѣчь шла не о банкротствѣ, а о „новой заботливости правительства о благѣ подданныхъ, разоряемыхъ упадкомъ курса“.

Затѣмъ, если въ Австріи реформа 1811 года не спасла отъ новаго банкротства въ 1816 году, то и у насъ развѣ въ шутку можно утверждать, что реформа графа Канкрина *упрочила* денежное обращеніе и позволила вести Крымскую войну *полноцѣннымъ* рублемъ, а тѣмъ болѣе увѣрять, что „время съ 1849 по 1852 годъ было самымъ *цвѣтущимъ* и *нормальнымъ* періодомъ нашихъ кредитныхъ билетовъ“.

Начиная съ того, что *нормальнаго* періода для нашихъ кредитныхъ билетовъ *никогда* не было, ибо съ самаго основанія имъ былъ дарованъ *обязательный* курсъ, т. е. всегда они, и при размѣнности своей до 1857 года, приближались болѣе къ ассигнаціямъ, нежели къ настоящимъ банковымъ билетамъ.

Во-вторыхъ, *цвѣтущимъ* положеніе кредитныхъ билетовъ также не было. Первоначально операція изъятія и обращенія звонкой монеты шла очень быстро и удачно: она была совершена въ весьма непродолжительное время, въ которое успѣлъ составиться значительный металлическій фондъ. Но успѣхъ системы гр. Канкрина былъ эфемерный. Не смотря на уничтоженіе въ 1839 году однимъ почеркомъ пера государственнаго долга въ 427 милліоновъ рублей, новый кредитный рубль оказался настолько непрочнымъ, что въ 1843 году стоилъ, соотвѣтственно вексельному курсу, 97 копѣекъ, а въ 1848 году даже 90 копѣекъ вмѣсто 100 копѣекъ.

Мало того. Чтобы поддержать и эту колеблющуюся цѣну рубля, министерство графа Врончении въ цвѣтущую, нормальную, по мнѣнію панегиристовъ Канкрина, эпоху при-

бѣгало, какъ увидимъ далѣе, къ самымъ страннымъ и тяжелымъ финансовымъ операціямъ для поддержанія курса и скрытія финансоваго положенія. Хорошо, нечего сказать, нормальное и цвѣтущее время!

Весьма также ошибаются, полагая, что Крымскую войну мы предприняли съ *полноцѣнными* бумажными рублями. Рубль нашъ, какъ извѣстно, стоитъ al pari 400 сантимовъ, между тѣмъ кредитный рубль, судя по отмѣткамъ вексельнаго курса на петербургской биржѣ, стоилъ въ 1854 г. minimum: въ январѣ 389 сантимовъ, въ февралѣ 380, въ мартѣ 308, въ апрѣлѣ 348, въ маѣ 364 сантима и т. д. При курсѣ въ 308 сантимовъ на Парижъ кредитный рубль стоитъ всего 77 копѣекъ, гдѣ же тутъ, спрашивается, *полноцѣнность* рубля? Вотъ во Франціи, тамъ другое дѣло, тамъ и во время Коммуны неразмѣнные билеты Французскаго банка не падали и на 1%.

Можно ли послѣ этого серьезно утверждать, что повтореніе реформы графа Канкрина желательно въ настоящее время? Вмѣсто повторенія банкротствъ, болѣе или менѣе замаскированныхъ, сдѣланныхъ Франціей во время Директоріи, Австріей въ 1811 и 1816 годахъ, Соединенными Штатами послѣ войны за освобожденіе и у насъ въ 1839 г., гораздо лучше повторить то, что сдѣлала Англія въ 1821 г., Франція въ 1876 г., Америка въ 1878 г. и Италія въ 1886 г. для возстановленія цѣны своихъ бумажныхъ денегъ рубль за рубль.

Девальвацію 1839 года очень пропагандировалъ въ своемъ, надѣлавшемъ шуму, проектѣ г. Гольдманъ (1866 года), но и онъ измѣнилъ значительно свои воззрѣнія. Въ новой брошюрѣ: „Къ вопросу о реформѣ денежной системы въ Россіи“ рижскій экономистъ, въ 1879 г., говорилъ: „Неприкосновенность и святость обязательствъ и жизненныя условія кредита требуютъ отъ частнаго лица и въ большей еще мѣрѣ отъ государства, чтобы оно, пока это вообще возможно, добывало необходимыя средства для полной уплаты по долгамъ. Только *положительная невозможность*

полной уплаты могла бы оправдать девальвацію"... Кто же въ правѣ утверждать, что мы не въ состояніи будемъ заплатить постепенно своего текущаго долга? Отчаяваться никогда не нужно. Въ Англіи курсъ падалъ до 30% и размѣна банковыхъ билетовъ на золото не было 24 года и 2 мѣсяца, а все-таки честность, терпѣніе и трудолюбіе взяли свое. Банкротство же еще постыднѣе для государства, нежели для частнаго человѣка.

И въ свое время, какъ мы видѣли изъ отзыва графа Рибопьера, далеко не всѣ были въ восторгѣ отъ девальваціи. По словамъ г. Бліоха, предстоявшая девальвація вызывала опасенія и едва не привела къ государственной катастрофѣ. Членъ Государственнаго Совѣта графъ Литта послѣ утвержденія проекта торжественно заявилъ, что la Russie est ruinée. Защитники девальваціи утверждаютъ, что de facto девальвація совершилась въ періоды 1812—1816 гг. и что Канкринъ только ее оформилъ, въ доказательство приводятъ, что уже въ 1821 г. для графа Гурьева англичанинъ Джонъ Грантъ составилъ обстоятельный планъ замѣны ассигнацій по курсу новыми кредитными знаками, размѣнными на звонкую монету и обезпеченными размѣннымъ фондомъ въ 1/6 часть ихъ суммы, т. е. тотъ самый планъ, который былъ приведенъ въ исполненіе въ 1839 и 1843 гг.

Несомнѣнно, что была сдѣлана ошибка и въ назначеніи слишкомъ крупной денежной единицы (хотя серебряный рубль давно былъ знакомъ Россіи). Молва приписывала проектъ серебряной единицы кн. Любецкому. Графъ Вронченко разсказывалъ Кокореву, что Канкринъ былъ противъ этой единицы и поручилъ даже ему, какъ товарищу, увѣдомить циркулярно европейскихъ банкировъ, что не раздѣляетъ пользы этого нововведенія, но Вронченко отказался подписать это увѣдомленіе, находя, что разсылка подобныхъ писемъ была бы неуваженіемъ къ Верховной власти, утвердившей новую единицу. Ошибка была и въ томъ, что Государственный Совѣтъ настоялъ, по предложенію кн. Любецкаго, выпускать рублевые билеты, когда Кан-

кринъ весьма благоразумно утверждалъ, что рублевые билеты вытѣснятъ изъ обращенія звонкую монету.

Въ первые четыре года своего управленія Канкрину удалось добиться сокращенія государственныхъ расходовъ на $^1/_7$. Затѣмъ, не смотря на облегченія въ пошлинахъ за право торговли и промысловъ, при помощи введенія высокаго тарифа и виннаго откупа, уже къ 1827 году онъ скопилъ капиталъ въ 160 милл. руб. ассигн., поглощенный Персидской войной. Далѣе пошелъ рядъ годовъ наружнаго благосостоянія финансовъ. Не считая войнъ 1827, 1828—29 и 1831 годовъ, во время управленія Канкрина дефицитъ былъ постоянный и особенно значительный въ 1823, 1834, 1835 и 1838—1842 годахъ. По большей части этотъ дефицитъ покрывался негласными займами изъ казенныхъ банковъ, такъ что въ 1841 году для поддержанія довѣрія за этими учрежденіями пришлось выпустить на 30 милл. руб. депозитныхъ билетовъ. Затѣмъ сдѣланы были позаимствованія изъ оборотнаго капитала комиссіи погашенія долговъ и заключены слѣдующіе внѣшніе займы: 2-й голландскій, 3-й, 4-й и 5-ти процентные, не считая еще двухъ 4-хъ процентныхъ займовъ, назначенныхъ для Николаевской дороги. Для покрытія дефицита Канкринъ прибѣгалъ даже къ рекрутскимъ квитанціямъ, хотя и самъ не одобрялъ этой спекуляціи.

Канкринъ ввелъ также въ Россіи, придуманный польскимъ экономистомъ графомъ Цѣшковскимъ, одинъ изъ наиболѣе неудовлетворительныхъ въ теоретическомъ отношеніи видовъ государственнаго кредита—долгосрочные билеты казначейства или „серіи“. Во время учрежденія ихъ въ 1831 году билеты эти, впрочемъ, представляли ни что иное какъ способъ ускореннаго полученія государственныхъ доходовъ; они выпускались цѣнностью въ 250 руб. и погашались въ 4 года. Позднѣйшія финансовыя затрудненія исказили мысль Канкрина и измѣнили настолько условія выпуска серій, что онѣ мало чѣмъ отличаются теперь отъ бумажныхъ денегъ.

Кромѣ кредитныхъ операцій постоянные дефициты покрывались при графѣ Канкринѣ почти исключительно измѣненіемъ въ таможенныхъ пошлинахъ и откупныхъ условіяхъ. Въ 1838 году былъ установленъ, правда, табачный акцизъ, но до 60-хъ годовъ онъ давалъ незначительныя суммы.

Убѣжденный, что „независимое обезпеченіе существованія есть главная цѣль народа, и въ этой цѣли должны служить и народныя богатства", и что народы въ торговлѣ богатѣютъ только хитростью и силою, Канкринъ, понятно, не стѣснялся въ повышеніи таможенныхъ пошлинъ не только покровительственныхъ, но и фискальныхъ. Хотя уже съ 1822 года нашъ тарифъ былъ совершенно запретительный, въ 1832 году для покрытія дефицита были сдѣланы еще надбавки въ пошлинахъ въ $12^1/_2$ проц. Эта надбавка присоединена къ коренной пошлинѣ по тарифу 1842 г. Сдѣланныя въ разное время по отдѣльнымъ статьямъ уступки состоялись противъ желанія графа Канкрина. Борьба, которую вели противъ него въ этомъ случаѣ графы Киселевъ, Мордвиновъ, князь Любецкій и Тенгоборскій, подзадориваемые успѣшною прапагандою „манчестерской школы" *), отравила даже послѣдніе годы жизни министра. Несмотря на многочисленныя запрещенія, таможенный доходъ, постоянно возрастая, дошелъ до 30 милліоновъ рублей. Питейный доходъ также былъ доведенъ до казавшейся тогда весьма значительной цифры—50 милліоновъ рублей.

Откупа были уничтожены графомъ Гурьевымъ и замѣнены временно казенной продажей вина, какъ переходной

---

*) Оппозиція бывала и по другимъ вопросамъ. Такъ, въ 1827 г. Государственный Совѣтъ воспротивился весьма разумному измѣненію системы мѣдной монеты, въ 1834 и 1838 гг. пониженію курса на серебро при взиманіи таможенныхъ пошлинъ. Въ томъ же году Канкрина принудили на Кавказѣ ввести не откупа, а акцизную систему питейныхъ сборовъ. И противники Канкрина не всегда встрѣчали сочувствіе. Государственный Совѣтъ въ 1835 г. отвергъ, напримѣръ, предложеніе Киселева преобразовать Государственный Контроль.

мѣрой къ акцизной системѣ. При казенной продажѣ питейный доходъ упалъ, однако, съ 18½ до 12 милл. рублей, потому 14-го іюля 1826 г. откупа, не смотря на оппозицію графа Мордвинова и другихъ, были возстановлены (въ привилегированныхъ губерніяхъ они и не отмѣнялись). „Возобновленіемъ откуповъ,—писалъ Канкринъ въ своемъ представленіи,—оживилась бы внутренняя промышленность, многіе могли бы поправить разстроенное состояніе законнымъ образомъ, корчемство уменьшилось бы надзоромъ откупщиковъ; вредный классъ винопродавцевъ, поглощающій вмѣстѣ съ чиновниками*), вѣроятно до 24 милл. руб. въ годъ, уничтожился бы, тогда какъ прибытки откупщиковъ всегда были умѣреннѣе и доставались въ руки, которыя могли употребить капиталы свои съ лучшею пользою". Со введеніемъ откуповъ финансовая система упростилась. Главная забота сдѣлалась, какъ бы надбавить при торгахъ на новое четырехлѣтіе откупные платежи. На эти надбавки откупщики охотно соглашались, получая взамѣнъ привилегіи, которыя мало-по-малу убили пивоваренную, медоваренную и водочную промышленность и развили потребленіе вина въ кабакахъ, преимущественно передъ трактирами, харчевнями и другими болѣе благообразными учрежденіями. Привилегіи доходили до того, что откупщики по закону были свободны отъ отвѣтственности за ложные доносы на частныхъ лицъ въ корчемствѣ!

* * *

Сорокъ лѣтъ назадъ финансы составляли у насъ настолько свято хранимую государственную тайну, что даже ми-

---

*) Что чиновники участвовали въ прибыляхъ отъ питейной торговли и при откупахъ, всѣмъ хорошо извѣстно, да и въ свое время не скрывалось. Откупщикъ Т. губерніи, представляясь въ 30-хъ годахъ новому губернатору (кстати замѣтимъ, очень умному и дѣльному человѣку), сказалъ:—Ваше пр-ство, наше положеніе вамъ извѣстно, губернатору рубль съ ведра спирта и объ этомъ никому ни слова.—Знаете что, отвѣчалъ новый администраторъ,—дайте мнѣ два рубля съ ведра и... разсказывайте объ этомъ на всѣ четыре стороны.

нистръ финансовъ, приглашенный преподавать въ 1838 году финансы наслѣднику престола, не осмѣливался приступить къ исполненію этого дѣла и спрашивалъ новыхъ высочайшихъ указаній. Императоръ Николай Павловичъ въ концѣ концовъ повелѣлъ графу Канкрину преподать наслѣднику только „обозрѣніе нашихъ финансовъ главнѣйше относительно источниковъ доходовъ", общее же понятіе о финансахъ, въ особенности по отношенію къ расходамъ, государь обѣщался объяснить его высочеству самъ.

Составленное графомъ Канкринымъ обозрѣніе напечатано въ „Сборникѣ Императорскаго русскаго историческаго общества" (томъ XXXI) и можетъ служить дополненіемъ къ приведенной выше характеристикѣ. „Обозрѣніе" не измѣняетъ существенно высказанныхъ воззрѣній на этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ государственнаго человѣка; оно позволяетъ только судить о немъ съ болѣе интимной точки зрѣнія, такъ какъ, очевидно, будущему государю Россіи министръ хотѣлъ впушить самыя задушевныя свои мысли по части финансоваго благосостоянія государства. „Финансы, по словамъ Канкрина, суть основаніе жизни государствъ, какъ доходы и пріобрѣтенія суть условія существованія семействъ". Въ новѣйшее время они сдѣлались если не важнѣйшимъ, то затруднительнѣйшимъ предметомъ государственнаго управленія. „Неустройство или излишнее напряженіе оныхъ было первоначальною причиною большихъ переворотовъ, и какъ они касаются каждаго болѣе или менѣе, то при перемѣнѣ мыслей и нравовъ служатъ первымъ поводомъ къ неудовольствію, толкамъ и сопротивленію". Канкринъ, впрочемъ, того мнѣнія, что въ Россіи финансы „менѣе тяготны и менѣе подробны въ своемъ составѣ, нежели финансы большей части просвѣщенныхъ государствъ".

Въ старыя времена, по словамъ Канкрина, Россія слыла богатымъ краемъ, государственные расходы были небольшіе, только въ царствованіе Петра Великаго, въ виду необходимости содержать армію и бюрократію, положено осно-

ваніе нынѣшней финансовой системѣ; затѣмъ, при Екатеринѣ II многіе мелочные сборы, похожіе на внутренніе акцизы, были уничтожены, но въ финансовой системѣ, не произошло большихъ перемѣнъ противъ того, что было въ началѣ XVIII столѣтія.

Канкринъ указываетъ, что введеніе подушной подати сопряжено было съ такими затрудненіями, которыхъ самъ Петръ не могъ превозмочь. „Нововведеніе это сдѣлалось ненавистнымъ народу. Петръ I почувствовалъ зло сіе, убѣдился, что подушная подать крайне неуравнительна, помышлялъ замѣнить оную кадастромъ, но смерть положила конецъ дальнѣйшимъ его начинаніямъ". Канкринъ обращаетъ вниманіе, что подать эта, пониженная при вступленіи на престолъ Екатерины I, съ тѣхъ поръ оставалась въ теченіе семидесяти лѣтъ безъ измѣненія; онъ ничего не говоритъ, однако, противъ подушной подати, держась, какъ увидимъ далѣе, той не лишенной основанія теоріи, что худыя старыя подати лучше все-таки новыхъ хорошихъ.

Требованіе податныхъ недоимокъ не можетъ быть, по словамъ графа Канкрина, усиливаемо, „дабы не коснуться до самаго капитала сельской промышленности, необходимаго для ея процвѣтанія. Поэтому недоимки остаются на счету только какъ ожиданіе, по мѣрѣ возможности, а не какъ часть непремѣннаго дохода". Правило, которое, къ сожалѣнію, часто забывалось у насъ слишкомъ рьяными администраторами.

Относительно доходовъ отъ государственныхъ имуществъ, или, какъ называетъ ихъ Канкринъ, экономическихъ, онъ поясняетъ, что доходы отъ казенныхъ лѣсовъ такъ малозначительны въ Россіи противъ другихъ государствъ, что казенные крестьяне получаютъ потребные для нихъ лѣсные матеріалы безденежно; доходы съ оброчныхъ статей ничтожны потому, что въ лучшихъ губерніяхъ, гдѣ за оныя платится довольно хорошая цѣна, таковыхъ статей не много. Горные заводы хотя не давали дохода (кромѣ значительнаго тогда дохода отъ казеннаго золота), „за то

въ добываніи металловъ и издѣлій для военнаго и морского вѣдомства казна поставляется въ независимость отъ частныхъ людей въ столь важныхъ потребностяхъ, и когда нужно,—можно сдѣлать особое усиліе для удовлетворенія экстренныхъ надобностей".

Упоминая, что еще Алексѣй Михайловичъ въ 1654 году призналъ „откупъ богоненавистнымъ, а откупщиковъ врагами Богу и человѣку" графъ Канкринъ защищаетъ, однако, откупа. „Противъ единопродавства казною горячаго вина, говоритъ онъ, съ давняго времени были частыя возраженія и вообще почти нѣтъ вѣтви доходовъ, которая не заключала бы многія неудобства и даже *неприличія*, по всѣмъ вообще государствамъ; но если принять въ уваженіе, что главное зло состоитъ въ самомъ существованіи вина, что положеніе великороссійскихъ губерній несравненно лучше тѣхъ, гдѣ существуетъ вольная продажа вина, и наконецъ, что нѣтъ предметовъ обложенія, по коимъ можно было бы выручить столь большой доходъ, то вопросъ о семъ получаетъ другой видъ и перемѣна нынѣшней системы па акцизную была бы большимъ бѣдствіемъ".

Налогъ на соль, не смотря на то, что она есть предметъ первой потребности, едва ли не во всѣхъ земляхъ составляетъ статью важнаго казеннаго дохода, замѣчаетъ Канкринъ. Онъ указываетъ, впрочемъ, что налогъ этотъ сдѣлался у насъ гораздо легче сравнительно съ половиною прошлаго столѣтія, когда казенная цѣна на соль была положена въ 35 к., что, по достоинству монеты, составляло въ 1838 г. 1 р. 74 к. за пудъ, а по цѣнности хлѣба едва ли не вдвое.

Само собою, что авторъ тарифа 1822 года защищаетъ свое дѣтище, при этомъ нѣкоторая осторожность въ выраженіяхъ даетъ чувствовать, что въ концѣ тридцатыхъ годовъ либръ-эшанжъ былъ слишкомъ въ модѣ, чтобы прямо порицать его. „Между учеными и государственными людьми возникли большія пренія о пользѣ или вредности прогибитивной системы, говоритъ Канкринъ, и въ послѣднее

время Англія претендуетъ, что она вводитъ у себя систему вольной торговли; къ чему она побуждается естественно тѣмъ, что видитъ вредность для себя той системы, которую и сама начала вводить. Неумѣстно было бы распространяться о вышеозначенномъ спорѣ, но еслибы и сознаться, что прогибитивная система неправильно введена въ Европѣ, то, однако, въ настоящемъ положеніи дѣлъ ученый вопросъ сдѣлался фактическимъ и безъ совершеннаго разстройства никакая земля не можетъ принять вдругъ систему, противоположную существующей". Канкринъ указываетъ въ доказательство на примѣръ Россіи, которая въ 1819 году, „по умозрѣнію вѣнскихъ трактатовъ", обратилась вдругъ къ „такъ называемой либеральной системѣ" и едва не погубила всѣхъ фабрикъ, съ такимъ трудомъ передъ тѣмъ водворенныхъ.

Замѣчанія Канкрина о почтовыхъ доходахъ не представляютъ интереса. Незначительность гербоваго дохода въ Россіи въ сравненіи съ другими государствами онъ объясняетъ тѣмъ, что „въ оныхъ, по большей образованности и большей сложности занятій, число транзакцій гораздо больше". По поводу крѣпостныхъ пошлинъ онъ замѣчаетъ: „сборъ сей принадлежитъ къ тѣмъ, кои обыкновенно называются налогами на капиталъ, не одабриваемыми въ наукѣ финансовой (??), но, по трудности пріискивать вообще предметы налога, онъ существуетъ и въ другихъ государствахъ".

Замѣчанія о многихъ другихъ налогахъ также ничѣмъ не примѣчательны. Паспортный сборъ графъ Канкринъ оправдываетъ, какъ мѣру полицейскую, для удержанія бродяжничества и побѣговъ крѣпостныхъ и другихъ людей.

Въ дополненіе взгляда знаменитаго министра на налоги не лишнее привести и его взглядъ на земскія повинности. До 1802 года никакихъ постоянныхъ правилъ относительно отправленія этихъ повинностей въ Россіи не существовало и все зависѣло отъ усмотрѣнія начальства. Канкринъ разбираетъ, между прочимъ, два вопроса: необходимы ли осо-

бые земскіе сборы и справедливы ли натуральныя повинности?

„Когда доходы и расходы земства состоятъ въ непосредственномъ управленіи онаго,—говоритъ Канкринъ,—то собственныя выгоды края и опасенія упрековъ его согражданъ побуждаютъ земское управленіе пещись объ умѣренности сихъ повинностей, чего въ сей степени нельзя было бы ожидать, еслибы расходы производились изъ общихъ государственныхъ доходовъ казеннымъ попеченіемъ".

„Судя вообще,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—натуральныя земскія повинности не согласуются съ строгою теоріею народнаго хозяйства, но здѣсь возникаетъ важное различіе между землями богатыми, весьма образованными, многонаселенными не весьма обширными, и въ противномъ сему положеніи находящимися". Вообще, по его словамъ, „безъ непомѣрныхъ новыхъ издержекъ не представилось бы возможности сдѣлать перемѣну въ натуральныхъ повинностяхъ".

Относительно важнѣйшихъ изъ послѣднихъ: почтовой и содержанія запасныхъ магазиновъ, Канкринъ объясняетъ: „въ Россіи проѣзжающихъ недостаточно для обезпеченія содержанія станцій одними прогонами, хотя бы и значительно оные и возвысить; *а всякая медленность и затруднительность въ сообщеніяхъ влекла бы за собою невозможность управлять симъ колоссомъ, ускорить частныя дѣла и лишила бы всю внутренность необходимой связи*". Замѣчательно, что это писано врагомъ желѣзныхъ дорогъ! Противорѣчіе необъяснимое.

Относительно запасныхъ магазиновъ мнѣніе Канкрина таково: „судя вообще, рѣшеніе должно склониться на ту сторону, что возраженія противъ сихъ магазиновъ въ общемъ объемѣ имѣютъ перевѣсъ, но что въ частныхъ случаяхъ, особливо въ краяхъ, производящихъ много хлѣба, но подверженныхъ временнымъ неурожаямъ и нуждающихся въ сбытѣ, допущеніе таковыхъ магазейновъ должно

быть предметомъ зрѣлыхъ размышленій“. На практикѣ, какъ извѣстно, одержало верхъ противоположное воззрѣніе.

О государственныхъ расходахъ въ частности Канкринъ не рѣшается имѣть своего сужденія. Онъ только группируетъ ихъ довольно ясно по рубрикамъ; по росписи 1838 года долги и оборона государства поглощали около $^3/_5$ государственныхъ расходовъ. По бюджету 1889 года пропорція эта не выгоднѣе, а именно изъ 850 милліоновъ на долги и оборону назначено слишкомъ 522 милліона, т. е. болѣе 61 проц. Но разница въ томъ, что въ послѣднее время увеличились сравнительно расходы по государственному долгу, изъ котораго хотя часть была употреблена производительно на сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Въ 1838 году существовали также военныя поселенія, расходы которыхъ не вносились въ бюджетъ.

Весьма подробно графъ Канкринъ распространяется объ обязанностяхъ министра финансовъ. Эти обязанности онъ перечисляетъ по пунктамъ. Вотъ нѣкоторые пункты, значеніе и вѣрность которыхъ несомнѣнны:

„Коренное условіе всего добраго финансоваго управленія есть то, чтобы содѣйствовать благосостоянію народа, умножая народное богатство... Богатый народъ можетъ давать и больше дохода, *а вымогать оный у бѣднаго значитъ срубать дерево для полученія плодовъ*. Чѣмъ болѣе предметовъ, къ матеріальнымъ интересамъ народа относящихся, находится въ завѣдываніи финансоваго управленія, тѣмъ легче достигать цѣли народнаго обогащенія (??), но, *къ сожалѣнію, самые налоги сему нерѣдко препятствуютъ;* налоговъ же, противъ коихъ нельзя было бы сдѣлать важныхъ возраженій, не существуетъ“.

„Избѣгая новыхъ налоговъ, стараться улучшать существующіе, ибо новые впослѣдствіи иногда могутъ быть хуже старыхъ, а введеніе ихъ не бываетъ безъ потрясенія“.

„Настаивать объ уменьшеніи расходовъ какъ по предметамъ, такъ и по размѣру исчисленія, дабы народъ не былъ обременяемъ излишними и даже совершенно вред-

ными налогами; причемъ само собою разумѣется, что необходимые, истинно полезные и особенно умножающіе народное богатство расходы должны быть покрываемы".

„Не приступать къ большимъ перемѣнамъ для выгодъ незначительныхъ или даже невѣрныхъ, не рѣшаясь на проекты отважные и дѣйствія крутыя и не слѣдуя путямъ сомнительнымъ, но также въ случаяхъ чрезвычайныхъ поступать съ рѣшимостью, не вовлекаясь въ полумѣры".

„Какъ финансовое управленіе, по разнымъ причинамъ, *обыкновенно имѣетъ въ высшихъ классахъ противниковъ и недоброжелателей,* а народу вообще оно непріятно, то *стараться,* по мѣрѣ возможности, *примирить финансы съ публикою,* и главнѣйше по видамъ консервативной политики".

„Должно быть главнымъ правиломъ, чтобы *дефициты были отвращаемы сокращеніемъ расходовъ,* а къ умноженію налоговъ приступать *по одной крайности,* ибо *вѣрнѣйшая порука внутренняго спокойствія государствъ и сильнѣйшее оружіе противъ безпокойнаго духа вѣка есть умѣренность въ налогахъ и вообще хорошее управленіе,* соединяющее частные интересы съ интересомъ общимъ".

„Остается еще примѣтить,—заключаетъ Канкринъ,—что ни познанія, ни опыты при финансовомъ управленіи не могутъ замѣнить практическаго такта возможнаго и удобнаго. Однѣ теоріи—рождаютъ доктринера; одни опыты—умнаго подъячаго".

Высказавъ подобныя теоретическія требованія, Канкринъ довольно снисходительно оцѣниваетъ существовавшій въ его время порядокъ вещей. Онъ утверждаетъ даже, что весьма большая часть специальныхъ финансовыхъ законоположеній были изданы вновь или пересмотрѣны въ теченіе 10 послѣднихъ лѣтъ — „эпоха, столь важная для россійскаго законодательства вообще, которая можетъ быть сравнена съ временемъ Юстиніана!"

Бюджетъ разсматривался при Канкринѣ довольно семейнымъ образомъ комитетомъ финансовъ. „Комитетъ финансовъ,—пишетъ Канкринъ,—состоитъ нынѣ изъ 10 чле-

повъ Государственнаго Совѣта и министра финансовъ. Онъ учрежденъ еще во время графа Гурьева по случаю затруднительности разсматривать въ короткое время столь подробное дѣло въ многочисленномъ собраніи Государственнаго Совѣта и по бывшимъ *особымъ встрѣчамъ*".

Что это были за *встрѣчи* — неизвѣстно, но Канкринъ прибавляетъ: „въ прежнія времена, когда требованія превышали доходы, случались *большія пренія* при разсматриваніи росписей въ комитетѣ финансовъ, но въ послѣдніе годы дѣло обходилось безъ затрудненій". Впрочемъ, о какомъ нибудь серьезномъ контролѣ тогда не могло быть и рѣчи. Отчетъ министра финансовъ за отчетный годъ не представлялся даже въ Комитетъ Министровъ „для лучшаго сохраненія тайны", какъ увѣряетъ Канкринъ *).

Системою взиманія доходовъ въ Россіи Канкринъ также, повидимому, доволенъ. „Изъ свѣдѣній, кои имѣются о финансахъ другихъ европейскихъ государствъ, несомнѣнно оказывается, что издержки на взиманіе доходовъ вездѣ гораздо значительнѣе, нежели въ Россіи". Понятно, что доходы, основанные главнымъ образомъ на подушныхъ и откупахъ, требовали ничтожныхъ расходовъ взиманія.

Разсужденія графа Канкрина о кредитѣ частью содержатъ весьма основательныя замѣчанія, частью довольно странныя заблужденія. Очень хорошо, напримѣръ, все то, что онъ говоритъ о бумажныхъ деньгахъ.

Если выпуски ассигнацій рѣшительно прекратятся, то онѣ мало-по-малу поправляются, ибо при благополучномъ состояніи народа потребность въ знакѣ цѣнности мало-по-

*) Канкринъ вообще придавалъ большое значеніе вліянію толковъ и гласности на государственный кредитъ. Онъ смотрѣлъ на государственное хозяйство и финансы точно такъ, «какъ смотритъ на свое богатый негоціантъ», ведущій обширныя дѣла и соблюдающій ихъ въ тайнѣ. Замѣчательно, что кредитъ Австріи съ 1815 по 1848 г. былъ превосходный при почти банкротствѣ казначейства исключительно благодаря превосходному сохраненію въ тайнѣ финансоваго положенія.

малу усиливается. Крутое поправленіе ассигнацій было бы столь же большое зло, какъ и упадокъ оныхъ,—только въ обратномъ смыслѣ, ибо тамъ терпѣли кредиторы, а тутъ потеряли бы должники... Приступать къ обращенію ассигнацій въ процентный долгъ для уничтоженія ихъ есть мѣра ошибочная, и крайне стѣснительная для государствъ и гораздо лучше тамъ, гдѣ уже есть ассигнаціи, довольствоваться поддерживаніемъ оныхъ, ибо убытокъ уже сдѣланъ... Умножать существующія ассигнаціи есть мѣра самая опаснѣйшая, особенно по легкости ихъ выпуска, которая вовлекаетъ въ расходы. Вотъ великія истины, которыя позабыла большая часть преемниковъ графа Канкрина.

Исторію бумажныхъ денегъ въ Россіи графъ Канкринъ разбираетъ подробно. Онъ напоминаетъ слова манифеста 1786 года, гдѣ было сказано: „Узаконяемъ Самодержавною отъ Бога намъ данною властію и обѣщаемъ святостію Слова Царскаго за насъ и преемниковъ императорскаго Россійскаго престола, что число банковыхъ ассигнацій *никогда и ни въ какомъ случаѣ* не долженствуетъ простираться въ нашемъ государствѣ выше ста милліоновъ рублей“ и разсказываетъ затѣмъ, какъ количество ассигнацій выросло до 836 милліоновъ, а курсъ серебрянаго рубля дошелъ до 403 копѣекъ.

Указывая на то, что съ 1810 по 1811 г. хотя число ассигнацій увеличилось лишь на 8 проц., а цѣна серебрянаго рубля увеличилась съ 251 до 400 копѣекъ, Канкринъ весьма справедливо замѣчаетъ:

„Сей несоразмѣрный упадокъ ассигнацій весьма примѣчателенъ и доказываетъ, что, смотря по обстоятельствамъ, кредитъ таковыхъ бумажныхъ денегъ иногда поддерживается долго, но потомъ вдругъ ослабѣваетъ съ вящшимъ для народныхъ оборотовъ потрясеніемъ; вообще же сіе ведетъ къ заключенію, что *кредитъ зависитъ не отъ однихъ числительныхъ соображеній и что иногда малая прибавка ассигнацій дѣлаетъ большой вредъ*“. Опять великая истина, постоянно забывавшаяся.

Послѣ нея Канкринъ высказываетъ мнѣніе нѣсколько болѣе спорное, что „биржевой курсъ есть единственно правильный регуляторъ курса ассигнацій, но дѣйствительно,—прибавляетъ онъ,—трудно сказать, чѣмъ въ частности тутъ руководствовалось общее мнѣніе, особливо когда публика не имѣла свѣдѣній о количествѣ выпущенныхъ вновь ассигнацій;—почему сіе должно быть приписано болѣе догадливости по общему чувству, нежели вѣрному счету".

Принимая биржевой курсъ за единственно вѣрное показаніе, графъ Канкринъ само собою не могъ допустить существованія разныхъ лажей внутри Россіи. „Тутъ скрывается одинъ обманъ,—говоритъ онъ,—но, къ сожалѣнію, по сему предмету существуютъ странныя заблужденія, и самый Государственный Совѣтъ, постановивъ въ октябрѣ 1826 г., что комиссіонеры военнаго вѣдомства должны держаться сего лажа, далъ поводъ къ вкорененію сего образа счетовъ".

Послѣдствія упадка цѣнности бумажныхъ денегъ опредѣлены Канкринымъ весьма удачно: „Не только народъ несъ огромный убытокъ и особенно въ долгосрочныхъ капиталахъ, но и самая казна находилась въ крайнихъ затрудненіяхъ; доходы упадали по мѣрѣ возвышенія лажа, должно было прибавить подати — дѣло всегда непріятное, хотя бы по сравненію съ курсомъ и не было дѣйствительной прибавки; обязательства съ казною не могли быть выполняемы, отъ чего возникли завязки разнаго рода, разоренія частнымъ людямъ, взысканія и долговременныя дѣла; потерянъ былъ размѣръ всѣмъ цѣнамъ — отъ чего казенныя заготовленія теряли всякую положительность; наконецъ, терпѣлъ и частный кредитъ; вексельный курсъ весьма упалъ, нельзя было знать, что будетъ черезъ годъ во время платежа, почему безъ опасенія нельзя было приступить къ какимъ либо дальновиднымъ предпріятіямъ. Безъ сомнѣнія, во всякой другой землѣ означенныя послѣдствія были бы еще гораздо хуже, но привязанность

русскаго народа къ правительству и довѣріе къ оному нѣсколько смягчили зло".

Все сказанное о бумажныхъ деньгахъ Канкринъ заключаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „едва ли есть предметъ государственнаго управленія столь важный, какъ кредитныя деньги, но въ отношеніи оныхъ, и особенно у насъ, существуютъ многія заблужденія и *нерѣдко представляются проекты весьма странные, такъ что нельзя довольно надивиться; хотя правительства разныхъ земель дѣлали такъ много по сей части ошибокъ, что есть изъ чего почерпнуть настоящую истину*".

Касательно того, какъ намъ избавиться отъ бумажныхъ денегъ, графъ Канкринъ говоритъ: „Единственная благоразумная мѣра, которая могла бы быть принята относительно ассигнацій, была бы та, чтобы вымѣнять ихъ по какому либо курсу на новыя, равныя съ серебромъ, и учредить серебряный фондъ для размѣна ихъ по желанію. Мѣра сія, однако, въ практическомъ отношеніи требуетъ весьма большого перелома и сопряжена съ многочисленными затрудненіями, ибо должно переложить на серебро ассигнаціонные фонды, вклады банковыхъ установленій, всѣ подати и повинности и всякаго рода жалованье и содержаніе, передѣлать всѣ мѣдныя деньги, не упоминая о другихъ особыхъ обстоятельствахъ, встрѣтиться долженствующихъ. Впрочемъ, въ таковой мѣрѣ *не настоитъ неотложной надобности,* такъ какъ привыкли къ различію между звонкими и бумажными деньгами; *во всякомъ случаѣ она требуетъ приготовленія*".

Не смотря на подобное категорическое заявленіе, сдѣланное въ 1838 году, уже въ 1839 году переложеніе ассигнаціоннаго счета на серебряный, т. е. уничтоженіе однимъ почеркомъ пера $^3/_4$ государственнаго долга по ассигнаціямъ, совершилось. Изъ чего надобно еще болѣе заключить, что эта мѣра, за которую всю отвѣтственность возлагали на графа Канкрина, совершилась преимущественно подъ посторонними вліяніями. А быть можетъ, впрочемъ, что

задумавъ подобную серьезную мѣру, министръ опасался преждевременнаго ея разглашенія, а потому выставлялъ себя до времени какъ бы ея противникомъ.

„Билеты государственнаго казначейства,—говоритъ Канкринъ,—имѣютъ большой фаворъ въ публикѣ и три серіи повелѣно оставить въ обращеніи, чтобы публика отъ оныхъ не отвыкла, такъ какъ онѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ паки могутъ быть умножены до умѣренной степени". Извѣстно, что и безъ чрезвычайныхъ случаевъ серіи были потомъ „паки умножены" до неумѣренной степени.

Относительно погашенія Канкринъ стоитъ на современной точкѣ зрѣнія и вовсе не раздѣляетъ на этотъ счетъ иллюзій XVIII вѣка. Онъ припоминаетъ, что еще въ 1824 году въ совѣтѣ кредитныхъ установленій доказывалъ, „что безразсудно платить старые долги посредствомъ новыхъ займовъ, если послѣдніе не могутъ быть сдѣланы на выгоднѣйшихъ условіяхъ, что невыгодно обременять для сего погашенія народъ налогами и что усиленный и особенно срочный выкупъ фондовъ, поддерживая ихъ свыше того, что правительство получило и даже свыше *pari*, не ведетъ къ этой цѣли, чтобы дѣлать хорошіе новые займы, ибо въ мирное время и вообще оныхъ должно избѣгать; если же чрезвычайныя военныя обстоятельства требовали новыхъ займовъ, то по опытамъ фонды всегда упадали, не смотря на прежде принесенныя напрасныя къ возвышенію ихъ жертвы".

Всѣ знаютъ, что Канкринъ былъ противникомъ частныхъ банковъ. „Есть много приверженцевъ сихъ банковъ,—говоритъ онъ,—ибо они порождаютъ умственный капиталъ, могущій быть употребленнымъ для разныхъ предпріятій и оборотовъ. Противъ сего, однако, должно сказать, что всякое умственное богатство ведетъ за собою большія опасности, ибо увлекается, такъ сказать, въ горячку предпріятій. По сему банки сего рода вовсе частные столь же опасны и еще опаснѣе, нежели выпускъ бумажныхъ денегъ отъ правительства. Банки сего рода могутъ

имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ уже существуетъ большое богатство, устроенный кредитъ и гдѣ множество оборотовъ можетъ поглощать новые капиталы, въ другихъ же земляхъ объ оныхъ и *думать нельзя*... „Послѣднее, очевидно, касается главнымъ образомъ банковъ съ правомъ выпускать свои билеты.

Графъ Канкринъ не очень, впрочемъ, восхищается и дѣятельностью тогдашнихъ казенныхъ кредитныхъ установленій. „Противъ сихъ послѣднихъ банковъ есть возраженіе, а именно, что коммерческій банкъ едва ли не былъ учрежденъ преждевременно и что заемный можетъ быть содѣйствовалъ болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ дворянства". Сообразно съ подобнымъ взглядомъ и держась указанной выше теоріи, что чѣмъ болѣе въ рукахъ финансоваго вѣдомства средствъ вліять на экономическое развитіе страны, тѣмъ лучше, Канкринъ и ввелъ систему, оказавшуюся потомъ столь гибельною, пользоваться для государственныхъ цѣлей при помощи маскированныхъ займовъ свободными рессурсами казенныхъ банковъ.

Графъ Ѳ. П. Вронченко.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ графъ Канкринъ былъ все-таки истинно государственный человѣкъ. Онъ отстаивалъ свои мнѣнія упорно и не старался быть угодливымъ къ товарищамъ. Совершенно противоположное явленіе представляетъ графъ Ѳедоръ Павловичъ Вронченко, занимавшій послѣ Канкрина въ теченіе восьми лѣтъ постъ министра финансовъ. Очень высокаго роста и некрасивый собою Вронченко былъ весьма извѣстенъ петербургскому обществу, но вовсе не съ финансовой стороны, а какъ оригиналъ, усердный и неразборчивый поклонникъ женскаго пола.

Гречъ въ своихъ „Запискахъ“ подмѣчаетъ оригинальную черту нашихъ нравовъ. Онъ разсказываетъ, что въ 1806 г. награжденіе Вронченки орденомъ Владиміра 4-й степени вызвало въ Петербургѣ смѣхъ и негодованіе: „всѣ вопили, а когда онъ впослѣдствіи получилъ александровскую, андреевскую звѣзды и, наконецъ, графское достоинство, никто не дивился“ *).

Происходилъ Вронченко изъ бѣлорусскихъ поповичей и былъ открытъ Новосильцевымъ среди студентовъ Московскаго университета. Человѣкъ лично честный и безъ связей Вронченко вышелъ въ люди канцелярской рутиной. „Природа, говоритъ о немъ одинъ современникъ, предназначила его для среды средней руки. Это былъ человѣкъ мало образованный, неглупый и добрый, старый волокита и забавный угодникъ К. З. Канкриной. Никому онъ не сдѣлалъ зла. Въ молодости онъ былъ хорошій работникъ, встарину, когда онъ выведенъ былъ на государственное поприще, никто не говорилъ съ нимъ изъ великихъ міра иначе какъ шутя. Никакихъ дѣлъ, кромѣ дѣлъ кредитной канцеляріи, которою онъ долго завѣдывалъ, онъ рѣшительно не понималъ и слишкомъ поздно былъ назначенъ министромъ, чтобы научиться. Ничтожный по характеру, онъ былъ послушенъ, чѣмъ и нравился“. Накануне доклада государю Вронченко не спалъ отъ страху, а случалось созывалъ директоровъ и начальниковъ отдѣленія, прося ихъ поискать, нѣтъ ли гдѣ описокъ, такъ какъ Николай Павловичъ лично читалъ вслухъ всеподданнѣйшіе доклады.

Характера Вронченко былъ горячаго и вспыльчиваго,

---

*) Анекдоты, по большей части апокрифическіе, ходившіе въ свое время о Вронченкѣ, могли бы составить томы. На словахъ онъ былъ циникъ. „Когда какой чиновникъ просилъ о дозволеніи вступить въ бракъ, Вронченко, письменно изъявляя согласіе, неизмѣнно и стереотипно прибавлялъ: „Не имѣю чести знать его, а долженъ быть большой дуракъ!“ (**Князь П. Вяземскій.** Старая записная книжка).

въ дѣлахъ суетливъ и безтолковъ, съ подчиненными онъ былъ рѣзокъ и даже грубъ.

Графъ Киселевъ говорилъ о Вронченкѣ: „Это Каратыгинъ нашей министерской труппы. Въ преніяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ онъ ужасно размахиваетъ руками, хватается за парикъ". Графъ Канкринъ за свое слишкомъ 20-лѣтнее министерство не отмѣтилъ: секретно, нужно, весьма нужно, сколько Вронченко отмѣтилъ въ мѣсяцъ. „Все это вывѣска большой мелкости", замѣчаетъ служившій при немъ кн. Вяземскій.

Вмѣсто Канкрина Мордвиновъ предлагалъ назначить министромъ финансовъ кн. Друцкаго-Любецкаго, но Николай Павловичъ остановился на Вронченкѣ *). Когда послѣдній отказывался за неспособностью отъ министерскаго поста, государь, чтобы убѣдить его, сказалъ: „я буду министромъ финансовъ". Императоръ Николай Павловичъ не обращалъ особеннаго вниманія на способности и знанія государственныхъ дѣятелей, но старался ихъ выбирать изъ людей, по его мнѣнію, справедливыхъ и честныхъ.

Дефицитъ все время управленія Вронченки, не смотря на миръ (венгерская и кавказскія войны имѣли характеръ экспедицій), составлялъ отъ 27 до 63 милл. руб. въ годъ, между тѣмъ финансовое управленіе, частью желая поддер-

---

*) Князь К. Ф. Друцкій-Любецкій, родомъ полякъ, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и служилъ сначала въ военной службѣ, затѣмъ былъ гродненскимъ уѣзднымъ и губернскимъ предводителемъ дворянства и участвовалъ во временномъ управленіи герцогства Варшавскаго. Въ 1821 г. онъ былъ назначенъ министромъ финансовъ Царства Польскаго, въ каковомъ званіи и оставался до возстанія 1830 года. Заставъ состояніе финансовъ въ плачевномъ состояніи, онъ съумѣлъ привести ихъ въ весьма удовлетворительное положеніе. По усмиреніи Польши Любецкій былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, гдѣ сошелся съ Мордвиновымъ, предлагавшимъ его въ министры въ первый разъ еще въ 1833 г. Любецкій свысока смотрѣлъ на Канкрина, говоря, что „это не министръ финансовъ, а казначей". Любецкій еще при Канкринѣ добивался снятія таможенъ между Россіей и Царствомъ Польскимъ, хотя и не безъ задней мысли.

живать вексельный курсъ, частью бросать пыль въ глаза Западной Европѣ, прибѣгало къ весьма страннымъ операціямъ: отправляло золото и зеребро заграницу (съ 1845 и по 1849 годъ 926 пудовъ золота и 7,500 пудовъ серебра), покупало инскрипціи французской ренты и, ссылаясь на какія-то „непомѣрныя востребованія звонкой монеты злонамѣренными людьми", пріостанавливало въ 1848 и 1849 г. размѣнъ кредитныхъ билетовъ.

Дефицитъ при Вронченкѣ былъ покрываемъ внѣшними займами на 49 милл. рублей (1-й 4½ проц. и 5-й—4 проц. займы), заимствованіями изъ оборотнаго капитала комиссіи погашенія долговъ, выпусками кредитныхъ билетовъ и билетовъ государственнаго казначейства, которые и получили тогда окончательно свой нынѣшній нераціональный характеръ, и въ особенности позаимствованіями изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, доходившими до 40 милл. рублей въ годъ. Въ мирное время съ 1832 по 1852 годъ дефицитъ въ нашемъ бюджетѣ превзошелъ 570 милл. руб., не считая списанныхъ ассигнацій, и большая часть этого недобора приходится на управленіе графа Вронченки.

Характеръ его управленія была косность. Въ важнѣйшихъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ своего времени онъ мало и участвовалъ. Въ таможенномъ тарифѣ онъ сдѣлалъ въ 1846 и 1850 гг. незначительныя измѣненія. Очень важно было, что таможенная черта, отдѣлявшая Царство Польское, была уничтожена, но это было достигнуто только при помощи установленія по сухопутной границѣ дифференціальныхъ пониженныхъ пошлинъ, что впослѣдствіи отозвалось на нашей промышленности не совсѣмъ выгодно. Предсѣдателемъ и руководителемъ комиссіи, подготовившей тарифъ 1850 г., былъ Тенгоборскій *), польскій экономистъ,

*) Л. В. Тенгоборскаго вытащилъ въ люди кн. Любецкій, у котораго онъ служилъ ранѣе по финансовому вѣдомству въ Варшавѣ. Назначенный въ 1827 году консуломъ въ Данцигъ, Тенгоборскій написалъ

много изучавшій австрійскіе финансы, а потому считавшійся авторитетомъ въ русскихъ.

По части налоговъ, если не считать введеннаго въ 1847 г. ¼ проц. сбора съ внутренняго судоходства, акциза со свеклосахарнаго производства, введеннаго въ 1848 г., прогрессивной подати съ золота, установленной въ 1849 г., взамѣнъ и безъ того повышенной въ 1840 г. пропорціональной пошлины, и реформы земскихъ повинностей въ 1851 году, все вниманіе графъ Вронченко устремилъ на откупа. Кокоревъ считался въ его время главнымъ финансистомъ и подавалъ совѣты не только о финансахъ, но и о торговлѣ, промышленности и желѣзныхъ дорогахъ. Вронченкѣ была подана имъ въ 1844 г. извѣстная записка, гдѣ Кокоревъ, доказывая, что „въ откупахъ, управляемыхъ по стародавнимъ формамъ, не дано откупному дѣлу торговаго, этого приманчиваго и *увлекательнаго направленія,* а оттого и остается часть денегъ *не выбранная изъ капитала, изобильно обращающагося въ народѣ*", предлагалъ издать такія правила, которыя „увеличатъ выборъ денегъ изъ народнаго капитала, потому что торговля питьями получитъ *ту цивилизацію въ отношеніи роскоши,* которая теперь усвоилась для всякой другой торговли".

Плодомъ этой записки явилось важнѣйшее финансовое мѣропріятіе графа Вронченки: знаменитое положеніе объ акцизно-откупномъ комиссіонерствѣ, достоинство котораго правительство опредѣлило, пятнадцать лѣтъ спустя, въ слѣдующихъ рѣзкихъ словахъ: „Развитіе монополіи до самыхъ крайнихъ предѣловъ и утѣсненіе народа... Деморализація полицейскихъ и другихъ чиновниковъ, служебная дѣятельность которыхъ имѣетъ отношенія къ откупнымъ дѣламъ,

---

рядъ обстоятельныхъ сочиненій о финансахъ, кредитѣ, торговлѣ и народномъ образованіи въ Австріи и о золотыхъ розсыпяхъ въ Калифорніи. Проживая по разнымъ порученіямъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ онъ чуть ли не въ 1846 г. въ первый разъ прибылъ въ Россію и сдѣлался немедленно экономическимъ оракуломъ петербургскихъ чиновниковъ. Онъ былъ затѣмъ членомъ Государственнаго Совѣта.

распространеніе пьянства и безнравственности въ народѣ. Зависимость правительства въ финансовомъ отношеніи отъ откупщиковъ и необходимость отъ того терпѣть всѣ ихъ злоупотребленія“ (Свѣд. о питейн. сбор. въ Россіи, т. III).

Мѣропріятія графа Вронченки дѣйствительно довели питейный доходъ до 80 милл. рублей. Но изъ изобильно обращавшагося, по словамъ Кокорева, въ народѣ капитала, не смотря на „цивилизацію“ торговли питьями, осталось такъ мало, что недоимка въ прямыхъ податяхъ превзошла уже въ 1852 году 125 милліоновъ рублей или около 57 проц. всѣхъ государственныхъ доходовъ *).

Вообще, какъ министръ, графъ Вронченко вовсе не оказался на высотѣ своего положенія. Такъ, онъ не умѣлъ поддержать, противъ сопротивленія графа Клейнмихеля, предложеніе кн. Кочубея соорудить желѣзную дорогу изъ Москвы въ Крымъ, которая спасла бы намъ Севастополь. Угождая безпрекословно кому нужно, онъ только запуталъ финансы и до того далеко не блистательные. „Графъ Вронченко, по мнѣнію г. Бліоха, не только не могъ стремиться къ постепенному развитію финансовыхъ средствъ государства, но, повидимому, даже не считалъ необходимымъ стоять на твердой почвѣ здравой и разумной финансовой политики, и даже не считалъ нужнымъ поддерживать и сохранять тѣ начала, которыя были созданы многолѣтнимъ трудомъ Канкрина“.

Само собою разумѣется, что эта безсистемность не могла не отразиться на общемъ состояніи государственнаго хозяйства: дефициты, передержки и перерасходы по росписямъ

---

*) Извѣстно, что во Франціи въ прошломъ столѣтіи въ откупахъ негласно участвовалъ самъ король. У насъ въ откупахъ принимали участіе либеральные писатели, какъ Кошелевъ. „Я знаю, что дѣло это не совсѣмъ чистое, но я получаю *чистыя* денежки“, говорилъ объ откупахъ графъ Канкринъ, пародируя въ сущности слова Веспасіана, который, обложивъ налогомъ отхожія мѣста въ Римѣ, показывалъ полученныя деньги сыну своему Титу и говорилъ: „видишь, деньги запаха не имѣютъ“.

были, какъ и прежде, самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, но этимъ, за смертью Мордвинова и другихъ независимыхъ людей, никто уже не смущался, считая такой порядокъ естественнымъ; „изъ года въ годъ, говоритъ г. Бліохъ, расходъ возрасталъ несоразмѣрно съ доходами и для покрытія дефицитовъ приходилось обращаться къ опасному средству—къ внѣшнимъ займамъ; государственное хозяйство, не имѣя ни одной правильной точки опоры, постепенно приходило въ упадокъ и разстройство".

Нѣтъ сомнѣнія, что заграничные займы, требуя уплаты процентовъ общепринятою монетою, въ случаѣ неимѣнія ея въ странѣ, истощаютъ финансовыя силы, и заграницу переводятъ, подъ видомъ процентовъ, плоды народнаго труда. Эта система усугубляетъ безденежье и способствуетъ пониженію курсовъ, хотя и по внутреннимъ займамъ значительная часть процентовъ переводится также заграницу. Но упрекъ г. Бліоха не совсѣмъ справедливъ въ томъ отношеніи, что за десятилѣтнее почти управленіе графа Вронченки было сдѣлано только два заграничныхъ займа. Гораздо справедливѣе упрекнуть можно послѣдняго въ искусственной поддержкѣ курса фондовъ и особенно кредитнаго рубля. Еще Канкринъ замѣтилъ, что „безполезно дѣлать въ благополучное время большія пожертвованія для возвышенія фондовъ, ибо болѣе неблагопріятное обстоятельство, первая неудача сдѣлаетъ всѣ таковыя пожертвованія тщетными и напрасными". Касательно же поддержки вексельнаго курса, столько разъ у насъ затѣмъ практиковавшагося, не менѣе справедливо было сказано покойнымъ Чижовымъ, что вексельный курсъ есть только показатель и что, поднимая его искусственно, дѣйствуютъ такъ же неосновательно, какъ еслибы для нагрѣванія комнаты стали бы подогрѣвать термометръ.

Надобно, впрочемъ, прибавить, что Вронченко былъ по крайней мѣрѣ такъ благоразуменъ, что не дѣлалъ никакихъ существенныхъ нововведеній. Поэтому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его управленія правительственная ма-

шина дѣйствовала еще кое-какъ. Замѣтное разстройство нашихъ финансовъ началось въ бытность министромъ Брока, замѣнившаго графа Вронченко послѣ его смерти. Умирая (6 апрѣля 1852 г.) графъ Вронченко все свое состояніе, около милліона, скопленнаго изъ жалованья и наградъ, завѣщалъ государю. Эта цифра не должна удивлять, потому что министры финансовъ получали по сту тысячъ награды не только за каждый заемъ, но и за каждые торги по откупамъ.

П. Ѳ. Брокъ.

Рутина, какъ извѣстно, необыкновенно легко прививается въ административныхъ сферахъ. Это общій законъ. Она проявляется иногда въ оригинальномъ видѣ. Такъ, графъ Канкринъ, самолюбивый до чрезвычайности, товарищемъ своимъ по министерству выбралъ Вронченку, главнымъ образомъ, не желая создавать себѣ опаснаго соперника. Вронченко по той же теоріи остановился на Петрѣ Ѳедоровичѣ Брокѣ, и Богъ вѣсть куда бы привела эта система „естественнаго подбора“, еслибы ей не былъ положенъ предѣлъ *). Между тѣмъ оправданіемъ системѣ служилъ всегда одинъ отвѣтъ: „гдѣ же взять этихъ финансистовъ?“ Дѣйствительно, въ странѣ, гдѣ не было ни экономической печати, ни частныхъ банковъ, ни акціонерныхъ

---

*) Брокъ взялъ товарищемъ Норова. По этому поводу кн. Вяземскій писалъ: „У насъ обыкновенно все пересолятъ. Мы слыхали, что въ Англіи, по обычаю, изстари заведенному, никогда не назначаютъ моряка въ первые лорды адмиралтейства. На этомъ основаніи почти на всѣ мѣста назначаются у насъ люди посторонніе. Понимаю еще, что Канкринъ могъ бы взять Норова себѣ въ товарищи. Онъ любилъ пилякать на скрипкѣ, а Норовъ большой піанистъ. Но не могу придумать, на что онъ будетъ годенъ Броку“ (Кн. Вяземскій. Старая записная книжка).

обществъ, трудно было кому либо проявить свои финансовыя способности даже въ эмбріональномъ состояніи.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ преемники Вронченкѣ молва указывала на Чевкина, М. Н. Муравьева и Д. Г. Бибикова; каждый изъ нихъ былъ, конечно, выше Брока, о которомъ острили: „Хорошъ Брокъ, да будетъ ли отъ него прокъ".

Новый министръ финансовъ воспитывался въ московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, и службу началъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія по отдѣльной части построенія мостовъ въ 1828 г. Еслибы онъ и имѣлъ дарованія финансиста, то во всякомъ случаѣ не могъ бы развить ихъ въ той средѣ, въ которой ему пришлось дѣйствовать. На дѣлѣ онъ относился къ своимъ обязанностямъ исключительно съ формальной, канцелярской стороны, будучи типомъ бюрократа*), а тутъ какъ на бѣду случилась Крымская война. Время его управленія составляетъ едва ли не самую печальную эпоху нашего финансоваго управленія, если не считать эпохи 1808 — 1813 года. Надобно сказать правду — что при существовавшихъ порядкахъ министръ финансовъ былъ почти и безсиленъ что нибудь сдѣлать. Хотя государственная роспись доходовъ и расходовъ не составляла тайны отъ отдѣльныхъ министровъ, какъ при Аракчеевѣ, но обсужденіе и приготовленіе ея обратилось въ формальность: мнѣніе финансоваго комитета Государственнаго Совѣта о ней умѣщалось на двухъ страницахъ! Да и такая провѣрка была излишня. Государственная роспись составлялась и утверждалась ежегодно, но исполненіе ея не было вовсе обязательно ни для одного вѣдомства, такъ какъ каждое министерство имѣло право испрашивать дополнительныя ассигнованія безъ всякаго соображенія съ

*) Подаваемыя ему для подписи бумаги онъ исправлялъ безъ конца, добиваясь краткости, а чаще зачеркивалъ все и писалъ всю бумагу самъ. Онъ былъ очень сухъ, непріятенъ въ личныхъ сношеніяхъ. Женатъ былъ Брокъ два раза; послѣ смерти оставилъ большое состояніе.

общими нуждами и средствами государства. Кромѣ того, каждое министерство, имѣя въ своемъ распоряженіи особые источники доходовъ и особые „экономическіе" капиталы, всегда могло увеличивать, по своему усмотрѣнію, смѣтное ассигнованіе расходовъ, вопреки утвержденной смѣты, и не только изъ этихъ источниковъ, но и передвиженіемъ кредитовъ изъ одного смѣтнаго назначенія въ другое, такъ какъ въ этомъ отношеніи въ законахъ не существовало никакихъ ограниченій.

Происхожденіе экономическихъ капиталовъ, созданныхъ по иниціативѣ Канкрина, учредившаго „капиталъ на случай войны", было довольно оригинальное. Каждое вѣдомство старалось испросить ассигнованіе болѣе, чѣмъ ему было нужно, а неиздержанные остатки не возвращало въ казначейство, а откладывало въ спеціальные капиталы, откуда брало деньги въ награды чиновниковъ, на постройки и пр. Такихъ капиталовъ скопилось до 70 милліоновъ рублей. Одна канцелярія военнаго министра имѣла болѣе 2 милліоновъ никому невѣдомыхъ суммъ. Вѣдомства почтовое, горное и др. были также очень богаты при бѣдности государства и нищенскихъ окладахъ чиновниковъ. Случалось, что въ кассахъ Министерства Финансовъ было только 75 милл., а въ кассахъ другихъ вѣдомствъ 200 милл. руб.

Роль министра финансовъ сводилась тогда, по удачному выраженію извѣстнаго стиха Федотова, къ „выжиманію даже изъ камня сока" на потребности, въ которыхъ онъ не былъ вовсе судьею. Мало того, значительная часть даже кредитныхъ операцій находилась въ завѣдываніи учрежденій императрицы Маріи, т. е. соединялась съ управленіемъ женскими институтами, а вся фондовая биржа въ Петербургѣ сводилась къ лицу одного барона Штиглица, финансовая сообразительность котораго вскорѣ проявила себя весьма поучительнымъ образомъ. У министра финансовъ оставалось одно утѣшеніе — Экспедиція заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ, къ которой онъ и прибѣгалъ во всѣхъ затруднительныхъ и не затрудни-

тельныхъ случаяхъ. Исторія управленія Брока есть почти исторія этой казенной типографіи. Самыя серьезныя финансовыя мѣры, какъ увидимъ далѣе, были произведены не по его иниціативѣ и Министерство Финансовъ обратилось въ большую канцелярію по текущимъ финансовымъ дѣламъ.

Обстоятельства между тѣмъ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ были таковы, что требовали особаго вниманія министра финансовъ. Дефицитъ, составлявшій въ нормальный 1852 годъ 32 милл. рублей, вслѣдствіе восточной войны увеличился въ 1853 году до 51 милл. руб., въ 1854 году до 123 милл. руб., въ 1855 году до 262 милл. руб., въ 1856 году до 266 милл. руб., и даже въ 1857 году, годъ спустя по заключеніи Парижскаго мира, онъ составлялъ еще около 38½ милл. рублей. Складывая эти недоборы, пришлось отыскать 773 милл. рублей, что почти въ три съ половиною раза превосходило тогдашній нашъ годовой государственный доходъ, изъ котораго ⅓ доставляли откупа, а это еще былъ единственный источникъ поступленій, сколько нибудь растяжимый; прочіе государственные доходы, особенно подати, по случаю войны скорѣе сокращались, нежели росли.

Брокъ извернулся слѣдующимъ образомъ: 92 милл. руб. занялъ заграницею (5-й и 6-й пятипроцентные внѣшніе займы), 230 милл. руб. позаимствовалъ негласно изъ вкладовъ государственныхъ кредитныхъ установленій, на 36 милл. руб. выпустилъ билетовъ государственнаго казначейства (серій) и на 404 милл. рублей кредитныхъ билетовъ. Приготовленіе билетовъ шло такъ поспѣшно, что злые языки во время Крымской войны утверждали, будто бы министръ испросилъ сначала позволеніе не входить о каждомъ выпускѣ съ особымъ докладомъ, а затѣмъ нашелъ, что и ему некогда заниматься этимъ, и дѣло находилось въ рукахъ директора кредитной канцеляріи, которымъ тогда былъ И. И. Ламанскій; такимъ образомъ Е. И. Ла-

манскій съ дѣтства, такъ сказать, былъ воспитанъ на кавалерскихъ отношеніяхъ къ кредитнымъ билетамъ.

Для заграничныхъ займовъ понадобилось содѣйствіе барона Штиглица и Комп., который не только получалъ приличныя провизіи, но и устанавливалъ на биржѣ какія угодно цѣны фондамъ; остальные производились весьма незамысловатыми канцелярскими распоряженіями по кредитной канцеляріи; ни о какомъ финансовомъ планѣ, ни о какихъ нормахъ, которыя поставили бы границу колебаніямъ валюты, рѣчи не было, кромѣ платоническаго обѣщанія, сдѣланнаго въ 1855 году, возстановить размѣнъ по окончаніи войны. Не озаботились даже приготовленіемъ размѣнной монеты такой пробы, которая не дозволяла бы скупъ мелочи и вывозъ ея при постепенно понижающемся вексельномъ курсѣ.

Война и ея неотложныя потребности могли служить Броку оправданіемъ, но совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется его система, когда мы обратимся къ дѣятельности Министерства Финансовъ въ періодъ послѣ войны, когда все общество ждало отъ министра реформъ и улучшеній. Послѣ войны финансы представились въ слѣдующемъ видѣ: государственные доходы неподвижны и податная система, не тронутая еще со временъ графа Гурьева; избытокъ кредитныхъ билетовъ, количество которыхъ въ обращеніи составляло 735 милліоновъ, т. е. слишкомъ вдвое чѣмъ пять лѣтъ до того, и долгъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, гдѣ всѣ вклады были до востребованія, въ 320 милліоновъ руб. Размѣнъ былъ остановленъ, лажъ дошелъ до 10 проц. и размѣнный фондъ уменьшился на 16 проц.

Громадные выпуски кредитныхъ билетовъ, сдѣланные для покрытія военныхъ расходовъ, произвели наплывъ въ банковыя кассы такой массы бумажно-денежныхъ капиталовъ, что кредитнымъ учрежденіямъ угрожали значительныя потери. Безспорно, это былъ самый удобный моментъ

для отвержденія текущаго долга, но Брокъ не съумѣлъ имъ воспользоваться.

Что же было сдѣлано для исправленія этого положенія? А сдѣланы три распоряженія, которыя совокупно содѣйствовали весьма сильно къ подрыву курса. Во-первыхъ, была облегчена выдача заграничныхъ паспортовъ—что еще имѣло оправданіе съ политической точки зрѣнія—и сверхъ того приказано было отпускать путешественникамъ изъ государственнаго казначейства нѣкоторую сумму золотомъ по нарицательной цѣнѣ. Другими словами, правительство выдавало изъ казны премію желающимъ кататься заграницу! Послѣдствіемъ этой мѣры было огромное увеличеніе отправляющихся заграницу (съ 18,000 до 100,000 въ годъ), и для нихъ потребовалось перевода туда суммъ до 20 милліоновъ рублей ежегодно.

Во-вторыхъ, по таможенному тарифу 1857 года понижены были весьма значительно таможенныя пошлины, отчего привозъ иностранныхъ товаровъ, оплаченныхъ пошлинами, быстро возростая, превысилъ привозъ 1852 года на 50 проц., а, присоединяя привозъ безпошлинный, это превышеніе было еще гораздо болѣе.

Тарифъ 1857 года сочинялся прежнимъ порядкомъ канцелярскимъ путемъ съ большою таинственностью, точно рѣчь шла о заговорѣ противъ русской промышленности. Ни одного фабриканта или заводчика мнѣніе не спрашивали, считая ихъ неспособными понять блага теоріи свободной торговли. Душою тарифной комиссіи былъ Тенгоборскій, считавшійся окончательно свѣтиломъ потому, что онъ изъ фантастическихъ цифръ офиціальной статистики скомпилировалъ трехтомный французскій панегирикъ подъ названіемъ: „Etudes sur les forces productives de la Russie“, имѣвшій цѣлью бросить Европѣ пыль въ глаза преувеличеннымъ исчисленіемъ нашихъ богатствъ. Можно себѣ представить, какой тарифъ сочинили такимъ путемъ?

На бѣду тогдашняя печать, вѣрившая безусловно въ западныя теоріи, „стыдилась“ сказать слово въ защиту рус-

ской промышленности. Тенгоборскій сформировалъ вокругъ себя цѣлую плеяду польско-русскихъ экономистовъ и ихъ писанія, отъ которыхъ отказался бы теперь гимназистъ, а тогда печатавшіяся даже въ модномъ „Русскомъ Вѣстникѣ“, считались верхомъ премудрости *). Эта премудрость, однако, въ результатѣ привела къ уничтоженію многихъ производствъ, особенно химическихъ, къ закрытію нѣсколькихъ сотенъ фабрикъ, разоренію десятковъ тысячъ рабочихъ; и, что важнѣе всего, о чемъ скажемъ далѣе, укрѣпляя въ публикѣ и властяхъ предержащихъ презрѣніе къ собственнымъ промышленнымъ силамъ, привела къ тому, что сѣть желѣзныхъ дорогъ, стоившая 1½ милліарда рублей, была выстроена почти безъ участія русской металлической промышленности и сотни милліоновъ, которыя могли оживотворить множество глухихъ мѣстностей и обогатить милліоны людей, ушли безвозвратно заграницу въ Англію, Бельгію и Германію. Вотъ къ чему приводятъ иногда навыворотъ проглоченныя и дурно переваренныя двѣ или три французскія книжки!

Въ-третьихъ, мы рѣшились въ 1857 году понизить проценты по банковымъ вкладамъ съ 4 проц. на 3 проц., и

---

*) Наиболѣе завирался на словахъ и бумагѣ изъ тогдашнихъ фритредеровъ И. В. Вернадскій. Такъ онъ доказывалъ, что народу, держащемуся свободной торговли, не придется вести войнъ. „Доступъ, который онъ дружелюбно открываетъ у себя издѣліямъ всѣхъ державъ, доставитъ ему ихъ симпатіи, а въ нужныхъ случаяхъ и защиту“. Въ доказательство онъ указывалъ на Турцію! Къ счастью, назначенный въ Харьковъ управляющимъ мѣстнымъ отдѣленіемъ Государственнаго банка, Вернадскій скрылся во-время съ петербургскаго горизонта и затѣмъ, разбитый параличемъ, и вовсе удалился со сцены.

Какъ упорны могутъ быть заблужденія, можно видѣть изъ того, что г. Бліохъ въ 1882 г. писалъ: „наиболѣе важное значеніе тарифа 1857 г. заключалось въ освобожденіи отъ пошлинъ всѣхъ произведеній иностранной печати, что *несомнѣнно* способствовало поднятію умственнаго образованія и къ пріобрѣтенію научныхъ знаній интеллигентными классами Россіи“. Между тѣмъ каждому извѣстно, что съ тѣхъ поръ потребленіе иностранныхъ книгъ совсѣмъ упало и большая часть магазиновъ иностранныхъ книгъ закрылась.

это въ то самое время, когда въ Западной Европѣ, по случаю всеобщаго кризиса, такъ нуждались въ монетѣ, что принуждены были возвысить учеты до $7^1/_2$ проц. Другими словами, мы сами опустошали наши банки и выгоняли монету заграницу. Если Брока еще можно оправдывать въ черезмѣрномъ выпускѣ кредитныхъ билетовъ, потому что Крымская война требовала громадныхъ расходовъ, а всѣ иностранные рынки, на которыхъ заключаются займы, были для него закрыты, вслѣдствіе составившейся противъ Россіи коалиціи, то невозможно оправдать въ непоправимой ошибкѣ пониженія процентовъ по вкладамъ, которая имѣла самыя пагубныя послѣдствія. Быть можетъ въ первый разъ представился странный фактъ, что министръ финансовъ испугался огромнаго количества находившихся въ его распоряженіи денежныхъ капиталовъ. Вмѣсто общаго пониженія процентовъ, если не желали дѣлать займа, достаточно было уменьшить проценты только для новыхъ вкладовъ, что уменьшило бы ихъ чрезмѣрный приливъ.

Въ оправданіе Брока приводятъ—если это можно считать оправданіемъ — что пониженіе банковыхъ процентовъ произошло по совѣту Чевкина, управлявшаго тогда путями сообщенія и не видѣвшаго другого способа привлечь капиталы къ реализаціи подписки на учреждавшееся, по иниціативѣ Перейры, Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ*). Чевкинъ игралъ впослѣдствіи видную роль въ нашихъ финансовыхъ дѣлахъ, но въ 1857 году, служа до того въ генеральномъ штабѣ, управляя горнымъ штабомъ и засѣдая долгое время, по немилости, въ старомъ сенатѣ, онъ едва ли могъ въ финансовыхъ дѣлахъ оказаться вполнѣ компетент-

---

*) „Почти всѣ сословія, говоритъ Кокоревъ, были противъ этого общества, потому что появленіе его глубоко оскорбляло русскихъ людей. Всюду говорили: когда нужна наша жизнь и кровь и наше достояніе, въ то время мы въ цѣнѣ, а когда является внутреннее благоустройство и возможность наживы, тогда вмѣсто насъ обращаются къ французамъ". Главное общество вытянуло изъ Россіи десятки милліоновъ и не подверглось никакому взысканію за нарушеніе своихъ обязательствъ.

нымъ совѣтникомъ. Болѣе опытныя лица, между прочимъ тогдашній предсѣдатель департамента государственной экономіи графъ А. Д. Гурьевъ, возражали противъ пониженія банковыхъ процентовъ*). Они указывали на то, что въ нашихъ казенныхъ банкахъ хранились огромные иностранные капиталы, которые, по случаю свирѣпствовавшаго на Западѣ кризиса, легко могли быть вытребованы заграницу, и что если банки дѣйствительно теряли отъ процентовъ по скопившимся вкладамъ, изъ которыхъ 125 милліон. руб. не могли себѣ найти никакого помѣщенія, до 5 милліон. руб. въ годъ, то этотъ убытокъ слѣдовало принять на счетъ казны, такъ какъ онъ произошелъ отъ внезапнаго выпуска кредитныхъ билетовъ для Крымской войны, замѣнивъ тогда внѣшній заемъ, который въ такой огромной суммѣ былъ немыслимъ по политическимъ обстоятельствамъ.

Возражавшіе находили, что прежде чѣмъ рѣшиться на подобную опасную мѣру какъ пониженіе процентовъ, слѣдовало собрать свѣдѣнія о количествѣ вкладовъ, принадлежащихъ мѣстамъ и лицамъ, которыя не могутъ востребовать свои капиталы, о количествѣ иностранныхъ капиталовъ, находившихся въ нашихъ банкахъ, о величинѣ оборотныхъ суммъ, необходимыхъ для дѣйствія банковъ и т. п. Не смотря на это возраженіе, проценты были понижены безъ собранія этихъ данныхъ, и катастрофа совершилась. Болѣе 150 милліоновъ руб. въ монетѣ безвозвратно исчезли

---

*) Гурьевъ (сынъ министра), человѣкъ глубокаго государственнаго ума и независимый и по своему общественному положенію и по своему образу мыслей, расходился съ Чевкинымъ и по вопросу о приглашеніи иностранныхъ капиталистовъ для сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ. Гурьевъ стоялъ за Ротшильдовъ, Чевкинъ за братьевъ Перейра, вошедшихъ въ соглашеніе съ Гопе и Берингомъ. Чевкинъ взялъ верхъ, такъ какъ за него стояли гр. Ростовцевъ и бар. Штиглицъ, бывшій банкиромъ кн. Орлова, Меншикова, гр. Нессельроде. Штиглицъ былъ сдѣланъ вице-предсѣдателемъ Совѣта главнаго управленія вновь учрежденнаго Главнаго общества. Предсѣдателемъ былъ сдѣланъ Левшинъ, членами: неизбѣжный Тенгоборскій, гр. Бобринскій, гг. Тимашевъ и Абаза.

изъ Россіи, когда наше государство наканунѣ крестьянской реформы и, собираясь улучшать пути сообщенія, особенно нуждалось въ капиталахъ. Получилось явленіе, котораго финансовое управленіе не ожидало и нисколько не желало. Сильный отливъ капиталовъ, ежедневно увеличивавшійся, быстро истощилъ банковыя кассы, поглощалъ новые выпуски бумажныхъ денегъ и съ непреоборимой силой влекъ банки, а вмѣстѣ съ ними и финансовое управленіе страны къ банкротству. Панегиристы этой мѣры утверждаютъ, однако, что еслибы процентъ оставался тотъ же самый, то извлеченіе вкладовъ послѣдовало бы неминуемо, только съ меньшею быстротою, потому что значительная часть капиталистовъ не согласилась бы довольствоваться скромными четырьмя процентами, выплачиваемыми банками въ то время, когда народной предпріимчивости было дано болѣе простора.

Дѣло въ томъ, что конецъ финансоваго управленія Брока ознаменовался учредительскою спекуляціею, подобная которой повторилась потомъ только въ 1866—1869 гг. Послѣ упорнаго стѣсненія акціонерной дѣятельности съ цѣлью заставить капиталы скопляться въ казенные банки и попадать въ руки правительства для негласныхъ позаимствованій, съ заключеніемъ въ 1856 г. мира, Министерство Финансовъ очень быстро разрѣшило акціонерные уставы новыхъ обществъ на предпріятія съ капиталомъ слишкомъ въ 250 милл. руб. Особеннымъ почетомъ пользовались предпріятія по пароходству, въ которомъ очень сильно нуждалась Россія. Но поспѣшность, при пониженіи банковаго процента, принесла скорѣе вредъ, нежели пользу. Большая часть предпріятій, наскоро и незрѣло обдуманныхъ, быстро ликвидировалась, разоривъ довѣрчивыхъ акціонеровъ.

Вмѣстѣ съ созданіемъ новыхъ акцій, отливъ денегъ изъ банковъ породилъ биржевую игру на фонды, почти до того не существовавшую. Не смотря на то, что отъ войны наше положеніе ухудшилось, изобиліе денегъ подняло сразу и безъ нужды цѣну всѣхъ бумагъ: 6-ти проц. заемъ въ одинъ

годъ поднялся со 119 до 136½ проц., 5-ти проц. заемъ со 102 до 115 проц. Эти цѣны вовсе не соотвѣтствовали положенію нашего кредита и ими воспользовались лишь иностранные спекуляторы, которые массами стали высылать къ намъ наши бумаги на продажу по высокимъ цѣнамъ, требуя взамѣнъ высылки столь же значительнаго количества звонкой монеты.

Финансовая администрація думала воспрепятствовать этому движенію, стараясь уронить курсъ нашихъ фондовъ, являясь ихъ продавцомъ. Вообще это было время невообразимаго хаоса. Кредитъ государственный находился въ самомъ опасномъ положеніи, такъ какъ въ то время, когда были широко открыты двери банкамъ для востребованій, какъ будто бы позабыли, что само правительство задолжало этимъ учрежденіямъ 553 милл. руб., уплатить которые не имѣло вовсе средствъ. Въ какой степени финансовая администрація не предусмотрѣла послѣдствій пониженія процентовъ, можетъ служить то обстоятельство, что въ 1857 г. ею предполагалось вновь занять для покрытія дефицита изъ казенныхъ банковъ 47 милл., а въ 1858 г. 14 милл. рублей!

Эта милая наивность даетъ понятіе о финансовыхъ способностяхъ Брока. Когда его, наконецъ, къ общему удовольствію, уволили (23 марта 1858 г.), то не нашлось ни одного голоса въ его защиту. Могли развѣ втайнѣ пожалѣть откупщики, обязанные министру тѣмъ, что, подъ предлогомъ Крымской войны, имъ продолжили на четыре года откупа безъ торговъ.

А. М. Княжевичъ.

Замѣнившій Брока въ званіи министра финансовъ Александръ Максимовичъ Княжевичъ, родомъ изъ эмигрировавшихъ сербовъ, былъ долгое время директоромъ канцеляріи Министерства Финансовъ и директоромъ департамента государственнаго казначейства, въ числѣ дѣятельныхъ сотрудниковъ графа Канкрина, и могъ до нѣкоторой степени считаться его ученикомъ. Говорятъ даже, что Канкринъ готовилъ его себѣ въ преемники. Онъ завѣдывалъ также въ 30-хъ годахъ дѣлами Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ Мордвинова. Но въ этомъ случаѣ оправдалось изреченіе, что можно блестѣть на второмъ планѣ и оказаться непригоднымъ для перваго. Княжевичу нельзя отказать въ высокихъ и достойныхъ уваженія качествахъ, онъ понималъ дѣло, тѣмъ не менѣе онъ не находился на высотѣ своего положенія. Служа въ финансовомъ вѣдомствѣ съ 1811 г. (послѣ окончанія курса въ Казанскомъ университетѣ), съ 1854 г. онъ былъ какъ бы на покоѣ, состоя сенаторомъ, почетнымъ опекуномъ и завѣдуя сохранною казною. Это была руина, нѣчто въ родѣ воспроизведенія Голубцова, и, благодаря слабости характера Княжевича, эпоха его управленія оставила тяжелые слѣды.

Публика встрѣтила назначеніе Княжевича, бывшаго любителемъ литературы и другомъ Греча, довольно благосклонно, можетъ быть потому, что въ преемники Броку прочили весьма непопулярнаго послѣ Крымской войны князя А. С. Меншикова. Меншиковъ не любилъ графа Канкрина, это, кажется, было единственное его право занять мѣсто во главѣ финансовъ. Денисъ Давыдовъ увѣрялъ, впрочемъ, что Меншиковъ умѣлъ ловко ко всему приладить свой умъ — „поступи ты завтра въ монахи, въ шесть мѣсяцевъ будешь ты митрополитомъ“, говорилъ онъ князю А. С.,

который столько лѣтъ управлялъ Морскимъ Министерствомъ, будучи по воспитанію артилеристомъ.

Вліятельная тогда партія противниковъ крестьянской реформы: кн. Долгоруковъ, кн. Орловъ и др. надѣялась, что въ крестьянскомъ вопросѣ новый министръ финансовъ будетъ дѣйствовать также нерѣшительно, какъ и Брокъ, но Княжевичъ не оправдалъ ожиданій консерваторовъ, какъ и ожиданій видѣть въ немъ преемника Канкрина.

Хотя и ученикъ послѣдняго, Княжевичъ не скрывалъ отъ себя недостатковъ его системы. Графъ Кисилевъ пишетъ, что Княжевичъ еще въ 1836 г. говорилъ ему: „мы живемъ займами. Почти каждые восемь лѣтъ мы обращаемся къ иностраннымъ банкирамъ за помощью и дѣлаемъ заемъ въ 100 или 120 милліоновъ рублей, чтобъ заплатить недоимки и подготовить источники для будущихъ поколѣній“. „Подобнымъ средствомъ, прибавляетъ Киселевъ, старый министръ (Канкринъ) выпутывался кое-какъ изъ затруднительнаго своего положенія. Его преемники, не обладавшіе такимъ умѣніемъ и не имѣвшіе такого вліянія на государя, довели финансы, а вслѣдствіе того и кредитъ до плачевнаго состоянія“. Въ числѣ этихъ преемниковъ Кисилевъ разумѣлъ и Княжевича.

Въ первый годъ своего управленія, прежде составленія смѣтъ на 1860 г., Княжевичъ представилъ записку о хозяйственномъ и финансовомъ положеніи Имперіи, гдѣ высказывалъ твердое убѣжденіе въ томъ, что предохраненіе нашихъ финансовъ отъ конечнаго разстройства можетъ быть достигнуто только при соблюденіи въ расходахъ крайней бережливости и при отмѣнѣ даже такихъ расходовъ, которые хотя и дѣйствительно полезны, но не неизбѣжны. Для достиженія, однако, этой цѣли, „чувствуя себя безпомощнымъ“, Княжевичъ испрашивалъ содѣйствія со стороны Финансоваго комитета.

Комитетъ финансовъ нашелъ, что у насъ нельзя ни увеличить налоговъ прямыхъ въ виду уничтоженія крѣпостного права, ни косвенныхъ — въ виду ихъ дурной органи-

заціи, ни дѣлать заграничныхъ займовъ, ни выпускать въ значительномъ количествѣ билеты Казначейства, почему „счелъ своею священною обязанностью подкрѣпить своимъ вѣрноподданническимъ ходатайствомъ представленіе министра финансовъ объ ограниченіи расходовъ“. Покойный государь собственноручно написалъ на положеніи Комитета: „Насчетъ сокращенія смѣты Военнаго Министерства будетъ сдѣлано все, что возможно, безъ совершеннаго разстройства всего нашего военнаго устройства“. Въ слѣдующемъ году послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы ни одно министерство не испрашивало увеличенія расходовъ иначе какъ по предварительномъ сношеніи съ министромъ финансовъ.

Но всѣ усилія сократить расходы были тщетны. Смѣта Военнаго Министерства была увеличена на 16 милл. руб., необходимыхъ для окончанія войны на Кавказѣ, да и одни сокращенія не исправили бы дѣла, потому что Россія несомнѣнно проходила въ это время черезъ періодъ денежнаго и коммерческаго кризиса. Такимъ образомъ Княжевичу приходилось заботиться не только о пополненіи дефицита, но и о томъ, чтобы исправить вообще положеніе, столь ухудшенное его предшественникомъ. Всѣ находили тогда финансовое положеніе Россіи опаснымъ и требующимъ самаго серьезнаго вниманія правительства. Нужно было спѣшить принятіемъ дѣйствительныхъ мѣръ, чтобы не дойти до банкротства.

Фонды наши клонились съ 1823 по 1853 годъ къ регулярному возвышенію, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, въ которыхъ Европа потрясаема была смутами или денежными кризисами. Такъ, между прочимъ, революціонный 1848 годъ не былъ благопріятенъ для фондовъ. Регулярное повышеніе русскихъ бумагъ свидѣтельствовало о благосостояніи и довѣріи къ нимъ заграничныхъ капиталистовъ, въ рукахъ коихъ обращались $^{3}/_{4}$ всей суммы фондовъ. Переложеніе ассигнацій на серебро произвело только временное пониженіе фондовъ, которые вслѣдъ за

тѣмъ начали повышаться. Вліяніе Крымской войны и выпуска 300 милл. кредитными билетами сильно дѣйствовало на цѣны фондовъ, которые вдругъ подешевѣли. По устраненіи отчасти причинъ ихъ упадка, они пошли вверхъ въ 1856 году. Пониженіе процентовъ, съ 4-хъ на 3, со вкладовъ, внесенныхъ въ кредитныя установленія, способствовало, какъ мы говорили, возвышенію цѣнъ на фонды. Высшій предѣлъ стоимости достигли наши фонды въ 1858 г., что пугало даже Брока. Но въ слѣдующій уже годъ, а особенно въ 1860 году, тревожное ожиданіе реформъ отозвалось на фондахъ значительнымъ пониженіемъ. Это пониженіе пошло рядомъ съ пониженіемъ курсовъ на заграничныя мѣста, опускаясь быстро, въ противоположность прежнему твердому повышенію.

Въ теченіе семи лѣтъ фонды упали отъ 10 до 30 проц. отчего владѣльцы этихъ бумагъ понесли, совершенно безвинно, весьма большой ущербъ. Отъ этого ущерба отчасти послѣдовало оскудѣніе свободныхъ капиталовъ и обѣдненіе страны. Пониженіе нашихъ курсовъ на заграничныя торговыя мѣста имѣло также невыгодное вліяніе и на денежный рынокъ. На сколько было не выгодно отправлять бумажныя денежныя цѣнности заграницу, на столько же стало выгодно ихъ высылать изъ-за границы обратно въ Россію. Вслѣдствіе этого, вмѣсто наличныхъ денегъ, которыми бы слѣдовало оплачивать отпускную нашу торговлю, оказалось выгоднѣе покрывать ее фондами. Въ одномъ 1858 году поступило къ намъ обратно, сказаннымъ путемъ, до 30.000,000 руб. сер. Обезцѣненные фонды были приманкою для свободныхъ капиталовъ, а помѣщеніе ихъ въ фонды уменьшало еще болѣе сумму капиталовъ, находившихся въ обращеніи. Съ уменьшеніемъ нашего кредита платежъ процентовъ и выкупъ по новымъ займамъ сталъ предоставляться заграничнымъ контрагентамъ этихъ займовъ, которые не ставили такого условія русскому правительству при прежнихъ займахъ.

Объявленный въ мартѣ 1859 года 3% заемъ не могъ

состояться изъ-за Итальянской войны; онъ былъ осенью возобновленъ, но далъ ничтожную сумму, которая вся ушла на поддержку вексельнаго курса. Съ тою же цѣлью произведенъ былъ въ 1860 г. выпускъ 4% металлическихъ билетовъ на 60 милл. руб. При Княжевичѣ былъ выпущенъ еще въ 1860 г. 4½ внѣшній заемъ, но онъ могъ быть реализованъ только въ 1863 году. Ротшильдъ и Перейра, съ которыми графъ Киселевъ, нашъ посолъ въ Парижѣ, совѣщался о возможности означеннаго займа, дали весьма основательный совѣтъ: „возстановите вашъ кредитъ посредствомъ улучшенія финансовой системы, тогда васъ ссудятъ деньгами, въ противномъ случаѣ вы заключите заемъ на лихвенныхъ условіяхъ, который обойдется очень дорого и притомъ будетъ незначителенъ".

Для консолидаціи вкладовъ и предотвращенія несостоятельности государственнаго казначейства въ мартѣ же 1859 года была открыта подписка на непрерывно-доходные 4% банковые билеты, но подписка шла вяло и туго и пришлось выпустить 5% банковые билеты, которые были приняты публикою лучше. Оба займа, однако, усилили расходы на сумму платежей процентовъ. Между тѣмъ признавалось нужнымъ изъять излишекъ кредитныхъ билетовъ, такъ какъ таковое изъятіе было обѣщано въ указѣ императора Николая I, хотя тотъ фактъ, что вексельный курсъ падалъ еще ниже, чѣмъ курсъ кредитныхъ билетовъ, ясно указывалъ, что не въ одномъ избыткѣ билетовъ коренилось зло. На погашеніе кредитныхъ билетовъ пошли экономическіе капиталы, скопленные разными вѣдомствами. Курсъ, конечно, не поправился и взамѣнъ сожженныхъ были выпущены новые билеты въ еще большемъ количествѣ, на 88½ милл. руб., притомъ выпущены не Государственнымъ банкомъ, у котораго оставался бы срочный долгъ, обезпечивающій билеты, а непосредственно казною.

Министерство Княжевича, какъ переходное отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, отличалось вообще своею неустойчивостью. Во время этого переходнаго министерства под-

готовлялось освобожденіе крестьянъ, чему предшествовали два чрезвычайно важныхъ распоряженія. Въ іюнѣ 1860 г. положено было ввести съ 1 января 1862 г. взамѣнъ откуповъ акцизную систему питейныхъ сборовъ, причемъ оптовая и раздробительная продажа вина объявлена вольнымъ промысломъ. Въ томъ же 1860 году, 31 мая, послѣдовало учрежденіе Государственнаго Банка, причемъ прежніе коммерческій и заемный банки, сохранныя казны и приказы общественнаго призрѣнія прекратили свое существованіе и дѣятельность ихъ ограничилась лишь разсчетомъ съ заемщиками. Составленъ былъ также новый уставъ объ акцизѣ съ табаку и выработаны проекты (утвержденные впослѣдствіи) городскихъ общественныхъ и земельныхъ банковъ на теоретическихъ, весьма неудовлетворительныхъ, основаніяхъ.

Коренное переустройство нашихъ старинныхъ кредитныхъ учрежденій, было Княжевичу не по силамъ и онъ надѣлалъ много ошибокъ. Душею этого преобразованія, вызвавшаго со стороны казначейства пожертвованія свыше 150 милліоновъ, былъ Гагемейстеръ, честный и ученый человѣкъ, но теоретикъ. Помогали ему г. Ламанскій, отчасти Безобразовъ, практическія указанія давалъ баронъ Штиглицъ, человѣкъ ума весьма ограниченнаго, трусливый и эгоистичный *).

Оно, конечно, было неудобно, что къ 1859 г. наши старыя кредитныя установленія, набравъ вкладовъ на милліардъ *до востребованія,* только 32 милл. роздали въ ссуды на краткіе сроки, а остальное—свыше 950 милл. руб. по-

*) Баронъ А. Л. Штиглицъ, сынъ еврея изъ Гановера, пріѣхавшаго въ Петербургъ маклеромъ съ небольшими средствами и ставшаго барономъ и придворнымъ банкиромъ, учился въ Дерптскомъ университетѣ. Получивъ отъ отца $7^1/_2$ милліоновъ, А. Л., отличался только вѣчно скучающимъ видомъ, молчаливостью и скупостью, но вовсе не умомъ и не талантами, оставилъ послѣ себя, по официальной оцѣнкѣ для пошлины съ наслѣдства, 15 милліон. руб., а въ дѣйствительности болѣе 70 милл. руб., чѣмъ доказалъ, что Аристотель былъ не правъ утверждая, что „если овцы родятъ ягнятъ, то червонцы сами ничего не родятъ“.

мѣстили въ долговременныя ссуды отъ 15 до 56 лѣтъ съ возвратомъ весьма малыми частями. Но долгосрочный кредитъ, которымъ можно было пользоваться въ опекунскихъ совѣтахъ, равно какъ въ Заемномъ банкѣ, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, былъ уничтоженъ именно въ ту минуту, когда, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, помѣщики наиболѣе нуждались въ кредитѣ. Дѣло шло не о какихъ нибудь измѣненіяхъ, сдѣлавшихся необходимыми съ теченіемъ времени и благодаря указаніямъ опыта, но о переустройствѣ банковъ на совершенно новыхъ началахъ. Вслѣдствіе господствующей у насъ маніи все подводить подъ одну норму, дошли до того, что наложили руку даже на существовавшія въ каждой изъ нашихъ губерній кассы общественнаго призрѣнія, которыя были основаны съ благоразумной предусмотрительностью при Екатеринѣ II, дѣйствовали въ качествѣ мѣстныхъ банковъ, и также выдавали долгосрочныя ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ *).

Все было разрушено, прежніе банки уничтожены и основанъ единственный Государственный Банкъ, въ которомъ сосредоточились всѣ кредитныя операціи, когда-то входившія въ сферу дѣятельности названныхъ кредитныхъ учрежденій, за исключеніемъ долгосрочныхъ ссудъ подъ недвижимую собственность.

---

*) Ссуды подъ залогъ имѣній начались при Елисаветѣ съ 1754 г., первоначально изъ 6% на 3 года, Екатерина II удлинила срокъ ссудъ до 20 лѣтъ, но увеличила проценты до 8. Въ 1824 г. при Канкринѣ срокъ продолженъ до 24 лѣтъ, а въ 1830 проценты понижены до 6 и 7. Въ 1841 г. нормы выдачи были окончательно регулированы и сообразно качеству имѣнія давалось на душу отъ 50 до 70 руб. съ правомъ на добавочную ссуду въ 10 руб.

Первоначально выдача ссудъ шла очень неровно, она усилилась при Канкринѣ, но вообще Заемный банкъ и сохранныя казны расширяли свои операціи лишь въ чрезвычайные моменты (особенно во время войнъ), по минованіи коихъ возникалъ застой. Однако въ 1859 г. изъ 11 милл. крѣпостныхъ мужского пола было заложено свыше 7.107,184 душъ, подъ которые выдано почти 425 милл. руб.

Новые порядки не были нисколько лучше старыхъ и не упрочили государственный кредитъ. Послѣднее могло бы случиться только при томъ условіи, еслибы вновь учрежденный Государственный Банкъ былъ вполнѣ независимъ отъ правительства, подобно банкамъ Французскому и Англійскому. Но такъ какъ или не хотѣли, или не могли заходить такъ далеко, то лучше было не касаться нашихъ кредитныхъ учрежденій, къ которымъ публика привыкла обращаться въ теченіе столькихъ лѣтъ, или по крайней мѣрѣ отложить преобразованіе до болѣе спокойнаго времени.

Реформа собственно Коммерческаго банка была, пожалуй, не лишнею, но что сказать объ уничтоженіи государственнаго поземельнаго кредита, отчего земледѣліе и землевладѣніе остались безъ всякихъ пособій кредита и брошенныя на произволъ судьбы или, иначе говоря, отданныя во власть ростовщиковъ, которыхъ въ послѣдующее министерство г. Рейтерна замѣнили земельные банки, удачно прозванные „мышеловками". Нововведеніе это лишило десятки тысячъ помѣщичьихъ семействъ возможности жить въ своихъ имѣніяхъ. Справедливо было замѣчено, что на почвѣ этого бѣдствія выросъ потомъ, при содѣйствіи печати и стипендій, нигилизмъ.

„Давнымъ-давно зная А. М. Княжевича,—пишетъ Кокоревъ въ „Экономическихъ Провалахъ",—за человѣка, исполненнаго самыхъ лучшихъ сердечныхъ стремленій, мнѣ много разъ приходилось бесѣдовать съ нимъ о невозможности оставлять сельское хозяйство безъ кредитныхъ учрежденій въ какое бы то ни было время, а тѣмъ болѣе въ періодъ освобожденія крестьянъ, когда отъ земли отнимается у дворянскихъ имѣній даровой трудъ, а для найма рабочихъ и пріобрѣтенія новѣйшихъ земледѣльческихъ орудій и машинъ нужны деньги. Раздѣляя этотъ взглядъ, А. М. Княжевичъ выразился такъ: „ничего не подѣлаешь съ *ними; они* такъ хотятъ, чтобы всякая дѣятельность становилась на свои ноги и никакой уступки въ этомъ не сдѣлаютъ"... „Тутъ я впервые узналъ, прибавляетъ Коко-

ревъ,—что *они*—люди новыхъ воззрѣній, составившіе изъ 5—6 человѣкъ кружокъ, стремящійся въ кабинеты высокопоставленныхъ лицъ и салоны вліятельныхъ барынь для распространенія въ нихъ своихъ взглядовъ, дабы потомъ мало-по-малу, расширяя свой кругъ, забрать въ свои руки направленіе правительственной власти".

Это былъ тогдашній фритредерскій кружокъ учениковъ Тенгоборскаго. Къ теоріямъ этого кружка пристало потомъ множество вліятельныхъ лицъ, и принципы его „укоренились не только въ мысляхъ этихъ лицъ, но даже вошли въ штукатурку тѣхъ присутственныхъ кабинетовъ, гдѣ засѣдали члены могущественной фирмы *они*", замѣчаетъ Кокоревъ.

Господа эти были сдѣланы членами учрежденной Княжевичемъ, 10 іюля 1859 г., комиссіи по пересмотру системы сборовъ податей. Эта комиссія просуществовала до начала 80-хъ годовъ и хотя одного одеколона для своихъ членовъ извела полтора десятка ведеръ (какъ выяснилось по ликвидаціи счетовъ), но никакой системы не измѣнила. Результатами ея трудовъ былъ совершенно нелѣпый проектъ гербоваго сбора и искаженіе устава частной золотопромышленности, но комиссія дѣятельно работала, собиралась часто, напечатала около сорока объемистыхъ томовъ своихъ преній, которыя положительно пугали нашу торговлю и промышленность.

Во ожиданіи результатовъ комиссіи были увеличены подушныя и оброчныя подати и гербовыя пошлины на 18%, а подъ давленіемъ фритредеровъ отмѣнены давнія запрещенія по привозу въ Россію чугуна и желѣза и чая морскимъ путемъ. Пошлины на желѣзо и чугунъ были не только назначены въ 1861 г. весьма умѣренныя, но ихъ въ сущности отмѣнили, такъ какъ въ этомъ же году былъ разрѣшенъ безпошлинный привозъ чугуна и желѣза для механическихъ заводовъ и для судостроенія, что съ дозволеніемъ привозить безпошлинно металлы для желѣзныхъ дорогъ сдѣлало собственное горное дѣло почти излишнимъ,

а послѣднее стояло наканунѣ рѣшительнаго кризиса отъ отмѣны обязательнаго труда на заводахъ.

Допущеніе чая моремъ, составлявшее еще шагъ впередъ послѣ разрѣшенія покупки чая въ Кяхтѣ не въ обмѣнъ, а на золото и серебро, въ чемъ общественное мнѣніе видѣло коварное вліяніе англичанъ, мы не считаемъ вреднымъ, хотя до сихъ поръ много противниковъ этой мѣры. Не говоря уже о томъ, что со времени этого допущенія, сухопутный привозъ транзитомъ черезъ Сибирь не уменьшился, а значительно увеличился, дико было заставлять платить за провозъ чая 6—8 руб. съ пуда, когда моремъ, даже на русскихъ пароходахъ, можно имѣть тотъ же продуктъ по рублю съ пуда и дешевле. Правда, увѣряютъ, что сухопутная торговля содѣйствовала сбыту московскихъ мануфактуръ въ Китаѣ. Дѣйствительно содѣйствовала, но какъ? Московскіе плисы, легкія сукна и ситцы продавались въ Китаѣ за половину того, что стоили въ Москвѣ, а убытки наверстывались на русскихъ потребителяхъ чая. Другими словами, русскій мужикъ платилъ за честь одѣвать китайца не въ англійскую, а въ русскую матерію. Но и этотъ нелѣпый порядокъ сталъ невозможенъ вовсе не отъ разрѣшенія допуска съ 1861 года привоза чая морскимъ путемъ, а отъ открытія, послѣ войны англо-французовъ съ китайцами, внутреннихъ рынковъ Китая для европейскихъ товаровъ. Послѣ того конкурренція Москвы съ Манчестеромъ сдѣлалась рѣшительно немыслимою. Говорятъ о потерѣ (какъ оказывается мнимой) сибирскихъ извозчиковъ, но забываютъ, что уничтоженіе кяхтинской монополіи удешевило для массы русскаго населенія чай вдвое, а потому и потребленіе китайской травки увеличилось въ четыре раза.

Справедливѣе винить тотъ же кружокъ теоретиковъ, игнорировавшихъ русскую дѣйствительность и смотрѣвшихъ на нее сквозь призму иностранныхъ книгъ, за что онъ ежедневно получалъ благословенія періодической печати, развившейся отъ полученной свободы, за измышленіе системы

питейнаго акциза, заимствованной цѣликомъ изъ Австріи и навязанной Россіи къ исполненію, съ замѣчательною гордою самоувѣренностью въ ея достоинствѣ, безъ предварительнаго совѣщанія съ кѣмъ либо изъ извѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. Послѣдствіями этого было не только развитіе пьянства, отчего болѣе 2 милліоновъ крестьянъ пропили уже всѣ принадлежности своего хозяйства и остались безъ лошадей и коровъ, но и упадокъ сельскаго хозяйства во всей нечерноземной полосѣ Россіи. „Меня упрекаютъ, говорилъ Канкринъ, за то, что сѣвернымъ винокурамъ я прибавлялъ нѣсколько милліоновъ рублей въ годъ противъ цѣнъ, назначаемыхъ заводчикамъ черноземной полосы. Это говоритъ незнаніе дѣла: вѣдь я дѣлаю прибавку не заводчикамъ, а землѣ, чтобы не оставить ее безъ удобренія, а иначе содержаніе массы нищихъ будетъ стоить гораздо дороже этой прибавки. Я не хочу чтобы сѣверная Россія съѣла отъ голоду южную Россію“. Это и знать не хотѣли авторы новой системы и всю Россію подогнали подъ одну мѣрку.

Разореніемъ помѣщиковъ, распространеніемъ пьянства, уничтоженіемъ мелкаго винокуренія и вовлеченіемъ Россіи въ заграничные займы теоретики конца 50-хъ годовъ, по мнѣнію Кокорева, „причинили болѣе вреда Россіи, чѣмъ 1812 годъ, Севастополь, холера и всѣ другія пережитыя нами бѣдствія“. Эта фраза не лишена вовсе смысла. Мы говорили выше, что печать стояла за реформы. Уничтоженіе откуповъ не только не встрѣтило ни одного возраженія, но было привѣтствовано съ восторгомъ, точно рѣчь бы шла объ избавленіи отъ монгольскаго ига. Акцизной реформѣ придавали такое значеніе, что Княжевичъ даже долженъ былъ оставить въ 1862 году министерство изъ-за разногласія, подъ вліяніемъ своихъ племянниковъ, съ директоромъ департамента податей и сборовъ К. К. Гротомъ касательно назначенія разныхъ лицъ начальниками губернскихъ акцизныхъ управленій. Разговаривая по поводу этого увольненія, нашъ престарѣлый тогда государственный дѣятель

князь П. Вяземскій острилъ, что „для поправленія нашихъ финансовъ мало одного „грота“, а нужно бы пріискать еще Эгерію“.

Быть такой нимфой было предложено Чевкину, но онъ отвѣчалъ, что „въ Россіи званіе министра финансовъ можетъ принять только безумецъ или чародѣй, а что онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ“. Оказалось, однако, что ни въ какомъ чародѣйствѣ надобности не было.

М. Х. Рейтернъ.

Преемникомъ дряхлаго Княжевича сдѣлался совсѣмъ почти въ обществѣ и тѣмъ болѣе въ биржевыхъ кругахъ неизвѣстный М. Х. Рейтернъ, человѣкъ еще молодой и свѣжій. Онъ былъ рекомендованъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, а также, говорятъ, и умиравшимъ гр. Нессельродомъ.

Г. Рейтернъ—сынъ кавалерійскаго генерала, лифляндскаго помѣщика. Рейтерны родъ свой ведутъ изъ Голландіи, оттуда они переселились въ Любекъ; одинъ изъ любекскихъ Рейтерновъ выѣхалъ въ Ригу, гдѣ потомство его вошло въ число патриціевъ, а при Карлѣ XI получило дворянство. Михаилъ Христофоровичъ воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ, служить началъ въ Министерствѣ Финансовъ, затѣмъ перешелъ въ Министерство Юстиціи, а съ 1854 г. въ Морское Министерство, гдѣ нашелъ поприще дѣятельности, болѣе соотвѣтствовавшее его талантамъ и способствовавшее ознакомленію его съ Россіей. Онъ провелъ также около трехъ лѣтъ въ командировкахъ въ Пруссію, Соединенные Штаты, Францію и Англію, изучая устройство эмеритальной кассы, устройству которой онъ болѣе всѣхъ въ морскомъ вѣдомствѣ содѣйствовалъ.

Въ 1858 г., уже въ званіи статсъ-секретаря, г. Рейтернъ былъ назначенъ управляющимъ дѣлами, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, комитета желѣзныхъ дорогъ, въ 1860 г. завѣдующимъ дѣлами Финансоваго комитета, а въ январѣ 1862 г., наканунѣ своего назначенія управляющимъ Министерствомъ, предсѣдателемъ податной комиссіи. Въ это время г. Рейтернъ принималъ также участіе въ редакціонныхъ комиссіяхъ, выработавшихъ положеніе 19-го февраля 1861 г. Въ общую массу работъ этихъ комиссій Рейтернъ, а равно гг. Бунге и Ламанскій внесли значительную долю труда собственно по разрѣшенію финансовой стороны крайне сложнаго и крайне обширнаго дѣла выкупа крестьянскихъ надѣловъ, какъ извѣстно не потребовавшаго со стороны казны никакихъ денежныхъ пожертвованій.

Управляя почти шестнадцать лѣтъ подъ-рядъ Министерствомъ Финансовъ, г. Рейтернъ оставилъ о себѣ память человѣка осторожнаго и послѣдовательнаго. Всѣ хвалили его обширныя знанія, усидчивость, ровный, необыкновенно сдержанный характеръ, пріятный въ дѣловыхъ сношеніяхъ, замѣчательное спокойствіе и твердость убѣжденій. Конечно, въ подобномъ большомъ управленіи, какъ финансовое, не все шло одинаково хорошо; можно указать на многіе промахи, особенно ближайшихъ помощниковъ г. Рейтерна, промахи, за которые онъ обязанъ нести хотя косвенную отвѣтственность, но лично г. Рейтернъ остался съ репутаціей совершенно честнаго и безкорыстнаго государственнаго дѣятеля. Онъ былъ именно человѣкомъ прозаическихъ нуждъ и старался ихъ удовлетворить. Въ этой прозѣ было сдѣлано много полезнаго, но явились, конечно, и аферисты, которые умѣли если не затормозить полезное, то нагрѣться около него. Самъ же онъ являлъ поучительный въ нашъ вѣкъ примѣръ человѣка, жившаго со спартанской простотой среди окружавшей его роскоши.

Это былъ человѣкъ вообще необыкновенно скромныхъ привычекъ. Онъ продалъ прекрасный домъ Министерства

Финансовъ на Дворцовой набережной и поселился въ казенной квартирѣ бывшаго своего правителя канцеляріи.

Г. Рейтернъ былъ врагъ канцеляризма и многоглаголанія. Впрочемъ, когда онъ считалъ нужнымъ, то излагалъ свои мысли весьма ясно и обстоятельно. Въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ спокойная и твердая рѣчь г. Рейтерна, его доводы, полные убѣдительности и знанія дѣла, всегда имѣли успѣхъ. Назначенный послѣ гр. Валуева предсѣдателемъ Комитета Министровъ, онъ очень хорошо предсѣдательствовалъ, пока состояніе здоровья, дѣйствительно разстроенное подагрическими припадками и страданіями глазъ, позволяло ему заниматься дѣлами.

Къ редакціи бумагъ г. Рейтернъ былъ совершенно равнодушенъ, да и не могъ бы, какъ Брокъ, писать ихъ лично, потому что имѣлъ очень дурной почеркъ, уступавшій, впрочемъ, ужасному почерку Вронченки, писавшему какимъ-то полууставомъ XVIII столѣтія. Рейтернъ, однако, былъ не лишенъ извѣстной ревности къ своему вѣдомству, и хотя весьма неохотно и равнодушно относился къ дѣламъ горнаго вѣдомства, но не безъ борьбы и досады уступилъ его въ 1873 году П. А. Валуеву. Въ расходахъ, по его мнѣнію полезныхъ, онъ былъ щедръ; онъ охотно давалъ деньги на временныя командировки чиновниковъ, но систематически и упорно устранялъ всегда просьбы о сочиненіи новыхъ штатовъ. „Чиновники всегда останутся, будетъ ли для нихъ потомъ дѣло или нѣтъ", говорилъ онъ, не безъ основанія.

Въ характерѣ г. Рейтерна любопытна еще одна черта. Хотя онъ имѣлъ полное довѣріе къ своимъ подчиненнымъ, но очень мало заботился объ ихъ выборѣ. Талантливые и энергическіе К. К. Гротъ и Е. И. Ламанскій, доставшіеся ему отъ Княжевича, составляли исключеніе, а затѣмъ важнѣйшія отрасли государственнаго управленія были поручаемы весьма безцвѣтнымъ и даже бездарнымъ личностямъ. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ г. Рейтернъ самъ добродушно посмѣивался, но не любилъ мѣнять людей.

По убѣжденіямъ, хотя онъ подвергся публичнымъ порицаніямъ графа А. П. Шувалова за якобы стѣсненіе земства (что привело даже къ временному лишенію Петербургской губ. выборныхъ земскихъ учрежденій) и графа А. Г. Строганова за стѣсненіе городского самоуправленія, г. Рейтернъ былъ скорѣе либераленъ. Такъ, онъ явился въ 1866 г. въ числѣ противниковъ проведенной графомъ Шуваловымъ мѣры — усиленія власти губернаторовъ, утверждая въ своемъ мнѣніи, что такая мѣра „глубоко измѣняетъ существующій порядокъ и отнимаетъ у министра финансовъ возможность отвѣчать за цѣлость государственныхъ доходовъ". Мнѣніе это, какъ очевидно преувеличенное, уважено не было.

Принадлежа къ либеральному лагерю, онъ сообразно съ этимъ относился къ политическимъ вопросамъ: польскому, прибалтійскому и финляндскому. При немъ установилась совершенная автономія Финляндіи въ финансовомъ отношеніи и хотя, помимо его воли, взамѣнъ объединены съ общеимперскими финансы Царства Польскаго, но особенныя черты тамошнихъ финансовъ и Польскій банкъ долгое время сохранялись безо всякой существенной потребности.

Отмѣчая это, мы зато должны сказать, что на г. Рейтернѣ, равно какъ на немногихъ изъ государственныхъ дѣятелей прежняго времени, отнюдь не лежитъ упрекъ, чтобы онъ когда нибудь выступилъ противъ той или другой статьи, противъ тѣхъ или другихъ органовъ нашей печати, или противъ личностей отдѣльныхъ авторовъ; статьи, критиковавшія ходъ финансоваго дѣла, нерѣдко принадлежали лицамъ, находящимся въ составѣ служащихъ въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ. Было не мало вопросовъ: размѣнъ, негласные выпуски кредитныхъ билетовъ, покупка Банкомъ золота, лотерейные займы, исключительное положеніе виннаго налога въ бюджетѣ и т. п., въ которыхъ полемика была чрезвычайно ожесточенною, но она во всѣхъ этихъ вопросахъ чувствовала себя свободною и независимою, потому что г. Рейтернъ никогда не воздвигалъ гоненій на печать. Мы знаемъ за нимъ даже такой случай. Министру

финансовъ былъ поданъ длинный доносъ на монетный дворъ; этотъ доносъ г. Рейтернъ приказалъ цѣликомъ напечатать въ офиціальномъ журналѣ. Когда замѣтили, что подобная необычайная у насъ публикація будетъ крайне непріятна и даже оскорбительна управленію монетнаго двора,—„Напротивъ, сказалъ министръ,—я даю этимъ господамъ отличный случай оправдаться печатно“.

Кокоревъ, имѣвшій дѣла поочередно съ семью министрами финансовъ и узнавшій ихъ на практикѣ, о г. Рейтернѣ пишетъ: „За нимъ сохранится благодарное воспоминаніе за устройство желѣзныхъ дорогъ, за развитіе внутренняго кредита посредствомъ образованія коммерческихъ банковъ и за выкупную операцію при освобожденіи крестьянъ, совершенную при существовавшихъ финансовыхъ затрудненіяхъ безъ особыхъ потрясеній въ кредитныхъ оборотахъ. Кромѣ этого, Рейтернъ оказалъ важную услугу своею твердостью въ послѣднюю Восточную войну. Рейтернъ всякому полезному дѣлу, нуждающемуся въ поддержкѣ, помогалъ денежными ссудами, дабы не уронить движенія народной промышленности... Въ поддержаніи торговли въ нужное и тяжелое время Рейтернъ былъ попечительный хозяинъ, умѣвшій прямо смотрѣть въ глаза труднымъ обстоятельствамъ, и въ силу этихъ обстоятельствъ умѣвшій сразу отрѣшиться отъ прежнихъ своихъ взглядовъ. Нельзя пройти молчаніемъ и того памятнаго обстоятельства, какъ была спасена Рейтерномъ Волга, по всему ея протяженію, со всѣми своими притоками, отъ порабощенія ея въ крѣпостное владѣніе какого-то Эпштейна, подладившаго уже это порабощеніе въ другихъ вѣдомствахъ“.

Рейтернъ принялъ 23 января 1862 г. финансы въ весьма неблагопріятное время. Крымская война оставила намъ свое наслѣдіе въ неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ; эпоха 1857 г. усложнила запутанное положеніе неосторожною ликвидаціей банковыхъ учрежденій, пониженіемъ банковыхъ процентовъ и предоставленіемъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ иностранцамъ. Съ одной стороны вспыхнуло

въ 1863 году польское возстаніе, вызвавшее мобилизацію арміи; съ другой—педанты-теоретики, продолжали заготовлять различные финансовые проектики, осуществленіе которыхъ стоило бы Россіи доброй войны. Казначейство плохо питалось медленно возраставшими доходами, изъ которыхъ важнѣйшій—питейный, казалось, былъ поставленъ на карту предполагаемымъ уничтоженіемъ откупной системы; между тѣмъ рядъ реформъ, давно ожидаемыхъ русскимъ обществомъ, требовалъ денегъ, денегъ и денегъ. Деньги были нужны на крестьянскую реформу, на преобразованіе судовъ, на улучшеніе положенія чиновниковъ, на преобразованіе арміи и т. д. Даже скромная реформа Государственнаго Контроля и та потребовала слишкомъ милліонъ рублей новаго ежегоднаго расхода. За насущными административными реформами стояли еще улучшеніе путей сообщенія, народное образованіе, колонизація и руссификація окраинъ и вновь присоединенныхъ областей. Всѣ эти преобразованія и улучшенія, плѣнявшія общество, въ дѣйствительности немедленно сводились къ новымъ расходамъ.

Публика же очень любитъ громкія слова, но не любитъ платить деньги, и рѣдкій министръ финансовъ можетъ пользоваться ея расположеніемъ.

Роль министра финансовъ въ такую пору была очень деликатна, и нѣтъ сомнѣнія, что г. Рейтернъ неоднократно задумывался надъ несовмѣстимыми требованіями, съ одной стороны—экономіи въ расходахъ, съ другой—ихъ увеличенія. Мы не говоримъ уже о сантиментальномъ желаніи общественнаго мнѣнія возстановить у насъ металлическое обращеніе.

Управленіе финансами г. Рейтерна рѣзко раздѣляется на три періода. Въ первомъ, не совсѣмъ удачномъ, онъ слѣдовалъ программѣ своихъ предшественниковъ, т. е. совѣтамъ фритредеровъ и доктринеровъ, что болѣе всего выразилось въ такъ неудачно разрѣшившейся попыткѣ возстановленія размѣна; затѣмъ г. Рейтернъ, наученный опытомъ, а отчасти и общей реакціей, обозначившейся въ нашемъ

государственномъ управленіи въ 1866 г., исключилъ изъ своей программы всѣ искусственныя комбинаціи для возстановленія нашихъ финансовъ, приличныя болѣе такимъ государствамъ, какъ Австрія или Турція, съ глубоко потрясеннымъ общественнымъ организмомъ, и обратился на болѣе отдаленный, менѣе благодарный, но зато солидный и честный путь исправленія финансовъ съ помощью развитія производительныхъ силъ страны. Въ этомъ случаѣ г. Рейтернъ оказалъ безспорно истинныя услуги и явился достойнымъ продолжателемъ графа Канкрина. Дѣйствуя тутъ скорѣе какъ министръ торговли и путей сообщенія, г. Рейтернъ не забывалъ и о финансовой части. При немъ была вполнѣ преобразована кассовая и контрольная часть введеніемъ такъ называемаго единства кассы, одного изъ полезнѣйшихъ преобразованій послѣдняго времени, которымъ, впрочемъ, мы болѣе всего обязаны покойному В. А. Татаринову *). Государственный бюджетъ, въ первый разъ опубликованный въ 1862 г. **), изъ года въ годъ,

---

*) Валеріанъ Алексѣевичъ Татариновъ всю свою жизнь, по окончаніи курса въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ въ 1835 г., прослужилъ въ контрольномъ вѣдомствѣ. Въ 1855 г. онъ изучилъ заграницею, въ Бельгіи, Пруссіи и Австріи, счетныя и контрольныя учрежденія и составилъ проектъ преобразованія нашего Контроля, который и осуществилъ, будучи назначенъ 17 апрѣля 1864 г. государственнымъ контролеромъ.

**) Г. Бліохъ, со словъ г. Рейтерна, разсказываетъ въ своей книгѣ, что директоръ департамента казначейства г. Ключаревъ на приказъ послать государственную роспись для напечатанія, заявилъ, что онъ не желаетъ быть причастнымъ столь страшному государственному преступленію, и просилъ немедленно уволить его отъ службы. Никакія увѣщанія и разъясненія министра финансовъ не помогли и пришлось поручить опубликованіе росписи другому лицу. Г. Бліохъ, находитъ этотъ фактъ характернымъ и иронизируетъ по его поводу. Онъ дѣйствительно характеренъ, доказывая, что у насъ всегда были чиновники, которые свои убѣжденія ставили выше жалованья и наградъ. Одобряя покойнаго Ключарева за твердость его убѣжденій, мы должны прибавить, что въ остальномъ это былъ сухой и бездушный бюрократъ, всю свою нѣжность сосредоточившій на маленькихъ собачкахъ.

подъ вліяніемъ правилъ о составленіи, утвержденіи и исполненіи государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій, изданныхъ въ 1862 г., дѣлался полнѣе, обстоятельнѣе и, наконецъ, послѣ безконечнаго ряда дефицитныхъ годовъ, въ 1872 г. закончился перевѣсомъ въ доходахъ. Третій періодъ, заключающій два послѣдніе года министерства г. Рейтерна, представляетъ разрушеніе созданнаго бюджетнаго равновѣсія и новый кризисъ подъ вліяніемъ Восточной войны, т. е. помимо уже желанія и мѣропріятій Министерства Финансовъ.

Дебютировалъ, какъ мы сказали, г. Рейтернъ размѣномъ—14 апрѣля 1862 г. былъ заключенъ черезъ Ротшильда металлич. 5% заемъ въ 15 милл. фунт. стерл., по 94% и $2^1/_2$% комиссіи. Котировкой его на парижской биржѣ заинтересованъ былъ даже Наполеонъ III. 25 апрѣля того же года вышелъ указъ о размѣнѣ, основанный на составленныхъ Финансовымъ комитетомъ правилахъ. Правила эти были позаимствованы изъ записки г. Ламанскаго, который взялъ за образецъ проектъ Сперанскаго 1810 г., прибавивъ лишь скàлу размѣна изъ Пилевскаго закона 1819 г. по коему возстановился размѣнъ въ Англіи.

Размѣнъ открылся 1 августа 1862 г. по курсу 5 руб. 60 коп. за полуимперіалъ и къ 1 января 1864 г. долженъ былъ заключить по курсу al pari, кредитныхъ билетовъ было тогда 722 милл. руб. Въ 1862 г. дѣло шло благополучно, но въ 1863 г. началась спекуляція въ громадныхъ размѣрахъ, поощряемая политическими обстоятельствами, понижавшими вексельный курсъ. Размѣнъ продолжали, что называется, очертя голову, и хотя въ Петербургѣ давали только серебро, но спекуляція требовала векселей и размѣнный фондъ быстро истощался.

29-го октября на биржѣ началась паника, и хотя курсы поддерживались искусственно, валюта понизилась на 7%, а 5% фонды, стоившіе въ 1862 г. $104^3/_4$, въ ноябрѣ 1863 г. упали до $89^3/_4$%. 5-го ноября размѣнъ былъ пріостановленъ и кредитный рубль сразу упалъ до 77 коп. металл.

Въ столь рискованной операціи вина во многомъ падаетъ на тогдашняго управляющаго Государственнымъ Банкомъ, барона Штиглица*), которому предоставили въ ней главное вліяніе, забывая, что еще въ XVIII столѣтіи было весьма вѣрно замѣчено, что „банкиры поддерживаютъ государство, какъ веревка *поддерживаетъ* повѣшеннаго". Но главнымъ виновникомъ былъ все-таки г. Ламанскій. Уже опытъ графа Гурьева указалъ, что, уменьшая число билетовъ на 20 проц., нельзя повысить ихъ цѣну на 20 проц., потому что человѣческое общество не машина и ариѳметическіе разсчеты къ нему неприложимы. Между тѣмъ на этой-то идеѣ построенъ былъ главнымъ образомъ проектъ г. Ламанскаго, и если послѣдній жаловался, что не имѣли духу довести размѣнъ до конца, то и частица опыта стоила Россіи свыше ста милліоновъ рублей, не считая нравственнаго потрясенія, да еще въ ужасную минуту польскаго возстанія.

Гг. Кауфманъ и Бліохъ стараются увѣрить, впрочемъ, что, какъ теоретическое построеніе, проектъ г. Ламанскаго постигла совершенно незаслуженная участь, что связь между проектомъ и неудачною попыткою 1862 и 1863 г. внѣшняя и совершенно случайная, что г. Ламанскій первый выразилъ мысль, что безъ регулированія всего нашего неотвержденнаго государственнаго долга немыслимо правильное разрѣшеніе вопроса о кредитныхъ билетахъ, и если размѣнъ неудался, то именно потому, что были обойдены наиболѣе существенныя предложенія г. Ламанскаго и Министерство Финансовъ надѣялось овладѣть рынкомъ только при помощи однѣхъ биржевыхъ операцій.

Въ запискѣ своей, поданной еще въ ноябрѣ 1861 г. Княжевичу, г. Ламанскій дѣйствительно заявлялъ, что частныя мѣры или полумѣры недостаточны и что нужно ясное и гласное сознаніе ошибокъ и мѣры энергическія, не поз-

*) Баронъ Штиглицъ оставилъ вскорѣ Банкъ, но кредитной канцеляріей управлялъ человѣкъ къ нему близкій и вліяніе его на финансовыя и биржевыя дѣла, хотя онъ офиціально и ликвидировалъ свой банкирскій домъ еще въ 1860 г., продолжалось.

волющія вернуться къ прошлому, и что „нужны смѣлость и система дѣйствія, къ которымъ приводятъ *глубокое убѣжденіе и увѣренность знанія*“.

Для этого предлагалось Государственный Банкъ изъять изъ вѣдомства Министерства Финансовъ, обратить его въ учрежденіе государственно-акціонерное которое и выпустило бы новые безпроцентные билеты на всю сумму обращавшихся кредитныхъ билетовъ, вкладныхъ свидѣтельствъ и 4°/о металлическихъ билетовъ. Для обезпеченія безостановочнаго размѣна новыхъ билетовъ правительство должно было передать Банку размѣнный фондъ, на 200 милл. руб. государственныхъ имуществъ для продажи, на 200 милл. руб. 5°/о облигацій и на 100 милл. руб. 1°/о обязательствъ Государственнаго Казначейства. Съ этими обезпеченіями банкъ открылъ бы немедленно размѣнъ.

И въ этомъ видѣ проектъ сразу поражаетъ своею непрактичностью. Срокъ для означенныхъ операцій разсчитанъ слишкомъ короткій, продажа государственныхъ имуществъ на такую большую сумму была весьма сомнительна въ моментъ тогдашняго кризиса, замѣна Государственнаго Банка акціонернымъ была мѣрою опасною въ политическомъ отношеніи, отдавая наши финансы въ руки банкировъ, но самое существенное, что средства, даваемыя по проекту г. Ламанскаго Банку, гарантировали изъятіе не болѣе 56°/о однихъ кредитныхъ билетовъ. Ошибка г. Ламанскаго, какъ и ранѣе Сперанскаго, произошла не отъ неудовлетворительности его теоретическихъ разсчетовъ,—по такому же плану удалось возстановленіе размѣна въ Англіи и недавно въ Италіи, а отъ неумѣнія избрать для возстановленія металлическаго обращенія благопріятный моментъ.

Унаслѣдовавъ отъ временъ Княжевича проектъ размѣна, г. Рейтернъ отъ послѣдняго наслѣдовалъ и различные проекты, касавшіеся реформы въ налогахъ. 25-го мая 1862 г. послѣдовало объявленіе, что проектъ откупного комиссіонерства, предлагавшаго построить сѣть желѣзныхъ дорогъ, рѣшительно отвергается и новая акцизная система вводится

съ 1-го января 1863 г. Акцизъ въ 4 коп. съ спирта сразу оказался, однако, низкимъ, пьянство увеличилось безмѣрно; поэтому уже въ 1864 г. акцизъ съ спирта былъ увеличенъ до 5 коп., безакцизный перекуръ уменьшенъ, а акцизъ съ пива облегченъ. Указомъ 14-го мая 1862 г. подверглась коренному измѣненію и соляная регалія. Казенная добыча и продажа соли была замѣнена акцизомъ, отчего доходъ казны увеличился, но соль повсемѣстно вздорожала. Сахарный акцизъ также былъ преобразованъ въ 1863 г. на неудовлетворительныхъ основаніяхъ и затѣмъ увеличенъ въ 1867 г. до 50 коп. съ пуда.

1-го января 1863 г. было издано новое положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, значительно обложившее мелочную торговлю; въ этомъ же году были введены налоги на недвижимыя имущества въ городскихъ поселеніяхъ, замѣнившіе подушную подать съ мѣщанъ. Подушная подать съ сельскихъ обывателей была увеличена въ 1862 г. на 25% и вновь увеличена на 50 коп. въ 1867 г. Дворянскія имѣнія въ Западномъ краѣ въ 1863 г. обложены 10% налогомъ съ чистаго дохода.

Налоговъ этихъ, а равно денегъ, вырученныхъ отъ продажи Россійско-Американскихъ владѣній, все-таки оказалось недостаточнымъ и для покрытія дефицитовъ единственнымъ средствомъ представлялись внѣшніе и внутренніе займы.

За 13-ти-лѣтнее управленіе графа Гурьева было сдѣлано займовъ, внесенныхъ въ государственную долговую книгу, на 185.688,422 руб. Въ 21-но-лѣтнее управленіе графа Канкрина на 115.000,000 руб., въ 8-ми-лѣтнее управленіе графа Вронченко на 49.000,000 руб., въ 4-хъ-лѣтнее управленіе Брока на 100.000,000 руб., въ 3-хъ-лѣтнее управленіе Княжевича на 86.400,000 руб., а за первыя шесть лѣтъ управленія Министерствомъ Финансовъ г. Рейтерна такихъ долговъ было сдѣлано на огромную сумму 451.400,000 руб. (1-й 5-ти-процентный, два 5% англо-голландскихъ займа въ 1864 и 1866 гг., два 5%

выигрышныхъ и заемъ подъ Николаевскую дорогу). Сверхъ того еще выпущено въ 1864 и 1866 гг. серій на 63 милл.

Первый выигрышный заемъ 1864 г., не смотря на низкій выпускной курсъ, покрытъ не былъ и на значительную сумму подписался Государственный Банкъ. Еще неудачнѣе былъ заемъ для облегченія продажи Николаевской желѣзной дороги и для образованія особаго желѣзно-дорожнаго фонда, 18-го іюля 1867 года. Онъ состоялъ въ выпускѣ на парижской, амстердамской и лондонской биржахъ срочныхъ 4°/о облигацій, подъ залогъ Николаевской дороги, которыхъ помѣщено на сумму до 40.000,000 руб. Заемъ окончился не очень успѣшно, не смотря на изобиліе на Западѣ свободныхъ капиталовъ, позволявшихъ учитывать векселя изъ-за 1³/₄°/о, такой солидный залогъ и выгодный для подписчиковъ курсъ 61°/о за 100. Успѣху этого займа болѣе всего повредило сомнѣніе иностранныхъ капиталистовъ въ томъ, что заемъ дѣйствительно назначается для довершенія желѣзныхъ дорогъ; при этомъ указывали на два лотерейные займа, истраченные будто бы непроизводительно, хотя нельзя не признать удовлетворительными объясненія г. Рейтерна, что фонды этихъ займовъ были употреблены вполнѣ производительно, потому что большею частью пошли на казенныя желѣзно-дорожныя сооруженія и гарантіи и на погашеніе долга Казначейства Государственному Банку, что можно назвать выгодной операціей, такъ какъ она превращала долгъ текущій и мало извѣстный въ долгъ гласный и консолидированный.

Во всякомъ случаѣ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ затрудненій и особенно подъ вліяніемъ тяжелаго кризиса 1866 г., жалобы и нареканія посыпались на министра финансовъ со всѣхъ сторонъ. Оказалось, что и кредитныхъ билетовъ вновь было выпущено въ этомъ году на 31¹/₂ милл. руб., курсъ нашъ понизился до 68 коп. метал. за кредитный рубль и 5°/о фонды до 80°/о, чего не было съ 1814 года. Противъ 1858 г. владѣльцы бумагъ теряли около 40°/о, на биржевомъ языкѣ это называется dépérissement. Дисконтъ

не понижался ниже 9—10% для векселей, а подъ вѣрнѣйшій залогъ государственныхъ процентныхъ бумагъ нельзя было достать денегъ дешевле какъ изъ-за 10—12%. Проявленіе общественнаго мнѣнія вызвало со стороны г. Рейтерна просьбу объ увольненіи отъ занимаемаго имъ мѣста. Одновременно съ этимъ г. Рейтернъ съ тою смѣлостью и откровенностью, которыя характеризировали всѣ его дѣйствія, въ запискѣ, спеціально напечатанной для императора Александра II, изложилъ истинное положеніе государства въ финансовомъ и политическомъ отношеніи. „По прочтеніи этой записки, говоритъ г. Бліохъ, рѣшенное уже увольненіе министра было остановлено“. На такое рѣшеніе повліяло едва ли не болѣе записки сомнѣніе въ удачности избраннаго преемника, которымъ предполагался Грейгъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный въ товарищи министра.

Моментъ этотъ характеризуетъ поворотъ къ лучшему въ нашемъ финансовомъ положеніи. Отчасти онъ послѣдовалъ по силѣ обстоятельствъ, отчасти зависѣлъ оттого, что г. Рейтернъ сталъ болѣе скептически относиться къ проектамъ финансовыхъ доктринеровъ. Ободренный вниманіемъ государя, онъ также гораздо настойчивѣе сталъ требовать бережливости отъ другихъ вѣдомствъ. Такъ, въ бюджетѣ на 1866 г., гдѣ оказался дефицитъ въ 60 милл. руб., не смотря на энергичное сопротивленіе, особенно министра почтъ и телеграфовъ И. М. Толстаго, всѣ смѣты были урѣзаны на 10%.

И въ этомъ второмъ періодѣ управленія г. Рейтерна были операціи, которыя мы не можемъ ни въ какомъ случаѣ признать удачными и которыя показываютъ шаткость системы.

Всѣ онѣ шли отъ Государственнаго Банка и имѣли цѣлью упрочить денежное обращеніе. Такова, наприм., извѣстная покупка Государственнымъ Банкомъ золота. На первое время можно было одобрить эту операцію, когда она состояла въ томъ, что Банкъ, скопившіеся безъ движенія въ его рукахъ, 35 милл. руб. билетовъ казначейства обмѣнялъ

на почти однородные съ ними кредитные билеты и накупилъ на послѣдніе золота, по 5 руб. 98 коп. за полуимперіалъ, которое могло пригодиться для многихъ операцій. Но въ томъ-то и вопросъ, что̀ предполагалъ сдѣлать Банкъ съ купленнымъ золотомъ, потому что если оно должно было лежать непроизводительно, то едва ли игра стоила свѣчъ. Мы совершенно не согласны съ панегиристами этой мѣры, которые приписывали ей большій отпускъ хлѣба, упроченіе валюты, чуть ли не неурожай въ Англіи, и болѣе склонны думать, что она скорѣе вредила нашей товарной торговлѣ, и во всякомъ случаѣ не дозволила вексельнымъ курсамъ подыматься до той высоты, которая соотвѣтствовала выгодному балансу.

Покупка золота началась въ іюнѣ 1867 года, послѣ того какъ въ двухъ предыдущихъ было выпущено негласно (хотя „Московскія Вѣдомости“ разоблачили операцію) 63 милл. руб. кредитныхъ билетовъ. Повышеніемъ дисконта до 9% удалось сумму эту сократить до 38 милл., но затѣмъ съ благословенія Финансоваго комитета новые выпуски кредитныхъ билетовъ, якобы временно позаимствованные изъ размѣннаго запаса, продолжались, имѣя цѣлью не столько помогать торговлѣ, сколько продолжать усиливать металлическій фондъ Банка.

Вслѣдствіе вышеозначенной операціи, при всей ея нераціональности, благодаря займамъ для желѣзныхъ дорогъ и приливу капиталовъ извнѣ, Государственный Банкъ увеличилъ размѣнный фондъ до 231 милл. руб. металл. и пронеслись слухи, нашедшіе сочувственный отголосокъ заграницею, будто Министерство Финансовъ готовитъ проектъ возстановленія въ Россіи металлическаго обращенія. Нѣкоторые банкиры выступили даже со своими проектами по этой части, болѣе или менѣе неудачными, но дѣло не получило никакой опредѣленной физіономіи.

Въ іюлѣ 1869 г., видя, что фонды повышаются въ цѣнѣ слишкомъ быстро (5% банковые билеты въ одинъ годъ поднялись на $12^{1}/_{2}$%), и что кредитныхъ билетовъ па-

копляется избытокъ, г. Рейтернъ рѣшился сократить количество послѣднихъ и выпустилъ на 15 милл. руб. банковыхъ билетовъ для сожженія, на вырученную отъ займа сумму, кредитныхъ билетовъ. На дѣлѣ, однако, оправдалась извѣстная аксіома, что ассигнаціи легче выпускать, нежели извлекать; уже осенью Государственный Банкъ сталъ жаловаться на отсутствіе денегъ въ кассѣ и вырученные отъ займа кредитные билеты были не сожжены, а отданы Банку, хотя и временно, такъ какъ билеты были уничтожены черезъ два года.

Не смотря на эти противорѣчія и разныя неполадки, финансовое положеніе наше въ эту эпоху можетъ быть отнесено къ достаточно удовлетворительнымъ, особенно по наружному виду. Даже при весьма быстромъ возростаніи расходовъ по всѣмъ почти отраслямъ администраціи, государственные доходы настолько удовлетворяли потребностямъ бюджета, что государственная роспись исполнялась съ превышеніемъ въ доходахъ, не смотря и на сверхсмѣтныя ассигнованія и на нѣкоторые чрезвычайные расходы отъ неурожая, хивинской экспедиціи и т. п. Къ пособію государственнаго кредита для бюджетныхъ цѣлей прибѣгать не приходилось, и если государственный долгъ нашъ продолжалъ увеличиваться, то единственно косвеннымъ путемъ— выпускомъ кредитныхъ билетовъ, гарантіями, даруемыми желѣзнымъ дорогамъ, движеніемъ выкупной операціи и займами для пополненія учрежденнаго въ 1867 г. желѣзнодорожнаго фонда, т. е. для осуществленія болѣе или менѣе производительныхъ цѣлей.

Это, естественно, отразилось на цѣнѣ русскихъ фондовъ заграницею. Курсъ ихъ сдѣлался бы еще крѣпче, еслибъ иностранные капиталисты были ближе знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Во всякомъ случаѣ заграничныя биржи для насъ снова открылись, а берлинская стала даже главнымъ рынкомъ русскихъ бумагъ. На ней не только государственный заемъ, но одно слово *гарантія* русскаго правительства сдѣлались какою-то магическою

приманкой. Мы слышали по этому поводу характеристическій анекдотъ о томъ, какъ одинъ изъ нашихъ желѣзнодорожниковъ, получивъ отъ г. Рейтерна телеграмму совершенно второстепеннаго содержанія, одною подписью на телеграммѣ, показанной на берлинской биржѣ, успѣлъ вселить къ себѣ довѣріе и окончить весьма значительную финансовую операцію.

Жаль, что г. Рейтернъ не воспользовался рядомъ бездефицитныхъ годовъ для преобразованія устарѣлой податной системы. Важнѣйшая изъ очередныхъ финансовыхъ задачъ— реформа прямыхъ податей, осталась безъ движенія, хотя и передавалась на разсмотрѣніе земскихъ учрежденій. Въ налогахъ, кромѣ таможенныхъ сборовъ, были сдѣланы многочисленныя, но второстепенныя измѣненія. Измѣненъ въ 1864 г. гербовый сборъ, а въ 1874 г. изданъ новый гербовый уставъ, обложившій многіе документы, до того не оплачивавшіеся. Въ 1868 году распространено на Царство Польское положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, каковыя вообще были увеличины въ 1870 и 1873 гг. Акцизъ со спирта прибавленъ въ 1870 г. на 1 коп., при новомъ ограниченіи перекура, акцизъ на сахаръ доведенъ до 70 коп., патентный сборъ увеличенъ въ 1871 г.; въ 1873 г. акцизъ на спиртъ еще повышенъ на 1 коп. въ Россіи и на $1^1/_2$ коп. на градусъ въ Царствѣ Польскомъ, а патентный сборъ удвоенъ, исключительно впрочемъ для сокращенія пьянства, отрицавшагося, однако, акцизными чиновниками и поэтами. Налогъ на табакъ былъ значительно увеличенъ новымъ табачнымъ уставомъ 1-го января 1872 г. Въ 1872 г. введенъ акцизъ на керосинъ на началахъ столь нераціональныхъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ уничтоженъ. По указу 10-го декабря 1874 г. государственный земскій сборъ весьма раціонально слитъ съ общими доходами государственнаго казначейства. Наконецъ, преобразованъ налогъ за производство въ чины.

Болѣе заслугъ во второй періодъ своего управленія г. Рейтернъ оказалъ отстраненіемъ тѣхъ коренныхъ пре-

пятствій къ развитію народнаго богатства, которыя были порождены въ Россіи самою сущностью вещей и ея экономической исторіей: недостаткомъ предпріимчивости, отсутствіемъ кредита и чрезмѣрными разстояніями.

Пока заботливость о нашихъ желѣзныхъ дорогахъ лежала исключительно на Главномъ управленіи путей сообщенія, до тѣхъ поръ вопросъ объ ихъ сооруженіи двигался очень медленно и нерѣшительно. Дѣло приняло совершенно другой оборотъ въ періодъ съ 1866 по 1870 годъ, когда, отчасти случайно, отчасти вслѣдствіе преобладанія гарантированныхъ правительствомъ предпріятій, выдача концессій почти исключительно сосредоточилась въ Министерствѣ Финансовъ, и вѣдомство путей сообщенія занялось болѣе технической стороной вопроса. Въ это пятилѣтіе сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ, которую публицисты долго проводили на картѣ, была осуществлена въ дѣйствительности, Черное море и Волга связаны непрерывными параллельными путями съ Балтійскимъ моремъ, а южная линія, этотъ плодъ патріотическихъ пожеланій послѣдняго десятилѣтія, осуществилась и могущество наше на Черномъ морѣ снова упрочилось.

Громадность этой задачи, потребовавшей для своего исполненія свыше милліарда руб., проценты по которымъ обязалось уплачивать наше правительство, не устрашила г. Рейтерна. Проницательность подсказала ему, что въ дѣйствительности не болѣе четвертой части гарантіи, и то на первое время, будетъ обременять собою смѣту государственнаго кредита. Зато сооруженіе быстрыхъ и удобныхъ путей сообщенія и привлеченіе въ страну изъ-за границы огромныхъ капиталовъ, въ которыхъ она наиболѣе нуждалась, должны создать такое торговое и промышленное движеніе, которое увеличеніемъ народнаго дохода должно облегчить и улучшеніе финансоваго положенія. Возрастаніе обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, замѣчавшееся въ исполненіи нашихъ государственныхъ росписей, вполнѣ подтвердило это предположеніе.

Удовольствіемъ въ пріобрѣтеніи сноровки вновь проектированныя желѣзнодорожныя линіи сооружать быстро и безъ затрудненія мы обязаны кружку энергическихъ людей, во главѣ которыхъ явился покойный фонъ-Дервизъ. Онъ убѣдилъ г. Рейтерна согласиться на выпускъ акцій Рязанской дороги, замѣнившей разорившуюся Саратовскую, по 52 за сто! Успѣхъ фонъ-Дервиза, нашедшаго способнаго компаніона въ г. Меккѣ, затѣмъ огромные барыши, вырученные на постройкѣ дорогъ Поляковымъ, Башмаковымъ, Губонинымъ и др., убѣдили, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ частными средствами въ Россіи не только возможно, но даже очень выгодно. Слово „концессіонеръ“ стало чѣмъ-то увлекательнымъ и на публику производило такое же одуряющее дѣйствіе какъ незадолго передъ тѣмъ слово „откупщикъ“.

Г. Рейтернъ не былъ сторонникомъ казеннаго хозяйства; поэтому онъ не только противился новому сооруженію дорогъ средствами казны, но и существующія дороги начали переходить при немъ въ частныя руки. Казенная Грушевская желѣзная дорога уступлена Полякову и К°. Передача Николаевской дороги Главному Обществу подала поводъ къ оживленной полемикѣ, одни видимо тянули на сторону Главнаго Общества, другіе поддерживали русскую компанію. Г. Рейтернъ стоялъ на сторонѣ Главнаго Общества и побѣдило оно. Въ 1870 году были отчуждены желѣзныя дороги Одесская, Кіево-Брестская и Московско-Курская.

Концессіонеры наживались и началась, что называется, желѣзнодорожная горячка, такъ какъ явилась возможность строить дороги на облигаціи, а акціи негарантированныя считать барышемъ, по которымъ проценты явятся впослѣдствіи. Мысль строить дороги на облигаціи, выпуская ихъ ранѣе акцій, принадлежала П. Г. фонъ-Дервизу и А. И. Колемину, но какъ мысль эта введена въ дѣйствіе г. Рейтерномъ, то ее и надобно признать его собственностью; „потому что, какъ вѣрно замѣчаетъ Кокоревъ, никакой

министръ не имѣетъ времени и обязанности выдумывать новые пріемы для осуществленія разныхъ промышленныхъ начинаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ только тотъ министръ можетъ что либо созидать, который не душитъ заявленныхъ ему полезныхъ мыслей справками въ старыхъ законахъ, потерявшихъ уже все свое значеніе по приложенію ихъ къ новымъ дѣламъ, и который не ставитъ себя въ рамки раболѣпнаго служенія губительному и мертвящему формализму".

Поспѣшная постройка желѣзныхъ дорогъ и безпрерывные выпуски облигацій представляли однако неудобства въ финансовомъ отношеніи, нанося усиленнымъ предложеніемъ ущербъ нашему кредиту. Поэтому съ 1870 года г. Рейтернъ рѣшилъ не допускать помѣщенія облигацій отдѣльныхъ обществъ заграницею, а покупалъ ихъ самъ отъ обществъ, выпуская взамѣнъ консолидированныя облигаціи по болѣе выгодному курсу. Первый выпускъ такихъ облигацій, по курсу 76 за 100 на сумму 12 милл. фунт., былъ сдѣланъ въ январѣ 1870 г. въ Парижѣ и Лондонѣ черезъ бр. Ротшильдъ; курсъ этотъ кажется невысокимъ, но частные строители, напр. Поляковъ, свои облигаціи помѣщали передъ тѣмъ съ трудомъ по 68%. Второй выпускъ консолидированныхъ облигацій на 12 милл. фунт. послѣдовалъ въ 1871 г.; третій на 15 милл. фунт. въ 1872 г.; четвертый въ 1873 году на 100 милл. руб. уже по курсу 91. Поэтому пятый выпускъ въ 1875 г. былъ сдѣланъ не 5-ти, а $4^1/_2$ проц. и не исключительно заграницею черезъ Ротшильдовъ, какъ предыдущіе, а и при посредствѣ подписки въ Государственномъ Банкѣ.

Желѣзно-дорожныя сооруженія этой эпохи обходились также непомѣрно дорого, не смотря на то, что новыя линіи строились не только не роскошно, но скорѣе скупо, по отношенію къ будущей эксплоатаціи. Къ сожалѣнію, замѣнить концессіонеровъ, о наживѣ которыхъ сочинялись уже цѣлыя легенды, было не легко. Попытка была сдѣлана изданіемъ, 30-го марта 1874 года, новыхъ правилъ, имѣвшихъ цѣлью сдѣлать публику участницею въ дѣлѣ

сооруженія дорогъ и отстранить монополію нѣсколькихъ аферистовъ. На новомъ основаніи была разрѣшена постройка четырехъ дорогъ: Оренбургской, Фастовской, Привислянской и Уральской горнозаводской, причемъ выяснилось, что правила, составленныя чисто теоретически, оказались на практикѣ совершенно неприложимыми и были скоро отмѣнены. Подписка на акціи вызвала суматоху на денежномъ рынкѣ, многіе банки прекратили даже временно операціи; дороги же, вмѣсто акціонеровъ, достались соединившемуся заранѣе синдикату концессіонеровъ. Забракованію новыхъ правилъ очень содѣйствовалъ скандалъ въ Привислянской дорогѣ, гдѣ меньшинство акціонеровъ не хотѣло уступить лакомой преміи по постройкѣ большинству. Эта борьба сдѣлала извѣстнымъ Россіи имя г. Бліоха.

Послѣ путей сообщенія для торговли нѣтъ орудія болѣе мощнаго, чѣмъ кредитъ. Россія до г. Рейтерна знала частный кредитъ только въ видѣ ростовщиковъ и дисконтеровъ. Еще въ 1864 г. первый устраивавшійся въ Петербургѣ Частный коммерческій банкъ потребовалъ отъ казны милліонной безпроцентной ссуды—до такой степени дѣло это казалось рискованнымъ и Россіи несвойственнымъ. Не прошло, однако, нѣсколькихъ лѣтъ, какъ даже въ губернскихъ городахъ дѣйствовало по шести и семи частныхъ банковъ съ очевидною пользой для торговли. Этимъ дѣломъ торговля обязана заботливости г. Рейтерна. Онъ горячо поддерживалъ устройство всякаго рода кредитныхъ учрежденій *). Такимъ образомъ устроился частный кредитъ всѣхъ видовъ на общеевропейскихъ началахъ и разсѣялся предразсудокъ, будто единственно удобная форма кредита для Россіи есть либеральное тисненіе государственныхъ ассигнацій, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что это тис-

*) Общества взаимнаго кредита создались у насъ по мысли г. Ламанскаго, заимствованной изъ одного маленькаго брюссельскаго банка. Какъ всякое теоретическое заимствованіе, оно, восхваляемое вначалѣ, не выдержало затѣмъ испытанія практики.

неніе продолжалось отчасти ради желанія помочь и поддержать вновь созданныя кредитныя учрежденія.

Не только частныя банковыя предпріятія развивались, но и городскіе общественные банки, со времени изданія нормальнаго положенія 6-го февраля 1862 г., измѣненнаго въ 1870 г., къ сожалѣнію недостаточно, росли какъ грибы.

Въ области поземельнаго кредита совершились также важныя явленія. Вслѣдствіе эмансипаціи помѣщики лишились крѣпостныхъ, цѣнность которыхъ одного мужескаго пола и то по самой низкой банковой оцѣнкѣ составляла до 750 милл. руб., и трети земли (34 милл. десятинъ изъ 105 милл.). За отходившую землю помѣщики получили установленное вознагражденіе, но изъ него засчитывались долги бывшихъ кредитныхъ установленій, а остальное выдавалось выкупными бумагами, при реализаціи коихъ помѣщики теряли на курсѣ сначала одну треть, а затѣмъ одну четверть. Такимъ образомъ за десять лѣтъ помѣщикамъ на руки досталось не болѣе 200 милл. рублей. Между тѣмъ потребность помѣщичьяго класса въ деньгахъ въ моментъ освобожденія была громадна и неудивительно, что уже къ концу 1873 г. долгъ частнаго землевладѣлія составлялъ свыше 150 милл. рублей, а въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ быстрота ипотечнаго долга еще усилилась и къ концу 1880 г., въ 20 лѣтъ послѣ крестьянской реформы, накопился долгъ равный тому, который образовался между концомъ Наполеоновскихъ войнъ и Крымскою войною.

Чтобы дать помѣщикамъ оборотный капиталъ, начали устраиваться земельные банки, первоначально взаимные. Херсонскій земскій банкъ, значительно упрочившій къ себѣ довѣріе, сталъ поземельнымъ банкомъ для всего Новороссійскаго края. Товарищество для ссудъ въ Западномъ краѣ, какъ основанное на началахъ болѣе политическихъ, нежели экономическихъ, закрылось. Взамѣнъ того, Общество Взаимнаго поземельнаго кредита получило пособіе отъ правительства въ 5 милл. руб., что нѣсколько замѣнило просимую сначала иностранными капиталистами гарантію его заклад-

ныхъ листовъ, и сдѣлалось поземельнымъ банкомъ для той части Россіи, куда не распространяли свои операціи банки: Херсонскій, Прибалтійскіе, Финляндскій ипотечный и Варшавское земское кредитное общество. Затѣмъ начали возникать поземельные банки акціонерные. Они не сдѣлали ошибки, которая болѣе всего повредила Взаимному поземельному кредиту, и не назначили для своихъ бумагъ металлической валюты; за то, преслѣдуя свои барыши, акціонерные банки съ одной стороны вовлекали помѣщиковъ въ долги преувеличенными оцѣнками (отчего поднялась цѣна земли и размѣръ арендной платы), а съ другой — обдирали землевладѣніе высокими платежами.

Духъ спекуляціи, проникшій и въ эту область, поставилъ устройство кредитныхъ учрежденій въ разрядъ выгоднѣйшихъ предпріятій, затмѣвавшихъ пресловутыя желѣзнодорожныя концессіи. Кромѣ образованія новыхъ кредитныхъ учрежденій, большая часть старыхъ банковъ начали увеличивать свои основные капиталы и расширять операціи. Чтобъ регулировать подобную банковую спекуляцію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничить вкравшіяся въ банковой практикѣ злоупотребленія, выразившіяся катастрофой Московскаго Ссуднаго банка, г. Рейтерномъ были изданы въ 1872 году нормальныя правила. Они стѣснили устройство новыхъ акціонерныхъ торговыхъ и поземельныхъ банковъ; но ограниченія злоупотребленій, какъ показалъ дальнѣйшій опытъ, едва ли не были только фиктивными. Быстрое развитіе банковыхъ оборотовъ имѣло послѣдствіемъ кризисъ въ 1872 и 1873 гг. Дѣло въ томъ, что, не имѣя возможности найти достаточно средствъ для своихъ операцій въ свободныхъ частныхъ капиталахъ, банки широко черпали, благодаря переучету своихъ бумагъ, денежныя рессурсы изъ Государственнаго Банка. Когда же послѣдній закрывалъ источникъ, утолявшій жажду спекуляціи, дисконтъ въ одну недѣлю доходилъ до 10, 12 и даже 16% и производилъ общее замѣшательство. Подъ вліяніемъ кризисовъ обороты фондоваго рынка сокращались и онъ находился подъ

гнетомъ недовѣрія биржевой публики ко всему, что не имѣло правительственной гарантіи, или безусловной отвѣтственности правительства какъ за правильность уплаты процентовъ, такъ и за несомнѣнность возврата капитала; даже удешевленіе учетнаго процента не вызывало оживленнаго спроса на процентныя бумаги.

Кромѣ недостатка довѣрія и вліянія заграничныхъ биржевыхъ кризисовъ, на такое прискорбное положеніе дѣлъ повліялъ чрезмѣрный выпускъ земельныхъ и городскихъ облигацій, отразившійся гнетомъ на всѣ бумаги, а такъ какъ массы ихъ оставались на рукахъ у банкировъ, то понятно вліяніе этихъ цѣнностей на рынокъ, изъ котораго извлекались еще деньги консолидированными займами, акціями новыхъ желѣзныхъ дорогъ и др. путями. Вслѣдствіе пониженія цѣнъ на бумаги, банки и банкирскіе дома требовали уплаты дополнительныхъ суммъ по заложеннымъ у нихъ бумагамъ и это требованіе окончательно истощало средства биржевыхъ дѣятелей.

Преобразованія въ дѣлѣ поземельнаго кредита были обсуждаемы на съѣздахъ банковыхъ представителей въ С.-Петербургѣ. Къ сожалѣнію, труды съѣздовъ, прикрытые забавною таинственностью—точно дѣло шло о чемъ либо предосудительномъ—окончились однимъ ограниченіемъ общаго количества выпускаемыхъ закладныхъ листовъ и очень мало коснулись системы оцѣнокъ и другихъ слабыхъ сторонъ нашего земельно-банковаго хозяйства, а также и мѣръ къ обузданію спекуляціи, вкравшейся въ русскій поземельный кредитъ.

Дѣйствовавшіе поземельные банки встрѣчали сильныя препятствія для помѣщенія своихъ листовъ. Вывести ихъ изъ затрудненія взялся учрежденный, по иниціативѣ Розенталя, въ Петербургѣ Центральный банкъ русскаго поземельнаго кредита, который для провинціальныхъ банковъ брался играть ту же роль, что правительство для желѣзнодорожныхъ обществъ — объединенія разнообразныхъ закладныхъ листовъ въ одинъ облигаціонный долгъ. Образованіе

Центральнаго банка возбудило очень горячую полемику и предсказанія, что банкъ, при спекулятивномъ направленіи, или гибельно повліяетъ на поземельный кредитъ Россіи, или же разоритъ своихъ акціонеровъ. Оправдалось послѣднее.

Удовлетвореніемъ потребности купцовъ и помѣщиковъ не могло ограничиться въ Россіи дѣло кредита. Масса сельскаго населенія, главный факторъ государственной производительности, по своей бѣдности, нуждалась въ кредитѣ никакъ не менѣе другихъ сословій. Съ цѣлью помочь народному кредиту образовались, по инціативѣ Лугинина, такъ называемыя ссудо-сберегательныя товарищества, для чего было издано въ 1869 г. особое положеніе. Объ этихъ товариществахъ печать много шумѣла, но въ дѣйствительности они оказались пустоцвѣтомъ и расплодили міроѣдовъ. Изъ другихъ видовъ экономической дѣятельности мы должны указать еще на возникновеніе при г. Рейтернѣ строительныхъ обществъ, на учрежденіе перваго общества для страхованія векселей и на постройку товарныхъ складовъ для кредитныхъ операцій. Предпріятія эти не привились къ Россіи.

Надъ всею системою кредита господствовалъ Государственный Банкъ, скопированный съ Французскаго банка, съ тою разницею, что акціонерное начало, имѣющееся во Французскомъ банкѣ, было замѣнено участіемъ барона Штиглица, который и безъ того тяжелымъ пресъ-папье лежалъ двадцать пять лѣтъ на здѣшней биржѣ. Съ удаленіемъ барона, послѣ размѣна 1863 г., Государственный Банкъ совершенно сталъ казеннымъ учрежденіемъ, или, вѣрнѣе, учрежденіемъ г. Ламанскаго, такъ какъ никакому контролю, кромѣ существующаго только на бумагѣ контроля Совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, Банкъ не подлежалъ*).

*) О Государственномъ Банкѣ писали Воловскій, гг. Вагнеръ, Бунге и Кауфманъ, но въ изслѣдованіи г. Пихно имѣется въ виду гораздо болѣе продолжительный періодъ времени дѣятельности этого учрежденія.

Учрежденіе Государственнаго Банка было вызвано необходимостью дать Россіи сильный и правильно функціонирующій кредитный органъ, независимый отъ государственнаго казначейства. Условія, среди которыхъ Банку пришлось начать свою дѣятельность, парализовали однако надолго развитіе его коммерческихъ операцій и лишили его самостоятельности. Эти условія заключались въ отсутствіи на рынкѣ свободныхъ капиталовъ и въ тяжелыхъ обязанностяхъ, возложенныхъ на Банкъ по ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ установленій и по выкупной операціи. Ликвидаціонная операція имѣла цѣлью уменьшить массу внутренняго долга и освободить средства Банка для коммерческихъ операцій. Долгъ казначейства бывшимъ кредитнымъ установленіямъ былъ погашенъ довольно удачно, хотя и съ приплатами; конверсію помѣщичьихъ долговъ нельзя признать столь выгодною: долгъ изъ 20—30-лѣтняго обратился въ 57-лѣтній и хуже обезпеченный. Замѣтимъ еще, что казначейство своимъ текущимъ счетомъ постоянно оказывало Банку весьма сильную поддержку. Для полной оцѣнки подобной помощи нужно принять во вниманіе, что этотъ рессурсъ былъ довольно постояненъ и Банкъ пользовался имъ безъ процентовъ.

Когда, начиная съ 1866 года, положеніе Банка стало улучшаться, благодаря приливу новыхъ капиталовъ и означенной поддержкѣ со стороны казначейства, Банкъ началъ развивать свои коммерческія операціи гораздо быстрѣе, чѣмъ шло накопленіе рессурсовъ для нихъ. Такому преждевременному росту вексельной и ссудной операціи, опиравшемуся къ тому же на новые выпуски бумажныхъ денегъ, способствовала запутанность счетовъ Банка съ казначействомъ, которая вселяла ложное представленіе о дѣйствительныхъ размѣрахъ коммерческихъ банковыхъ средствъ.

Конечно, отмѣна крѣпостного труда и расширеніе торговыхъ оборотовъ должны были потребовать большого количества бумажныхъ денегъ, но во всякомъ случаѣ потребность эта далеко не соотвѣтствовала громадности выпусковъ

кредитныхъ билетовъ, иногда по 25 мил. рубл. въ годъ. Не нужно еще забывать, что если развитіе промышленности и торговли вызывало умноженіе орудій обращенія, то параллельно съ нимъ шло развитіе кредита, производившее обратное дѣйствіе.

Государственный банкъ вообще пріучилъ къ слишкомъ широкому пользованію его средствами, даже въ обыкновенное время, когда частныя кредитныя учрежденія должны дѣйствовать исключительно своими силами. Такъ, послѣ кризиса 1872 года, Банкъ сократилъ кредиты по специальнымъ текущимъ счетамъ, но сейчасъ же увеличилъ переучетъ для частныхъ банковъ. Банкъ думалъ было перестать платить другимъ банкамъ по ихъ текущимъ счетамъ, но послѣ робкой попытки остановился на полумѣрѣ.

Неосторожное расширеніе кредита, не имѣвшаго въ основѣ своей дѣйствительныхъ капиталовъ, должно было производить искусственное возбужденіе промышленности и парализовать то благопріятное вліяніе, которое Государственный Банкъ могъ оказать на бумажно-денежное обращеніе созданіемъ значительнаго вексельнаго портфеля.

Если наше бумажное обращеніе не имѣло еще всѣхъ своихъ гибельныхъ послѣдствій, при полной бездѣйственности за пятнадцать лѣтъ всего, что касалось регулированія его и при постоянныхъ выпускахъ новыхъ билетовъ, то это едва ли не зависѣло отъ благопріятнаго вліянія на поддержаніе цѣнности нашего кредитнаго рубля перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному послѣ освобожденія крестьянъ. Обстоятельство, которое, по справедливому замѣчанію г. Пихно, никѣмъ еще не оцѣнено съ должною точностью и обстоятельностью.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что столицы, какъ мифическій Минотавръ, при помощи Государственнаго Банка пожирали русскіе капиталы. „Если мы вообразимъ себѣ громадный малокровный организмъ, страдающій приливами крови къ сердцу и мозгу, то этотъ образъ, говоритъ г. Пихно, даетъ довольно точное понятіе объ экономическомъ со-

стояніи нашего отечества". Какія послѣдствія имѣла такая крайняя централизація силъ? Тогда какъ громадныя естественныя богатства Россіи оставались нетронутыми и промышленность находится подъ гнетомъ высокихъ процентовъ, отъ которыхъ пришли бы въ ужасъ заграницею, С.-Петербургъ и Москва переполнялись вкладами, не имѣвшими солиднаго помѣщенія. Изъ этого само собою вытекаетъ стремленіе къ биржевой игрѣ и къ безумной спекуляціи.

Такъ какъ Россія всегда страдала централизаціей силъ, присущею ея бюрократическому устройству, то управленію Государственнаго Банка казалось необходимо было стремиться съ своего основанія къ децентрализаціи. На дѣлѣ Банкъ стремился совершенно къ противуположнымъ результатамъ и стягивалъ капиталы даже не къ столицамъ, а исключительно къ одному Петербургу, поглощая большую часть провинціальныхъ вкладовъ, а иногда даже всю сумму ихъ.

Г. Ламанскій гордился, что создалъ въ С.-Петербургѣ фондовую биржу. Задача каждой фондовой биржи состоитъ въ томъ, чтобы временно давать убѣжище различнымъ бумажнымъ цѣнностямъ и потомъ сбывать ихъ болѣе мелкимъ владѣльцамъ. У насъ выигрышные займы послужили тараномъ, который пробилъ брешь въ стѣнѣ, отдѣлявшей биржевую аристократію отъ остальной массы денежныхъ людей. Громадный успѣхъ лотерейныхъ билетовъ въ среднемъ классѣ общества проложилъ путь и другимъ бумажнымъ цѣнностямъ.

Изученіе вліянія биржевой спекуляціи было бы чрезвычайно поучительно. Не подлежитъ сомнѣнію, что, начиная съ 1866 года, наше общество, послѣ пятилѣтняго застоя, подъ вліяніемъ успѣха московско-рязанской дороги, С.-Петербургскаго частнаго коммерческаго банка и нѣкоторыхъ другихъ предпріятій, было увлечено учредительствомъ и впало вновь въ акціонерную горячку, которая далеко не соотвѣтствовала имѣвшимся свободнымъ капиталамъ.

Интересно, что увлеченіе это мало охлаждалось неудачами, обнаружившимися весьма скоро (погромъ желѣзнодорожной спекуляціи 1869 года), и акціонерная горячка, мѣняя объекты, то ослабѣвала, то усиливалась, пока ея не уняла на время Восточная война.

Игра, конечно, содѣйствовала легчайшему помѣщенію новыхъ бумагъ, но, къ сожалѣнію, Петербургская биржа скоро обратилась въ маленькую республику, учрежденную спеціально для эксплоатаціи русскихъ капиталовъ на пользу германскихъ банкировъ. Берлинъ сталъ командовать петербургскимъ рынкомъ и вытягивать изъ него десятки милліоновъ ежегодно. Лучшею иллюстраціею такой эксплоатаціи можетъ служить спекуляція 1876 года, о которой еще скажемъ ниже.

Оказывалъ свое содѣйствіе биржевой игрѣ Банкъ двоякимъ образомъ: или переучитывая въ Государственномъ Банкѣ посредственный, чтобы не сказать хуже, портфель частныхъ банковъ, или принимая непосредственное участіе въ дѣлахъ нѣкоторыхъ частныхъ банковъ. Сначала С.-Петербургское общество взаимнаго кредита, а потомъ Волжско-камскій Банкъ сдѣлались почти конторами Государственнаго Банка. Одни и тѣ же чиновники засѣдали и въ казенномъ, и въ частныхъ банкахъ, а артельщики перетаскивали въ мѣшкахъ казенныя деньги туда, гдѣ въ нихъ было болѣе нужды.

Откровенность въ этотъ періодъ совмѣстительства доходила до того, что С.-Петербургское общество взаимнаго кредита долгое время помѣщалось даже въ зданіи Государственнаго банка и именно въ то время, когда оно стояло во главѣ петербургской биржевой игры и управлялось людьми, которые потомъ или обанкротились, или попали на скамью подсудимыхъ. Процессъ знаменитаго Струсберга въ Москвѣ разоблачилъ многіе тогдашніе порядки.

Всѣ наши таможенные тарифы испоконъ вѣка сочинялись таинственно въ канцеляріяхъ и появлялись внезапно, уподобляясь тѣмъ горькимъ лекарствамъ, которыя даютъ

больнымъ проглатывать на-скоро, во избѣжаніе мучительныхъ ожиданій. Г. Рейтернъ первый обратилъ вниманіе на то, какимъ практическимъ путемъ вырабатываются тарифы въ Европѣ. Оказалось, что сочинять тарифъ безъ вѣдома фабрикантовъ—все равно, что лечить больного заочно. Потому, для составленія тарифа 1869 года, была учреждена самая широкая экспертиза и допущена значительная гласность. Результатомъ явился тарифъ, который, за исключеніемъ очень немногихъ статей, не вызвалъ закрытія фабрикъ, а, скорѣе, обезпечилъ на извѣстное время нормальное развитіе русской промышленности. Это было тѣмъ важнѣе, что пересмотръ таможеннаго тарифа нетерпѣливо ожидался обѣими нашими экономическими партіями. Первые шаги, выразившіеся въ извѣстномъ проектѣ, составленномъ г. Колесовымъ, заставилъ повѣсить носы нашихъ промышленниковъ и разочароваться тѣмъ, кто въ развитіи нашей производительности видѣлъ панацею отъ всѣхъ затрудненій. Съ другой стороны небольшой кружокъ фритредеровъ, доморощенныхъ и набѣгавшихъ на Россію, потиралъ руки, хотя для отвода глазъ и жаловался, что правительство обмануло его ожиданія и не рѣшилось *вырвать съ корнемъ* покровительственной системы, т. е., говоря откровенно, разомъ покончить съ нашей промышленностью.

Эти люди, не смотря на десятилѣтній неудачный опытъ, такъ же наивно, какъ въ 1857 году, воображали, что свобода торговли должна быть въ родѣ вѣнца свободнымъ преобразованіямъ прошлаго царствованія. Они забыли слова Тьера, что „свобода торговли не имѣетъ ничего общаго съ политическою свободою; иначе Турція, которая не имѣетъ ни одной покровительственной пошлины, была бы свободнымъ государствомъ, а Соединенные Штаты, напротивъ того, были бы исключены изъ числа такихъ государствъ, потому что нѣтъ страны, болѣе ревниво охраняющей интересы покровительственной системы“. Всякое государство въ своемъ экономическомъ развитіи неизбѣжно проходитъ три періода: *періодъ дѣтства,* когда международныя сношенія еще такъ

слабы, что безусловная свобода торговли не имѣетъ почти никакого вліянія; *періодъ воспитанія,* когда покровительственными пошлинами поддерживаютъ развитіе и упроченіе въ странѣ промышленности, почему либо особенно для нея выгодныя; въ этотъ періодъ потребленіе народа, не имѣющаго еще необходимаго, слабо и фискальныя пошлины имѣютъ второстепенное значеніе. Третій періодъ, *экономической зрѣлости,* когда промышленность удовлетворяетъ уже вполнѣ внутренней потребности и всячески ищетъ исхода для избытка своихъ произведеній; въ этомъ случаѣ государства не только уничтожаютъ безполезныя для нихъ покровительственныя пошлины, но и назойливо требуютъ того же и отъ другихъ государствъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что для послѣднихъ выгоднѣе будто бы заниматься исключительно земледѣліемъ. Таковы были отношенія въ 30 годахъ Англіи къ Пруссіи, а въ настоящее время Пруссіи къ намъ. Въ этотъ періодъ возмужалости, когда народъ обезпеченъ всѣмъ необходимымъ, онъ желаетъ уже предметовъ комфорта и роскоши, потому привозъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и сборъ фискальныхъ пошлинъ, и таможни, теряя свой покровительственный характеръ, получаютъ значеніе важнаго финансоваго орудія.

Всякому, кто знаетъ Россію далѣе нарвской заставы, извѣстно, что мы находимся еще во второмъ періодѣ, промышленность еще не окрѣпла, и въ то время, когда хлѣбъ, квасъ, соль и водка составляютъ почти исключительную потребность громадной части нашего народа, который въ странѣ земледѣлія и скотоводстза ѣстъ мякину и обувается въ лыковые лапти, забавно было составлять планы исправленія финансовъ, основанные на увеличеніи привоза кофе, дорогихъ винъ и другихъ предметовъ роскоши.

Рядомъ съ этими широкими планами замѣчалось глубокое незнаніе условій нашей промышленности, и чтобы бороться съ фабрикантами, былъ приглашенъ изъ Одессы г. Гольденбергъ, мелкій торговецъ мануфактурными товарами. Онъ являлся офиціальнымъ адвокатомъ въ тарифной

комиссіи! Не очень довѣряя послѣдней, г. Рейтернъ не препятствовалъ Чевкину сдѣлать въ департаментѣ экономіи нѣкоторыя необходимыя измѣненія въ проектированномъ тарифѣ.

Если тарифный вопросъ и не былъ вполнѣ поставленъ на настоящую почву, то нельзя не отнестись съ похвалою къ усиліямъ г. Рейтерна возродить промышленность другими путями; необходимо упомянуть при этомъ объ огромномъ заказѣ паровозовъ на четырехъ нашихъ важнѣйшихъ механическихъ заводахъ, о мѣрахъ къ водворенію въ Россіи стале-рельсоваго производства, объ исполненіи по возможности всѣхъ казенныхъ заказовъ на русскихъ заводахъ, объ утвержденіи проекта Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, не разрѣшеннаго Брокомъ, о пониженіи горныхъ податей, о продажѣ части казенныхъ горныхъ заводовъ, объ уничтоженіи нефтяного откупа на Кавказѣ въ 1872 г., объ отмѣнѣ въ 1863 году почти всѣхъ отпускныхъ пошлинъ, отчего казначейство, правда, потеряло свыше 1,200,000 руб., зато выиграла свобода нашей заграничной торговли. Когда въ теченіе 1872 года обсуждался вопросъ о дальнѣйшемъ покровительствѣ свеклосахарной промышленности, онъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ успокоительномъ для отечественной промышленности. Къ полезнымъ узаконеніямъ для нашей промышленности при г. Рейтернѣ можно причислить и реформу устроенныхъ Канкринымъ торговаго и мануфактурнаго совѣтовъ, хотя новоучрежденный совѣтъ торговли и мануфактуръ и не получилъ, по апатичности нашего торговаго сословія, того значенія, котораго отъ него ожидали.

Менѣе помощи оказывалъ г. Рейтернъ торговому флоту и хотя была дарована субсидія нѣкоторымъ компаніямъ срочнаго пароходства, но за то фритредерамъ удалось отчасти разрушить покровительственные для русскаго флага законы, изданные при графахъ Канкринѣ въ 1830 и Вронченко въ 1845 г.

Финансовое и экономическое благополучіе, упомянутое

выше, было, однако, далеко не прочно. Уже въ 1873 г. государственный контролеръ въ своемъ отчетѣ жаловался, что „съ постояннымъ, изъ года въ годъ улучшеніемъ нашихъ финансовъ постоянно ослабѣвало и попеченіе о бережливости, и въ этомъ ослабленіи слѣдуетъ видѣть главнѣйшую причину оказавшагося въ 1873 году, не смотря на продолжавшееся увеличеніе общей массы государственныхъ доходовъ, недостатка сихъ послѣднихъ для покрытія всѣхъ смѣтныхъ расходовъ того года“. Посему строгое ограниченіе смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ требованій, всегда обязательное для тѣхъ учрежденій, отъ коихъ зависитъ ихъ удовлетвореніе, становилось, по словамъ государственнаго контролера, дѣломъ общегосударственной необходимости. Въ 1875 г. слишкомъ быстро производившаяся постройка желѣзныхъ дорогъ и рядъ экономическихъ невзгодъ начали оказывать разрушающее дѣйствіе на бюджетъ, а съ присоединеніемъ политическихъ замѣшательствъ въ 1876 г. разразился новый экономическій кризисъ, отчего финансовое положеніе стало непрочнымъ, избытки росписи остались только на бумагѣ, выпуски кредитныхъ билетовъ безъ всякаго обезпеченія сдѣлались необходимыми, такъ какъ въ средствахъ обращенія чувствовался недостатокъ и учетъ былъ поднятъ до давно небывалыхъ размѣровъ, вексельный же курсъ упалъ.

Г. Рейтернъ снова обратился къ операціи поддержки вексельныхъ курсовъ; для этого продавалось золото изъ размѣннаго фонда, увеличеннаго съ такими, какъ выше видѣли, пожертвованіями, въ томъ разсчетѣ, что продажа его все-таки доставляла нѣкоторую прибыль, сравнительно съ покупною цѣною, по которой Банкъ пріобрѣлъ это золото. Выручаемые при этой продажѣ, которая отчасти замѣнялась трассировкою векселей, кредитные билеты уничтожались (ихъ было сожжено на 73 милл. руб.). Означенная операція была въ сущности повтореніемъ операцій временъ Брока и Княжевича и отчасти операціи 1862—63 гг. Не трудно было предвидѣть роковой ея исходъ.

Поддержка курсовъ вызвала немедленно огромную спекуляцію, принявшую заграницею организацію въ формѣ синдиката. Синдикатъ закладывалъ свои фонды, получая кредитные билеты, покупалъ на нихъ векселя Государственнаго Банка на иностранные рынки, а получаемую такимъ образомъ монету употреблялъ для выдачи ссудъ на наши фонды, которые возвращались для заклада въ Россію, и т. д. Между тѣмъ уже въ апрѣлѣ 1876 г. стало пахнуть войной и явились опасенія даже за состоятельность государства, что весьма неблагопріятно подѣйствовало на курсъ бумагъ. 5% консолидированныя облигаціи, стоявшія съ 1873 по май 1876 г. по 98, понизились до 85, а въ октябрѣ до 73 и фонды стали высылаться въ Россію. Для поддержанія нашего кредита г. Рейтернъ скупалъ эти фонды.

Министерство Финансовъ, повидимому, убѣждено было, что войны не будетъ, поэтому, принимая мѣры противъ спекуляціи въ видѣ повышенія дисконта, оно не прекращало продажи золота. Когда же увидало опасность положенія и потребовало выкупа заложенныхъ бумагъ и стѣснило перезалогъ, то вызвало общій ропотъ и страшную панику. Г. Рейтернъ дѣйствительно противился объявленію войны и, вызванный осенью 1876 г. въ Ливадію, заявилъ, что Россія, въ виду своего тяжелаго финансоваго положенія, войны вести не имѣетъ средствъ, почему просилъ объ увольненіи его въ отставку. При этомъ г. Рейтернъ представилъ покойному государю меморіалъ, гдѣ подробно доказывалъ, что Россія отъ войны не только сразу потеряетъ всѣ достигнутые ею, благодаря 20-ти-лѣтнимъ реформамъ результаты, но понадобятся новыя 20 лѣтъ, чтобы прійти въ то положеніе, какое существовало въ 1876 г. Г. Рейтерну было предложено сначала найти себѣ преемника, но затѣмъ, послѣ убѣдительныхъ просьбъ, онъ согласился остаться во главѣ нашихъ финансовъ до окончанія войны.

Къ чести г. Рейтерна надобно замѣтить, что если онъ былъ противъ войны, то, разъ оставшись министромъ и видя войну неизбѣжной, онъ энергически принялся за оты-

сканіе рессурсовъ. Громадный дефицитъ 1876 г. былъ съ величайшимъ трудомъ покрыть выпускомъ 5% банковыхъ билетовъ на 100 милл., который сначала не удался и, лишь благодаря выпуску кредитныхъ билетовъ и выдачѣ льготныхъ ссудъ, кое-какъ размѣстился. Московскіе капиталисты, которые такъ просили войны, ничего не подписали. На военные расходы только съ 1876 по 1878 гг. понадобилось 888.469,173 руб. Эта сумма не могла быть покрыта иначе какъ кредитными билетами, которыхъ въ 1877 г. вновь и выпустили на 300 милл. рублей.

Наканунѣ объявленія войны, въ апрѣлѣ 1877 г., г. Рейтернъ представилъ Финансовому комитету о неизбѣжности вести войну выпускомъ кредитныхъ билетовъ и о вредныхъ послѣдствіяхъ подобнаго выпуска. Комитетъ нашелъ, что выпускъ ихъ будетъ еще вреднѣе, чѣмъ въ Крымскую войну, но ни Комитетъ, ни запрошенные отдѣльно гг. Бунге, Небольсинъ, Абаза, и покойные Бабстъ, кн. Оболенскій и Заблоцкій-Десятовскій ничего не могли рекомендовать, кромѣ введенія новыхъ и увеличенія старыхъ налоговъ, что, конечно, было недостаточнымъ для текущихъ потребностей. Поэтому въ 1877 г., независимо отъ выпуска кредитныхъ билетовъ, было выпущено на 36 милл. серій, открытъ 1-й 5% восточный заемъ на 200 милл. и заключенъ черезъ Мендельсона заграничный 5% заемъ въ 307.500,000 марокъ. По этому займу поступило всего 228 милл. марокъ, на условіяхъ чрезвычайно тяжелыхъ и, какъ выражается г. Бліохъ, „до извѣстной степени несовмѣстныхъ съ достоинствомъ великаго государства". Заемъ былъ реализованъ по 74 за 100; такого низкаго курса реализаціи не было съ 1822 г. Предыдущій заграничный заемъ (2-й Англо-Голландскій 1866 г.) былъ реализованъ по 83, а консолидированный для желѣзныхъ дорогъ 1873 г. по 91. Внутренній заемъ для войны (2-й восточный) былъ реализованъ по 90%. Заемъ былъ заключенъ секретно и, только благодаря особому уваженію къ г. Рейтерну, Финансовый комитетъ согласился представить о ратификаціи этого

займа, нынѣ, къ счастью, конвертированнаго г. Вышнеградскимъ.

Вмѣсто введенія новыхъ разнообразныхъ налоговъ г. Рейтернъ принялъ счастливое рѣшеніе ввести опять взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ, что при тогдашнемъ курсѣ равнялось повышенію ихъ на 33%. Когда курсъ кредитнаго рубля началъ падать, т. е. съ конца 50-хъ годовъ, наши фабриканты стали домогаться переложенія таможенныхъ пошлинъ въ металлическую валюту, такъ какъ это не только охраняло существовавшій размѣръ обложенія иностранныхъ товаровъ, но и, въ виду наклонности рубля къ дальнѣйшему пониженію, создавало какъ бы добавочную премію для внутренняго производства.

Какъ только домогательство фабрикантовъ было удовлетворено (по необходимости въ особенности найти монету для расходовъ на театрѣ войны), оно немедленно отозвалось оживленіемъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ. Фабриканты были, конечно, довольны этимъ нововведеніемъ и домогались затѣмъ только отдѣльныхъ измѣненій тарифныхъ ставокъ.

По разнымъ обстоятельствамъ опасенія за состоятельность государства въ случаѣ войны не оправдались: 1877 г. былъ гораздо болѣе благопріятенъ въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ первоначально можно было предполагать. Сверхъ вліянія золотыхъ пошлинъ, нашъ торговый балансъ поддержался неурожаемъ заграницей и огромнымъ отпускомъ хлѣба, что дало возможность черезъ С.-Петербургскій учетный и ссудный банкъ купить срочныхъ векселей на 161.200,000 руб. Изъ этого источника пріобрѣталась звонкая монета для дѣйствующихъ армій. Но такого рессурса было все-таки недостаточно и въ 1878 г. понадобилось выпустить еще 200 милл. кредитныхъ билетовъ, въ февралѣ того же года краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства на 150 милл. руб., а въ августѣ 2-й восточный заемъ на 300 милл. руб. Ликвидація военныхъ расходовъ займами и другими кредитными операціями продолжалась и при преемникахъ г. Рейтерна. Всѣ выше-

означенные займы помѣстились безъ особаго потрясенія и въ реализаціи ихъ главную роль играли г. Ламанскій и руководители петербургскихъ банковъ, г. Закъ, Ляскій, Кокоревъ. Подписки на займы обыкновенно покрывались изъ запаса кредитныхъ билетовъ и затѣмъ, при помощи широкихъ ссудъ изъ банковъ, съ трудомъ размѣщались по карманамъ биржевиковъ.

С. А. Грейгъ.

Едва былъ заключенъ въ Берлинѣ окончательный миръ съ Турціей, г. Рейтернъ уступилъ свое мѣсто Самуилу Алексѣевичу Грейгу (7-го іюля 1878 г.). Вслѣдствіе войны одинъ платежъ процентовъ по долгамъ возросъ на 42 милл. руб., финансовое положеніе Россіи казалось чрезвычайно тягостнымъ, почти хаотическимъ, и поэтому Грейгъ сначала отказывался отъ принятія министерскаго поста и только по настоянію покойнаго государя согласился занять таковой.

Г. Грейгъ приходится внукомъ Самуила Грейга, знаменитаго адмирала екатерининскихъ временъ, и сыномъ адмирала Алексѣя Грейга, полезная дѣятельность котораго въ званіи главнаго командира Черноморскаго флота поражаетъ всѣхъ и до настоящаго времени. Мать С. А. была семитскаго происхожденія и сочетаніе послѣдняго съ англійской кровью, казалось, обезпечивало врожденныя финансовыя способности новому министру.

Первоначальное воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ*) и служба въ конногвардейскомъ полку, гдѣ Грейгъ былъ въ числѣ красивѣйшихъ офицеровъ и записныхъ театраловъ (онъ и женился на талантливой танцовщицѣ г-жѣ Макаровой), не подготовляли его къ финансовой карьерѣ, но

*) Грейгъ былъ не первый у насъ министръ финансовъ, получившій военное воспитаніе; Ѳ. А. Голубцовъ окончилъ курсъ въ Артиллерійскомъ Инженерномъ шляхетскомъ корпусѣ.

Грейгъ дополнилъ свои экономическія познанія чтеніемъ. Занимая должность адъютанта кн. Меньшикова, онъ участвовалъ въ Крымской войнѣ и даже имѣлъ грустное порученіе привезти извѣстіе о пораженіи нашемъ подъ Инкерманомъ, причемъ былъ такъ сурово принятъ искренно огорченнымъ императоромъ Николаемъ, что всю жизнь не забылъ этого обстоятельства.

Болѣе широкое поприще для дѣятельности Грейга открылось послѣ выбора его въ предсѣдатели совѣта Русскаго Общества пароходства и торговли и по назначеніи директоромъ канцеляріи Морского Министерства, гдѣ онъ сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ великаго князя Константина Николаевича. Съ этой должности, весною 1866 г., онъ былъ назначенъ въ товарищи къ министру финансовъ, и какъ бы кандидатомъ на его должность. Здѣсь, однако, случился казусъ, до сихъ поръ не разъясненный; говорятъ, что на одномъ докладѣ, въ то время когда г. Рейтернъ, уѣхавъ въ отпускъ, писалъ уже прощальный отчетъ о своемъ управленіи, Грейгъ не могъ ясно объяснить какой-то кредитной операціи. Это возбудило сомнѣніе въ достаточной опытности и подготовленности новаго кандидата, и г. Грейгу пришлось двѣнадцать лѣтъ ждать очереди попасть въ министры финансовъ, пройдя предварительно хорошую для того школу въ званіи государственнаго контролера. Г. Бліохъ полагаетъ, что дѣйствія Грейга въ этой послѣдней должности, указывавшія „прямо на всѣ творившіяся у насъ вопіющія злоупотребленія, возбуждали въ высшихъ административныхъ сферахъ сильное неудовольствіе, жертвою котораго и сдѣлался потомъ Грейгъ".

Свѣтски образованный и любезный въ обращеніи, Грейгъ любилъ поговорить и это доходило у него до слабости. Онъ отказался принимать съ докладами своихъ начальниковъ отдѣленій, говоря, что это заставляетъ его слишкомъ много разговаривать. На пріемахъ обыкновенно съ первымъ просителемъ болталъ онъ часъ или два, а затѣмъ, усталый, просилъ остальныхъ зайти въ слѣдующій разъ, т. е. черезъ

недѣлю. Извѣстный американскій капиталистъ Баркеръ, пріѣзжавшій съ довольно крупнымъ предложеніемъ, ждалъ такимъ образомъ въ пріемной нѣсколько недѣль. Наконецъ, его, къ великому восторгу, принимаютъ. — „Мистеръ Баркеръ, сказалъ ему Грейгъ, показывая часы,—къ сожалѣнію я могу удѣлить вамъ сегодня всего 5 минутъ, поэтому позвольте мнѣ сначала высказать свое мнѣніе о вашемъ предложеніи". Проговоривъ о разныхъ предметахъ часъ, министръ прибавилъ „въ слѣдующій разъ вы мнѣ объясните, въ чемъ ваше предложеніе". Баркеръ на другой же день уѣхалъ въ Филадельфію.

Эта способность говорить долго безъ приготовленія дѣлала Грейга неоцѣнимымъ въ большихъ собраніяхъ и онъ предсѣдательствовалъ съ успѣхомъ не только на дононовскихъ обѣдахъ экономистовъ, но и въ Обществѣ Садоводства. Въ садоводствѣ и огородничествѣ авторитетъ его былъ, говорятъ, значительный и мы недавно, пробѣгая прейскурантъ Грачева, нашли новый сортъ картофеля, называющійся „Воспоминаніе о С. А. Грейгѣ".

Какъ финансиста, роль Грейга за время его пребыванія въ должности товарища министра сливается съ дѣятельностью г. Рейтерна. Г. Грейгу поручались впрочемъ, самостоятельные переговоры заграницею о нѣкоторыхъ кредитныхъ операціяхъ, а за время собственнаго министерства, по мнѣнію г. Бліоха, Грейгъ „сдѣлалъ все, что возможно было сдѣлать въ короткое время его управленія; къ тому же, онъ оставался на своемъ посту слишкомъ недолго, чтобы къ нему лично можно было относить то или другое явленіе въ общемъ неудовлетворительномъ состояніи нашего финансоваго положенія". Г. Бліохъ, къ Грейгу нѣсколько пристрастный, утверждаетъ даже, что Грейгъ „весьма энергично, не смотря на всѣ нареканія, защищалъ государственную казну отъ лишнихъ расходовъ".

Кокоревъ, вообще въ оцѣнкѣ нашихъ финансистовъ новой формаціи довольно суровый, находитъ, что нанесенный Восточною войною разгромъ русскихъ финансовъ отнималъ

всякую возможность къ устойчивымъ и созидательнымъ дѣйствіямъ, сопряженнымъ съ денежными затратами, и всѣ финансовыя мѣропріятія поневолѣ относились къ одной только заботѣ: „какъ бы тянуть теченіе финансовой жизни, спасаясь въ денежныхъ затрудненіяхъ то мелкими экономіями, то разными налогами, то предоставленіемъ иногда хода дѣлъ просто на волю судьбы, продолжая притомъ на несмѣтную гору прежде сдѣланныхъ займовъ громоздить еще новые бугры долговъ“. Поэтому, по мнѣнію Кокорева, нѣтъ и надобности говорить подробно о „мелкихъ финансовыхъ ошибкахъ послѣ Восточной войны, не имѣвшихъ разрушительнаго вліянія на многіе годы и возможныхъ къ исправленію во всякое время; такія ошибки не то, что внѣшніе займы, поражающіе силу народной жизни почти на цѣлое столѣтіе“.

Мы полагаемъ, что Грейгъ, какъ множество другихъ государственныхъ людей, при несомнѣнно добромъ желаніи быть полезнымъ и при полной благонамѣренности, оказался только ниже выпавшей на его долю трудной задачи.

Конечно, первоначальная служба его не могла служить средствомъ для практическаго ознакомленія съ финансовыми дѣлами, но въ теоретическихъ познаніяхъ, въ начитанности и въ умѣньи говорить объ экономическихъ вопросахъ нельзя отказать ему. Нельзя отказать и въ желаніи оказаться на высотѣ своего положенія, только какая-то злая судьба препятствовала или осуществленію этихъ желаній, или же послѣднія были направлены не въ ту сторону, куда, казалось бы, вниманіе министра финансовъ должно было преимущественно направляться.

Грейгъ дебютировалъ ассигнованіемъ двухсотъ съ чѣмъ-то тысячъ на отдѣлку своей квартиры *). Безъ сомнѣнія,

*) Отдѣлка этой квартиры съ фонтанами и зимнимъ садомъ служила въ свое время неистощимою темою для остроумничанія газетъ. Она значительно повредила Грейгу въ общемъ мнѣніи, равно какъ и слухъ, что за имѣнія, пожалованныя ему и его товарищу, г. Шамшину,

если каждый столоначальникъ въ правѣ требовать себѣ приличной квартиры, то для министра, по его положенію, требуется помѣщеніе, устроенное даже съ нѣкоторою роскошью, тѣмъ не менѣе на публику слухи о стѣсненіи, ради квартиры, двухъ департаментовъ, и объ оранжереяхъ устраиваемыхъ въ моментъ, когда казначейство послѣ войны было пусто и проектировался рядъ тяжелыхъ налоговъ, произвели непріятное впечатлѣніе.

Точно также наше общество любитъ обозрѣніе провинціи государственными людьми. Многіе убѣждены, что одно ожиданіе подобнаго посѣщенія заставляетъ мѣстную администрацію прибраться, держать ухо востро и торопиться съ дѣлами. Понятно, что и путешествія Грейга возбудили вниманіе. Однако, они скоро и разочаровали публику, когда она увидала, что министръ изучаетъ не больныя мѣста нашего государственнаго хозяйства, а мануфактурный районъ, гдѣ, благодаря золотымъ пошлинамъ, фабриканты денно и нощно благодарили Создателя и Владычицу за ниспосылаемую на нихъ манну, свеклосахарный районъ, гдѣ также дѣла, благодаря высокимъ протекціямъ, шли отлично, и т. п.

Вступая въ управленіе, г. Грейгъ заявилъ, что никакихъ „дутыхъ“ предпріятій онъ поддерживать не намѣренъ. Слова эти биржа приняла съ восторгомъ. Но на провѣрку оказалось, что никакихъ новыхъ предпріятій, даже самыхъ полезныхъ, въ два года не явилось, дутыя же не только попрежнему изворачивались вслѣдствіе поддержки Государственнаго банка, завѣдывающіе которымъ продолжали состоять директорами многихъ частныхъ обществъ, но Центральный банкъ получилъ завидную привилегію всѣ свои убытки отъ паденія курса относить на счетъ казны, что удалось уничтожить потомъ лишь съ пожертвованіемъ

въ Царствѣ Польскомъ, было выручено что-то около девятисотъ тысячъ. Такую награду газеты находили слишкомъ щедрою по финансовымъ обстоятельствамъ и заподозрили вѣрность оцѣнки казенныхъ имѣній.

$6^1/_2$ м. р. *). Желѣзныхъ дорогъ при Грейгѣ не строилось кромѣ клочка дороги въ Закаспійской пустынѣ и отданной на довольно невыгодныхъ условіяхъ Ивангородо-Домбровской. Не явилось также при новомъ министрѣ, если не считать г. Мицкевича, въ высшемъ персоналѣ Министерства Финансовъ никого, кто бы замѣнилъ оставленныхъ г. Рейтерномъ въ наслѣдство ближайшихъ помощниковъ.

Затѣмъ по наиболѣе существеннымъ вопросамъ о податной реформѣ, о бумажныхъ деньгахъ и о сверхсмѣтныхъ кредитахъ публика не видѣла никакихъ перемѣнъ противъ прежняго. Конечно будущій историкъ, который разберетъ архивы Министерства Финансовъ, найдетъ тамъ протесты Грейга противъ того или другого распоряженія. Но понятно, что не подобныя платоническія отписки желательны были въ это тяжелое время. Отъ министра финансовъ требовался прежде всего твердый характеръ, чтобы, не идя ни на какіе компромиссы, во всѣхъ крупныхъ вопросахъ, не держась за свое мѣсто, онъ могъ ребромъ ставить вопросъ объ отставкѣ.

Грейгъ въ этомъ случаѣ упустилъ возможность пріобрѣсти популярность, подавъ просьбу объ увольненіи по поводу какого нибудь принципіальнаго вопроса и дождавшись, что его отставили (27-го октября 1880 г.) безъ всякаго предупрежденія. Въ общемъ, однако, управленіе Грейга не оставило дурной памяти и относится къ числу тѣхъ безцвѣтныхъ управленій, какихъ ужъ было не мало у насъ по вѣдомству финансовъ, съ тою разницею, что въ прежнее время требованія отъ государственныхъ людей были иныя.

Сами по себѣ, т. е. безотносительно къ положенію нашего денежнаго обращенія результаты бюджета двухъ первыхъ лѣтъ послѣ войны представлялись благопріятными.

---

*) Въ 1878 г. раскрылась милліонная кража Юханцева и показала, какіе чудесные порядки существовали въ нашихъ акціонерныхъ обществахъ, даже считавшихся наиболѣе солидными.

Къ сожалѣнію, повышеніе доходовъ зависѣло исключительно отъ того, что во время войны было выпущено въ обращеніе множество новыхъ кредитныхъ билетовъ. Очевидно, что такой приливъ свободныхъ денегъ долженъ былъ вызвать искусственно оживленную производительность въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Это оживленіе повлекло за собою усиленіе привоза разныхъ товаровъ, особенно сырья для фабрикъ, изъ заграницы, что увеличивало таможенный доходъ, а также содѣйствовало повышенію заработной платы. Послѣднее, конечно, повліяло на значительное увеличеніе питейнаго дохода. Означенный доходъ повысился также и отъ возвращенія съ театра войны нашей арміи, которая составляетъ около полумилліона самыхъ здоровыхъ и молодыхъ потребителей вина.

Искусственное вліяніе массы новыхъ бумажныхъ денегъ, вызывая, какъ и послѣ Крымской войны, выгодное для фабрикантовъ общее вздорожаніе, своимъ послѣдствіемъ имѣло жалобы на недостатокъ денегъ и требованіе всѣхъ вѣдомствъ о сверхсмѣтныхъ ассигнованіяхъ.

Грейгъ понималъ, что издержки войны надобно регулировать новыми займами, а потому, едва окончился взносъ по 2 восточному займу, объявленному въ августѣ 1878 г. на 300 милл. руб. и подписанному если не особенно блистательно, то все лучше 1-го восточнаго займа, и выпускъ въ 1878 г. краткосрочныхъ обязательствъ Казначейства на 150 милл. руб., а въ началѣ 1879 г. на 50 милл. руб., какъ, въ маѣ 1879 г., былъ объявленъ 3-й восточный заемъ на такую же сумму. Вслѣдствіе отказа отъ предложеній капиталистовъ, заемъ этотъ потерпѣлъ было фіаско и Грейгъ вынужденъ былъ обратиться къ помощи петербургскихъ банковъ. Послѣдніе поломались, но, получая приказы изъ заграницы, гдѣ 2-й восточный заемъ началъ пользоваться успѣхомъ, помогли успѣху подписки. Сверхъ этого займа для потребностей желѣзныхъ дорогъ Грейгомъ въ 1880 г. былъ сдѣланъ 6-й выпускъ 4% консолидированныхъ облигацій.

Не смотря на громадность восточныхъ займовъ, дозво-

лявшихъ погасить часть долга по позаимствованіямъ изъ Государственнаго Банка, сумма выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ все-таки не сокращалась. Изъ состоянія счетовъ Государственнаго Банка къ 18-му сентября 1878 г. видно, что количество кредитныхъ билетовъ, временно выпущенныхъ въ обращеніе на подкрѣпленіе кассъ, достигло уже 479.370,000 руб., что съ билетами, прежде выпущенными въ обращеніе—723.910,155 руб., составляло внушительную цифру 1.103.280,155 руб. Этотъ милліардъ гораздо болѣе, однако, безпокоилъ заграничную публику, нежели отечественныхъ финансистовъ. Мало того, съ сентября 1879 г. начались новые выпуски бумажекъ, подъ предлогомъ облегченія размѣщенія тѣхъ же займовъ и коммерческихъ операцій въ банкахъ. Такихъ кредитныхъ билетовъ было вновь выпущено 96 милл. руб. и эти выпуски справедливо заслужили слѣдующее порицаніе одной газеты: „Вездѣ выпуски бумажныхъ денегъ составляютъ одинъ изъ деликатнѣйшихъ вопросовъ. Каждый новый выпускъ почитается государственнымъ бѣдствіемъ и министръ финансовъ долго колеблется, чтобы представить подобную мѣру верховной власти. У насъ о выпускѣ бумажекъ не спрашиваютъ никого. Это предоставлено благоусмотрѣнію Банка, положившаго себѣ, по отношенію къ кредитнымъ билетамъ, за основаніе не политическую экономію, а простую русскую пословицу: масломъ каши не испортишь" *).

---

*) Защищая поведеніе Банка „Новости" писали, что „при любой нуждѣ казначейства въ деньгахъ, послѣднему предъявлялся чекъ, подписанный министромъ финансовъ или директоромъ департамента Государственнаго Казначейства. Эти лица, подписывая чекъ, *знали*, что той суммы, на которую онъ написанъ, *нѣтъ* на текущемъ счету Министерства Финансовъ въ банкѣ. Но, имѣя настойчивую надобность въ деньгахъ, они тѣмъ не менѣе подписывали такіе чеки. Что же оставалось тогда дѣлать Банку, откуда взять эти средства?" Отвѣтъ на этотъ вопросъ находится въ „Сводѣ законовъ", гдѣ прямо указано, какъ обязанъ поступать чиновникъ, когда его начальство предъявляетъ ему требованія, противныя долгу службы. Ибо и нашъ законъ не смо-

Дѣйствительно, рядомъ съ этими выпусками процентныхъ и безпроцентныхъ займовъ не встрѣчалось проектовъ какого либо общаго финансоваго плана и все ограничивалось разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ мѣръ, хотя казалось, и настало время изслѣдовать и преобразовать крайне устарѣлую систему нашего государственнаго хозяйства. Отысканіе новыхъ источниковъ доходовъ, при сохраненіи въ прочемъ старыхъ порядковъ, приносило не много пользы, такъ какъ старые недостатки способны поглощать и новыя средства. Время же, удобное для мелкихъ поправокъ, прошло, да и финансовыя затрудненія во многомъ зависѣли отъ того, что система мелкихъ поправокъ долго отодвигала назадъ необходимѣйшія коренныя преобразованія.

Грейгъ, повидимому, ни о какой радикальной реформѣ не помышлялъ. Хотя онъ былъ теоретикъ, но изъ донОновскихъ экономистовъ только г. Ламанскій и отчасти Безобразовъ имѣли вліяніе въ его управленіи. Изъ практическихъ дѣятелей онъ слушалъ болѣе всего г. Бліоха, который по отношенію къ Грейгу игралъ чуть ли не ту роль, что Кокоревъ по отношенію къ Вронченкѣ.

Отсутствію вліянія теоретиковъ должно приписать, что при Грейгѣ (въ началѣ 1880 года) былъ измѣненъ, наконецъ, тарифъ на привозные металлы, металлическія издѣлія и машины и уничтожены всѣ изъятія изъ металлическаго тарифа въ пользу желѣзныхъ дорогъ и механическихъ заводовъ, дававшія поводъ къ безчисленнымъ злоупотребле-

тритъ на чиновника, какъ на бездушную машину, и не заставляетъ его молчать и только исполнять приказанія.

Къ счастью, не всѣ чиновники въ Россіи смотрѣли такъ на свои обязанности. Александру I во время одной изъ его многочисленныхъ поѣздокъ случилась въ одномъ изъ городковъ Бессарабіи нужда въ деньгахъ. Онъ послалъ генералъ-адъютанта въ уѣздное казначейство съ словеснымъ требованіемъ нѣкоторой суммы.—„Высочайшее повелѣніе, высочайшее повелѣніе, а все-таки я не имѣю права отпустить деньги безъ предписанія казенной палаты“, отвѣчалъ старикъ казначей. Легенда прибавляетъ, что государь одобрилъ образъ дѣйствій упрямаго казначея.

ніямъ и тормозившія наше собственное производство. Были также урегулированы попудныя преміи на стальные рельсы, обратившіяся въ средство иностранцамъ создавать по окраинамъ Россіи искусственные спекулятивные заводы для эксплоатаціи государственнаго казначейства. Не считая огромныхъ ссудъ заводамъ изъ государственнаго казначейства и особенно изъ Государственнаго Банка, изъ желѣзнодорожнаго фонда издержано у насъ на изготовленіе паровозовъ, вагоновъ и рельсовъ болѣе 160 милл. рублей. Цифра не маленькая при умѣніи ею распорядиться. Извѣстно, однако, что на эти деньги не устроилось ни одного почти предпріятія, которое обѣщало существованіе въ будущемъ. Тѣ заводы, которые по преимуществу воспользовались манной небесной, ниспавшей на нихъ съ 1876 года, относились къ числу наименѣе солидныхъ промышленныхъ предпріятій въ Россіи, или подобно Путиловскому, для ликвидаціи своихъ счетовъ съ казною, потребовали новыхъ милліоновъ.

Для покрытія дефицита, въ 1878 и 1879 гг., Грейгъ обратился къ установленію новыхъ налоговъ. Разбирая наши финансы, берлинскій профессоръ Вагнеръ высказывалъ, будто бы косвенные налоги дошли въ Россіи до такого развитія, что нельзя уже было касаться этого источника для возстановленія равновѣсія. Мнѣніе это было несправедливо: безъ особаго отягощенія трудящихся классовъ можно было отыскать нѣкоторые новые источники доходовъ, именно въ косвенныхъ налогахъ. Эти источники легко дали до 20 милліоновъ руб. новаго дохода.

По совѣту Безобразова и г. Бліоха обложены были водочныя издѣлія дополнительнымъ акцизнымъ сборомъ и увеличенъ акцизъ съ пива. Затѣмъ увеличенъ акцизъ на табакъ. Въ Россіи налогъ на табакъ даетъ совершенно ничтожные доходы сравнительно съ тѣмъ, что получается по этой статьѣ во Франціи, Соединенныхъ Штатахъ и Австріи. Хотя акцизъ на табакъ былъ при г. Рейтернѣ повышаемъ, но онъ могъ быть еще увеличенъ безъ опа-

сенія сокращенія потребленія табаку; необходимо было также принять мѣры противъ злоупотребленій, практикуемыхъ въ широкихъ размѣрахъ табачными фабрикантами при наклейкѣ бандеролей. Грейгъ думалъ было ввести даже табачную монополію, ѣздилъ заграницу по этому поводу, но благоразумно остановился.

Въ виду того, что городская недвижимая собственность обложена мало, пошлина на страхованіе была увеличена съ 5 на 75 коп. со 100 руб. Увеличенъ былъ гербовый сборъ и цѣны актовой и вексельной бумаги и послѣдніе сборы распространены на Царство Польское.

Наконецъ, было введено новое для Россіи финансовое средство—это налогъ на пассажирскіе билеты и перевозки большой скорости по желѣзнымъ дорогамъ, налогъ, взиманіе котораго не требовало почти никакихъ издержекъ. Если налогъ этотъ необременителенъ, то онъ рѣшительно не могъ имѣть дурного вліянія на экономическіе интересы страны. Онъ, однако, вызвалъ много споровъ въ печати. Къ счастью, еще Грейгъ отказался отъ предложеннаго обложенія налогомъ въ 5% всѣхъ перевозокъ и малой скорости. Былъ введенъ налогъ и на перевозки пассажировъ на пароходахъ, но такъ дурно задуманный, что его, подъ предлогомъ чумы на Волгѣ, и не примѣняли. Барыши фабрикантовъ отъ золотыхъ пошлинъ Грейгъ уменьшилъ пошлиною съ хлопка-сырца.

Новые налоги и слухи, что послѣдуетъ ихъ цѣлая серія, вызвали неудовольствіе. Между тѣмъ 1880 годъ въ экономическомъ отношеніи для Россіи оказался очень тяжелъ; нагрянулъ неурожай почти повсемѣстный и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ граничившій даже съ голодомъ. Правительство и земство по мѣрѣ силъ, и на этотъ разъ заблаговременно, старались противодѣйствовать гибельному вліянію недостатка въ продовольствіи, но извѣстно, какъ затруднительна борьба со стихійными бѣдствіями, въ особенности, когда они охватываютъ цѣлыя области. Чѣмъ

могла, напримѣръ, пособить администрація отъ безкормицы, разорившей надолго Киргизскую степь?

Послѣдствіемъ неурожая была всеобщая дороговизна и, какъ естественное послѣдствіе послѣдней, сокращеніе торговли. Въ особенности пострадала отпускная торговля. Одно время возникли даже опасенія, чтобы окраины Россіи не пришлось кормить привознымъ американскимъ хлѣбомъ. Кукуруза была уже привезена съ успѣхомъ изъ Соединенныхъ Штатовъ для винокуренія. Высокія цѣны позволили также съ выгодою привозить въ Россію сало и немытую шерсть, т. е. такіе продукты, которые мы сами отпускали прежде десятками милліоновъ пудовъ ежегодно.

Неурожай и застой въ торговлѣ отразился и на другихъ факторахъ нашей экономической жизни: государственные доходы сократились, сборы по желѣзнымъ дорогамъ упали, фабрики вынуждены были ограничить свое производство, экономическое положеніе Россіи сдѣлалось настолько серьезнымъ и въ сентябрѣ 1880 г. признаки близкаго финансоваго кризиса выразились настолько опредѣленно въ быстромъ паденіи вексельнаго курса и угнетенномъ состояніи всѣхъ дѣлъ, что благоразуміе требовало принятія энергическихъ мѣръ. Онѣ и начались съ перемѣны министра финансовъ. Обстоятельство это совершалось помимо всякаго желанія Грейга, по настоянію графа Лорисъ-Меликова.

Надобно прибавить, впрочемъ, что общественное мнѣніе, испуганное неурожаемъ и экономическимъ кризисомъ, было очень возбуждено противъ министра финансовъ. Отголоскомъ этого возбужденія явились газеты и преимущественно „Новое Время“, гдѣ статья „По поводу одного обѣда“, навлекшая на газету административное взысканіе, явилась обличительнымъ актомъ противъ Грейга. Указавъ на неумѣстность торжественнаго обѣда, даннаго одесскимъ купечествомъ Грейгу въ тяжелую въ экономической жизни Россіи минуту, когда столько мѣстностей голодали, газета писала:

Три года уже прошло со времени окончанія Восточной войны, окончательно ухудшившей наше положеніе, и пора, кажется, подвести итогъ сдѣланнымъ усиліямъ.

Въ концѣ іюльской монархіи Одилонъ-Барро, одинъ изъ вождей оппозиціи, обращаясь къ Гизо и другимъ корифеямъ доктринерской партіи, спросилъ, что сдѣлали они въ истекшія восемнадцать лѣтъ, и, не дожидаясь ихъ слова, отвѣчалъ: ничего, ничего, ничего! Слова эти стали историческими.

Съ такимъ же вопросомъ имѣемъ мы полное право обратиться къ Министерству Финансовъ и спросить, что сдѣлало оно за послѣдніе три года, принявъ бремя финансовыхъ нуждъ изъ рукъ г. Рейтерна?

Будетъ очень любопытно, если г. министръ выскажетъ вполнѣ откровенно на обѣдѣ, въ средѣ, очевидно, сочувствующихъ ему лицъ, свои взгляды на этотъ предметъ. Такое разъясненіе тѣмъ болѣе необходимо, что есть пессимисты и въ Россіи, и особенно заграницею, которые истекшіе три года считаютъ потерянными для дѣла нашего финансоваго возрожденія и своими зловѣщими предсказаніями подрываютъ довѣріе къ нашему кредиту.

Разбирая затѣмъ всѣ финансовыя мѣропріятія Грейга и находя ихъ нецѣлесообразными или противорѣчивыми, газета находила, что новый финансовый планъ былъ необходимъ болѣе чѣмъ когда либо и что время финансовыхъ expédients прошло. По ея словамъ, мы буквально стояли на краю экономической пропасти, а „одна пропасть вызываетъ другую, глубоко справедливо сказалъ еще Псалмопѣвецъ“. На возраженіе, что для составленія твердаго финансоваго плана надобно содѣйствіе финансистовъ, которыхъ у насъ-де нѣтъ, газета отвѣчала, что не знаетъ, существуютъ ли гдѣ въ Россіи Кольберы и Роберты Пили въ зародышѣ, но перечисляла рядъ именъ съ г. Абазою во главѣ и заключала, что никто не далъ права думать, „будто свѣтъ сошелся клиномъ“.

Едва отставка Грейга состоялась, какъ онъ нашелъ защитниковъ въ печати. Въ „Берегѣ“, а затѣмъ въ „Journal de St.-Pétersbourg“ появились статьи, имѣвшія цѣлью возвести бывшаго министра финансовъ на пьедесталъ. Мы

остановимся на томъ, который помѣщенъ во французской газетѣ, такъ какъ она болѣе офиціозна, да и извѣстно, что по-французски многія мысли яснѣе, если не умнѣе излагаются.

Панегирикъ начинался съ повторенія вѣрной, хотя не новой мысли Поля Леруа Болье, что самый опасный моментъ для финансовъ не война, а время послѣ войны, т. е. періодъ ликвидаціи счетовъ. Въ этотъ періодъ, съ которымъ совпало министерство Грейга, на бѣду произошли въ Россіи неурожаи, начата закаспійская экспедиція и подготовлялись средства на случай столкновенія съ Китаемъ. Указавъ на затруднительное положеніе Грейга, газета перечисляла далѣе, что имъ сдѣлано, дабы выйти изъ затрудненій. Вотъ перечень этихъ дѣяній:

Оба бюджета на 1879 и 1880 гг. составлены безъ дефицита, первый—помощью новыхъ налоговъ, второй—помощью сокращенія арміи на 30,000 чел. Учреждена комиссія по сокращенію расходовъ, другая комиссія, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ министръ, выработала и напечатала проектъ реформы подушной подати. Заключены два внутренніе займа по 300 милліоновъ рублей каждый, въ цифрѣ досѣлѣ невиданной, и одинъ внѣшній консолидированный—послѣдній безъ помощи банкирскаго синдиката. Изъ выпущенныхъ на войну кредитныхъ билетовъ сто милліоновъ рублей извлечены безъ малѣйшаго потрясенія денежнаго рынка. Вообще во время управленія Грейга не произошло никакого кризиса и онъ оставилъ своему преемнику свободныя суммы въ видѣ 200 милліоновъ франковъ у заграничныхъ банкировъ, 35 милліоновъ рублей золотомъ въ Россіи, не считая кассы Государственнаго банка, и 60 милліоновъ, оставшіеся отъ консолидированнаго займа, кромѣ того, десятки милліоновъ въ разныхъ фондахъ, принадлежащихъ правительству и легко реализируемыхъ.

Таковъ „активъ" управленія Грейга, куда французская газета прибавляла и устройство мануфактурной выставки въ Москвѣ въ 1882 году, хотя непонятно, почему затрата въ 3 милл. казенныхъ рублей въ моментъ такой

нужды на предметъ роскоши могла почесться особою заслугою.

Разсмотримъ поближе остальныя статьи актива. Росписи дѣйствительно были заключены на бумагѣ безъ дефицита, однако онъ былъ въ дѣйствительности, судя по отчетамъ контроля, въ 1879 году въ 138 милл., а въ 1880 году 140 милл. руб. Значитъ Грейгъ не разсчиталъ ожидаемыхъ расходовъ. Мало того, и роспись на 1880 г. была заключена безъ дефицита съ тѣмъ, чтобы немедленно расходы въ 15—20 милл. на военныя нужды испросить сверхсмѣтнымъ кредитомъ. Но это развѣ не былъ замаскированный дефицитъ?

О дѣятельности комиссіи по сокращенію расходовъ извѣстно, что комиссія эта была учреждена вслѣдствіе записки, поданной покойному государю, гдѣ Грейгъ откровенно излагалъ ненормальное положеніе нашихъ финансовъ и доказывалъ, что „министръ финансовъ совершенно безсиленъ по отношенію къ расходамъ, большая часть которыхъ основана на штатахъ и положеніяхъ, до которыхъ Министерство Финансовъ касаться не можетъ". Многіе расходы, по словамъ Грейга, „продолжаютъ существовать среди новыхъ учрежденій обветшалыми памятниками прежнихъ порядковъ, или не вполнѣ удавшихся, но цѣнныхъ нововведеній".

„Вообще,—говорилъ онъ въ заключеніе,—нельзя не сознаться, что наше государственное управленіе и наше государственное хозяйство оказываются самыми дорогими въ свѣтѣ. Между тѣмъ уравновѣшеніе росписи посредствомъ лишь увеличенія доходовъ представляетъ большія неудобства, въ особенности со стороны нравственной и политической. Бремя новыхъ налоговъ ложится на народъ и на общество русское, которые, въ виду очевидной необходимости, готовы, безъ особаго ропота, нести это бремя; но, при этомъ они естественно ожидаютъ, что, рядомъ съ усиліями для увеличенія доходовъ, правительство сдѣлаетъ усилія и для сокращенія расходовъ".

Слова очень вѣрныя; къ сожалѣнію, хорошо было извѣстно, что такія же комиссіи учреждались въ 1818, 1822, 1835, 1857 и 1865 гг. и не привели ни къ какому результату. И комиссія Грейга расходовъ не сократила ни на копѣйку.

Улучшеній въ податной системѣ нельзя видѣть ни въ тѣхъ налогахъ, которые введены въ 1879 году на скорую руку—вопреки предостереженіямъ печати вообще и „Новаго Времени" въ особенности—ни отъ сочиненнаго податной комиссіей проекта реформы подушнаго налога, состоявшаго въ замѣнѣ его какимъ-то всесословнымъ „личнымъ налогомъ" и введеніи „поразряднаго налога", отъ котораго избавлялась поземельная и городская недвижимая собственность, т. е. $^9/_{10}$ богатства Россіи.

Успѣхъ восточныхъ займовъ обусловливался не финансовымъ искусствомъ, а избыткомъ кредитныхъ билетовъ, созданныхъ сразу войною. То же явленіе было и послѣ Крымской войны, когда сначала кассы казенныхъ банковъ ломились отъ вкладовъ, а затѣмъ эти вклады быстро разошлись по всякаго рода подпискамъ. Консолидированный заемъ вовсе не былъ покрытъ съ успѣхомъ; напротивъ, послѣдняя его часть разошлась лишь при содѣйствіи иностранныхъ банкировъ, заинтересованныхъ въ поддержкѣ курса.

Извлеченіе избытка билетовъ въ сто милліоновъ не представляло затрудненія при займахъ въ сотни милліоновъ и громадныхъ операціяхъ Государственнаго банка, тѣмъ болѣе, что это извлеченіе не было окончательное и въ маѣ 1880 г. часть извлеченныхъ билетовъ снова появилась, что и было причиною извѣстной паники въ началѣ октября и паденія курса въ одинъ день на 2%, т. е. на сумму, изъ-за которой заграничные капиталисты бьются иногда цѣлый годъ. Другое дѣло, еслибы 100 милліоновъ были сожжены и дальнѣйшій выпускъ билетовъ разъ навсегда остановленъ. Тутъ же былъ просто кассовый оборотъ.

То же самое можно сказать и о „свободныхъ рессур-

сахъ", оставленныхъ Грейгомъ преемнику. Иной по наивности, пожалуй, подумаетъ, что и дѣйствительно вдругъ откуда-то явилось 150 милліоновъ рублей въ металлической валютѣ. Такъ зачѣмъ же, спроситъ онъ, дѣлались займы? На дѣлѣ *свободные* рессурсы вовсе не были свободны, а представляли текущій счетъ по капиталамъ, которыхъ назначеніе давно уже было сдѣлано или предвидѣно. Платежъ по займамъ, по заграничнымъ расходамъ по процентамъ желѣзнодорожныхъ облигацій и проч. очень скоро исчерпалъ эти рессурсы. Офиціозная газета считала, напримѣръ, что отъ консолидированнаго займа оставалось *свободныхъ* 60 милл., между тѣмъ если сложить обязательства желѣзнодорожнаго фонда, то выходило, что фондъ, сверхъ займа, долженъ былъ еще 60 милл. руб.

Если считать всѣ казенныя суммы въ кассахъ и казначействахъ свободными рессурсами, то въ такомъ случаѣ Грейгъ оставилъ, вѣроятно, и въ кредитныхъ билетахъ *свободный*, по мнѣнію „Journal de St.-Pétersbourg", а по нашему просто *наличный* рессурсъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей. Само собой разумѣется, что и при дефицитѣ въ кассахъ такого обширнаго государства, какъ Россія, всегда имѣются громадныя суммы, но онѣ вовсе не свободныя, ибо назначеніе ихъ очень и очень хорошо напередъ извѣстно.

Въ заключеніе, мы повторимъ, что, не раздѣляя апологическихъ воззрѣній на его финансовое управленіе, мы вовсе не находимъ нужды охуждать всѣ дѣйствія Грейга. Каждый государственный человѣкъ имѣетъ и свои хорошія, и свои дурныя стороны. Мы согласны, что положеніе министра финансовъ было тогда чрезвычайно затруднительно, но потому-то слѣдовало или проявить чрезвычайныя искусство и энергію, или уступить мѣсто другому.

Положеніе Франціи въ 1871 г. было несравненно хуже нашего: война стоила около 10 милліардовъ, выпускъ не-

размѣнныхъ банковыхъ билетовъ дошелъ до 3 милліардовъ 200 милліоновъ франковъ. Коммуна напугала имущественные классы, правительство раздиралось партіями. Однако, все окончилось благополучно, Франція заплатила свои обязательства, вексельный курсъ не упалъ, золотое обращеніе возстановилось и довѣріе капиталистовъ возвратилось. Франція обязана этимъ болѣе всего Національному собранію и Тьеру, который въ дѣйствительности и управлялъ финансами до 1873 года.

Собраніе не останавливалось ни передъ какими тяжелыми жертвами для двухъ цѣлей: уничтоженія дефицита въ бюджетѣ и погашенія долга казначейства Французскому банку. Результатъ оправдалъ ожиданія; бюджетъ безъ дефицита и прочная валюта позволили уже очень скоро отмѣнить многіе налоги, казавшіеся сначала не только обременительными, но даже нелѣпыми.

Что сдѣлалъ Тьеръ, прекрасно объяснилъ Леонъ Сэй въ панегирикѣ, прочитанномъ при открытіи памятника Тьеру въ Сенъ-Жерменѣ. „Тьеръ,—говорилъ Сэй, который былъ однимъ изъ министровъ финансовъ при Тьерѣ,—имѣлъ къ кредиту поистинѣ религіозное благоговѣніе. Для него это былъ палладіумъ, котораго онъ зналъ выгоду и опасность. Онъ былъ убѣжденъ, что государство, которое теряетъ свой кредитъ, падаетъ такъ же низко, какъ человѣкъ, утратившій доброе имя; послѣдній никогда уже не будетъ въ силахъ справиться съ житейскими затрудненіями. Тьеръ зналъ опасливую и деликатную натуру государственнаго кредита. Зналъ, что одна ошибка, одна неосторожность губитъ кредитъ, и дѣло минуты не исправляется потомъ мѣсяцами и годами. Онъ всегда говорилъ, что это все равно какъ здоровье, которымъ наслаждаются, не замѣчая его, или какъ атмосфера для государственнаго тѣла, безъ которой жизнь невозможна. Въ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ онъ тщательно взвѣшивалъ каждое дѣйствіе, каждый шагъ, *каждое слово,* изъ опасе-

нія, что они тѣмъ или другимъ образомъ могутъ повліять на кредитъ государства..."

Вотъ политика дѣйствительно замѣчательнаго финансиста! Зато и монументъ ему воздвигли не на страницахъ офиціозныхъ органовъ.

А. А. Абаза.

Назначеніе Александра Аггѣевича Абазы министромъ финансовъ было привѣтствовано во всѣхъ слояхъ общества выраженіемъ полной увѣренности въ поправленіи русскихъ финансовъ. Дѣйствительно, выборъ этотъ нельзя было, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не признать весьма удачнымъ и соотвѣтствовавшимъ потребности. Къ нему уже никакъ не могло быть приложено извѣстное изрѣченіе Бомарше: „Il fallait un calculateur, ce fut un danseur qui l'obtint", которымъ встрѣчали назначеніе столькихъ министровъ финансовъ въ Европѣ.

Г. Абаза обладалъ огромною опытностью по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ въ Россіи и былъ совершенно чуждъ чиновничьей рутинѣ, составляющей главный тормазъ нашей администраціи. Карьеру свою этотъ государственный человѣкъ сдѣлалъ въ такихъ условіяхъ, что не могъ усвоить себѣ узкости взглядовъ петербургскаго бюрократическаго міра.

Сынъ извѣстнаго въ свое время откупщика, персидскаго кажется происхожденія, по окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ, г. Абаза началъ службу въ 1839 году въ гвардейскихъ гусарахъ, причемъ принималъ участіе въ Кавказской войнѣ и даже получилъ, въ 1844 году, за храбрость орденъ Владиміра 4-й степени съ мечами.

Понятно, что военная служба, особенно въ прежнее время, не могла увлечь окончательно человѣка съ такими

обширными способностями и г. Абаза скоро промѣнялъ ее на гражданскую. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, въ званіи камергера, онъ состоялъ при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, благотворное вліяніе которой не только на русское искусство, но и на многія политическія дѣла, особенно въ эпоху освобожденія крестьянъ, уже было нами указано.

Въ это же время г. Абаза занялся ближайшимъ образомъ желѣзнодорожными дѣлами. Въ 1857 году онъ вошелъ въ составъ перваго совѣта управленія Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. При его содѣйствіи баронъ Унгернъ-Штернбергъ могъ, наконецъ, начать постройку желѣзныхъ дорогъ въ южной Россіи. Вмѣстѣ съ барономъ, А. А. предпринялъ, въ 60-хъ годахъ, сооруженіе Харьково-Кременчугской дороги; предсѣдателемъ правленія послѣдней г. Абаза состоялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ принималъ также энергическое участіе въ дѣлѣ отчужденія Николаевской желѣзной дороги въ частныя руки, а именно отстаивалъ передачу дороги Главному Обществу, нуждавшемуся въ соединеніи своихъ варшавской и нижегородской линій, и способствовалъ реализаціи извѣстнаго займа 1867 года подъ залогъ Николаевской желѣзной дороги.

Въ это время г. Абаза считался уже авторитетомъ въ экономическихъ вопросахъ и его вліянію, безъ всякаго сомнѣнія, Россія обязана въ значительной степени тѣмъ, что пересмотръ таможеннаго тарифа, вопреки ожиданіямъ теоретиковъ, совершился въ 1868 году въ смыслѣ благопріятномъ для охраненія интересовъ національной промышленности. Удержаніе таможеннаго тарифа въ размѣрахъ, необходимыхъ для поддержки и покровительства русской промышленности, было всегда одною изъ важнѣйшихъ задачъ государственной дѣятельности г. Абазы. Владѣя крупнымъ свеклосахарнымъ заводомъ въ Кіевской губерніи, онъ практически ознакомился съ промышленными потребностями Россіи и давно сталъ во главѣ государственныхъ людей, отстаивавшихъ покровительственную систему тарифа.

Авторитетъ въ экономическихъ вопросахъ указалъ на г. Абазу, какъ на преемника Татаринову въ званіи государственнаго контролера въ 1872 году—наслѣдіе не легкое, потому что Татариновъ поднялъ эту, какъ мы говорили, незначительную до того должность на степень одного изъ вліятельнѣйшихъ органовъ нашего государственнаго управленія. Со смертью Татаринова ждали, что значеніе Контроля снова упадетъ, но г. Абаза поддержалъ его. Впрочемъ, онъ недолго оставался государственнымъ контролеромъ и въ 1874 году, вслѣдствіе крайне разстроеннаго здоровья Чевкина, былъ сдѣланъ предсѣдателемъ департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ.

Здѣсь также наслѣдіе было не легкое, потому что Чевкинъ, кромѣ репутаціи высокой честности, оставилъ еще о себѣ память человѣка совершенно независимаго и чрезвычайно трудолюбиваго, даже до мелочности. Въ 1876 году, не сочувствуя Восточной войнѣ, г. Рейтернъ (о чемъ уже было упомянуто) отказывался отъ своего портфеля. Послѣдній былъ, говорятъ, предложенъ тогда г. Абазѣ, но онъ отклонилъ отъ себя честь руководить финансами въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, помогая, однако, министерству выйти изъ затрудненій. Золотыя таможенныя пошлины, болѣе всего содѣйствовавшія тому, что вексельный курсъ нашъ не упалъ во время войны ниже полтинника, были приняты по его совѣту. Онъ не допустилъ также слишкомъ поспѣшными мѣрами подорвать нашу свеклосахарную промышленность, сдѣлавшуюся, вопреки предсказаніямъ такъ называемыхъ „экономистовъ“, однимъ изъ важныхъ основаній народнаго богатства въ Россіи. При Грейгѣ г. Абаза принялъ горячее участіе въ вопросѣ о повышеніи таможенныхъ пошлинъ на привозные каменный уголь и чугунъ. Наконецъ, и съ земскими финансами онъ имѣлъ случай познакомиться, предсѣдательствуя по Высочайшему повелѣнію въ Петербургскомъ земскомъ собраніи послѣ извѣстной исторіи 1867 года.

Назначенный, кромѣ предсѣдателя департамента госу-

дарственной экономіи, еще членомъ Комитета Министровъ и Главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія, г. Абаза во всѣхъ этихъ высшихъ государственныхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ игралъ выдающуюся роль. Обладая замѣчательнымъ даромъ слова, способностью говорить не только краснорѣчиво, но и дѣльно, г. Абаза естественно сдѣлался однимъ изъ любимыхъ ораторовъ въ вышеозначенныхъ собраніяхъ. Въ эпоху реакціи, предшествовавшей учрежденію Верховной распорядительной комиссіи, г. Абаза, связанный между прочимъ близкими родственными связями съ Милютиными (онъ былъ женатъ на ихъ сестрѣ), былъ изъ немногихъ возвышавшихъ постоянно свой голосъ за реформы прошедшаго царствованія, и голосъ его не пропадалъ безслѣдно.

Само собою разумѣется, такой человѣкъ могъ только съ сочувствіемъ отнестись къ дѣятельности графа Лорисъ-Меликова по возстановленію довѣрія въ обществѣ къ видамъ правительства. Съ своей стороны, графъ Лорисъ-Меликовъ въ государственномъ человѣкѣ, настолько опытномъ и чуждомъ предразсудковъ, конечно, думалъ найти товарища, который скорѣе всего съумѣлъ бы поддержать начатое имъ новое направленіе нашей внутренней политики.

По мнѣнію Лорисъ-Меликова, единство кабинета, въ смыслѣ совокупныхъ стремленій всѣхъ нашихъ министерствъ къ одной цѣли, составляло одну изъ самыхъ важныхъ государственныхъ потребностей Россіи. Само собою разумѣется, что такое крупное министерство, какъ Министерство Финансовъ, не должно было идти въ своей политикѣ врозь съ общимъ направленіемъ, поэтому-то и представлялся весьма существеннымъ вопросъ, въ чьихъ рукахъ оно будетъ находиться.

Съ такой точки зрѣнія, не говоря уже о спеціальныхъ мѣрахъ, которыя новый министръ могъ предложить для упроченія нашего потрясеннаго финансоваго положенія и облегченія податной тяжести, одно назначеніе А. А. въ составъ министерства, какъ лица вполнѣ сочувствовавшаго

„новымъ вѣяніямъ“ и готоваго идти рука объ руку съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ, было сочтено общественнымъ мнѣніемъ чрезвычайно важнымъ и одна изъ газетъ писала: „пришло, наконецъ, время сказать съ апостоломъ Павломъ: „Прошли старые порядки; теперь все стало по новому“...

Первое вступленіе въ министерство г. Абазы ознаменовалось дѣломъ, которому поочередно противодѣйствовали всѣ наши министры финансовъ. Соляной налогъ, по мысли графа Лорисъ-Меликова, былъ отмѣненъ*). Новый министръ финансовъ немедленно изыскалъ средства, менѣе отяготительныя для народнаго кармана, для покрытія образовавшагося дефицита. Средства эти были найдены въ прибавкѣ къ гильдейскимъ повинностямъ и въ повышеніи на 10% таможеннаго тарифа, которое послужило къ новому огражденію нашей внутренней промышленности отъ иностранной конкурренціи. Сравнительно съ солянымъ налогомъ эти прибавки, падавшія на зажиточные классы, нельзя было считать обременительными, а онѣ дали казнѣ милліона на два рублей дохода болѣе противъ цифры, выручавшейся отъ соляного налога.

---

*) При отмѣнѣ соляного налога произошло маленькое событіе, отнявшее эфектъ отъ этой мѣры, на который сильно разсчитывалъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Отмѣна была сдѣлана Именнымъ указомъ, составлявшимся въ большомъ секретѣ и поспѣшно. Для лучшаго секрета правила объ отмѣнѣ написалъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, директоръ департамента неокладныхъ сборовъ баронъ Розенъ, а онъ, повидимому, не зналъ, что, благодаря системѣ залоговъ, потребители уплачивали немедленно налогъ съ соли, а правительство получало его годомъ позже, дѣлая соледобывателямъ какъ бы годовой кредитъ. По новымъ правиламъ залоги были возвращены безъ оплаты, отчего вышло, что правительство подарило соледобывателямъ за годъ акцизъ, который публика уже внесла. Для нѣкоторыхъ этотъ подарокъ составилъ болѣе милліона рублей. Ошибка была замѣчена немедленно, но сочтено было неудобнымъ измѣнять текстъ только что распубликованнаго закона. Въ Евпаторіи караимы-солепромышленники долго не рѣшались брать свои залоги изъ казначейства, не довѣряя возможности такого неожиданнаго для нихъ благополучія. Печать, конечно, воспользовалась прискорбной ошибкой для дискредитированія власти.

Послѣ покрытія убытка отъ сложенія соляного налога г. Абазѣ предстояло изысканіе средствъ для покрытія дефицита въ государственной росписи на 1881 годъ. „Нельзя отрицать, говоритъ г. Бліохъ, что А. А. Абаза принялъ постъ министра финансовъ въ такой моментъ, когда требовались всѣ его дарованія и весь запасъ его знаній и энергіи, для отвращенія весьма серьезныхъ затрудненій". Изъ всѣхъ министровъ финансовъ онъ первый имѣлъ достаточно храбрости составить бюджетъ, не скрывая огромнаго дефицита, не желая вносить обманчивыхъ среднихъ цифръ поступленія косвенныхъ налоговъ, а принимая въ разсчетъ весьма вѣроятное сокращеніе доходовъ и увеличеніе экстраординарныхъ расходовъ на пособія и ссуды, значительные дополнительные расходы по интендантскому довольствію арміи, по гарантіямъ желѣзнымъ дорогамъ и пр.

Г. Абаза не думалъ также покрывать дефицита введеніемъ, какъ въ 1878 году, скороспѣлыхъ и недостаточно строго обдуманныхъ налоговъ. У насъ нѣтъ солиднаго источника доходовъ, какъ напримѣръ въ Англіи, гдѣ прибавкою къ income-tax пенса на фунтъ дохода выручаютъ огромные временные рессурсы для покрытія дефицита; поэтому г. Абаза полагалъ, что дефицитъ, зависящій отъ мѣръ преходящихъ и временныхъ, нѣтъ нужды покрывать новыми налогами, установленіе которыхъ сопряжено съ разными неудобствами, и не должно производиться въ видѣ временныхъ опытовъ. Положеніе Министерства Финансовъ тѣмъ болѣе было деликатно, что всѣ серьезные источники новыхъ доходовъ, всю свою изобрѣтательность по части налоговъ оно полагало приберечь для большой податной реформы, т. е. для замѣны подушныхъ податей, а эта реформа само собою не изъ тѣхъ, что приготовляются наскоро къ концу года для заключенія росписи.

По части налоговъ г. Абаза принялъ безотлагательно только такого рода измѣненія, противъ которыхъ не могло быть сдѣлано никакихъ замѣчаній. Такъ, убѣдившись по личному опыту сахарозаводчика, насколько не достигали

цѣли всѣ системы налога съ свекло-сахарнаго песку, основанныя на нормахъ, г. Абаза замѣнилъ систему взиманія французскою системою дѣйствительнаго обложенія окончательнаго продукта, отчего сахарный доходъ безъ номинальнаго возвышенія размѣра акциза могъ удвоиться. За измѣненіемъ акциза на сахаръ послѣдовалъ проектъ возстановленія подати съ шлиховаго золота, отмѣна которой въ 1876 году, въ моментъ, когда быстрое паденіе курса бумажнаго рубля подарило золотопромышленникамъ 25 процентовъ лишняго валового дохода, была большою ошибкою. Потрясенное въ корень льнопрядильное производство было спасено пошлиною на джутовыя издѣлія.

Конечно заключеніе росписи съ дефицитомъ, должно было произвести неблагопріятное впечатлѣніе на публику, особенно на заграничную, но г. Абаза полагалъ, что это впечатлѣніе будетъ минутное и не только не должно пугать кого либо, но, наоборотъ, радовать, какъ признакъ болѣе добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Что пользы сбалансировать роспись на бумагѣ, чтобы затѣмъ исполнить ее съ дефицитомъ въ сто, полтораста милліоновъ рублей? Призрачное уничтоженіе дефицита на бумагѣ, практиковавшееся у насъ, имѣло достаточно вредныя послѣдствія.

Всѣмъ извѣстно, какъ различныя наши министерства— въ чемъ, впрочемъ, они похожи на всѣ администраціи въ мірѣ—падки на увеличеніе своихъ смѣтъ. Каждый расходъ, разъ только онъ имѣетъ благовидный предлогъ, кажется безотлагательнымъ. Желанія у всѣхъ прекрасныя, намѣренія благія, отъ исполненія которыхъ надобно ждать развѣ хорошаго, но если сложить итогъ расходовъ, потребныхъ на удовлетвореніе подобныхъ благихъ желаній, то выйдетъ, что многія изъ нихъ рѣшительно невозможны, какъ невозможно въ частной жизни каждому имѣть отличную квартиру, хорошій столъ и цѣльное вино, хотя медицина давно доказала, что нѣтъ ничего вреднѣе для здоровья сырого помѣщенія и дурной пищи.

Что же мы видѣли? Каждое вѣдомство, видя росписи

заключаемыя безъ дефицита, не обращало вниманія на правдивые отчеты Государственнаго контроля и не стѣснялось предъявлять къ государственному казначейству самыя невозможныя требованія. Конечно, большинство этихъ требованій оставалось и прежде безъ отвѣта, но и тѣхъ, которымъ министръ финансовъ вынуждался подчиняться — отчасти изъ желанія показать, что финансовое положеніе лучше чѣмъ оно есть въ дѣйствительности — достаточно было, чтобъ разстроить въ конецъ какое угодно государственное хозяйство.

Г. Абаза не пожелалъ держаться прежней системы. Откровенность поставилъ онъ на первый планъ. Наше финансовое положеніе, по его мнѣнію, не было отчаянное, но и не таково, чтобы не задумываться передъ затратами. Министръ финансовъ долженъ прямо указывать на недостатокъ денегъ. Если же послѣднихъ не хватаетъ даже на текущія издержки, то понятно, что совѣсть и здравый смыслъ каждаго заставляли ограничивать претензіи на такіе расходы, которые, при всей ихъ полезности могли быть отложены. Къ такой системѣ можно отнестись только съ уваженіемъ. Общество и ожидало ее отъ г. Абазы, возлагая надежды, что онъ энергически сократитъ расходы на военную часть, какъ при его дарѣ убѣждать, такъ и по дружественнымъ связямъ съ графомъ Д. А. Милютинымъ.

Послѣ ограниченія неумѣренныхъ требованій разныхъ министерствъ самая трудная задача для г. Абазы заключалась въ урегулированіи бумажно-денежнаго обращенія. Вся дѣятельность министра привелась бы къ нулю, еслибы сохранился невозможный ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ способъ въ мирное время обращаться при малѣйшей нуждѣ въ деньгахъ къ типографскому запасу кредитныхъ билетовъ.

Дарованіе бумажнымъ кредитнымъ знакамъ обязательнаго курса или, по старому, выпускъ ассигнацій, мѣра въ нѣкоторыхъ критическихъ случаяхъ безусловно необходимая. Не говоря уже о томъ, что къ ней на время войны

прибѣгали Австрія, Италія, Соединенные Штаты, даже такія богатыя государства, какъ Англія и Франція, не могли обойтись безъ обязательнаго курса. Но то, что составляетъ прекрасное средство въ моментъ опасности, не годится въ нормальное время, все равно какъ здоровому человѣку невозможно питаться лекарствами, сколько бы они спасительны ни были.

До послѣдней войны количество кредитныхъ билетовъ у насъ колебалось около 800 милліоновъ рублей и, не смотря на развитіе торговли, цифра эта превосходила дѣйствительную потребность, и курсъ кредитныхъ билетовъ стоялъ ниже курса золота на 12—15 проц. Война прибавила 468 милліоновъ рублей новыхъ кредитныхъ билетовъ и курсъ сталъ ниже курса золота уже на 37—40 проц. Такое внушительное пониженіе, равносильное вздорожанію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ всѣхъ предметовъ, показывало, что невозможно относиться слегка къ такому чувствительному предмету, какъ денежное обращеніе.

Намъ нечего было думать о возстановленіи паритета кредитнаго рубля; даже доведеніе цѣны рубля до средней нормы 1876 года, до 30 пенсовъ, было невозможно безъ огромныхъ прямыхъ и косвенныхъ пожертвованій со стороны государства. Слѣдовало, однако, въ особенности въ виду угрожающаго застоя въ вывозѣ заграницу, принять мѣры противъ дальнѣйшаго пониженія кредитнаго рубля. Для этого, по мнѣнію г. Абазы, не было другого способа, кромѣ торжественнаго заявленія, какъ въ 1810 году, что въ мирное время никакихъ дальнѣйшихъ выпусковъ ассигнацій ни подъ какимъ, хотя бы самымъ благовиднымъ и гуманнымъ, предлогомъ, не послѣдуетъ, и что по мѣрѣ возможности излишне выпущенные билеты будутъ извлекаться. Строго говоря, правительство не должно бы даже размѣнивать крупныя бумажки на мелкія, такъ какъ и это есть косвенное расширеніе сферы дѣятельности кредитнаго рубля, а лишь обмѣнивать ветхія бумажки на новыя того же достоинства.

Результатомъ сознанія г. Абазы необходимости урегулировать наше денежное обращеніе явился указъ 1 января 1881 г. о прекращеніи выпуска кредитныхъ билетовъ и о постепенномъ погашеніи 417 милліоновъ руб., остававшихся изъ выпущенныхъ Государственнымъ Банкомъ для расходовъ Государственнаго Казначейства во время Восточной войны. Этотъ указъ останется навсегда лучшимъ памятникомъ управленія нашими финансами г. Абазою. Указъ былъ какъ бы зарокомъ казначейства передъ самимъ собою—ограничить свою расточительность, отказавшись отъ легкаго средства ея удовлетворенія.

Г. Абаза отклонилъ всякую мысль о девальваціи и искусственномъ поднятіи курса рубля. Предполагалось уплачивать Государственному банку въ теченіе восьми лѣтъ—ежегодно по 50 милліоновъ р. съ тѣмъ, чтобы Банкъ скоплялъ на эти средства излишніе билеты, а уничтожалъ ихъ въ моментъ, когда въ орудіяхъ обращенія не будетъ замѣтно усиленной потребности. Подобная операція, безъ малѣйшихъ потрясеній, безъ рѣзкаго измѣненія въ цѣнахъ, безъ денежнаго кризиса довела бы нашъ курсъ до того положенія, въ которомъ онъ былъ до Восточной войны и которое можно признать сноснымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что улучшеніе бумажно-денежной системы было немыслимо безъ реформы Государственнаго банка, спутавшаго свои отношенія съ Министерствомъ Финансовъ съ одной стороны и съ биржевой спекуляціей—съ другой; но на первый разъ г. Абаза полагалъ достаточнымъ раздѣлить связь государственнаго казначейства съ Государственнымъ банкомъ. Банкъ, имѣя ежегодно по 50 милл. руб., получалъ большую самостоятельность. Государственное казначейство, погасивъ свои долги Банку, могло бы затѣмъ пользоваться, какъ каждый кліентъ Банка, кредитомъ въ размѣрѣ лишь своего текущаго счета, или подъ извѣстныя реальныя обезпеченія.

Исчисленныя выше мѣры, очевидно, были внушены благоразумною осторожностью и несомнѣнно принесли бы

пользу, если не сейчасъ, то по прошествіи нѣкотораго времени. Нетерпѣніе здѣсь было и не у мѣста. Финансовое разстройство очень похоже на разстройство человѣческаго тѣла въ томъ смыслѣ, что оно не бываетъ безъ соотвѣтствующаго разстройства и въ общемъ государственномъ организмѣ и экономіи послѣдняго. Какъ болѣзнь приходитъ быстро, а излечивается медленно, и нѣтъ докторовъ, которые выгоняютъ болѣзни, такъ и въ финансовомъ разстройствѣ леченіе должно идти медленно. Важно одно только, чтобы разъ обдуманныя мѣры проводились бы твердо и безъ малѣйшихъ колебаній.

Къ сожалѣнію, проектъ г. Абазы исполненъ не былъ. Онъ вызвалъ немедленно самые рѣзкіе нападки со стороны „Московскихъ Вѣдомостей", а также въ кружкахъ, заинтересованныхъ въ низкомъ курсѣ и избыткѣ бумажныхъ денегъ. Надобно имѣть въ виду, что нѣтъ вопроса, о которомъ съ такимъ жаромъ препирались бы у насъ, какъ о денежномъ обращеніи, хотя вопросъ этотъ, не смотря на свой интересъ, касающійся, можно сказать, всѣхъ и каждаго, для своего обсужденія требуетъ спеціальныхъ познаній и подготовки, большинству недоступныхъ.

Къ тому же наше общество исторически доведено до весьма шаткихъ и неправильныхъ воззрѣній на деньги и денежное обращеніе, ибо безъ преувеличенія можно сказать, что, за немногими исключеніями, Россія никогда не знала денежныхъ знаковъ въ ихъ настоящемъ значеніи.

Въ древности обращались у насъ куньи морды, уши и хвостики; затѣмъ правительство, по обычному во всей Европѣ порядку, извлекало доходъ изъ выпуска низкопробной монеты. Понижая постепенно пробу, дошли до того, что при Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣланъ выпускъ монеты и вовсе безъ пробы. Мы говоримъ о сдѣланномъ въ 1661 г. опытѣ чеканки мѣдной монеты, которой дали обязательный курсъ наравнѣ съ серебряной.

До 1768 года, т. е. до введенія ассигнацій, выпускъ мѣдной монеты съ обязательнымъ курсомъ составлялъ са-

мую обыкновенную финансовую операцію нашего правительства. Въ особенности знаменита исторія пятикопѣечниковъ въ 1723—45 годахъ. Мѣдная валюта существовала у насъ до 1810 года. Хотя въ этомъ году была сдѣлана попытка установить прочную денежную единицу, но уже черезъ два года денежной единицей сдѣланъ рубль ассигнаціонный, т. е. величина совершенно фантастическая. Въ 1839 году представился опять случай возстановить наше денежное обращеніе на правильныхъ началахъ, но графъ Канкринъ, какъ сказано, не былъ чуждъ нѣкоторыхъ предразсудковъ въ этомъ дѣлѣ. Созданные имъ въ 1843 году кредитные билеты ясно это показываютъ. Вся цѣль тогдашней финансовой реформы состояла въ упроченіи однообразной денежной системы съ одною валютою, между тѣмъ присвоенный новымъ бумажнымъ деньгамъ обязательный курсъ находился въ прямомъ противорѣчіи съ размѣнностью; такимъ образомъ вводилась другая валюта. Въ этомъ смыслѣ кредитные билеты были построены еще на болѣе неправильныхъ началахъ, нежели прежнія ассигнаціи, которымъ только въ послѣднюю минуту ихъ существованія, какъ переходная мѣра, былъ присвоенъ опредѣленный обязательный курсъ. Только возможность размѣна скрывала недостатки кредитныхъ билетовъ.

Но съ 5 апрѣля 1857 года, вслѣдствіе прекращенія размѣна, кредитные билеты наши снова превратились de facto въ ассигнаціи. Порядокъ этотъ продолжается и до сихъ поръ. Понятное дѣло, что въ такой исторической школѣ, переходя постепенно отъ кожаныхъ къ мѣднымъ и отъ мѣдныхъ къ бумажнымъ деньгамъ, народъ нашъ не могъ воспитаться въ твердыхъ и ясныхъ понятіяхъ о денежной единицѣ.

Этотъ взглядъ публики есть одна изъ причинъ, почему финансовыя операціи, задуманныя, повидимому, логично и согласно во всемъ съ теоріей, могутъ потерпѣть у насъ полнѣйшее фіаско.

Различіе взглядовъ проявилось особенно рѣзко въ во-

просѣ, поднятомъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ: много или мало у насъ кредитныхъ билетовъ. Теоретики указывали, что долженъ быть излишекъ, на томъ справедливомъ основаніи, что въ Крымскую войну въ два года было создано на 450,000,000 руб., а въ Восточную войну въ одинъ годъ 468,000,000 руб. новыхъ денежныхъ знаковъ, потребность въ которыхъ вызывалась не промышленностью и торговлею, а политическою необходимостью. При этомъ указывали на исчезновеніе звонкой монеты изъ обращенія, какъ на вѣрный признакъ избытка и, слѣдовательно, обезцѣненія кредитныхъ рублей. Практики находили подобное объясненіе неправильнымъ и смѣялись даже надъ выраженіемъ, „что въ Россіи безденежье, хотя денегъ избытокъ". Между тѣмъ эта фраза какъ нельзя болѣе можетъ быть справедлива, потому что денежныхъ знаковъ можетъ быть въ странѣ мало или много, это особый вопросъ, а „безденежьемъ" называется обыкновенно то состояніе, когда число свободныхъ капиталовъ мало, сравнительно съ запросомъ на нихъ, и потому проценты, платимые капиталу, повышаются. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ капиталовъ, практики предлагали выпустить новое значительное количество бумажныхъ денегъ. Но подобное требованіе, очевидно, нелѣпо, потому что одно количество денежныхъ знаковъ ничего не значитъ независимо отъ другихъ обстоятельствъ; во Франціи очень часто Банкъ ломится отъ избытка золота и вкладовъ, между тѣмъ дѣла въ полномъ застоѣ и учетъ повышается.

Этому желанію теоретики противопоставляли другія требованія. Признавая одинъ только фактъ, что въ Крымскую и Восточную войны былъ сдѣланъ неумѣренный выпускъ билетовъ, они не хотѣли знать другихъ причинъ, почему въ десятки лѣтъ самой усиленной экономической дѣятельности Россіи избытокъ этотъ не могъ размѣститься. Подобный односторонній взглядъ повлекъ за собою различные остроумные проекты сокращенія у насъ денежнаго обращенія, съ которымъ проектъ г. Абазы мало имѣлъ общаго.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что указъ 1881 г. и въ теоретическихъ кружкахъ заслужилъ порицанія; такъ, В. А. Лебедевъ (**Н. Бржескій**, Государственные долги Россіи) между прочимъ говоритъ:

Еслибы Государственный Банкъ чѣмъ либо рисковалъ и отвѣчалъ при выпускѣ кредитныхъ билетовъ, то могло бы существовать и понятіе о займѣ у него казною. При настоящемъ же положеніи дѣла долгъ государственнаго казначейства Государственному Банку есть фикція: Государственное Казначейство *ничего* не должно Государственному Банку за выпущенные послѣднимъ для него кредитные билеты, и на ежегодную 50-милліонную уплату Банку Государственнымъ Казначействомъ слѣдуетъ смотрѣть только, какъ на своеобразный способъ уменьшенія бумажно-денежнаго долга, а на Банкъ, какъ на посредника въ ихъ сожиганіи. Но уничтоженіе кредитныхъ билетовъ, если оно дѣйствительно нужно (въ чемъ позволительно сомнѣваться), можно правильнымъ образомъ дѣлать только изъ превышеній государственныхъ доходовъ надъ расходами; уплачивать же Банку фиктивный долгъ, отнимая у себя изъ необходимаго или даже входя для этого въ новые, уже не фиктивные долги, едва ли есть настоятельная надобность.

Выше были объяснены мотивы, руководившіе г. Абазою, и еслибы онъ не далъ Банку средствъ, то ужъ въ первую же нижегородскую ярмарку и осень (когда идутъ покупки хлѣба) понадобился бы выпускъ кредитныхъ билетовъ для усиленія оборотныхъ средствъ Банка *). И во Франціи въ 1871 г. sine qua non для отмѣны обязательнаго курса его билетовъ была поставлена уплата въ краткій срокъ $1^1/_2$ милліардовъ франковъ, данныхъ правительству въ долгъ дополнительнымъ выпускомъ банковыхъ билетовъ.

Надобно замѣтить, что время кратковременнаго управленія г. Абазы нашими финансами совпало съ весьма тяжелымъ для Россіи періодомъ. Почти повсемѣстный неурожай 1880 года отозвался во многихъ мѣстахъ Россіи недостаткомъ продовольствія, даже голодомъ. Правительство

*) Онъ все-таки понадобился, семь лѣтъ спустя, но не по винѣ закона 1881 г., а задолженія скопленныхъ въ кассѣ Банка кредитныхъ билетовъ на потребности Дворянскаго банка.

вынуждено было принять чрезвычайныя мѣры и сверхъ почти всего продовольственнаго капитала, израсходованнаго для пособія нуждающимся, отпустить огромныя суммы изъ Государственнаго Казначейства. Графъ Лорисъ-Меликовъ не считалъ нужнымъ, какъ бывало прежде, скрывать бѣдствія. Соотвѣтственно съ недостаткомъ хлѣбныхъ запасовъ сократилась внѣшняя торговля Россіи, отчего упалъ сборъ таможенныхъ пошлинъ, и уменьшилась перевозка грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, что вызвало въ свою очередь усиленные расходы правительства для поддержанія желѣзныхъ дорогъ. Еврейскіе и нигилистическіе безпорядки также не остались безъ вліянія на экономическое состояніе значительной части Россіи. Привозъ въ 1880 году превысилъ слишкомъ на 125 милл. руб. отпускъ товаровъ изъ Россіи. Такой невыгодный торговый балансъ отозвался на отливѣ заграницу драгоцѣнныхъ металловъ, а вышеозначенный отливъ, угнетая вексельные курсы, не давалъ возможности обозначиться съ достаточною ясностью благодѣтельнымъ послѣдствіямъ Высочайшаго указа 1-го января.

Между тѣмъ желѣзнодорожный вопросъ стоялъ на первомъ планѣ и отъ его болѣе или менѣе удачнаго разрѣшенія зависѣлъ во многомъ дальнѣйшій прогрессъ нашъ по экономической части. Въ послѣдніе годы до назначенія г. Абазы новыя желѣзныя дороги въ Россіи почти совсѣмъ не строились. Съ одной стороны — повальное воровство концессіонеровъ и ихъ агентовъ возбудило справедливыя опасенія, какъ бы зараза не охватила всѣ слои общества, соприкасающіеся съ желѣзными дорогами, съ другой—финансовое управленіе боялось, какъ бы привлеченіе капиталовъ къ большимъ государственнымъ сооруженіямъ не повредило его кредитнымъ операціямъ, связаннымъ съ ликвидаціей военныхъ издержекъ. Хотя оба эти опасенія не лишены были основанія, но улучшеніе путей сообщеній составляло для Россіи такой существенный интересъ, что передъ нимъ отходили на второй планъ другія соображенія.

Поэтому, не смотря на крайній недостатокъ средствъ,

г. Абазѣ пришлось вновь приступить къ дополненію нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ. Въ маѣ 1880 г. былъ заключенъ, правда, шестой консолидированный заемъ въ сто милліоновъ рублей, но средства, полученныя отъ этого займа, оказались недостаточными даже для покрытія тѣхъ затратъ, которыя были уже сдѣланы въ три года изъ желѣзнодорожнаго фонда для окончанія различныхъ линій и для усиленія ихъ провозной способности по случаю военнаго времени. Въ виду подобной скудости средствъ вновь разрѣшены были лишь такія линіи, которыя давно уже настоятельно требовались общественнымъ мнѣніемъ и притомъ были разрѣшены къ постройкѣ казною. По мысли г. Абазы поступила въ казну, помощью обмѣна акцій, принадлежавшихъ казнѣ, Харьково-Николаевская желѣзная дорога, что положило начало сосредоточенію въ рукахъ правительства обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Г. Абаза принималъ участіе во всѣхъ важныхъ мѣропріятіяхъ графа М. Т. Лорисъ-Меликова, будучи его ближайшимъ совѣтникомъ; поэтому, когда графъ подалъ въ отставку, г. Абаза, который смотрѣлъ на министерскій постъ, какъ на тяжелую обязанность, а не на удовлетвореніе честолюбію, не перемѣнялъ никого изъ служащихъ и не въѣзжалъ даже въ министерскую квартиру, подалъ немедленно въ отставку, которая была принята 6-го мая 1881 г.

Удаленіе отъ дѣлъ г. Абазы продолжалось только годъ. При серьезныхъ задачахъ департамента государственной экономіи вопросъ о томъ, кто долженъ былъ стать во главѣ его, за смертью графа Э. Т. Баранова, пріобрѣлъ государственное значеніе. На этотъ постъ былъ призванъ г. Абаза и общественное мнѣніе опять признало, что въ данномъ случаѣ трудно было сдѣлать болѣе удачный выборъ.

Съ практическою подготовкою и обширными теоретическими познаніями, мастерски владѣя словомъ, имѣя спокойный характеръ и пользуясь лично расположеніемъ и уваженіемъ среди нашихъ государственныхъ людей самыхъ разнообразныхъ партій, г. Абазѣ легче, чѣмъ кому ни-

будь, руководить совѣщательнымъ учрежденіемъ, служащимъ регуляторомъ различныхъ взглядовъ и требованій нашихъ министерствъ и главныхъ управленій по части экономической и финансовой. Предсѣдатель департамента государственной экономіи состоитъ и членомъ Комитета Министровъ. Такимъ образомъ лицо, занимающее этотъ высокій постъ, принимаетъ дѣятельное участіе и въ разрѣшеніи другихъ болѣе важныхъ административныхъ вопросовъ. Вліяніе г. Абазы на его новомъ постѣ проявилось уже въ томъ обстоятельствѣ, что проектъ общаго Устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, который послѣ смерти графа Баранова собирались уже похоронить всѣ заинтересованные въ сохраненіи желѣзнодорожныхъ злоупотребленій, сталъ закономъ.

Н. Х. Бунге.

Внезапный выходъ г. Абазы изъ Министерства Финансовъ поставилъ правительство въ затруднительное положеніе, министерскій постъ предложенъ былъ, говорятъ, графу Э. Т. Баранову и за отказомъ его управляющимъ Министерствомъ сдѣлался Николай Христіановичъ Бунге, занимавшій должность товарища министра финансовъ.

Г. Бунге, сынъ весьма извѣстнаго въ Кіевѣ врача, провелъ почти всю свою жизнь въ этомъ городѣ, въ кругу родныхъ, въ скромной обстановкѣ профессора провинціальнаго университета. Онъ соединилъ впослѣдствіи съ обязанностями профессора завѣдываніе нѣкоторыми мѣстными банковыми учрежденіями, не принимая, однако, никакого личнаго участія въ какихъ либо операціяхъ и сохраняя репутацію рѣдкаго безкорыстія.

Г. Модестовъ, бывшій въ Кіевѣ профессоромъ одновременно съ г. Бунге, называетъ послѣдняго въ своихъ вос-

поминаніяхъ „человѣкомъ дѣла и испытанной разсудительности“ (Историческій Вѣстникъ, т. XXII) и, описавъ выборъ г. Бунге въ 1871 г. въ ректоры университета, какъ кандидата нѣмецкой партіи (другая партія была—малороссійская), прибавляетъ: „со времени вступленія въ должность новаго ректора, администрація университета дѣйствительно приняла болѣе правильный видъ и даже совѣтская анархія должна была войти въ нѣкоторые предѣлы“. Замѣчательно, однако, что въ 1872 году г. Бунге подалъ голосъ за сохраненіе стараго университетскаго устава и защищалъ его даже будучи министромъ.

Въ 1852 году г. Бунге написалъ „Теорію кредита“, изданную въ Кіевѣ, гдѣ появились и прочія его сочиненія, а именно: въ 1860 г. „Гармонія хозяйственныхъ отношеній, первая политико-экономическая система Кери“, въ 1865 г. „Курсъ статистики“, въ 1870 г. „Начала политической экономіи“, въ 1871 г. брошюра „Товарные склады и варранты“, въ 1873 г. „Полицейское право“, въ томъ же году „Обозрѣніе разныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности“. Кромѣ того, г. Бунге принималъ дѣятельное участіе въ періодическихъ журналахъ. Онъ перевелъ также съ весьма любопытными дополненіями и примѣчаніями извѣстное сочиненіе Вагнера о бумажныхъ деньгахъ въ Россіи.

Общественное мнѣніе давно указывало на г. Бунге, когда онъ еще жилъ въ Кіевѣ, какъ на кандидата на должность управляющаго Государственнымъ Банкомъ, какъ на лицо, которое можетъ положить предѣлъ чисто спекулятивному направленію, принятому этимъ важнымъ учрежденіемъ въ прежнее время. Но г. Бунге,— который несомнѣнно былъ бы и отличнымъ управляющимъ Государственнымъ банкомъ, что онъ доказалъ, управляя Банкомъ въ отсутствіе г. Ламанскаго заграницу,—ожидала болѣе важная карьера. По совѣту графа Лорисъ-Меликова, г. Бунге былъ сдѣланъ товарищемъ министра финансовъ, такъ какъ графъ не хотѣлъ допустить назначеніе кого либо изъ на-

мѣченныхъ Грейгомъ, послѣ смерти А. К. Гирса, кандидатовъ. Прибывъ въ Петербургъ, г. Бунге составилъ планъ поправленія русскихъ финансовъ, который и представилъ въ 1880 году немедленно послѣ назначенія на должность товарища министра. Этотъ планъ пришлось ему осуществить будучи министромъ, часть его исполнена была, впрочемъ, г. Абазою, у котораго г. Бунге остался товарищемъ.

Долговременная кабинетная, хотя и весьма почтенная, дѣятельность опредѣлила характеръ и министерской дѣятельности г. Бунге. Какъ всѣ такого рода мыслители, онъ нерѣдко считалъ, что хорошо обдуманное въ проектѣ въ деталяхъ будетъ непремѣнно хорошо и на практикѣ во всѣхъ частяхъ обширной Россіи, представляющей между тѣмъ міръ экономическихъ и всякихъ другихъ противорѣчій.

Сверхъ того, многое изъ того, что было такъ прекрасно задумано г. Бунге, не привело къ желаемымъ результатамъ и потому, что недостаточно еще въ хозяйственныхъ вопросахъ хорошей идеи, надобно и исполненіе, для чего требуется содѣйствіе множества лицъ, а изъ нихъ ближайшіе сотрудники министра должны быть также выдающимися дѣятелями по своимъ отраслямъ управленія. Собрать же подобный персоналъ особенно трудно у насъ, гдѣ Министерство Финансовъ вѣдаетъ не только казначействомъ, кредитомъ, налогами, таможнями и монетною системою, но и промышленностью, торговлею, мореходствомъ, устройствомъ быта крестьянъ и отчасти техническимъ образованіемъ.

Г. Бунге нельзя, впрочемъ, упрекнуть въ узкомъ доктринерствѣ. Если сравнить его сочиненія, курсы и статьи въ газетахъ, преимущественно въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ 60-хъ годовъ, съ его министерскою дѣятельностью, то окажется разница значительная, а наиболѣе въ вопросѣ о таможенномъ покровительствѣ.

Въ 1878 году г. Бунге составилъ проектъ возстановленія у насъ металлическаго обращенія помощью узаконенія лажа, допущенія всякихъ договоровъ въ металлической валютѣ, консолидаціи 700 милл. руб. кредитныхъ билетовъ

въ 6% металлическіе займы, погашаемые въ 20-лѣтній срокъ, и обращенія Государственнаго Банка въ банкъ акціонерно-монопольный. Проектъ этотъ вызвалъ возраженіе въ печати, но авторъ, будучи министромъ, не рѣшился предложить его исполненіе. Г. Бунге не рѣшился даже осуществить частицы этого проекта,—узаконеніе сдѣлокъ на металлическую валюту, настойчиво проповѣдывавшееся имъ, когда онъ былъ профессоромъ финансоваго права.

Что, сдѣлавшись министромъ, г. Бунге отрѣшился отъ всякой связи съ прежнимъ доктринерскимъ направленіемъ, показываетъ и закрытіе имъ такъ называемой податной комиссіи. Но если г. Бунге не покровительствовалъ безпочвеннымъ теоретикамъ, то еще менѣе были у него въ фаворѣ дѣльцы. Передача земельныхъ кредитныхъ и желѣзнодорожныхъ операцій въ руки казны очень ограничила учредительскія спекуляціи. Биржа поэтому во время управленія г. Бунге весьма косо смотрѣла на Министерство Финансовъ и плакалась объ „отсутствіи дѣлъ", вспоминая блестящія для наживы эпохи 1857—59 и 1866—1871 гг.

Въ печати надъ почтенною личностью г. Бунге попытки глумленія встрѣчались только въ „Гражданинѣ", забывавшемъ, что недостаточно быть авторомъ „Милліона", чтобы здраво судить о милліонахъ, изъ которыхъ складываются русскіе финансы. Другіе органы, и раздѣлявшіе, и не раздѣлявшіе финансовой системы г. Бунге, одинаково относились съ уваженіемъ и къ учености, и къ безкорыстію, и къ замѣчательному трудолюбію г. Бунге. Положительно можно сказать, что по количеству серьезныхъ законодательныхъ работъ дѣятельность Министерства Финансовъ за пять лѣтъ его управленія равнялась дѣятельности всѣхъ остальныхъ министерствъ, взятыхъ вмѣстѣ. Конечно, въ числѣ работъ встрѣчались достойныя критики, преждевременныя или недостаточно обдуманныя, но сомнѣваться въ добрыхъ намѣреніяхъ г. Бунге, въ его желаніи вдохнуть жизнь въ свое обширное и сложное вѣдомство, едва ли было возможно.

Не было никакого сомнѣнія, что изъ всѣхъ злобъ дня, одолѣвавшихъ Россію въ 80-хъ годахъ, самою опасною была финансовая. Какъ ни вредна революціонно-нигилистическая пропаганда, но о ея вліяніи можно было дѣлать только одни гадательныя предположенія, между тѣмъ очень не трудно сообразить, что еслибы нашъ рубль сталъ четвертакомъ, то большинство тѣхъ, которые горделиво катались на рысакахъ, едва сводили бы концы съ концами, масса же, пользовавшаяся какимъ либо достаткомъ, впала бы въ нищенство. А бѣдность при всѣхъ режимахъ есть худшее бѣдствіе для человѣчества. Какъ легко въ Россіи рубли становятся четвертаками, мы уже испытали въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и только короткою памятью объясняется равнодушіе къ подобному событію, какъ равно только невѣжествомъ могутъ объясняться панегирики графу Канкрину за то, что онъ объявилъ въ 1839 году государственное банкротство и владѣльцевъ ассигнацій удовлетворилъ по рублю за три съ полтиной. Теперь, надо надѣяться, никто уже подобныхъ незамысловатыхъ финансовыхъ рѣшеній не предложилъ бы.

Задачу свою по улучшенію финансовъ г. Бунге объяснилъ въ общихъ чертахъ въ объяснительной запискѣ къ росписи на 1884 годъ, гдѣ въ заключеніи было сказано, что Министерство Финансовъ первою своею обязанностью считаетъ: уравновѣшеніе доходовъ съ расходами при соблюденіи благоразумной бережливости; улучшеніе податной системы въ видахъ установленія соразмѣрности налоговъ съ средствами плательщиковъ; покровительство всѣмъ отраслямъ отечественной промышленности, нуждающимся въ защитѣ; развитіе кредита, прочнаго и равно доступнаго для всѣхъ сословій; наконецъ улучшеніе и упроченіе денежной системы безъ ущерба для промышленности и торговли, и безъ стѣсненія денежнаго обращенія. Если теоретически такою программою можно было удовольствоваться, то это не значитъ, что въ ней заключался ключъ къ исправленію русскихъ финансовъ. Это только

нѣчто подобное тѣмъ заповѣдямъ, которыя всѣ знаютъ наизусть, но которыхъ никто, однако, не исполняетъ. Такъ и въ финансовой программѣ важно не столько еще составленіе ея, сколько выполненіе. Къ сожалѣнію, на этотъ счетъ опытъ каждаго дня убѣждалъ, что осуществленіе финансовой программы, даже самой простой, ясной и справедливой, встрѣтитъ въ Россіи чрезвычайныя затрудненія. Всѣ готовы критиковать финансовое положеніе государства, всѣ соглашаются и въ принципѣ на то или другое мѣропріятіе, но каждый старается уклониться подчиниться ему, какъ только дѣло коснется собственныхъ интересовъ.

Бережливость, напримѣръ, рекомендованная для уничтоженія дефицита въ государственной росписи—уничтоженія, составлявшаго sine qua non дальнѣйшей финансовой реформы — замѣчалась ли у насъ, не смотря на постоянную рекомендацію этого средства? Нисколько. Всѣ восхваляли бережливость, но каждое вѣдомство непремѣнно ежегодно просило болѣе денегъ на свои расходы, и какъ ни урѣзывались просьбы, все-таки въ общемъ итогѣ бюджетъ государственныхъ расходовъ оказывался непремѣнно выше предыдущаго года, не считая еще расходовъ сверхсмѣтныхъ. Двадцать лѣтъ назадъ государственные расходы составляли менѣе 300 милл. рубл., теперь они перевалили за 800 милл. рубл.; по этой прогрессіи черезъ новыя двадцать лѣтъ въ Россіи государственный бюджетъ будетъ вдвое большій, чѣмъ въ богатой Англіи. Отсюда вытекаетъ та мораль, что необходимо изыскать болѣе дѣйствительныя средства для обученія нашихъ вѣдомствъ бережливости, чѣмъ какія практиковались доселѣ.

Другой способъ—улучшеніе податной системы путемъ установленія соразмѣрности налоговъ съ податными силами, также великолѣпенъ на бумагѣ, но попробуйте осуществить его на дѣлѣ, напримѣръ, замѣнивъ 100 милл. подушной подати подоходнымъ налогомъ? Наши земства чуть не единогласно высказались за подоходное обложеніе, но въ своей практикѣ постоянно облагали крестьянскія земли

выше помѣщичьихъ и въ общемъ старались свалить податную тяжесть на бѣднѣйшую часть населенія и на казну, т. е. въ концѣ концовъ на тѣхъ же крестьянъ. Извѣстно, съ какими протестами было встрѣчено думами даже маленькое повышеніе налога на городскія недвижимыя имущества; проектъ 3 проц. обложенія торговыхъ оборотовъ также встрѣченъ весьма сухо и не однимъ торговымъ сословіемъ; можно себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ была бы принята нашею щедрою на либеральныя фразы публикою замѣна подушной подати подоходнымъ налогомъ въ размѣрѣ 10 или 15 проц. съ чистаго дохода. Отъ платы налога всѣ бы старались уклониться, что богатымъ, при помощи взятокъ, было бы легче, чѣмъ бѣднымъ, и въ результатѣ получился бы сильный недоборъ доходовъ. Поэтому улучшеніе податной системы у насъ возможно лишь медленное, замѣна же системы косвенныхъ налоговъ прямыми только при большемъ упроченіи чувства законности въ самой публикѣ, т. е. черезъ сто лѣтъ.

Не менѣе трудно достигается въ Россіи надлежащее покровительство отечественной промышленности. Теперь, слава Богу, нѣтъ уже нужды доказывать пользу для Россіи охранительной таможенной системы; число фритредеровъ у насъ и въ печати и въ администраціи такъ за десять лѣтъ уменьшилось, что ихъ можно бы показывать, какъ любопытные образчики людей, которые, несмотря на личный опытъ, продолжаютъ утверждать, будто бѣлое есть черное или что днемъ должна свѣтить луна. Опасны не эти послѣдніе могиканы дурно-переваренныхъ или недостаточно провѣренныхъ теорій, а такъ называемые „интересы", вызванные покровительствомъ. Извѣстно, что высокій таможенный тарифъ, какъ все человѣческое, при большихъ достоинствахъ имѣетъ и весьма некрасивую обратную сторону. Фабрики при высокомъ тарифѣ ростутъ какъ грибы, но при малѣйшей неточности тарифа, — а идеально вѣрный тарифъ есть утопія,—рядомъ съ хлѣбомъ выростаютъ на почвѣ промышленности плевела. У насъ этихъ плевелъ

столько же, сколько и хлѣба; они выразились въ созданіи сотенъ фабрикъ и заводовъ иностранцами по границамъ Россіи для переработки на счетъ русскаго потребителя иностранныхъ матеріаловъ на иностранномъ топливѣ. Юридически такія фабрики трудно отличить отъ самостоятельныхъ, но зато чуть являлось желаніе дѣйствительно установить пошлины, выгодныя для русскихъ, а не для самозванцевъ, какъ вся эта орава жадныхъ авантюристовъ, привыкшихъ питаться на русскій счетъ, подымала крикъ о разореніи, грозила закрытіемъ фабрикъ и изгнаніемъ на улицу десятковъ тысячъ рабочихъ и въ концѣ концовъ разными путями добивалась вниманія къ своимъ интересамъ. Согнать эти лишаи съ русскаго тѣла, повторяемъ, дѣло нелегкое; между тѣмъ до такого изгнанія таможенный тарифъ остается на половину мертвою буквою, и выходило даже то, что чѣмъ болѣе мы его повышаемъ, тѣмъ болѣе поощряемъ иностранную, а не свою русскую промышленность.

Но верхъ затрудненія для министра финансовъ въ Россіи—это упроченіе денежной системы, съ которой [illegible]
и вопросъ о прочномъ, всѣмъ доступномъ кредитѣ. [illegible]
1860 года кредитъ у насъ былъ въ рукахъ [illegible]
оно очень скупо давало его частнымъ [illegible]
читало всѣ свободныя деньги бра[illegible]
образомъ тайный кладезь бо[illegible]
сводило бюджеты и по[illegible]
нельзя было продолжат[illegible]
Поэтому Россію покры[illegible]
жденій, для которыхъ [illegible]
фіей кредитныхъ б[illegible]
ніемъ банка, сталъ [illegible]
ковый тарифъ ур[illegible]
и Восточная вой[illegible]

Обращаясь [illegible]
множество во[illegible]
ліямъ Ми[illegible]

ніемъ. Г. Бунге [illegible]
ственная система [illegible]
русскаго министра [illegible]
вѣстная смѣлость [illegible]
общаго увлеченія [illegible]
что одинъ министръ [illegible]
въ Государственномъ [illegible]
гійское желѣзо [illegible]
осуществленія [illegible]

Нельзя также не [illegible] ар-
[illegible] вили
стемы; равно не [illegible] ъ.
исполненія) [illegible] нѣко-
подушнаго [illegible] чинов-
жей, [illegible] Мини-
виденды. [illegible] аніе: на
брить [illegible] овалевскій,
счетоводства [illegible] енный кре-
соединенія [illegible] Бунге зналъ
[illegible] чинялъ, гово-
[illegible]
[illegible] ихъ финансовъ
[illegible] емогущаго управ-
[illegible] Ламанскаго. Его
[illegible] юбивый чиновникъ,
[illegible] но уронившій преж-
[illegible] него кредитнаго учре-
[illegible] наго чиновника Мини-

[illegible] въ русскихъ финансахъ пер-
[illegible] яющаго Государственнымъ Бан-
[illegible] финансовъ, распоряжаясь почти
[illegible] твомъ (кредитные билеты), торгов-
[illegible] опросы о налогахъ были внѣ его
[illegible] ія ихъ онъ игралъ всегда роль въ
[illegible] тной и тарифной комиссій.

что было сдѣлано полезнаго почти по всѣмъ отраслямъ обширнаго финансоваго управленія, напомнимъ, что при г. Бунге въ первый разъ свѣдѣнія о поступленіи доходовъ въ текущемъ году не только начали собираться, но и публиковаться.

Конечно, финансовое положеніе наше въ концѣ 1886 г. было очень дурно и требовало многаго для своего поправленія; г. Бунге можетъ быть слишкомъ оптимистически смотрѣлъ на будущее; но не слѣдуетъ забывать, какъ мы уже говорили, что одного искусства министра финансовъ еще недостаточно. Для успѣха его плановъ необходимо содѣйствіе со всѣхъ сторонъ*). Прежде всего необходимо, чтобы государственное хозяйство, которое есть итогъ частныхъ хозяйствъ, руководилось тѣми же простыми и вѣчно истинными основаніями, какими руководятся частныя хозяйства. Никто благоразумный не говоритъ: „мнѣ нужно прожить двадцать тысячъ, поищу для того средства", а каждый разсуждаетъ такъ: „у меня есть двадцать тысячъ дохода, значитъ я могу прожить эту сумму, хотя лучше, если не проживу ее всю и кое-что сберегу". Почему же государство должно нарушать законы простого благоразумія и руководиться правилами мотовства? Надобно припомнить также, что время управленія г. Бунге совпало со всеобщимъ экономическимъ кризисомъ, вызваннымъ избыткомъ земледѣльческаго производства въ новыхъ странахъ, избыткомъ промышленной дѣятельности въ старыхъ государствахъ, развитіемъ пароходства и пониженіемъ фрахта. Страдала отъ кризиса не одна Россія, но и вся Европа.

Еще не время описывать г. Бунге, какъ частнаго человѣка, замѣтимъ только, что, хотя бывшій профессоръ, онъ

---

*) Министра финансовъ у насъ одолѣваютъ просьбами о деньгахъ даже частныя лица. Одна высокопоставленная дама просила ссуды у г. Рейтерна; на заявленіе, что денегъ на такія просьбы у казны нѣтъ, дама съ удивленіемъ отвѣчала: „Помилуйте, вамъ только стоитъ это взять изъ вашего дефицита!" Она полагала, вѣроятно, что это особый капиталъ Государственнаго Казначейства.

любилъ рѣшать дѣла скоро. Для ознакомленія публики съ дѣлами Министерства былъ совершенно преобразованъ и расширенъ „Вѣстникъ финансовъ и промышленности". Подобно г. Рейтерну, онъ не призывалъ на враждебную ему печать цензурныхъ громовъ, а съ нѣкоторыми газетными статьями полемизировалъ не безъ юмора въ сообщеніяхъ въ „Правительственный Вѣстникъ". Человѣкъ холостой, онъ жилъ чрезвычайно скромно, почему переселился опять въ маленькую квартиру, занимаемую въ прежнее время г. Рейтерномъ, а большую часть великолѣпной министерской квартиры, устроенной Грейгомъ, отдалъ департаменту торговли и мануфактуръ, Дворянскому и Крестьянскому банкамъ.

Въ личномъ составѣ Министерства онъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія. Между молодыми и энергическими чиновниками (позаимствованными преимущественно изъ Министерства Государственныхъ Имуществъ) имѣли вліяніе: на косвенные налоги г. Ермоловъ, прямые г. Ковалевскій, на желѣзнодорожные вопросы г. Пихно, на казенный кредитъ г. Картавцевъ. Двухъ послѣднихъ г. Бунге зналъ еще по Кіеву. Проекты налоговъ усердно сочинялъ, говорятъ, г. Ольхинъ.

Гораздо болѣе важное значеніе для нашихъ финансовъ имѣло увольненіе, въ августѣ 1881 г., всемогущаго управляющаго Государственнымъ Банкомъ г. Ламанскаго. Его замѣнилъ Цимсенъ, скромный и трудолюбивый чиновникъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, но уронившій прежнее значеніе главы центральнаго нашего кредитнаго учрежденія, обративъ его въ обыкновеннаго чиновника Министерства *).

---

*) Е. И. Ламанскій долго игралъ въ русскихъ финансахъ первенствующую роль. По званію управляющаго Государственнымъ Банкомъ, онъ былъ alter ego министра финансовъ, распоряжаясь почти безконтрольно кредитомъ, казначействомъ (кредитные билеты), торговлей и промышленностью. Только вопросы о налогахъ были внѣ его компетенціи, хотя и при обсужденіи ихъ онъ игралъ всегда роль въ качествѣ выдающагося члена податной и тарифной комиссій.

Мы говорили о тяжкомъ экономическомъ и финансовомъ положеніи, созданномъ въ придачу къ послѣдствіямъ Восточной войны и политической неурядицы, неурожаемъ 1880 г. Къ счастью, хорошій урожай 1881 г. замѣтно улучшилъ положеніе вещей; заграничный отпускъ и сборы желѣзныхъ дорогъ поправились, а Нижегородская ярмарка— этотъ главный регуляторъ нашей внутренней торговли, прошла даже блистательно. Привозъ изъ-за границы былъ, однако, значительно хуже предыдущаго года. Перемѣна министровъ первоначально не произвела замѣтнаго вліянія на ходъ финансовыхъ дѣлъ, потому что г. Бунге и новый товарищъ министра финансовъ г. Николаевъ про-

---

Система г. Ламанскаго въ общихъ чертахъ извѣстна—это щедрый выпускъ кредитныхъ билетовъ, такъ нравящійся нашимъ дѣльцамъ, свободная торговля и широкое вмѣшательство правительства въ частныя промышленно-торговыя предпріятія.

Можетъ быть въ теоріи объ этой системѣ можно еще спорить, но на практикѣ для Россіи она за двадцать лѣтъ принесла немного пользы и наше общественное мнѣніе постоянно считало г. Ламанскаго однимъ изъ главныхъ виновниковъ финансово-экономическаго кризиса.

Мы не отрицаемъ, однако, въ г. Ламанскомъ, какъ человѣкѣ и администраторѣ, крупныхъ достоинствъ. Г. Ламанскій достигъ чиновъ высокихъ не потому только, что отецъ его былъ директоромъ департамента и что обучался въ Лицеѣ, откуда вышло столько „финансистовъ" послѣдняго времени. Г. Ламанскій—человѣкъ ученый и трудолюбивый. Его сочиненія, гдѣ въ первый разъ раскрыты тайны финансоваго управленія начала нынѣшняго столѣтія, его дѣятельность какъ секретаря въ Русскомъ Географическомъ обществѣ весьма почтенны. Онъ также человѣкъ независимаго характера и не только директора разныхъ канцелярій, но и министры финансовъ имѣли лишь весьма косвенное вліяніе на его рѣшенія; скорѣе, наоборотъ, своею дѣятельностью онъ обусловливалъ общее наше финансовое управленіе въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ. Съ тѣмъ же олимпійскимъ величіемъ относился г. Ламанскій и къ печати. Онъ не жаловался на ея нападки, даже личныя и оскорбительныя, зато и не обращалъ вниманія на ея даже справедливыя указанія.

Словомъ, въ наше мелкое время, время пролазничества и угодливости, это былъ характеръ, нѣчто своеобразное, и въ этомъ отношеніи можно только снять шапку и поклониться.

Дѣятельность г. Ламанскаго рѣзко распадается на двѣ части. Въ

должали политику г. Абазы. Держась указа 1-го января, г. Бунге уменьшилъ на 50 милл. руб. долгъ Государственному Банку, для выхода же изъ финансовыхъ затрудненій прибѣгнулъ къ повышенію на 1 коп. акциза на спиртъ (въ принципѣ рѣшенномъ еще г. Абазою), повышенію пошлинъ на цементъ и др. товары, къ краткосрочнымъ обязательствамъ Государственнаго Казначейства на 50 милл. р., погашеннымъ въ декабрѣ того же года, и къ новому выпуску 5°/o банковыхъ билетовъ на сумму 100 милл. руб. Обязательства Государственнаго Казначейства продавались плохо, не покрыта ихъ была даже половина, да и та была снята съ текущаго счета Государственнаго Банка, зато

одной, до назначенія его управляющимъ Государственнымъ Банкомъ, онъ былъ въ числѣ теоретиковъ-„экономистовъ" реформировавшихъ Россію въ концѣ 50-хъ годовъ; во второй—съ 1860 г. онъ сдѣлался по преимуществу практическимъ дѣятелемъ, главою казеннаго и частнаго кредита и вершителемъ судебъ здѣшней спекуляціи петербургской биржи.

Спекуляція эта не сдѣлалась, однако, какъ мы выше говорили, прочнѣе и солиднѣе отъ содѣйствія и покровительства Государственнаго Банка. Разгромъ 1869 г., кризисъ 1872—1873 гг. и чахоточное состояніе дѣлъ, начиная съ 1876 г., показываютъ, что усилія г. Ламанскаго были напрасны.

Одно время существовало мнѣніе, что г. Ламанскій безусловно необходимъ, что онъ родъ того камня, на которомъ держится сводъ русскаго кредита. „Уберите г. Ламанскаго, говорили его друзья,—а имя ихъ было на биржѣ, въ акціонерныхъ обществахъ и, само собою разумѣется, въ администраціи, легіонъ,—и начнется всеобщее банкротство". Тогда стоило г. Ламанскому сказать слово и г. Баймаковъ, ворочавшій милліономъ, разсыпался въ прахъ, разоривъ тысячи людей. Г. Закъ, нынѣ европейское финансовое свѣтило, а сначала второстепенный банковый дѣлецъ, первый снялъ съ г. Ламанскаго очарованіе, отыскавъ во время Восточной войны пути въ Министерство Финансовъ.

Между тѣмъ г. Ламанскому назначили помощника; онъ мало-помалу оставлялъ совѣты и правленія патронируемыхъ имъ частныхъ учрежденій, началась общая переборка банковыхъ портфелей. Ограниченіе выпуска кредитныхъ билетовъ, сосредоточеніе всѣхъ рессурсовъ Государственнаго банка для погашенія кредитныхъ билетовъ и прекращеніе громадныхъ ссудъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ еще болѣе сократили прежнее значеніе управляющаго Государственнымъ бан-

5% заемъ, благодаря низкому курсу подписной цѣны, не смотря на несовсѣмъ удачно избранное время, былъ разобранъ довольно скоро; публичной подписки на этотъ заемъ не было. При публичной подпискѣ на заемъ требуется сразу огромный капиталъ, а какъ таковаго у насъ на рынкѣ никогда не было, то подписки, удавались лишь при томъ обстоятельствѣ, что или Банкъ подписывался на огромныя суммы, или же ссужалъ сейчасъ же чуть не полностью владѣльцевъ временныхъ свидѣтельствъ деньгами подъ залогъ этихъ свидѣтельствъ. И то, и другое Государственный Банкъ могъ легко дѣлать, пользуясь временными выпу-

---

комъ. Г. Ламанскому не приличествовала роль второстепеннаго чиновника и онъ сошелъ со сцены.

Хотя со времени своей отставки г. Ламанскій удалился отъ дѣлъ и вновь посвятилъ себя научной дѣятельности, изучивъ, между прочимъ, весьма близко итальянскіе финансы и операцію возстановленія въ Италіи бумажныхъ денегъ, но дѣловыя сферы не забывали о г. Ламанскомъ, и когда только положеніе г. Бунге поколебалось, въ иностранныхъ газетахъ въ числѣ кандидатовъ въ министры финансовъ былъ въ первую голову поставленъ г. Ламанскій.

Если слухи о назначеніи его снова министромъ едва ли имѣли какую либо фактическую подкладку, то нельзя не пожалѣть, что не оправдались другіе слухи—о предположеніи нашей думы избрать въ 1885 г. г. Ламанскаго городскимъ головою. По нашему мнѣнію, это былъ бы превосходный выборъ. Г. Ламанскій имѣлъ для руководства городскимъ общественнымъ управленіемъ не только надлежащую независимость характера, привычку говорить въ большихъ собраніяхъ, способности и знанія финансиста и практическаго экономиста, но и изящный вкусъ, что дало бы г. Ламанскому возможность сдѣлать не мало и по части украшенія Петербурга.

Выборъ г. Ламанскаго С.-Петербургскимъ городскимъ головою взамѣнъ боязливыхъ купцовъ или карьеристовъ-чиновниковъ имѣлъ бы огромное значеніе. Съ смѣлостью, характеризующею этого государственнаго человѣка, онъ не сталъ бы терять время на споры о томъ, кому слѣдуетъ расходовать 39 р. 37 к., ассигнуемыхъ для измѣренія краснорѣчія, текущаго изъ устъ г. Домонтовича, „комиссіи наблюденій“ или „комиссіи строеній“, а нашелъ бы средства для устройства канализаціи, мостовыхъ, постоянныхъ мостовъ, для проложенія новыхъ широкихъ улицъ, для устройства на Петербургской сторонѣ великолѣпной набережной и т. д., и т. д.

сками кредитныхъ билетовъ. Поэтому каждый заемъ, до 1881 г., неизбѣжно сопровождался у насъ негласнымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, и такимъ образомъ вдвойнѣ разстроивалъ денежный рынокъ.

Слѣдующій годъ управленія г. Бунге, сравнительно съ 1880 годомъ въ экономическомъ отношеніи и съ 1881 годомъ въ финансовомъ—представляется болѣе успокоительнымъ. Урожай былъ въ общемъ итогѣ выше средняго; къ сожалѣнію, съ осени спросъ на нашъ хлѣбъ изъ-за границы упалъ и цѣны на него понизились, не смотря на паденіе вексельнаго курса; это произвело большой застой въ торговлѣ.

Внутренняя торговля Россіи, не смотря на стеченіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ: мелководія, антиеврейскихъ безпорядковъ во многихъ губерніяхъ, спекуляціи съ сахарнымъ пескомъ, не могла еще жаловаться; но 1882 г. несравненно неблагопріятнѣе былъ для фондовой торговли. Вексельные курсы и цѣны почти всѣхъ бумагъ понизились, и спекулянты понесли огромныя потери. Страховыя акціи упали отъ многочисленныхъ пожаровъ. И на заграничныхъ биржахъ дѣла съ русскими валютами и фондами были очень неблестящи и доведены до минимума оборотовъ.

Не взирая на это, государственные доходы увеличились, а расходы сократились, и можно было думать, что 1882 г. заключится небольшимъ дефицитомъ, зависѣвшимъ только отъ желанія сооружать желѣзныя дороги на казенный счетъ. Погашеніе долга Государственнаго Казначейства Государственному Банку продолжалось исправнѣйшимъ образомъ, а для удовлетворенія временныхъ нуждъ казначейства г. Бунге испросилъ позволеніе дѣлать выпуски обязательствъ государственнаго казначейства по своему усмотрѣнію. Такихъ обязательствъ было выпущено въ 1882 г. на 20 милл.

Въ этомъ году произведены давно ожидаемыя измѣненя въ системѣ налоговъ. Важнѣйшія изъ послѣднихъ:

измѣненіе подушной подати, введеніе новаго налога съ безмезднаго перехода имуществъ, въ томъ числѣ съ наслѣдствъ, измѣненіе табачнаго акциза и повышеніе таможеннаго тарифа. Подушную подать предполагалось отмѣнить постепенно, а началомъ къ этой отмѣнѣ служило прекращеніе взиманія подушной подати съ мѣщанъ, безземельныхъ крестьянъ и дворовыхъ, и съ крестьянъ, получившихъ такъ называемый „нищенскій надѣлъ", т. е. съ наиболѣе неисправныхъ плательщиковъ. Пошлина съ наслѣдствъ и другихъ безмездныхъ переходовъ имущества вслѣдствіе измѣненій, предложенныхъ Министерствомъ Юстиціи, сдѣлалась только третьестепеннымъ источникомъ дохода, вопреки первоначальнымъ, весьма раціональнымъ предположеніямъ г. Бунге. Измѣненія въ табачномъ акцизѣ имѣли цѣлью увеличить табачный доходъ, у насъ слишкомъ малый, сравнительно съ числомъ населенія и потребленіемъ табака, но отозвались сильнымъ вздорожаніемъ махорки, т. е. сорта табака, потребляемаго бѣднѣйшимъ классомъ населенія.

Болѣе зажиточные классы общества привлекались къ платежамъ въ казну введеніемъ новаго таможеннаго тарифа. Тарифъ этотъ отличался отъ прежняго только округленіемъ таможенныхъ пошлинъ; послѣднія повышены въ сколько нибудь чувствительномъ размѣрѣ лишь для колоніальныхъ продуктовъ, особенно для кофе; уничтожено также большинство допускавшихся до тѣхъ поръ безпошлинно товаровъ.

1883 г. не принесъ ничего утѣшительнаго. Крайне натянутое политическое положеніе въ Европѣ вызывало усиленные расходы по постройкѣ стратегическихъ линій желѣзныхъ дорогъ, по перевооруженію арміи, по постройкѣ крѣпостей и военныхъ судовъ; подъ давленіемъ политическихъ событій, вексельный курсъ стоялъ низко и нисколько не поправился отъ сожженія на 30 милл. рублей кредитныхъ билетовъ. Между тѣмъ государственные доходы поступали не лучше, чѣмъ въ 1882 году.

Для покрытія образовавшагося дефицита, а равно и дефицита отъ сложенія и уменьшенія подушной подати г. Бунге увеличилъ налоги и прибѣгъ къ новымъ кредитнымъ операціямъ. Ярмарочная торговля, производившаяся безпошлинно, была обложена, а налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ возвышенъ. Зашла даже рѣчь объ обложеніи заграничныхъ паспортовъ, но разныя барыни, привыкшія „транжириться" заграницею, подняли такой гвалтъ въ петербургскихъ салонахъ, что мѣра эта не осуществилась.

Изъ кредитныхъ операцій г. Бунге обратилъ на себя вниманіе выпускъ въ четыре пріема на 80 милл. обязательствъ государственнаго казначейства, выпускъ билетовъ государственнаго казначейства (серій) на 24 милл., въ томъ числѣ половина новаго образца въ 100 рублей, и золотой 6-ти проц. ренты. Оба выпуска были покрыты немедленно, но условія выпуска золотой ренты вызвали оживленную полемику въ газетахъ. Главная суть этой полемики, начатой Катковымъ, вращалась на черезчуръ низкой цѣнѣ выпуска по 98%. Крайняя осторожность г. Бунге, по всей вѣроятности, объясняется предполагаемымъ слишкомъ дурнымъ настроеніемъ германской публики, ибо обороты съ русскими бумагами на биржахъ амстердамской, лондонской и особенно парижской дошли до минимума. Нельзя, однако, одобрить для новыхъ бумагъ избраннаго типа: 6% рента устраняла надолго возможность ее съ выгодою конвертировать *).

Между мѣропріятіями, имѣвшими значеніе для русскихъ финансовъ, надобно отмѣтить и уничтоженіе отдѣльнаго управленія на Кавказѣ. До того доходы и расходы Кав-

*) Предложенія сдѣлать конверсію нашихъ займовъ были уже въ виду г. Бунге. Проектъ г. Ганземана, въ 1884 г., такой конверсіи, соединенной съ помѣщеніемъ закладныхъ билетовъ Дворянскаго банка и обѣщаніемъ реализировать въ случаѣ нужды новый заграничный заемъ, былъ довольно выгоденъ; онъ не осуществился, какъ говорили, отъ противодѣйствія г. Зака.

каза (кромѣ военныхъ) составляли особый бюджетъ, независимый отъ министра финансовъ.

Слѣдующій годъ въ торгово-промышленномъ отношеніи не могъ назваться благопріятнымъ, хотя въ финансовомъ результаты его были болѣе утѣшительны. Вексельный курсъ поправился на 10 проц. и довѣріе иностранныхъ биржъ къ нашимъ бумагамъ начало возвращаться.

Промышленный застой, однако, продолжался, большая часть производствъ сокращали свои обороты и уже у многихъ на устахъ было слово: кризисъ; къ счастью, результаты Нижегородской ярмарки, неожиданно удовлетворительные, разрушили мрачныя предсказанія пессимистовъ. Совсѣмъ иначе въ земледѣліи: хотя урожай оказался порядочнымъ, но на наше сельское хозяйство обрушилось другое бѣдствіе — небывалое паденіе цѣнъ на пшеницу отъ конкурренціи Остъ-Индіи и Австраліи. Для устраненія дефицита въ 1884 году, въ 19 милл. руб., помимо сокращенія требованій разныхъ вѣдомствъ, были приняты г. Бунге разнообразныя мѣры. Самая важная изъ нихъ та, что платежъ долга Государственному банку по 50 милл. руб. въ годъ положено производить не на счетъ росписи, а соотвѣтственнымъ каждый разъ выпускомъ золотой и кредитной ренты. Это было уже отступленіе отъ финансоваго плана г. Абазы, ставшаго мишенью для ожесточенныхъ нападеній московской печати. Затѣмъ, для усиленія государственныхъ доходовъ г. Бунге измѣнилъ систему сборовъ за право торговли установленіемъ раскладочнаго подоходнаго сбора съ гильдейскихъ повинностей, ввелъ гербовый сборъ и сборъ съ безмезднаго перехода имуществъ въ Царствѣ Польскомъ, повысилъ акцизъ съ свекловичнаго сахара до рубля съ пуда, повысилъ таможенныя пошлины на чугунъ повсемѣстно и на каменный уголь въ Царствѣ Польскомъ, вновь обложилъ пошлиною каменный уголь на Балтійскомъ, Черномъ и Азовскомъ моряхъ и на западной сухопутной границѣ.

Между кредитными операціями, кромѣ сожженія на

30 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, скопившихся въ кассѣ Государственнаго банка, вниманія заслуживаетъ лишь новый выпускъ 5°/₀ консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ на 15 милл. фунтовъ стерлинговъ. Поступленія по этому займу дали возможность окончить разсчеты по нѣкоторымъ выстроеннымъ уже желѣзнымъ дорогамъ, а также приступить къ постройкѣ вновь проектированныхъ.

1885 годъ ознаменовался важными мѣропріятіями г. Бунге, касавшимися нашей экономической жизни, но они прошли по большей части малооцѣненными среди всеобщаго кризиса, господствовавшаго почти во всѣхъ отрасляхъ производительности, кризиса, который имѣлъ связь и съ промышленно-торговымъ кризисомъ, тяготѣвшимъ уже нѣсколько лѣтъ надъ Европою и Америкою.

При подобныхъ условіяхъ нечего удивляться, что исполненіе государственной росписи сопровождалось дефицитомъ въ 41 милл. руб., объясняемымъ расходами, неизбѣжно вызванными смутнымъ политическимъ положеніемъ, въ которомъ Россія находилась въ первой половинѣ года отъ ожиданія войны съ Англіей изъ-за Афганистана, а во второй половинѣ—вслѣдствіе войны Болгаріи и Сербіи. Не смотря на такое положеніе финансовъ, продолжалась перестройка на казенный счетъ желѣзныхъ дорогъ и г. Бунге рѣшился окончательно отмѣнить подушную подать со всякаго рода крестьянъ, кромѣ государственныхъ, для которыхъ эта отмѣна отсрочена въ виду предстоявшаго въ скоромъ времени измѣненія размѣра оброчныхъ казенныхъ платежей.

Отмѣна подушной подати, которой наши передовые дѣятели добивались десятки лѣтъ, прошла, какъ и отмѣна соляного налога, мало замѣченною, доказавъ лишній разъ, что народолюбіе у насъ не цѣль, а средство, и что къ наиболѣе важнымъ для блага народа мѣропріятіямъ мы остаемся равнодушными, разъ они не могутъ служить предлогомъ для сантиментальнаго пустословія. Къ числу мѣропріятій, отчасти направленныхъ г. Бунге въ интересахъ крестьянскаго сословія, можно указать и на слитіе выкуп-

ной операціи со счетами Государственнаго Казначейства. Такое сліяніе дало послѣднему нѣкоторые случайные ресурсы и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечило окончательно владѣльцевъ выкупныхъ бумагъ.

Само собою, что, имѣя дефицитъ въ бюджетѣ и отмѣняя подушную подать—одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, г. Бунге не могъ оставаться безъ изысканія новыхъ источниковъ податного обложенія. Съ этою цѣлью установленъ налогъ съ дивидендовъ, купоновъ и процентовъ по вкладамъ и текущимъ счетамъ. Таможенныя пошлины повышены съ чая, вина, шелка, установлены вновь на сельско-хозяйственныя машины и, въ заключеніе, повышены почти на всѣ привозимые изъ заграницы товары на 10 и 20 проц. Послѣднее было принято отчасти въ видѣ репрессаліи противъ Германіи, повысившей пошлины на нашъ хлѣбъ и лѣсъ, отчасти съ цѣлью поддержать торговый балансъ, нарушенный уменьшеніемъ отпуска хлѣба.

Налогъ съ купоновъ и дивидендовъ, т. е. съ ренты, встрѣтилъ очень много препятствій для своего осуществленія и, подобно налогу съ наслѣдствъ, подвергся при окончательной редакціи такимъ перемѣнамъ, которыя отняли у него нѣкоторую часть полезнаго значенія. Во всякомъ случаѣ податное обложеніе настояніями г. Бунге стало переходить съ простого народа на имущественные классы и для наблюденія за болѣе справедливою раскладкою новыхъ налоговъ созданъ обширный институтъ податныхъ инспекторовъ. Для урегулированія питейной продажи и для пресѣченія пьянства изданы были давно ожидавшіяся новыя правила, но они не удовлетворили ожиданіямъ: по крайней мѣрѣ нѣкоторыя правила пришлось немедленно измѣнить законодательнымъ путемъ или циркулярными распоряженіями. Зато нельзя было не привѣтствовать ограниченія привилегій Финляндіи въ таможенныхъ сборахъ, обратившихся въ чистѣйшія злоупотребленія.

1886 годъ въ финансовомъ и экономическомъ отноше-

ніяхъ можетъ быть отнесенъ къ числу весьма тяжелыхъ для Россіи. Финансовыя затрудненія сказались дефицитомъ въ 49 милл. руб. Не смотря на изобрѣтеніе и повышеніе налоговъ, государственные доходы поступали съ огромными недоборами противъ смѣтъ. Таможенные доходы упали, не смотря на то, что за послѣднія пять лѣтъ было прибавлено повышеніями тарифа по теоретическому разсчету новыхъ доходовъ на 30 милліоновъ рублей, обложены финляндскіе безпошлинные товары и закрыто батумское порто-франко, служившее только къ напрасному стѣсненію окрестныхъ жителей.

Хотя урожай въ общемъ въ 1886 году былъ недуренъ, но низкія цѣны на хлѣбъ не давали большинству населенія надлежащаго заработка отъ малаго требованія на хлѣбъ. Сборы по желѣзнымъ дорогамъ уменьшились, еще болѣе сократился отпускъ заграницу. Уменьшеніе вывоза превзошло шестьдесятъ милліоновъ рублей.

Уже одно то обстоятельство, что среди мира курсъ рубля упалъ ниже того, что онъ былъ во время плевненскихъ дней въ 1877 г. и вообще дошелъ до уровня, въ какомъ онъ еще никогда не былъ со времени изобрѣтенія кредитныхъ билетовъ, показывало, что дѣло неладно. Вѣдь не нужно забывать, что въ послѣднюю войну золотой рубль вздорожалъ сразу на 40%. Случись новая война — а кто можетъ знать будущее—и при враждѣ къ намъ жидовъ всѣхъ биржъ подобное же паденіе было весьма вѣроятно. Что же тогда пришлось бы дѣлать? Являлось сомнѣніе, будемъ ли мы въ состояніи безъ разоренія всего населенія уплатить купоны по государственнымъ, желѣзно-дорожнымъ и банковымъ металлическимъ займамъ. Плохое положеніе вексельнаго курса объяснялось финансовыми затрудненіями, обѣдненіемъ сельскаго населенія, застоемъ въ промышленности и упадкомъ внѣшней торговли. Уже каждой изъ этихъ причинъ въ отдѣльности было бы достаточно, но совокупность ихъ невольно наводила на мысль, что для врачеванія нашего экономическаго организма надобны были мѣры

серьезныя и рѣшительныя, а также, быть можетъ, и перемѣна врачей.

Такова краткая исторія шестилѣтняго управленія г. Бунге собственно въ финансовомъ отношеніи. Оно оставило замѣтный слѣдъ и на торговлѣ и на промышленности.

Въ области кредита наиболѣе выдающимся явленіемъ было учрежденіе въ 1885 году Государственнаго Дворянскаго банка, который долженъ былъ помочь дворянскому землевладѣнію, доставляя ему кредитъ на болѣе льготныхъ основаніяхъ, чѣмъ это дѣлали спекулятивные акціонерные и взаимные земельные банки-мышеловки. Къ 1-му января 1888 г. частное землевладѣніе было обременено долгомъ уже въ 711,300,000 руб., отъ выкупной операціи оно получило 439 милл., да черезъ посредство операцій Крестьянскаго банка $49^1/_2$ милл. Надобно взять въ разсчетъ еще займы (15 милл.) у городскихъ общественныхъ банковъ и у частныхъ лицъ. На долю собственно помѣщиковъ изъ новыхъ долговъ нужно считать около 83%. Съ цѣлью помочь разореннымъ помѣщикамъ въ дѣлѣ кредита въ 1883 г. разрѣшенъ землевладѣльцамъ учетъ соло-векселей подъ обезпеченіе ихъ имѣній. Изданными правилами законъ этотъ сначала обѣщалъ стать мертвою буквою, но затѣмъ затрудненія по учету были устранены.

Еще ранѣе, для облегченія крестьянамъ способовъ къ покупкѣ земли по добровольнымъ соглашеніямъ учрежденъ въ 1882 году казенный Крестьянскій поземельный банкъ съ капиталомъ въ 500,000 руб. Это учрежденіе было встрѣчено одними съ восторгомъ, другими съ сомнѣніемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Крестьянскій банкъ, кромѣ еще большаго расширенія хищническаго хозяйства, былъ вреденъ и въ томъ отношеніи, что создалъ на казенныя деньги изъ кулаковъ и міроѣдовъ какія-то привилегированныя круговыя товарищества, своего рода крестьянскую аристократію. Затѣмъ недостаточно еще крестьянамъ кредита для покупки земли, деньги нужны и для обзаведенія инвентаря, и на улучшеніе хозяйства. Изъ другихъ бан-

ковыхъ реформъ г. Бунге не лишено значенія — болѣе, впрочемъ, въ смыслѣ политическомъ — упраздненіе Польскаго банка съ его конторами въ Царствѣ Польскомъ и замѣна ихъ отдѣленіями Государственнаго Банка. Поляки, само собою разумѣется, не были довольны этимъ уничтоженіемъ послѣднихъ признаковъ ихъ автономіи. Сберегательныя кассы, устроенныя у насъ въ 1842 г. графомъ Канкринымъ и преобразованныя безъ особаго успѣха въ 1862 и 1864 гг., сдѣлались источникомъ для увеличенія текущаго долга повышеніемъ процентовъ вкладчикамъ съ 3 до 4. Это очень развило операціи кассъ.

Государственный Банкъ былъ освобожденъ отъ операціи по ликвидаціи бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Особый счетъ этой ликвидаціи г. Бунге закрылъ, долги по ликвидаціи перевелъ въ государственную долговую книгу, а прибыли отъ нея стали поступать въ доходъ казны. Это мѣропріятіе нельзя не одобрить, ибо оно упрощало государственное счетоводство и отнимало возможность различными позаимствованіями и переводами изъ одного счета въ другой скрывать истинное положеніе вещей.

Въ отношеніи къ коммерческому кредиту можно указать на окончательно выяснившуюся несостоятельность устройства городскихъ общественныхъ банковъ. Банкротство слишкомъ на 13 милліоновъ рублей Скопинскаго банка, систематически въ теченіе пятнадцати лѣтъ обкрадываемаго Рыковымъ, въ сообществѣ съ нѣсколькими думскими дѣятелями, открыло, наконецъ, глаза на серьезные недостатки какъ нормальнаго устава городскихъ банковъ 1862 года, такъ и самого Городового Положенія 1870 года. Банкротство Скопинскаго банка было не единственнымъ, за нимъ послѣдовали банкротства другихъ городскихъ банковъ и столько же крупныхъ кражъ изъ частныхъ банковъ, окончившихся, по большей части, лобызаніями обвиняемыхъ съ присяжными при громкихъ аплодисментахъ растроганной публики. Изданъ былъ законъ, ограничивающій банковыя операціи строгими рамками, но законъ этотъ, къ сожалѣ-

нію, положено примѣнять только къ *вновь* открываемымъ банкамъ, каковыхъ уже не открывалось.

По части кредита долгосрочнаго также былъ изданъ законъ, ограничивавшій произволъ нашихъ земельныхъ банковъ въ выпускѣ закладныхъ листовъ и въ размѣрѣ запаснаго капитала. Необходимость подобнаго контроля была подтверждена крупною несостоятельностью г. Борисова, безцеремонно спекулировавшаго средствами Тульскаго и Самарско-Саратовскаго поземельныхъ банковъ.

По отношенію къ фабричной промышленности г. Бунге оставилъ по себѣ память изданіемъ закона объ ограниченіи труда малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ. Гуманный законъ этотъ, вызвавшій учрежденіе особой фабричной инспекціи, оберегаетъ здоровье и жизнь малолѣтнихъ отъ грубой эксплоатаціи представителей капитала. Онъ вызванъ крайнею необходимостью и хотя стѣсняетъ рабочее населеніе въ его средствахъ къ заработкамъ, но зато спасаетъ жизнь значительной части подростающаго населенія. Для урегулированія рабочаго вопроса на фабрикахъ была воспрещена также ночная работа женщинъ и дѣтей на фабрикахъ хлопчато-бумажныхъ, суконныхъ, шерстяныхъ и изданы правила о надзорѣ за фабриками и о наймѣ рабочихъ въ фабричныя и заводскія работы.

Мы не будемъ перечислять многихъ другихъ полезныхъ мѣропріятій г. Бунге для торговли и промышленности, такъ какъ не дѣлали этого перечисленія и для прочихъ нашихъ министровъ финансовъ, укажемъ только, что по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ г. Бунге, подобно г. Абазѣ, сочувствовалъ сооруженію ихъ казенными средствами. Для упорядоченія отношеній правительства къ постройкѣ дорогъ онъ упразднилъ особый желѣзнодорожный фондъ. Фондъ этотъ возникъ въ концѣ 60-хъ годовъ, когда дѣятельная постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ вынуждала правительство то-и-дѣло приходить на помощь къ частнымъ лицамъ и обществамъ. Во избѣжаніе безпрерывныхъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій, г. Рейтернъ призналъ болѣе полезнымъ фи-

нансовыя операціи правительства по содѣйствію къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ отнести на особые рессурсы, пополняемые займами, въ которыхъ правительство являлось лишь посредникомъ и поручителемъ между капиталистами и желѣзными дорогами. Очень скоро, однако, безконтрольность, допущенная въ операціяхъ желѣзнодорожнаго фонда, съ одной стороны запутала его счеты, а съ другой—дозволила, подъ предлогомъ фонда, щедро производить для желѣзныхъ дорогъ милліонныя затраты въ надеждѣ покрыть ихъ впослѣдствіи будущими рессурсами фонда.

Такимъ образомъ, напримѣръ, до 6-го консолидированнаго займа около 160 милліоновъ рублей было издержано на желѣзныя дороги впередъ, а военное время не дозволяло думать о заключеніи новаго займа для погашенія подобнаго долга. Очевидно, что подобная система продолжаема быть не могла. Поэтому желѣзнодорожный фондъ — эту дойную корову для концессіонеровъ—г. Бунге упразднилъ, и по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ вернулся къ прежнему положенію, а именно: дороги должны по возможности жить собственными средствами, пособія для нихъ должны входить въ число сверхсмѣтныхъ экстраординарныхъ кредитовъ по государственной росписи, а при постройкѣ новыхъ дорогъ облигаціи должны выпускаться подъ обезпеченіе дѣйствительной имущественной стоимости дороги, а не подъ обезпеченіе общаго кредита государства. Этотъ кредитъ слѣдуетъ тщательно сберегать для операцій, необходимыхъ государственному казначейству.

Печальное положеніе нашихъ финансовъ: паденіе рубля ниже нормы самыхъ тяжелыхъ дней послѣдней войны; ожидаемый въ государственной росписи на 1887 г. дефицитъ въ 36 милл. руб., который по бывшимъ примѣрамъ могъ еще увеличиться при исполненіи бюджета, наконецъ отсрочка въ сооруженіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ, обратили на себя всеобщее вниманіе и слухи о необходимости существеннаго измѣненія финансовой системы начали настойчиво повторяться въ публикѣ. „Московскія Вѣдомости“

и „Гражданинъ“ писали статьи все болѣе и болѣе ожесточенныя. Даже „Новое Время“, которое было скорѣе на сторонѣ г. Бунге, выступило съ критикой его системы, доказывая, что всякаго рода финансовыя мѣропріятія, направленныя къ упроченію нашей валюты, расширенію торговыхъ связей, открытію для русскихъ бумагъ новыхъ денежныхъ рынковъ и пр., были оставлены и вся дѣятельность Министерства сосредоточилась будто бы на измышленіи новыхъ, по большей части мелкихъ обложеній и на распложеніи агентовъ фиска, причемъ для пополненія этихъ агентовъ обращались къ земскимъ и другимъ элементамъ весьма либеральнаго оттѣнка. Публика повторяла знаменитое: Plus ça change, plus c'est la même chose.

Финансовая система г. Бунге была основана въ главныхъ чертахъ на запискѣ, поданной еще въ 1880 г. Въ запискѣ предлагалось пріостановить разъ навсегда выпускъ кредитныхъ билетовъ, погасить часть ихъ, сфабрикованную для Восточной войны, уменьшить подушные налоги, составлявшіе въ разныхъ видахъ и наименованіяхъ до 200 милл. руб. въ годъ, уничтожить соляной налогъ и распутать отношенія правительства къ желѣзнымъ дорогамъ.

Часть этой программы, писало «Новое Время», была выполнена, хотя съ большими отступленіями отъ первоначальнаго предположенія. Въ нашихъ финансахъ соединеніемъ желѣзнодорожной и выкупной операцій съ государственнымъ бюджетомъ получалось болѣе ясности; но одна ясность еще не великое утѣшеніе. Полезно, конечно, знать, что положеніе вещей хуже, чѣмъ предполагали ранѣе, отъ запутанности счетоводства, но эта польза сокращается сознаніемъ, что мѣры, предпринимаемыя для улучшенія положенія, не приводятъ къ осязательнымъ результатамъ.

Объ этомъ можно бы написать многое, но достаточно одного примѣра. Колебанія курса и низкое его состояніе, вызывающія приплаты, которыхъ капитализація дала бы средство погасить всѣ излишніе кредитные билеты, привели къ извѣстному закону 1-го января 1881 года. Прошло, однако, шесть лѣтъ со времени изданія этого закона и курсъ нашъ гораздо хуже, чѣмъ былъ въ 1880 году. Оказывается, что законъ исполненъ лишь чисто формально, сокра-

тился долгъ казначейства Государственному Банку, т. е. одного казеннаго кармана другому. Въ дѣйствительности же билеты не погашались, а скоплялись въ кассахъ Банка, откуда при помощи Дворянскаго банка, почти половина ихъ снова пошла гулять по Россіи.

Другія реформы имѣли такое же несогласное съ первоначальной идеей осуществленіе. Финансовое вѣдомство признало, и не разъ высказывало, что необходимо, вопреки доказавшимъ свою несостоятельность фритредерскимъ теоріямъ, держаться системы покровительства отечественной промышленности. Тарифъ, однако, переработанъ не былъ, многія первоклассныя отрасли промышленности, какъ, напримѣръ, желѣзная, продолжаютъ жаловаться, между тѣмъ таможенныя пошлины отчасти огульнымъ повышеніемъ, отчасти неумѣлыми разъясненіями доведены до смѣшного. Кто повѣритъ, напримѣръ, что корзинки, съ которыми кухарки ходятъ на базаръ, обложены у насъ по 1 р. 10 к. золотомъ съ фунта! Какую, спрашивается, промышленность ограждаетъ подобное высокое обложеніе, а рядомъ съ этимъ наложены тягостныя и вредныя для торговли и заграничныхъ морскихъ сношеній пошлины на чай, виноградъ, вино, деревянное масло и т. п.

Но наиболѣе неудовлетворительною оказалась финансовая система по отношенію къ изысканію налоговъ. Торопясь въ отмѣнѣ налоговъ, которые были хотя и дурны, но къ которымъ привыкли и которые, выражаясь научно, были «переложены», т. е. вошли въ цѣны труда и товаровъ соотвѣтствующими долями, наши финансисты поспѣшно изыскивали новыя статьи обложенія. Какъ у Эмиля де-Жирардена было каждый день по одной великой идеѣ, такъ у насъ чуть не каждый день изобрѣталось по новому налогу безъ всякаго соображенія съ бытомъ народа, съ его историческими условіями и даже съ финансовой наукой.

Недавно эта торопливость блистательно себя проявила въ обсужденіи налога на нефть. Министерство Финансовъ вызвало съ отдаленныхъ концовъ Россіи разныхъ лицъ для обсужденія означеннаго налога; когда же эти эксперты собрались въ засѣданіе, то оказалось, что у Министерства никакого проекта не имѣется, что его представители смѣшиваютъ понятіе объ акцизѣ съ потребленія съ понятіемъ о горной подати. Оказалось, что кто-то изъ нефтепромышленниковъ просилъ о налогѣ, но этотъ любитель податей скромно скрылъ свое имя. Министерство же приняло его просьбу, ибо нефть товаръ дешевый и распространенный.—«Нельзя же облагать нало-

гомъ все, что встрѣтишь па улицѣ», весьма резонно замѣтилъ по этому поводу профессоръ Менделѣевъ.—«И сапоги предметъ дешевый и распространенный, нигдѣ, однако, нѣтъ акциза съ сапоговъ», не менѣе резонно возразилъ другой оппонентъ.

Тягости новыхъ налоговъ не однѣ плодили неудовольствіе. Нѣкоторые другіе проекты г. Бунге вызывали ожесточенную полемику не только въ печати, но и въ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Таковъ былъ проектъ устройства русскими и американскими капиталистами общества съ громаднымъ капиталомъ для постройки въ Россіи элеваторовъ съ выдачею варрантовъ и ссудъ подъ товары и проектъ нормировки па два года свекло-сахарнаго производства. Оба эти проекта, по нашему мнѣнію весьма дѣльные, имѣли горячихъ сторонниковъ, еще болѣе горячихъ противниковъ, возбуждали умы, обсуждались въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ и не только не прошли, но дали случай всѣмъ многочисленнымъ противникамъ г. Бунге ополчиться на него. Очень много враговъ министру финансовъ создала система, положенная г. Картавцевымъ въ управленіи казенными кредитными учрежденіями. Завѣдывая одновременно и Дворянскимъ, и Крестьянскимъ банкомъ, г. Картавцевъ нѣжную заботливость приложилъ особенно къ послѣднему и задачею банковъ положилъ демократизацію поземельной собственности, за что вся радикальная печать воспѣвала его на всѣ лады.

Относительно финансовыхъ реформъ у г. Бунге возникла весьма любопытная въ своемъ родѣ полемика съ г. Смирновымъ въ видѣ брошюръ, напечатанныхъ и розданныхъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Объ этой полемикѣ двухъ государственныхъ людей мы говорили уже въ другомъ мѣстѣ („Современная Россія“, т. II).

Весь вопросъ, кромѣ отдѣльныхъ указаній по второстепеннымъ вопросамъ, сводился къ тому, что было причиною замѣтнаго ухудшенія положенія нашихъ финансовъ? Г. Смирновъ видѣлъ въ этомъ прямой результатъ неудачной финансовой системы послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ,

недостатки которой финансовое управленіе г. Бунге хотя и сознавало, но отъ которой вполнѣ отрѣшиться не могло. Г. Бунге доказывалъ, что вся бѣда—въ политикѣ, въ войнахъ, въ которыя была вовлечена Россія, въ обширныхъ вооруженіяхъ и непосильныхъ для такой бѣдной страны расходахъ на военное и морское вѣдомства. Онъ признавалъ ошибки финансоваго управленія, но объяснялъ ихъ необходимостью и неизбѣжностью, частью вліяніемъ дореформеннаго финансоваго управленія.

Можно, кажется, безошибочно сказать, что обѣ стороны были правы и неправы; доля истины заключалась и въ томъ, и въ другомъ объясненіи, ибо государственная жизнь настолько сложна, что трудно подводить ея многосторонніе фазисы къ одному какому либо рѣшенію. Политика и экономія одинаково виноваты въ ухудшеніи нашего финансоваго положенія. Но г. Смирновъ неосновательно отождествлялъ финансовую систему г. Бунге съ системою его предшественниковъ. Мы видимъ, что онъ, напротивъ, исправилъ многія ошибки, сдѣланныя при Брокѣ, Княжевичѣ и отчасти при г. Рейтернѣ. Самое стремленіе его къ введенію новыхъ налоговъ было основано на вѣрномъ принципѣ, что прежде всего надобно во что бы ни стало достигнуть равновѣсія доходовъ съ расходами. Поэтому и преемникъ г. Бунге не только не отмѣнилъ введенные послѣднимъ налоги, но прибавилъ новые.

Слухъ о принятіи просьбы объ отставкѣ г. Бунге (1-го января 1887 г.), понятно, въ рядахъ всѣхъ его противниковъ произвелъ огромное впечатлѣніе и нескрываемую радость, которая, однако, была весьма и весьма умѣрена извѣстіемъ, что увольненіе послужило только для повышенія г. Бунге на важный постъ предсѣдателя Комитета Министровъ.

Новое назначеніе можно было считать весьма подходящимъ для г. Бунге. Комитетъ Министровъ одно изъ полезнѣйшихъ учрежденій нашихъ, безъ котораго остановилась бы всякая законодательная дѣятельность въ Россіи;

тамъ же разсматриваются главнымъ образомъ желѣзнодорожные вопросы. Слѣдовательно, энергія и познанія бывшаго министра финансовъ нашли себѣ достаточно пищи. Съ другой стороны, проекты, исходящіе отъ новаго министра финансовъ, И. А. Вышнеградскаго, встрѣчаютъ при разсмотрѣніи своемъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ двухъ такихъ компетентныхъ судей, каковы г. Бунге — въ Комитетѣ Министровъ и г. Абаза — въ Государственномъ Совѣтѣ и, конечно, оцѣниваются строже и обстоятельнѣе, чѣмъ до сихъ поръ оцѣнивались въ Россіи какія либо финансовыя предположенія.

конецъ.

Хелм

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ:

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ

ОЧЕРКИ НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

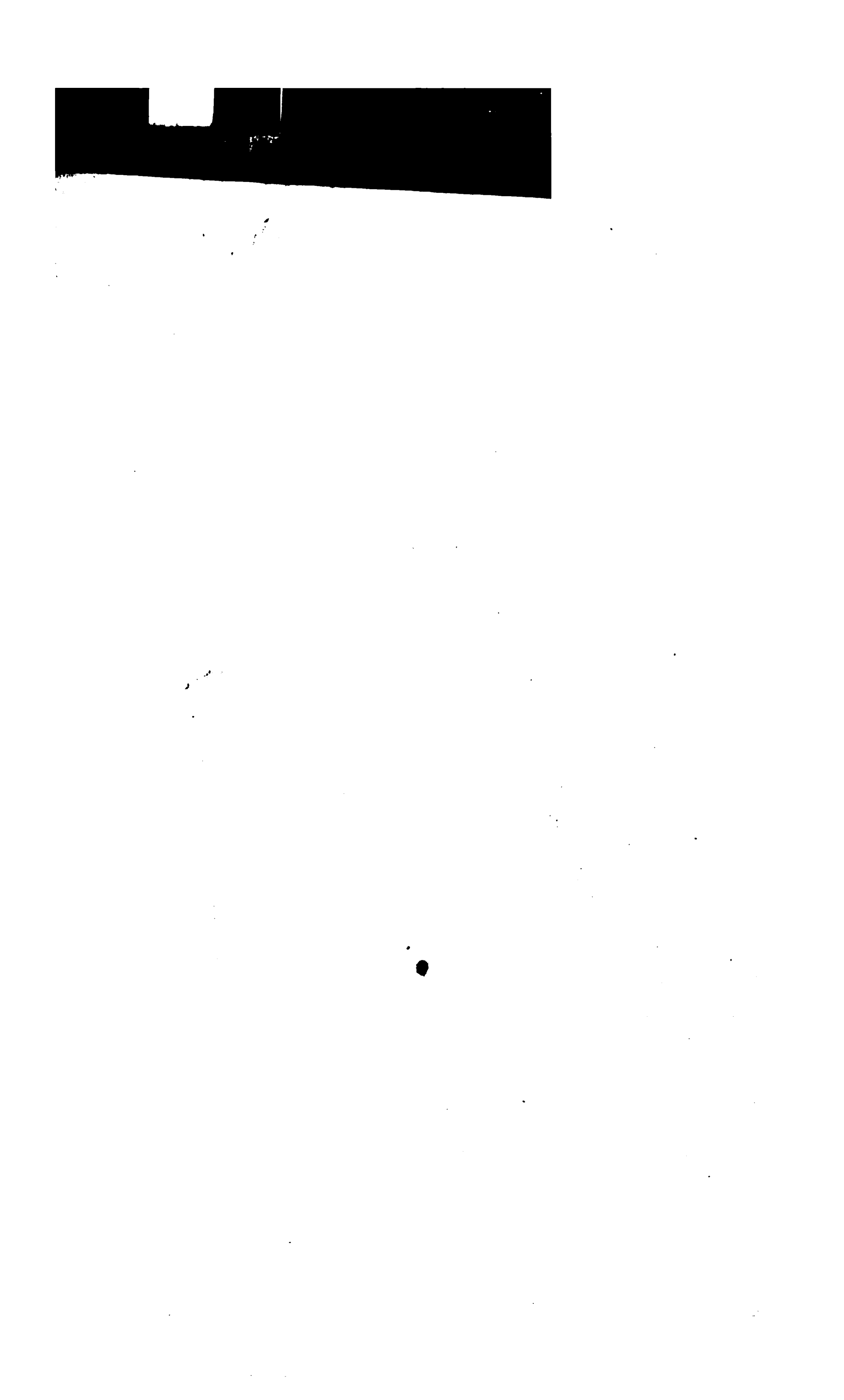
Третье изданіе

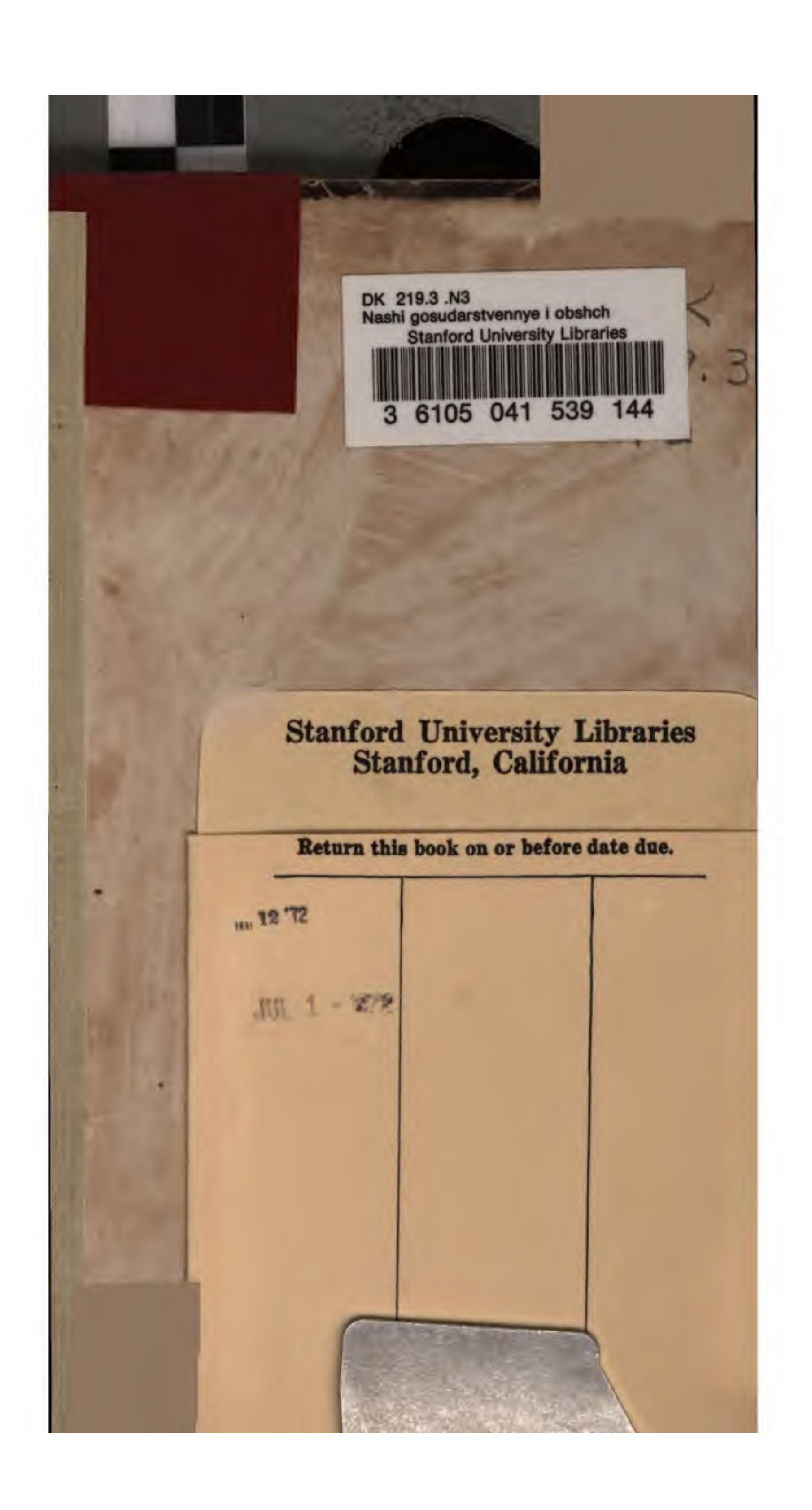
Цѣна за 2 тома 2 руб. 50 коп.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ОТНОШЕНІЯ РОССІИ

КЪ ИНОСТРАННЫМЪ ДЕРЖАВАМЪ




DK 219.3 .N3
Nashi gosudarstvennye i obshch
Stanford University Libraries
3 6105 041 539 144
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
12 '72
JUL 1 - 1972